Знаменитая сага популярной американской писательницы

Джулиан МЭЙ

ИЗГНАНИЕ ИОЦЕН

Враг

Джулиан Мэй

Аннотация
Джулиан Мэй. Враг
ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ
ПРОЛОГ ВТОРОЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОГЛОЩЕНИЕ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЭПИЦЕНТРУ
1
2
3
4
5

6
7
8
9
10
11
12
13
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИХОД МРАКА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕ И D-ПЕРЕХОДА

Аннотация

Лидер группы заговорщиков, поднявших в 2083 году восстание против Галактического Содружества, Марк Ремилард одержим идеей создания «ментального человека». Он пытается помешать детям мятежников построить «врата времени» и вернуться в XXI век. На Многоцветной Земле фирвулаги выступают против Эйкена Драма. Разгорается борьба, предвещающая приход Мрака...

Джулиан Мэй
Враг

Трем замечательным, все понимающим «пьянчужкам» – маме – Джулии Фейлен Мэй, учительнице – Норме Ольсен, соседке – Рут Девис с благодарностью

Вдовец печальный, безутешный, принц Аквитанский я…
Разрушенная башня предо мною.
С ней рухнула надежда – звезда моя мертва;
И лалами украшенная лютня рождает звуки.
То гимн немому солнцу – Меланхолией зовут его.
Оно – черно!..
Запекся королевы поцелуй на лбу моем;
В том гроте, обитель где сирены сладкогласной,
Я вижу сны…
Ликующий, я дважды Ахерон одолевал…

Жерар де Нереаль. El Desdichado

Логи:

Не ведая о том, спешат они к могиле,
Могучими себя воображая.
Участвовать в деяньях их постыдно!
Но вынужден – есть сила
В словах волшебных, в тайных их об-
рядах.
Когда зовут меня, обязан я явиться,
И я являюсь – в пламени и громах…
Слепцы, ведомые слепцами!
Как можете судить о Боге,
Подобном мне. Когда ваш каждый шаг
–
Движенье к пустоте.
Помочь вам?.. Идея неплохая…
И чем бы ни заняться, лишь бы
Руки приложить.

Рихард Вагнер. Золото Рейна

ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ

Свершилось!.. Никакой дар ясновидения не нужен там, где властвует железная логика и несокрушимая необходимость. «Чем здесь может помочь колдовство, — с грустью подумала Элизабет, — если столкновение между Эйкеном Драмом и Фелицией Лэндри не могло разрешиться иначе».

Последние отзвуки сильного, сотворенного мыслью удара рассеялись. Четверо наблюдателей в защитном невидимом шаре, созданном сознанием Минанана Еретика, затаили дыхание. Шар висел в небе Испании, над горной цепью; внизу расстилалась затянутая пеленой дыма долина реки Рио-Дженил.

Все было кончено!

Элизабет вздохнула.

— Фелиция погибла, — нарушил молчание Минанан.

— Да, если говорить о ее метапсихической силе и внешнем облике, — уклончиво заметил Крейн.

— Это ничего не доказывает, — пробормотал Главный Целитель Дионкет.

Элизабет колебалась — ее способность мысленно обозревать пространство была во много раз сильнее, чем у сопровождавших тану, тем не менее с такой большой высоты она не могла составить полную картину случившегося. Что-то ускользало, что-то не складывалось, но понять, что именно, на таком расстоянии было невозможно. Где Фелиция? Погребена под гигантским оползнем?

— Может, мы спустимся? Кажется, опасность миновала, — предложила Элизабет. — Надо рискнуть. Там, внизу, столько несчастных, нуждающихся в помощи…

Дионкет и Минанан переглянулись.

«Поставь самый надежный метапсихический барьер, брат», — мысленно предостерег Дионкет.

Шар, где находились наблюдатели, на мгновение исчез из поля зрения. Обнаружился он уже далеко внизу — вот его прозрачный бок блеснул сквозь клубы дыма, темной пеленой расстилающегося над полыхающими джунглями. Долина реки была выжжена полностью, огонь уже добрался до дремучих лесов на склонах гор. Камнепады и лавины перекрыли русло Рио-Дженил — кое-где из разлившейся реки торчали мачты кораблей флотилии Эйкена.

— Сколько храбрых воинов нашли свою смерть под этим оползнем, накрывшим поле сражения! — печально произнес Минанан. — Здесь и мой племянник Артигон, и Алутейн — Властелин Ремесел — да покоится их прах с миром. Алутейн никогда не отрекся бы от наших древних священных битв, даже если его сердце и не лежало к ним.

— Я вижу короля! — воскликнул Дионкет и воссоздал изображение в сознании своих спутников. Силой взрыва Эйкен был выброшен на каменистую косу ниже по течению Рио-Дженил. Он лежал в своем золотом костюме, сердце не билось, разум сжался в горестно вскрикивающий комок.

— Помогите ему. Ты и Крейн, — приказала Элизабет.

Тем временем волшебный шар коснулся плоской вершины огромной опаленной скалы, черным островом возвышавшейся над мутной, пенистой рекой. Вся растительность, с таким трудом прижившаяся на скале, была сожжена.

Элизабет с болью оглядела окрестности.

— Постарайтесь поддерживать в нем жизнь, пока я не вернусь. Прежде всего надо помочь тяжелораненым и умирающим. Думаю, мно-

гим удалось избежать гибели. Их тоже надо собрать. Организуйте помощь. Мы с Минананом присоединимся к вам… потом, когда я отыщу Фелицию.

В следующее мгновение Элизабет перешла на мысленное общение:

«Я должна найти это место. Метеором, вспыхнувшим и исчезнувшим из глаз человеческих, пала она на землю — я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю ее предсмертный крик. Ужас и раскаяние звучали в нем — никак не радость!»

— Минанан заявил, что монстр мертв. Возблагодарите богов! — вслух воскликнул Крейн. В отблесках полыхающего вокруг пожара его лицо как бы окаменело. — Что ж, Главный Целитель, прошу вас.

Подхваченные психокинетической волной, излученной Дионкетом, оба тану исчезли в дыму.

Тем временем наступил вечер. Солнце село. Элизабет и Минанан по-прежнему стояли на вершине опаленной скалы, когда-то брошенной на середину реки. Защитная сфера, образованная ментальными усилиями Минанана, исчезла. По Рио-Дженил неслись наполовину обгоревшие стволы вековых деревьев, вывернутых с корнем во время психоэнергетического удара,

погубившего безумную деву-воительницу. Переплетенные лианами, по водной поверхности плыли зеленые острова, покрыв русло сплошной волнующейся массой. То тут, то там виднелись обезьяны и другие экзотические животные, населявшие в ту эпоху девственные джунгли древней Арморики. От их пронзительных, тоскливых криков сжималось сердце.

Элизабет стояла с закрытыми глазами, мысленно она была далеко, взгляд ее бродил в недрах земли — она вкладывала в поиски остатки сил. Частицы пепла и сажи сыпались на ее волосы, на свободно ниспадающую тунику. Молчаливый Минанан, бородатый светловолосый богатырь, возвышался над ней. Он тоже был одет в свободную тунику, украшенную эмблемой. Под мышкой он держал похожий на куб с полуметровой гранью таинственный короб. Изготовленный из неизвестного материала, он невольно приковывал взор. Грани короба были украшены искусно нанесенными узорами, техника исполнения которых тоже весьма необычна — словно кружевное плетение из золотых и серебряных нитей брошено на матовые стенки короба. Что-то манящее, далекое, загадочно-непостижимое мерещилось в этих узорах. Как россыпь звезд в

чистом ночном небе, как лик спиралевидной галактики с расстояния в несколько тысяч световых лет… Это был дар Бреды, Супруги Корабля: странный аппарат, способный создавать защитное силовое поле, явленный перед изумленными взорами Элизабет и Минанана в знаменитой комнате без дверей.

Элизабет не жалела себя.

Тело в разбитых стеклянных доспехах медленно проплыло мимо скалистого островка, двигаясь в воздушном коконе. Отблески близкого пожара виделись в воде. Вот тревожный отсвет коснулся тела воина. Что это?! Она — женщина! Когда обожженная, израненная дева миновала скалистый обрыв, к вершине острова вознеслась ментальная мольба о помощи.

«Охотно, сестра, — откликнулась Элизабет. Ее мысленный голос услышали и многие другие, пострадавшие во время битвы в тот момент, когда король Эйкен нанес решающий удар. — Мужайтесь, помощь скоро придет к вам».

Элизабет продолжала поиск.

Действительно ли Фелиция погибла? Вспыхнула ярким пламенем в решающий момент битвы гигантов? И Куллукет Дознаватель вместе с ней? Ну-ка, переворошим в памяти события последних

дней. Расставим по порядку, сопоставим, найдем путеводную нить, следуя за которой мыслью можно проникнуть в суть происшедшего. Ясновидение — дар случая. И все равно способность эта, словно росток весной, зреет, набирается сил и плоды дает только при умелом взращивании. А не в точке ли повторного перевоплощения девы Фелиции сокрыта тайна ее нынешних несчастий? Именно в том, вневременном, внепространственном перемещении? Как все случилось? Эйкен Драм, не рожденный королем, в отчаянии вобрал в себя всю мощь, переданную ему по метаканалу… И тут Элизабет, словно откинув завесу обыденного, явного, воочию узрела жуткую картину слияния многих сознаний, вопль душ, неторопливое нарастание психической энергии, обретение ею формы, грозной, убийственно-неодолимой. Где-то сбоку поля зрения пронзительного мысленного взора Элизабет мелькнула дьявольская ухмылка Марка Ремиларда, подталкивающего Эйкена вобрать в себя еще больше мощи и только потом, наверняка, ударить ею через безвольный, не подвластный собственному хозяину разум Куллукета, «возлюбленного» Фелиции. От такого удара защиты нет.

Значит, она мертва?

Ответа не было. Другое явилось. Четко, осознанно. Пусть как ясновидящая она не очень опытна, пусть не в полной мере овладела своей неизмеримой проникающей силой, но промелькнувшую картину она осознала до конца, до самой последней мыслишки, пробежавшей в разуме Марка Ремиларда. Коварный план Ангела Бездны стал ясен ей, как родные письмена. С самого начала он рассчитывал столкнуть два великих разума — Эйкена и Фелиции, — угрожавших утверждению его воли. Его схемы! Вот еще раз зазмеилась перед мысленным взором Элизабет его коварная ухмылка. И как молния — прозрение! Видение сути — через гибель Эйкена и Фелиции он метил в нее, в третью силу! Боги, как же он презирает нас! Он, колдун, владеющий творящими чудеса машинами. Кудесник — раб техники, полагающийся исключительно на средство, а не на волю, не на свободное излияние души.

Итак, все дело в Куллукете, невольном передатчике вражеской силы. Он и есть ключ к пониманию случившегося. Что замышлял Марк в далекой Америке, на островке, прилепившемся к побережью Флориды, теперь ясно. Но что произошло здесь?

Женщина, с помощью особого приема отступив

во времени, внедрилась в сознание несчастного «возлюбленного» — уже совсем скоро должен произойти решительный удар Эйкена, всепожирающее пламя, крушение, гибель. С того предваряющего столкновение момента она и начала изучение. Элизабет различила, как в замке Эйкена накапливалась энергия, как раскалялось поле будущего ментального сражения; вот Фелиция еще способна уравновесить и синхронизировать прибывающий к Эйкену поток психоэнергии; вот где-то вдали нелепой, неотвратимой бедой изогнулась гигантская дуга d-перехода; вот черным-черно стало от ощущения неотвратимого, близкого конца, которым грозила «возлюбленному» приближающаяся битва.

Элизабет держала под контролем и мысли Фелиции, которая до последнего мгновения знала, чем грозит ей противостояние, но верила, что сможет избежать печального исхода и защитить Куллукета. Словно освещая эту мрачную картину предощущения битвы, вдали, за стеной мрака, грезился рассвет. Там рождался новый мир, там сияло солнце, в лучах которого возможное и невероятное сливались воедино.

Затем, с течением времени, Элизабет прочувствовала удар Эйкена. Мысль ее неожиданно

метнулась к не рожденному королем. Обрушив на Фелицию всю мощь разом, он погубил свои тело и душу. Но здесь появилась слабая надежда

— на то, что обе субстанции могут быть восстановлены. Элизабет была уверена. Труднее будет с телом Куллукета Дознавателя, «возлюбленного», которое было полностью трансформировано во время взрыва. Поняв свою неспособность противостоять действию враждебной силы, он еще пытался спасти Фелицию. Сам обратился в прах. А она? Если что и теплилось в мире, напоминающее о Фелиции и Куллукете, так только осколки их сознаний.

Что это? В глубине, под толщей сползшей в реку горы, там, где еще совсем недавно был проложен брод… Мелкий, по колено… Что там? Нечто зыбкое, невесомое, похожее на рубиновый кристалл, но необычно большой. И внутри кристалла свет, да-да, сердцевина раскалена добела!

«Я нашла Фелицию. — Элизабет открыла глаза, ее сознание теперь стало доступно Минанану. — И Куллукета тоже. Они слились».

«Элизабет, они живы?!»

«Взгляни сам. Их еще можно вернуть к жизни. Или погубить. Или заключить в темницу».

«Это за пределами моих возможностей».

«Но не моих. Я вижу их в виде огненного кокона».

«Всемогущая Тана! Ты — человек. Но Куллукет...»

«...Он зовет нас. Он изо всех сил цепляется за жизнь».

«Страдание бесконечно».

«Никаких признаков жизни, но они живы! Слились в каком-то псевдоединстве».

«Любовь-пародия! Подобное слияние ничего, кроме отвращения, вызвать не может».

«Минанан, ты никак не можешь понять сути проблемы. Они прокляты богами и обречены жить вместе, обречены быть духовными супругами, и сколько бы я ни пыталась спасти ее, без мысли о Нем, без Его помощи ничего не выйдет. Он как бы средоточие, жалость-центр, и, отказывая Ему в уважении, впрочем, как и Марку... О Боги, иногда мне кажется, я в сравнении...»

«Элизабет, твои мысли скачут, мне не угнаться».

«Знаю. Не вслушивайся в мои мысли».

«Не пытайся поднять других до своего уровня. Я всего-навсего простой воин, на меня пролился свет вашей мудрости. Рядом с тобой и Марком Аваддоном я не более чем ребенок. Если ты де-

лишь любой грех надвое и часть его принимаешь на себя, это за пределами моего понимания. Взваливай тяжесть на свои плечи… Я знаю только, что вина Куллукета слишком велика, даже часть ее способна придавить самого всесильного кудесника. Знаю, как он способен искушать, ведь он мой брат. Он был не похож на нас, рыцарей тану, не был похож на Алутейна и многих других достойных. Куллукету было дано изведать, где истина, но он всегда держался от нее подальше. Он высмеивал всякое правдивое, незамутненное выгодой слово, чужие заботы его не касались, он мечтал о смерти и боялся ее и в конце концов решил, что именно ему выпало олицетворить ее в нашем полуденном мире. Куллукет осужден за гордыню».

«Его осуждение ныне — это мольбы о помощи».

«Я скорблю о моем бедном брате, но оживлять его? Это безумие!»

«Я же скорблю о Фелиции. Ее не возродить, если не вернуть к жизни Куллукета».

«Одного поля ягоды. Нам более пристало помолиться о них, а потом спеть погребальную песню».

«Нет, я должна что-то сделать. Я не могу оста-

вить их в беде».

В сознании Элизабет беда всплывала густо-черным, вызывающим отвращение мазком. Бесформенное страшное пятно!

«О Боги! Я уверена, что мы допускаем ошибку».

«Сколько других страждущих, а мы почему-то решили помочь этим исчадиям ада… Вот почему ты решила вызвать комнату без дверей!»

«Да, комната настроена на зов моего сознания. Так поступила Бреда перед смертью. Однажды запрограммированная на волны, излучаемые мною, комната будет служить только мне. Ни Эйкену, ни Марку никогда не добраться до нее, понимаешь! Никто без моего ведома не сможет проникнуть в комнату, где в зародыше хранится будущая Двойственная Реальность. Никто! Под страхом смерти! Я спрячу в этом темном таинственном святилище останки Фелиции и Куллукета. Там им не будет страшен никакой огонь».

«Надолго?»

«Бог знает».

«Они там будут в безопасности?»

«Нет ни материальной, ни духовной силы, способной пробить брешь в этих стенах. Комната наделена несокрушимой прочностью, присущей

ей с момента создания, а ведь ее возраст исчисляется возрастом Земли. Она рождена в другой галактике. Это чудо сотворили твои предки, Миананан, много миллиардов лет тому назад».

«Значит, так называемая Двойственная Реальность способна защитить любого, кто окажется в ее стенах?»

«Не совсем так».

«?»

«Ты забываешь, что находящиеся внутри нее существа всегда вольны выйти оттуда».

«Но — как? Такого не может быть! Хотя раз ты утверждаешь, значит, так и есть. Комната без дверей к тому же способна вылечить их. Вот в этом ты, возможно, ошибаешься. Возродить-то она их, может, и возродит, только кого?»

«Но они же взывают о помощи!»

«Если ты их спасешь, мы постоянно будем находиться под угрозой».

«Послушай, мой друг. Великодушие и миролюбие не такие глупые вещи, какими кажутся. Я душой чувствую — хотя, может, мои ощущения навеяны мыслями Супруги Корабля, — что Многоцветную Землю спасет только душевная и духовная щедрость. Проще говоря — Добро».

«Подобные взгляды слишком опасны».

«Но в этом у меня нет сомнений».

«…Если ты оставишь здесь комнату, ты лишишься последней защиты. Любой негодяй сможет захватить тебя в плен. Черная Скала — ненадежное убежище».

«Хватит, Минанан. Лучше помоги мне. Воспользуйся своей психокинетической силой, вложи ее в меня. Я на мгновение постараюсь освободить Двойственную Реальность, помещу их внутрь, а ты воздвигни на этом месте гору. Пусть она будет служить ли надгробным памятником. Нам еще надо помочь Эйкену».

«Вылечив их, ты разбудишь жажду мести. Да и не рожденный королем тоже начнет строить заговоры».

«И тем не менее. Я слишком многим обязана ему. Тебе не понять, Минанан, — он взялся за работу, от которой я все время увиливали».

ПРОЛОГ ВТОРОЙ

Мужчина средних лет с тяжелой выступающей челюстью и прикрепленным к голове незаметным устройством, коренастый и широкоплечий, не спеша шел по саду, разбитому вокруг обсерватории. Из распахнутых окон доносился невеселый смех, кто-то иронично шутил. Собравшиеся в наблюдательном зале жители острова Окала, окружившие обессилевшего, странным образом заключенного в недрах церебрального генератора руководителя, пытались заставить его откликнуться. Разговор вертелся вокруг недавней битвы, потрясшей планету. Правда, в их репликах звучала какая-то холодность, необъяснимая отстраненность. Когда же кто-то упомянул о сбежавших с острова детях, все дружно, взахлеб, принялись осуждать предателей.

Человек в саду, услышав их слова, неожиданно пропел:

— Что толку в скитаньях бесполезных. — Голос его звучал сильно, чисто. Потом он подпустил лихую руладу: — Ди-да-да д'хум-дум-дум да-ха…

Человек — его звали Алекс Манион — мен-

тальным усилием подхватил погибшую птичку, лежавшую на золотистом песке аллеи, и бросил ее в тележку, словно собачка двигавшуюся за ним по пятам.

— О да, я совершенно уверен, они заблудились, — донесся до него убедительно рассуждающий баритон. — Мне до сих пор стыдно за них.

Напевая себе под нос, с той же идиотской улыбкой, Алекс вразвалку зашагал по дорожке.

Солнце перевалило за полдень. Сад вокруг обсерватории, где Марк Ремилард усердно изучал звезды, казалось, изнывал от зноя. Склоны лесистых холмов, водная гладь озера Серены как бы плыли в раскаленном воздухе. Однако здесь, под сенью гигантских плиоценовых деревьев, было на удивление прохладно. Странный мир открывался окрест — огромные цветы величиной с тарелку, насаженные на стебли метровой длины и толщиной с руку; величавые секвойи, между которыми стайками разбегались вековые дубы и грабы; избыток ароматов, затопивших это райское место. А бабочки! На посыпанной песком дорожке их, погибших, несказанной красоты, с крыльями в полметра, лежало великое множество. Алекс пренебрежительно сморщился — ничего особенного, обыкновенные хелико-

ньянс, подобных экземпляров в его коллекции уже более чем достаточно. Вот это да! — он присвистнул от восхищения, обнаружив на дорожке еще одну мертвую птицу, жертву управляемого защитного пояса, окружавшего обсерваторию. Замечательный образчик! Самец, цапля! Какое оперение, а вот и брачный хохолок!

Мысли медленно ворочались в затуманенном, контролируемом особым устройством мозгу Маниона. Он скосил глаза в сторону низкого барьера, где были расставлены бочкообразные чувствительные цилиндры — рентгеновские лазеры, охраняющие подступы к обсерватории. Алекс довольно осклабился — мимо них не проскочить! А что там светлеет? Боже мой, еще одна цапля — вон, валяется возле барьера. Теперь ясно, куда стремился самец — спасать подругу. Очень красивая птица! Алекс медленно, ментальным усилием раздвинул крылья. Бедные влюбленные! Недаром поется…

— Если сердце потерял ты, огрубел душой, — весело запел Манион, — то погибнешь непременно, как и до тебя все сводили счеты с жизнью. В том твоя вина.

Усилием мысли, не глядя в сторону погибшей цапли, он приподнял ее и перебросил в садовую

тележку.

— Умру я молча, и тогда… — продолжал распевать Манион.

«Алекс, немедленно иди сюда!»

Манион замер, потом повернулся и глянул в сторону озера.

— Бог мой, какая прелесть! — прошептал он. Крышка садовой тележки тем временем медленно приподнялась в воздухе и мягко плюхнулась на место. — Батюшки, синичка! Посмотри, посмотри, Алекс, — обратился он к самому себе, — какая прелесть. Вон сидит на иве.

«Быстрее, черт побери!»

— Ах, милая синичка…

Мысленной силы Джордана Крамера, обращавшегося к Маниону, зажавшей его сознание, оказалось недостаточно, чтобы принудить того к повиновению, и Джордан сменил программу на более умеренную, снабженную более ласковыми эпитетами и обращениями.

Манион раздвинул губы в идиотской ухмылке (зрелище было впечатляющее, если принять во внимание его отвисшую челюсть), сунул в специальные гнезда метлу и совок, потом мысленным усилием достал садовые ножницы и взял их в правую руку. Поднял высоко-высоко.

Лазеры не шевельнулись — по-видимому, энергия была отключена. Хорошо… Манион проводил взглядом стаю крупных бакланов, без всякого почтения миновавших купол обсерватории и направивших свой полет к озеру. Он махнул им вслед ножницами… Постоял, посмотрел в ту сторону… Потом с той же идиотской ухмылкой принялся обстригать с роскошной бамии увядшие соцветия. Чтобы было веселее, он затянул новую песенку:

Освободи меня, мой мальчик, От пылких и волнующих страстей.

Они лишают радости, печалят.

От них медлительность, болезнь…

И хуже нет бродить скромнягой.

Тем временем люди высыпали из обсерватории, разбрелись по саду. Облако невысказанных слов, поток летучих скомканных мыслей повис над ухоженными газонами.

«Этот чертов лицемер Стейнбреннер прикинулся такой овечкой, а сам, как привидение, отправился…»

«Правильнопопробуемводиночку холодную индейку — ап!»

«Подтвердитебыстробыстро!»

«Она правильно здесь да монстр Фелиция была

здесь вы действительно ага нет видели…»

«Лаура и Дорси получили благодарность от Кеога за подготовку телетранспортера».

«Подтверждаюподтверждаюдаюдаюдаю…»

«БОЖЕ БЛАНШАР УМЕР ТЫ ПОЧУВСТВОВАЛА ЧЕРТ С НИМ ЧТО ТАМ С МОНСТРОМ ФЕЛИЦИЕЙ ПОРАЗИВШЕЙ МАРКА КТО МОЖЕТ ЗНАТЬ ТРУДНОСТИ D-ПЕРЕХОДА…»

«Ребенок что о нем заткнись ты блядский идиот заткнись Марк Марк Марк заткнись заткнись…»

«Заткнитесь!»

«D-переход она могла использовать какую-то новую субстанцию и это был натуральный d-переход говорю я вам…»

«Молчать!»

«Дорди, ты можешь быть уверен».

«Нет, это был d-переход».

«Ты не посмеешь открыть правду, пока у нас не будет неопровержимых доказательств».

«Так вот почему они так поступили с Манионом».

«Гены. О Бог мой, гены!»

«Какие, к черту, гены. ДЕТИ, ВОТ ЧТО ВАЖНЕЕ ВСЕГО!»

«Даламбер Варшава Ван-Вик СТОЙ Все разом ШАГОМ МАРШ!»

«Дети должны знать вы не смеете задерживать меня чертов Марк чертовы гены вы все дьявольское отродье…»

«Стейнбреннер, когда снова сделаешь Маниона послушным, доложи Хелейн».

«ПОДТВЕРЖДАЮ!»

Погрузившись в раздумья, Алекс Манион неподвижно сидел среди гигантских орхидей. Два человека осторожно приблизились к нему — крупный, немного обрюзгший Джеф Стейнбреннер, суперзнахарь — скорее супершарлатан — насквозь пропахший адреналином, скольких детей погубивший, и хорошенькая Пэт Кастелайн — в ее серых глазах стояли слезы. Восхитительно! Манион, заметив их, запел:

Желаешь цапнуть кус побольше, Старайся сильным услужить.

Вертись, сражайся за местечко И о заслугах громогласно Труби на каждом перекрестке.

Иначе, милый, шансов нет!

Джеф и Пэт вдвоем бросились на Маниона. Первым же движением Джеф сорвал с его головы успокаивающее устройство. Алекс сразу забился в судорогах. Они с трудом удерживали его; Пэт поливала больного исцеляющим ментальным душем, а Стейнбреннер с большим напором,

причиняя сильную боль пациенту, вымораживал его воспоминания. Наконец сознание Алекса сжалось, смирилось, и он затих, повел себя спокойнее. Только тогда напавшие ослабили хватку, физическую и ментальную.

Дрожа и поеживаясь, Алекс усилием воли сбросил со своего тела их руки. По подбородку из прокушенного языка у него текла струйка крови. Он до такой степени ненавидел своих мучителей, что не мог сдержать злобной радости, когда почувствовал — «узрел?» — ту цель, ради которой они искали его. Он с размаху хлопнул себя по ляжкам, нижняя челюсть еще сильнее выдвинулась вперед.

— Что, Фелиция «накрыла» его? — выкрикнул он и захохотал. Ментальный удар, которым огрел его Стейнбреннер, не произвел никакого действия. Алекс буквально покатывался со смеху, показывая пальцем в сторону обсерватории.

— Пусть этот ублюдок изжарится вместе со своими дьявольскими машинами!

— Алекс, — попыталась вразумить его Пэт. — Это касается не только Марка. — Она взяла Маниона за руку — тот от удивления даже присмирел. Ее ладонь была холодна как лед, — и это в июньский полдень во Флориде! — Послушай, —

продолжала женщина, — нам всем грозит беда. Детям тоже. Метаканал действует до сих пор, какие-то мыслительные волны доходят до нас, но что там произошло, мы понять не в состоянии. Оуэн Бланшар погиб. И сын Ранчара Гатена, и Бог знает кто еще. Нам ничего не известно о Фелиции. Связь Марка с внешним миром оборвалась в момент d-перехода.

Несмотря на всю ненависть к этим людям, Манион теперь внимательно прислушивался к словам Пэт.

— Ее сознание, — спросил он, — оказалось способным генерировать настоящее ипсилон-поле? Усилием мозга?!

— Мы считаем, что именно так и случилось. Скорее всего… По-видимому, она воспроизвела себя точно над куполом обсерватории и нанесла мощный удар. Даже церебральные генераторы не смогли защитить Марка.

Манион захихикал.

— Вот здорово. Пренеприятнейшая неожиданность для нашего всеведущего Марка.

Пэт с помощью Джефа вытащила Алекса из зарослей орхидей и, поддерживая под локоть, повела к обсерватории. Человек двадцать — все бывшие повстанцы — стояли на крыльце и по-

сылали друг другу переполненные радостью импульсы… Чтобы взбодрить кровь.

Мысленный приказ Джефа прозвучал подобно раскату грома:

«А ну-ка, быстро по домам! Куда угодно, только подальше отсюда! Он жив, теперь мы позаботимся о его безопасности. Как только Диомид и Диерде доставят автоклав для регенерации клеток. А теперь валите отсюда!»

С едва слышным, тихим, как шорох листьев, мысленным шепотом люди разбрелись по саду.

Тем временем Манион окончательно успокоился — враждебность исчезла с лица, интересная задача захватила его. Интересная? Вдумайся, от кого она исходит? Эти люди мучают тебя. Так-то оно так, но проблема действительно интригующая.

Надо же, d-переход усилием воли! Вручную сотворить ипсилон-поле! Когда в последний раз мы пытались проверить такую возможность? В 2067 году. Да-да, вспоминаю, юноша, явившийся из одного из черных миров. Кажется, его звали Эндод. Точно, так и звали. Но он мог перемещаться не более чем на два километра, и мы…

Пэт перебила его:

— Пойди и проанализируй случившееся. Сядь

за компьютер. Крамер не смог распутать этот узелок, а нам крайне необходимо определить, каким образом Фелиции удалось так свободно переместиться в пространстве. Всем нам! — Ее тревога передалась Маниону. — Мы надеемся, что Марк еще жив. Возможно, он сохранил какую-то часть себя в недрах церебрального генератора. Но напрямую сканировать его память мы побоялись, а он на наши телепатические призывы не отвечает. И защиту мы не решаемся…

Манион кивнул. Он больше не улыбался, не изображал озлобленного идиота — даже челюсть как бы сама собой встала на место.

«Итак, вы утверждаете, что личность, заключенная в церебральном генераторе, — Марк Ремилард. Занятно».

Они вошли в обсерваторию в тот самый момент, когда Хелейн Стренгфорд наконец вытолкала оттуда Питера Даламбера и Ранчара Гатена. Следом за Патрицией и Алексом в просторный холл ввалился Джеф Стейнбреннер — в руках он держал успокоитель, снятый с головы Маниона. Хелейн сильным, истеричным ментальным окриком попыталась вытолкать и этих, по ее мнению, непрошеных гостей.

«Алекс, не вздумай помогать им! — Манион

вздрогнул, услышав мысленный вопль Хелейн. — Пусть он сдохнет со своим чертовым генератором. Тогда мы можем быть уверены, что дети не…»

Ее неслышимые крики неожиданно прекратились, на лице появилось недоумение. Наступила ментальная тишина. Это было так необычно! Патриция потянула Маниона за собой, они вошли в огромное темное помещение, прикрытое сверху гигантским куполом. Створки, закрывавшие окно в одном из его сегментов, плотно задвинуты. Здесь было темно и прохладно. Тихо. В зале для наблюдений остались только несколько руководителей восставших. В центре на движущейся по рельсам низкой платформе возвышался объемистый, с бочкообразными стенками цилиндр. Это и был церебральный генератор. С помощью специального подъемника генератор мог перемещаться по вертикали и изменять угол наклона центральной оси. Стенки его покрыты поблескивающей даже в тусклом свете, непрозрачной для мозговых телепатических волн металлокерамической броней.

Наконец Алекс освободился от опеки Патриции Кастелайн и приблизился к зловеще замершему церебральному генератору.

«Что, дружок, — мысленно спросил Алекс. — Ты

опять ошибся в расчетах, не так ли?»

Огромный экран дисплея и переговорное устройство, которые в обычных условиях обеспечивали устойчивую связь с оператором, управлявшим церебральным генератором, теперь были немы. Манион пробежал пальцами по клавиатуре и некоторое время пристально вглядывался в колонки цифр, появившиеся на экране. Затем он дал команду просчитать возможные варианты повреждения генератора, которые могут произойти в результате сканирования памяти церебрального генератора. Ничего определенного из совокупности всех данных выудить не удалось, кроме неоспоримого факта, что внутри генератора кто-то или что-то находится.

— Вы уверены, что там прячется именно Марк? — с недоброй лукавинкой спросил Алекс. — А если это девица Фелиция?

— Это все, чем ты способен нас порадовать, Алекс? — подал голос Джордан Крамер. Он вместе с Ван-Виком, который почему-то прятался у него за спиной, стоял возле шкафов, в которых располагался главный компьютер. Брат и сестра Кеог приволокли наконец какое-то устройство и под руководством доктора Варшавы принялись крепить его к платформе.

«Вы бы доверились мне. — Алекс легким издевательским ментальным щелчком прочистил мозги собравшимся руководителям поселения на острове Окала. — Марк больше не способен к разумным действиям. Когда я сказал ему об этом, он сделал из меня зомби».

Джерит Ван-Вик выступил из-за спины Крамера.

— У нас нет выбора, Алекс, — возразил он. — Ни моих способностей, ни Джорди недостаточно, чтобы проанализировать случившееся. Только ты можешь поведать нам, куда именно, в какую точку Европы переместилась Фелиция после того, как расправилась с Марком. Если она все еще здесь, — он указал пальцем на церебральный генератор, — если она действительно в каком-то смысле заменила собой Марка и мы по глупости или по незнанию откроем аппарат и выпустим ее, то она сотрет Окалу с лица Земли.

Манион не ответил, замурлыкал про себя что-то вроде «Привет от Ди-Ди», потом повернулся к экрану и нахмурился — на светящейся плоскости четко выделилась надпись: СОБЫТИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

— Кто бы там ни был, — предупредила Патриция, — не вздумай причинить ему вред. Если

из-за твоей ошибки или халатности Марк погибнет, я собственноручно разделаюсь с тобой. Понятно, Алекс?

— Возможно, я всю жизнь буду благодарен тебе за это, Пэт.

Крамер шагнул вперед, взял у Патриции микрофон.

— Алекс, мы все знаем, как сильно ты переживаешь за детей. Марк только хотел спасти их, отвратить от необдуманного поступка. Но нам неизвестно, смог ли он осуществить свой план. Без него у нас останется только одно — защитить «врата времени» от повторного открытия. Это скверное решение.

— Предположим, я обману вас, дам ложные сведения, — решительно заявил Алекс. — И тем временем выпущу из генератора Фелицию. Что же она с нами сделает! — Он засмеялся, нижняя челюсть выдвинулась вперед. — Во избежание такой ситуации я должен иметь надежные гарантии, что детям в любом случае будет оказана помощь.

Ужас, отвращение, рожденные сознаниями всех присутствующих здесь сообщников, волнами накатились на Маниона — потом постепенно затихли. Что было делать? Алекс единственный

специалист по динамическим психополям. Он и на этот раз возмутительно пренебрег общественным мнением, резко и бесповоротно осудившим безумную выходку детей. Посмел защититься ментальным экраном!

Ван-Вик, человек по натуре истеричный, готовый сорваться в любую секунду, не выдержал. Его мысленный вопль всплеснул под самый купол.

«Он может солгать! Может! Не верьте ему. Мы даже не заметим, как он и дети вновь вызовут злую фурию Фелицию!»

Манион печально взглянул на него.

— Заткнулся бы ты, Джерри! — слабым голосом попросил он, потом вырвал у Крамера микрофон и, обращаясь к компьютеру, заговорил быстро, почти не делая пауз между словами.

Собравшиеся в обсерватории люди покорно отступили назад. Напряжение спало, затеплилась надежда — все затаили дыхание. На плоском экране дисплея начали рождаться загадочные многоцветные фигуры. Они плавно обретали глубину, становились объемными, видоизменялись, некоторые начинали двигаться. Манион, увлеченный работой, принялся что-то насвистывать. Кажется, «Капитана из Пинафоры». Неожиданно он остановил картинку — изображение странно,

как бы на бегу, замерло. На полуслове. Теперь на экране светилось что-то математическое, замысловатое. Ментальным щелчком Алекс переправил этот образ в сознания Крамера и Ван-Вика.

— Ясно теперь? — спросил он. — Эх вы, потрясатели психопространства! D-переход подтвержден в единичном варианте, так же, как и возвращение объекта в исходную точку. Она как бы размазала себя по всей длине вектора. Словно резиновая лента. И затем прыжком вернулась назад. С ней, должно быть, покончено — перемодулированный чертов ящик, кажется, добил ее. Возможно, и маленького короля. Уровень выброса психической энергии достиг семи сотен единиц, сохрани их, Господи!

— У нас был как бы отзвук ментального события — слияния двух противоборствующих антагонистов, — заметила Корделия Варшава. — Информация достоверная.

— Ничего подобного! — возразил Манион. — Подобное явление невозможно в принципе. С моей точки зрения, чертова Фелиция погибла. — Он опять взял микрофон, стер найденную фигуру, олицетворяющую сложнейшее математическое выражение, затем вызвал на экран какую-то мат-

ричную таблицу, характеризующую параметры і-поля. В подобной системе мог работать только он, никто из присутствующих все равно ничего не понял.

— Эй ты, укрытый броней! — выкрикнул Манион. — Ты меня слышишь?

Экран чуть-чуть изменил цвет, тем самым подтверждая, что внутри церебрального генератора кто-то есть.

— Отзовись! Пусть эти олухи убедятся сами. Ввожу ЕК-идентификацию. Отзовись хотя бы ментальной последовательностью.

В переговорном устройстве раздался хруст или запинающийся треск. На экране беспорядочно замелькали полосы, потом компьютер выдал на экран:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ.

Патриция Кастелайн взяла микрофон.

— Марк, это Пэт. Ответь нам. Как хочешь. Можешь мысленно, можешь вслух. Нам крайне важно знать, действует ли твое сознание? Пожалуйста, ответь.

В стереодинамиках что-то зашуршало, словно ветерок пошевелил сухие опавшие листья. На экране высветилось:

ZH? IE? (ФОНЕМЫ ДВУСМЫСЛЕННЫ.)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ.

Доктор Варшава, подключившаяся к стоявшему у стенки терминалу, набрала на клавиатуре: «Нам необходимо более очевидное подтверждение».

— Марк, мы хотим помочь тебе, — сказала Пэт. — Откликнись!

Жужжание в динамиках сменилось шипением.

ZH? IE? SS? (ФОНЕМЫ ДВУСМЫСЛЕННЫ.) ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ.

— Спроси, как его зовут, — подсказала Варшава.

Словно говоря с маленьким ребенком, Пэт спросила:

— JE SU? SOO? SU? JE SUIS = Я ЕСТЬ. (Французско-американский диалект.) «Ton nom! Quel est ton nom, mon ange d'abime?» note 1 JE SUIS LE TENEBREUX = «Я САМ ЕСТЬ МРАК». (Метафорическое использование.) ПОЭМА «EL DESDICHADO» ЖЕРАРА ДЕ НЕРВАЛЯ (ПСЕВД. ЖЕРАРА ЛАБРЮНИ, 1808-1855).

— Боже мой! — воскликнула Пэт. В воздухе заскрежетал металлический голос. Внизу на экране неожиданно поплыли слова:

---

note notes: Note1

Твое имя! Как тебя зовут, Ангел Бездны? (фр.)

IMS POSITIVE: РЕМИЛАРД, МАРК КЕНДАЛЛ 3-602-437-121-015 М.

Ван-Вик зарыдал. Отвернулся Ранчар Гатен, пораженный увиденным. Диомид Кеог и его молчаливая сестра обменялись быстрыми ментальными взглядами со Стейнбреннером и указали на цилиндр.

JE SUIS LE TENEBREUX LE VEUF L'INCONSOLE LE PRINCE D'AQUITAINE A LA TOUR ABOLIE ABOLIE ABOLIE note 2 СИНДИЯ МОЙ БОГ СИНДИЯ НЕ СМЕЙ.

Алекс Манион рассмеялся. Патриция Кастелайн пронзительно закричала и выронила микрофон. Неожиданно высветившийся на экране бред прозвучал под куполом. Кто-то, сидевший в цилиндрической камере, начал торжественно вещать.

MA SEULE ETOILE EST MORTE! CYNDIA… MON LUTH CONSTELLE PORTE LE SOLEIL NOIR… J'AI DEUX FOIS VAINQUEUR TRAVERSE L'ACHERON note 3 РАДИ ПУСТОТЫ. СУКА МЕРТВА, ДЖЕК. ОНА

---

note notes: Note2

Я — мрачный безутешный вдовец, принц Аквитанский на башне Эболи (фр.)

note notes: Note3

Ведет меня одинокая звезда — смерть! Синдия… в моем созвездии горит черное солнце… (фр.)

«НАКРЫЛА» МЕНЯ, НО ОНА МЕРТВА!

Диомид Кеог осторожно поднял упавший микрофон. Он прервал радиотрансляцию — на экране по-прежнему горели бессмысленные фразы. Тяжелая крышка, прикрывавшая цилиндрическую камеру церебрального генератора и закрепленная тросами, неожиданно дрогнула. Щелкнули зажимы, и крышка с трудом повернулась на четверть оборота. Из образовавшейся щели просочилась жидкость, потекла по стенкам, затем полилась сплошным потоком. Сколько же там воды, поразился Манион, там любой может захлебнуться. Стейнбреннер выругался.

— Да сделай ты что-нибудь с чертовым колпаком! Осторожно! Бог знает, что там внутри.

Как только шлемообразная крышка была наконец поднята, из камеры выдвинулась голова операнта. Это был Марк Ремилард.

И хлынули образы.

Они разом затопили сознание всех присутствующих в полутемном зале: видения, звуки, чувства, запахи И вкусовые ощущения — мимолетные и путаные. Тут же ворвались воспоминания, перемешанные со странными галлюцинациями. И словно удары хлыста — страхи! До умопомешательства, до насилующей дрожи,

до экстатического транса!.. Жуть полнилась, разделялась на образы, плодила монстров... очеловечивалась в каких-то зыбких архетипах. Все новые лица выплывали из бессознательного — парами, стаями, вперемежку. Интенсивность увеличивалась. Форте! Фортиссимо!

«Марк, остановись! Пожалей!»

Потом наступила тишина.

Над краем металлокерамической стенки медленно всплыло лицо. Глубоко посаженные серые глаза были открыты — они горели как бы сами по себе и, только что рожденные, с удивлением разглядывали внезапно явившийся мир. Ниспадавшие седые пряди оголяли высокий лоб, на котором запеклись сгустки крови, сочившейся из узких разрезов, куда вставлялись электроды.

— Они все погибли, — неожиданно объявила голова, причем совершенно нормальным голосом.

(Образы: легкий снежок канун Рождества сани медная дощечка с надписью «Гора Вашингтон» сумрак нагоняемый разбушевавшимся бураном старик держащий на руках пушистую кошку.) Патриция приблизилась к цилиндру.

— Кто погиб? Фелиция и Эйкен Драм?

— Синдия, Джек, Даймон. — Знакомая легкая улыбка озарила возвышающуюся над металлоке-

рамическими стенками седовласую голову. Вдруг веки закрылись.

(Образы: бело-голубое то вплывающее то гаснущее пятно словно знак беды неслышный мысленный шепот все кончено Большой Брат теперь ты сам стол похож на тень адью дорогой Марк смолистый запах покрытой редким снежком сосны исчезающей вместе с гибнущими Покорителями Вселенной.)

— Легкая травма в затылочной части пониже левого уха, — сообщил Стейнбреннер. — Сонная артерия не задета. Кажется, защита выдержала. Необходимо срочно приготовить автоклав для восстановления биологических тканей. Диомид, просканируй внутренние органы.

— По-видимому, цереброзащитные экраны сработали, да и броня из металлокерамики оказалась надежной, — откликнулся Кеог. — Ничего более определенного сказать не могу. Возможно, все куда хуже, Джеф. Диерде говорит, что вся наружная поверхность тела — сплошная рана. Очень велика площадь ожогов. Ты слышал, он собирается сам составить программу своего омоложения. На этот раз прежняя не подойдет — слишком велики были нагрузки.

— Нам бы только вытащить его из чертова

панциря, — ответил Стейнбреннер, — и вы сами увидите.

— Прекратите спор, — неожиданно твердым и спокойным голосом произнес Марк. Он вновь открыл глаза.

(И следом по залу поплыл смолистый сосновый запах.) Стейнбреннер и Кеог замерли.

— Я перенес охлаждение… страшную боль… Когда меня вытащите из аппарата… обязательно надо выключить… чтобы излечить… Никаких побочных беспокойств… Но прежде всего я должен сказать…

— Нет, мы сначала поможем тебе! — нестройным хором закричали соратники. Манион поморщился.

— Сначала выслушайте. Наш эксперимент… можно считать удавшимся. Фелиция погибла. К несчастью, Эйкен Драм еще дышит, но он теперь не опасен. Не сомневаюсь, что тамошние целители в конце концов поставят его на ноги, впрочем, так же как и меня…

— Что с тобой произошло? — спросила Патриция.

(И снова образы: высоко в небе материализовалась сверкающая женская фигурка, полыхнула оттуда астральным огнем. Возникли очертания

тела Марка, защищенного слоем брони, охлаждающими системами. В какое-то мгновение пламя адской силы охватило цилиндр, огонь начал проникать сквозь герметически закрытую крышку, жечь заключенное внутри человеческое тело. Охлажденная кровь и особые химические средства надежно сберегли внутренние органы, скелет, мышцы. Волшебное ожерелье женщины-монстра еще раз полыхнуло огнем, обжигая незащищенную кожу. Огонь местами проник в глубину на четыре миллиметра, пытаясь полностью разрушить конечности и гениталии. Затем вражеская сила, не в состоянии окончательно разделаться с противником, исчезла из цилиндра.)

— Наследственный аппарат?

— В порядке. Не беспокойтесь. Три месяца в автоклаве, и я стану как новенький.

— Мозг!

— Я отклонил свой ментальный поток, сосредоточил его в одном месте, где бы она не смогла разрушить личностное сознание. Мозг удалось сохранить… в большей части. Даже изловчился и нанес ответный удар. Весь эпизод занял меньше полсекунды. К счастью, удар был смягчен доспехами. До того момента и даже во время появления

этой суки я участвовал в метаобщении, пока мы не нанесли решающий удар. Затем… отклонил поток энергии, чтобы защититься.

Глаза Марка неожиданно выкатились из орбит. Слушатели вздрогнули, словно предчувствуя новый приступ боли, который поразил его тело, но Марк оказался твердым орешком.

— Не волнуйтесь! Даже если что и случилось… конечно, неприятно… надо же… сумела овладеть d-переходом… Откуда у ведьмы сил хватило! Я просчитал вероятности… Когда поправлюсь, покажу расчеты. Тем не менее все должны быть готовы к походу в Европу. Джерри и Питер, я полагаюсь на вас и ваших людей… вы должны отремонтировать генератор. Демонтируйте все основные части… аккумуляторы энергии, центральный компьютер, системы стабилизации и наведения, бронезащиту… одним словом, все… Салваж «Кулликки»… смонтируй установку на борту… Используйте легкие экраны, чтобы ни дети, ни Эйкен Драм даже с помощью ясновидения не смогли нас обнаружить. Мой план… заключается в следующем… надо разрушить стратиграфическую последовательность геологических пластов в том… месте, где расположены «врата времени»… так мы обеспечим выход

геомагнитной энергии и… создадим вокруг тауполе. Преимущество плана… мы не вступаем в конфронтацию ни с детьми… лоб в лоб, ни с Эйкеном… Такое решение вполне… надежно… Больше говорить не в состоянии… Доверьтесь мне…

— Да, Марк, — ответила Патриция.

Опять улыбка, щедрая, многообещающая… (сосны, сосны, сосны). И боль…

Вдруг Марк заговорил снова, громко и четко. Обратился он к Патриции Кастелайн.

— Обеспечь тщательное наблюдение за моим телом, когда поместите в автоклав. Всем известно, что более капризной и вздорной штуковины, чем этот аппарат, на свете не найти. Не хочу проснуться с лишним пальцем на руке или ноге… или еще где-нибудь.

— Обязательно, — прошептала Пэт. Голос ее сел от умиления. — Теперь позволь нам вытащить тебя. Потерпи, Марк.

Соснабольсоснабольсобольсноваболь.

(Образ: мальчуган сдирает с подушки наволочку пытается взглянуть на розовое вспененное заполнившее внутренности подушки мама он всегда прав папа плохо поступил да дорогой плохо плохо плохо…)

— Заранее благодарю, Пэт. Теперь я должен

остаться один. О'ревуар. — Его глаза закрылись. Угасла и ментальная сила.

Марк Ремилард снова провалился в бездну.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОГЛОЩЕНИЕ

1

Густой туман плотной завесой покрыл побережье на многие мили, окрасил все вокруг в серовато-стальные печальные тона. Словно живое существо, голубовато-жемчужная влажная взвесь не спеша, упорно рождала новый мир, новые формы — что-то подобное руслу реки, нагромождению валунов, лесным чащобам. Взглянешь на это белесое море и замрешь от неожиданности — вот выплывает надгробный камень, вот затаилась серая мышь, дальше раскинулась потерявшая четкость паутина, все серое-серое. Проходит минута, и как озарение возникает вопрос: почему в конце августа туман? Следом ясное понимание смысла подобного чуда — скопления плачущей воды. Не знак ли отчаяния явлен нам? Или рождения надежды? То был день Великой Битвы, в которой суждено было пасть достойному. Кое-кто с благоговением приговаривал: не воплотился ли сам бесстрашный Однорукий Воин в белесое траурное месиво, не обратилась ли горсть пепла, что осталась от него, в пары воды, не плач ли это по самому себе, не похороны ли?

Менее впечатлительные, практичные люди возразили бы — что за нелепые поэтические вольности! О какой тризне может идти речь! Это всего-навсего метеорологический феномен. Причудливый, необычный? Бесспорно. Только стоит ли теперь, после Великого Потопа, насытившего Пустое Море, чему-либо удивляться?!

Ах, эти скептики, трезвомыслящие знатоки! Пусть их! Просто этим людям не довелось присутствовать при легендарном единоборстве, они не принимали участия в Великой Битве на подступах к Стеклянному Замку.

Туман, покрывший Арморику, пролив Редон и захвативший краем мрачные топи Парижской низины, медленно сносило к югу — от диких джунглей Верхнего Лаара к болотам Бордо и Аквитанскому заливу. Справа оставались лесистые Вогезы, горы Юры, пологие холмы Верхней Гельвеции. К полудню фронт облаков покрыл Кантабрию и полностью затопил Центральный Конейн. Удивительно, но по мере движения к югу туман становился все более плотным, теперь он полностью скрыл от глаз горы Сьерра-Морена, просочился к устью Гвадалквивира, и только заснеженные вершины хребта Бетик немного замедлили его движение. Туман плотно обложил

склоны высочайших вершин Бетика — Велету, Алькобабу и сверкающий на солнце пик Муласен.

Здесь, теряя силу и становясь все тоньше, туманное покрывало еще скрывало солнце и пролилось дождем на буйные леса в горных долинах, северные предгорья и широкие степи Южного Конейна, где стада плиоценовых травоядных в страхе сбились на высотах. С тревогой принюхивались они к водопаду, низвергнувшемуся с небес, вслушивались в поминальные пляски тяжелых дождевых капель. Страшно и печально было стоять на вершинах холмов, бок о бок с мокрым, тоже покрытым шерстью собратом.

В этот день король одержал величайшую победу.

Это был день гибели королевы Мерси и Нодан-на Стратега.

К вечеру король добрался до своего замка. Слуги доставили трофеи.

Рыцари и вассалы короля встретили его радостными криками. Они требовали назначения триумфального шествия, однако, к всеобщему удивлению, король был мрачен и молчалив. Когда он бросил на брусчатку широкой крепостной площади серебряную механическую руку, при-

надлежавшую Ноданну, на площади наступила тишина. Что-то случилось с королем во время этой битвы — необычно пуст был его взор, бессловесны мысли. Все решили, что победа далась дорогой ценой. Не пострадало ли его сознание?

Стоявшие возле короля герои Блейн и Альборан попытались привести его в чувство, обратить внимание на ликовавшую толпу, просили приветствовать победителей, однако Эйкен Драм остался глух к их уговорам. Отказался он и проследовать в королевскую спальню (только много позже соратники узнали, в чем была причина подобного поведения).

— Господин, позвольте предложить вам мои покои, — произнес Блейн. — Там моя супруга, Сладкоголосая Тирон, поможет вам залечить раны.

Король, ни слова не говоря, покорно направился в сторону личных апартаментов Блейна. Так же тих и задумчив он был, когда верные вассалы сняли с него заговоренные стеклянные доспехи и уложили на узкую кровать в скудно обставленной комнатушке. Открытых ран на теле властелина не было видно, однако его дух, несомненно, был поколеблен. Не спас и ментальный щит. Сознание короля оказалось на грани

срыва. Он погружался в сумерки безумия.

— Что случилось? — робко спросила напуганная Тирон. Ей никто не ответил. Тогда женщина обратилась к королю: — Ваше величество, я могу оказать вам помощь только в том случае, если вы поделитесь со мной хотя бы частью того, что вам пришлось испытать. Вам надо поведать, когда и как охватило вас это обессиливающее оцепенение.

В ответ король лишь отрицательно покачал головой.

Тирон бессильно развела руками, потом еще раз обратились к королю:

— Может, вас оставить одного? Если мы не в состоянии облегчить ваши страдания.

— Мне ничего не надо, — наконец нарушил свое молчание король, — лучше позаботьтесь о наших людях. Проследите, чтобы местность была полностью очищена от трупов и раненых. Всем оказать помощь. Я пока отдохну здесь. Когда истечет двадцать одна сотня часов, займусь пленными. Лично. Передайте нашим союзникам, чтобы они были готовы.

— Ну, это может подождать, — возразил Альборан.

— Ни в коем случае, — решительно заявил

король.

Все трое склонили головы.

— Я буду у дверей, — вступила в разговор Тирон. — Если вам что-нибудь понадобится…

Король улыбнулся ей.

— Это было бы замечательно, но, к сожалению, двое из них не позволят мне… воспользоваться вашими услугами.

Никто ничего не понял, однако это были слова их короля, он одержал победу, и они обязаны с должным уважением относиться к каждому его слову. Затем все вышли.

Эйкен Драм остался один.

Длинный караван, отправленный из Сейзораска в помощь гарнизону небольшой крепости Барделаск, не спеша полз по Большой Южной дороге — двадцать груженных боевой техникой повозок, контрабандой переправленных в эпоху плиоцена из далекого будущего. Охраняли его двести рыцарей тану, столько же людей, принадлежащих к личной гвардии короля, — все они были в золотых торквесах, — сопровождали колонну. Прибавьте к ним полтысячи тяжеловооруженных пехотинцев в серых торквесах, возниц, лакеев, обслуживающий персонал. Вереницей растянулись они на многие мили. К

сожалению, чувствовалось отсутствие опытных ясновидцев (даже многие обладатели золотых торквесов были лишены этого дара, в большинстве своем они получили свои знаки отличия не за телепатические способности, а за верность королю). Те же, кто владел даром ясновидения, мог использовать его только на расстоянии не более двух метров. Этого было совершенно недостаточно ни для того, чтобы предвидеть встречу с друзьями и союзниками, ни для защиты драгоценного груза, тем более что в это туманное утро повозки растянулись вдоль дороги, разбились на группы, которые охранялись отдельными отрядами. Конечно, сбиваться в кучу тоже не имело смысла — тогда невозможно было бы растащить и утихомирить свору сторожевых медведесобак. Растягиваться при плохой видимости тоже крайне опасно.

Кстати, о животных — после Сейзораска медведесобаки вели себя очень беспокойно, пускали слюну, вращали огромными, золотистого цвета зрачками, не слушались мысленных приказов проводников, никак не могли найти свои места в строю.

— Что-то мне не по себе, — признался Йошимитсу Ватанабе, охранявший одну из повозок в

середине каравана, — в воздухе словно грозой попахивает. Еще этот чертов туман! От него просто какое-то излучение исходит. Тревожно на душе… В Колорадо у меня был пес Акита — сорок пять килограммов! Замечательный пес. Я обучил его носить груз на спине — мы забирались с ним в скалы. Так вот, он себя так же вел, когда погода начинала портиться. Помню, я внимательно слушал старого Ину, когда тот объяснял мне, как выбраться из поднебесной страны.

— Эгей, — присвистнул рыжий, весь в конопушках возница Джим Куигли, — ты что, намекаешь, что скоро грянет буря?

Повозка у Джима была замечательная — прочная, с огромными колесами, мощной подвеской, оснащенная инфракрасными приборами ночного видения. Парень он был неплохой, вот только нос крючком — люди с такими носами всегда немного подозрительны, считал Йош, — однако голос у Джима, усиленный серым торквесом, звучал на удивление ясно и весело. Так говорить мог только хороший человек — вот и разберись, вздохнул самурай.

— Буря, говоришь. — Йош пожал плечами. — Тебе виднее. Я не так давно в плиоцене, а ты местный.

— По сравнению с этими болотами парижские топи сущие пустяки, — убежденно заявил Джим. — Правда, есть еще страшные места — пустынные холмы, например, те, что над Роной. Или джунгли. Вот уж где сущий ад, особенно если внезапно ударят морозы. А насчет предчувствий — кто его знает. Я этим штучкам… — Он примолк, по-видимому, не желая развивать дальше тему, потом сказал: — Да, туман плотный, и не ко времени. Может, в этом году сезон дождей раньше начался?

— Как раз в дождях-то мы меньше всего нуждаемся, — проворчал другой сопровождающий, литовец Вилкас. Он скакал на высоком выносливом халике. — Это что, игрушки — волочить все это чертово снаряжение из Гории, да еще по разбитой дороге. К тому времени, как мы доберемся до Барделаска, всяческая жуть, что появляется здесь в сезон дождей, так расплодится, что спасу от них не будет. Как тараканы в куче мусора! Мне уже приходилось встречаться с подобными тварями. За каждым кустом тогда будет фирвулаг торчать. План у них куда как прост — сначала разделаться с маленькими городками. Потому они и напали на Бураск и наградили испепеляющим огнем предателей-ревунов. Ко-

гда маленькие городки падут, они поднимутся в поход против сильных крепостей, таких, как Рония. А его высочайшее сиятельство будут все это время сражаться со своими.

— Да ну тебя, Вилкас! — Джим вскинул брови. — Кто нас послал в поход? Король. Разве не так? Доставим мы инфракрасный прибор дальновидения в Барделаск, разгоним духов — им тогда уж не удастся незаметно подкрасться под защитой экранов-иллюзий. А что в других повозках? Такое оружие, что любо-дорого! Оно предназначено для людей леди Армиды. Так что король — он обо всей стране думает. Запомни мои слова: когда мы установим все наши орудия, свора Фаморела не посмеет сунуть нос за пределы Альп. Разве я не прав, шеф?

— Да, именно такой стратегии придерживается король Эйкен-Луганн. — Йош нахмурился, подогнал поближе к повозке своего халика. Грудь самурая согревал золотой торквес, упрятанный под латы, несколько звеньев которого, украшенные старинной гравировкой в древнем японском духе, выглядывали из-под плаща. Какое-то время он ехал молча, прислушиваясь к разговорам, долетавшим из строя рыцарей тану, сопровождавших колонну. Что-то их очень обеспокоило.

Но что? Из их перешептываний ничего нельзя было понять.

Тем временем Вилкас продолжал жаловаться на судьбу. На его лице застыло горькое, обиженное выражение.

— Если короля так заботит безопасность Барделаска, что же он не доставит эти штуки в город на своей летающей лодке? Или послал бы своего жирнягу Салливана Танна! А то погнали нас! Три недели без продыха тащись по непролазным дебрям!

— Ну, с инфракрасным прибором защитники Барделаска могут спать спокойно. Йоши-сан быстро его наладит, — бодро заявил конопатый Джим. — Без него, без лордов Анкета или Раймо, никто не сможет пустить его в ход. Тпру-у-у!

«Йоши, осторожнее! — в сознании самурая прозвучал голос лорда Анкета.

— Медведесобаки-амфицион совсем взбесились. Может, саблезубых тигров учуяли или фирвулагов. Только Тана знает, что с ними происходит!..»

— Смотри в оба! — крикнул самурай своим спутникам, и в тот же момент Вилкас, крепко выругавшись, резко осадил своего халика. Что-то темное, огромное мелькнуло в тумане — медве-

десобаки из сторожевой своры. Вырвались, что ли?! Вилкас направил туда своего скакуна, и амфицион, чтобы избежать когтистых ног халика, на котором восседал литовец, спрятался под днищем повозки. Еще два зверя, завывая и неуклюже перебирая короткими задними лапами, устремились туда же со стороны Йоша. Шум — крики погонщиков, вой медведесобак — стоял невообразимый! Животные буквально надрывались. Позади повозки сцепились еще два — каждый килограммов по двести. Они с размаху ударили по заднему колесу — обод со скрежетом треснул!

— Да утихомирьте вы их!! — завопил Джим и натянул поводья. — Они же перевернут меня!!!

Вилкас тщетно колотил амфицинов тупым концом древка копья. Его проклятья удачно вписывались в царящий на дороге шум. Джим, в свою очередь уцепившись за края повозки, пытался сохранить равновесие. Груз швыряло от одного борта к другому.

Двое рыцарей тану и человек в золотом торквесе на полном скаку подскочили к повозке. Их стеклянные доспехи отливали синевой в тусклом, поглощаемом туманом свете заходящего солнца. Они с ходу, включив полную ментальную силу, попытались успокоить обезумевших животных.

Все было напрасно.

Йош вытащил свой лучевой карабин, называемый хускварной, поставил на самый широкий угол поражения, и в то же мгновение рыцари дали залп из лазерных излучателей. Огненные шары с шипением, полыхнув огнем, ударили под повозку. Следом послышался протяжный вой умирающих животных. Один из амфицинов в агонии выскочил из-под днища и, пробежав несколько метров, свалился в траву.

Наступила тишина, гулкая и неожиданная. Люди перевели дух.

Вдруг перед повозкой возникло посвечивающее фиолетовое облако, потом оно приняло очертания фигуры всадника на коне, потеряло прозрачность, обрело объем — и вот на дороге материализовался Очал Арфист, внук правительницы Барделаска леди Армиды. Он и командовал этой экспедицией, посланной на помощь несчастному городу.

Очал Арфист выслушал рассказ Йоша, оправдания рыцарей тану, потом осмотрел разбитое колесо. Наконец он выпрямился и поднял руку.

— Я знаю, в чем причина их безумия. Все мы ощущаем какую-то неясную тревогу, не так ли? — Очал указал на восток. — Опасность исходит

оттуда. С того берега Роны. Смотрите!

С помощью ментальной силы он развеял туман. Для людей с обычными психическими способностями, обладавших ясновидением в пределах нескольких метров — насколько позволяли серые торквесы, — картина была фантастическая. Плотный туман внезапно истаял, превратившись в тончайшие пряди, и перед изумленными взорами открылся противоположный берег реки, припойменный лес. Картина переместилась — вот открылся узкий, с пологим дном распадок; по дну его бежал стремительный ручей. А рядом по проселку строем, шеренга за шеренгой, отряд за отрядом, шли вооруженные воины.

Шли, не прикрываясь ментальными экранами, не обращая внимания на то, что в этих жутких местах было полным-полно всякой нечисти — привидения так и витали по первобытным джунглям. Шли подобно армии муравьев, сметающих все на своем пути.

Это было войско фирвулагов. Они шли в четырех километрах от каравана. Сначала полки великанов, потом отряды карликов, за ними обладающие ментальной силой воины. В обсидиановых доспехах, с развернутыми знаменами. Мелькали вымпелы, штандарты, значки с номе-

рами когорт. Повсюду мелькал их национальный узор — переплетающиеся золотые черепа. Фирвулаги маршировали под завывание боевых труб, дробь барабанов, под звуки строевой песни, усердно топча влажную, покрытую клочьями тумана землю.

Расстояние было значительное, и рыцари тану, кроме Очала, не могли распознать приближение опасности. А вот амфицоны всполошились.

Дорога, по которой двигались отряды фирвулагов, вела к реке, далее берегом к обрыву. Переправившись через него, они выходили прямо к стенам небольшой крепости.

У крепости собралось по меньшей мере восемь тысяч бойцов.

— Это ударный корпус Мими из Фаморела, — пояснил Очал.

Тем временем картина, изображающая вражеское войско, растаяла в воздухе.

— Вот оно, очевидное доказательство коварства фирвулагов. Нарушив мирный договор и данное слово, они вышли в поход против города моей бабушки. Мелкие людишки перечеркнули подписанное соглашение. Вот к чему привела гибель Ноданна Однорукого. Враг совсем обнаглел.

— Это наступление имеет целью запугать

нас, — заметил один из рыцарей тану. — И все из-за того, что кто-то незаконно захватил трон. Я даже имени его не хочу называть. Мы все помним пророчество Селадейра. Да здравствует Тана!

— С помощью ментальной силы я уже успел связаться с леди Армидой, — проговорил Очал, не обратив внимания на столь вызывающее заявление. — Население будет до конца защищать родной город. К сожалению, защитников куда меньше, чем врагов.

— Шу-у-у, — выдохнул Джим. — Никогда не видел столько духов сразу!

— Видели бы вы армию, которая разгромила Бураск! — хмыкнул Вилкас. — Сейчас это лишь жалкое подобие той орды, что навалилась на его стены. Ладно, что делать будем? Барделаск обречен — как пить дать! Считай, ребята, что мы лишились лучшего пива в плиоцене. Что ж, будем пробавляться соком деревьев и лиан.

Йош грузно поерзал в седле.

— Послушай, Очал, наше инфракрасное устройство и другое вооружение, которое мы везем в Барделаск, — это не детские игрушки.

Лорд-ясновидец одобрительно кивнул. Он мысленно обратился ко всей колонне:

«Соратники! У нас нет возможности опередить

врага и первыми прибыть в Барделаск. Фирвулаги уверены, что разобьют нас, если мы попытаемся встать у них на пути, перекрыв переправы через Рону. Я связался с королем, испрашивая разрешения погибнуть в бою вместе с моей высокочтимой бабушкой, однако из стратегических соображений великий король запретил нам».

— Боже, спаси Эйкена Драма, — с облегчением прошептал Вилкас.

«…Мы должны перестроить походный строй и без потерь вернуться в Сейзораск, — продолжал лорд. — Король сообщил, что оружие, присланное из будущего, мы должны сохранить любой ценой».

— С превеликим удовольствием! — одобрил приказ Вилкас.

— Как можно быстрее почините повозку, — обратился Очал к Йошу, не обратив внимания на бородатого литовца. — Я пока проверю всю колонну. Вообще-то, маловероятно, что фирвулаги, форсировав реку, вступят с нами в бой, однако нельзя оплошать. Нам не след маячить у них перед глазами. К сожалению, им известно о нас; более того, вполне вероятно, они знают о том, что мы везем.

Йош отсалютовал хускварной. Очал махнул

рукой троим рыцарям тану и вдруг засиял пурпурным светом. Вслед за ним рыцари обернулись синими тенями и мгновенно исчезли. Только теперь стали заметны надвигающиеся вечерние сумерки. Приближалась ночь, завеса тумана стала плотнее, пропиталасъ тьмой.

Йош вложил карабин в чехол.

— Ну что, братцы, за дело! Вилкас, распаковывай фонарь — посмотрим, цел ли он еще.

В то время, как литовец принялся исполнять приказание, Джим осторожно соскользнул с облучка и начал успокаивать четырех халикотериев, тянувших повозку. Животные с трудом приходили в себя, переступали с ноги на ногу, шумно сопели, хлопали огромными, поросшими шерстью ушами. Когда Вилкас наладил фонарь, Джим подошел к сломанному колесу, опустился на корточки и осмотрел обод.

— Ничего не видно! Что за свет! Если бы наши доспехи могли светиться, как латы у лорда Очала или у какого-либо другого операнта. А с таким освещением много не наработаешь.

— Никто не может светиться, пока не наберет нужную силу, — ответил Вилкас. — Микробы, встроенные в латы, испускают свет только в том случае, когда в твоих мыслях достаточно энергии

или если у тебя есть золотой торквес, как у лорда Йошимитсу.

— Не надо темнить, Вилкас. Никому просто так торквес не вручают, — откликнулся самурай.

— Если король сдержит свое обещание, то все люди получат золотые торквесы.

— Эге, парень. — Джим глянул на литовца и подмигнул. — А вот мне мое серое ожерелье очень даже нравится. Я от него просто в восторге. Такое теплое, уютное. Знаешь, как с ним удобно по ночам. — Потом возница обратился к начальнику: — Шеф, надо поднять эту сучью повозку, чтобы сменить колесо, а тут всякие твари мешают. И еще закажите Магеру, чтобы он приволок новое колесо.

Йош кивнул.

— Работай спокойно. Я попрошу лорда Раймо прислать нам помощь.

Он поцвел своего халика к повозке, сам влез на нее и приняло рыться в дорожной сумке. При этом самурай похлопывал животное по крупу и приговаривал:

— Ах ты, моя Кику! Хорошая девочка. Ты у меня такая спокойная.

Огромное животное, подобно пегой статуе, молча, как вкопанное, стояло в тумане. Нако-

нец самурай вытащил из сумки тонкий и очень прочный трос и связку крючьев. Потом подозвал Вилкаса и указал на оглушенных амфицинов, лежавших под телегой.

— Их надо вытащить, — произнес он и кивнул в сторону халикотерия, которого выпряг Джим, — этот бык тебе поможет. Но ты должен залезть под днище и прицепить крючья. Постарайся сделать побыстрее.

Вилкас невольно глотнул. Он заметно побледнел — загорелая кожа приобрела сероватый оттенок. Он только было собрался возразить, как что-то плотное перехватило его горло, сжало до удушья — человек почувствовал хватку неведомой силы, излучаемой золотым торквесом.

— Да, Йоши-сан.

— Спасибо, Вилкас.

Йош повернулся и отправился на подмогу Джиму, пытавшемуся развернуть халика. Тем временем Вилкас взял крюк и опустился на корточки. Оглушенные животные сбились в кучу — так и лежали под днищем. Со страху они непроизвольно опорожнили желудки и мочевые пузыри, и груда туш была сильно измазана экскрементами. Вилкаса вырвало, потом он, собравшись с силами, нырнул под повозку и заце-

пил крюком за шерсть ближайшего животного.

— Готово? — спросил Йош.

— Готово.

Если бы не торквес, начальник вряд ли услышал бы ответ. К радости Вилкаса, самурай плевал на подобные мелочи.

Литовец выбрался из-под тележки, Джим ударил хлыстом халикотерия. Тот грузно двинулся с места и выволок тушу амфициона. Вилкас едва успел выругаться — его снова вырвало; вся одежда была измазана.

Джим попытался смягчить пилюлю.

— Не переживай, парень. Жить захочешь — завертишься! Дела-то могли быть гораздо хуже.

— Так и будет. Дай срок! — мрачно ответил Вилкас.

Йош появился из тумана, ведя на поводу халикотерия.

— Монку, монку, монку, — ласково приговаривал он, потом подал крюк Вилкасу. — Давай следующего. Вот сучьи дети, так обделаться. Ну, что стоишь, лезь под повозку. В качестве компенсации я приготовил тебе на вечер сюрприз.

— Спасибо, Йоши-сан. — Вилкас обращался к шефу с подчеркнутой любезностью. Поблагодарив самурая, он взял крюк и снова полез под

повозку. Там со злобой, словно кинжал, вогнал крюк в горло зверю.

2

Вереница из пятнадцати вездеходов — один грузовой тягач Хаген Ремилард потерял на южных склонах хребта Риф, — поблескивая багровыми отсветами прозрачных фонарей в тучах мошкары, упорно продвигалась к северу.

Тусклая, с медным отливом полоса заката горела по левую сторону горизонта. Средиземноморская впадина лежала менее чем в сотне километров, далее их ждала желанная цель — город Афалия.

За спиной отряда простирались дикие, нехоженые места. Кто, кроме гонимых отчаянием и надеждой беглецов, мог рискнуть оставить лагерь на побережье Марокко, куда они попали после того, как во время бури потеряли из виду своих спутников, которых отнесло к берегам Испании. Кто бы отважился нарушить первобытную девственность африканских плиоценовых джунглей, непроходимых болот, безводных пустынь. Полторы тысячи километров по первозданной незнакомой местности! Лишь спустя несколько миллионов лет ее потревожат голоса первых людей. Трудноодолимой преградой легли перед

путешественниками горы Риф. Потеряв только одну машину, они сумели перевалить и через них. И все же главные испытания ждали беглецов впереди. Пустое море! К сожалению, теперь его уже нельзя назвать сухим. И, конечно, знаменитый водопад, образовавшийся в тот страшный день ритуальной битвы, когда Фелиция нанесла могучий психокинетический удар по Гибралтару. Миновать его они никак не могли.

Логичнее было бы, размышлял сидевший за рычагами передней машины Хаген Ремилард, взять более резко к востоку, спрямить путь до Афалии, но какая логика может устоять перед завораживающей тайной чуда природы? Тем более что воды хлынули в Средиземноморскую впадину не без их помощи. В тот день они мысленно связались со своими родителями и объединенной мощью поддержали удар безумной Фелиции.

Что было, то было!

Теперь машины, к огромной радости детишек, которых они взяли с собой во время бегства с Окалы, совсем несмышленышей, упрямо ползли по выжженному солнцем, бесплодному плато. Пологие изжелта-пепельные холмы лежали вокруг. Тучи мошкары вились над вездеходами — их заунывный звон мог кого угодно свести с

ума. Закат догорал, и, когда впереди отчетливо обозначилась густая завеса водяного пара, возбуждение достигло предела. Детей уже нельзя было удержать — они без конца капризничали, ссорились по пустякам, упрашивали ехать побыстрее. В конце концов Фил Овертон, из-за мягкости характера давным-давно переведенный из штурманов в няньки, уступил — четырехлетняя Калинда доконала его своими просьбами разрешить ей перебраться в головную машину. Поближе к папе. И пошло-поехало! Вся остальная мелюзга тоже со слезами, упреками, мысленными мольбами дружно насела на растерявшегося Фила. Тот не выдержал и связался с Хагеном. Командир выслушал Фила, выругался и проклял тот час, когда согласился осмотреть водопад. Что было делать — Хаген остановил машину, и скоро в ее просторном салоне был открыт настоящий детский сад. Ясли тоже. Если бы Дайана Манион не пообещала использовать всю, до последнего эрга, силу личного воздействия, чтобы держать детей под контролем, он приказал бы прямо здесь, в пустынном, безводном месте, устроить привал. Все равно пора подумать о ночлеге. День догорал, но света еще хватало; огромная круглая луна золотистым фонарем висела в небе.

Дайана поменялась местами с Ниалом Кеогом и устроилась в кабине рядом с детьми.

— Папочка, — попросила маленькая Калинда, — включи экран внешнего обзора. Ну папочка! Чтобы мы хорошенько рассмотрели его.

— Внешний обзор! Внешний обзор! — в один голос пропели Джоэл Стренгфорд и Рики Тейчман. Одному было четыре с половиной года, другому пять. Они непрерывно ерзали на сиденье, отпихивали друг друга, пытаясь сесть поближе к установленному перед водителем экрану дисплея. Наконец им удалось столкнуть с диванчика двухлетнюю Хоуп Даламбер, которая тут же принялась плакать.

— Эй вы, дубовые головы! — Приговор шестилетнего Дейви Варшавы был суров и категоричен. — С помощью внешнего обзора все равно нельзя заметить яму, особенно если едешь по холмам.

— Нет, можно! Нет, можно! — запротестовали приятели.

— Только в том случае, когда угол отражения выбран правильно, — насмешливо улыбнулся великий знаток техники Дейви. — А как ты его выберешь, если никто не знает, когда будет правильно. Вы, наверное, думаете, что Гибрал-

тарские ворота — это что-то вроде брода, где воды по колено, или яма для прыжков с песком. Ха!

— Тогда нарисуй нам картинку, мистер Всезнайка! — потребовала Калинда.

Хотя Дейви не был готов к подобному повороту, но он собрался с силами и показал остальным детям нечто такое, отчего те сразу примолкли — планетарных размеров трещина, расколовшая земную поверхность, словно след от ножа, разрезавшего дыню, и фонтанирующая из трещины струя воды.

Дайана Манион слегка подправила картинку.

— Вот так, дорогой, будет более похоже на реальность.

Вся мелюзга разочарованно завизжала.

— Но здесь так *мало воды*! — возмутился Рики. — Всего-то как в папиной книжке с рисунками Старой Земли. Там был изображен Ниагарский водопад. А *наш* больше любого, когда-нибудь существовавшего.

Калинда капризно надула губки.

— Не хочу смотреть на маленький водопадик. Папочка, ты же говорил, что он такой *необъемный*!

— Необъемный, да, — сквозь слезы повторила маленькая Хоуп Даламбер.

— Необъятный, — поправила Дайана.

— Фил, ну включи же внешний обзор! — закричал Джоэл.

Остальные дети тут же окружили несчастного Овертона, потом набросились на Хагена. Тому сначала пришлось отразить их телепатический галдеж, потом он перешел в наступление.

«А ну-ка, потише!» — мысленно прикрикнул Хаген на мелюзгу.

Удивительно, но они послушались…

— Послушайте, ребятки, — уже вслух продолжал Хаген. — Мы почти добрались. Мне даже кажется, что я что-то чувствую. Может, вы тоже заметите что-нибудь необычное. Только помолчите хотя бы одну минутку!

Вой турбины заглушил его последние слова — машина с усилием брала подъем. За стенками кабины слышался треск сухого кустарника, обломанные сучья царапали обшивку, и сквозь привычный шум в салон неожиданно проник непонятный, непривычный, всеобъемлющий гул. Какие-то странные звуки примешивались к жужжанию кондиционера, к далеким призывным руладам карликовых гиен, которые при виде приближающегося каравана спрятались в густых зарослях.

Что-то достигало слуха — то ли дребезжание, то ли далекий шелест.

— Папочка, у меня в горле першит, — прошептала Калинда. — Как будто что-то застряло.

Фил посадил ее на колени — решил успокоить, пока они вконец не испугались; Дайана в свою очередь принялась мысленными ласками сдерживать остальную малышню. Однако маленький мудрец Дейви Варшава догадался первым.

— Да это же великий водопад! — воскликнул он. — Быстрее, Хаген, прибавь скорость.

Сын Ангела Бездны коротко рассмеялся и крепче ухватился за рычаги. Из ночного полумрака угрожающе выплыл ствол молодого дубка, и вместо того, чтобы объехать его, Хаген смял деревце. Детишки пронзительно закричали, когда впереди в свете полной луны появилось облако водяного пара. Турбина взвыла до истошного сопрано, машина все круче и круче задирала нос в угасающее небо.

Теперь уже все явственно ощущали зуд в костях — непонятно, то ли от вибрации работающей на пределе турбины, то ли от мелкого подрагивания земли. В горле тоже слегка першило — словно кто-то изнутри слегка щекотал голосовые связки, даже у взрослых. Хоуп Даламбер опять начала

хныкать и спрятала личико на груди у Дайаны, четверо детей с усилием пытались мысленно разглядеть картину, лежащую за гребнем горы.

Наконец машина одолела подъем и, лязгая гусеницами, выкатилась на пологую вершину. Хаген нажал на тормоза, потом, подождав немного, выключил двигатель.

Теперь все ясно ощутили, что транспортер и пологая вершина сотрясались мелкой дрожью. Звук не давил на уши, частота колебаний, по-видимому, была очень низкой и напоминала скорее мерный, ровный гул, чем болезненную, раздражающую вибрацию. Несколько минут люди, находившиеся в кабине, сидели без движения. Затем Дейви откинул боковой люк и выбрался наружу. Вслед за ним в овальное отверстие полезли Овертон с Калиндой и Джоэлем. Последней, держа за руки Рики и Хоуп, вышла Дайана.

Оставшись в машине один, Хаген бросил беглый взгляд на экран дисплея, на котором устройство, сканирующее земную поверхность, выписывало нечто невообразимое, захватывающее дух. Он не мог справиться с охватившей его радостью и бросил через океан победный возглас:

«Все-таки мы добрались до него, папа! Вот они, плоды наших усилий. Не желаешь взглянуть на

этот кошмар моими глазами?»

Эфир был пуст.

Хаген рассмеялся:

«Неужели она добила тебя? Какой бесславный конец для бунтаря, собравшегося потрясти Галактику! Помнишь, ты все время ссылался на Эдипа — утверждал, что наши с тобой разногласия не более чем бессознательный комплекс вины и ненависти».

Нет ответа!

«Ты не должен был вести себя подобным образом, папа. Что за нелепое требование не сметь приближаться к „вратам времени“! — прошептал Хаген. — Хватит навязывать нам свою волю. Я хорошо изучил тебя, папа, и уверен, ты никогда не решился бы перекрыть нам выход с острова, тем более нанести психокинетический удар. Ты никогда не отважился бы остановить нас. И не только потому, что чувствовал свою вину, но из-за понимания, что колесо судьбы, совершившее полный оборот, нельзя повернуть вспять, разве не так?»

Молчание глухое, бездонное…

Хаген едва справился с волнением — оказалось, что ненависть и любовь к отцу по-прежнему были обжигающе горячи. У него перехватило

дыхание от мысли, что связь их неразрывна и, как два полюса заряженной частицы, они не могут обойтись друг без друга. Усилием воли Хаген направил сознание на внешний мир — в то же мгновение неодолимый гул снова наполнил голову. Не глядя на пульт управления, он обесточил механизмы, потом выбрался наружу и присоединился к своим спутникам и детям.

Перед ними лежал край земли — вправо и влево убегали освещенные золотистым лунным светом холмы; в небе с редкими звездами, чуть прикрытыми пеленой последнего летнего тумана, светила полная луна, прямо под ногами, сразу за кромкой обрыва, шевелилась маслянистая черная вода, заполнившая гигантскую расселину в земной коре — будущий залив Альборан. Но все это было не более чем декорации, рисованные задники, приметы, детали, характерные подробности, разбросанные по ожившему обозримому ночному, сотворенному природой полотну.

В центре панорамы, в клубах пара, мириадах брызг, радужно отсвечивающих в холодном лунном свете, открылся гигантский уступ, с которого океанская вода падала в мрачную бездну. Там, внизу, в плотных клочьях пены рождались огромные водовороты, сталкивались волны,

ужасающие своей высотой. Земля гулко дрожала под ногами.

Это был самый крупный из когда-либо существовавших на земле водопадов. Хаген припомнил цифры, скользнувшие по экрану кибернетического картографа: ширина 9,7 километра и высота 822 метра. Таковы размеры скалистого порога, который только через сотню лет должен был скрыться под водой. Тогда в Гибралтарском проливе успокоятся воды, и ровная легкая волна заплещет у оконечностей Европы и Африки. И более века потребуется, чтобы наполнить до нынешних границ плиоценовую Средиземноморскую впадину.

Остальные вездеходы, зацепившись за вершину, один за другим подкатили ближе и замерли, образовав четырехугольник, в котором будет разбит лагерь. Их команды соединились с собратьями — никто ни словом, ни жестом не потревожил гулкого, накатившего на людей восторга, да и кто — вернее, что!

— мог перекричать грохот падающей воды?! Пошлостью попахивало и мысленное общение при виде этой завораживающей неодолимой выдумки бездумных, могучих, вырвавшихся на волю природных сил.

«Смотри, помалкивай и запоминай!»

Они — двадцать восемь взрослых мужчин и женщин и пятеро детей — не сдвинулись бы с места, если бы не потускневшая серебристая луна, если бы не густая пелена тумана, надвинувшаяся из Европы и накрывшая водопад плотным сиренево-пепельным облаком.

Первой очнулась маленькая Калинда.

«Вот все и кончилось?» — мысленно поинтересовалась она.

«Да, первое действие. Теперь — антракт», — ответил Хаген, улыбнувшись про себя.

Многие взрослые рассмеялись, стараясь за веселыми шутками скрыть ошеломляющую растерянность при виде такого грандиозного чуда природы, потом на всех навалились привычные заботы по обустройству ночлега. Ниал Кеог — человек трезвомыслящий, практичный, побаивающийся восторженных восклицаний и чудес — еще в дороге успел позаботиться о предстоящем отдыхе. Он первым поспешил к вездеходам, за ним потянулись остальные, и только Хаген все еще стоял на краю обрыва. Он ждал, когда берег окончательно затянется туманом, ждал приближения полуночи — это был самый лучший час для дальней связи с далекой сестрой,

поджидавшей их на северо-востоке, за Бетикой в южной цитадели тану — городе Афалии.

Наконец Хаген собрался с силами, очистил сознание от всего лишнего, наносного и послал тончайший, как игла, телепатический луч, закодированный их личным с сестрой шифром.

Хаген: Ты меня слышишь?

Клу: Да, где вы?

Хаген (создал мысленный образ и передал его).

Клу: Так вот он каков! Неудивительно, что потоп разрушил Мюрию. Не могу поверить, что только психокинетический удар ответствен за такое разрушение. Фелиция…

Хаген: И ее дьявольские пособники…

Клу: Хаген, мы были обязаны довести начатое до конца.

Хаген: Дочь Марка! Ты, как всегда, пытаешься объяснить все рационально.

Клу: Слушай, мне надоело твое нытье. Ты бы покрасовался новоявленным Гамлетом перед Дайаной.

Хаген: Даже вместе с нашим ненаглядным папочкой тебе не удастся смутить меня. Непонятно только, при чем здесь Гамлет?

Клу: Потому что Дайана любит тебя, дурачок. Любовь здорово помогает при депрессии.

Хаген: Однако я хотел бы напомнить кое-что тебе и любезным твоему сердцу тану.

Клу: Черт бы побрал твою черепную коробку, братец! Выдумываешь черт знает что!

Хаген: Может, отложим обмен любезностями? Что случилось в окрестностях Гории?

Клу (воссоздала, словно на кинопленке, череду образов, рассказывающих о происшедших событиях).

Хаген: Полное поражение! Итак, с Поданном все ясно. Надежды наши рухнули. Радует хотя бы то, что твой парень Кугал выжил. Думаю, нам пора вернуться к прежнему сценарию сотрудничества с Эйкеном. Конечно, с ним будет непросто — не то что с Поданном, — но у нас есть шанс обработать и этого пройдоху. Хотя кто знает? Возможно, он имеет свой собственный взгляд, как ему сохранить титул короля эльфов, и может решить, что в нашей задумке возвращения в свою эпоху есть какой-то скрытый подвох.

Клу: Хаген, папа вышел на связь!

Хаген: Дело дерьмо. Когда?

Клу: Голос едва различим. Он связался со мной утром, после того, как Эйкен победил на дуэли Ноданна. Он наблюдал за сражением.

Хаген: Разве он мог пропустить такой случай!

Клу: Папа заявил, что отправится в Европу, как только повысит мощность церебрального генератора. Он захватит с собой и главный компьютер, и боевые рентгеновские лазеры.

Хаген: Боже мой, каким образом?

Клу: Они подняли со дна бухты четырехмачтовую шхуну Уолтера Саастамойнена. Эта зверюга в семьдесят метров длиной может поднять все оборудование, собранное на Окале.

Хаген: Черт побери! Говорил я Вейко, что ему бы следовало утопить ее где-нибудь в более глубоком месте или сжечь. Сентиментальный дурак! Дай-ка соображу... Им потребуется не меньше месяца, чтобы добраться сюда.

Клу: Папа в ужасе оттого, что ты рискнул отправиться в сухопутное путешествие.

Хаген: Он что, угрожал дальнодействующим психокинетическим ударом?

Клу: Он был очень сдержан. Он только признался, что беспокоится за тебя, и предупредил, чтобы ты не вступал ни в какие контакты с Эйкеном. Иначе последствия будут ужасные.

Хаген: Странно, что он сам не связался со мной.

Клу: Церебральный генератор разобран для установки на шхуне.

Хаген: К черту! Девочка, у него вполне доста-

точно мощности, чтобы выбрать время и для разговора со мной, но этот старый заговорщик… Или… (Изображение ушло вдаль.) Клу: Мы оказались почти правы насчет того, что Фелиции удался d-переход. Она почти полностью сожгла ему кожу, до самой шеи.

Хаген (поспешно затемнил появившийся образ).

Клу (испытывая сильную боль): Папа с июня находится в регенерационном автоклаве.

Хаген: Клу, а что, если Фелиция не только сварила его? Что, если она хорошенько прожарила его мозги? Что, если он забыл все, что знал? Ты уверена, что отец не потерял какую-то часть функций разума? Тело можно вылечить куда быстрее. Сколько можно пребывать в питательном растворе только ради того, чтобы восстановить нервные окончания? Это не наводит тебя на кое-какие размышления? Черт побери, полная регенерация может занять восемь, а то и девять месяцев.

Клу: Если его метафункции пострадали во время нападения Фелиции, это может многое объяснить.

Хаген: Держу пари, что так оно и есть. Ему удалось установить телепатическую связь с тобой лишь потому, что ты сильнее его в дальновиде-

нии. Вполне вероятно, что он не может в полной мере восстановить свои способности. Очевидно, в таком случае — если, конечно, подтвердится, что отец теперь не способен создать налаженный, полномасштабный метаканал,

— ему не будет доступен и дальнодействующий психокинетический удар. Ох, Клу, дорогая, у нас может появиться хороший шанс. Не поэтому ли наши старые интриганы отправляются в Европу, чтобы сблизиться с нами, иначе им нас не достать? Когда же он появится у берегов Европы, то попытается вновь накинуть на нас узду. К тому времени нам необходимо объединить наши усилия с энергетическим потенциалом Эйкена Драма и толпой его экзотических существ. Пусть отец тогда только попытается нас тронуть!

Клу: Когда папа в последний раз говорил со мной, он сказал, что все его помыслы лишь о том, чтобы помочь нам. Если бы мы могли доверять ему!

Хаген (громкая нецензурная брань).

Клу: Он только должен быть уверен, что мы — вольно или невольно — не станем помогать галактическим властям. Случится большая беда, если они объявятся в плиоцене с целью арестовать его.

Хаген: Мы никогда не пойдем на это!

Клу: Ты! Ты не понимаешь — он любит нас!

Хаген: Но странной любовью. Нечеловеческой. Маму он тоже любил, и мы прекрасно знаем, как он с ней поступил. Ты даже в дурном сне не сможешь угадать — почему!

Клу: Это все злые наветы!

Хаген: Я много работал в библиотеке на Окале и обратил внимание, что файлы памяти, относящиеся к истории Метапсихического Восстания, далеко не полны — только общепринятая интерпретация фактов, а чуть копнешь вглубь — все, пустота. Объясни, например, ради чего все затевалось? Вот основная посылка восставших — землянам необходимо воспитать — или создать? — нового, «ментального», человека и обеспечить ему достойное место в руководстве Галактического Содружества. Неужели ради этой цели следовало начинать войну? И кто ее начал? Высокоразвитые цивилизации ядра Галактики. Те, кто почти столетие бескорыстно помогали землянам. Ради Бога, зачем?

Клу: Папа и его соратники хотели, чтобы повсюду восторжествовали принципы государственного и общественного устройства, исторически сложившиеся на Земле. Потому что они самые

справедливые.

Хаген: Не так все просто! Там есть что-то еще. Если бы ты вплотную занялась данным вопросом, то обнаружила бы, что существуют намеки на какие-то иные причины. Словно из-за завесы мелькнет на мгновение что-то непонятное и тут же скроется. Восстание, которое возглавил отец, имело целью как-то изменить нашу физическую природу. Да-да, твою, мою. Они хотели что-то сотворить со всеми человеческими детьми! И это «что-то» было столь ужасно, что его собственная жена сочла возможным — и справедливым! — поднять на него руку. Она пыталась убить Марка. Вдумайся, наша мать пыталась убить нашего отца! И следом Галактическое Содружество после сотен тысяч лет мира и покоя объявило отца вне закона, начало против него и его сторонников боевые действия.

Клу: Все уже давным-давно закончилось. Все в прошлом!

Хаген: Сестренка, дорогая, пока еще ничего не кончилось.

Клу: Опомнись, Хаген! Остановись, не разбрасывайся, не терзай душу. Зачем тебе подробности? У нас одна-единственная цель — вырваться отсюда! Забыть об отце, его жестокой опеке и странной

любви, расстаться со страшным, примитивным, нелепым миром. Неужели нам никогда не удастся сказать ему: «Прощай! Здесь мы обречены на одиночество, здесь мы чужие». Ради этой цели мы готовы пожертвовать чем угодно!

Хаген: Ну и что?

Клу: Мы должны использовать любую возможность, поэтому нам необходимо пойти на контакт с Эйкеном Драмом. Вам следует как можно скорее прибыть в Афалию. Теперь, когда экспедиция достигла Средиземноморья, это не должно занять много времени. Переправиться можно дальше к востоку, в самом узком месте нового моря, у Балеарского полуострова. Оттуда в Афалию ведет хорошо накатанный тракт, названный дорогой Авена. Как только вы прибудете к нам, сразу можно будет организовать встречу. Ты знаешь с кем. Кугал предложил… он подсказал мне, как начать торг и что можно предложить Эйкену, чтобы заинтересовать его и убедить сотрудничать с нами. Я разговаривала с Кугалом сразу после того, как Эйкен сразил Ноданна. Он сказал, чтобы мы не теряли надежды.

Хаген: Хорошо, постараемся не потерять. Что же он подсказал?

Клу (мысленно создала изображение и пере-

дала брату).

Хаген: Будь я проклят! Ладно, каково положение в Афалии?

Клу: После гибели Ноданна они все в опасности. Власть в Афалии в моих руках, в ближайшем окружении нет никого, кто мог бы поспорить со мной. Каждый день я жму на местного Главного Целителя, чтобы он тоже встал на нашу сторону, и почти уговорила его.

Хаген: Эйкен Драм должен расцеловать наших друзей за то оборудование, которое получил от них. Вот уж поистине ослы!

Клу: Сам не будь ослом. Даже зная, что и как можно выменять у Эйкена, имея с ним дело, мы должны быть крайне осторожны, Эйкен очень опасен. Может, даже более опасен, чем папа.

Хаген: Дерьмо!

Клу: На дуэли в Гории Эйкен неожиданно обнаружил такие запасы энергии, о которых Ноданн даже не мог предположить. У него есть фотонная пушка, выполненная в виде копья. Но было там что-то еще. Возможно, убив Ноданна и королеву Мерси, он впитал их метапсихическую силу.

Хаген: Что ты имеешь в виду под этим «что-то»?

Клу (изображение). Очень странный феномен.

Помню, как компьютер упоминал о каком-то древнем религиозном культе. Во всем вообще много непонятного. В ту пору еще не было письменных памятников. Замок в Гории гудит от слухов. Стоило ли пробуждать такие адские силы? Как говорит Кугал, многие тану считают, что подобная практика, всасывание чужой энергии, обращение за помощью к силам Тьмы могут погубить Эйкена.

Хаген: Весьма желанный исход. Послушай, Клу, мы любым способом должны добиться его поддержки. У нас нет возможности сражаться с Эйкеном у «врат времени» и одновременно строить деформатор тау-поля, изобретенный Гудерианом. Тем более что нам потребуется много различных материалов. У нас нет выбора — вся надежда связана с королем-узурпатором. Мы зависим от доброй воли этого маленького, злобного, хитроумного Дракулы. Или кто-то должен надавить на него так, чтобы он согласился помочь нам.

Клу: К сожалению, этот вариант тоже в руках Эйкена.

Хаген: Как так?

Клу: Все дело в Кугале. Он и все оставшиеся в живых повстанцы попали в плен. Теперь они

заключены в подземелье Гории, лишены возможности общения; сигма-поле отрезало их от внешнего мира. Они обвиняются в государственной измене, а за такое преступление наказание одно — смерть.

3

— Вы собраны здесь для объявления приговора, — заявил командор Конгрив.

Сражавшиеся на стороне Ноданна и оставшиеся в живых сто двадцать девять воинов были выведены из казарм на учебный плац, расположенный перед стенами Стеклянного Замка, и выстроены в две шеренги. Во главе одной шеренги стоял Кугал — Сотрясатель Земли, во главе второй — лорд Селадейр, правитель Афалии. Заранее предупрежденные слугами, разносившими вчера ужин, они были облачены в стеклянные доспехи, надраенные и вычищенные с той тщательностью, какую пленники могли позволить себе в подобных обстоятельствах. Сверкающая всеми цветами радуги броня служила свидетельством неукротимого духа побежденных, их явным неприятием неправого суда и воли узурпатора. В строю стояли могучие принудители и сверкающие сапфирами рыцари, сияющие золотисто-розовым члены Гильдии Психокинеза, владеющие психокинетическим оружием, и группа дальновидящих, которые, словно статуи, замерли в конце строя и были как бы накрыты

одним аметистовым покрывалом.

Отряд солдат, состоящий исключительно из людей, походной колонной вышел на плац. Шли они строевым шагом, держа в руках крытые корзины. Получив мысленный приказ, люди приблизились к мятежникам и, разбившись на две шеренги, прошли сквозь их строй. Так и маршировали, раздавая на ходу тяжелые хрустальные цепи. Каждый пленник — будь то женщина или мужчина — добровольно накладывал на себя прозрачные оковы — символ покорности великой богине Тане. Наручники схватывали запястья, и единая, более тонкая цепочка соединила их золотые торквесы.

— Мы готовы, — громко произнес Кугал. Окруженный многоцветным сияющим облаком, в котором преобладали розовые и желтые тона, он, словно башня, возвышался над человеком, волей короля назначенным комендантом крепости Гория. Кугал скосил глаза и усмехнулся, заметив в руках коменданта странно выглядевший рядом с его светящимися латами лазерный карабин — оружие двадцать второго века, — который тот держал в руках. Приклад упирался в землю.

— Тебе не потребуется карабин! — с презрением бросил Кугал.

— Священные цепи — вот знак нашей чести, — потрясая оковами, глухо добавил Селадейр.

Ледяным презрением комендант крепости мысленно окатил побежденных врагов.

— Так же как и нарушенная клятва на верность королю Эйкену-Луганну, которую вы давали в день Великой Любви, — произнес он вслух. — Все, кончайте разговоры! Следуйте за мной!

Комендант крепости вскинул в три приема карабин на плечо и повел колонну в сторону Стеклянного Замка.

Густой туман покрыл крепостные бастионы. Всюду виднелись следы недавней битвы, и хотя с момента решающего удара, нанесенного Эйкеном, прошло совсем не много времени, многие из отметин всесокрушающего огня были заделаны. Штабеля полупрозрачных стеклянных блоков сложены у поврежденных башен. Там уже споро трудились каменщики — громадные кирпичи с помощью системы рычагов то и дело подавались наверх. Слабо светящиеся в тумане золотисто-розовые башни, подобно сказочным богатырям, выступили навстречу приближавшейся колонне.

Заключенные, охраняемые солдатами гарнизона, миновали разрушенные предмостные

укрепления и вошли в главные ворота в центральной башне, бок которой был начисто стесан ударной волной. Однако внутри замка разрушения были почти незаметны, только свежие заплаты, еще не потускневшие от времени, да сорванные с окон дощатые ставни напоминали о битве.

Рыцари тану, скованные одной цепью, маршировали с гордо поднятыми головами. Сияние их светящихся доспехов было ярче тускло горевших в коридорах настенных масляных светильников. Наконец их ввели в главный зал замка, где узурпатор после коронации приказал отполировать все, что только возможно, и теперь королевская палата для приема сверкала и переливалась, словно сказочный дворец. Пол был выстлан золотыми и темно-пурпурными плитами. Колонны, свитые из жгутов прозрачнейшего хрусталя, поддерживали огромный вогнутый свод, мягко поблескивающий в искристом слабом свете мелких, напоминающих звездочки ламп. Сияние было ровным, чуть приглушенным, и лишь помост, на котором возвышался трон из черного мрамора, был ярко освещен. Позади него и выше посвечивал выкованный из драгоценных металлов диск солнца. Этот знак раньше принадлежал

Ноданну, но был сохранен узурпатором, так как орнамент, форма и тайные знаки напоминали о великом герое-первопроходце, когда-то явившемся на Землю, — полноправном властелине всесокрушающего копья — Луганне. Правда, теперь надписи были стерты, и девственно чистый солнечный лик кривился в Аполлоновой усмешке, словно эта священная реликвия воочию узрела горстку пепла, оставшуюся от законного наследника королей тану. Отлитые из серебра руки, потускневшие и покрытые патиной, были вскинуты в немой мольбе.

Трон на возвышении стоял в центре зала в окружении двадцати более скромных кресел. Все они были свободны. Трон тоже был пуст. Пленники долго стояли в ожидании приговора, как вдруг на троне возник маленький человечек, грызущий яблоко. Это был самозваный король, нынешний монарх Многоцветной Земли Эйкен-Луганн. Как он очутился в зале, никто не мог сказать: может, воспользовался защитным экраном и ловко проскользнул на возвышение? Одет он был в походный костюм из золотистой кожи, на котором поблескивали дождевые капли, капюшон откинут на спину, шея открыта. Торквеса у короля не было — Эйкен-Луганн не нуждался в искусствен-

ном стимуляторе метапсихических функций.

Пленные покорно ждали.

Между тем король продолжал грызть яблоко — откусывал помаленьку, смаковал каждый кусочек и пристально вглядывался в лица побежденных врагов.

Кугал Сотрясатель послал мысленную реплику Селадейру:

«Селад, погляди! Жив-здоров! Увы, слух о его гибели оказался ложным».

«Так-то оно так, но выглядит он крайне изнуренным».

«Еще бы, совсем непросто переварить психическую силу Ноданна и королевы Мерси-Розмар; ведь это были легендарные герои, не нам чета. Как бы избежать их участи? Надо же, впитал и теперь переваривает чуждую ему, вражескую силу. Может, именно в этом и состоит решающее доказательство, что он, бесспорно, и есть Враг! Тот, о котором упоминают священные книги».

«Мне лично никаких доказательств не надо. Ты моложе, потому и сомневаешься».

«Это не так, Селад! Дело слишком серьезно, чтобы верить пустым слухам. Алутейн — Властелин Ремесел, например, никогда не верил, что Эйкен Драм — исчадие ада. И леди Морна-Йа. Я точно

знаю, что мой брат Ноданн тоже испытывал сомнения».

«Нет, он верил, был убежден в этом».

«Поверь, я лучше знаю. Кому, как не мне, известны все его заветные мысли. Мне и погибшему Фиану — Сотрясателю Небес! Ноданн был старшим сыном короля Тагдала и королевы Нантусвель, и я триста восемьдесят пять лет помогал брату в качестве второго лорда-принудителя. Эйкен Драм — Враг? Чепуха! Ноданн, как и всякий благородный человек, ненавидел и опасался этого безродного выскочки, талантливого авантюриста, но он никогда не считал его врагом мироздания».

«Ха! Даже фирвулаги уверены, что этот ублюдок и есть тот самый заклятый Враг. Как ты считаешь, почему эти коротышки сквозь пальцы смотрели на наши приготовления к битве и в обмен на обещание вернуть им священный меч Шарна даже подсказали, где спрятан аэроплан? Потому что приход Врага предвещает войну с Мраком, и они не могут вступить в последнюю битву, если в их руках не будет легендарного меча Шарна. Кугал, очнись! Ноданн никогда не колебался! А ты погряз в сомнениях. Я знаю, в чем причина. Это все она, женщина из Северной Америки…

подобное спаривание не проходит даром».

«Старый осел! Если бы не Клу, я до сих пор бродил бы в потемках».

«Я и говорю. Она завела тебя в дебри. Как только ты встретился с ней, так все прирожденное чутье тану, все здоровые инстинкты оказались забыты».

«Несчастный старик! Не попрекай понапрасну. Ни ты, ни кто-либо другой не может обвинить меня в трусости, в пренебрежении честью в роковом походе. Никто не имеет права сомневаться в том, что в тот момент, когда мы стоим здесь в ожидании приговора, Сын Мрака, наш общий Враг, находится в тени. Ему выгоден наш разлад».

«Спасибо, Кугал. Конечно, ты можешь считать меня старым дураком, свихнувшимся на верности древним кровавым обычаям. Только учти: я видел, как сбываются предсказания и обретают смысл пророчества, которые ставили в тупик еще наших предков после их бегства во время войны на краю бездны. У меня нет никаких сомнений! Вспомни, как воды одолели землю! О великая священная птица Мригел! Что стало с благородными тану! Сам бесстрашный Однорукий Стратег, наш великий Ноданн, будто забыл наши славные обычаи и традиции и вступил в битву как чуже-

странец без роду и племени! Откуда летом туман? Скажи, Кугал. Вокруг так много знамений — прозрей, брат. Все возвещает приближение Мрака. Я говорю, Кугал, скоро разразится страшная битва, и тогда друга нельзя будет отличить от врага».

«Селад!»

«Молчи. Он подслушивает».

Эйкен Драм, в последний раз откусив от яблока, встал и приблизился к краю возвышения. Здесь он с самым серьезным видом рассмотрел огрызок и вдруг швырнул его назад через правое плечо. В тот же момент в его руке оказался заостренный с обоих концов стальной ломик.

— Знаете, что это такое? — тихо спросил он повстанцев. Король поднял оружие над головой — металл тускло блеснул в слабом свете, наполнившем зал. — Это сверхпрочная сталь! Несущее смерть железо. Вы, тану, думаете, что сорвать с ваших шей золотые торквесы — то же самое, что убить вас? Ошибаетесь. Из того положения, в которое вы попали, есть два выхода. Этот ломик — один из них. Когда с его помощью с вас будет сдернут дающий ментальную силу торквес, вы почувствуете адскую боль. Некоторые тану даже сходят с ума, но многие выздоравливают, правда, лишаются всех телепатических способностей и

становятся как бы… метапсихическими идиотами. Вроде самых последних, лишенных торквесов людишек.

Сияние, окутывающее пленных, усилилось.

Лицо Эйкена по-прежнему оставалось бесстрастным. Наконец он повернулся к мятежникам спиной. В то же мгновение его мощный, оглушающий мысленный клич беззвучно и торжественно прозвучал в парадном зале:

«ПУСТЬ ВЫСОКИЙ СОВЕТ СОБЕРЕТСЯ ДЛЯ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА».

Над каждым креслом, предназначенным тому или иному высокородному лорду, вдруг обрисовались их торсы — заседание верховного органа Многоцветной Земли началось без личного присутствия его членов. Всего лишь переданные на расстояние образы. Сегодня присутствовали леди Мейвар — Создательница Королей, Блейн Чемпион, Альборан — Пожиратель Умов и его жена Эднар, Кандатейр, правитель Ронии, Сибел Длинная Коса, Нейл из Сазарана, женщина человеческого рода Эстела Сирон из Дараска и Ламновел Мозговзрыватель из Сейзораска.

«И это все!» — мысленно воскликнул Селадейр.

«Селад, наши места не заняты! — раздался сардонический смешок Кугала.

— Пусто кресло Туфана из Тарасии и Диармида из Геронии, погибших во время падения аэроплана. Нет никого и в кресле несчастной леди Морены. Она отравилась в тот день, когда узурпатор одержал победу. Нет и королевы Мерси. Свободны кресла погибших вовремя сражения на Рио-Дженил Артигона и Алутейна — Властелина Ремесел. Нет и моего брата Куллукета Дознавателя. Ну-ка… Место второго целителя тоже вакантно. А кто же двадцатый? Точно, нет леди Армиды, грозной хозяйки Барделаска. С ней-то что случилось?»

В сознании опять прозвучал голос Селадейра:

«Что о ней вспоминать — девять членов совета на месте. Кворум налицо. Так что приговор будет вынесен».

Эйкен мысленно обратился к членам Высокого Стола:

«Высокочтимые лорды! Каков будет ваш приговор в отношении мятежников?»

— Виновны в государственной измене! — ответили нестройным хором девять парящих в воздухе изображений.

«Какое же наказание влечет подобное преступление?»

— До следующей Великой Битвы их необходи-

мо заковать в Цепь молчания. Потом их жизни должны быть принесены в жертву нашей милосердной богине Тане.

Маленький человечек усмехнулся:

«Слишком жестоко. Кроме того, я отменил Великие Битвы. Как вы знаете, вместо очередного сражения состоится рыцарский турнир. А в такой день изжарить их в стекловаренной печи — дурная выходка, способная испортить любой праздник».

Он повернулся к пленникам и, поигрывая ломиком, спросил:

— Вы слышали мнение Высокого Стола? Теперь я хочу сам допросить вас… ради вас самих же! Но прежде кое-какие сведения, которые, возможно, прочистят вам мозги.

ПЕРВОЕ: Хотите вы или нет, но Ноданн Стратег мертв, так же как и королева Мерси-Розмар. Я вобрал в себя часть их психической силы. Предоставляю вам возможность самим обдумать, что это значит.

ВТОРОЕ: Шарн и Айфа не только взяли Армистис, но и разнесли город на мелкие кусочки. Вы заметили, что в зале отсутствует леди Армида? В эту самую минуту подвластный ей Барделаск штурмуют восемь тысяч фирвулагов. Армида и

ее люди будут драться до последней капли крови. Посланная мною подмога не успела вовремя добраться до города.

ТРЕТЬЕ: Мои соглядатаи донесли, что следующее нападение будет на Ронию. Пока затишье, город в безопасности, но ведь оно когда-то закончится. Мне ли объяснять вам, что значит для всех нас потеря такой крепости. Вспомните, последний владетель Ронии лорд Бормол являлся хранителем тайно провезенных из Галактического Содружества летательных аппаратов, как и его умерший брат Осгейр из Бураска. Всем известно, что случилось, когда пал Бураск? Недоростки отыскали тайники с оружием — самым новейшим, контрабандой доставленным из Содружества, — и с его помощью они теперь рушат стены Барделаска. Но это все пустяки по сравнению с тем адом, в который будет ввергнута Многоцветная Земля, когда они захватят склады, расположенные в Ронии. Так-то, любезные враги! Вот в чем вопрос, дорогие моему сердцу мятежники: если мы не сможем защитить Ронию, то следует разрушить все образцы вооружений, чтобы они не попали в руки Шарна и Айфы.

Сияние, исходившее от скованных цепью рыцарей, резко ослабло. Свет как-то жалобно

пульсировал меж их рядов. Только старый Селадейр остался непреклонным.

— К черту ваши новомодные штучки, исказившие замысел и величие наших битв! — закричал он. — Приведи к покорности всю эту безродную шваль, или ты не король тану. Где твое понятие о чести?

— Думаю, старик, этот вопрос тебе следует задать Шарну и Айфе — королевской чете фирвулагов, — произнес Эйкен. — Как раз сейчас их наместник Мими из Фаморела штурмует Барделаск… Пока такие, как ты, будут ставить подобные вопросы, можно с уверенностью сказать, что их понимание надвигающейся войны с Мраком точно такое же, как у тебя. Значит, мы обречены, потому что подобные взгляды не имеют ничего общего с действительностью. Фирвулаги хотя бы не выдумывают себе противника. Они просто хватают все, что плохо лежит, пока такие, как ты, воюют против своих.

Лицо старого великана, видимое через поднятое кверху забрало, побелело. Казалось, еще немного, и он взорвется от возмущения.

В разговор вступил Кугал.

— Ноданн рассказывал мне, что самые большие запасы новейшего оружия хранятся здесь,

в южных подземельях Стеклянного Замка. Или королева Мерси-Розмар преуспела в их разрушении?

— Она сделала так, что оружие Галактического Содружества нельзя использовать, — ответил Эйкен. — Ноданн никогда не был похож на старого осла Селадейра. Он планировал использовать его позже, после того, как окончательно подавит оппозицию среди людей, когда они полностью покорятся его власти. Во время сражения с Однорукий Стратегом все входы в подземелья оказались завалены, оплавлены или залиты ядовитой пеной. Мы уже послали в Росилан за опытным химиком, прибывшим из Галактического Содружества. Он — самый лучший специалист на Многоцветной Земле, и мы, Высокий Стол, вынуждены просить его, отмеченного всего лишь серебряным торквесом и налаживающего на какой-то кондитерской фабрике производство конфет, помочь нам. Конечно, куда ему до высокородных рыцарей! Так дальше не может продолжаться. Он вовсе не рвется взяться за новую работу, хотя я и обещал ему золотой торквес.

— Если то, что ты сказал о фирвулагах, правда, — Кугал отважился перебить короля, — то выходит, что мы находимся на краю пропасти?

— Я нахожусь, — поправил его Эйкен, потом жестом указал в сторону присутствующих членов Высокого Стола. — Они находятся! Королевский дом тану, которому вы так часто клялись в верности. Вы — нет! Хотя эти испытания могли стать и вашими испытаниями. Вместо того, чтобы рушить государство, следовало спасти Барделаск, обезопасить его границы, вернуть утраченное. Но нет! Вы, гордые тану, выбираете смерть. Мучительную, священную! Как поэтично! Но не надейтесь, что я буду ждать следующего ноября, Великой Битвы, чтобы торжественно лишить вас жизни путем переплавки в Великой Реторте. У меня нет на это времени. Завтра утром, быстро и чисто, из лазерных карабинов. Конгрив выстроит караул, отдаст команду — залп! И все! Вопреки всем заветам богини Таны — вот так, сразу, одним махом. Пиф-паф! Неужели трудно понять, что наступили новые времена, и я еще раз заявляю — для тугоухих! — что сегодня приговор вы выносите сами себе. Сами же выбираете наказание.

Неслышный гул взволнованных голосов, вскриков, реплик, возгласов сожаления заполнил зал. Сияние над головами пленников резко усилилось.

— Но есть еще кое-что, что вам следовало бы

знать, — заявил Эйкен. — Я разговаривал с Элизабет. Совсем недавно, когда начало смеркаться и я уже был здесь, в зале. Человек-оперант, известный нам как Аваддон — Ангел Бездны, готовится покинуть Северную Америку. Он направляется сюда.

Эйкен замолчал.

— Нам было сказано, что одним из возможных решений является смерть. Каков же *иной вариант*? — нарушил молчание Кугал. Он кивком указал на стальной ломик, который король по-прежнему держал в руках. — Ментальная кастрация в обмен на свободу?

— Какая мне от этого выгода? — пожал плечами король. — Я показал этот инструмент просто для того, чтобы… ну, чтобы вы знали, что на свете есть такая штука.

— Кугал, не верь, — начал было Селадейр, но Кугал прервал его:

— Хоть я и моложе тебя, но по субординации выше. Я во всеуслышание заявляю о своем праве говорить от имени всех побежденных, собранных в этом зале. — Затем он телепатически связался со всеми закованными в стеклянные цепи рыцарями. — «Вы согласны, соратники?»

«Мы согласны».

«А ты, Селадейр из Афалии?»

«Я… признаю твое право».

Кугал — Сотрясатель Земли поднял вверх скованные кандалами руки. Хрустальные цепи свисали с его запястий и по кривой касались горла. Доспехи рыцаря засветились ярким золотисто-розовым сиянием.

— Я от лица своих сподвижников, от лица тех, с кем плечом к плечу сражался на поле боя, — объявляю! Мы признаем себя виновными в нарушении клятвы верности. Признаем себя виновными в незаконной поддержке покусившегося на престол. Признаем себя виновными в вооруженном выступлении против нашего законного властелина. Наши жизни принадлежат вам, и вы можете поступить с нами согласно своей монаршей воле, король Эйкен-Луганн. Но знайте, что с этой минуты мы покорны вам до конца наших дней и молим о милости ваше королевское величество. Если вы — король и Высокий Стол — удостоите нас прощения, мы клянемся служить вам нашими мыслями и телами. Тебя, богиня Тана, призываю в свидетели.

Маленький человек повел взглядом вдоль строя. Священные цепи с мелодичным звоном упали на пол.

— Вы свободны. — Король повернулся, направился к трону и сел, положив руки на массивные мраморные подлокотники. Он наклонился вперед, и в то же мгновение неощутимый, но цепкий принудительный захват сжал тело Кугала, и он замер, как жук на булавке.

— Прекрасные порывы, благородные помыслы — это все хорошо, но жизнь среди простых людей — да-да, я из низкорожденных, господа! — приучила меня верить делам, а не словам. Запомните, я не потерплю никаких попыток захватить меня врасплох или, что еще хуже, поставить перед фактом или предъявить ультиматум. Между нами не может быть никакой торговли, никаких уступок, поблажек, quid pro quo [note 4]. Ты понял меня, Сотрясатель?

— Понял, Ваше Величество.

Эйкен улыбнулся, принудительная хватка ослабла.

— Тогда, — произнес король, — самое время перейти к более важным делам. Итак, где вы спрятали оставшиеся аэропланы?

---

note notes: Note4
одно вместо другого (лат.)

4

Задыхаясь, останавливаясь через каждые полсотни шагов, чтобы перевести дух и дать отдых распухшим лодыжкам, францисканский монах Анатолий Горчаков медленно взбирался к укрытой облаками вершине.

Какая жалость, что ему не удалось избежать встречи с бандитами! Несчастный халик! Это доброе, послушное животное никогда не сбивалось со следа — темной ночью, в густом тумане всегда верно выбирало дорогу. Монах остановился, вскинул голову, поглядел вдоль крутого каменистого склона, местами покрытого полосами тумана. До охотничьего домика на северном склоне, куда стремился измученный монах — в миру Анатолий Горчаков, — верхом на халике он бы добрался часов пять назад. Что поделаешь! Как было бы хорошо обсохнуть, согреться у огонька, перекусить, а может, даже заняться делами — ведь не по своей же воле он плутал в диких горах. Где ты теперь, верный друг, подарок благородного Ламновела из Сейзораска? Лакомый кусочек для разбойников, повстречавшихся брату Анатолию на Большой Южной дороге. Сначала он принялся

упрашивать негодяев отпустить его, оставить в покое бедное животное, но четверо дюжих молодцов встретили его мольбы дружным смехом. Уже через мгновение они стали дерзки и грубы, и четыре острых копья кольнули монаха в шею. Брат Анатолий с укором посмотрел на них и, тяжело вздохнув, соскользнул с седла. Тридцать лет кочевал он по Европе эпохи плиоцена и был готов к встрече с самыми мрачными проявлениями Божьей воли. Если ему уготовано последние пятьдесят километров тащиться пешком, что ж — fiat voluntas Tua! note 5 С другой стороны…

Неожиданно атаман разбойников, обыскавший стоявшего с поднятыми руками монаха, заметно подобрел.

— Благодари Господа, что ты беден, — заметил он, потом жестом приказал монаху опустить руки и, нагло усмехнувшись, добавил: — С нашей помощью теперь тебе будет веселее. Тоже поместишь грязь.

Монах промолчал.

— Святой отец, — продолжал атаман. — Знаешь, сколько ты натерпелся бы с белым халиком, я тебе точно говорю. Это же редчайший экзем-

---

note notes: Note5
Да будет воля Твоя!.. (Библия. Мф. 6:10)

пляр. Ты и до города добраться не успеешь, как первые же патрульные в серых торквесах выпустят тебе кишки. Таких халиков берегут как зеницу ока.

— Катх! — нагло осклабившись, заявил более молодой бандит. Во рту у него не хватало двух передних зубов.

Посчитав, что это непонятное, но явно непристойное слово относится к нему, брат Анатолий не выдержал.

— Побереги лучше свою пасть, а то совсем без зубов останешься!

— Падре, это к тебе не относится, — охотно объяснил окончательно подобревший атаман. — Катх — это катехудубильная кислота — краситель, получаемый из коры колючего кустарника. Помоешь раствором такого красителя белоснежную клячу самых благородных кровей, и она вмиг превратится в дикого бурого халика. А там наш путь уже будет на Амализанский аукцион. Когти халик собьет по дороге, следы от седла сотрутся, а чтобы он не казался слишком ручным, сунем ему под хвост небольшую колючку. Дело привычное.

Беззубый молодец хихикнул и, пока другие шарили по переметным сумам, которые вез брат Анатолий, подробно объяснил загрустившему

монаху всю технологию перекрашивания животного. Посоветовавшись, бандиты оставили монаху его одежду и сандалии, мешок с сухарями и несколько палок копченой колбасы, маленький двойной мех для воды и — только после долгих и суровых упреков — кварцево-галогенный фонарь. Они послушали, как брат Анатолий, воздев руки, обратился к Небу с мольбой объяснить неразумным, что идет он в Ночные Горы, что места там дикие, влажность высокая и никаким другим способом огонька не добудешь, а без света в тех горах сразу попадешь в лапы какого-нибудь рыскающего хищного зверя, — и с неохотой сунули фонарь обратно в суму. Совсем расчувствовавшийся атаман подарил ему толстый дорожный посох. С таким снаряжением брат Анатолий продолжил свой путь.

После встречи с бандитами три дня монах пробирался по густому, осыпанному мелким дождиком лесу, росшему вдоль берега бурной речушки. Так он двигался берегом вверх по течению. Необычно крупная неповоротливая первобытная антилопа с саблевидными рогами как-то вышла ему навстречу. Они долго стояли на противоположных берегах, удивленно глядя друг на друга. С подъемом чаща посветлела,

потом сменилась вековым сосновым бором, где вперемежку с соснами на тенистых местах росли красивые ели. Наконец сосновый бор окончательно поредел, и взгляду монаха открылся пологий склон, поросший вереском. Мшистые, потрескавшиеся глыбы торчали из сизого кустарникового ковра. Вдали, за скалистым гребнем, паслось стадо горных козлов с рогами словно турецкие ятаганы. Впереди за камнями мелькнула маленькая серна, с любопытством взглянула на человека в рясе и умчалась прочь. Монах, умилившись, направился в ту же сторону и неожиданно для себя набрел на протоптанную звериную тропу.

Как тут не возблагодарить Господа!

Идти стало легче; когда же в прогале между огромными глыбами показалась Черная Скала, он совсем приободрился. Это был приметный знак, особенно на фоне поросших горными елями округлых вершин. Если дело и дальше пойдет таким образом, то он, чего доброго, сумеет сдержать обещание, данное им четыре месяца назад сестре Амери. Он повстречался с ней в лагере беженцев, устроенном возле Надвратного Замка. Там брат Анатолий и поклялся исполнить доверенное ему этой суровой, с несгибаемой волей сестрой поручение.

Однако теперь, заблудившись в тумане, в преддверии ночи, странствующий монах совсем упал духом.

«Боже! — мысленно воскликнул он. — Неужели я был заносчив, строптив? Неужели мне, старому ослу, никогда не удастся отыскать Элизабет? Неужели мне отказано в Твоих милостях, и я никогда не найду ту жалкую лачугу, а если найду, то какой-нибудь свихнувшийся тану пошлет меня куда подальше да еще в ухо добавит!»

В отчаянии монах присел на плоский камень, доел остатки пищи. От голода и усталости кружилась голова. Сколько раз он спотыкался, падал, скатывался с осыпей. Вот и лодыжка, которую он подвернул в полдень, когда все вокруг плотно заволокло туманом, распухла так, что ремешок сандалии впился в ногу.

Если бы не этот проклятый туман! В каком направлении, куда теперь идти?

Брат Анатолий включил фонарь, и золотой лучик уперся в сумеречную мглу. Он отчаянно взмолился: «Архангел Рафаил, взываю к тебе, покровителю всех путешествующих, отправившихся в дорогу, заблудившихся в пути! Помоги мне, яви доброе предзнаменование, а лучше всего выведи к тем приметам, по которым я мог бы

скорехонько отыскать эту хижину».

Вдохновленный молитвой, странник двинулся вперед, и всего через несколько сотен шагов перед ним открылись три похожие на скирды скалы, светлеющие на фоне аспидных гор, а еще через несколько минут он набрел на кучу старого навоза, оставленного халиком. Теперь не оставалось сомнений — по тропе ходили люди, и, поскольку места здесь пустынные, незаселенные, значит, она выведет его к цели. Брат Анатолий возблагодарил Господа за найденные приметы. И было за что! Лодыжка сильно ныла, он ничего не видел, замерз, проголодался так, что готов был съесть собственные сандалии. Но все это ничего не значило по сравнению с тем, что он все-таки оказался на верном пути.

Брат Анатолий подвесил фонарь на пояс, покрепче сжал посох и бодро зашагал вверх по тропе. Вот и развилка. Теперь куда? Давай-ка вправо, здесь она вроде утоптанней и шире. Маслянисто-желтый конус света запрыгал перед ним, блеснул под ногами мокрый гравий, потом плиты черного гнейса, скользкие, мокрые, затем… ничего!

— Мать честная! — воскликнул монах.

Он качнулся, невольно взмахнул посохом и

ударил им о землю. Конец палки попал в трещину и застрял в ней намертво. Брат Анатолий обеими руками вцепился в него. Еще шаг, и он полетел бы в пропасть.

Пытаясь унять дрожь, монах присел на плиты, успокоил сердце. Вот она, Божья воля! Не верни ему бандиты фонарь, не подари атаман посох, где бы он был? Лежал бы на дне пропасти или бился о камни в стремительном горном потоке? Так-то вот. Острые, режущие края сланцевых плит сквозь рясу впивались в тело, но он даже не чувствовал боли. Склонив голову, сложив на груди руки, монах пробормотал на родном языке: «Славься...» Где-то внизу ревела река, поднялся сильный ветер. Он поднял голову. Полная луна — совсем рядом, можно рукой достать — выплыла из-за горы. Засверкали золотом поредевшие клочья тумана, обозначился зев пропасти. Брат Анатолий содрогнулся при виде отвесных, облитых лунным светом скал. Позади лежала густая черная тень, лишь поверху вырисовывалась отсвечивающая бледным золотом острая вершина. Черная Скала. Значит, хижина близко. Он встал, отцепил фонарь, поднял его повыше. Если в хижине кто-то есть, то они смогут увидеть его. Может, даже окликнут. Если нет, то он сам

подаст голос.

Брат Анатолий вышел на открытое пространство.

— Добрый вечер, — громко произнес он. — Я — Анатолий Северинович Горчаков из ордена братьев-францисканцев. Прибыл сюда с важным посланием. Можно подняться к вам?

Он немного подождал — вокруг царила тишина, только ветер посвистывал над головой. Или то не ветер, а метапсихические волны, ощупывающие его? А может, кто-то — нелюдь? — с олимпийским спокойствием присматривается к нему и выбирает момент, чтобы одним движением мысли смахнуть в пропасть, как надоедливого комара?

Никого здесь нет, обреченно подумал монах. Никого, кроме тебя, старого глупого чудака.

Он прижал к груди посох и фонарь и долго, раскачиваясь из стороны в сторону, стоял на тропинке. Вдруг что-то странное померещилось ему — вроде бы алый огонек? Вон там, повыше… Вот и беленький сверкнул за ним, потом снова алый и опять белый. Что-то вроде пунктирной линии обозначило путь. Монах открыл рот от изумления. Еще больше светляков появилось в тени отвесной скалы — ох, разыгрались! Скачут, мельтешат зигзагами, прыгают, словно на

американской горке, змейками взбираются к вершине скалы. Чудеса! А это что-то новенькое, вон там, в отдалении, напоминающее корзину с раскаленными угольями. А если приглядеться? Он затаил дыхание — в той стороне ясно очертились контуры небольшого Домика, похожего на швейцарское шале.

Брат Анатолий выключил фонарь. Последние клочья летнего тумана растаяли в ночи, и горную страну, насколько хватало глаз, залил ровный золотистый лунный свет. Прошло несколько мгновений, и снова откуда ни возьмись поплыл густой туман, скрывая даль и укутывая только что мелькнувший домик. Погасли огоньки, лишь метрах в десяти по-прежнему тускло горело, словно бакен на реке, багровое пятно, как бы указывая направление от развилки. Он двинулся в ту сторону и еще не добрался до места, как красный светлячок погас, а следом, чуть подальше, вспыхнул белый.

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил монах. К кому он обращался? К скалам, огням? — Вы мне очень помогли. У вас, наверное, уже закипела вода и вы заварили свежий чай? Может, даже угостите бутербродом?

Белая звездочка не гасла. Вокруг было по-преж-

нему тихо, лишь легкий ветерок редко, словно жалуясь, посвистывал в камнях.

— Слава Богу, наконец добрался, — с облегчением вздохнул монах.

Не разъединяя своих разумов, Элизабет и Крейн возвращались из дальнего путешествия на остров Окалу. Расположившись по обе стороны дубового стола и взявшись за руки, они некоторое время сидели в ожидании странного феномена, который уже случался здесь. Вот и теперь они оба разом повернулись к окнам, выходящим на запад. В комнате было темно, и небо за перилами балкона необычно светилось — звезды словно укрупнились и слили свои сияющие ореолы. Как будто в укор золотистому лунному свету.

Крейн: «Это опять появилось».

Элизабет: «Да, как и в прошлые два раза. Разве только помедленнее очерчивается. Может, теперь он более уверен в себе? Тише».

Крейн: «Конечно, перед нами что-то вроде галлюцинации. Как ты считаешь?»

Элизабет: «Мысли путаются… Милосердный Боже! Друг, давай-ка попытаемся познакомиться с ним поближе. Ну-ка, раз, два…»

Тем временем свечение за окном обрело контуры, слилось в туманный, покрывший звезды

силуэт. Это было нечто напоминающее высокого мужчину, находившегося снаружи, метрах в семи от стены дома. Элизабет и Крейн создали тонкий психокинетический луч и с величайшей осторожностью прикоснулись к явившемуся привидению. Что это — материальный объект или наведенный бесплотный образ, сходный с голографическим тридиизображением, присланным сюда тану и фирвулагом? Зонд в случае чего мог служить защитой от непонятного эфирного феномена. Поле, с помощью которого создавался образ, было незнакомо Элизабет.

Крейн: «Это не более чем пугало».

Элизабет: «Как сказать. Может, новое психологическое оружие? Одним словом, луч проткнул его насквозь, как будто там ничего нет».

Мужчина, переместившийся на балкон, был облачен в черное, с блестками, плотно облегающее фигуру трико. Неясные декоративные украшения были разбросаны вокруг шеи и чуть ниже — вдоль пояса. Шея и голова были открыты, слегка завитые локоны стояли дыбом, словно гости на жнивье. Теперь фигура была видна отчетливо; казалось, незнакомец изучал находившихся в комнате.

Беззвучно, используя ментальную связь, делая

длинные паузы между словами, Элизабет произнесла:

«Почему бы тебе не поговорить с нами, Марк, вместо того чтобы устраивать представления?»

Нельзя сказать, чтобы человек не прореагировал на обращенные к нему слова: шевельнулись волосы, на миллиметр приподнялись уголки губ. Сегодняшним вечером, в отличие от предыдущих двух посещений, тело незнакомца было окружено ореолом. Если приглядеться, то можно было заметить следы соединений и жгуты похожих на кабели нитей, уходящих прямо в ночное небо.

Крейн: «Очевидно, цереброэнергетический генератор опять заработал».

Элизабет: «Не скажи. Думаю, они кое-как починили один генератор из трех. Или, может, повреждения, нанесенные Фелицией, вынудили их задействовать какую-то новую схему. Смотри, кажется, он кивнул. Чуть-чуть».

«Ты нас слышишь, Марк?»

Существо осклабилось.

Элизабет: «Вот и хорошо. Мы из сил выбились, наблюдая за тобой, твоими детьми, за Эйкеном, за взятыми в плен мятежниками, да еще за фирвулагами. Почти двое суток дорого нам стоили. Прошлой ночью мы проморгали тебя. Ты был

так увлечен грандиозным поединком, что мы не решились побеспокоить тебя… За кого ты болея в том сражении, Марк? Гибель Ноданна, конечно, полная неожиданность для твоих сбежавших отпрысков, но мы не сомневаемся, что такие бойкие ребята все-таки выберутся на верную дорогу. Для чего они НА САМОМ ДЕЛЕ отправились в Европу, Марк? Очевидно, причины, толкнувшие их на бегство, лежат глубже, чем обычное возмущение родительской опекой и желание отыскать на диких, заселенных варварами берегах свою судьбу. Я не понимаю — устраивать гонку, бросаться за ними вслед из-за пустых, вечных как мир конфликтов? Должно быть, ты уже готов к путешествию? Для нас не помеха даже сигма-поля; мы вполне можем разобраться, какое именно оборудование ты захватишь с собой. Марк, ты уже готов поставить паруса? Мы можем судить об этом по сообщениям тех таинственных шепчущих голосов, что уже которую неделю доносятся сюда из Африки. Дети строго следуют твоим указаниям?»

В глубоко посаженных глазах фантома зажегся свет и так же медленно угас; увяла и ухмылка.

Элизабет: «Марк, у тебя нет плана, с помощью которого ты собираешься помешать мне

сохранить Землю эпохи плиоцена, оставить ее в нынешнем состоянии? К сожалению, я сомневаюсь, что Бреда, составляя план спасения Многоцветной Земли, принимала в расчет тебя и твою сующую нос в чужие дела молодежь. Что ж, я внесу соответствующие коррективы. Я рассказала Эйкену о том, что ты собираешься отправиться в Европу; должна заметить, что Драм был потрясен. Он теперь так серьезно относится к своим королевским обязанностям. Мне кажется, что он вряд ли простит тебе подобную наглую выходку. У него сил куда как прибавилось! Ясно, на что я намекаю? Не сомневаюсь, ты внимательно следил за тем, как он нанес два метапсихических удара. И мне в те дни пришлось нелегко. Я тоже приняла участие в незамысловатой шутке».

Глаза у привидения слегка сузились, смягчился изгиб губ.

Элизабет: «Я хотела бы предотвратить любое силовое противостояние между тобой и Эйкеном. Могу предложить свое посредничество. Важно предупредить роковой просчет с любой стороны. Эйкен уже далеко не тот легкомысленный, играючи транжиривший метапсихические способности ребенок, с которым ты имел дело до того, как тебя поместили в автоклав. Он сильно

изменился с июня и в перспективе, несомненно, пересмотрит свой подход к созданию наступательного потенциала. Думаю, теперь он более осторожно станет относиться к каналу метасвязи, в силу того давнего соглашения, возникшего между вами. Прежде всего он займется активной подготовкой своих подданных, обладающих золотыми торквесами. Для начала он поднатаскает их в умении использовать технические средства связи и борьбы. Раньше они действовали порознь, каждый сам по себе. Подумай, что произойдет, когда рыцари научатся действовать сообща, в строю. В таком случае, если Эйкену удастся собрать достаточно людей, их объединенные силы вряд ли уступят мощности твоих машин. Так что хорошенько подумай, прежде чем что-либо предпринимать. Советую предупредить и детей. Мы должны жить мирно, Марк. Может, ты все-таки ответишь?»

Фигура на балконе вдруг потемнела, по всему контуру, еще различимому в ночи, засверкали звезды. Элизабет попробовала еще раз вызвать Марка. Она мысленно пробежала по всему узкому диапазону психоволн, изменяя частоту и фазу. Все оказалось напрасным. Фантом вдруг задрожал и бесследно исчез.

Наконец разделились и разумы Элизабет и Крейна.

— Черт с ним, с этим гордецом, — с досадой произнесла Элизабет. — Ну его к *дьяволу*! — Она сложила руки на столе, положила на них голову и заплакала.

Крейн обошел стол, приблизился к ее креслу и встал на колени. Не глядя на Крейна, она положила руку на его плечи, и ей как будто стало легче. Женщина дала полную волю своим чувствам и зарыдала во весь голос. Слишком долго длилось тревожное ожидание, слишком муторно было на душе, она устала держать себя в руках, зная, что будущее грозит новыми испытаниями, а то и гибелью.

Забывшись, Элизабет обняла рыцаря тану. Только почувствовав ответное объятие его сильных рук, она открыла глаза, совсем близко увидела подбородок, слишком теплый и широкий для человека; странным, непривычно быстрым было биение сердца экзотического существа. Мысли Крейна едва ли не касались ее, но он не позволял себе переступить черту и вновь слиться разумами.

— Какая же я дура! — выплакавшись, неожиданно заявила Элизабет.

Он погладил ее по голове.

— Вот и хорошо. Совсем по-человечески. Кстати, и по-тански.

— Я делаю все, что могу. В тот день, когда начался потоп, я проснулась в Доме Целителей с мыслью, что теперь вся ответственность за судьбы Многоцветной Земли легла на мои плечи. Знаешь, как стало страшно? Я считала, что у меня нет выбора, мне надо срочно вернуться в свое время. Что меня ждало здесь? Должность генерального инспектора планеты или, скажем откровенно, надсмотрщика? Эти обязанности всегда достаются тому, кто совсем не хочет их выполнять. Бог знает, почему была выбрана именно я. Это не мое решение. Но я допустила столько ошибок, Крейн. Ты даже не можешь себе представить, сколько я напортачила. Вы все считаете, что Великий Магистр ясновидения, Великий Целитель должен быть кем-то вроде колдуна, всеведущего чародея, недоступного пониманию полубога. Но там, в своем времени, я была простой *учительницей*. Я никогда не занималась управлением, социально-экономическим анализом. Почему именно мне выпало разбираться со всеми творящимися здесь безумствами? Кто я — чиновник, принимающий жалобы, или

третейский судья? Теперь этот свихнувшийся галактический Наполеон собирается двинуться сюда с берегов североамериканской Эльбы! Бреда называла меня самым ценным существом в мире. Какая чепуха! Ты не знаешь, какую страшную ошибку я допустило с Фелицией. Как следовало обращаться с такой опасной персоной? Успех Эйкена явился плодом его собственных усилий. Вскоре он прибудет сюда и потребует, чтобы я увеличила его психокинетические способности. В таком случае с ним может случиться нечто подобное несварению желудка, что приведет к полной ментальной дистрофии. Тогда мне придется постоянно подпитывать его энергией. Как же мне поступить? Где гарантия, что, если Эйкен окажется способным переварить полученную от меня силу, он не начнет выискивать новую Фелицию и не обрушится на нее? Тогда у этого обезумевшего Наполеона руки будут окончательно развязаны. У меня, Крейн, даже догадки нет, как выпутаться из такого сложного положения. Я не могу оценить ситуацию в целом, в подобных условиях работать невозможно. Руководство Галактического Содружества — это огромная организация, ему подчиняются власти на местах, Консилиум, магистраты. В их руках все ресурсы

огромного пространства. *Я же постояннооднa*!

Крейн: «Только любовь может помочь тебе. Животворящая, дающая силы».

Элизабет оттолкнула его. Каждый раз, когда Крейн осмеливался коснуться запретной темы, между ними вырастала глухая стена.

Крейн: «Ты могла бы разделить любовь с тем, кто всей душой предан тебе».

Элизабет: «Крейн, мой друг, нет, я не могу…»

— Другого выбора нет, если ты хочешь объединить наши расы, если тебе дороги их судьбы, — вслух произнес рыцарь тану. — Бессмысленно сражаться в одиночку. Ты же знаешь, что я полюбил тебя с первого взгляда — помнишь, у «врат времени»? Никто из нас обоих не выбирал одиночество. Смерть твоего мужа Лоуренса и связанная с ней потеря метаспособностей вынудили тебя бежать на Многоцветную Землю. Я тоже уже около года вдовствовал, когда ты появилась здесь. Разлука с тобой для меня — невыразимое мучение, и никакая беда мне не страшна, когда ты рядом. Вспомни бегство из Авена или конец лета, который мы провели здесь, у Черной Скалы. Я всегда с тобой, боль твоего сердца — моя боль.

Стена между ними была по-прежнему высока и неприступна, однако на этот раз женщина креп-

ко обняла Крейна.

— Прислушайся к голосу своего тела, — тихо продолжал рыцарь. — Никто

— ни тану, ни человек — не может освободиться от телесной оболочки. Ты уже испытала страсть в своем времени, с твоим мужем, и это помогало тебе любить своих учеников и заботиться о них. Теперь ты живешь в другом мире… Здесь ты тоже можешь испытать нечто подобное.

— Ты — мой самый верный друг, — мягко ответила Элизабет. — Я знаю, что ради меня ты готов на все, что твои слова идут из самого сердца, но, Крейн, милый Крейн, ты же знаешь, что я не люблю тебя… в том смысле, какой ты имеешь в виду. Такая помощь бесполезна, от нее не будет толку.

— Это касается других. Мы, целители, обладаем опытом в таких делах и знаем, как вызвать прилив страсти.

— Мой дорогой… — Элизабет подняла голову, встала и отошла от Крейна. Опять полились слезы; невольно она откровенно рассказала ему кое-что из своего прошлого. — Если бы все было так просто. Ты же сам сказал — однажды я любила. В этом и заключается причина. Понимаешь, я знаю, что такое настоящая любовь.

— Неужели пропасть непреодолима? — вос-

кликнул Крейн. — Неужели я так далек от тебя? Неужели недостоин? Встретившись с Бредой, ты многому научила ее, даже начала вводить в круг оперантов. Неужели то же самое нельзя сделать и со мной? Через некоторое время мы бы образовали такое несокрушимое единство, что нашу совместную мощь никто не смог бы одолеть.

— Теперь он стоял рядом, не касаясь женщины, — очень высокий, в красной мантии. На поясе у него сверкали крупные рубины и лунные камни, вокруг шеи

— тончайший золотой торквес.

— Бреда не была тану, — тихо прошептала она. Женщина приблизилась к камину, где догорали сосновые поленья. Огонь почти погас, головешки лежали слишком далеко друг от друга. Элизабет взяла бронзовую кочергу, переворошила угли, собрала их в кучу, продула камин кожаными мехами, и робкие сизовато-алые язычки пламени снова забегали по головешкам. — Бреда принадлежала к более жизнерадостной расе и была похожа скорее на людей, чем на вас. С другой стороны, в чем-то она была ближе к тану. Жизнь ее была невероятно долгой, что придало ей удивительную стойкость. К тому же она была Супругой Корабля. Муж оставил ей наследство

особого рода, и она оказалась способной противостоять суровым испытаниям. К сожалению, теперь бороться с ними приходится нам. Мы все несем ответственность, Крейн, желаем мы того или нет.

Крейн кивнул.

— Теперь я понимаю, что мои страдания ничто по сравнению…

— Не в том дело, — перебила его Элизабет. — Поверь, я просто не знаю способа, как, не нанеся непоправимого ущерба, расширить твои возможности, поднять до вершин оперантского искусства. Как самой во время обучения остаться в живых? Ты хотя бы понимаешь, что я имею в виду? Проникни в мое сознание, только очень осторожно. Прикинь сам, какие существуют возможности для образования новых соединительных каналов.

— Я готов на что угодно, лишь бы ты полюбила меня.

— Теперь замолчи. Сконцентрируй всю свою волю. К сожалению, я не могу тебе помочь в подобных обстоятельствах. Я сама несведуща в сердечных делах. Самое большее, на что меня хватает, — это лечить ребенка Мэри-Дедры. Не думай, что я не хочу расширить твои возможно-

сти или помочь в том, о чем ты просишь. Если бы я только могла…

Она вновь обхватила его, и, словно единое целое, они долго стояли у окон, выходящих на восток.

Крейн: «Наберись храбрости, Элизабет, и рискни. Ты сильная, выдержишь. Если тебе не дано полюбить меня, я утешусь тем, что всегда буду рядом с тобой. Я готов отдать жизнь за тебя. Наберись решимости».

— При чем здесь решимость, когда речь идет о нежных чувствах, — громко рассмеялась Элизабет. — Бреда четырнадцать тысяч лет ждала прихода смерти. Выходит, мне предстоит шесть миллионов лет дожидаться любви?

Длинными тонкими пальцами он коснулся ее опущенных век. Слезы высохли, ее щеки теперь были так же холодны, как и душа. Крейн глубоко вздохнул.

— Давай сменим тему, — предложил он, — успокойся, взгляни на звездное небо. Кстати, наши уже собрались внизу, в гостиной. Они ждут нас… Пусть подождут, им есть о чем поговорить.

— Бедный Минанан. Стоит ли сообщать ему о посещениях этого странного фантома?

Крейн ничего не ответил, и в ту же секунду

стены комнаты как бы растаяли, яркие неподвижные звезды загорелись в вышине.

— Здесь все для нас чужое, — послышался печальный голос Крейна. — Видишь, вон там, над горизонтом, скопление маленьких звезд, чем-то напоминающее кисть винограда. Вы их, кажется, называете Плеядами. Четыреста лет нужно световому лучу, чтобы добраться до Денали note 6, до этого звездного скопления. По ту сторону Плеяд, примерно на таком же расстоянии от Земли лежит Древний мир. Мы, тану, не можем без слез смотреть в ту сторону.

Мы и фирвулаги уже успели создать свою карту звездного неба. На ночном небосводе есть созвездие, которое мы называем Трампет note 7. Видишь его? Чуть повыше Плеяд… Да-да, вот оно. Теперь постарайся различить крайнюю звездочку, как бы завершающую мундштук. Наша галактика Дуат лежит как раз в направлении этого светила. Дуат так далека, что ее нельзя разглядеть в увеличительную трубу, называемую телескопом, которую ваши путешественники во времени

---

note notes: Note6

небольшая «американская» планета с холодным и суровым климатом; здесь родилась Элизабет Орм

note notes: Note7

трубка

привезли из будущего.

Стены комнаты вновь заняли привычное место. Крейн положил руку на плечо Элизабет и чуть подтолкнул ее в сторону ниши, расположенной напротив камина, где прежде помещалось наследство, оставленное Бреде ее супругом Кораблем, — генератор силового поля, называемый комнатой без дверей. Теперь в алькове хранились подарки, оставленные Элизабет Бредой: картина, на которой была изображена спиральная галактика, распустившая далеко в космос два сияющих рукава, и стилизованная скульптура женщины.

— Мы верим, — продолжал Крейн, — Минанан, я и те, кто составляет Партию мира, что Тана постоянно, с материнской заботой, ведет нас к цели. В таком абсолютном слиянии — вектор и итог развития мира; эволюционные изменения физической Вселенной, генетическое совершенствование мыслящих существ вторичны. Тягой к единению с Созидательницей томится каждое существо, каждое поколение по-своему осмысляет путь, и в этом приближении

— цель. Те же, кто придерживается традиционных взглядов, бездумно исповедует сакральные цели нашей религии битв, до сих пор утверждают, что слиться со всем сущим можно только в мо-

мент смерти, саморазрушения. Отсюда призывы к гибели, решающему сражению. Так рождался миф о грядущей всеобщей войне с Абсолютным Мраком, которая сначала поглотит нашу маленькую, пытающуюся спастись бегством общность тану и фирвулагов, а потом окончательно разрушит остальные миры в галактике Дуат.

— Бреда рассказывала мне об этом, — ответила Элизабет, — о том, как подобное мировоззрение укоренялось с помощью ментальных торквесов. Она поведала, как раса тану попыталась навязать торквесы всем остальным народам Дуат. По ее словам, возможно, это и привело к метапсихической катастрофе, погубившей разум в той части Вселенной. Думаю, ее интуитивная догадка верна. Торквес, усиливающий телепатические способности, — впрочем, как и любое другое искусственное устройство, любая механическая подпорка,

— делает невозможным полное и равноправное слияние разумов. Марк Ремилард и его люди успешно доказали это в нашу эпоху.

— А может ли кто-то из вас, людей, узнав о подобном веровании, о таком своеобразном понимании конца света и печальном завершении эволюции разума в галактике Дуат, решить, что в

столь трагическом парадоксе самоуничтожения есть что-то вдохновляющее, достойное подражания? Не внял ли он голосу Тьмы?

Элизабет ничего не ответила — подошла к камину и поворошила остывающие угли. Легким облачком взлетела зола, редкие искры осветили черную кирпичную полость.

— Не думаю, что Бреда разделяла подобную точку зрения. Перед смертью она пришла к выводу, что дальнейшее существование рода тану немыслимо без слияния на генетическом уровне с расой разумных существ, появившихся на Земле. Мне кажется, она вынашивала идею, что со временем, путем смешанных браков между реликтовым населением плиоцена и примитивными хомо сапиенс, удастся внедрить гены будущих метапсихических способностей в первобытные, пустые неандертальские головы. Как появился кроманьонский человек? Ведь это просто смешно — современный человек возник вроде бы ниоткуда, с подозрительной неожиданностью и сразу, за какие-то жалкие пятьдесят тысяч лет или около того, достиг вершин метаискусства.

Элизабет опять поворошила золу в камине.

— Крейн, если ты считаешь, что Божий промысел заключается в слиянии с Абсолютом — в

любой форме, пусть даже через гибель, — то твоя судьба куда более печальна и горька, чем моя. Твой пессимизм уже нельзя опровергнуть. Мы, люди, используем ваш гибнущий разум, психическое наследство питомцев Дуат только как первую ступеньку на пути к союзу — СОЮЗУ, НЕ СЛИЯНИЮ! — всех мыслящих и чувствующих существ Вселенной. Хотя и слияние разумов мы не исключаем, но только не в ущерб личности. Ты когда-нибудь видел, как армия муравьев в лесу преодолевает стремительный поток? Тысячи соединившихся цепью муравьев образуют мост, по которому миллионы их собратьев переходят на другой берег, не замочив лапок.

— Элизабет, мы не думали об этом.

— Зато я часто размышляю на эту тему. — Она осторожно поставила кочергу. — На моих плечах лежит огромная ответственность. Как выдержать подобную ношу? Как не допустить ошибок? Что мне ждать от завтрашнего дня?

— Не надо усложнять положение, Элизабет. Все не так уж плохо. В отчаянии ты просто ищешь отдушину.

— Знаю. Сестра Амери часто говорила, что любая уступка хандре, любое нытье распахивают ворота несчастьям, однако ей так и не удалось

полностью избавить меня от этой привычки. — Элизабет улыбнулась. — Теперь давай спустимся вниз и примем участие в совещании.

Дверь в гостиную на первом этаже, где собрались руководители Партии мира, неожиданно со звоном распахнулась, и в нее, неловко переступив через порог и подобрав рясу, вошел незнакомый монах.

Все замерли — стихли разговоры и смех, прервались мысленные реплики, взгляды присутствующих обратились на монаха. Никто слова не мог выговорить

— настолько невероятным показалось появление здесь этого высокого, седовласого, тоже опешившего чудака. Как он сюда попал? Как сумел не попасться на глаза бдительной Мэри-Дедре и управляющему Годалу, как прорвался через заслон у пропасти? И вообще, как он мог продвинуться дальше кухни, где сидели двое слуг-тану, у них что, ПК-мощности или принудительной силы не хватило, чтобы спеленать его, как малого ребенка? Надо же, ворвался прямо в гостиную! Вот они, голубчики! Теперь хватайте его за рясу, тащите назад на кухню, что-то мысленно бормочите в свое оправдание. Поздно!

— Назад! — вскочив с дивана, взорвался Мина-

нан. В этот момент он напоминал рассерженного Юпитера.

Все собравшиеся у порога — двое слуг-тану, Мэри-Дедра, Годал и сам виновник происшествия — покорно замерли. В гостиной на мгновение установилась гулкая, непривычная тишина.

— Кто это, черт побери? — первой нарушила молчание Элизабет.

Минанан ослабил психокинетические тиски, и все, кроме оцепеневшего, стоявшего на одной ноге, с поднятыми и прижатыми ладонями друг к другу руками монаха, Мэри-Дедры и Годала, удалились. Непрошеный гость был так сжат, что не мог шевельнуться, только глаза живо и с добродушным любопытством посматривали на собравшихся.

— Мы впустили его в дом! — с нескрываемым возмущением поглядывая на старика, начала оправдываться Мэри-Дедра. — Помогли ему добраться до места, обсушили, предложили ужин.

— Он казался таким безвредным, — добавил управляющий делами Годал, — до тех пор, пока Мэри-Дедра не обмолвилась, что Элизабет спустилась в гостиную и теперь совещается со своими благородными друзьями.

— Он при этом так закричал — у него, мол,

важное поручение, — сказала Мэри-Дедра, — и бросился прямо сюда. Никто и сообразить не успел, что у него на уме. Теперь, если вы настаиваете, мы можем мигом вышвырнуть его вон.

В разговор вступил Дионкет — Главный Целитель.

— Прежде всего надо узнать, чего же он хочет.

— Ослабь ему челюсти, Мини, — попросил Перадейр Приходящий Первым.

— Но все остальное держи крепко. Не выпускай, — прибавил Мейн Недремлющее Око.

Монах облизнул губы, прочистил горло, при этом брови его удивленно приподнялись.

— Мне нужно повидать Великого Магистра Элизабет Орм, — произнес он, остановив взгляд на леди Лейлани-Тегведе.

— Это я, — ответила куда более скромная и бедно одетая женщина. На ней было простенькое черное платье.

Во взгляде монаха можно было ясно прочитать некоторое облегчение. Несмотря на нелепую позу — левая нога по-прежнему так и висела в воздухе,

— он начал с большим достоинством:

— Зовут меня Анатолий Северинович Горчаков, я принадлежу к братству монахов-францискан-

цев. Ваша подруга Амери Роккаро послала меня сюда, обязав быть вашим духовным наставником.

Элизабет, ни слова не говоря, внимательно слушала его.

— Может, теперь вы меня освободите? — Брат Анатолий обратился к Минанану: — Я вернусь к своему ужину, а вы продолжите совещание. — Потом он снова взглянул на Элизабет. — Я подожду, пока вы сможете принять меня.

Минанан тоже посмотрел на хозяйку. Та кивнула.

Брат Анатолий с облегчением вздохнул и наконец поставил левую ногу на пол, расцепил руки и поправил на рясе пояс. Потом небрежно перекрестился и добавил:

— Когда будете готовы… — И с этими словами он вышел из гостиной.

5

Самое первое посещение мертвенно-бледного фантома Топи Вейланд воспринял как свидетельство своего близкого конца.

Обезумевший от страха, окончательно добитый допросом, который устроили ему король Шарн и его августейшая супруга Айфа, Тони был совершенно уверен, что впереди его ждут пытки и мучительная смерть. Когда обольстительная гурия появилась в его тюремной камере в Высокой Цитадели, он совсем потерял голову, но сумел взять себя в руки и не задал внушающей ужас посетительнице ни одного вопроса. Возможно, это сказочное существо было послано, чтобы вынудить его совершить какую-нибудь подлость, изменить

— но кому, в чем? — или ожидающие его ласки считались у фирвулагов чем-то вроде последней сигареты для приговоренного к смерти? В любом случае существо оказалось весьма проворным, гладким, сложено подобно человеку — более-менее! Однако черная как смоль кожа и алые волосы выдавали ее экзотическое происхождение. Тони никак не мог понять, в чем тут дело.

Уже решив — хоть несколько минут, да мои, — он страстно обнял ее и был готов идти до конца, как вдруг мысли о неизбежной казни были развеяны самым необычным образом.

Кто-то громко протопал по коридору подземной тюрьмы, и почти одновременно в дощатую дверь забарабанили кулаками. Наконец донесся чей-то ревущий довольный бас:

— Скейта, гром тебя разрази! Я знаю, что ты здесь! Вот проворная сучка! Незавидная участь досталась тебе, приятель! Ладно, Скейта, собирайся, мы немедленно отправляемся в Горию.

Подобное вторжение вмиг отбило у Тони всякое желание, тем более что по голосу Тони узнал Карбри Червя, захватившего его в плен. Гурия тоже издала яростный вопль, проклиная хохочущего великана, и быстро отскочила от человека.

— Что ты так застеснялась, милашка? — заворковал Карбри с той стороны двери. Его зеленый глаз блеснул в дверном смотровом отверстии. — Заканчивай мероприятие! Приказ Шарна и Айфы. Нам надо быстрее отправляться в Горию, пока этот висельник Ноданн не успел изжарить мозги безродного узурпатора. Мы так надавим на него, что он тут же вернет наш священный меч и даже задуматься не успеет, как отказаться от сделки,

которую мы заключим. Мы покидаем Высокий Замок не позже чем через час — слышишь, Скейта? Так что оставь свое гнусное занятие. Этот осел может подождать, пока ты вернешься.

Обольстительное создание склонилось над узником, ее прекрасные, поблескивающие в полумраке камеры с каменным потолком волосы коснулись лица Тони. Руки скользнули по груди. «Попозже, любимый», — шепнула она и повела маленькой ручкой с алеющими на пальцах ноготками по его груди, тронула пупок. Тони даже передернуло, и в то же мгновение стены камеры закружились перед глазами. Гурия поцеловала его в губы, и он ощутил вкус спелой клубники. Спустя секунду Тони догадался, кем была столь привлекательная распутная особа. Она наверняка из породы гоблинов, решил он. Но как сладок был ее поцелуй!

— Не уходи, Ровена! — забывшись, прошептал Тони.

Прекрасная чернокожая дева тут же приняла свой настоящий облик. Тони вскрикнул от ужаса.

Отвратительная великанша-людоедка нависла над ним, голова ее уперлась в каменный потолок. Тони что-то слышал о ней; кажется, ее звали Скей-

та Устрашительница. Великанша усмехнулась, словно прочитав его мысли, во рту показались клыки, кривые, как турецкие ятаганы.

— Что, хороша? — игриво поинтересовалась великанша. Она потрепала Тони по подбородку. Ручища ее по размеру и цвету была похожа на окорок. Пощекотала его. — Еще увидимся, — пообещала дьяволица, потом задумалась. — Слушай, а почему бы мне не взять тебя с собой? Поедешь сзади, седло я тебе приторочу, а по дороге у нас будет уйма подходящих моментиков.

Два долгих дня — без сна и отдыха, в окружении сопровождающей их свиты — мчались на запад посланцы короля и королевы фирвулагов. Привалы были редки и только для того, чтобы заменить загнанных халиков на свежих скакунов. В Бураске их застала грянувшая как гром новость — в схватке с узурпатором погиб Ноданн Однорукий. Всем сразу стало ясно — их миссия потеряла всякий смысл. Тем не менее, желая продолжить соблазнительные игры, Скейта сняла дорогой номер в самом лучшем отеле Бураска. В то время, когда городом владели тану, в этом величественном здании помещалось увеселительное заведение. Казалось, здесь все располагало к любви. Однако, как только довольная Скейта игриво

заметила: «Черт побери, разве это не подходящий моментик?», Тони Вейланд свернулся калачиком и захрапел.

Скейта выругалась, недобрым словом помянула хрупкость и слабость человеческих неженок и приняла свой обычный облик. Следовало поразмыслить, каким образом разбудить в Тони любовный пыл — способов было достаточно. Можно придумать какие-нибудь необычные развлечения — не одной же любовью занимаются гоблины! Он бы с удовольствием принял в них участие, а уж потом… За приятными размышлениями ее застал мелодичный звон, словно серебряный колокольчик звякнул в голове. В тот же миг покрытая звериными шкурами кровать с храпящим на ней Тони растворилась в воздухе. На ее месте появилась пелена тумана, затем как бы распахнулось широкое окно, и в номере возникло изображение королевы фирвулагов Айфы. Издалека донесся голос августейшей особы:

«Скейта, мой первый капитан!»

— Я здесь, Ваше Ужасающее Величество!

«Немедленно прекрати свои пошлые фокусы. Вижу, чем ты собираешься заняться, — и это в то время, когда гибнут высокородные принцы, сотрясается земля и дурные предзнаменования,

пророчества о гибели плодятся, как черви в куче соломы на земле. Ты можешь хотя бы на время забыть о своих вульгарных вожделениях? Нам предстоит столько важных дел. Война на пороге! Надеюсь, ты собираешься принять участие в сражениях?»

— Всегда ваша покорная слуга, Полноправная Повелительница Высот и Глубин.

«Так-то лучше. Я требую, чтобы ты и Карбри Червь во весь опор мчались к Барделаску. Теперь, когда Ноданн погиб, а низкорожденный мошенник еще не оправился после поединка, мы не имеем права терять ни минуты. Самый удобный случай начать генеральное наступление! Городишко Барделаск вполне созрел, чтобы упасть нам в руки. Мы приказали Мими из Фаморела направить туда его отборный корпус. Тебе же и Червю предписываю срочно догнать войско и находиться при нем в качестве наших личных наблюдателей. Король Шарн и я желаем иметь точный и подробный отчет — нам надоели хвастливые генеральские реляции. Хватит разукрашенных навозных куч! Впереди нас ждут серьезные испытания. Ты хорошо знаешь этих придурков, с их воспевающими собственную безумную храбрость посланиями, бездарными

попытками скрыть потери, с их неспособностью верно оценить уровень боеспособности войск и алчностью. Эти вояки вполне могут сжечь город, чтобы скрыть повальный грабеж и обмануть корону при разделе добычи. Запомни самое главное: этот поход — первый серьезный экзамен для хозяина Фаморела. За пятьдесят лет ему впервые доверено проведение серьезной военной операции. Горцы достаточно хорошо проявили себя в последней Великой Битве, однако тогда их крепко держал в узде генеральный штаб. Сейчас они действуют самостоятельно, и я должна быть уверена, что эти дикари вполне овладели основами военного искусства».

— Армия едина, сознания едины! — бодро выкрикнула Скейта новый победный клич фирвулагов.

Королева как бы не заметила, что ее перебили.

«Обязательно сохрани все документы, письменные распоряжения, докладные — они нам понадобятся для изучения и приобретения боевого опыта. Совсем не для наград и раздачи отличий — на этот раз войска воодушевлять не надо. Всем известно, что в Барделаске варят самое крепкое пиво на Многоцветной Земле».

— Понимаю, теперь так называют стратегиче-

ские цели!

«Без шуточек! Будь хладнокровна и приметлива — это касается и Червя. И вот еще что. Запомни, когда начнутся большие дела, Мими должен надежно защитить наш южный фланг. Скоро мы двинемся на Ронию. В следующем месяце. Взятие Барделаска — что-то вроде маневров. Генеральная репетиция. Так что постарайся. Толково выполни задание, и после победоносного штурма мне будет все равно, сколько пива ты выпьешь и сколько низкорожденных заиграешь до смерти. А теперь в путь. Слитсал!»

— Слитсал, Ваше Величество! — отсалютовала великанша, медленно гаснущему образу.

Затем великанша перебросила Тони Вейланда через плечо и направилась на конюшню.

Десятью часами позже два капитана армии фирвулагов вместе с их потерявшим сознание пленником добрались до брошенного тану форта, расположенного на берегу Соны. В пути им пришлось чуть сбавить ход из-за густого тумана, надвинувшегося на Вогезы и Юру со стороны Золотого берега. Здесь, в маленькой крепости, их уже ждали, даже речной катер подготовили — конфисковали вместе со шкипером. Шкипером оказалась женщина человеческого рода, из низ-

корожденных, без серого торквеса. Она чем-то напоминала бобовое зернышко — такая же неуклюжая и гладкая. Однако, несмотря на отсутствие на шее торквеса и наглухо схватившую ее лодыжки цепь с якорем в двадцать семь килограммов, который она запросто таскала в руках, женщина оказалась далеко не робкого десятка. Когда пританцовывающий от нетерпения Карбри приказал морячке быть готовой к отплытию в Барделаск, та осталась невозмутимой.

— Прямо разбежалась! — без всякого страха сострила она. — Экий быстрый нашелся, сейчас штаны сброшу.

В змеиных глазах Червя промелькнули искорки смеха.

— Не дерзи, низкорожденная! — произнес он. — У тебя нет выбора — разве что желаешь посмотреть, что там на дне Соны? Так и нырнешь туда вслед за своим свинцовым якорем.

— Днем раньше, днем позже, — философски заметила женщина. — Всем известно, что случается с теми, кто попал в лапы таких, как ты. Насилуют, разрывают на части, а сначала тоже раздают сладкие обещания. Нет уж, мистер людоед. Можешь теперь же швырнуть меня за борт.

— Тану постоянно распускают гнусные слухи, —

огрызнулась Скейта. Она только что перенесла Тони на палубу и уложила на удобную скамью. — Спроси парня. Никто не собирается его глотать.

— Пока, — мрачно заметила морячка.

Тони тупо посмотрел на нее.

— Навыдумывают, наведут тень на плетень… — продолжала ворчать Скейта, потом оглядела катер и радостно воскликнула: — Какой чудесный кораблик!

Карбри подтянулся. Его обсидиановые, покрытые искусной золотой гравировкой доспехи, украшенные россыпью крупных чистых бериллов красивого зеленого цвета, блеснули в разрываемом солнечными лучами тумане.

— Низкорожденная, знаешь ли ты, кто мы? Перед тобой знаменитые герои Великой Битвы, а ныне посланцы Их Величеств, августейших правителей фирвулагов!

— Чудище ты, и больше ничего, — возразила женщина. — А чудища едят людей. Все великаны этим грешат, а ты, парень, и есть самый настоящий великан.

Карбри с размаху ударил себя кулаком в грудь. Панцирь мелодично зазвенел.

— Как высокородный член Карликового Совета, я, Карбри Червь, клянусь честью: никто не

причинит тебе вреда при условии, что ты согласишься помочь нам. Ты будешь свободна, если как можно быстрее доставишь нас в Барделаск. Мы должны избежать встреч с речным патрулем тану и районе Ронии и благополучно преодолеть четыре порога.

В эту минуту гоблины из отряда, размещенного в форте, доставили багаж посланцев королевского дома фирвулагов и, склонившись в поклоне, ожидали дальнейших распоряжений. Карбри через плечо глянул на них, выстроившихся на корме катера, потом широко улыбнулся и протянул руку женщине-шкиперу.

— Давай-ка помогу донести твой якорь к рулевому колесу.

Женщина молчала, покусывая нижнюю губу.

— Какой крепенький, очаровательный кораблик! — Скейта, оглядывая катер, все никак не могла успокоиться. — Он, должно быть, очень быстроходный! Такой хорошенький-прехорошенький. Как ты думаешь, долго нам придется плыть, дорогой?

— Мы можем добраться до Барделаска не больше чем за двадцать шесть часов, если эта желчная бабенка примется за дело всерьез. К тому же надо собрать все силы, чтобы благополучно преодо-

леть пороги.

— Превосходно, — одобрительно согласилась великанша, — так не пора ли нам отправляться?

— Ладно, договорились. — Шкипер вместе с Карбри, подхватившим тяжеленный свинцовый якорь, двинулась на корму. Всего через несколько минут катер отчалил от пристани.

Как только Рония осталась за кормой, Тони задремал. Тихо плескалась вода за бортом катера, вокруг сгустилась ночная мгла, туман клоками плыл над маслянистой широкой рекой — казалось, катер двигался в какой-то таинственной сказочной пещере. Во сне сердце Тони наполнилось таким счастьем, таким ожиданием — спали оковы, которыми опутала его дьяволица, да и образ ее вдруг смягчился, приобрел знакомые манящие черты. Он потянулся к ней, своей Ровене, невесте из рода ревунов.

— Я не могу без тебя, — бормотал он в забытьи. — Все из-за того, что у меня в эти дни не хватило сил. Если бы они не отняли у меня серебряный торквес, все было бы по-другому. Теперь делать нечего, придется тебе забыть меня… Забыть навсегда…

— То-о-ни, я здесь, с тобой, — долетел до него сквозь дрему тихий приятный голосок. — Не

бойся. Обними меня, будь таким же ласковым, как прежде.

— Мне… трудно без торквеса. Вот в чем беда.

Однако Ровена — или все та же мерзкая развратная тварь? — была мучительно настойчива. В голове Вейланда бродила какая-то смутная тревога, мерещилась опасность, но какая? Откуда? Он метался на узком ложе — на чем? С кем? Тони открыл глаза, и то, что он увидел, привело его в ужас.

— Ах! — вскрикнул он и ударил кулаком прямо в прекрасное, темнокожее, обрамленное алыми волосами лицо. Потом вскочил с кушетки и упал лицом на палубу.

— Эй, на корме, у вас все в порядке? — раздался в темноте веселый голос Карбри. Он кричал с полубака.

— Нет! — резко ответила Скейта. — Не суй нос в чужие дела, Червь.

Она приподняла Тони и снова посадила его на ложе. Слабый зеленоватый свет, сочившийся из какой-то трухлявой гнилушки, освещал корму. При таком освещении волосы Скейты имели неопределенный цвет — от ярко-красного до тусклого серого. Прижавшись к Тони, она начала осыпать поцелуями его лицо, потом погладила

спину.

— Умоляю, перестань. Верни мне одежду, — отпрянул от нее Тони.

Скейта ущипнула его за мочку уха. Поцелуи жгли грудь. Словно назойливые насекомые, от которых нет спасения. «Я так хочу!» — шепнула дьяволица.

Тони затрясло от отвращения, он резко отстранился.

— У тебя было столько мужчин человеческого рода! Неужели непонятно, что все твои усилия, если я не желаю, бесполезны. Как ты не понимаешь, что настойчивым должен быть я, а не ты.

— Ты боишься меня, бедный мальчик? Не пугайся. Если у нас будет все хорошо, я тут же отпущу тебя. Мои сородичи так настроены против соитий с людьми, а ты мне очень нравишься. Недавно до меня дошел слух — от ревунов в Нионели, имевших опыт общения с, мужчинами. Так вот, они утверждают, что ты — нечто сказочное. Что твои ласки слаще всего на свете.

Несмотря на отчаянное положение, Тони почувствовал гордость.

— Ну, тогда я испытывал непреодолимый соблазн. Мне нужно увлечься новизной, успокоиться, обрести силы.

— Да? Так бы сразу и сказал. Что тебе не по душе? Мое тело? Мне казалось, оно выглядит весьма соблазнительным. Если тебе не нравится, давай сотворим что-нибудь другое. Говорят, у тебя молодая жена из ревунов. Я тоже могу предстать в каком-нибудь экзотическом облике. Могу завить волосы — для меня пара пустяков! Или с тех пор, когда ты носил серебряный торквес и разгуливал этаким золотоволосым красавчиком, ты совсем обессилел?

– *Ну пожалуйста*! — Тони бочком отодвинулся от Скейты. — Ты бы вернула мне торквес, — тихо попросил он.

Великанша задумалась — видно, что-то прикидывала.

— Ты считаешь, что без него твои силы убыли? Что без такой побрякушки не может вспыхнуть страсть?

— Конечно. Ты же знаешь, когда мужчины-люди бывают особенно энергичны с экзотическими женщинами. Когда на нас надеты торквесы! Любовник в этом случае становится… просто неукротим. А без ожерелья — и даже с ним, если кто-то со стороны воздействует, например, внушает чувство опасности, — все напрасно.

— Ага, — совсем не к месту заключила Скейта,

размышляя о чем-то своем.

Наступила гнетущая тишина.

Тони ощупью нашел свои штаны и рубашку. Чернокожее, с алыми, облитыми зеленоватой грязью волосами существо не двигалось. Тогда он, едва сдерживая нетерпение, натянул одежду и одновременно отодвинулся на край кушетки. Странная гурия даже не взглянула в его сторону.

— Ты же не обладаешь особой метапсихической силой, — неожиданно нарушила тишину Скейта. — Почему же тану наградили тебя серебряным торквесом? Чтобы ты мог совершать подвиги в увеселительных заведениях?

Тони застегнул последнюю пуговицу.

— Конечно, нет. В Финии я был очень важной персоной. Меня высоко ценили как инженера-металлурга. Я руководил производством бария.

— Занятно. Шахта, где добывают бариевую руду, была одной из наших основных целей. Мадам Гудериан подсказала, что без этого металла тану не смогли бы изготавливать торквесы.

Тони инстинктивно почувствовал, что не стоит болтать слишком много.

— В общем-то, рудоносная жила там почти выработана, а ее продолжение глубоко уходит в недра, — торопливо произнес он. — До нее не

добраться и за миллион лет.

— Или за шесть миллионов, — добавила Скейта.

Тони держался очень спокойно. Тело гурии как-то само собой изменило форму, вытянулось, налилось плотью. Устрашительница Скейта посмотрела на него сверху вниз.

— Зачем ты рискнул проникнуть через «врата времени», Тони? — вполне дружелюбно спросила она.

— Ну… Одним словом, обычная история. Девушка, которую я любил, ушла к другому парню, моему непосредственному руководителю. Мы втроем работали над одной темой, на одном и том же оборудовании, так что, понимаешь, и речи не было, чтобы они оставили лабораторию. Положение стало совершенно невыносимым.

— И ты сбежал?

— Естественно, хотя и не сразу. Для начала я сунул эту парочку в гидравлический пресс на восемьсот меганьютонов и нажал кнопку.

Глаза Скейты расширились от удивления.

— Ты?

— Сначала все решили, что произошел несчастный случай, но я-то знал, что галактические судебные власти рано или поздно докопаются до

истины. Как ты считаешь, я достаточно чувствительно лягнул эту парочку?

— А ты мне *нравишься*! — Скейта шлепнула Тони по плечу.

— Тогда почему бы тебе не освободить меня? Я никогда не буду достаточно хорош для твоих опытов. Ты меня до смерти напугала, теперь хоть палкой бей! Эх, если бы я был свободен!.. Неделю спал бы без просыпу. Я дьявольски хочу есть!

— Черт с тобой! — громко расхохоталась Скейта, затем крикнула в дверь закутка, где разместился Карбри: — Эй, приятель, тащи сюда корзину с едой!

Она наклонилась к Тони и лукаво подмигнула ему:

— Насытишься, ложись отдохни. Вот сюда, здесь мягко, не будут беспокоить пороги. А пока мы спускаемся к Барделаску, я займусь делами. Когда там все будет кончено, тогда и поговорим о твоем освобождении.

Тони опять задремал. Ему снился сон — охваченная огнем, гибнущая Финия; улицы, заваленные грудами тел, ревущие, разъяренные страшилища-фирвулаги, в последнем броске штурмующие ворота дворца; лорд Велтейн и его отряд летучих охотников, задыхающихся в едком дыму, их

яростные крики, доносящиеся до Тони; он сам, отчаянно прорубающий дорогу сквозь орду низкорослых захватчиков, его аквамариновый меч, сокрушающий нападавших.

Силы окончательно оставили его.

Где-то в глубине сознания Тони ясно ощущал, что все было не так, что не он действовал мечом. Он даже представить себе не мог, что грозная Финия может рухнуть под ударами фирвулагов и беглецов из будущего, населяющих верховья Мозеля. И вдруг, наплывом — Дворец Наслаждений: его любовница-тану, разделившая с ним ложе, ее голова, разбитая ударом железной палицы, он сам — его тащат к выходу на расправу. Страх, жажда мщения охватили Тони. Он отчаянно сопротивлялся — дрался до того момента, пока внезапно не открыл глаза. Реальность обозначилась сплошной пеленой дыма, языками ревущего пламени. Отблески падали на стенки прозрачного пузыря, служившего лодке крышей, следом в сознании прояснились слабо слышимые боевые кличи. Ноздрей коснулся запах гари, ему стало жутко — вне сомнения, где-то рядом гремела битва.

Тони поднял голову, в кубрике никого не было. Дверь нараспашку. В прогалине видны заросли

высоких раскидистых папирусов, так плотно обступивших катер, что в воздушном пузыре царил полумрак. Он подобрался поближе — катер был пришвартован в первобытном, залитом водой лесу. В просветах между деревьями виднелся противоположный берег, горящая пристань, город, объятый пламенем. Это же цитадель тану, несчастный Барделаск! Разрушенные стены, дома и стройная центральная башня, вершина которой упиралась в низкое облачное небо. В узких стрельчатых окнах метались отблески огня, слышались частые рокочущие взрывы, напоминавшие залпы карабинов больших калибров.

Горе Барделаску! Бедные жители. Штурм только что закончился, в городе добивали последних защитников.

«Сколько же времени он проспал?»

Удивляясь, что страшилища бросили его, Тони выбрался на палубу. Из зарослей, впереди по носу, доносились тихие голоса, потом оттуда долетел взрыв смеха. Он затаил дыхание.

— Замечательно! Просто здорово! — громко захохотал Карбри Червь.

— Нет ничего лучше небольшого приключения, — согласилась Скейта. — Эти трупы так возбуждающе действуют на, казалось бы, давно

забытые низменные инстинкты. Даже слюнки потекли.

Карбри омерзительно хихикнул.

— Ты еще скажи, что не прочь отведать этого парня. Каким-нибудь особым способом.

— Мой час настанет, дружок. У меня свой подход, не раз проверено.

— Ладно, меня это не касается. У нас с тобой другие задачи. Ты следишь за мной, я — за тобой. Играем честно.

— Годится. И то, что останется после моих забав, достанется тебе. Идет?

— Почему бы и нет. Давай и в такие игрушки поиграем, — совсем развеселился Карбри.

С той стороны отчетливо послышался какой-то хруст. Тони похолодел. Тьфу! О каких остатках шла речь, о каких инстинктах? Слюнки у нее, видите ли, потекли. Тут ему припомнился разговор перед отплытием, грубая, мрачная морячка.

«Тану лгут… пропаганда… клянусь честью высокородного члена Карликового Совета…»

Кстати, где шкипер?

Спереди вдруг пыхнуло нестерпимым жаром, и сразу же заросли опалило огнем. Такое впечатление, будто где-то рядом открыли заслонку и оттуда вырвалось пламя. Неожиданно голоса

фирвулагов стали удаляться.

— Отличная Великая Битва в миниатюре получилась, не так ли? — Карбри никак не мог успокоиться. — Только дисциплина в армии совсем расшаталась, когда наши храбрые воины напились местного пива. Чего еще можно было ожидать?

— Я выставила старому Мими высший балл за проведенную операцию, — ответила Скейта. — Его особый корпус проявил себя с самой лучшей стороны, особенно если принять во внимание слабую вооруженность войск современным оружием. Это все, что нам удалось доставить в Фаморел.

— Представляю себе, как удивилась высокородная леди Армида, когда Андувор Двулапчатый всадил пулю ей в грудь, — произнес со смехом весельчак Карбри. — Бедная, она свалилась прямо в чан, где бродило сусло, осквернила, так сказать, все содержимое.

Великаны предались воспоминаниям. В стороне от них вдруг раздался громкий всплеск, потом еще два, поглуше. Не иначе — решили заняться туалетом. Смыть в реке кровь павших на поле брани. Или съеденных? Кто-то там громко и сладко зевнул.

— Слушай, — обратилась к Карбри Скейта, — я поговорила с местными земными женщинами. Посоветовалась насчет всяких любовных хитростей, которые может придумать партнер. Есть просто необыкновенные развлечения. А слезы у моего милашки высохнут, как только он получит подарок, который я нашла ему в Барделаске, он просто взовьется от радости, начнет извиняться за холодность. Тогда наступит мой час. Смотри, не засни, когда начнутся самые сладкие забавы. Сам попробуешь.

Вконец испуганный открывшейся перед ним перспективой Тони выполз из каюты и, шатаясь, отправился на корму. Бросаться в реку было бессмысленно

— далеко не уплывешь. И как здесь выберешься, если катер покрыт куполом от носа до кормы. Силовое поле, создавшее его, так плотно, что и палец не просунешь. Попытаться сломать стеклянные панели по бортам? Нет, все глупо, безнадежно, откуда взять силы?.. Может, спрятаться? Но где? Тони попытался поднять решетку, закрывавшую вход во внутренние помещения под палубой. Не тут-то было — решетка даже не шелохнулась. Промежутки между прутьями слишком узки. Шкафчики в других каютах тоже

не могли вместить его. Ящики под скамьями забиты всяким хламом. Выбросишь его — сразу станет ясно, где искать. Нет, на носу не найти убежища! Запереться в каюте? Монстриха одним пальцем выломает дверь.

Может, на корме, в куче багажа, который фирвулаги везли с собой? Чего там только не было! Всякие сумки, узлы, тюки, посылочные ящики и чехлы, напоминающие тубусы для перевозки карт или чертежей. Господи, какие карты эти ублюдки могут возить с собой?! И все открыто, разбросано, распаковано…

Кстати, где же все-таки женщина-шкипер? Ох, до нее ли теперь! Где? Разве непонятно! Ну звери, ну волки. За что мне такая напасть? Тони судорожно рылся в вещах, пытаясь соорудить из груды узлов нечто подобное норе.

— То-о-ни, ты уже проснулся?

Человек на мгновение замер, потом попытался укрыться за огромным кожаным коробом для перевозки оружия. Чернокожая гурия с гривой алых волос появилась на носу, принюхалась и, сделав игриво-загадочную мордочку, подняв брови и растянув пухлые губки в слащавой улыбке, осторожно, словно водящая при игре в прятки, двинулась на корму. В руках она держала что-то

поблескивающее в пламени горящего города.

— Дорогой, — нежным певучим голоском проворковала она, — у меня для тебя есть замечательный подарок. Как раз то, о чем ты просил. Теперь нам ничто не помешает слиться в экстазе.

На середине катера она задержалась, нахмурилась.

— То-о-ни, ну где же ты?

Тони в безнадежном, отчаянном порыве сжался в комок, пытаясь укрыться за объемистым коробом, обвязанным веревками. Он торопливо развязал его, надеясь влезть внутрь, сунул руку — кисть провалилась в одно из отделений. Пальцы нащупали там что-то металлическое, холодное, гладкое. Длиннее, чем его рука, с деревяшкой на конце. Одним рывком Тони вытащил непонятный предмет наружу.

У него перехватило дыхание. Не может быть!

— А ну-ка, немедленно выходи, — прошипела гурия, размахивая подарком. Тони наконец обратил на него внимание. Это был торквес, только не серебряный, а золотой.

Он высунул голову, глянул на приближавшуюся Скейту и усмехнулся.

— Сейчас, моя глупышка!

Тем временем он осторожно передернул затвор — дело привычное. С подобной игрушкой он был на «ты» еще с давних пор, когда ему довелось провести каникулы на дикой Асинибойе.

— Глупыш! — хихикнула Скейта и, поигрывая бедрами, словно паучиха, исполняющая любовный танец перед тем, как слиться в смертельных объятиях, двинулась к нему. Тони не спеша встал на ноги, до самого последнего момента пряча руки за кожаным коробом. Когда она оказалась совсем рядом и протянула ему заветный торквес, он выхватил двуствольный карабин, с которым когда-то охотился на слонов, «Ригби-470», и выстрелил ей в лицо.

Грохот выстрела, сильная отдача — все вокруг завертелось перед глазами. Тони с трудом взял себя в руки. Великаншу отбросило на середину палубы, верхняя часть черепа была снесена, и невидимые стенки защитного воздушного пузыря вдруг окрасились кровью.

В это время на катер, извиваясь кольцами, начал вползать ужасный дракон. Ядовитая слюна капала из его пасти, сплошь зеленые глаза размером с тарелки уставились на человека. Тони всадил ему пулю из второго ствола прямо между удивленными изумрудными глазами.

Как зачарованный, он подошел к распростертому, замершему телу Скейты, медленно поднял вывалившийся из ее руки торквес и надел на свою шею. Про себя в тот момент он тихо вымолвил: «Ровена».

Затем в напряженной телепатической тишине он внезапно услышал странные шипящие и булькающие звуки. Грустная истина открылась ему — он далеко не свободен. За роковые выстрелы придется платить. Как высока будет цена — еще предстоит узнать.

6

Ядовитая пена с чавканьем и бульканьем, вздыхая, словно живое существо, клочьями выдавливалась из подвалов, где хранилось оружие и прочие товары, контрабандой доставленные из будущего. Запертые массивные двери не могли сдержать ее напор. Потоки пенистой массы стекали на мощенную булыжником площадь, расположенную в южной части Гории, изжелта-зеленая слизь частично заполнила водоем со ступенчатым дном.

— Что-то напоминающее дьявольский пудинг по Нессельроде, — химик Этельберт Анкетель Милледж-Векслер обратился к стоявшему рядом королю. Защитная сфера, из которой они разглядывали открывшуюся внизу зараженную местность, наконец замерла, перестала покачиваться.

При посвящении недавно появившегося на Многоцветной Земле беглеца из будущего в кавалеры серебряного торквеса тану дали ему более короткое прозвище — Векс-Великан. Тем самым они натолкнули химика на мысль вообще сменить имя и фамилию, чтобы ни у кого из

населявших эпоху плиоцена людей не возникало никаких ассоциаций с прошлым. Сказано — сделано; теперь Этельберт Анкетель был известен как Берт Кандиман. Так он без всякого смущения и представился королю.

— С помощью этой гадости королева Мерси-Розмар запечатала подвалы, — объяснил Эйкен. — Она очень не хотела, чтобы я воспользовался спрятанным здесь оружием в сражении с Ноданном и его сторонниками, однако и окончательно испортить его она не желала. Королева надеялась, что наступит день, когда все будет востребовано для настоящего дела. Час пробил, а где королева? Вот в стремлении напакостить она несомненно преуспела. Взгляните, клочья липкой пены наполнены ядовитым газом. Стоит обыкновенному человеку глотнуть порцию этой дряни — и мгновенная смерть. Если то же случится с тану, не защищенным специальным коконом, летальный исход наступает через шесть недель.

— Надо нам взять пробу пены, — предложил Кандиман, — и поместить вот сюда. — Он указал на небольшое устройство, размером и формой напоминающее переносной транзисторный магнитофон. — На верхней плоскости прибора

установлена воронка. Результат анализа будет готов через полсекунды.

Эйкен кивнул. Маленькая сфера материализовалась над смердящей пеной и втянула в себя порцию отравленной пены. Затем пузырек проник внутрь большого защитного шара, где находились люди, приник к жерлу воронки аппарата и впрыснул туда колдовское ядовитое варево. Берт тут же прикрыл воронку и с интересом посмотрел на миниатюрный экран.

— М-да, ее ушедшее от нас величество поработала без всякой выдумки. Она использовала обыкновенную молекулу полиуретана. Сначала разложила исходный изолирующий материал на составные компоненты — диизоцианат толуола и полиоксипропилентриол. Потом нагрела эту вонючую смесь и залила водой из водостока. В результате дальнейшего разложения образуется быстродействующий смертельный яд — цианистый водород.

— Как же мы можем с ним справиться?

— Ну, выдающийся метапсихический специалист мог бы просто повторить этот процесс в обратном порядке.

Король, казалось, не слышал его — он все так же задумчиво смотрел вниз.

— А что можно предпринять еще? — наконец спросил он.

— Наиболее подходящим растворителем для пены является ацетон. Он эффективен и безвреден для фторуглеродного термопластика, в который упаковано оружие. Только я не могу взять в толк, где вы возьмете сотни литров ацетона? Или у вас есть свои запасы?

Эйкен горько рассмеялся.

— Возможно, там, — он указал на подземные склады, — есть установка, на которой мы за пять минут получили бы столько ацетона, сколько надо, — если, конечно, нам удалось бы отыскать ее. К сожалению, королева разрушила управляющий складским хозяйством компьютер, так что все это — не более чем огромная куча высокотехнологического хлама. Пока я сам не пойму, как получить ацетон, я ничего не могу потребовать от своих людей.

— А-а! Ну, это совсем нетрудно. Куда проще, чем осуществить мою идею. Я хочу усовершенствовать процесс маринования таким образом, чтобы грецкие орехи, которые мы используем при изготовлении сливочного шоколада, приобрели вкус

орехов пекан… note 8 Эйкен прикрыл глаза, и Берт Кандиман тут же оборвал свой веселый рассказ, застыв с таким видом, словно его хлестнули по лицу.

— Мы можем получить ацетон из древесных стружек, — уже более сухо, по-деловому заговорил Берт. — Смешать их с негашеной известью — у ваших строителей ее должно быть в избытке. Затем перегоняем смесь с целью получения кальциевой соли уксусной кислоты. Нагреваем продукт для разделения на фракции и получаем ацетон. Вот и все.

— Сколько времени потребуется для получения необходимого количества ацетона? — спросил Эйкен.

Они шагнули на ступеньки каменной лестницы. Шар, созданный ментальной силой, свободно выпустил их и тут же сжался, словно кто-то удалил из него невидимый газ.

— Дайте мне людей, возможность без помех заготовить все необходимые материалы, и растворитель будет готов через три недели. Некоторые операции могут затянуться, если не снабдить рабочих спецодеждой. Все-таки мы

---

note notes: Note8

дерево семейства ореховых высотой до 50 метров; растет с лесах Северной Америки, дает съедобные орехи

имеем дело с ядовитыми веществами. Пену-то мы смоем, но в подвалах останутся цианиды…

— Вы рассуждаете как дилетант, а ведь обладатель серебряного торквеса считается опытным, владеющим метапсихическим искусством человеком, — упрекнул химика король. — Это неудивительно, так как сфера ваших профессиональных интересов лежит скорее в области интеллектуальной, чем психической.

Они шагали узким коридором. Король Эйкен бросил беглый взгляд на плиты, образующие его стены.

— Вы получите все, что вам надо, — продолжил он. — Если не обойтись без спецснаряжения, вы и его получите. Людей — заметьте, опытных специалистов — тоже. Никакая опасность не должна вас останавливать. Теперь насчет кадров. Сильные и умелые психотворцы соорудят необходимую аппаратуру, доставят все исходные материалы. Ваша задача заключается в том, чтобы точно сформулировать, в чем вы нуждаетесь. О своей безопасности они сами позаботятся, вам надо только заранее предупредить их. Они же будут вытаскивать ящики с оружием, а в случае чего и вас защитят так же надежно, как и себя. Вот еще что. Психотворцы будут работать день

и ночь, без сна. Все надо закончить за неделю — времени вполне достаточно, если у вас в распоряжении окажутся такие молодцы тану.

Эйкен распахнул дверь в маленькую приемную. Дюжина рыцарей-великанов, одетых в светское платье, ожидали появления короля. Как только открылась дверь, они все разом вскочили и приложили руку к золотым торквесам в знак верности. Их защитные ментальные барьеры были сняты. Они принадлежали либо к Гильдии Творцов, либо к Гильдии Психокинеза. Зрелище было настолько величественное, а все общество — такое благородное, что Берт Кандиман невольно в благоговейном страхе отступил назад. По железным сословным обычаям, безраздельно царящим на Многоцветной Земле, ему, обладателю серебряного торквеса, в присутствии таких господ следовало вести себя тише воды ниже травы. Разве что король поможет — снимет бессознательный унизительный страх, который охватил ученого.

Король едва заметно усмехнулся и представил его собравшимся. Потом назвал рыцарей:

— Прежде всего познакомьтесь с Кугалом — Сотрясателем Земли и Селадейром из Афалии, — потом он обвел рукой остальных тану, — а

также с их соратниками. Кугал и Селадейр станут вашими главными помощниками. Если не будет хватать людей, дайте мне знать.

Берт Кандиман, не в силах произнести ни слова, молча поклонился. Нестройный хор мысленных приветствий долетел до него. Король все с той же понимающей усмешкой смотрел на ученого. Вдруг выражение его глаз неуловимо изменилось. Взгляд Эйкена как бы обрел плоть, проник в душу — Берт стоял ни жив ни мертв. Что-то творилось с его торквесом — он заметно потеплел, изменился, потом до него на волнах психокинетического поля долетел тихий голос, поздравивший его с награждением золотым торквесом.

— Даю вам семь дней на получение растворителя, — вслух сказал король,

— и на обеззараживание ящиков с оружием и оборудованием. Трудитесь так, будто судьба Многоцветной Земли зависит только от вас. Впрочем, в каком-то смысле так оно и есть.

— Не может быть! — не выдержав, воскликнул потрясенный Кандиман. Следом за ним сбитые с толку рыцари тану выразили свое удивление. Неслышимые слова, раздробившись, отразились от стен и несколько раз, путано и угасая, прозву-

чали в комнате.

Король ничего не ответил, настороженно и испытующе оглядел присутствующих — растерянных, подавшихся вперед — и в одно мгновение исчез.

Эйкен: Очал, как идут дела?

Очал: Пока все хорошо, Ваше Величество. Я с авангардом только что переправился через реку Гелегаар. Скоро мы достигнем Каламоска. Там пересядем на халиков и коротким броском доберемся до Афалии. Думаю, быстрее чем за десять часов.

Эйкен: Калейдоскоп какой-то! В любом случае ваш передовой отряд должен попасть в Афалию раньше гостей из Северной Америки. К несчастью, им благоприятствует устойчивый сильный ветер с юга, и Морна-Йа предвидит, что они достигнут полуострова Авен еще сегодня до полуночи.

Очал: Великая Тана! Чтобы у них зубы повыпадали! Фургон со спецснаряжением и наши главные силы смогут прибыть в Афалию не раньше чем через сорок часов после нас. Если их механические повозки на полной скорости рванут от побережья по старому авенскому тракту, мы не сможем их опередить.

Эйкен: Да! Тут сложилось мнение, что нам не следует доверять Клу Ремилард, несмотря на то, что она дала слово чести. Что произойдет, когда рядом с нею окажется ее брат с компанией вооруженных до зубов ребят? Клу утверждает, что они — наследники революционной славы отцов — не имеют намерения захватить Многоцветную Землю. Но можно ли в таком случае добиться правды — не знаю, пока не изучу, что там запрятано у них в мозгах.

Очал: Что нам делать, Ваше Величество?

Эйкен: Ваш авангард слишком малочислен и плохо вооружен, задерживаться в Афалии вам нельзя. Продолжайте выполнять намеченный план: вы являетесь в город как посольство королевского двора, Клу должна устроить вам встречу с Уимборном и другими Бастардами, заключенными в крепости. Вы заявите, что забираете их с собой в Каламоск, и тут же оставляете город. Пока ее брат не прибыл в Афалию, пока Кугал находится в моих руках, она побоится использовать против вас метапсихическую силу.

Очал: А вы тем временем подбросите подкрепления в Каламоск?

Эйкен: Нет, надо немного выждать. Совершенно очевидно, что Хаген Ремилард попытается

догнать вас. Не сомневаюсь, что его отряд отлично вооружен. Однако что-то подсказывает мне: эти североамериканские ребята в конце концов поймут, что ситуация патовая, и воздержатся от нападения, тем более от решительного штурма Каламоска. Тогда настанет мой черед вести переговоры.

Очал: Вы собираетесь прибыть в Конейн, Ваше Величество?

Эйкен: В свое время. Возможно, через два-три дня мы увидимся в Каламоске. Помни, я полагаюсь на тебя, Очал. НЕ ДОПУСТИ, ЧТОБЫ ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ С БАСТАРДАМИ БЭЗИЛА.

«ШАРН! Здесь дружок твой Эйкен! Как там у тебя? Долгое время от тебя ни ответа ни привета. Что за сукин сын разгромил БАРДЕЛАСК?»

«Сейчассейчассейчассейчас… МимиФарелвицекорольнамвопрекинеизвестив ВысокийЗамокпозволилнапастьналедиАрмидумирпрахуее».

«К черту вранье!»

«Эйкен! Дружок!.. Неужели ты всерьез считаешь, что мы действительно поддержали такое беззаконное выступление против тебя, моего самого лучшего друга? Неужели ты думаешь, что я позволю так легко нарушить данное мной королевское слово?»

«Пой, ласточка, пой…»

«Клянусь! Даю слово как Полноправный Властелин Высот и Глубин, Отец фирвулагов».

«Заткни фонтан! Я очень хорошо знаю цену твоему честному слову, даваемому людям. (Цветное непристойное изображение.) Не рассчитывай, что, похищая первобытных и аэроплан для Ноданна, ты поступаешь мудро».

«О сладость моей души, ты разбиваешь мне сердце! Я впал в искушение, попался на удочку Ноданна, этого дьявола в обличье тану».

«Ты считаешь, что подобное объяснение удовлетворит меня? Значит, ты дал задний ход тем договоренностям, что были достигнуты между нами? Имей в виду, ты плохо начал, король с ядовитым жалом скорпиона. Ты сам вынуждаешь меня. У меня был план провести Великий Турнир, но теперь…»

«Нет, ты не должен так поступать. О великая Тэ, провалиться мне под землю, черт побери!»

«…но теперь я лучше разобью его на части, зажарю с луком и съем. Вероломные жулики не имеют права владеть священным мечом».

«Друг… Король Эйкен-Луганн… Брат-властитель… Между нами возникло какое-то чудовищное НЕПОНИМАНИЕ».

(Ехидный смешок.) «В самом деле! Я докажу! Мима сегодня же оставит Барделаск».

«Черт побери, Шарн, осел в королевской мантии! Ты меня совсем за идиота считаешь? Кому теперь нужно это пепелище? Рыцари Армиды погибли!!! Что толку в твоих извинениях!»

«Ну… мы можем возместить ущерб».

«Рония!»

«?»

«Повторяю еще раз — Рония! Хватить лицемерить! Отмени немедленно нападение на Ронию».

«??»

«Откажись от планов захвата Ронии. Ты же наметил штурм на конец сентября».

«Пусть великая Тэ будет свидетельницей».

«Отлично, сегодня же ночью жди налета Летучей Охоты».

«Не знаю, если только Медор, Бетуларн или Файнор тайно замыслили перехитрить меня. Даже не знаю, как их удержать».

«Удерживай, как знаешь, спасай свое чертово лицо, но руки прочь от Ронии!»

«Ладно! Зря ты так волнуешься. Тебе следует немного отдохнуть».

(Опять смех.) «??? (!) Эйкен, в самом деле, Мы вполне можем быть друзьями. Многоцветная

Земля достаточна обширна для нас обоих. И вот что насчет меча. Тебе известно, что в глазах моих людей нет реликвии священней, чем наш меч. Он принадлежал святому, великому, величайшему Шарну Свирепому. Верни его, Эйкен. Мы сразу заключим мир. Клянусь!»

«Ты уже клялся на прошлом турнире. Запомни, сохранность меча зависит от твоего поведения».

«Согласен. Я всегда знал, что ты разумный человек. Запомню твои слова».

«Обязательно. И расскажи своим нетерпеливым парням. Пусть они сохранят боевой пыл до турнира».

«Замечательная идея! Подожди, я хочу показать тебе нечто удивительное

— Поющий Камень».

(Изображение.) «Спокойной ночи, Шарн».

«Спокойной ночи, Эйкен».

СПОКОЙНОЙ НОЧИ…

В первый раз за эту неделю король вошел в свои апартаменты.

Двери, отлитые из золота, бесшумно затворились за ним сами по себе, следуя его мысленному приказу. На створках дверей не осталось никаких следов от той ужасной ночи, когда сюда, в прихожую, рвались солдаты. На следующий день

он приказал вынести все вещи, принадлежащие королеве Мерси-Розмар. Теперь, минуя тихую полутемную гостиную, окна которой выходили на балкон — отсюда открывался завораживающий вид на залитое лунным светом море, — он сразу заметил отсутствие некоторых картин, скульптур, комнатных растений. Вот и ткацкий станок, на котором она вырабатывала прекрасные шерстяные платки, исчез. Станок Мерси привезла с собой из будущего. Не было и миски с водой, которую всегда с такой жадностью лакала ее любимая белая собака. Пес был жутких размеров, где он теперь? А вот здесь стоял резной шкаф красного дерева — в нем королева хранила настои из трав, необыкновенно полезные, придающие силы… Вынесли голубой плед и вышитые подушки, что лежали в тростниковых креслах.

Наконец Эйкен добрался до комнаты Мерси-Розмар. Пустые шкафы стояли с открытыми дверцами. Пустые вазы грустили о цветах. И туалетный столик исчез. Вместе с ним коробочки с драгоценностями, баночки с кремами и флаконы духов. Даже запаха не осталось. Вынесли ее любимое кресло-качалку с подсветкой для чтения, привезенное из двадцать первого века; были убраны книги, декоративные фарфоровые

тарелки, видеокассеты с записями средневековых карнавальных шествий, любимые опер и музыкальных пьес; не было и видеофильмов с записями лекций, посвященных тем местам на Старой Земле, где они когда-то путешествовали вдвоем. Тогда он был совсем зеленым юнцом с далекой планеты, заселенной выходцами с Земли. Вспомнилась прошедшая зима, дожди, без конца поливавшие Стеклянный Замок, вспомнились бессонные ночи. Вспомнились и они сами, обсуждавшие планы захвата власти…

Она ушла. Она осталась. Навечно. Впрочем, как и все вокруг. Вокруг? Король вздрогнул. По затемненным углам прятались невидимые, бесплотные насмешники, они пальцами указывали на него, стоявшего посреди гардеробной

— хихикающие соглядатаи. Его обожгли потоки воспоминаний. Голова, казалось, трещала по всем швам. Эйкен вдруг почувствовал себя обнаженным; походный костюм из золотистой кожи, который он не снял даже тогда, когда последние клочки летнего тумана унесло прочь, теперь растворился. Король что-то забормотал. Если бы ты любила меня! Если бы я не любил! Вспомнился ее голос: «Когда я умру, ты останешься один. Ты больше никогда не полюбишь. Ты — глупец,

пожирающий сам себя. Как будешь жить?»

Ну вот, он выжил, хотя и не мог справиться с соблазнами, влекомый инстинктами, — впрочем, и она тоже. Оба хороши — обезумели от ярости, зависти, жажды власти, оба домогались запретного, готовы были поклониться любой запредельной силе, только чтобы выжить.

Выжить?

«У меня не было выбора!» — мысленно воскликнул король.

Он очнулся в королевской ванной комнате. Как он там оказался, сам забрел? С удивлением увидел свое отражение в зеркальных стенах — высохший, съежившийся манекен в золотистом кожаном кафтане, таких же штанах, ботфортах. Обеими руками король зажал уши. Изо всех человеческих сил! Он словно увязал в болоте, в чем-то более жидком — прогорклом, горячем, — здесь была живая боль. Он вскрикнул: ты принадлежишь мне!

Вроде полегчало.

Маленький человечек жадно всматривался в свое отражение. Все та же украшенная ониксом и золотом ванная комната. В центре — небольшой бассейн, где вода на одной стороне била ключом из притопленной холодной трубы и соблазни-

тельно парила на другой. Корзины с огромными букетами желтых орхидей. Лунный свет, украдкой проникающий сюда сквозь прозрачную, забранную матовым стеклом крышу. Пачки пурпурных полотенец, рядом его желтый халат. Кувшин с охлажденным льдом медовым вином и хрустальный стакан; помнится, насчет стакана он сделал особое распоряжение — именно такой и никакой другой!

Все складывалось удачно.

Эйкен внимательно изучал свое усталое и скорбное лицо, выглядывавшее из просторного капюшона. Губы плотно сжаты — видимо, как реакция на его невольно вырвавшийся вопль, исторгнутый во время битвы. Нос заострился. Возможно, от простуды — последнее время король неважно себя чувствовал. Ниже шеи не хотелось и смотреть. Он потому и носил все эти дни жесткий, похожий на корсет кожаный костюм, чтобы скрыть от любопытных глаз свое сильно распухшее тело. Король знал — стоило ему разоблачиться, и последствия злоупотребления едой и женщинами сразу станут явными. Это было недостойно короля.

Казалось, все складывается так удачно.

Он отстегнул и снял капюшон. Его темные, с

заметной рыжинкой волосы были почти так же черны, как и глаза. Скинул ботфорты, расстегнул пояс и через голову стащил длинную кожаную рубаху. Тело, выносливое и крепкое, еще не окончательно обрюзгло, на руках и ногах просматривались выступающие мускулы… Кое-где на коже запечатлелись следы от складок кожаного костюма: потертости, рубцы. Удивительно, но он вовсе не производил впечатления сластолюбивого толстяка. Видно, за последнюю неделю ему удалось вернуть форму.

Эйкен громко расхохотался и нырнул в бассейн.

Все складывалось замечательно!

После купания король, устроившись на балконе со стаканом медового вина в руке, с любопытством наблюдал за бесшумным полетом сов. Серебристый свет луны, осветивший каменные плиты на полу, фигурные балясины и резные деревянные поручни, лениво искрился вдали на спокойной морской глади.

Позади кресла мягко затрепетала занавеска — кто-то вышел на балкон. Олона! Она была высока и стройна, как молодое деревце, ее светлые волосы развевались при дуновении ветра. Женщина приблизилась, послала телепатический зайчик,

тронула легким перышком мысли эротические центры в сознании короля.

— Не надо, — произнес Эйкен.

— Простите, Ваше Величество. — Женщина была одета в светящееся, спадавшее свободными складками платье. — Я решила, что могу помочь вам.

— Что ты еще решила? — поинтересовался король. Тем временем его мысленный лучик мягко — так, чтобы гостья не заметила, — открыл ему цель ее посещения.

— Я очень рада, что ты одержал победу и оба изменника погибли. И Салливан Танн с ними за компанию. Теперь я навсегда твоя.

Эйкен вежливо засмеялся.

— У меня будет от тебя ребенок, — сообщила Олона, положив руку на живот.

— Так же как и у других шестидесяти семи женщин тану. Я же король.

— Я думала, что обрадую тебя такой новостью, — обиделась она.

— Мне известно, о чем ты думаешь, Оли, — ответил Эйкен, пригубив бокал с вином. — Я знаю все! Когда я убедился, что Мерси мертва, и выплеснул все свои силы на Фелицию, ты окружила меня заботой, помогла преодолеть охватившую меня

слабость. Я благодарен тебе за поддержку, рад, что ты родишь мне еще одного сына. Но оставь мысль, что тебе удастся манипулировать мной.

— Мой король, забудь о том, что я сказала, — попросила Олона, отступая к балконной двери.

— Бедная Оли, твое честолюбие может причинить тебе много неприятностей, — перебил ее Эйкен. — По нынешним временам королев у меня вполне достаточно.

— Я вела себя глупо и самонадеянно. Не надо меня наказывать, — продолжала упрашивать его Олона.

— Да, если ты поймешь, что я изменился.

Олона колебалась. Теперь, когда страх покинул ее, женщине открылось, что сказанные королем слова были рождены не гневом, а глубокой печалью.

— Мне следует покинуть Горию? — спросила она.

— Конечно, нет. И если сегодня мы не будем делить ложе, не думай, что моя любовь к тебе исчезла. Ты необыкновенно очаровательная, страстная и нежная возлюбленная, и скоро мы вновь обнимем друг друга. Но не сейчас. Можешь поцеловать меня на прощание.

Она коротко рассмеялась и, бросившись к нему,

сначала едва коснулась губами его губ, а потом наградила короля долгим, исполненным жгучего желания поцелуем. Эйкен чуть обнял ее — женщина обвила его тело, и, раскрываясь навстречу ее желанию, он как бы начал оттаивать изнутри. Она открылась ему вся — и король забылся.

Позже Олона устроилась у его ног и долго смотрела на море.

— Правду говорят, что ты впитал в себя сознания Ноданна и Мерси-Розмар? — спросила она, нарушив наконец молчание. — Так поступали наши легендарные герои, жившие в утерянном мире Дуат. Когда мы разделим с тобой ложе, — оживилась она, — я смогу кое-что взять у тебя?

— Элизабет утверждает: то, что случилось — поверь, все было сделано отнюдь не по моей воле, — всего лишь перераспределение, или, скажем, упорядочение метапсихических составляющих разумов Ноданна и королевы, — попытался объяснить король. — Я ничего не слышал о легендах мира Дуат, но Однорукого Воителя и Мерси-Розмар я живьем не заглатывал, не вынимал их души.

— Хотя сам не раз пугался своих мыслей, не так ли? Сколько раз ты спрашивал себя — неужели они во мне, ведь так? — не унималась Олона.

— Дорогая Оли, твоя глупость неописуема. Неужели в замке именно так объясняют мое недомогание?

— Все знают, что ты никак не можешь заснуть. Все видят, как ты страдаешь.

— Считаешь, у меня нет для этого причин? Разве ты не знаешь, что устроили в Барделаске фирвулаги под прикрытием перемирия?

— Значит, война? — Олона невольно прижала руки к своему животу.

— Если война неизбежна, я разнесу их в пух и прах.

Она в отчаянии схватила его за руку.

— Но ведь накопленная энергия сделала тебя во много раз сильнее. Ты теперь настолько могуч, что Шарн и Айфа не осмелятся выступить против тебя! Ведь так?

Если бы! Если бы он мог использовать украденную психическую энергию! Но в том-то и загвоздка, причем не единственная! Овладение чужими сознаниями нанесло ему неизлечимую рану. Он никогда не отважится в полной мере обнаружить бессилие, овладевшее им к концу последней битвы. Никогда и ни перед кем он не сможет открыть свою тайну. Кроме Элизабет. Ей одной известно, что, в сущности, особых спо-

собностей к метапсихическим действиям у него никогда не было. Ему удавались только самые простые функции. Кое-как взлетал, да и то не всегда, а что уж говорить о той колоссальной энергии, которая необходима для поднятия в воздух Летучей Охоты — четырехсот тяжеловооруженных рыцарей! Грозное и страшное оружие. Он больше не мог создать грозный психокинетический удар или отразить лазерные лучи мысленным экраном. Да, он до предела подпитался от Ноданна и Мерси-Розмар метапсихической энергией, вытеснившей и разрушившей его собственные метафункции. Он не мог совладать с нею — даже не раздвоение чувствовал король. Его держали как свидетеля — беспомощного, безвластного, наблюдающего за бурными схватками разнородных сил, овладевших его разумом. Это было удручающее зрелище! Сейчас пришло время заняться конструктивной работой: распределить приобретенную психокинетическую энергию, настроить дополнительные каналы для ее использования. Ему следовало как можно быстрее овладеть способностью манипулировать любой повышенной нагрузкой — от этого зависит судьба Многоцветной Земли. И в такой момент он оказался бессилен! Ему следовало обеспечить

взаимодействие энергии, поступающей по метаканалу, с энергией, создаваемой новейшей техникой, переданной ему Аваддоном. На все требовалось время, а его не было. Наполнение тела подспудной, запретной энергией могло свести с ума. Кстати, Элизабет предупреждала его об этом. В то же время обстоятельства вынуждали блефовать, постоянно выказывать силу, то и дело призывать к порядку своевольных и дерзких подданных. Иной раз приходилось опускаться до мелкой лести или грубого обмана, свойственного лишь бродячим иллюзионистам. Вот почему не было теперь задач более важных, чем обеззараживание складов с оружием и поиск древней летательной машины, которую Бэзил Уимборн с командой спрятали где-то в Альпах.

«Мой король, я буду нема как рыба. Доверься мне».

«Что?!»

Эйкен мгновенно очнулся. Думы увели его слишком далеко от замка, от Олоны, покорно прижавшейся к его ногам. Неужели он даже защитным экраном не стал отгораживаться — так и думал в открытую? Безумец! Женщина поднялась, склонилась над ним. Король лихорадочно погрузил в нее свой ментальный зонд, изучил ее

мысли. Олона в тот момент обходилась без слов — любящая, проникшая в его заботы, она была полна сострадания.

«Я буду молчать».

Олона правильно поняла ситуацию — лучше всего помалкивать. Если хочешь спасти жизнь будущего ребенка, сама остаться в живых и сохранить любовь короля, то надо молчать. У нее достанет ума, нежности, доброты, чтобы помочь ему, и лучше всего — без слов. В него надо вдохнуть веру, возвратить бодрость.

«Эйкен, все будет хорошо. Ты найдешь выход. Ты должен его найти. Ты же наш король».

«Да», — отрешенно ответил он и откинулся в кресле, прикрыл веки и замер, ожидая, когда женщина уйдет.

Потом Эйкен долго разгуливал по крепости. Бродил от здания к зданию, поднимался на башни, по изящным, как бы летящим в воздухе мостикам добирался до частично отремонтированных бастионов, осматривал их снаружи и изнутри. Вокруг было темно, лишь редкие огоньки вспыхивали за стенами крепости. В темном небе при слабом лунном свете тихо позванивали звезды, и в хоре светил раздавались громкие голоса бдительных часовых. Король мог

гордиться такими добросовестными служаками. Он и гордился! Окруженный невидимой и неслышимой толпой домовых, появляющихся в предрассветные часы, король поднялся к шпилю главной башни, больше других пострадавшей во время схватки с Ноданном. Когда-то они с Мерси наблюдали отсюда за падением метеоров. Теперь здесь велись восстановительные работы. Эйкен приблизился к пролому, рядом лежали пыльные стеклянные блоки. Надо приказать побыстрее закончить ремонт, решил он и окинул взором раскинувшийся вдали пролив Редон. Легкий бриз начал поигрывать полой его шелкового халата.

А чем нанимался он в эти дни?

Он еще не поднял паруса?

«Ты слышишь? Ответь», — спросил Эйкен. Вот чем он владел в совершенстве, так это умением устанавливать телепатическую связь. Расстояние в несколько сотен километров его не смущало. Например, стоило пожелать увидеть разрушенный Барделаск, и в то же мгновение перед его взором предстали еще дымящиеся руины, плавное течение реки, заросли папируса на противоположном берегу. Телепатическая связь являлась как бы «мускулами» метаспособностей, и успех в дальновидении зависел в большей

степени не от силы, а от ловкости посылающего сигнал. Это качество обслуживалось особой базовой нейронной цепью, объединенной в единый комплекс с восприятием физических чувств и куда менее уязвимой, чем способности, в которых была задействована голография.

Почему же нет ответа? Сейчас ночь, скоро рассвет, самые лучшие часы для телепатической связи, тем более что ему известен его личный мысленный код. Он должен сразу понять, кто его вызывает.

Возможно, он решил теперь ограничиться наблюдением и не предпринимать никаких шагов для установления связи?

Присев на корточки, король сунул голову в стенной проем. Затем он расслабился и широким спектром, захватывая почти весь диапазон телепатической связи, послал мысленный сигнал. Метапсихический луч летел по траектории, огибающей Землю, едва касаясь спокойных вод Атлантики. Все дальше и дальше… Энергия почти не расходовалась, только в голове возник комочек боли.

Вот и побережье Северной Америки.

Теперь осторожно приблизимся. Сузим луч. Возьмем южнее. Луч метнулся через теплые,

кишащие рыбой лагуны Джорджии, потом пробежал по Аппалачскому проливу и уперся в остров Окала. Что это за точки внизу? Это же люди, их психические ауры.

Боль в голове усиливалась, однако Эйкен сумел сконцентрировать луч и метнуть его к южной оконечности острова, где располагался большой залив, защищенный от ураганов широкой линией атоллов — предшественников Бермудских островов. Там у причала должно стоять судно.

Резкаяболь рассредоточилась, как бы рассыпалась в разные стороны. Вот она, шхуна «Кулликки». Нарядная, добротная, четырехмачтовая. Глубоко осела в воде, значит, уже загружена. Элизабет сообщила, что островитяне поставили над причалом защитный зонтик из сигма-поля, но он не почувствовал никакого барьера. Шхуна стояла на якоре метрах в сорока от берега. Никакой генератор не мог выработать достаточно энергии, чтобы накрыть всю эту площадь.

Мучительная боль. Теперь следует поискать самого Ремиларда. Все бывшие революционеры собрались на палубе в ожидании рассвета. Он в одиночестве сидел на корме, на верхней палубе — звездное небо шатром нависало над ним. На нем была черная майка и просторные рабочие

брюки.

Марк Ремилард улыбнулся Эйкену Драму. Фигура Марка была как бы подернута легкой дымкой, однако голос его звучал ясно и громко, словно он находился рядом, на продуваемой ветром башне крепости в Гории.

«Как видишь, мы готовы к отплытию. Дали волю чувствам, — грустно улыбнулся Марк. — После двадцатисемилетнего сидения в этой дыре некоторые из нас с большой неохотой покидают остров. Кое-кто называет его родным домом».

«Тогда зачем?»

«Ах, я совсем забыл, — произнес Марк, широко улыбаясь. — Полагаю, ты до сих пор не имеешь представления о нашей деятельности? Что там наговорили тебе блудные дети? Не слушай их, нам надо по-прежнему держаться друг за друга. Пришло время открыть правду, король Эйкен-Луганн. Мой сын Хаген и дочь Клу и их ровесники отправились в Европу с одной-единственной целью. Они хотят вернуться назад и для этого открыть „врата времени“, но теперь уже со стороны плиоцена».

«Это невозможно!»

«Я согласен с тобой, — с печальной улыбкой ответил Марк. — Однако, боюсь, такая деформа-

ция тау-поля вполне возможна, если принять во внимание конструктивные характеристики необычайно сложной аппаратуры. Молодежь захватила с собой полный комплект чертежей генератора, изобретенного Гудерианом. Кроме того, они взяли с собой кое-какое оборудование и специальные детали, которые нашли на наших складах. Они попытаются убедить тебя помочь им людьми и необходимыми материалами. Со своей стороны, я бы посоветовал тебе не спешить принимать их в свои объятия, пока хорошенько не взвесишь всех последствий».

«Открыть… люк… ВЕРНУТЬСЯ…»

«Мои дети полны надежды „вернуться домой“, в Галактическое Содружество, — так они называют этот бездумный, нелепый поступок. Они бросились вслед фантому, ускользающей, обманчивой причуде. Вот что я думаю по этому поводу!»

Светало… Слепящий край солнца показался над неровной линией горизонта. На холмы Арморики пришло утро. Оглушительный рев заполнил телепатический эфир. Скрежет, грохот, завывания нестерпимой болью отозвались в голове Эйкена. Картина залива и готовой к отплытию шхуны затрепетала, поблекла, однако голос, долетавший до короля из другой части света, был по-прежне-

му ясным и громким.

«Поразмысли над этим, Эйкен. Устроят ли тебя „врата времени“, ведущие назад, в Галактическое Содружество? И как сопутствующий эффект — свободный доступ из двадцать второго века в наше замечательное время. Ты хочешь этого, король Эйкен-Луганн? Ты хочешь вернуться домой?»

Поднялся ветерок, засвистал в проломах башни. Руки короля дрожали, словно по ним пропустили электрический ток. Полуослепший, не в силах противиться боли, он совсем сполз на каменные плиты и прислонил пылающий лоб к холодному стеклу.

Очнулся Эйкен, когда солнце уже стояло высоко и снизу на лестнице слышались веселые голоса рабочих. Создать вокруг себя скрывающий от чужих глаз защитный покров еще было в его силах — невидимый, он проскользнул в королевские покои. Там он направился в свою спальню, где хранил прежний костюм, в котором явился из будущего, с множеством накладных карманов. Расстегнув молнию на одном из карманов — под правым коленом, он вытащил из него небольшую брошюру, спрятанную ровно год с неделей назад. Книжка была озаглавлена:

ГЕНЕРАТОР ТАУ-ПОЛЯ ГУДЕРИАНА Теория и практическое применение

— Хотел бы я вернуться домой? — спросил он себя вслух, потом сел на край огромной круглой постели — солнечные лучи затрепетали на спущенных парчовых занавесях — и открыл первую страницу.

7

Собственно, не сами гигантские пауки, а их манера питаться окончательно вывели мистера Бетси из себя.

Шел девятый день, как в Афалии его вместе со спутниками бросили в темницу. Ночью он проснулся оттого, что одна из этих тварей пробежала по его руке, этак легонько пощекотывая. Он взвизгнул от отвращения и, откинув длинные волосы на лоб, постарался поглубже зарыться в солому, служившую подстилкой заключенным. Здесь замер, попытался взять себя в руки. Куда там! Едва различимый огромный паучина сидел в засаде в полуметре от него. Совсем рядом с головой Дугала, специалиста по истории средних веков. Чудище размером с персик в свою очередь с любопытством разглядывало мистера Бетси. Вон как глазки горят! Сидит, сжимает лапки и — экий нахал!

— помурлыкивает, словно сытый кот. Сам черный как уголь. Жуть!

— Какая же ты все-таки гнусь! — прошипел Бетси. Он привел в порядок свой собранный в оборки воротник. В камере было темно. Слабый

утренний свет сочился в прорезанное в стене окно — за окном открывался вид на глубокую пропасть. На полу, скрючившись, спали люди: технические специалисты, пилоты, механики — те, кого в плиоцене обычно называли отрядом Бэзила Уимборна, а точнее, его Бастардами. Именно они разыскали аэроплан древних и с его помощью надеялись надежно защитить поселения свободных людей в верховьях Мозеля от посягательств могущественных врагов, однако таинственная женщина-маг выдала их воинам Ноданна. Самого Бэзила Уимборна несколько дней назад вытащили из камеры — участь его, вздохнул Бетси, должна быть незавидна. Допросы, пытки.

Не спуская настороженного взгляда с огромного, шевелящего мохнатыми лапами паука, Бетси изогнулся и принялся развязывать шарф, которым вокруг лодыжек был обвязан край широкой юбки с фижмами. Он уже давно приспособился спать подобным образом — в камере было полно мышей. Они-то и составляли основу меню плетущих паутину страшилищ. Бетси убедился на собственном опыте — впрочем, как и десятки поколений женщин до него, — какой беды можно ждать от назойливых грызунов, если они начнут

бегать по ногам спящего человека. Ему самому не мешало бы пригласить пауков — пусть они делают с мышами, что хотят, — однако мистер Бетси не мог преодолеть своего отвращения к паукам. Стоило только посмотреть, с какой ловкостью они преследовали несчастных мышек, послушать пронзительный писк испуганных зверьков, когда плотоядные пауки с неуловимой быстротой уносили свои жертвы в гнезда под потолком, — сердце разрывалось от сострадания. Мыши словно молили о помощи. Там, наверху, это чертово отродье пило из них кровь — потом их обезображенные, почти ссохшиеся тельца шлепались об пол, падали на спящих внизу заключенных. Кто мог стерпеть подобное обращение!

Теперь этот плетущий паутину паук выбрал его? Совсем обнаглел от безнаказанности! Напасть на человека, да еще одетого в изящный, когда-то богато украшенный костюм елизаветинской эпохи. Мыши его уже не устраивают!.. Нет, зло и низменные страсти должны быть наказаны! Мистер Бетси замахнулся на паука пучком соломы, но тот и не подумал обратиться в бегство. Так и сидел на полу возле храпящего рыжеволосого Дугала. Бетси поискал в углу, где еще сохранилась

тень, какое-нибудь подходящее орудие, но там было пусто. Паук, глядя на человека, насмешливо перебирал лапками. Кряхтя, Бетси поднялся на ноги и, к своему ужасу, обнаружил на кринолине длинную дыру, сквозь которую был виден каркас из китового уса. Глухо выругавшись, он несколько раз встряхнул материю — три раздавленные мыши вывалились из складок.

— Ты, дьявольская тварь! — закричал мистер Бетси. Он схватил алую, обшитую парчой комнатную туфлю и изо всех сил швырнул ее в паука. Промахнулся, угодил прямо в лицо Дугала. Здоровяк Дугал открыл глаза, в то же мгновение вскочил, вскричав: «Караул!» — и принялся левой рукой яростно встряхивать бороду, а правой бить вокруг себя по полу.

— Прочь! — продолжал бушевать историк. — Кыш вы, мерзкие твари! А-а-а, вот сукин сын, все-таки успел цапнуть!

Остальные заключенные — их было около двух десятков — тоже вскочили на ноги и тут же принялись переворачивать набитые соломой тюфяки, — перепуганные паукообразные насекомые бросились врассыпную. Они помчались между ногами охваченных страхом и отвращением людей, один за другим, вереницей побежали

по стенам. Спасающиеся бегством пауки напоминали протянувшиеся с потолка лапы демонов Тьмы, пытавшихся обнять темницу. В этом аду особенно жутко раздавались вопли укушенного Дугала, одетого в фальшивую кольчугу. Время от времени он начинал высасывать кровь из ранки, на большом пальце, потом с жалобным стоном упал на пол.

— Яд! Я чувствую. Он меня укусил, — прошептал он и закрыл глаза.

— Ну, черти, берегитесь! — заорал перепуганный Бетси, глядя на корчившегося от боли Дугала.

— Все-таки они его достали, — задыхаясь, выговорил Клиффорд. Затем, обернувшись к хирургу Магнусу Беллу, укоризненно добавил: — А ты говорил, что они безвредны.

— Так и есть, — пожал плечами врач и, встав на колени, начал считать пульс у затихшего Дугала. — Это истерика, и только!

Пауки между тем стремительно расползались по полу, по стенам. Страхи последних дней, козни неведомой женщины-мага, захватившей их в плен и наградившей ненавистными знаками рабства — серыми торквесами, — неизвестность, ожидание пыток — все разом выплеснулось нару-

жу. Вот они, враги, до которых можно добраться, омерзительные, до отвращения огромные. Вот они!

— Друзья! — Чистое, сочное, волнующее контральто Фронси Джиллис зазвучало под неровным сводчатым потолком камеры: — Что же вы ждете! Бейте их!

Люди Бэзила словно обезумели. Они смахнули насекомых со стен на пол, загнали на середину комнаты и бросились в контратаку. Бетси увлеченно работал комнатной туфлей. Фронси, Оокпик, Тэффи Эванс и Нирупам колотили пауков ботинками, деревянными чашками и тарелками. В ход пошло все, что попало под руку. Фархат бил их кулаками, Понго Уорбертон — ладонями. Техник Сиско Бриско, словно кнутом, хлестал по месиву ремнем. Люди вопили, ругались, проклинали пауков, камеру, пытки, колдунов. Они бегали по тесной камере, натыкаясь друг на друга и спотыкаясь. Только несколько заключенных не принимали участия в битве: мисс Вонг съежилась в углу, стараясь никого и ничего не касаться, Филипп брезгливо кривил губы, а у самых дверей горько рыдал физик из Тибета Тонгза.

— Прошу вас, остановитесь! Имейте же совесть! — взывал Тонгза, просительно протягивая

руки. — Вы стали жертвами предубеждения. Всякое существо имеет огромную ценность для экологии окружающей среды.

— К черту экологов! — ревел Стэн Дзиканьский, который когда-то в прежней жизни командовал космическим линейным кораблем. Он обеими ногами остервенело топтал пауков.

Димитрий Анастос опустился на колени позади Магнуса и тонкой струйкой лил воду на большой палец правой руки Дугала — тот распухал буквально на глазах, — а доктор осторожно промывал ранку.

— Ты уверен, что он не умрет? — с тревогой спросил Димитрий.

Дугал застонал.

— Дайте мне спокойно умереть. Зачем мне этот мерзкий мир, который ничем не лучше поганого свинарника!

— Еще чего! — сказал Магнус Белл. — Все будет в порядке, парень.

— Бейте их! — воскликнул мистер Бетси, по-прежнему отчаянно сражаясь с врагами. Он уже вошел в азарт, его фигура с комнатной туфлей в руке излучала вдохновение и мужество. — Бейте!

В этот момент входная дверь со скрипом отво-

рилась, и шестеро солдат в золотых торквесах, вооруженные короткоствольными карабинами, шагая в ногу попарно, вошли в камеру. За этими людьми через порог переступил излучающий сияние благородный рыцарь тану. Он принадлежал к высокопоставленным членам Гильдии Экстрасенсов. Звон его хрустальной кирасы напоминал звуки арфы. В коридоре тоже были выстроены рыцари — через раскрытую дверь в камеру проникало голубое и розовато-золотистое свечение.

Знатный тану поднял руку. Сразу наступила тишина — Бастарды Бэзила под воздействием серых торквесов как бы оледенели. Благородный рыцарь приветственно улыбнулся.

— Я — Очал Арфист, — объявил он. — Я принес вам поздравления и благое слово короля нашего Эйкена-Луганна. Возрадуйтесь! Ваши муки кончились. Вы отправляетесь с нами, и мы вместе как можно быстрее поскачем в Каламоск. Теперь прошу выйти во двор, где ваш начальник Бэзил Уимборн ждет вас. — Он повернулся и вышел из камеры.

Спали невидимые оковы, однако узники не могли вымолвить ни слова, только переглядывались, не веря в неожиданное спасение. Тогда один из солдат потыкал большим пальцем в

сторону двери:

— Долго вас ждать? Или вы считаете, что у нас силенок не хватит выкинуть вас отсюда?

Дружный хохот потряс стены мрачной темницы. Все сразу бросились обуваться, собирать нехитрые пожитки. Потом построились и некоторое время поджидали Бетси, который, так до конца и не очистив туфли от едкой, вызывающей тошноту слизи, наконец примкнул к строю заключенных. Двое стражников впереди строя, четверо сзади двинулись по коридору. Бастарды Уимборна, переглядываясь, кивали на солдат — перевоплощенных слуг доброй королевы Бесе Первой, с необыкновенной величавостью выполнявших роль конвоиров.

Сзади заскрипела закрываемая дверь, потом раздался звонкий щелчок. В камере все стихло, и несколько оставшихся в живых черных, размером с персик пауков осторожно побежали по стенам.

Пришло еще несколько минут, и по скользкому полу забегали полчища мышей, обнаруживших, что сегодня их ожидает праздничное угощение — на редкость обильное и необыкновенно вкусное.

Все вернулось на круги своя.

Это был всего лишь сон. Подобная жуть не

может быть ничем иным, как только бредовым ночным кошмаром — так Хаген Ремилард уговаривал самого себя…

Скрепленные скобами вездеходы, поставленные на якорь на отмели вблизи берегов полуострова Авен, ждали своего часа. Скоро наступит день, взревут моторы, и они помчат людей дальше — к уже близкой Афалии.

Хаген добровольно остался на ночное дежурство. Сегодня сон бежал от него. Поговорив со своей сестрой, которая сообщила ему о прибытии в крепость отряда всадников, он не мог заснуть. С какой целью люди короля прибыли в Афалию? Чтобы поставить ему невыполнимый ультиматум? Чтобы угрозами заставить Клу освободить захваченных пилотов и технических специалистов, без которых он не сможет осуществить свои планы?

Темный лес — эта Многоцветная Земля! Колдун на колдуне, загадка на загадке.

Большую часть ночи он размышлял над различными непредвиденными обстоятельствами, которые лежали на их пути, и тревога не покидала его. Ближе к утру в самый мертвый час, между четырьмя и пятью, когда снижается уровень сахара в крови и ослабляется жизненная сила

человека, а бессознательное, переливающееся в психокинетические волны, начинает дрожать, дробиться, когда мир теней становится реальностью и память обретает плоть, когда страх принимает форму кошмаров и оживают чары, — его вдруг потянуло на Дрему.

Труди взяла его за руку; они пошли по незнакомой тропинке и вскоре очутились на открытом, голом и грязном месте. Ни травинки, ни деревца, лишь гигантская, пугающая своей высотой башня, упершаяся в предрассветное, чуть покачивающееся и дребезжащее небо. Как только они вошли в башню, Хаген захныкал от страха — мальчику всего три года, его метапсихические рецепторы еще совсем неразвиты. Однако няня строго погрозила ему пальцем: тихо, не надо трусить. Когда войдет папа, мы должны сказать — с возвращением, папа!

Какой-то странный, с обгорелыми стенами, заполняемый все прибывающей толпой зал, стены его теряются в полумраке. Откуда-то веет прохладным ветерком. Все говорят о нем, и никто не обращает внимания на слабые телепатические вопросы мальчика. Поверх голов, в промежутках между людьми

— повсюду — мысленные перешептывания,

ахи, охи, восхищенные немые возгласы. О чем — мальчик не может понять.

«Удивительная звезда… Не добраться… Лилмик… БЕЗУМИЕ! Черт побери, он все-таки добился своего».

«Тысяча семьсот световых лет. И с первой попытки!»

«При этом остался жив — даже мозги не сварились».

«Не могу поверить. Вероятно, он смошенничал».

«НикогданесможешьповеритьсучийублюдокМарксумасшедшийтысам».

«Выведите отсюда слабоумного».

«Но сколько времени потребовалось для осуществления подобной возможности?»

«БЕЗУМИЕ! БЕЗУМИЕ!»

«У нас нет ничего, кроме времени, моя радость».

«Шесть миллионов чертовых лет».

«Это работает… мы исследуем звезды… это спасет нас… великие возможности… новая эра… надавим на них или пошлем человеколюбивый призыв…»

«БЕЗУМИЕ!»

«Ментальный человек… мы еще сможем узнать

его… Какой славный мальчик…»

«О-о…»

«Пусть Хаген выйдет вперед».

«Пусть выйдет!»

«Пусть выйдет!»

«БЕЗУМИЕ! ПУСТЬ РЕБЕНОК САМ РАЗБЕРЕТСЯ, В ЧЕМ СУТЬ МАНИАКАЛЬНОЙ ИДЕИ, КОТОРАЯ ДОВЕЛА НАС ДО БЕГСТВА. ПУСТЬ ОН САМ СТРОИТ СВОЕ БУДУЩЕЕ…»

Это был только сон. Мечта об удивительной, захватывающей возможности освободить сознание от телесных оков. Возрадуйтесь! Вот он, Человек энергетический, презирающий все истины, ведущие к Единению, блещущий славой. Он — сам по себе!

Потом привиделось, что Труди подняла его на руки и указала на какой-то странный аппарат.

— Это твой папа! — заявила она.

Трехлетний мальчик вскрикнул, попытался вырваться и убежать.

Только сон. Шорох. Пониженное содержание сахара в крови. Что остается делать, когда мороз дерет по коже? Шутить, господа, только шутить! Особенно когда аппарат в образе мужчины, называемый «папой», появился в кабине вездехода на экране обзорного дисплея. Однако он уже не

мальчик, он повзрослел, набрался мужества и теперь не будет спасаться бегством. Хаген не мог понять — образ на экране мерещится или он наяву видит странный объект, похожий на слабо светящееся человеческое тело. Вот оно отделилось от экрана, повисло рядом с вентиляционной крыльчаткой, расположенной между двумя пазами, где, задернутые тканью, спрятаны переговорные устройства.

Ему мерещится? Он пригляделся — размерами это создание заметно больше человека. Какие-то трубки, провода или бронированные кабели отходят от его головы и теряются в стенке аппарата.

Пусть это будет сон! Хаген не спеша поднялся со штурманского кресла и через боковую дверь выбрался наружу. Здесь его охватило ощущение, что он как бы всплыл навстречу фантому, парящему над передним фонарем. Как только он приблизился, видение стало совершенно отчетливым на фоне поблекшего, наполняющегося светом неба. Неведомое создание, одетое в плотно облегающий тело комбинезон, широко раскинуло руки и ласково улыбнулось испуганному трехлетнему мальчику:

— Это я, твой папа.

Хаген не рискнул приблизиться к мерцающему

существу, броситься в его объятия — пусть это происходит во сне. Или наяву? В любом случае было ясно, что материальное тело человека, чей образ явился перед ним, в настоящее время было заморожено почти до температуры абсолютного нуля. Неужели ему удалось разъединить сознание и биооболочку?

— Кажется, я начинаю догадываться, — с трудом выговорил Хаген. — Моделью тебе послужил твой брат Джек. В твоем возрасте поздно пытаться трансформировать свое собственное тело. Значит, чтобы создать «ментального человека», ты готов пожертвовать братом? Итак, ты добился своего!

— Только ради вас. Я бы хотел быть отцом «ментального человека». Не братом, — признался Марк. — Всю жизнь надеялся, что когда-нибудь ты и твои друзья отправятся к звездам, которые я бы подарил вам.

— Но уже не как люди?

— Ты бы и не вспомнил о бренном теле.

— Исчезни! Уйди! — закричал трехлетний мальчуган. — Не прикасайся ко мне. Ты не смеешь даже смотреть на меня!

Няня схватила его за руку, попыталась удержать. Не в силах вырваться, не смея и не желая

смотреть на человека, который называл себя его папой, он уткнулся лицом в ее юбку. Послышался невнятный мысленный шепот, и стены мягко сомкнулись, погребая его под собой. Тогда Хаген взлетел и умчался прочь.

Очнувшись, он долго стоял возле вездехода. Легкий утренний ветерок шевелил его волосы.

Йош покрепче приник к черному, из мягкого пластика воротнику, надетому на видоискатель инфракрасного обзорного устройства, и заметил:

— Задание мы все-таки выполнили! Каша сварена, ребята. Теперь попробуем ее на вкус.

Он нажал на клавишу, взревели сервомоторы азимутального привода, и вся кабина вместе с оператором плавно сделала полный оборот.

— Отлично. Оси совмещены просто идеально, в объем башни эта штука вписалась как влитая. Радиус действия семьдесят — восемьдесят километров, если учесть, что Каламоск расположен на холме. Теперь под нашим наблюдением будет находиться почти половина расстояния до Афалии, видны даже холмы на той стороне Лаара. Эта малютка незаменима в степях.

— Как регулировка, шеф? — спросил неунывающий Джим. Он и Вилкас сидели в прохладной тени и попивали пиво — умаялись, пока уста-

навливали солнечные батареи на центральной башне крепости Каламоск. Работать пришлось целых два часа, обливаясь потом.

— Действует, — просто ответил Йош. — Да, здесь мы когда-то проходили. Пришлось прогуляться по Большой Южной дороге. Сколько же их, этих хиппи! Всю дорогу загородили, чертовы грызуны! Радуются, что в плиоцене все движется не спеша, рядком. Через каждые пятьдесят метров установлены предупреждающие знаки для гиппарионов.

Вилкас, сидевший с огромной глиняной кружкой в руках, вытер усы тыльной стороной ладони и печально посмотрел на Йоша.

— Шеф, мы сейчас начнем монтировать наружные телекамеры дистанционного пульта управления или займемся этим после обеда?

— А ты как думаешь? — усмехнулся японец и вновь приник к видоискателю. Вилкас тяжко вздохнул.

— Вот еще что, — продолжал Йош приглушенным голосом. — Надо связать и уложить все кабели наверху, за исключением тех, что питают привод, а также как можно быстрее починить блок, обеспечивающий управление инфракрасным следящим устройством и орудийной башней

непосредственно с помощью метапсихической силы. Так что, ребята, простите. Этому хламу, — он с презрением указал на экран приборного устройства, — лет сорок, а разрушительным орудиям и того больше. Сами понимаете, контрабандой ничего современного не провезешь.

— Провезти-то можно. — Вилкас мрачно уставился на дно пустой кружки.

— Только как определить — новая конструкция или тебе старье вручили. Лорды тану, кто занимается подобным промыслом, держат рот на замке, а все, что им удается купить, так надежно прячут в тайниках, что никакой колдун не найдет. Ни проверки, ни настройки — хватают все подряд! А здесь, в плиоцене, тоже рынка нет, пусть даже черного. Узнай об этом король Тагдал, он тут же приказал бы отрубить проказникам головы, насадить их на пики для всеобщего обозрения. По его указу всякое оборудование, доставленное через «врата времени», является собственностью короны. Все оружие, купленное в будущем, считается непригодным, так как его якобы приводят в негодность сразу после получения. — Вилкас ехидно засмеялся.

— А у нас ничего такого нет, вот мы и не горюем, — Джим ткнул пальцем в лазерные орудия

среднего калибра. — С другой стороны, выйди мы в поле в стеклянных доспехах да с мозгами, излучающими ментальную силу, архаровцы из Северной Америки разделали бы нас под орех. Наши пушечки, — он еще раз показал на разрушители, — что надо! Довелось мне в этом году на болотах полюбоваться, как они действуют.

— Такое старье? — поморщился Йош. — Стоит только взглянуть на них, сразу руки опускаются. Предполагают, что радиус их действия десять километров, а они на семь с трудом натягивают. Если бы кто знал, что я отдал бы за усовершенствованную модель бластера в полезащитном корпусе! Или возьмем, например, старые добрые рентгеновские лазеры!

Джим слушал с раскрытым ртом.

— Шеф, а где находится Галактическое Содружество? В какую сторону ехать?

Йош и Вилкас переглянулись.

— Джим, твои родители путешествовали во времени? — осторожно поинтересовался специалист по робототехнике, обладатель золотого торквеса, странствующий самурай Йошимитсу Ватанабе.

— Нет, дедушка и бабушка, — ответил парень. — Нас уже третье поколение живет в Парижской

низине. Значит, поселились там сразу, как только фирвулаги оставили Нионель. Даже ревуны в этих топях выжить не смогли! — с гордостью добавил он. — А нам ничего, нравится.

Вилкас начал пристально разглядывать его ботинки.

— Ты бы вернулся в родные болота, если бы тебе выпала такая возможность? — спросил он.

— И слопал пару уточек с корнями камыша и вырезку из годовалого оленя? — фыркнул Джим. — Сам бы побывал в Парижских топях, тогда не спрашивал бы! Вот это была жизнь!

— Матерь Божия! — выдохнул Вилкас.

Йош повернулся на вращающемся стуле и опять сунул голову в пластмассовый конус.

— Последнее испытание, — не оборачиваясь, приказал он. — Ну-ка, отключите какое-нибудь орудие, мне и одного хватит. Хочу проверить, как работает система в полуавтоматическом режиме.

Джим поднялся и принялся травить тонкий кабель, ведущий к одному из стволов сдвоенного орудия. Вилкас подождал, потом отсоединил разъемы и включил рубильник.

— Готово, Йоши-сан!

Слаженно загудели моторы сервопривода, Йош

поудобнее устроился на одноместном сиденье. Между тем один из стволов задвигался в вертикальной плоскости, и вся орудийная установка начала поворачиваться по азимуту. Короткий ствол точно срабатывал на все манипуляции, которые оператор производил с видоискателем. Наконец Йош направил камеру в чистое небо — туда же оказалось наведенным и орудие.

— Близкое расстояние. Что бы такое найти для проверки наводки? Птичку какую-нибудь подбить, совсем маленькую птичку. Члены общества охотников Одобонских скалистых гор вышвырнули бы меня из города, если бы узнали. Но должны же мы испытать орудие! Есть вокруг что-либо живое или нет? Ага, вот он, голубчик… то есть сокол. Ну-ка, пожалуйте в перекрестье! Черт побери, он увернулся! Вот это птица! Сокол как сокол — золотистое оперение, самец. Поди ж ты, какой прыткий. А если еще раз…

— Шеф, не надо! — закричал Джим. — Не стреляй!

Йош оторвался от видоискателя, глянул на парня, недовольно нахмурился.

— Это еще почему?

— Золотые соколы! Их нельзя трогать. Тому, кто причинит им зло, — все, конец! Выстрелишь

— пуля вернется и свалит тебя.

— Ради всех святых, замолчишь ты или нет?! — воскликнул самурай.

— Пожалуйста, шеф! — продолжал умолять Джим.

Йош состроил недовольную гримасу и повернулся к экрану. Развернул следящие датчики на юг и начал изучать узкую болотистую пойму реки Ибаар.

— Как насчет цесарок — вон они копошатся в грязной протоке?

— Этих бей — не жалей, — заулыбался Джим.

Лазер издал короткий шипящий звук. Йош с облегчением откинулся на сиденье.

— Порядок, подключите второе орудие, и пошли вниз…

Он замер, когда его золотой торквес передал послание:

«Йоши, ты меня слышишь?»

«Слышу, Ваше Величество», — ответил он, сразу узнав голос Эйкена Драма.

«Я в Каламоске. Боевая установка готова?»

«Только что закончили испытания. Правда, кое-какие системы еще не успели проверить».

«Забудь о них. Пока они не нужны. Оставайся на башне и жди меня. Ни с кем не общаться, пока

я не появлюсь. Понял? Ни с кем!»

«Хорошо, Ваше Величество!»

Вилкас и Джим собирали разложенные на полу инструменты и контрольно-измерительные приборы. Никто из них не заметил, что самурай как-то странно замер.

— Если мы собираемся наладить телепатическое управление этой штуковиной, — заметил литовец, — нам срочно надо отведать какого-нибудь ментального блюда. Пусть только его приготовят из чего-нибудь ощутимого, материального.

— Забудь об этом, — прервал его Йош. — Король прибывает. Что-то изменилось в его планах. — Озабоченный самурай перевел следящее устройство к северу от Каламоска. — Эйкен приказал оставаться здесь и не сметь ни с кем заговаривать, пока он не появится на башне, — предупредил Йош.

— Вот так здорово! — удивился Джим. — Неужели он пригонит сюда всю чертову Летучую Охоту? Неужели ему по силам оторвать их от столичных сучек?

Йош ничего не ответил, он внимательно изучал цифры, высветившиеся на экране.

— Но король не может здесь объявиться! Все

находится под наблюдением. Не понимаю.

— А по земле? — предположил Вилкас.

— Разве он в шапке-невидимке разгуливает? — усмехнулся Джим.

— О Боже! — неожиданно прошептал Йош и приник к экрану.

Посидев немного, решительно поднялся, отключил аппаратуру, потом прошел в угол, где были аккуратно сложены его доспехи. На ходу бросил телепатический приказ Джиму и Вилкасу, и те сразу поспешили к Йошу. Посмотрев на него, они переглянулись — того буквально трясло от страха, на лбу выступили капли пота. Через свои серые торквесы они уловили, как Йош пытается скрыть волнение.

Простоватый Джим спросил напрямую:

— Шеф, с тобой все в порядке?

— Все хорошо. Вот что, ребята. Помните, Кларти Джок поделился секретом — если какой-нибудь назойливый тану, прямо не снимая ботинок, лезет в ваши мозги, есть надежный способ спрятать мысли.

— Помню, — ответил Вилкас, — но я совсем не просил его делиться со мной. Я и так знаю.

— Ага, — кивнул Джим, — напевай про себя какую-нибудь веселую песенку, и дело в шляпе.

Например, я всегда пою дедушкину любимую:

Мы горцы до корней волос, А грива наша чесана и уши закрывает…

Йош досадливо махнул рукой.

— Мне все равно, что вы будете напевать, только *запрячьте поглубже ваши мыслишки*.

— Почему, шеф?

Самурай наконец закрепил на поясе короткий кинжал и метательные ножи. Вилкас тем временем завязывал шнурки на бронированном воротнике, закрывающем плечи. Вырез на нем был глубже, чем следовало, чтобы все могли видеть его золотой торквес. Джим поднял украшенный гравировкой шлем с рогами, напоминающий молодую луну, потер его и пожал плечами.

— Не задумывался! — приказал Йош, заметив его недоумение. — Ты понял, каким образом король очутился здесь? А я понял. А кто по нему стрелял? Так что помалкивай, Джимми.

Потом они все трое, повернувшись к востоку, застыли в ожидании. Скоро в безоблачном небе появилось темное пятнышко, оно приближалось. Джим и Вилкас сразу напряглись и вытянулись по стойке «смирно». Крупный, с золотистым оперением сокол стремительно приближался к

башне. Снижаясь, он сделал круг — в лапах у него был зажат пучок соломы.

— Ну, смотрите у меня! — предупредил Йош.

Сокол скользнул вниз и, коснувшись парапета, обернулся человеком. Перед ними стоял король Эйкен-Луганн, рукой в перчатке сжимавший золоченое хрустальное копье.

— Ну, ребята, — сказал король и откинул забрало шлема, — что у вас тут с инфракрасной следящей системой? Готова?

Йош отдал честь и молча указал на пульт управления. Джим тем временем несколько раз пробормотал:

Мы горцы до корней волос…

— Да, такую песню не одолеешь, — произнес Эйкен, насмешливо вскинув брови. Он устроился в кресле оператора, поерзал немного, взялся за ручки управления, потом обратился к Йошу: — Не беспокойся насчет нарушения инструкции. Я знаком с такими устройствами, приходилось на них работать.

Король направил камеры следящих датчиков на юг.

— Ага… Вот и Очал Арфист со своими рыцарями. Сзади у них, вероятно, освобожденные Бастарды Бэзила. — Он легко ударил пальцем по

клавише, включающей мощности для обзора на предельном расстоянии. Поле зрения как бы провалилось, и оператор, словно взмыв над землей, различил вдали голубую ленту реки, холмы и на Большой Южной дороге вереницу вездеходов, на высокой скорости догоняющих отряд Очала.

— Вот они! — вскричал король. — Хаген и компания!..

Вилкас и Джим растерянно переглянулись. Им тоже передалась тревога, охватившая короля.

— Чем мы можем помочь? — спросил Йош, встав по стойке «смирно».

Эйкен поднялся с кресла и жестом показал самураю, чтобы тот занял свое место. Джим быстро выхватил из волос хозяина гребень и отшвырнул его подальше.

— Слушайте, ребята. Я был вынужден доверить вам секрет государственной важности, — объявил король. Зрачки его глаз, словно раскаленные угольня, резко выделялись на бледном лице. — Я не собираюсь грозить вам, но не вздумайте открыть кому бы то ни было, каким образом я сегодня прибыл в Каламоск! Если кто-то случайно сболтнет, огромная опасность будет грозить моему трону. И вам, естественно.

— Мы — ваши рабы, — ответил Йош. Не снимая

рук с ручек управления, он отвесил глубокий поклон. Вилкас и Джим дружно засопели и облизнули губы.

Король задумчиво поглядел на юг.

— Они их непременно настигнут еще до того, как отряд Очала вступит в зону обороны крепости. Это уж как пить дать! Даром, что ли, я летал над пришельцами. Что теперь прикажете делать?

— Хей, — подал голос Джим, и Вилкас тут же слегка ударил его ногой по лодыжке, но тот договорил: — Все думают, что вы с Летучей Охотой прибыли.

— Я не могу поднять их всех сразу, — тихо ответил Эйкен. — У меня и на себя нечасто хватает сил, вот и приходится перевоплощаться в птицу. Ладно, делать-то что будем? Если я налечу на них сверху и атакую с помощью копья, у меня не останется сил для создания защитного экрана. Правда, есть портативный генератор сигма-поля, но с ним очень трудно летать. К тому же нет полной уверенности, что его мощности хватит, чтобы отразить ответный удар североамериканцев. Они развалят меня, как переспелую дыню. Надо бы найти какое-нибудь другое решение. В этом деле я рассчитываю на вас и на инфракрасный сканер.

Йош, слушай внимательно. Я поднимусь в небо с копьем на большую высоту. *Оченьвысоко*. Ты же установишь прицел точно в пятидесяти метрах впереди головной машины. — Эйкен моргнул и ответил на невысказанный вопрос самурая: — Нет, я не смогу использовать собственное дальновидение и навести копье с высокой точностью. Здесь расстояние около шестидесяти километров. Кроме того, мне потребуется энергия, чтобы сбить настройку *их сканеров*. Копье придется использовать несколько раз, так что в каждом случае, когда я отдам приказ, ты должен быть готов прицелиться. Ясно?

— Да, Ваше Величество. Осмелюсь заметить, будет лучше, если мы позволим им приблизиться километров на сорок пять. Иначе на предельном расстоянии от сканера необходимой точности не добьешься.

— Хорошая мысль. Что ж, подождем.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Джим. — Вы бы объяснили. Ваше Величество, — если силы оставили вас, как же мы разобьем этих североамериканских громил? Как мы управимся с *фирвулагами*?

Король улыбнулся и расстегнул верхний крючок на своем костюме.

— Кто может сравниться со мной в хитрости, Джим? Ты думаешь, почему галактические власти выслали меня в плиоцен? Потому что я был опасен, вот почему! Есть разум — и разум. Например, мой сегодня, может, не так силен в использовании метаэнергии, но ты не беспокойся. Придет срок, и я обрету ту, настоящую, мощь. Осталось не так долго ждать. Пока же надо использовать любые возможности, чтобы одержать верх.

Клу судорожно вцепилась в край пульта управления командирской машины.

— Вот они! Через одиннадцать-точка-четыре минут мы их настигнем.

— Может, пора ударить из акустических пушек? — предложил Фил Овертон.

— Ты просто идиот! — не выдержал Хаген. — Тебе бы только стрелять! А куда? — Взяв себя в руки, он объяснил: — Сначала они должны оказаться в прямой видимости и без всяких помех, например, деревьев или быстроногих антилоп. Только тогда мы накроем их сигма-полем. Прикажем остановиться. Если они не послушают, опять же никакой пальбы. Придется осторожно согнать их с дороги, рассеять по степи и только после этого парализовать. И опять же не людей, дурья твоя

башка, а халиков. Потом следует приблизиться и мягко, как младенцев, спеленать каждого, лишить возможности двигаться. Вот тогда у нас будет богатый урожай.

— Но мы можем вывести из строя животных на гораздо большем расстоянии. Хотя бы с помощью лазерных разрушителей или акустических пушек.

— Ага, и заодно подстрелить какого-нибудь пилота или инженера, от которых будет зависеть наша жизнь, когда отец доберется до нас. Никакой стрельбы на поражение, черт побери! Никаких фотонных пушек! Все это можно использовать только в одном-единственном случае — против Каламоска.

— Однако это тоже не дело, — басом возразил Ниал Кеог. — Надо оставить проходы в сигма-поле, чтобы иметь возможность маневрировать и вести стрельбу. Что-то мне не верится, что они сразу остановятся, как только получат приказ. Парни они энергичные и способны постоять за себя. Думаю, лучше использовать психосети.

— Мы вынуждены идти на риск, — произнес Хаген и отдал распоряжение: — Ты и остальные операнты будьте готовы, только не натворите глупостей. Свяжись с другими экипажами и пре-

дупреди их. Скажи, чтобы рассыпались цепью — местность позволяет — и постарались загнуть фланги уступом вперед. Я увеличиваю скорость — пусть делают как я. Только не ори в метаэфире.

Турбины взвыли, и головная машина рванулась вперед. Густое облако пыли потянулось за вездеходом.

— Я их поймал, они на экране монитора, — доложил командиру Вейко Саастамойнен. — Даю крупный план. Они нас заметили, но, кажется, их это совсем не беспокоит.

— Слышно что-нибудь? — спросил нахмурившийся Хаген.

— С воскресенья проверяю эфир по всем шести каналам, — доложил Вейко.

— Носители торквесов словно плавают в густом дыму, ничего нельзя разобрать. Насчет помех у них дело поставлено. Чего бы я не отдал за метапрограмму, которой пользуются наши отцы! Используя меня в качестве проводника, мы могли бы уловить излучение любого из бронированных прочным стеклом варваров и даже просверлить ему дырку меж ушей. Чтобы он невнимательнее прислушивался к нашим советам.

— Не забывай, что у короля есть такая программа, — ответил Хаген.

Впереди всадники на халике пересекли высохшее русло реки и скрылись в густых зарослях молодых тополей на противоположном, более высоком берегу. Машину вдруг начало швырять из стороны в сторону.

— Сбавь скорость! — закричала Клу.

В это мгновение яркая зеленая вспышка озарила небо. Взрыв фонтаном выбросил гору грязи, вспух букетом перед носом вездехода. В сознание преследователей с болью ворвалось предупреждение:

«ОСТАНОВИТЕ МАШИНЫ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ СОЗДАТЬ СИГМА-ПОЛЕ — ИНАЧЕ Я ПОДОБЬЮ ПЕРЕДНИЙ ВЕЗДЕХОД».

Вейко вскрикнул и схватился за голову. Хаген машинально, до отказа нажал на тормоза. Машину резко занесло, и с накатанной проселочной дороги она сорвалась прямо в каменистый вельд. Здесь вездеход, пропахав гусеницами и оставляя борозды сломанными отражателями, повалился на левый бок и замер, словно опрокинувшаяся черепаха. Покачавшись, машина встала на гусеницы. В следующее мгновение небо озарила еще одна нестерпимо яркая изумрудная вспышка. Снова метрах в пятнадцати от переднего транспортера полетели комья грязи. Хаген выругался

и выключил мотор.

«НЕ ДВИГАЙТЕСЬ. НЕ ВЗДУМАЙТЕ УСТАНОВИТЬ СИГМА-ПОЛЕ — ИНАЧЕ Я БУДУ СТРЕЛЯТЬ НА ПОРАЖЕНИЕ».

Ниал Кеог продолжал что-то спокойно говорить в микрофон — его самообладание было потрясающим. Видимо, он связывался с другими экипажами, требовал, чтобы они немедленно остановились. Вейко, получивший сокрушительный ментальный удар, лежал на полу кабины, скрючившись и, словно младенец, зажав руками уши. На дисплее метапсихического приемного устройства мельтешили разноцветные снежинки.

Клу и Хаген посмотрели друг на друга. Все ясно. Первый тайм окончен, но теперь впервые не их отец, а другой человек оказался победителем.

— Ну что встали? — обратилась Клу к брату по внутренней связи. — Может, мне выйти на мостик и начать переговоры?

«ВЫ ГЛУПЦЫ! Я ДОЛГО НАБЛЮДАЮ ЗА ВАМИ. ЕЩЕ С ТЕХ ПОР, КАК ВЫ ВЫСАДИЛИСЬ НА БЕРЕГ МНОГОЦВЕТНОЙ ЗЕМЛИ. Я ДАВНЫМ-ДАВНО МОГ ВАС УНИЧТОЖИТЬ. ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ТЕПЕРЬ МЫ МОЖЕМ НАЧАТЬ ПЕРЕГОВОРЫ?»

— Возможно, вас заинтересует цель, ради

которой мы прибыли на Многоцветную Землю, — произнесла Клу. — У нас нет намерений причинить вам зло.

«Я ЗНАЮ ВСЕ ВАШИ ЗАМЫСЛЫ. ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ОПЯТЬ ОТКРЫТЬ „ВРАТА ВРЕМЕНИ“.

— Мы могли бы… заплатить за вашу помощь.

«ЧЕМ?»

Хаген был озадачен — торопливая работа мысли отразилась на его лице. Фил тем временем что-то прикидывал на компьютере, потом он откинулся в кресле и связался с командиром.

— Клу, самое смешное в том, что это не психокинетический удар, а разряд неизвестной фотонной пушки, — обратился тот к сестре, выслушав Фила.

«ОТВЕЧАЙТЕ!
ИЛИ Я С ПОМОЩЬЮ МЕТАПСИХИЧЕСКОЙ СИЛЫ АННИГИЛИРУЮ ВАС».

— Просто Волшебник Изумрудного города, — восхитился Фил Овертон. — Правда, вооруженный фантастически мощным оружием. Он не блефует, мы даже увернуться не успеем.

— Я — сын Марка Ремиларда, — заявил Хаген. — Обещаю, что в благодарность за сотрудничество мы поддержим вас в борьбе с общим врагом. Он вам хорошо известен — лучше, чем нам. Без

нашей поддержки он расправится с вами точно так же, как вы с нами.

«ОН ЗАЯВИЛ, ЧТО ВЫ — МОИ ВРАГИ!»

— А он не сообщил, что освоил d-переход? — поинтересовался Хаген.

Наступило долгое молчание, потом громовой голос с небес произнес:

«ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ ТРИ ЧАСА. ЗАТЕМ НАПРАВЛЯЙТЕСЬ В КАЛАМОСК. ДЕМОНТИРУЙТЕ ОРУЖИЕ, ОТКИНЬТЕ ПРОЗРАЧНЫЕ ФОНАРИ — И МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ ПОПЬЕМ ЧАЮ».

8

Спустя год Бэзил Уимборн со своей командой вновь оказался в Каламоске. Знали бы они в ту пору, какие испытания ожидают их впереди! Все началось в самое скверное время года — в сезон дождей, когда в незатопленном еще уголке полуострова Авен Уимборн и другие руководители готовили из необученных горластых беженцев из будущего повстанческую армию. Из тех людей и был создан отряд, позднее названный Бастардами Бэзила. Тогда же, в ходе обучения, экспромтом образовался штаб, в который вошли Уимборн, Чиф Берк, сестра Амери и Элизабет Орм. Потом поклонник древних обычаев, несгибаемый Селадейр изгнал толпы беженцев из окрестностей Афалии. Они двинулись в сторону Каламоска, где были остановлены прибывшим в эту небольшую крепость человеком из местных, рожденных в плиоцене, — Салливаном Танном. Тот в свою очередь обрушился на Алутейна — Властелина Ремесел и других рыцарей, отказавшихся присягать на верность новому королю Эйкену-Луганну. Войска Салливана Танна штурмом взяли Каламоск, однако оказалось, что его забитые, по

слухам, продовольствием склады были опустошены еще во время осады. Если бы не Алутейн, который пожалел беженцев и поделился своими запасами, им пришлось бы совсем туго. Тот же Алутейн посоветовал людям, оставившим будущее, двигаться далее на север, в более процветающие области Многоцветной Земли.

Сидя позади Очала Арфиста, Бэзил Уимборн жадно вглядывался в окружающую местность. Здесь многое изменилось. Густо поросли травой булыжные мостовые в редких селениях, разбросанных в окрестностях Каламоска. Окрашенные в нарядные цвета деревянно-кирпичные дома, попадающиеся по дороге, были брошены жителями. Лишь изредка над трубой вился дымок. Когда-то здесь жили не получившие торквесов люди; они поднимали целину, занимались садоводством. Теперь их усадьбы были скрыты непроходимыми зарослями бурьяна и крапивы. Горькое уныние вызывали домашние животные, попадавшиеся на пути. Печалью веяло и от густых лохматых клочьев тумана, лежавших в долинах мелких речушек.

Бэзил — единственный из всего отряда, обладавший золотым торквесом, — мог вести беседу по внутренней связи тану. Он долго осматривал

окрестности.

— Что здесь случилось? — спросил Бэзил Очала. — И крепость какая-то запущенная, совсем не похожая на города тану, которые я видел до потопа.

— Все из-за рамапитеков, — ответил Очал. — Те, кому удалось спастись, бежали в леса. Работать стало некому. Вот он, результат сражения, после которого Алутейн захватил город. Рамапитеки — послушные, мирные существа с необыкновенно чувствительной и хрупкой структурой первобытного сознания. К тому же многие из них имели торквесы — вот они, привыкнув к их поддержке, и не выдержали психокинетических ударов. Те, кто выжил, бежали, у остальных появились сильнейшие душевные расстройства. А без них все здесь замерло. Видишь, какая разруха. Даже урожай на нолях не собран, да и без полива большая часть посевов погибла от засухи. Это беда не только Каламоска, но и моего родного погибшего Барделаска, даже в Гории среди обезьян были волнения. Его величество король, естественно, тут же приказал, чтобы в столицу были доставлены новые партии рамапитеков. Теперь в Каламоске должна быть разработана новая программа.

— Представляю, как горевала местная аристо-

кратия, лишившись таких покорных слуг.

— Знаешь, я заметил, что многие люди тоже испытывают острую потребность пойти к кому-нибудь в услужение… Я уж не говорю о тех, кто лишен торквесов.

— Что ж, те, кто по робости или благоразумию не стремится слиться с толпой, а предпочитает первобытную, но свободную жизнь, всегда ищут хозяина. А кто поумнее или обладают ценными профессиональными навыками, тот отправляется искать счастье в Горию, надеясь получить золотой торквес.

Очал засмеялся.

— Что-то их оказалось слишком много. Даже более крупные города не смогли переварить такого наплыва ваших умников. Так что королю Эйкену-Луганну пришлось в чем-то поступиться принципами. Помнится, он заявил, что каждый, кто доберется до города и потребует гражданства, получит его.

— Он всегда умел держать нос по ветру.

— Слава великой Тане, что врожденный прагматизм помог ему принять решение, призванное сохранить порядок в королевстве. Кажется, мы прибыли.

Караван прошествовал через внешний двор

центральной крепостной башни и въехал в крепость. Небольшая площадь была заполнена народом — здесь были люди, награжденные торквесами разного ранга, и тану, как в гражданских одеждах, так и в светящихся стеклянных доспехах. Шум, крики, смех царили в городе. Казалось, его жители либо не ведали о том, что творится в окрестностях, либо ничего не хотели знать. Подоспевшие слуги помогли рыцарям Очала слезть с халиков; куда меньшее внимание досталось Бэзилу и прибывшим с ним Бастардам. Видимо, их приняли за сопровождающих господ мелких людишек. Королевские гвардейцы — все как на подбор с золотыми торквесами — стояли в сторонке, бдительно посматривали на прибывший отряд. Их карабины, доставленные из Галактического Содружества, были в полной боеготовности.

— Большая честь — сам лорд-правитель вышел приветствовать вашу ораву,

— тихо сказал Бэзилу Очал.

Вскоре появился величественный тану, принадлежащий к Гильдии Творцов, в короткой тунике и парадных аквамариновых доспехах. Уимборн почтительно поклонился.

Правитель с достоинством кивнул в ответ.

— Партол Скороход, — назвал он себя. Потом он со связкой серых торквесов спустился к построившимся Бастардам и раздал пожалованные им знаки отличия. Люди были ошеломлены подобными подарками, ведь все вновь прибывшие совсем не обладали метапсихическими способностями.

— Примите мои поздравления, — продолжал Партол. — Король очень серьезно относится к предстоящей встрече.

— Мы тоже, — подтвердил Бэзил. — *Мир*, — сказал он своим друзьям.

— Главное — *сохранитьмир*.

— Не желаете ли сначала привести себя в порядок? — предложил Партол.

— Темница старого Селадейра — далеко не курорт.

Бэзил сдержанно рассмеялся.

— Вы очень предупредительны, лорд Партол, — вежливо произнес он.

— Следуйте за мной, вас ждет приятный сюрприз.

И правитель повел гостей. Люди едва поспевали за более чем двухметровым тану, каждый шаг которого равнялся примерно трем шагам человека. По пути Партол показывал Бастардам

заслуживающие внимания усовершенствования, которые были произведены в крепости под руководством его предшественника Алутейна. Он провел Бэзила и его спутников через крепостные укрепления и внутренний двор крепости, потом они вошли во дворец и по белой мраморной лестнице поднялись в главную крепостную башню.

— Значит, это вы… были одним из товарищей Алутейна во время последней битвы? — тихо спросил Бэзил.

— Имеете в виду, что я приятель закоренелого преступника, — сдавленно засмеялся Партол. — И будете совершенно правы. Старик Тагдал приказал бросить меня за убийство в Великую Реторту. Во время королевской охоты в Сумрачных горах я обезглавил свою тещу Ковентон Петрифактрис. Никто не поверил, что я ошибся и спутал ее с фирвулагом. До сих пор не могу понять

— почему?

Они прошли несколько мраморных лестниц и оказались во внутренних покоях дворца. Тусклый дрожащий свет факелов, вставленных в литые серебряные держатели, освещал коридоры, пол которых был выложен розовыми и черными плитками. Потом путь пошел под уклон, и на лицах Бэзила и его товарищей появилась тревога.

— На этот раз, — улыбнулся Партол, — не в тюрьму.

Наконец они приблизились к огромной двери из черного дерева, инкрустированной серебром. По обеим сторонам стояли амазонки, изящные, как статуэтки, в серебряных, тускло отсвечивающих доспехах. Приветствуя их взмахом руки, правитель молча приказал открыть дверь, и вся группа вошла внутрь.

Переступив порог, люди, изумленные открывшейся перед ними невиданной роскошью, начали перешептываться и подталкивать друг друга локтями. Кто-то присвистнул от удивления.

За дверью находился огромный зал, как бы составленный из анфилад. Каждая комната завершалась сводчатым потолком и отделялась от соседней рядом колонн. Внутреннее убранство напоминало одновременно роскошные турецкие бани и знаменитые публичные дома конца XIX века. В боковых частях были устроены занавешенные альковы, с хрустальных светильников капала вода. Посреди комнаты располагалась парильня, окруженная колоннадой. Всюду сверкала позолота, глаз ласкала яшмовая облицовка краев бассейна. На редких стенных переборках были выложены мозаичные картины, смутившие Бэ-

зила своим содержанием.

— Восхитительно, не правда ли, — заметил Партол. — Ваш несчастный соотечественник Салливан Танн, на короткое время захвативший Каламоск, приказал украсить такими сюжетами банный зал. Посоветовавшись, мы решили сохранить их. Все-таки вы, люди, довольно бесхитростная раса. Если, конечно, картины точно представляют взаимоотношения полов на вашей прежней Земле.

Бэзил, негромко покашливая, прочистил горло.

— Большинство мозаик, — наконец произнес он, — несколько оторваны от реальности. Выполнены, так сказать, с уклоном в мифологию. Вот, например, игры кентавров и русалок… м-да… люди тоже имеют иногда… героические пропорции.

— Неужели? Какая жалость! А я надеялся каким-либо образом получить через «врата времени» изображенные здесь существа. Вот была бы потеха! — Лорд-правитель отдал мысленный приказ, и две сияющие, украшенные гирляндами цветов, с венками на головах полинезийки выбежали к гостям и принялись осыпать их красными гвоздиками. На шеях у них тускло поблескивали серые торквесы. Сладким покоем, уютом веяло от

радостных лиц. Бастарды на мгновение застыли на месте. Потом, словно окончательно поверив, что их здесь ждали, что дни, проведенные в заключении, ушли прочь, они начали громко переговариваться, пошучивать с гостеприимными хозяйками.

— Салот и Малитоа, — представил их Партол. — К сожалению, у нас большая нехватка обслуживающего персонала, так что спины вам придется тереть друг другу самим. Думаю, это не испортит впечатления от наших прекрасных бань. Не забудьте принять воздушные ванны! Салливан утверждал, что горячий сухой пар очень полезен. Когда помоетесь, вам будет доставлено чистое белье и одежда. Горд сообщить, что мы в Каламоске обзавелись первоклассной пошивочной машиной «Халстон-2100». Можете заказать любую фурнитуру и вышивки.

Мистер Бетси издал вопль восторга. Партол с удивлением оглядел его смятый истерзанный наряд елизаветинской эпохи.

— М-да… Конечно, мы имеем право испытывать гордость, однако в последнее время связь через «врата времени» несколько осложнилась, так что с небулином, даколитом, непельветом у нас проблемы, зато хлопчатобумажных тканей любых

расцветок и сортов, как говаривал незабвенный Салливан Танн,

— полный завал! Нет проблем и с полотном. Рекомендую также шелк турмалинового оттенка — есть кусок чуть больше двадцати метров. Можно заказать отличные кружева на воротник… Ну, вот как у вас. — Он указал на порванный воротник мистера Бетси.

Фронси Джиллис задохнулась от возмущения.

— Значит, мистеру Бетси воротник, а мои панталоны будут сшиты из обрезков? Дудки!

Мистер Бетси не обратил на нее никакого внимания.

— Я приду за вами через пару часов, — обратился Партол к Бэзилу. — Только не надо больше побегов, игр в прятки и тому подобных пошлостей, ладно? Не вкладывайте в мои слова какой-нибудь тайный смысл. Вы все получили в награду серые торквесы, и теперь мы легко сможем обнаружить вас. Я призываю не спешить с принятием решения, пока не состоялся разговор с королем.

— Договорились, — кивнул Бэзил. — Мы не будем спешить.

Чай был допит, в зале для приема гостей стихли разговоры, в наступившей тишине все взгляды

были обращены на короля. Невысокий, сухонький Эйкен-Луганн сидел перед погасшим камином на троне из покрытого позолотой дуба. Гости разместились на огромных стеганых подушках, разбросанных по полу. Только мистер Бетси стоял у окна. К концу чаепития у Бэзила развеялись последние сомнения, исчезли мысли о коварстве этого маленького человечка. Обстановка была самая доверительная. Эйкен в кожаном походном костюме с откинутым капюшоном, полуразвалившись, сидел на троне. Простенький обруч из черного стекла охватывал его рыжую шевелюру. Король прихлебывал холодный чай с мятой из высокого хрустального стакана вприкуску с кусочками пиленого сахара.

— Кто из вас хотел бы вернуться в Галактическое Содружество? — спросил король, нарушив общее молчание.

Все замерли.

Эйкен улыбнулся и поднял руку. Сильным мысленным ударом он привел присутствующих в чувство.

— Простите за подобную меру, ноу нас совсем нет времени. Я жду еще гостей — надеюсь, они составят нам отличную компанию. Знаете, кого мы встретим среди них? Небезызвестную вам леди,

которая сначала помогла вам украсть аэроплан, а потом упекла вас в подземелья Афалии. Ее зовут Клу Ремилард.

«Ремилард!» — в один голос, единым мысленным всплеском воскликнули Бастарды.

— Вижу, это имя вам хорошо известно, — продолжал король. Мрачная, не предвещающая ничего доброго ухмылка появилась на его лице. — Да, она его дочь. Марк Ремилард и его экс-революционеры двадцать семь лет прожили здесь, в плиоцене, на одном из островов у побережья Северной Америки. Жили тихо, мирно, занимались научными исследованиями. Но эти времена давно прошли. Дело в том, что у беглых борцов за свободу появились дети, которые в конце концов решили, что достаточно походили в упряжке. Им до смерти надоели россказни о высоких идеалах, великих целях и прочей чепухе. Они собрали свои вещички и отправились в Европу, то есть сюда! Клу с небольшой группой своих единомышленников была в первых рядах. Позже в путь отправился ее брат Хаген. Они забрали своих детей…

— Боже мой! — Бэзил Уимборн покачал головой. — Это невероятно! Утверждали, что Марк Ремилард своим побегом окончательно погубил

восставших.

Эйкен пожал плечами.

— Ответить на многие вопросы могла бы мадам Гудериан. Правда, я не знаю, по доброй воле она позволила им пройти через «врата времени» или ее заставили с помощью психокинетического воздействия. Последнее вполне возможно. Они столько оборудования провезли с собой контрабандой!

— Ваше Величество, стоит ли ломать голову над этой проблемой! — воскликнула маленькая мисс Вонг. — Расскажите поподробнее о возможности возвращения. Как можно вернуться через «врата времени»?

— Этого нельзя сделать, — заявил Димитрий Анастос. — «Врата времени» пропускают только в одну сторону — из Галактического Содружества в плиоцен.

— Нет, — возразил Эйкен. — Задача разрешима, если вы установите изобретенный Гудерианом тау-генератор *здес*ь. Именно это дети Ремиларда и хотят совершить.

— Отправиться домой! — Мисс Вонг прижала руки к груди. — Исправить чудовищную ошибку! Наконец-то оставить этот ужасный мир и опять жить в Галактическом Содружестве.

— А я бы не хотела, — заявила Фронси Джиллис, и двусмысленная улыбка мелькнула на ее лице. — За прошедшие месяцы мы попадали в такие щекотливые положения. Ты согласен, Бетс?

— Ты, верно, шутишь? — едва слышно хихикнул мистер Бетси.

— Галактическое Содружество — довольно великодушная диктатура. И все-таки ну ее к черту! — заявил Пушфейс.

— Говори только за себя, парень, — оборвал его Чез. — Если объявят посадку на обратный рейс, я буду первым в очереди за билетом.

— Так, — спросил Эйкен, — кто хотел бы вернуться?

Поднялось одиннадцать рук, потом к ним присоединилась и двенадцатая.

— Меня тоже считайте, король, — сказал высокий чернявый мужчина с орлиным носом, проголосовавший последним. — Если вы и этот чертов Ангел Бездны начнете крошечную войну…

Фронси Джиллис бросила на него предвещающий грозу взгляд.

— Назир, о чем ты говоришь! — воскликнула она. — Разве может быть крошечной война с верховным магом, несущим гибель всему живому?

Скорее всего, это сражение будет концом Земли эпохи плиоцена, и Галактическое Содружество развалится еще до того, как успеет возникнуть.

— Нет, этого не может быть! — Димитрий педантично продолжал настаивать на своем. — В противоположность широко распространенному предрассудку, так называемая альтернативная Вселенная, или параллельные пространственно-временные структуры, невозможна. Никому не дано убить своего собственного дедушку и тут же не исчезнуть. Ничто в плиоцене не может изменить вектор развития реальности, который последовательно — как и все прочие события будущего — выводят к Галактическому Содружеству. Согласно универсальной теории поля…

— Оставь, Димитрий, — попросил его мистер Бетси.

Эйкен вновь использовал мысленный нажим, чтобы остановить разгорающуюся перепалку.

— Есть ли среди тех, кто собирается покинуть плиоцен, люди, умеющие пилотировать аэропланы тану?

Мисс Вонг, Филипп, Бенгт Сендвик, Фархат, Понго Уорбертон и Клиффорд подняли руки.

— Сколько же пилотов решили остаться здесь?

Теперь руки подняли мистер Бетси, Тэффи

Эванс, Тонгза, Пушфейс и Стэн Дзиканьский.

Король долго изучающе смотрел на мистера Бетси.

— Чем вы занимались до того, как покинули Галактическое Содружество?

— неожиданно спросил он.

Брови у мистера Бетси поползли вверх, на лице появилось надменное выражение.

— Кто? Я? — уточнил он.

— Доктор Хадспет — инженер-исследователь и летчик-испытатель компании «Боинг», — вступил в разговор Бэзил Уимборн.

— Что ж, ничего другого не остается, — прошептал король.

Он перевел взгляд на остальных участников встречи и, подключившись к метапсихическому полю, поразился слабости и разорванности их психических экранов, которые так наглядно проявились после вручения им серых торквесов. В таком положении их нельзя было оставлять — они могут стать жертвами любого негодяя, владеющего способностью внушения. Король послал тончайший, исследующий их мозг луч и заодно принялся зашивать ментальные отверстия в их метапсихических экранах.

«С кем мы имеем дело? Преподаватель Окс-

форда, любитель горных восхождений… третий инженер на грузовом звездолете… хирург, всю жизнь занимавшийся гистологическими срезами… — Он задумчиво смотрел на присутствующих. — Конструктор генераторов ипсилон-поля для корпорации G-Dyn Cumberland… механик по обслуживанию автобусов… инженер-электронщик из эскимосов… очень плохо, что среди них нет ни одного толкового инженера-металлурга…»

Когда король отвел взгляд в сторону, Бэзил обратился к нему:

— Сэр, нас убеждали в том, что вы не испытываете к нам вражды. Ваш посланник, Очал Арфист, представил вас как справедливого, заботящегося о своих подданных правителя… хотя и с неизбежными для любого человека странностями.

Эйкен засмеялся, однако Бэзил упрямо продолжил:

— Тем не менее вы, не задумываясь, устроили нам неуместный допрос насчет возвращения в Галактическое Содружество, нагнали страха рассказом о возможном повторении метапсихического восстания. Далее, вы откровенно просветили наши мозги, правда, галопом по Европам. Полагаю, что впереди нас ждет еще более

серьезное дознание. Где, например, спрятаны летающие машины этих экзотических пришельцев? Не так ли?

— Знаю, — ответил Эйкен. — Клу уже поделилась со мной.

— Тогда и вы поделитесь своими планами относительно нас, — потребовал Бэзил. — Мы так и останемся рабами? Или пешками в затеянных вами интригах с последышами Марка?

Эйкен развалился на троне — военном трофее, добытом у фирвулагов столетие назад неким охотником тану. Замечательное произведение искусства, королевский трон останавливал взгляд редкостной резьбой по дереву и соразмерностью частей, придающими ему царственную величавость. Еще более впечатляюща была рельефная голова льва на спинке со сверкающими хризоберилловыми глазами, охраняющими хозяина, который оставил без внимания вопросы Уимборна. Король внимательно приглядывался к стоящему в сторонке рыжебородому крупному человеку с мечтательным выражением лица. Он был одет в малиновый сюртук, из-под которого выглядывала напоминающая кольчугу рубашка.

— Вы, кажется, не имеете никакого отношения к Бастардам Бэзила. Кто же вы?

— Несчастный безумец, — ответил тот, — алчущий узреть спасителя.

— Дугал совершенно безвреден, — заметил Бэзил.

— Безумец? — удивился король, потом задумчиво почесал висок. — Поэтому мне так и не удалось проникнуть в ваше сознание?

— Возможно, — согласился Дугал. — А может, есть и другая причина.

— Вы меня интригуете. — Король поднял бровь. — Значит, вы тоже хотите отправиться домой, в Галактическое Содружество, сэр Дугал Безумец?

— Ваше Величество, я так же, как и вы, враждую сам с собой. Я волен и не волен в этом.

— Хороший ответ, — кивнул Эйкен. — Главное, ясный.

Он встал и подошел к столу, где было выставлено угощение, подлил холодного мятного чая из граненого хрустального графина, потом подвигал тарелки с пирожными, бисквитами и взял бутерброд.

— Взрослые дети бежавших революционеров, отправившись в Европу, напрочь отвергли притязания Марка на власть, на руководство их судьбами. В настоящее время их отцы плы-

вут сюда на парусной шхуне. Любой ценой они стремятся помешать детям построить генератор Гудериана.

— Всему свой черед, — заметил Дугал, — и будет лучше поспешить с исполнением задуманного.

Эйкен посмотрел в его сторону.

— Сначала, — подмигнув, сказал король, — Клу и Хаген собрались заключить союз с Ноданном, теперь им ничего не остается, как обратить свои взоры на меня. Им нужны не только летательные аппараты тану, но и ваши головы и руки, чтобы пилотировать аэропланы, обслуживать их. Без воздушного флота им не обойтись. Ни оборудование не доставить, ни редкие элементы. В общем, возни много: геологическая разведка, строительство шахт и обогатительной фабрики, комплекса по изготовлению генератора.

— Вы согласились на их предложения? — спросил Бэзил.

Эйкен шумно вздохнул.

— У меня есть веские основания пойти на сотрудничество. Очень хочется, чтобы вы помогли мне и этим незваным гостям.

— А у нас есть выбор? — выкрикнул Тэффи. — Когда на нас надели эти чертовы торквесы?

Эйкен пригубил чай.

— Увы, друзья, передо мной стоит нелегкий выбор. Войдите в мое положение. Если я помогу построить новые «врата времени», то лишусь примерно половины вашей группы. Вы сами заявили о желании вернуться. Но что получится, если те, кто изъявил желание остаться здесь, вдруг заболеют и тоже решат воспользоваться «вратами времени»? Или, что еще хуже, разобьют наши летательные аппараты. Это может погубить весь проект. У нас слишком мало пилотов и наземного персонала. Сама мысль, что я могу потерять кого-либо из вас, мне противна. — Он улыбнулся.

— Вы собираетесь так и держать нас в торквесах? — поинтересовался Бэзил.

— Только до окончания работ. Даю слово, что никакого насилия или унизительного обращения не будет допущено. Если, конечно, вы поведете себя разумно. Теперь самое главное: как вы относитесь ко всему сказанному?

— Но ведь это безнадежное предприятие — бороться с таким изворотнем, Марком Ремилардом! — воскликнул мистер Бетси. — Мы не знаем, сколько сюрпризов он нам подготовил, и бросать людей, пусть даже храбрых и опытных, против неведомого механического и психокине-

тического оружия — это… — Он развел руками.

— Не надо преуменьшать наши возможности. У нас тоже есть аппаратура, которую мы установим на боевых кораблях, — сказал Эйкен. — Например, экраны сигма-поля, способные защитить от психокинетических ударов.

— Простите, король, но я совсем не знаю вас. Мы все ничего не знаем,

— возразил мистер Бетси.

— Да, мы мало знакомы, и это не способствует более доверительным отношениям, — усмехнувшись, ответил Эйкен. Он поставил стакан на стол и вернулся на трон. — Позвольте, я прочитаю небольшую лекцию о том, что значит быть королем на Многоцветной Земле.

Он на мгновение замолк и закрыл глаза. Затем веки вдруг открылись, и всех присутствующих опалил нестерпимо жаркий огонь, рожденный его разумом. Волосы короля поднялись дыбом, с них посыпались искры. Ярко засветились парадные доспехи. Паутина ломаных фиолетовых и янтарных молний окутала Эйкена с головы до ног — он стал похож на оживший электрод. Сеть разрядов неожиданно подтянулась к волосам и слилась в яркий пульсирующий нимб, полыхающий золотистым пламенем. Отблески играли

на поверхности позолоченного трона. В наступившей тишине, нарушаемой потрескиванием и шипением гаснущих искр, король Эйкен-Луганн начал расти. Обе руки он поднял вверх, и в ту же секунду между ладонями затрепетало маленькое, но жаркое и ослепительное солнце. Медленно всплывало оно перед изумленными, охваченными благоговейным страхом людьми. Вот оно заполыхало возле самого свода. Зашевелились подвешенные над головами трофейные знамена фирвулагов

— казалось, они вот-вот вспыхнут. Волны сотворенной разумом энергии поплыли по залу, и Бастарды Бэзила, каждый в отдельности, услышали далекий колокольный звон.

Никто не мог сдвинуться с места; только Дугал, пошатываясь, вдруг сделал несколько шагов вперед и упал на колени. Боль и радость исказили его лицо, слезы потекли по щекам.

— Это ты! — воскликнул Дугал. — Ты!

Короткий световой импульс, излученный королем, коснулся коленопреклоненного человека, и тот замер с открытым ртом. В то же мгновение фигура короля съежилась, сияние угасло — на троне опять сидел маленький человечек Эйкен.

— Не хочу хвастаться, — совершенно, спокойно

произнес он, — но Марк Ремилард, как только попытается высадиться на нашем побережье, будет неприятно удивлен. Вспомните, что во время метапсихического восстания его мощь явилась результатом сложения разумов всех его соратников, а их были миллионы. Он объединил единичные векторы в одно русло и таким образом создал чудовищный метаканал, всю энергию которого направил на разрушение Галактического Содружества. Здесь, в плиоцене, совсем другие условия — заметьте, крайне неблагоприятные для него. Одни соратники состарились, другие ненадежны, да и число их невелико. Вполне вероятно, что сражаться со мной ему предстоит в одиночку. Его соратники, конечно, попытаются помочь ему, но их усилия будут лишь жалким подобием той неодолимой мощи, которая была у них в руках во время восстания. Мы имеем реальный шанс разбить их — вот тогда можно будет и «вратами времени» заняться. Будет куда легче, если вы придете нам на помощь.

Дугал стоял на коленях, прижав ладони к груди, где на рубашке был вышит орнамент из львиных голов; слезы еще лились из его глаз.

— Раньше, когда твоя слава и могущество были невидимы за обыденной оболочкой бренного

тела, я не знал, кто ты, — заговорил он тихим голосом.

— Теперь, Аслан, мои глаза открылись. Приди и спаси Нарнию, молю тебя. Ты не покинешь нас, ты не позволишь погибнуть мечте…

— Подожди, — прервал его король, но, хотя он мысленно попытался поднять его, Дугал по-прежнему стоял на коленях, а теперь начал бить поклоны. Эйкен пожал плечами, обошел его и приблизился к остальным гостям.

— Итак, вы согласны добровольно помочь мне? — спросил он. Его голос слышался откуда-то издалека.

Наступило короткое молчание.

— Да, мы будем работать все вместе ради того, чтобы наши друзья смогли покинуть этот мир, — согласился с ним Бэзил.

— Спасибо, — поблагодарил Эйкен, взглянув ему в глаза.

Парадные двери, ведущие в зал, распахнулись. За порогом стояли Партол Скороход и Очал Арфист. Оба они с головы до ног были закованы в светящуюся стеклянную голубовато-зеленую броню.

«Ты звал нас, государь?» — спросили они мысленно в один голос.

— Проводите наших друзей в палаты, — вслух приказал Эйкен, — где они могли бы отдохнуть. — Потом он вновь повернулся к Бэзилу. — Завтра мы обсудим детали экспедиции в Альпы. Пора заняться аэропланами. Вас поведет мой полномочный представитель, Блейн Чемпион. Отправляйтесь как можно скорее.

— Как прикажете, сэр. — Бэзил поклонился и послал товарищам короткий мысленный приказ. Те, кто сидел, поднялись и всей толпой направились к дверям.

Воодушевленный Дугал наконец поднялся с колен. Он достал из рукава кольчужной рубахи расшитый платок и выбил нос.

Мечтательным, восхищенным взглядом он окинул короля.

— Если вы, Аслан, действительно желаете как можно скорее устроить в плиоцене что-то вроде дачки Гудериана, — обратился к нему Дугал, — вот мой совет: любым способом разыщите моего старинного приятеля и покровителя Тони Вейланда. Я вот что имею в виду — в процессе создания генератора тау-поля никак не обойтись без, черт бы ее побрал, ниобиевой проволоки. Создание такой штуки — изобретение мирового класса, и оно принадлежит Тони. Я уж не говорю

о способах извлечения золота из расплавов и очистки металлов — во всем этом Тони большой мастак. Он занимался добычей бария в Финии… Старина Тони — отличный металлург.

— Где он теперь? — нетерпеливо спросил король.

Дугал возвел очи.

— Увы! Его похитили злобные карлики в Вогезских горах. Только мне удалось уйти.

Эйкен тут же отдал подошедшему Партолу короткое мысленное распоряжение, так же мысленно дружески положил руку на плечо Дугала и предложил:

— Почему бы нам не найти тихий уголок и не поболтать о том, о сем? Например, о приключении в Вогезах?

Дугал, не обратив внимания на просьбу короля, направился к двери, но она быстро закрылась перед ним.

— Ты сам, Аслан, твоя десница исполнены великой силы, — обернувшись, произнес он. — Ты сам способен подарить свободу… Обмен опасен, но необходим. — С этими словами гость вышел из зала.

Эйкен потряс головой и, растерянно глядя ему вслед, обратился к Очалу:

— Витиевато выражается, но не беда. Я приказал Партолу приветить его, попытаться понять, что это за птица. Он ведь великий мастер творящей силы, но, черт побери, Окки, там какая-то непреодолимая сверхъестественная стена.

— Я тоже почувствовал, мой король. — Едва заметная тень тревоги легла на лицо Арфиста, видимое через открытое забрало. — Чем это может грозить нам? Что делать с ними? Мы больше не можем заставлять ждать парней из Северной Америки.

— Пусть подождут. Момент пока не наступил. Дугал прав… надо поспешить с исполнением задуманного.

— Они в точности следуют нашим инструкциям, вполне послушны и ждут вашего повеления. Сэр, вы не поверите — они привезли с собой пятерых маленьких детей!

— За эти дни я столько всего навидался, — с грубоватой откровенностью признался король, — что готов поверить во все что угодно. Хаген Ремилард без всяких осложнений передал тебе большой генератор сигма-поля?

— Да. Йош уже начал сборку в галерее, мой король.

— Хорошо. — Эйкен сел на трон. — Мы долж-

ны быть уверены, что наши разговоры не будут подслушаны.

— У вас есть еще какие-нибудь приказания?

Эйкен махнул рукой.

— Пришли несколько серых торквесов, пусть приберут здесь, поставят чистые приборы. Потом пригласи Хагена с компанией.

Очал отдал честь и только было собрался уйти, как король остановил его.

— Помнишь ночь, когда я впервые попал в Мюрию? Король Тагдал закатил тогда роскошный пир.

— Помню, мой король. — Уголок рта у Очала дернулся. — Дикие времена! Я тогда не мог и предположить, что это были ваши первые шаги к славе.

Эйкен задумчиво глядел вдаль.

— На пиру была маленькая женщина. Серебряный торквес… она так чудесно пела. Помнишь?

— Ее голос до сих пор звучит в моей памяти. Блистательная, единственная.

— Пригласи ее, пожалуйста.

Спустя несколько минут, когда Хагена с его спутниками, ожидавших встречи с ужасным королем варваров и всяких экзотических чудищ, ввели в зал для приемов, они нашли здесь ма-

ленького человека, привалившегося к одному из подлокотников трона изумительной красоты, на спинке которого была вырезана голова льва. У ног его сидел сказочный рыцарь в хрустальных аметистовых доспехах. При виде гостей рыцарь, подыгрывая себе на маленькой арфе, чудесным голосом запел знакомую с детства песенку «Бредем в ночи».

Дождавшись, когда комендант замка в серебряном торквесе и сопровождающие его слуги ушли, Бэзил Уимборн вышел на балкон своей спальни и, отыскав в небе Полярную звезду плиоцена, сориентировался на местности. Между ним и домиком у Черной Скалы лежали горы. Способность Бэзила к дальней связи, несмотря на золотой торквес, была невелика, так что рассчитывать можно было скорее на удачу и на великое искусство Элизабет, если, конечно, его призыв долетит до нее.

Он закрыл глаза, положил руки на охвативший шею золотой торквес и мысленно изо всех сил воскликнул:

«ЭЛИЗАБЕТ!..»

«Бэзил! О мой дорогой, мой дорогой, мы уже решили, что ты погиб».

«Клу Ремилард и Ноданн захватили Бастардов

и аэроплан в Афалии».

«Ты спасся, а другие?»

«Все в безопасности теперь с Эйкеном в Каламоске. Ты слышала, сюда явились дети восставших».

«Да, я даже знаю, что их отец не так далеко».

«Эйкен и дети планируют привлечь нас и аэроплан. Мы согласились».

«Но, Бэзил… Позволю себе предположить, что, вручив торквесы, вас принудили к сотрудничеству. Это опасный путь. Неизбежно столкновение Эйкена и детей с Марком. Вас могут втянуть в схватку. Может, потребовать у Эйкена освободить вас?»

«Элизабет, ты не знаешь…»

«?»

«…почему дети Ремиларда решили пойти на союз с Эйкеном?»

«…Чтобы избежать встречи с Марком».

«Чтобы открыть „врата времени“ с этой стороны».

«…»

«Элизабет?.. Элизабет?»

«Да, Бэзил, как ты решил поступить?»

«Строить генератор Гудериана. Это возможно, если Эйкен окажет помощь».

«Марк постарается любым способом предотвратить это».

«Дети, пять тонн оружия Галактического Содружества плюс аэроплан — надежда одержать победу. Эйкен уверяет, что Марк слабее его».

«Боже мой!»

«Что делать? Что?! Элизабет, помоги, подскажи, что делать?»

«Не знаю, Бэзил. Мне надо обдумать много новых обстоятельств. Будь терпелив. Повинуйся Эйкену. Я соединюсь с тобой потом. Сначала надо все взвесить. Мне необходимо время все взвесить. О Боже! Открыть „врата времени“!»

«Элизабет, исполни одну просьбу».

«Да, Бэзил».

«Расскажи о нас Пеопео Моксмоксу Бурке в Скрытых Ручьях».

«…Хорошо. Но захватить спрятанный в Альпах аэроплан раньше экспедиции Эйкена вряд ли удастся».

«Нет-нет-нет! Не проси его исполнить что-то подобное! Нет. Расскажи ему, что собираются открыть „врата времени“. Помоги ему решить дилемму „бездействие/страх“.

«Пео боится? Пео?»

«Элизабет, ты будешь посредником, мы бу-

дем ждать твоего совета. Не теперь. Аэроплан нужен только как средство защитить свободу жителей Скрытых Ручьев как от Эйкена, так и от фирвулагов. Пео хочет использовать аэроплан, чтобы захватить Ронию и получить в свои руки хранящееся там оружие из Галактического Содружества. Когда появился Ноданн, мы были почти готовы. А теперь… что теперь? Как поступить? Ты можешь подсказать?»

«Бэзил, я не знаю планов ни Марка, ни Эйкена. Фирвулаги, вопреки перемирию, продолжают боевые действия. Я не могу рассказать Пео больше, чем ты. Пока не могу».

«Расскажи ему о попытке открыть „врата времени“.

«Ты думаешь, Пео устал и мечтает вернуться в Галактическое Содружество?»

«Может быть. Многие определенно хотят».

«А ты, Бэзил, дорогой?..»

«Я еще не взошел на свою гору».

«А-а, плиоценовый Эверест. Помню».

«Пеопео должен знать о намерении Эйкена и детей Марка Ремиларда. Все люди. Чтобы сделать выбор. И ты тоже…»

«…»

«Всего хорошего, Элизабет. Я буду ждать твоего

вызова. До свидания».

«До свидания, Бэзил».

9

Солнце скрылось, далеко на юге обозначилась горная цепь, неподвижный летний воздух как бы прижал к подножию Черной Скалы охотничий домик.

В детской ни малейшего дуновения ветерка — хотя бы занавеска шевельнулась или затрепетали листья на комнатной розе. Элизабет замерла у распахнутого окна. Уже оборвалась метасвязь с Бэзилом, маленький Брендан, лежа в своей кроватке на резиновом матрасе, наполненном водой, хныкал по-прежнему, а великая целительница, забывшись, продолжала стоять у окна с простертыми руками. Она словно впитывала силы для дальнейших лечебных процедур. На ней был свободный, без пояса, халат тану черного цвета с кокеткой и алыми лентами, украшенными драгоценными камнями, — любимые цвета Бреды.

Ожидание затянулось. Минанан, погрузившись в свои мысли, терпеливо ждал в углу. Только брат Анатолий не мог найти себе места — садился, вскакивал, а когда боль одолевала ребенка и тот начинал громко стонать, он принимался расхаживать по комнате из угла в угол. Наконец

Мэри-Дедра не выдержала, вытащила Брендана из кроватки и, придерживая за плечи, прижалась к его торквесу своим. Видимо, таким образом она пыталась облегчить страдания ребенка. Мальчик, прижавшись к матери, тихонько скулил. Он был очень красив — кудрявый, золотоволосый, с высоким лбом. Может, поэтому еще ужаснее казались неестественные багровые отеки на конечностях и волдыри от ожогов рядом с миниатюрным золотым торквесом на шее. Глянув на ребенка, можно было сразу сказать, что он долго не протянет.

Брат Анатолий подбежал к Минанану.

— Ужасно! Разве можно это вынести? — страстно зашептал он. — Вы же целитель! Помогите же несчастному! Неужели вас не трогают слезы его матери? Хотя бы боль снимите…

— Я не могу к нему прикасаться. Он должен настроиться на лечение. Дедра сама все понимает.

— Тогда поспешите с лечением! — выпалил монах. — Почему, ради Христа, Элизабет так долго ждет! Не поторопить ли ее?

— Она не ответит на мой призыв, — пожал плечами Минанан. — Здесь нет ничего срочного. Вы успокойтесь и займитесь своими делами.

Брат Анатолий сразу отошел от рыцаря тану и

поспешил к Мэри-Дедре. Вот кому требовалось его присутствие, вот кто действительно нуждался в помощи, а никак не стоявшая у окна Великий Магистр Элизабет Орм, за которую так убедительно просила сестра Амери. Она не замечала его, а ведь монах уже больше недели жил в охотничьем домике. Другое дело — Мерибет Келли-Дакин, когда-то бывшая под покровительством Мейвар — Создательницы Королей; теперь она занималась хозяйством в усадьбе у Черной Скалы. Анатолий Северинович положил руку ребенку на голову, Мэри-Дедра благодарно улыбнулась ему.

— Пусть бы подольше они не начинали, брат Анатолий, — вздохнула Мэри-Дедра. — Когда Элизабет и Минанан займутся мальчиком, бедному Брендану будет еще больнее. Побудьте со мной, прошу вас!

Анатолий Северинович изменился в лице, словно ошпарившись, и резко отдернул руку.

— Если у него эта болезнь — как вы ее называете, «черный торквес», — начал он, — Элизабет и другие опытные целители могли бы прежде всего *снять боль*. Хотя бы не усугубляли беду своими чудовищными экспериментами. Дедра, как вы только можете разрешать им!

— Вы, брат Анатолий, не совсем понимаете.

Заболевание Брендана — уникальный случай для Элизабет. В нем есть нечто предопределенное, яркая примета наступления новой эпохи. Суть в том, что он никак не может адаптироваться к торквесу. У других детей тоже встречается подобный синдром, но они — чистокровные тану.

Слезы появились из-под прикрытых век Мэри-Дедры.

— Вы очень долго живете в плиоцене. Разве вы никогда не слыхали о подобном отторжении? — спросила она, утирая слезы.

— Если бы на детей не надевали торквесы с самого рождения, то и болезни не было бы, — пояснил он.

— Но тогда не было бы и метапсихических способностей. — Грустная усмешка появилась на заплаканном лице Мэри-Дедры. — Когда я жила в Галактическом Содружестве, никак не могла понять, какая радость обладать ими. Когда же попала сюда и тану обнаружили у меня большие скрытые метапсихические способности и даже вручили мне торквес, я просто перепугалась. А теперь лучше умереть, чем расстаться с ним.

— А вот цена за дерзость. — Брат Анатолий кивнул в сторону больного ребенка. — Что дороже, Мэри-Дедра?

Женщина посмотрела в потолок.

— В миллионах световых лет от нашей Земли существует галактика, где все носят торквесы. Там уже поняли, что дороже. Почему же ты их не судишь, брат?

— Прости меня за грубость, — извинился монах. — Я никогда не был силен в теологии. Кто я? — Он пожал плечами. — Скудоумный человек, скромный аппаратчик из Якутии, безрассудно решивший создать в плиоцене свой церковный приход. Объясните мне, почему случай с маленьким Бренданом уникален?

— Дети-метисы вообще не предрасположены к заболеванию «черным торквесом». Ни один из отпрысков Тагдала не страдал от этой болезни. Случай Брендана — какая-то аномалия, — ответила она, обнимая хнычущего ребенка. — Никто не может понять — почему. Элизабет, когда жила в Мюрии, пыталась помочь детям тану, страдающим «черным торквесом», но без особого успеха. Неудачу объяснили тем, что уже сами принципы и психологические схемы, на которых работает подобный экзотический мозг, представляют собой серьезную проблему. Как в этом случае говорить о его лечении? Однако мой Брендан — метис, и его разум легче поддается исследованию.

Элизабет уже работала с ним месяц назад, и мой мальчик почувствовал себя гораздо лучше.

Дедра закрыла глаза, и слезы снова полились у нее по щекам. Брат Анатолий беспомощно опустил голову, принялся внимательно рассматривать свои сандалии — на правой ремешок почти перетерся, левую он совсем сбил набок. Грехи наши тяжкие! Наконец мать успокоилась, вытерла глаза краем фартука.

— Мой Брендан совсем не похож на других. Большинство детей, пораженных этой болезнью, больше двух-трех недель не живут. Мой сынок покрепче. Метисы все такие.

— Хоть какая-то надежда есть?

Ребенок громко заплакал, Дедра тут же начала его укачивать, потом повернулась к Элизабет, которая все так же неподвижно, с простертыми руками, стояла у окна. Вдали, за укрытыми густым туманом холмами Лангедока, на фоне голубого неба виднелись розоватые, сверкающие вершины Пиренеев.

— Мальчик мой, — запричитала Мэри-Дедра, — такой сильный, такой крепенький. Такой хорошенький… Мы же ни дня не болели, когда пришлось бежать из Авена. Уж как мы тогда мерзли и мокли под проливным дождем, шли

полуголодные, нас кусали комары, а мы защищались от них и грубых безжалостных тварей лорда Селадейра. Правда, милый? Ты же был такой прелестный, мой Брендан. Целых семь месяцев топали, а теперь мы разговариваем без слов, где бы в домике я ни находилась, правда? Ты одолеешь эту чертову лихорадку. Потом, может, другие малыши начнут выздоравливать, вот так, мой милый. — Она принялась целовать ребенка в золотистые кудельки, спадающие ей на плечо. — Даже если Брендану и не суждено выжить, все равно следует попытаться.

— Но, Дедра, он слишком мал, чтобы *решить самому*! — запротестовал брат Анатолий.

— Я решаю за него! — Она положила мальчика обратно на резиновый матрас, наполненный водой, и уголком фартука быстро смахнула слезы.

Монах замер — все похолодело у него внутри. Ощущение того, что их встреча не случайна — та же боль, те же слова обрушились на него, — привело в оцепенение. Все тот же аргумент — право решать за другого! Сколько раз он слышал его, будучи исполнительным секретарем в Сибирском архиепископстве, от своих братьев-монахов. Правда, они ушли дальше несчастной женщины, даже подвели философскую базу, разработали

хитроумные доказательства, расширили сферу применения тезисов. Однако их убеждение в том, что насильственная, ускоренная эволюция — благо для человечества, покоилось на той же основе, что и вера Мэри-Дедры в право решать за Брендана. Его сибирские друзья приняли сторону братьев Ремилардов, которые уже тогда фактически начали склоняться к идее, что любое средство — даже потенциально опасное или калечащее не созревшее для подобных экспериментов сознание — разумно и справедливо, если в целом оно ведет к увеличению метапсихической энергии человека. Уже в те дни этот вопрос разделил землян, все жестче велись дискуссии. Но представители Галактического Содружества, попечители, их мыслители и моралисты как будто ничего не замечали. Спустя три года, уже перебравшись в плиоцен, брат Анатолий узнал, что теоретические дискуссии завершились метапсихическим восстанием. Вот как давно произошел разрыв.

Миананан — огромный и величественный, в небесно-голубой мантии — вышел из тени и встал над ребенком.

— Мысли брата Анатолия, — обратился он к Мэри-Дедре, — созвучны взглядам нашей Партии мира. Как бы трудно ни было, мы должны полно-

стью положиться на волю Божью. Покой можно найти, только склонившись перед всемогущей Таной.

Дедра бросила на него уничтожающий взгляд.

— Ты думаешь, что я буду сидеть сложа руки и позволю умереть моему малышу? Чтобы обрести покой? Если ты так считаешь, то уходи! Тебе нельзя быть рядом с Элизабет во время лечения.

— Она сама просила помочь! — заявил рыцарь. — И я не отступлюсь от данного мною слова. Я действую сознательно и по доброй воле в надежде, что нам удастся облегчить страдания ребенка. Но я не хотел бы заранее обнадеживать. Успех лечения всецело в руках Божьих. Несправедливо подвергать невинное создание таким испытаниям ради его многочисленных сверстников и даже ради его самого.

— Тебе бы в иезуиты податься, — ответила Мэри-Дедра. Потом, обратившись к монаху, добавила: — А ты, брат Анатолий, лучше бы помолился за нас, а не проповедовал, не читал нам мораль. Если, конечно, действительно желаешь помочь.

Малыш, напуганный ее громким голосом, опять начал плакать.

Анатолий Горчаков героическим усилием сдер-

жал рвущийся из груди достойный ответ.

— Боже милосердный, — успокоившись, зашептал он, — не поскупись на милость Твою, одари ею несчастную мать и страждущее дитя, облегчи их страдания. Да не введи нас во искушение, отврати от лукавого.

— Поискал бы, брат, молитву подейственней, — неожиданно вмешалась Элизабет. Она подошла к монаху сзади, голос ее был неприятно холоден. — Припозднился ты с просьбами о милости как по отношению к Дедре, так и ко мне.

Монах отпрянул от нее, а Элизабет уже мысленно обратилась к Минанану:

«И может, поздно для всей Многоцветной Земли».

Минанан: «Что предвещают твои слова?»

Элизабет: «Я только что беседовала с Бэзилом и королем, потом пришлось мысленно поискать доказательства их искренности. Все сходится. Эйкен и молодые североамериканцы договорились вместе работать над тем, чтобы открыть „врата времени“ со стороны плиоцена. Марк Ремилард со своими соратниками направился в Европу, пытаясь любым способом сорвать их планы».

«Великая Тана! Это может привести к падению в Абсолютный Мрак», — ужаснулся Минанан.

Между тем старый монах-францисканец во все глаза глядел на Элизабет. У него перехватило дыхание — женщина казалась необыкновенно красивой и недосягаемой, словно явилась сама Афина Паллада. Ее платье из черного шелка, украшенное крупными рубинами, с широким воротником и алыми лентами, длинные, свободно ниспадающие на плечи волосы, на которых сверкали капельки росы, придавали ей неземной вид.

— Ступай, брат, и помолись за нас, — с улыбкой произнесла она. — Прямо сейчас. Подай пример веры в Божье милосердие, а мы займемся своими делами.

У этой суки холодное сердце, подумал монах. Теперь понятно, почему бедная Амери отказалась от нее…

Он уже было совсем собрался оставить их — пусть беспрепятственно занимаются недоступными человеческому разумению манипуляциями. Что ему до них, лишенных сердца, а может, и души. В этот момент ласковое, успокаивающее дуновение мысли коснулось его разума. Никогда не носивший торквеса, он тем не менее знал, что Минанан способен проникнуть в святая святых любого человека — в его мысли. У него

достаточно для этого сил. И словно горный поток — присмиревший, прохладный, целительный — затопил его разум. Не переживай, братец, мы с тобой одной беды дети. Обоим, видно, суждено быть всегда рядом с этой ужасной женщиной. Таков наш удел. Будь что будет. Не трусь, Анатолий Северинович!

Он потоптался у порога, повздыхал, потом повернулся.

— В воскресном служебнике есть молитва, которая больше других пришлась мне по душе, — промолвил монах. — Она как будто создана для нас, очутившихся в плиоцене.

Царю небесный, отче наш, иже везде сый и все исполняй, яко Твое есть царство, и сила, и слава. Да будет воля Твоя, открой нам истину, ибо то Душа Твоя. Пришел час узреть красоту Твою вечную, и мощь, и милосердие.

Сыне Божий, завершение всего, переступивший время, спаси нас, грешных, яви чадам Твоим мудрость Господню, открой нам очи правде, пребудь с нами в красоте своей. Аминь.

— Теперь можно и уходить. — Он несколько раз перекрестился. — Вы же займитесь, чем собирались, а я, пока совсем не стемнело, пойду грибков пособираю. Сентябрь скоро — уже должны грибки

пойти. Деньки стоят теплые. Я большой охотник до них, еще с Сибири.

Он приблизился и несколько раз перекрестил ребенка.

— Брат, можно я пойду с тобой? — обратилась к нему Мэри-Дедра.

— Конечно, родная, только собирай сама, делиться с тобой я не буду.

Элизабет и Минанан, объединившись, оказались как бы подвешенными в огромном сверкающем каркасе спутанных подвижных световых нитей, окружающих и пронизывающих их. Это был психокинетический аналог разума ребенка, развернутого во многих невидимых измерениях, — сюрреалистически подсвеченный и в то же время излучающий свет. Кое-где сияние насыщалось багровыми, лиловато-отечными тонами — эти области и обследовали великие целители. Весь остов казался живым существом, разряды пробегали вдоль световых нитей, ветвились, гасли, неожиданно вновь вспыхивали в нервных узлах. В излучающем свет пространстве стремительно, словно метеоры, проносились искры, рассыпаясь дождем.

«Прижми ЗДЕСЬ, — Элизабет указала Минанану на нервное окончание, — теперь ТАМ. Хорошо!

Приготовься — как только я открою проход, на который воздействую, постарайся сдержать волну возбуждения. Нельзя допустить эпилептического припадка, который может нарушить функцию некоторых нейронов…»

Так работали два кудесника — расширяли каналы, убирали заторы, восстанавливали свободное перемещение энергии, создавали новые нервные узлы. Одним словом, пытались гармонизировать метапсихические способности ребенка, усиленные золотым торквесом, с остальными характеристиками его разумной деятельности.

«Сильнее! Еще сильнее!! Вот так. Кажется, мы добились успеха».

Когда Элизабет пыталась работать с Дионкетом или Крейном, тоже искусными целителями, она постоянно сталкивалась с внутренним сопротивлением, неподатливостью — может даже враждебностью! — детского разума. Ребенок как бы отвергал пытливую чужую мысль, а ведь только в ней было его спасение. Его молодой мозг наглухо закрывался от инородного вторжения. Теперь все было по-другому — вот тоже загадка, но решать ее не было времени. Элизабет, по-прежнему уверенная в собственной правоте, стремилась внедрить, закрепить в нервных

узлах целебную для Брендана программу, которая должна будет функционировать. Только бы удалось ввести ее! Так Элизабет и действовала — последовательно, терпеливо, создавая в мозгу мальчика новую структуру, которая включала бы центры метапсихической силы. Этим занимался Минанан, жертвуя изяществом схемы, лишь бы новая нервная структура органически слилась с нейронами.

Они слаженно переливали энергии, осушали отдельные участки мозга, сращивали и удаляли лишнее. Буквально на глазах внедренная программа начала действовать, погнала возбуждение по нервным цепям… как долго они мучились над ней, и сколько еще предстоит сделать.

Элизабет мысленно объявила перерыв — потом можно будет приступить к окончательному вживлению отдела переработки поступающей информации во внутренний церебральный код с нейронными цепями, соединяющими левое и правое полушария. Она подозревала, что именно здесь скрывался источник болезни. Если удастся обеспечить органичное функционирование внедренной программы с обоими полушариями, синхронизировать их работу, то главная труд-

ность будет преодолена.

Они по-прежнему словно парили в светящемся коконе, пронизанном разноцветными нитями, волокнами, бегающими всполохами разрядов. Элизабет, заканчивая работу, падая с ног от усталости, указывала Минанану точки и участки, которые ему следовало удерживать в определенном положении. Потом можно испытать новые цепи, соединения и каналы передачи информации. Посылая по ним импульсы, Элизабет попеременно выключала те или иные участки коры головного мозга.

Неожиданно общая ментально-голографическая проекция разума ребенка, многопространственная решетка вспухла и исторгла мощный когерентный луч света. На какое-то мгновение ребенок очнулся… Еще раз ударил свет, потом все возвратилось в начальное положение.

Элизабет отшатнулась, увлекая за собой Минанана.

— Смотри! — выдохнула она.

— Всемогущая Тана, что это было? — Рыцарь тану, не в силах оставаться на ногах, прилег на кушетку, приставленную к кроватке Брендана. Потом с трудом поднялся и сел. Пот ручьями стекал по его лицу, капал на мантию.

— Моя программа сработала, — прошептала Элизабет. Она взяла ребенка на руки — тот сразу захныкал во сне и подергал распухшими пальчиками свой торквес. Вдруг он сладко зевнул, притих, дыхание его стало ровным, пропали хрипы.

— Она действует? — торопливо спросил Минанан, указывая на ребенка. — Мы вылечили его?

Элизабет ничего не ответила. Оцепенев на мгновение и тут же очнувшись, она с каменным лицом коснулась небольшой шишечки, выступающей на детском торквесе. Минанан повторил вопрос.

— Не знаю, — ответила Элизабет, — не уверена. Даже в том — целебно ли то средство, хотя я совершенно уверена, что мы на правильном пути. Но надо быть объективной… Мы работаем вслепую, очень медленно. Такова дань, которую приходится платить за метасиловое вмешательство. Сама же программа… — Она подняла голову и встретилась взглядом с тану. — Минанан, как раз в эти мгновения ребенок становится могучим оперантом.

Тот ничего не понял.

— Вспомни световой импульс, — объяснила Элизабет. — Мальчик сам, помимо нашей

воли, нашел обходной канал. Совершенно исключающий те участки и цепи мозга, которые возбуждаются метафункциональным золотым торквесом. Он уже научился — может быть, подсознательно — использовать внедренную в его мозг программу. Он как бы выскользнул из прежней тесной клетки, обрел способность к непосредственному проявлению метафункций.

Минанан Еретик сидел на кушетке словно оглушенный, потом осторожно потрогал свой золотой торквес.

— Но это значит… — произнес он, — что его мозг может исторгать метапсихическую энергию и без стимулирования торквесом?.. Как это делаешь ты или король?

Элизабет кивнула.

— Создавая программу, подходящую для лечения детей, я, естественно, исходила из закономерностей, свойственных человеческому разуму. Я ориентировалась на метапсихические образцы Галактического Содружества и пыталась вжить их местным — вашим в том числе — детям. В любом поколении людей есть личности — их не много, всего несколько процентов — с уже врожденной потенцией к метаоперациям. Но этот дар необходимо развивать, иначе он зачахнет. Сам

процесс чем-то напоминает обучение речи. В каждом из нас заложена возможность овладеть устной речью. Для этого необходимо выполнение двух условий: мозг должен созреть для овладения подобным видом общения и, кроме того, нужна звуковая среда, постоянно побуждающая к разговору. И еще желательно начинать обучение в самом раннем возрасте, когда свежо восприятие, когда мозг жаден до нового. Так и развитие всех метафункций немыслимо без надлежащего обучения, хотя в некоторых особых условиях процесс может стать самопроизвольным. В этой области еще много темного, особенно в вопросе внешнего силового давления, которое сдерживает развитие скрытых возможностей.

— Как случилось с Фелицией.

— И с Эйкеном, — согласилась она. — Обоим стали доступны вершины метапсихического искусства, однако пришли они к этому разными путями. Например, Фелиция стала оперантом через сильнейшее душевное потрясение, через нестерпимую боль — все это похоже на то, что я испытала, общаясь с Супругой Корабля Бредой. А вот Эйкен… Это действительно загадка! Я уже говорила, что порой встречаются личности с исключительно высоким скрытым потенциалом,

способные сами по себе, без всякой посторонней помощи, сбросить путы обыденности и вознестись в метапсихические выси. Ясно, что до вторжения галактических рас все люди, ярко проявившие себя в области телепатии и телекинеза, были самоучками. Как только мы оказались вовлеченными в Галактическое Содружество, мы стали зависеть от специальных программ, методик, которые пришельцы привезли на Землю. Стали меняться подходы к обучению — конечно, они стали эффективнее, но это были не наши подходы. Например, в основу воспитания детей и овладения ими метафункциями было положено телепатическое взаимодействие между матерью и заключенным в ее чреве плодом. Подобная связь характерна для одной из галактических цивилизаций, у нас же она куда менее заметна, однако все инструкции исходили только из этого положения.

Минанан коротко рассмеялся:

— Обладание золотым торквесом значительно упрощает ход всего процесса.

— Проще не значит лучше, — резко возразила Элизабет. — Если детям удалить ноги и вживить их тела в самые расчудесные автомобили, то детям не надо будет учиться ходить.

— Ты, конечно, права, — произнес тану, опустив голову, — я никогда не задумывался над этим. — Тыльной стороной ладони он смахнул пот с бровей. — Однако как я устал. Боюсь, ты не очень-то довольна мной. Силенок у меня не хватает, сам чувствую. Мы вовремя закончили с этим сегментом, иначе я бы мог сорваться.

— Ты просто молодец! — похвалила Элизабет Минанана. В то же время она осторожно проверила узким метазондом его разум. То, что она увидела, ошеломило ее. Она сама испытывала крайнюю усталость, но рыцарь, не умевший экономить энергию, постепенно расходовать психосилу, находился, что называется, при последнем издыхании. Цифры на часах, висевших в детской, показывали, что они уже восьмой час занимались ребенком.

— Тебе действительно пора отдохнуть, — предложила Элизабет. — Мы и так многого добились.

— Не стоит напоминать мне, мужчине, об отдыхе! — Минанан резко поднялся с кушетки и поглядел на спящего ребенка. — Откровенно говоря, я чувствую себя так, будто мне пришлось в одиночку вступить в великое сражение. А ведь мой маленький противник тоже был один.

— Разум у детей куда менее уязвим, чем у

взрослых. Это необходимое условие для их выживания.

— Ладно, я готов продолжить, пусть нам даже еще сутки не придется сомкнуть глаз, — заявил Минанан с кривой усмешкой.

— Минанан… — Элизабет поколебалась, потом положила ладонь на его руку. — Лучше всего, если мы немного подождем. Хотя бы три дня.

Его белесые брови поползли вверх, в глазах сверкнула тревога.

— Что-то не так?

— Да, но твоей вины здесь нет, — ответила Элизабет. — Ты один из самых лучших целителей, которых я знаю. Но работа дьявольски трудна. Сконцентрировать на такой долгий срок всю волю, внедриться в чужой разум таким узким лучом…

— Ах ты, маленький разбойник! Взял и одолел такого опытного вояку, как я, — обратился к спящему ребенку Минанан. Потом он спросил, кинув в сторону двери: — Может, позвать Мэри-Дедру?

— Рано. Я хочу еще раз проверить те отделы мозга Брендана, с которых мы начали лечение. Спокойной ночи, Минанан. Спасибо.

Когда он ушел, Элизабет вернулась к маленькой кроватке, где спал малыш, и мысленно обозрела

цепи, передающие возбуждение из центра сбора и перекодирования информации. Боль временно прекратилась, но можно ли было считать мальчика здоровым? Температура еще очень высока, вот и на шее около торквеса появились новые волдыри. Слава Богу, что Брендан родился таким крепким, выносливым, но нависшая над ним смертельная опасность еще не миновала. Средство, которое она использовала, было подобно дубине — она перекраивала функциональные цепи, невзирая на частности. Встроенная ею новая конфигурация каналов, проводящих возбуждение, являлась не более чем схемой. Молодой мозг еще должен свыкнуться с ней, освоить — процесс трудный и длительный.

Жаль, что у Минанана силенок не хватило, посетовала Элизабет. Можно было действовать смелее, решительнее…

Ребенок спал. Крепкий малыш! Как упорно он борется с ненавистным торквесом! Нет чтобы освоиться с ним, подпасть под его власть… Мы упрямые, своевольные… Где ты видела других детей? Видела! Сколько их было, не выдержавших, уступивших якобы полезному действию торквеса. Полезно-то оно полезно — здесь спора нет — но во благо ли? Не прерывает ли искус-

ственное вмешательство развитие естественных метапсихических способностей? Возьмем Эйкена Драма. На первый взгляд — невинный юнец, однако хватка у него оказалась мужская. Как резко он отказался от торквеса, помнишь? Как быстро освоил все секреты мастерства! Как ему это удалось? Эйкен тогда даже не догадывался о своей скрытой силе, а когда потребовали обстоятельства, он очень быстро стал самым могучим оперантом в Европе. К сожалению, его нельзя было привлечь к лечению Брендана — даже для короля это было бы трудное испытание. Он до сих пор не может оправиться от поединка с Ноданном.

Элизабет опустилась в кресло, посидела, подумала. Легкий прохладный ветерок обдувал ее обнаженные плечи. Скорей бы кончалась надоевшая жара, все вокруг ждало очистительной грозы. На мгновение она отвлеклась от ребенка, обвела мысленным взглядом окрестности — точно, на перевалах сгущаются облака, в наэлектризованном воздухе чувствуется запах озона. Гроза вряд ли поможет Брендану, но позволит ей самой обрести долгожданное вдохновение. Тогда будет легче продолжить борьбу с черным торквесом, разобраться в себе, поразмышлять о наследстве,

оставленном Бредой.

Ветерок усилился, пошевелил волосы, от удовольствия она закрыла глаза.

— Чудесно, — прошептала Элизабет.

— Очень рад. Я с большой радостью устроил здесь небольшую грозу в твою честь, однако расстояние слишком велико.

Вздрогнув от неожиданности, Элизабет резко обернулась, посмотрела по сторонам и замерла. В распахнутое настежь окно она увидела Марка Ремиларда, с ласковой улыбкой наблюдавшего за ней. На этот раз голографический эффект, создаваемый церебральным генератором, был потрясающим. Человек за окном казался совершенно реальным, вплоть до игры мускулов под черным трико. Правую руку он поднял ладонью вперед — характерное приветствие, распространенное в Галактическом Содружестве.

– *Нет*! — с нескрываемым отвращением выкрикнула она, вскочила со стула и спряталась за его спинкой.

Свежий ветерок веял со стороны фантома. Улыбка Марка стала печальной, он медленно опустил руку.

— Это ты? — скорее утверждая, чем спрашивая, произнесла она.

— Как видишь, Великий Магистр.

— Невероятно! Какой замечательный эффект присутствия! Или ты осуществил гиперпространственный переход, используя только силу мысли?

— Церебральный генератор помог мне в создании ипсилон-поля, но я действительно совершил d-переход и обратный переход с помощью собственных ментальных усилий.

— Уж не Фелиция ли тебя надоумила? Кажется, она нанесла тебе серьезный ущерб? — поинтересовалась Элизабет.

— Где она? Даже включив церебральный генератор на полную мощность, я не могу найти следов ее ауры, — требовательно спросил Марк, не ответив на ее вопросы.

Элизабет показала ему место на берегу Рио-Дженил, где находилась могила Фелиции. Дева-оперант была погребена в непроницаемой сферической камере без дверей, скрытой глубоко под оползнем.

— Теперь тебе не достать ее. Придется поискать другого партнера.

— Ты считаешь себя неуязвимой, Великий Магистр?

— Что ж, попробуй проникнуть в комнату и

причинить мне зло, — предложила Элизабет, встав с кресла. — За то время, которое прошло с чертова восстания, мы там — в Галактическом Содружестве — тоже кое-чему научились и освоили технику защиты от ваших гнусных психокинетических поползновений. На крайний случай для Великих Магистров всегда найдется надежное убежище. Ты уже познакомился с ним. Если будет нужно, я охотно им воспользуюсь.

— Лучше я останусь здесь, где нахожусь. Ради нашей взаимной безопасности. Церебральный генератор может функционировать только в определенном положении. Переброшенный через гиперпространство, я не опаснее новорожденного ягненка. Тем более что стены вашего дома армированы, и, оказавшись внутри, я могу стать очень опасным гостем.

— Ты имеешь в виду, что генератор способен действовать только по программе и для проникновения внутрь тебе придется заранее вводить поправки? — спросила Элизабет, не в силах отвести взгляд от фантома.

— Да, она создает эту оболочку. И одежду тоже. Так что появиться в доме я могу только полностью обнаженным. Мне бы хотелось пощадить твою чувствительную душу от лицезрения моих

шрамов.

— Чего же ты хочешь? — спросила она.

Марк кивнул в сторону спящего ребенка.

— Меня заинтересовала его болезнь. Какой-то необычный, ни на что не похожий случай. Необходимо тщательно изучить его.

— Уверена, что брат Анатолий согласится с твоим мнением.

— Между нами есть какое-то сходство? — рассмеялся он.

— Да. Еще один кандидат в члены клуба Франкенштейна. Конечно, куда мне до вас — теологов, схоластов, агитаторов, бунтарей — в деле переустройства общества на разумных — кажущихся вам разумными! — основах. В этой области я — совершенный дилетант. Нет у меня ни вашей самоуверенности, ни профессиональных качеств, во мне нет задатков главаря, вдохновенного оратора. Возьмем, например, случай с Бренданом. Да, я работаю грубо, топорно, возможно — не дай Бог! — ребенок погибнет, но я уверена, что даже такая помощь лучше полного бездействия. Если я найду способ спасти мальчика и его сверстников, какое будущее ждет их в этой проклятой стране? Здесь не требуется обладать ясновидением Бреды, чтобы понять, что случится, когда ты

прибудешь в Европу. Нам не избежать войны за «врата времени».

— Войны не будет, если Эйкен, вместо того, чтобы заигрывать за моей спиной с беглецами, постарается найти со мной общий язык. *Ты бы подсказала ему*, в чем заключаются его же интересы.

— Ты глуп, если думаешь, что я могу каким-то образом повлиять на него, — с невеселой улыбкой ответила Элизабет. — Эйкен поступает так, как считает нужным. Если он решит помочь детям спастись от тебя, что бы я ни говорила, что бы ни делала — все будет бесполезно.

Мерцающая, висящая в ночной мгле фигура подплыла поближе. Опять пахнуло освежающим ветерком, в комнате запахло озоном. Элизабет поспешно закрыла ребенка.

— Твоему возмущению не хватает убежденности, — тихо произнес Марк. — Может быть, у тебя есть личные мотивы, чтобы поддерживать создание в плиоцене «врат времени»?

— А как насчет твоих личных мотивов? — поинтересовалась Элизабет. — Ты что, действительно боишься, что из Содружества пришлют за тобой людей? Или ты считаешь, — пусть лучше дети умрут, чем вернутся в Галактическое Содруже-

ство, куда тебе нет пути?

— Ты несправедлива ко мне, — возразил Марк. — Я их люблю. Все, что я делаю, — только ради них. Ради всех наших детей. Ради «ментального человека», который уже стучится в наши двери.

— Оставь нас в покое, Марк! — воскликнула Элизабет. — Все в прошлом! Все уже было двадцать семь лет назад! Человечество выбрало другой путь. Не тот, на который ты толкаешь наших детей!

Силы почти оставили ее. Мощный защитный экран, который она поставила между собой и неожиданно явившимся недругом, заколебался, истончился. Элизабет так устала, что с трудом удерживала эту уязвимую стену. Однако Марк не стал пользоваться моментом. Он терпеливо ждал.

— Оставь детей в покое, — повторила Элизабет. — Пусть они уйдут в свое время — их там ждут. Вернись в Северную Америку. Обещаю приложить все силы, чтобы «врата времени» со стороны плиоцена после их отбытия были закрыты навсегда. Никто не тронет тебя и твоих сообщников.

— Как ты это выполнишь? — спросил Марк. —

Сама вернешься в Галактическое Содружество?

Элизабет отвернулась.

— Оставь нас, Марк. Не пытайся разрушить наш маленький мир.

— Бедный Великий Магистр, ты выбрала очень тяжелую ношу. Всегда одна, всегда и тревоге; впрочем, как и я. — Голос его вдруг зазвучал громче. Она обернулась, вздрогнула — незваный гость стоял на широком подоконнике. Слабое свечение, окружавшее его фигуру, когда он парил снаружи, исчезло. Элизабет, оцепенев, следила, как он спрыгнул на пол, направился к детской кроватке. На паркетном полу появились влажные следы. Холодный воздух больше не исходил от Марка — он материализовался полностью, вышел из той точки пространства, куда доставил его генератор. Подошел, рукой в перчатке взялся за сетку. Все время он не спускал с женщины глаз. Зрачки у него были зеленые, травянистого оттенка, глаза глубоко запали, брови лохматые, с проблесками седины.

— Покажи мне программу, которую ты используешь для лечения ребенка! Быстро! Я могу оставаться в таком положении всего несколько минут.

Элизабет оледенела от страха. Наконец она

собралась с духом и прокрутила программу в памяти.

— Очень остроумно, — одобрил Ремилард. — Ты сама ее придумала?

— Нет. Основные принципы и целые куски я взяла из наставления, которым пользовалась, когда учила детей в Институте метапсихики на Денали.

— До момента моего появления медицина прошла долгий путь развития. Должен отдать справедливость создателям программы — очень эффективный метод лечения.

— Только действует она слишком медленно. Если мы будем работать с Минананом с той же скоростью, каждый сеанс займет не менее двенадцати часов. Ребенок определенно не выдержит и умрет раньше, чем мы закончим курс лечения, а ему еще конца не видно.

— Понятно, ты нуждаешься в повышении интенсивности воздействия. Все то же самое, только быстрее, энергичнее, целенаправленнее. Действия надо спрессовать до нескольких минут — ребенок сможет вынести и десятикратную нагрузку. — Ремилард проник в разум Брендана пристальным, изучающим взглядом. Ребенок пошевелился, почмокал и улыбнулся во сне.

— Беда в том, что в помощниках у меня всего один оперант, — объяснила Элизабет. — Мы просто не успеваем перекрывать все каналы, по которым вытекает метапсихическая энергия.

— Это дело поправимое. Меня сейчас другое волнует. Время! — Марк оставил разум ребенка и сделал два шага к окну. — Придется подождать, пока наша троица — Манион, Крамер и я — не разрешит проблему стабилизации объекта в конечной точке d-перехода. Рисковать в середине курса лечения мы не имеем права. Даже с максимально интенсивным принудительным воздействием весь курс займет не менее сотни часов. Малышу действительно надо помочь.

— Помочь малышу? — дрожащим голосом прошептала Элизабет.

Марк перешел на внутреннюю связь:

«Общими усилиями мы быстро поставим его на ноги. Кое-что добавим, заменим в схеме некоторые детали. Возможно, нам удастся быстро поднять его до высшего уровня оперантского мастерства».

«Общими усилиями? Но я никогда…»

«Ты никогда не сможешь доверять мне, не так ли? — Та же кривая усмешка опять появилась на его лице. Он постучал себя по виску, и, к удивле-

нию женщины, из его мокрых, стоящих дыбом волос на фрамугу брызнули зеленоватые капли. — Я не более чем мозг, перенесенный в другую точку пространства. В этом, Элизабет, для тебя нет никакой опасности, мы можем только более полно и эффективно использовать программу. Ты будешь в совершенной безопасности от… э-э… моих дьявольских флюидов».

Казалось, Марк Ремилард прямо с подоконника шагнул в ночь. Полупрозрачная, едва заметная искусственная цереброэнергетическая оболочка в один миг преобразовала его тело. Он вновь, обдав ее холодным ветерком, повис в воздухе. Ремилард быстро начал удаляться куда-то вверх и чуть в сторону, однако его мысленный голос звучал в ее сознании по-прежнему громко и отчетливо.

«Я бы хотел помочь тебе. Не отвергай мою просьбу».

«Сколько времени, по-твоему, займут ваши исследования по стабилизации объекта в конечной точке?» — спросила Элизабет.

Ее вдруг охватило сумбурное, истеричное негодование.

«Ты с ума сошла, — обратилась она к самой себе. — Ты действительно считаешь возможным

воспользоваться его помощью? Ты способна ему довериться?!»

После небольшой паузы до нее донесся мысленный голос Марка:

«Думаю, около недели. Может, чуть больше. Можно поддержать ребенка в течение нескольких дней?»

«Минанан и я продолжим сеансы. Надежда есть, если нам не помешают непредвиденные обстоятельства…»

«В случае чего пусть брат Анатолий призовет на помощь небесную силу»,

— донесся до Элизабет затихающий иронический смешок.

Небо совсем прояснилось — в окно заглядывали крупные яркие звезды. Ребенок шевельнулся, захныкал — видно, проголодался или замерз. А может, во время сна улучшилось его состояние.

10

Каноэ, спрятанное в зарослях камыша, чуть качнулось. Человек, сидевший в нем, бывший судья Бурке, торопливо скинул мокасины, потом лохмотья, которые с большой натяжкой можно было назвать штанами. Бурке встал на колени — ноги расставил пошире, поустойчивее, — натянул тетиву. Пусть олень подойдет поближе — ну же, шаг, еще один. На этот раз ему нельзя промахнуться.

Низкое огромное солнце, стоящее над болотистой низиной, напоминало начищенную бронзовую крышку люка, через который можно проникнуть в преисподнюю. Пот струился по лицу Бурке, вытекал из-под охватившей волосы повязки, заливал глаза. Антилопу охотник видел смутно — сказывался бурно проведенный вчерашний вечер. С похмелья голова гудела как колокол. Затаив дыхание, он постарался забыть об острой боли в желудке, о молоточках, стучавших в висках. Повел луком так, чтобы острие, сделанное из рога, было направлено под левую лопатку. Лишь в самый последний момент, уже спустив тетиву, Бурке заметил, что древко кривое

и выстрел будет неточный. Со злобным криком «Гевальт!», скривившись, он изменил прицел и пустил вдогонку еще одну стрелу.

Стрела вонзилась в холку антилопы. Заметив охотника, она отскочила в сторону и теперь барахталась в глубокой воде. Изо рта животного текла густая жеваная масса. Пеопео Моксмокс Бурке, вождь племени уалла-уалла, пустил еще одну стрелу и опять промахнулся. Антилопа обдала его фонтаном грязи. Перепуганные дикие утки, громко хлопая по воде крыльями, устремились в небо. Затрубил пестрый лебедь и всколыхнул лужайку, поросшую острой как бритва осокой. Потом наступила тишина, в которой особенно сочно прозвучали ругательства незадачливого охотника.

Бурке наклонился, и его вырвало на дно каноэ. Смыв рвотную массу, он взял короткое широкое весло и, с силой загребая воду, вывел каноэ на чистую протоку, потом направил нос в сторону старых высоких кипарисов. Причалив к полузатопленному изогнутому толстому корню, он достал бурдюк с водой и глотнул оттуда. Глаза его были полны невыразимой боли. После еще одного глотка сознание немного прояснилось. Бурке что-то проворчал, устроился поудобнее и

начал рассматривать оставшиеся стрелы. Все они были кривые.

Он вытащил лук. Тисовая дуга была покрыта частыми мелкими трещинами, подгнили жилы, скрепляющие дерево. Тетива, сплетенная из сухожилий, ослабела, кое-где замахрилась. На колчане заметны пятна плесени. Горе, а не оружие! Неудивительно, что он ни одной антилопы не смог завалить.

Кто виноват в том, что его боевой лук остался дома? Кто виноват, что охотничий лук несколько месяцев провалялся на полке в его вигваме? Вернувшись из опасного путешествия на юг, длившегося несколько месяцев, он ни разу не удосужился взять его в руки. Правда, когда Бурке вернулся в Скрытые Ручьи, у него минутки свободной не было — фирвулаги наступали по всем направлениям. Необходимо было срочно принимать контрмеры.

Ладно, с этим можно согласиться, а вот в своем ли уме вы, Пеопео Моксмокс, были утром, когда давали такую безрассудную клятву?

…Что-то толкнуло его, и, мгновенно проснувшись, он едва смог открыть глаза. Выскользнул из постели Мериалены Тореджон. Мысль о том, что скоро начнется праздничный пир по случаю

объявления невероятного известия, окончательно прогнала сон. Все-таки он, Пеопео, — вождь всех свободных людей, живущих в верховьях Мозеля, и кому, как не ему, добыть жертвенное мясо для великой трапезы.

— Может, останешься? — едва слышно спросила Мериалена, пытаясь выбраться из спутанных полотняных простыней. — Куда ты пойдешь? У меня после этой вечеринки на плечах не голова, а проснувшийся вулкан.

Мужчина сморщился — видно, хотел улыбнуться. Вся деревня пришла в невероятное возбуждение, когда вчера он объявил, что Ноданн повержен, а Бэзил и Бастарды живы-здоровы и находятся в безопасности.

— Я тебе, моя радость, — прочистив горло, наконец смог выговорить Пеопео, — не все рассказал. Главную новость приберег на сегодня. Вечером мы устроим грандиозный пир на весь мир. Слышишь? И я добуду мясо антилопы. Шесть жирных вкусных антилоп! У нас будет жареное мясо. Потом я объявлю тебе и всем остальным самое потрясающее известие со времен потопа!

— Не уходи! — страстно прошептала она и потянулась к нему. — Посмотри, как здесь чудесно! Зачем тебе самому идти на охоту? Люсьен и дру-

гие парни добудут пищу.

Мериалена попыталась удержать его, но он уже был возле дверей — так обнаженным и скользнул в наступивший рассвет. Голова все еще была во хмелю.

Теперь им овладел более сильный зов, чем половое влечение, — инстинкт добытчика. Пошатываясь, он направился в свой вигвам, там оделся — не в плотные грубые брюки и крепкие башмаки, в которых ходил после возвращения из Мюрии, а в лохмотья. Натянул мокасины. Пеопео с раскаянием, сидя в каноэ, оглядел себя, потом порылся на полке в поисках охотничьего снаряжения. Сдуру отбросил в сторону боевой, сделанный из пластика, армированный металлом лук — смертоносный и надежный. Стрелы для лука были сделаны из композитного материала, наконечники — из специальной закаленной стали. Сколько экзотиков испытали на себе их убойную силу! Нет, взял охотничий! Не проверив, не осмотрев! Сделан он был уже в плиоцене — стрелы кривые, на колчан стыдно смотреть.

Пеопео Моксмокс — вождь дикарей, в прошлом член Верховного суда в Вашингтоне, соблазненный мечтой о возвращении в мир своих индейских предков, в золотой век, как всерьез

утверждал он, — поерзал в каноэ и расхохотался. Каноэ-то не из коры сделано, а из декамола — удивительного материала, созданного в Галактическом Содружестве. Когда придет срок, он выпустит из него воздух, свернет и сунет в мешок, притороченный у пояса. Вот бы с такой же легкостью превратить в былое, в пищу для воспоминаний всю первобытную комедию! Бурке припомнился добрый старый Сол Мермелстейн, с которым ему довелось вместе работать в Солт-Лейк-Сити. Был тогда он начинающим судьей, самоуверенным и дерзким. Недаром старина Сол частенько подтрунивал над ним: «Послушай, глупый индеец, чья душа горда умением никогда не ошибаться...» То были его последние слова перед отъездом. Он их хорошо запомнил. Сол оказался прав... Бурке сплюнул в воду. Черт его занес в плиоцен, будь он трижды проклят!

Зов предков!

С ума можно сойти! Каких предков? Где они? Как и зачем он оказался здесь? Вопросы, вопросы, обращенные в никуда, в белый свет. Какой смысл причитать! Теперь надо действовать.

Где-то хлестнул хвостом крокодил, запела птица. Две бабочки в брачном вдохновении порхали над самой водой. Тончайший аромат ванили

разлился в воздухе, аромат наполнил его сердце радостью. Жуткий и одновременно прекрасный мир — к сожалению, они чужды друг другу. Охотник обернулся и долго любовался орхидеей, проросшей из трещины в коре кипариса. Бурке подобрался поближе, чтобы понюхать цветок. Хорошо, что сегодня он никого не убил.

Воздух был неподвижен и горяч. Что же дальше? Он взглянул на наручный хронометр — еще одна замечательная вещица, кстати, не местного происхождения. Вот золотой торквес — здешнее, век бы его не видать. Ладно, срок, указанный в записке, оставленной Дени Джонсону, приближался. Пеопео просил его подогнать к реке халика с кожаными сумами для туш антилоп… Все не так, как надо. Антилоп не добыл, настроение отвратительное.

Оскалившись, Бурке отвязал носовой фалинь и сильными гребками погнал каноэ на стрежень. Все тот же лебедь проскользнул над головой и, хлопая крыльями, сел на воду. Бурке через плечо наблюдал за ним. Какой красавец! Черно-белый хохолок на голове. Рябь замерла, лебедь оказался как бы в центре вышитой гладью картины, его образ повторился в темной, окрашенной торфом воде. Густая высокая трава, более светлая, чем

окружающие джунгли, служила естественной рамой живого пейзажа. Охотник затаил дыхание — он должен все хорошенько запомнить. Все, до последнего лебединого перышка, плывущего по воде.

Каноэ коснулось дном ила. Работая веслом, Бурке снял его с мели и начал часто и сильно грести против течения. Дени, наверное, уже ждет его. Пора возвращаться в Скрытые Ручьи. Надо объявить, что скоро появится возможность желающим вернуться в свое время. Кроме того, надо обсудить план захвата Надвратного Замка.

Шестьдесят или семьдесят первобытных из Айрон-Мейден и Хот-Форневилла были вооружены и заперты в огромной деревянной клетке. Здесь, на вершине холма, впавшие в дикость люди и должны были бороться. Позиция казалась удачной — с тыла их прикрывали выходы гранитных пластов, с той стороны подобраться к ним было невозможно. По фронту располагался открытый и довольно крутой подъем, так что ни военные хитрости, ни внезапные удары не могли помочь нападавшим. Фирвулагам оставалось только применить обычные для них атаки с привлечением крупных войсковых соединений и уже привычную тактику запугивания. Чем можно было

запугать шахтеров, ветеранов многочисленных схваток, в которых они участвовали, защищая свои дома в Айрон-Виллидж? Их и одолели только с помощью психокинетических ударов.

Король Шарн, устроивший свой наблюдательный пункт на соседней высотке, встал, пожевал нижнюю губу и махнул рукой.

Маневры начались. Первыми на штурм двинулись отряды самых верных короне карликов, которыми командовал Пингол Гусиная Кожа. В стане осажденных раздавались отборные ругательства и дикий вой, потом крики стихли, но повторились с удвоенной силой, когда второй, более малочисленный отряд великанш-людоедок, ведомый Фулетот Черная Грудь, двинулась по лощине в атаку на правый фланг заключенных. Здесь склон был более крутым, поэтому направление было более безопасным для нападавших.

Из королевской ставки два наступавших отряда казались похожими на два черных как смоль роя жучков, наползавших на гигантскую корзину для пикника. Над шевелящейся массой, подобно усикам, вздымались зазубренные пики и развевающиеся штандарты.

— Все-таки зря мы вооружили первобытных железным оружием, — посетовал король. — Лю-

бая царапина — и нашему воину крышка.

— Ничего, будут решительнее действовать, с азартом, — жестко усмехнувшись, возразила королева Айфа. — Ты думаешь, Ронию будут оборонять с помощью стеклянных мечей и бронзовых боевых топоров? Если честно, то этим людишкам в клетке надо было раздать винтовки и лазерные карабины, а впридачу — стрелы с наконечниками из кровавого металла. Когда придет время настоящих битв, наши войска неминуемо столкнутся с таким вооружением. Вспомни, что случилось с Мими в Барделаске.

— Черт побери, разве мы там не одержали победу?

— Только потому, что защитников города было слишком мало, и их удалось перебить из луков. Что бы случилось, если бы посланный Эйкеном Драмом транспорт с оружием из Галактического Содружества прибыл вовремя? Что тогда?! Великая-Богиня-благослови-мой-последний-час?! — Королева нахмурилась. В этот момент оба отряда фирвулагов вползли на вершину холма.

— Наши ребята должны наконец понять, что единственный путь к победе — согласованный удар множества разумов, а не сумасбродные

индивидуальные попытки. Вот почему Бетуларн Белая Рука, организовывая маневры, решил дать первобытным тактическое преимущество. Он и командование поручил молодым — Фулетот и Пинголу. У них мозги посвежее.

— Что ж, будем надеяться, что заключенные окажут достойное сопротивление, — сказал Шарн, внимательно наблюдая за притихшим холмом. — Жаль, если они струсят.

Айфа неожиданно хихикнула.

— Бетуларн дал им честное слово: если они сумеют продержаться до ночи, то получат свободу.

Король грубо захохотал — видимо, по достоинству оценил шутку.

— Вот дурни! Кажется, они так и не поняли, что фирвулаги держат клятву только в том случае, если дали ее фирвулагу или тану, а не этим паршивым низкорожденным.

— Посмотри, они клюнули на приманку! — закричала Айфа и встряхнула своим черным шлемом. — Даже самые опытные из них!

Король, нахмурившись, наклонился в кресле.

— Куда смотрит Пингол! Зачем они к самой клетке лезут! Почему не выставили защитный экран? Эти дьяволы в любую минуту… Великая Тэ! Тьфу!

Криком ярости король встретил град стрел, выпущенных защитниками клетки и дождем осыпавшихся на плотную толпу карликов. В ответ фирвулаги дико завыли, тут же раздалась телепатическая команда поставить защитный экран. Мерцающие, разбрасывающие искры, едва различимые пятна метапсихической энергии заиграли над склоном. Они были редки и разбросаны

— карлики никак не могли свести отдельные уплотнения в единый надежный заслон. Тем временем первобытные, воспользовавшись замешательством противника, методично, залпами посылали стрелы в их сторону. Теперь люди стреляли с колена, чуть ниже наконец вспухшего общего пузырчатого экрана. Шарн и Айфа слышали свист и звон попавших в цель стрел.

«Вперед, в атаку!» — Шарн послал нападавшим мощный мысленный импульс, вскочил с кресла и для поддержки атакующих превратился в гигантского, наводящего ужас скорпиона. В ответ карлики ликующе завизжали, однако крики их были нестройны и робки, просто для видимости. Правда, после королевского порыва защитное поле уплотнилось, замерцало сплошной, ровной стеной. И все равно множество неподвижных

скрюченных фигурок осталось лежать на склоне. Нападавшие явно опоздали с установкой защитного экрана.

— Что же они действуют вразнобой! — возмутилась Айфа, обращаясь к скорпиону. — И занавес слишком тонкий. Этот дебилоголовый Пингол! Почему он ждал? Почему сразу не отдал команду?

— Ничего. — Шарн весело помахал хвостом. — Взгляни, в дело вступили наши дюжие девицы.

Великанши Фулетот упорно карабкались вверх по склону. Каждая несла впереди себя небольшой метащит. Чуть больше десятка этих чудищ — примерно одна пятая от общего числа — немного приотстали от своих подруг и образовали что-то вроде плотного каре. Мгновением позже язык голубоватого пламени ударил из их рядов, словно зажглась газовая горелка. Взлетев в небо, пламя, разбрасывая искры, рухнуло на крышу клетки, где медленно истаяло, пробившись сквозь ее прутья. Осажденные закричали так, что их вопли перекрыли шум боя. Клубы густого дыма заволокли вершину холма. После короткой паузы стрелы ливнем посыпались на великанш.

На другом фланге, готовясь к решительному броску, спешно перестраивались воины-кар-

лики. Защитники клетки тоже поливали их градом стрел, однако стрелы летели беспорядочно, и только малая их часть прорывалась через уплотнившийся, напоминающий полусферу защитный экран. Беда была в том, что даже мелкая царапина, нанесенная железным оружием, была смертельна для фирвулагов. Потери в рядах карликов росли, каждая новая жертва, рухнувшая на каменистый склон, вызывала радостные крики сражающихся людей. Тем не менее передняя линия отряда Пингола вышла на позицию, с которой можно было решительным броском достичь клетки. По команде карлики отбросили алебарды и под защитой экрана быстро и слаженно сформировали три ударные колонны. Каждую колонну прикрывал свой невидимый щит. Вдруг три огненных шара, ослепляющие даже на фоне нестерпимо яркого солнца, подобно кометам, рассыпая искры, потрескивая и шипя, ударили в решетку. Все шары сошлись в одной точке — деревянная клетка мгновенно вспыхнула. Осажденные пронзительно закричали. Те, на ком загорелась одежда, начали кататься по полу, другие, не жалея питьевую воду, принялись поливать загоревшиеся жерди и доски, при этом залпы не прекращались. Через несколько минут

яростные крики людей возобновились с новой силой.

Воспользовавшись моментом, великанши-людоедки достигли узкого гранитного выступа, прикрывавшего устье расщелины. Отсюда до горящей клетки было метров пятьдесят. Поскольку людоедки — косматые, с болтающимися открытыми грудями и торчащими из пастей клыками — оказались выше обороняющихся людей, они могли атаковать их, спускаясь под уклон. Правда, бежать пришлось бы по осыпи, однако это не остановило их предводительницу Фулетот. Прежде чем броситься в решительную атаку, великанши соорудили защитный экран, затем по дальнодействующему приказу каждая выхватила меч из черного стекла и проделала щель в защитном экране. С лезвий стекали яркие голубоватые светящиеся струи. Вдруг чудища подняли мечи над головами, и смертоносные струи, слившись, мощным разрядом ударили в прутья решетки. Удары грома прогремели по окрестностям, достигли Шарна и Айфы. Королевская чета вздрогнула от неожиданности и упустила момент, когда питомцы Пингола дали еще один залп по осажденным в клетке людям. Прикрывшись огнем, колонны карликов броси-

лись вперед и начали бомбардировать клетку небольшими психокинетическими снарядами.

— Превосходно! — воскликнул Шарн и принялся победно размахивать скорпионьим хвостом. С размаху он ударил по столику, где стояли прохладительные напитки, фрукты и закуски. Айфа запрыгала от радости. Никто из них не обратил внимания, как посыпались в лужу пролитого пива маринованные грибы, датские огурцы, ломти дыни, угри по-фламандски, засахаренные ягоды и фрукты.

«Добейте этих низкорожденных ублюдков! Армия едина, сознания едины!»

— мысленно взывала Айфа.

«Добьем врага!» — вскричали в ответ воины-фирвулаги.

Громовой удар, нанесенный великаншами Фулетот Черная Грудь, разрушил ближайший к ним угол клетки. Находившиеся там защитники погибли. Оставшиеся в живых начали выбираться из полусожженной, развалившейся крепости, чтобы встретить врага лицом к лицу. Они были вооружены длинными ножами, короткими томагавками и луками со стрелами. Еще несколько огненных шаров вырвались из рядов атакующих карликов. Великанши довершили разгром,

пустив еще одну молнию. Клетка окончательно рухнула. На склоне завязался рукопашный бой. Люди подныривали под защитные экраны и наотмашь рубили карликов, лучники начали пускать стрелы круто вверх, чтобы поразить задние ряды нападавших. Строй был смят, все экзотики сбились в кучу. Истошно вопя, они забыли о дисциплине, и на глазах началось их превращение в монстров. Привидения, ужасные призраки заполнили склон — так сражались их предки, теперь так же бились они. Карлики молотили врагов зазубренными обсидиановыми клинками, великанши разили пиками — пронзали даже безоружных, отрывали конечности. Звон и лязг битвы эхом отражался от скал. Когда фирвулаги ощутили вкус победы, самые опытные бойцы вспомнили о наставлениях и попытались добить оставшихся в живых людей соединенными ментальными ударами.

Шарн и Айфа, принявшие свой обычный облик, молча наблюдали за происходившей резней. Солнечный диск печально склонился за башнями Высокого Замка. Поднявшийся ветер унес вдаль мольбы о пощаде, крики умирающих и добиваемых раненых людей. Скоро над местом сражения воцарилась тишина, и в разумах короля и короле-

вы одновременно раздались радостные возгласы Пингола и Фулетот:

«Великий король, великая королева! Завоеванную победу мы посвящаем всемогущей Тэ!»

Карлики, великанши-людоедки, все монстры, толпящиеся на склоне, разом повернулись в сторону холма, где стояли Шарн и Айфа, подняли вверх оружие и боевые штандарты и дружно вскричали:

— Хвала и слава Тэ, Богине Битвы! Хвала и слава Шарну и Айфе, великому королю и великой королеве! Слава знаменитым капитанам Пинголу и Фулетот! Хвала и слава всем нам! Армия едина, сознания едины!

«Слитсал! Слитсал! Слитсал!»

Сердца королевской четы были переполнены упоительным восторгом победы, и, как того требовала традиция, они торжественно объявили о триумфальном успехе завершившихся маневров. Потом они долго стояли, наблюдая за полем битвы, где кружилось воронье и уже появились огромные птицы-трупоеды. Они держались в сторонке, пока по полю бродили санитары с носилками, солдаты из похоронной команды и спасатели. Шарн и Айфа ждали подведения итогов. Наконец им сообщили, что учебное сра-

жение стоило жизни двадцати двум фирвулагам, трое ранены. Людей в живых не осталось — все побиты.

— Что ж, такие результаты радуют, — подытожил король Шарн. — Другим капитанам тоже будет чему поучиться. Мы обязательно устроим детальный разбор сражения. Следующие маневры уже можно проводить без крови.

— Теперь, когда почти все поселения Айрон-Виллидж покинуты, у нас скоро обнаружится острая нехватка пленных. Может, пора спустить с цепи Монолоки Отвратительного? Пусть он нападет на форт Русти.

— Пока рано. С набегами на низкорожденных, поселившихся в Вогезах, можно повременить. Не забывай, сейчас перемирие. У нас есть куда более важные дела, и все три недели мы должны полностью посвятить им. Прежде всего подготовка к турниру как к ступени в войне против Абсолютного Мрака. И, конечно, Рония.

Королева подняла с настила золотой кубок, откупорила бочонок свежего пива и, наполнив сосуд, удобно устроилась в кресле.

— Эти операции должны быть хорошо спланированы, мы не имеем права допустить ошибку. Насчет Ронии… Ты имеешь в виду крупное

наступление? Всеми силами, с привлечением корпуса Мими?

В наступающих сумерках Шарн не отрывал взгляда от поля битвы. Его огромные, размером со свиные окорока кулаки были уперты в бока, прикрытые церемониальными доспехами.

— После боевой игры все убедились в эффективности слияния метапсихических сил и одновременного объединенного удара. Что касается Ронии… Мне кажется, что общий замысел должен быть изменен. Хитрость, использованную против Барделаска, можно применить и против Ронии. Мими взял городишко и тут же отошел, а мы знать ничего не знаем. Итак, сначала мы покажем, что уступили требованиям Эйкена. Тем временем карлики начнут незаметно просачиваться по восточному берегу реки. Затем, накопив силы, они нанесут сокрушительный удар по крепости через реку. Водную преграду форсируют на декамолевых лодках. Кандатейру и в голову не придет, что мы можем переправиться через реку на его глазах. Беспримерный поступок для маленьких людей! Быстро, как ласки, проскользнем к складам, где хранится психокинетическое и железное оружие, а также новейшие разрушители, доставленные из Галактического Содружества.

Захватим все и быстро отступим

— гарнизон крепости и опомниться не успеет, — произнес Шарн и повернулся к королеве. — Чем быстрее мы ударим, тем меньше вероятности, что Эйкен сумеет нанести ответный удар.

— Не слишком ли хитро задумано — он будет в дерьме с головы до ног и ни о чем не догадается?! Считаешь, он так глуп?

— Он не глуп, однако Высокий Стол тану не позволит ему нарушить перемирие и начать контрнаступление. Он вынужден подлаживаться под мораль тану в том, что касается взаимоотношений с *нами*, мы свободны в отношении его. Как и других низкорожденных.

Айфа на мгновение задумалась.

— Да, замаскировать наших людей под низкорожденных можно. И накопить достаточно сил под стенами Ронии тоже. Подобное колдовство не потребует особых затрат энергии. Обман можно подкрепить, используя железное оружие и лазерные карабины. Конечно, всех убитых придется уносить с собой и проверять местность, чтобы не осталось никаких следов.

— Хорошая мысль! — согласился Шарн.

Он поднял с земли свой золотой кубок и протянул Айфе, чтобы королева наполнила его. Когда

же кубок вновь оказался в руках короля, он долго всматривался в драгоценные камни, вставленные в глазницы черепа последнего правителя Финии Велтейна.

— Этот парень оказался нашей первой добычей, Айфа, — произнес король.

— Наступление Ночи началось с Финии, с той первой победы после долгих лет унизительных поражений. Ты знаешь, с каким воодушевлением мы вступили в последнюю Великую Битву, пусть даже без наших священных реликвий. Первый успех окрылил нас. — Он с нежностью поглядел на Айфу, рыжеволосую великаншу. — Я уже приказал Мими прислать в столицу череп леди Армиды из Барделаска. Изготовим из него достойную пару моему кубку. Хорош подарок?

Королева, чувствуя, что слезы радости хлынули из ее глаз, опустила голову.

— Прежде чем начнутся дожди, у нас будет полный комплект, — тряхнув рыжими кудрями, вымолвила она.

Шарн, оценив шутку, расхохотался. Королевская чета подняла кубки с пивом и выпила за здоровье друг друга.

— Жаль, что у Эйкена череп маловат. Из него разве что подставку для яиц можно сделать.

— Кстати, насчет короля-самозванца. О чем ты разговаривал с ним сегодня утром?

— Так, какая-то чушь. Репарации за Барделаск, — ответил король, пренебрежительно махнув свободной рукой. — Потом подвели общий итог — я согласился на все его просьбы. Почему бы и нет? Мы все вернем после победы в войне против Мрака. Да, он интересовался одним делом, о котором я, откровенно говоря, ничего не слышал. Тебе что-нибудь известно о человеке из низкорожденных по имени Тони Вейланд?

— Вейланд — тот парень, которого захватил Карбри Червь, он и проболтался насчет аэропланов, спрятанных в Долине Гиен.

— Теперь вспомнил, — заявил Шарн, стукнув кулаком по столу. — Эйкен требует, чтобы мы вернули его. Он заявил, что Тони — его закадычный друг. Даже согласился уменьшить плату за Барделаск на солидную сумму, если мы доставим его целым и невредимым.

Королева нахмурилась, крутанула кубок — на поверхности пива образовалась глубокая воронка.

— Это точно он. Меня словно кольнуло в сердце. Скейта по уши влюбилась в Вейланда. Когда я послала ее и Карбри понаблюдать за взятием

Барделаска, они прихватили низкорожденного с собой. Затем пришло известие, что Скейта и Карбри погибли, причем каким-то странным образом.

Король кивнул.

— Что здесь странного — низкорожденные от природы вероломны. Мими был в угаре от одержанной победы, у него руки не дошли до того, чтобы посчитаться с негодяем. Город уже был взят, когда воины нашли полузатопленную лодку, в которой находились Скейта и Карбри. Думаешь, Тони имеет отношение к их смерти?

— Кто знает. — Лицо королевы, видимое через открытое забрало, приобрело зловещее выражение. — Пусть Мими поищет его. Пошли поручения всем маленьким народам на юге. Если моих друзей Скейту и Червя убил низкорожденный, то не следует спешить передавать его Эйкену.

— Разумно, — согласился король, — тем более что Эйкен не обговорил условия обмена.

Айфа наклонилась и поцеловала его в заросшую щетиной, колючую щеку.

— Ты всегда все понимаешь!

— Как всегда, — улыбнулся король. Глаза Айфы блеснули. Шарн поставил на стол наводящий ужас кубок и погладил ее по руке, потом взял за

пальцы. Два одетых в броню чудовища поднялись и направились в тень отвесной скалы. Жуткие, ритмичные, лязгающие звуки эхом отдавались в горах, освещенных заходящим солнцем.

Надежно спрятавшись среди мешков с земляными орехами, забившими чердак склада, Тони со смутным чувством тревоги и страха наблюдал, как фирвулаги грабили город.

Войска уходили, последние набитые добычей вьюки были приторочены к спинам животных. Обоз, охраняемый дозором фирвулагов, готов был тронуться в путь. По городу бродили банды людей-рабов, пригнанных под стены Барделаска на земляные работы. Люди тащили все, что бросили фирвулаги. На улицах повсюду валялись несметные богатства, вытащенные из домов, расположенных вблизи пристани: бочонки с маслом, вином и красителями, тюки дорогого сафьяна, сахар, шелковый такелаж и рулоны тканей, зерна кофе в джутовых мешках, ящики с размолотыми пряностями — все рассыпано, развалено, раскидано, пролито. На углу высилась горка разбитых банок с клубничным вареньем.

К счастью, земляные орехи фирвулагов не интересовали. После шести дней отчаянной голодухи Вейланд в первый же момент объелся арахисом

и теперь мучился желудком.

С помощью золотого торквеса он отчетливо слышал, о чем переговаривались на улице серые торквесы. Все обладатели золотых и серебряных торквесов были убиты сразу после падения города. С точки зрения Тони, это была хорошая новость. Дальше — больше: вместо того, чтобы превратить захваченный Барделаск в опорный пункт для дальнейшего продвижения вниз по Роне, войско чудищ получило категорический приказ немедленно отступить. Командующий корпусом, отвратительный карлик по имени Мими, принявший образ птицы Рок, взорвался от бессильной ярости. Чувствуя, что законная добыча уплывает из его рук, в припадке гнева он снес головы двадцати трем пленникам в серых торквесах, прежде чем восстановил спокойствие духа. Немного позднее Тони узнал, что Мими пришлось проглотить еще одну пилюлю. Король Шарн отменил отданный ранее приказ и запретил хозяину Фаморела участвовать в намечаемом штурме Ронии. Выслушав эту новость, Тони сразу сообразил, что лучше отправиться на север, а не на юг, куда он собирался раньше.

Дни, проведенные на чердаке, Тони потратил на то, чтобы детально ознакомиться со своим

торквесом.

Золотой торквес, доставшийся ему от Скейты, в общем-то действовал так же, как и серебряный, который он носил в Финии. Однако золотой торквес полностью освобождал его от рабской зависимости от тану. Более того, в нем не было того странного мысленного маячка, светившего всегда и везде и позволявшего любому обладателю золотого дара мгновенно определять местоположение подчиненного человека. С золотым торквесом Тони наконец-то почувствовал себя свободной личностью и даже в какой-то мере повелителем чудесных сил, которые так облегчали жизнь в далекой разгромленной Финии.

Усиление его скромных метапсихических способностей позволило ему выполнять кое-какие простые, но жизненно необходимые действия. Теперь он мог извлекать воду из воздуха и в мгновение ока подсушить одежду, когда пристань и склад, где он скрывался, затягивало густым туманом, наплывавшим с реки. Мог обжаривать орехи прямо в стручках. Когда выпадал удобный случай, Тони баловал себя маленькой свечкой — точнее, ее огоньком. Спички были не нужны. Теперь он, не двигая руками, давил блох и прочих кровососущих насекомых, причинявших

ему боль. Когда к полудню крыша склада накалялась так, что на чердаке нельзя было дышать, он одним мимолетным желанием устраивал небольшой сквознячок. Золотой торквес ухитрялся удовлетворять и сексуальный голод. С его помощью можно было снять боль, прогнать усталость, залечить любую рану. Обладая торквесом, он легко погружался в сон. Тот будил его, когда кто-нибудь приближался к его убежищу ближе чем на пятнадцать метров, отгонял страх и тревогу, теперь ему легко думалось. Мысли приобрели небывалую прежде стройность и глубину. С этим устройством он мог все видеть и слышать, даже переговариваться на расстоянии до трехсот километров. Было бы с кем! (Это умение среди обладателей серебряного торквеса встречалось нечасто, однако у Тони было одиннадцать лет практики.) Все последние годы он гнил в Финии, довольствовался малым, забавлялся тем, что «коллекционировал» ментальные автографы знакомых знатных особ тану, с которыми встречался в увеселительном доме. Потом он, уловив уже встречавшийся приметный мысленный «росчерк», принимался следить за перемещениями его хозяина. Занятно было видеть, как развлекается знать тану. К сожалению, в ту пору он был

слишком слаб, чтобы проникнуть за каменную стену дальновидящим взглядом, но и то, что ему перепадало, вызывало восторг. Охота была самым милым и простеньким развлечением.

Поджидая, когда фирвулаги покинут Барделаск, Тони невольно начал припоминать своих товарищей в серебряных торквесах, которые могли бы выжить после разгрома Финии. Где они — старина Евгений и Стендаль, задиристый Лайм, флегматичный Тини Тим, великолепная Лизет и Агнес Вижин-Мартир? Теперь он легко мог бы вызвать их… и примерно в течение часа он слал в эфир громкие запросы. Ответа не было. Тони взгрустнулось — друзья давным-давно либо погибли, либо лишены торквесов. Чего только не утратишь в хаосе изменчивого времени. Он не испытывал желания налаживать связь со своими прежними знакомыми тану. Даже теперь, когда он тоже вступил в братство обладателей золотых торквесов, экзотиков вряд ли озаботит его судьба. Кем он был для них? Диким варваром, одним из многих тысяч других безумцев, в поисках счастья, удачи, приключений, денег, покоя

— чего еще? — ринувшихся в прошлое. У тану самих хлопот полон рот, это дьявольское племя не может разобраться со своими проблемами,

большинство из которых возникло из общения с его, Тони, сородичами.

Там, в Финии, жил Дугал. Сумасшедший, но вполне порядочный парень, его тоже можно было считать другом. У Дугала вообще не было никакого торквеса. Скорее всего, его давным-давно съели в лесу, где Карбри Червь захватил их лагерь врасплох. Нет, все-таки была на Многоцветной Земле одна живая душа, которая могла бы прийти ему на помощь.

Или она теперь ненавидит его?

И поделом!

Глаза Тони затуманились, ему стало жалко самого себя. Он прилег, свернулся клубком, сунул руку под щеку. Снаружи доносились гортанные крики отдающих распоряжения фирвулагов, пофыркивание и рев халикотериев, бряцанье доспехов. Глухо перестукивались в повозках ящики. Было жарко, душно, скучно — самое время поискать утешения с помощью торквеса.

Вдруг Тони услышал исполненный ярости рев какого-то экзотика, следом донесся пронзительный человеческий крик. Потом все стихло. Он настроился на серые торквесы и услышал:

«Чертчертчертчерт! Посмотри на бедного Вернера».

«Бедный педик должен был знать груз закрепить получше не упал бы».

«И держать язык за зубами!»

«Его беда в том не стоит целоваться с привидениями».

«Мать Мария он совсем истек кровью».

«Значит скоро умрет».

«Осторожнееосторожнееосторожнее идут сюда трое кончайте болтовню о Боже с разрушителями…»

Тони отключился — у него и так было паршиво на душе. Чем он мог помочь этим несчастным? Снаружи опять завыли, посыпалась ругань, потом громкий, похожий на собачий лай окрик на языке фирвулагов. Опять проклятья. И вдруг шипящее щебетание лазерного карабина. Потом второй выстрел, по длительности точно повторивший первый. Наконец тишина.

Тони лег на спину, закрыл глаза и отдался во власть золотого торквеса. С увлечением следил он за картинами, рождавшимися в его мозгу: вот он пересекает Рону на украденной лодке, затем, соблюдая все меры предосторожности, по Большой Южной дороге направляется в Ронию. Все-таки ему здорово повезло с торквесом, да и сообразительностью Бог его не обидел, решил Тони.

Пока длится перемирие, дорога на Ронию будет забита толпами жаждущих поглазеть на Великий Турнир, так что можно будет двигаться не таясь. Он должен будет подняться вверх по Соне, миновать захваченный фирвулагами Бураск (во время мира они не представляют опасности) и далее спуститься по Нонолу. Единственное надежное убежище — в Нионели. Там его ждет Ровена.

Боже мой, Нионель! Город, чьи купола блестят на солнце, словно дворцы Эльдорадо. Вокруг, насколько хватает глаз, изумрудные, сочные луга. До Золотого поля, где проводятся рыцарские турниры, можно добраться по радуге. Удивительный город, там много друзей.

Ровена! Сколько же радости доставила она ему в минуты близости!

Очнулся Тони поздно. Солнце село, в щели тянуло холодным сквозняком. Вдали выли гиены, под ногами попискивали крысы — больше никаких звуков. Барделаск был полностью разорен.

Тони вскочил, стряхнул с себя ореховую скорлупу, осторожно двинулся к лестнице, ведущей с чердака. Выбравшись из склада, Тони почувствовал сильный озноб — всюду мерещилась опасность. Казалось, за каждым углом притаился фирвулаг с лазерным карабином.

Вокруг было пусто, тихо, темно. Постепенно Тони успокоился, порыскал по пристани, пока не заметил ялик, привязанный к разграбленной полузатопленной барже. Судя по запаху краски и лака, это была плавучая лавка. Москательный товар фирвулагам ни к чему — никто из них никогда в жизни ничего не построил. Что ж, ему придется завершить разгром и захватить эту лодчонку в качестве военной добычи. Тут и весла есть! Замечательно! Сначала, во время дрейфа вниз по Изару, они ему не понадобятся, а вот когда он достигнет Роны…

Течение неспешно вынесло ялик на стремнину — Рона чуть слышно плескала волной. Тони переправился на противоположный берег и там устроил ночевку. Завтра, с первыми лучами солнца — в путь!

11

Эйкен: Приветствую тебя, Элизабет.

Элизабет: Здравствуй. Я так понимаю, что скоро ты оставишь Каламоск с отрядом Хагена? Отправишься на его вездеходах? Ты, кажется, здорово преуспел, обхаживая этих североамериканцев.

Эйкен: Они проглотили подсунутую им наживку. Ты это имеешь в виду? Кстати, они временно признали мою власть. Хаген Ремилард, правда, что-то подозревает, однако ничего не может понять.

Элизабет: Он пытался проникнуть в твой разум?

Эйкен: Он — нет, а вот его сестричка пыталась. Дело в том, что они не виделись до последнего дня. Она до сих пор воротит от меня нос.

Элизабет: Ты поведешь их в Горию?

Эйкен: Да, кроме тех, кто отправится в экспедицию в Альпы. Они отколются от нашего отряда на развилке возле Амализана. На парусах одолею Провансальское озеро, далее по тракту, огибая Дараск. Экспедиция должна подобраться к вершине горного массива Монте-Роза с южной стороны. Так сказать, через черный ход. Сначала по Север-

ной Италии, потом резко на северо-запад. Клейн уже следует сюда из Гории — он возглавит поход. Очал Арфист назначен его помощником. Они отправятся на вездеходах — им выделено семь из пятнадцати. Десять человек из отряда Хагена пойдут водителями. Бэзил со своими Бастардами тоже включен в отряд. Кроме парня по имени Димитрий Анастос, который, оказывается, что-то смыслит в і-поле. Хаген считает, что он сможет пригодиться при осуществлении проекта. Я выделил для экспедиции тридцать рыцарей тану и надежных парней в золотых торквесах. Вооружены они до зубов. Эти аэропланы, девочка, — семейное достояние. Будут созданы «врата времени» или нет, но без этих машин в схватках с фирвулагами и Марком мне придется туго. Ты бы могла помочь экспедиции, если бы захотела.

Элизабет: Наметив маршрут?

Эйкен: Сначала. Люди из Дараска говорят, что территория к востоку от Маритаймса совершенно не исследована. На севере лежит Фаморел. Экспедиция любой ценой должна избежать столкновения с воинами Мими. Если бы ты могла понаблюдать за этой местностью и в случае необходимости предупредить, когда хозяева зашевелятся. Конечно, было бы здорово заранее

наметить маршрут для колонны. Вездеходы-то они вездеходы…

Элизабет: Я с радостью выполню твою просьбу.

Эйкен (с облегчением): Я боялся, что это может противоречить твоим чертовым принципам.

Элизабет: Я не помощница тебе в агрессивных устремлениях. Здесь совсем другое дело. Если у тебя в руках окажутся летательные аппараты, тогда появится возможность предотвратить войну.

Эйкен: Это было бы лучше всего.

Элизабет: Когда ты собираешься начать работу по созданию генератора Гудериана?

Эйкен: Я уже поручил Альборану и леди Морне-Йа разыскать подходящих специалистов — инженеров, техников, ученых. Их всех нужно будет доставить в Горию. Надеюсь, мне удастся так спрятать место проведения работ, что никакой Марк не сможет их отыскать. В то же время я не хочу выпускать из поля зрения Хагена. Среди компании мошенников есть несколько чудаков. В их окружении он выглядит, ну, как вылитый сэр Галахад — Рыцарь Круглого Стола короля Артура. Мы, Элизабет, приобретаем популярность.

Элизабет: Ты действительно считаешь возможным создать генератор, способный деформировать тау-поле с нашей стороны?

Эйкен: Североамериканцы, черт побери, навезли с собой горы оборудования, контрольно-измерительных и научно-исследовательских приборов. К тому же на складах Гории, которые Кугал заканчивает обеззараживать, можно будет найти много полезного. Они как раз сейчас занимаются инвентаризацией. Основная трудность заключается в получении редкоземельных элементов. Хаген предлагает заложить шахту в Фенноскандии. Но все находится под вопросом. Трудность еще и в том, что даже с помощью воздушной разведки очень трудно отыскать пригодное для разработки месторождение редкоземельных элементов. Никто из тану не знаком с территориями к северу от Гории.

Элизабет: Ты мог бы рассчитывать на помощь Суголла.

Эйкен: ?

Элизабет: Кое-кто из его людей жил в тех местах до появления остальных ревунов. Может, они что-нибудь вспомнят? Мне известно, что некоторые мутанты закладывали там шахты — искали золото и драгоценные камни. Если ты сможешь доступно описать им руды редкоземельных элементов, они, возможно, подскажут, в каких районах стоит вести поиск.

Эйкен: Превосходная идея! Я свяжусь с Суголлом, наплету ему что-нибудь.

Элизабет: Скажешь ему правду. Всю!

Эйкен: А ты не думаешь, что он… О мой Бог, не надо! Зачем драться.

Элизабет: Все добрые и мирные люди, поселившиеся на Многоцветной Земле, должны узнать о проекте Хагена. Они сами должны принять решение.

Эйкен (смеясь): Ну, ты и баба! Вдумайся, что ты предлагаешь! Девять, а то и десять тысяч домовых, ведьм и прочих чудищ хлынут через эти двери во Францию двадцать второго века. Там такое начнется! Галактическому Содружеству придется подыскивать запасную планету или что-то в этом роде.

Элизабет: Ты сам можешь выбрать.

Эйкен: Кто сказал, что я решил вернуться?

Элизабет: Разве нет? Я считала это само собой разумеющимся.

Эйкен: Оставь при себе подобное разумение. «Врата времени» — очень долгое прицеливание в невидимую мишень. У меня масса других забот, чтобы плясать от радости при виде полубезумного Хагена с компанией, которым что-то неслыханное взбрело в голову. Вот, например,

проблема — мое окончательное выздоровление и восстановление формы, прежде чем неугомонный Аваддон достигнет Европы.

Элизабет: Эйкен… Я считала, что ты знаешь. Марк овладел d-переходом. (Изображение.) Он уже побывал тут, на Черной Скале. Он пока еще неполностью овладел этой способностью, но скоро сможет перемещаться в любую точку пространства.

Эйкен: Значит, Хаген сказал правду. Я надеялся, что он врет, по крайней мере преувеличивает. Считал, что это какой-то фокус — ну, передает свой образ, может наблюдать, что творится за тридевять земель. Что такого. Ан нет!

Элизабет: Он полностью материализовался внутри моего домика.

Эйкен: Боже! Он угрожал тебе?

Элизабет: Нет.

Эйкен: Я доставлю тебе генератор сигма-поля. Хаген утверждает, что даже d-переход не может одолеть его.

Элизабет: Спасибо, не надо. Мои взаимоотношения с Марком касаются только нас.

Эйкен: У тебя есть с ним взаимоотношения?! Чудесно. Мне кажется, я мог бы заявить то же самое. Мы здесь прячемся под большим генератором

SR-35, проводим встречи, договариваемся — и все ради того, чтобы Марк не мог ни подслушать, ни подглядеть за нами. Ту же самую аппаратуру мне придется использовать в Тории, чтобы скрыть работы над проектом Хагена. Однако король не может все время находиться под колпаком. Значит, когда Марк начнет действовать, он прежде всего скрутит меня, посадит в банку, да еще сверху крышкой закроет. Я действительно боюсь, дорогая. Пронюхав о наших разработках, он тут же развалит все дело.

Элизабет: Марк теперь куда слабее, чем раньше. Фелиция серьезно повредила не только его тело, но и разум.

Эйкен: То же самое говорят Хаген и Клу. Но они не знают, насколько уменьшилась его психокинетическая сила. Даже если он потерял около девяноста процентов, то все равно для меня он более чем достойный противник… Не говоря о помощи, которую он сможет получить от них!

Элизабет (озабоченно): От них? Ты не говорил ничего подобного в отношении детей Марка. Или ты имеешь в виду старых соратников по восстанию?

Эйкен: (Тихий смешок).

Элизабет: …Как у тебя обстоят дела с подпиткой

метаэнергией? Есть улучшения?

Эйкен: Если честно, то дела крайне плохи.

Элизабет: Симптомы?

Эйкен: После сражения с Поданном я лишился сна. Десять мучительных суток. Я едва могу летать, не говоря уж о том, чтобы перемещать грузы. Моя творящая сила ослабла настолько, что я теперь способен лишь создавать иллюзии да показывать фокусы. Дар исцеления почти совсем исчез. Кое-как еще могу применить психокинетическую силу, включить дальновидение, но все через такую боль. В голове словно ад разместился.

Элизабет: Мне ничего не было известно. Как обманчива внешность — я имею в виду не только внешний образ, но и твою метапсихическую суть.

Эйкен (голос совсем ослаб): Не забывайте, почтенная леди, что я все-таки мошенник. Это мой последний бастион. Если я не получу помощь, то сойду с ума еще до конца перемирия.

Элизабет: Эйкен!

Эйкен: Что? Я готов. Позови, я приду.

Элизабет: На Черную Скалу?

Эйкен: Ты же пока неспособна исцелять на расстоянии. Отряд оставляет Каламоск примерно

через час. Менее чем через два дня мы достигнем Амализана, где назначена встреча с Блейном. Там же уйдет в поход экспедиция в Альпы. Черная Скала оттуда в восьми километрах — это не расстояние для королевского сокола. Я смогу прилететь, скажем, пятого сентября.

Элизабет: Эйкен… Я ожидаю возвращения Марка. Для тебя не совсем безопасна встреча с ним в моем домике. Даже с генератором сигма-поля. Он не должен… Я не имею права рисковать…

Эйкен (гнев плюс страх): Неужели ты считаешь, что я шучу насчет своего психического состояния? Все сказанное — чистая правда. Днем, когда меня отвлекают дела, боль, депрессия отступают, однако каждую ночь я все глубже погружаюсь в бездну. Элизабет, я не преувеличиваю, это последняя степень отчаяния! У меня нет сил справиться с кошмаром. Дело может дойти до того, что у меня не останется выбора. Мне придется покончить с собой, и это будет последняя шутка, сыгранная мной. Я не хочу умирать сейчас. Не имею права. Я мечтаю покончить счеты с жизнью с улыбкой на лице!

Элизабет: Не могу понять. Ты говоришь, что тебя мучают галлюцинации, что все навалилось разом: бред, ослабление метаспособностей и

боль.

Эйкен: Я не обманываю. Это действительно (изображение) настоящий абсурд мне так стыдно случилось (изображение) со мной они мертвы выхода нет они продолжают терзать (изображение) я пухну тело горячеет они тянут из меня жилы (изображение) и опять (изображение) вот так в действительности или действительность такова (изображение) есть они терзают меня меня меня ЭЛИЗАБЕТ ПОМОГИ МНЕ!! (Калейдоскоп крайне непристойных картинок резко оборвался.) Элизабет: Да, конечно, я помогу. Я приду к тебе.

Эйкен: Придешь?

Элизабет: Успокойся, дорогой. Приду. Минанан доставит меня, Дионкет и Крейн тоже не откажут. Мы поможем тебе.

Эйкен: Приди одна! Только одна. Никто не должен знать! Никто не должен знать!

Элизабет: Одна я не справлюсь, у меня не хватит сил. На Рио-Дженил, после сражения с Фелицией, мы лечили тебя втроем. Доверься нам.

Эйкен: Ты действительно придешь?

Элизабет: Да. Теперь послушай: место нужно выбрать скрытое. Ни в коем случае нельзя использовать сигма-поле. Эта штука — яркий маяк для любого дальновидца. Марк не должен даже

подозревать, что я сотрудничаю с тобой.

Эйкен: Никто не должен знать! Прежде всего Он! Унизительно и смешно. Кто-то ловко подшутил над самым отчаянным шутником!

Элизабет: Есть еще одна веская причина для сохранения тайны. Я в состоянии исправить только общую схему. Так сказать, ментальную схему. Если удастся, подтолкнуть процесс.

Эйкен: Я неизлечим?

Элизабет: Я этого не сказала. Если все сложится успешно, ты сам сможешь освободиться от видений и восстановить свои метаспособности. Ты должен помочь себе сам. Нельзя, чтобы твои враги пронюхали о твоей нынешней слабости.

Эйкен: Никто не должен догадываться. Как мне стыдно.

Элизабет: Я говорила с Минананом. Он подсказал, где найти укромное местечко. В двух сотнях километров к северо-западу от развилки (изображение). Это брошенная фирвулагами пещера. «Маленький народ» ушел оттуда примерно столетие назад.

Эйкен: Я знаю о ней. Ты хочешь, чтобы мы там встретились?

Элизабет: Постарайся быть в пещере до захода солнца. Пятого сентября. Кажется, Марк способен

совершать d-переход только ночью, когда нет солнца.

Эйкен: Они тоже приходят ночью. Несмотря на защитное поле.

Элизабет: Скоро тебе будет легче.

Эйкен: Ты уверена?

Элизабет: Нет. То, что происходит с тобой — я имею в виду накопление метаэнергии, — не имеет прецедента. Постараюсь сделать все, что в моих силах.

Эйкен: Пожалуйста. Пожалуйста. Сделай хоть что-нибудь. О, Элизабет, они такие прилипчивые, такие страшные. Я сам себе неподвластен. Они контролируют меня это больше чем я сам сурово обращаются со мной делают из меня раба этого заставляют ненавидеть это потому что я использую это я не знаю что произойдет не догадываюсь почему как это происходит…

Элизабет: Убеди себя, что все это — иллюзия, сон, выдумка.

Эйкен: С моим телом ничего не случилось?

Элизабет: Не случилось, дорогой. Успокойся. Жди меня в пещере. Все будет хорошо.

Эйкен: Хорошо.

Элизабет: До свидания, Эйкен. До свидания, несчастный полубог, бедный неистовый Локи,

доисторический глупец. Бедный, бедный Амон-Ра, несчастный Итифалликос. Теперь-то нам известно, что значит жить среди мифов. Мы же сами выбрали этот мир.

Сразу, как только Элизабет, Дионкет и Крейн, подхваченные Минананом, пересекли долину Прото-О и направили полет к Большой Южной дороге, впереди над Пиренеями открылся мощный грозовой фронт. Облака тесно скучились на северных склонах — гигантская наковальня, где выковывались молнии и громы. Ослепительной, ангельской белизны шапки, вознесенные в стратосферу, ниже темнели и в лучах угрюмого, уходящего в океан солнца медно подсвечивали западными боками. В теснинах между тучами царил густой лиловый полумрак — там вспыхивали зарницы, грохотали тяжелые раскаты грома. Неумолкающий грохот слился в единый божественный гул.

— Не беспокойтесь, мы успеем забраться в пещеру до дождя, — успокоил Элизабет Минанан.

— Неужели ужасная жара наконец закончилась? — отозвалась женщина. — Вот и лето прошло.

— Ты огорчена? — удивился Дионкет. — Я нахожу, что немного прохлады нам не помешает.

То ли дело у нас, на Дуат. Мы привыкли к более влажному климату. Может, пора устроить так и на Земле?

— А-а, ты же один из первых пришельцев, — рассмеялся Крейн. — Ностальгия по могилам предков одолела?

— Зря смеешься, парень. — Минанан поддержал Дионкета. — Дуат была куда более приятным местом, чем эта планета. В атмосфере постоянно висела легкая дымка, смягчающая жар нашего светила. Там никогда не было таких долгих, изнурительных засух и бесконечных сезонных дождей. На Дуат дождь шел в строго определенное время — распорядок никогда не нарушался. И температура редко опускалась ниже нуля, разве что в момент пребывания планеты в афелии.

— Он рассказывает о нашей родине, — объяснил Дионкет женщине. — Мы жили в основном в экваториальных областях, а фирвулаги — ближе к полюсам, в горах. Там много гор. Если честно, то обитель врагов была страшным местом. Там всегда царила зима.

— На Дуат нет смены времен года? — удивилась Элизабет.

— Они были едва различимы, — ответил Главный Целитель. — Наша планетарная ось имела

минимальный наклон.

— Тот мир был на редкость удобен, постоянен, тысячелетиями ничего не менялось, все было известно заранее. И питомцы Дуат были спокойны, упрямы, неторопливы. А вот наши колонисты, осваивая межгалактическое пространство, расселялись на более бурных, экзотических планетах. В конце концов они и выступили против предложения отцов-основателей Галактического Содружества, когда жители Дуат выступили с предложением оживить древний культ религии сражений.

— Бреда что-то рассказывала мне из вашей истории. — Элизабет внимательно вглядывалась в приближавшийся грозовой фронт. — Интересно, жители и выходцы с Дуат были единственной разумной расой в галактике?

— Нет. Мы были единственными разумными существами, осваивавшими дикие планеты, — ответил Дионкет, — но кроме нас в галактике существовала другая форма жизни. Это были Корабли.

— Корабли? — Голос Элизабет зазвенел от удивления. — Невероятно! Хотя, помню, у Бреды была стеклянная модель. Как же в пустоте могла развиться высокоразумная жизнь?

— Не в пустоте, — ответил Главный Целитель. — Межзвездное пространство, особенно в пределах галактического образования, заполнено материей и энергией. Там есть все органические молекулы, необходимые для зарождения жизни, например скопления межзвездного газа, огромные облака, кочующие по Вселенной. Подобные туманности родственны галактикам — одна из них была родственна нашей, названной по имени планеты — матери Дуат.

Элизабет молчала. Воздух вокруг прозрачной сферы, мчавшейся в поднебесье, был сверхъестественно чист. С высоты птичьего полета женщина, не прибегая к дальновидению, ясно различала каждый листик в джунглях, каждую сухую былинку, торчащую на обочине широкого пыльного проселка, именовавшегося Большой Южной дорогой, каждый камешек на частых суходелах, каждую каменную розу, пламенеющую среди редких скал-останцев. Наконец, насытившись видами родной Земли — время сейчас не имело значения, она сказала:

— В нашем союзе — Галактическом Содружестве — насчитывается семьсот восемьдесят четыре планеты, населенные разумными существами. Сколько же было в галактике Дуат?

— Чуть больше одиннадцати тысяч четырехсот, — ответил Дионкет. — Если считать с потерями, понесенными во время гражданской войны, население федерации составляло примерно сто пятнадцать миллиардов.

— Около половины общей численности разумных существ в нашем Галактическом Содружестве, — задумалась Элизабет, — и конечно, куда больше тех, кто был готов получить помощь от Галактического разума, если бы вы со своими золотыми торквесами не зашли в тупик.

— Ты считаешь, что, создав торквесы, мы оказались в тупике? — Минанан был явно задет за живое. — Например, меня вполне устраивает мой образ мышления, с его помощью я вполне удовлетворительно справляюсь с тяготами бренной жизни. Я больше полагаюсь на силу, чем на коварные интриги и хитрые уловки. Тем не менее льщу себя надеждой, что наступит день, и ты объяснишь мне, что такое ваша «помощь», и чего мы, тану, оказались лишены после того, как надели наши золотые торквесы. Я и другие члены Партии мира верят и надеются, что дружба объединяет и возвышает, что между друзьями не может быть недомолвок. Почему ваш Союз может быть крепче и надежнее нашего?

— Возможно, вскоре вы сами найдете ответы на все вопросы, — очень тихо произнесла Элизабет, но ее услышали. Потом она создала образ, и у увидевших его рыцарей тану перехватило дыхание.

— «Врата времени» в Галактическое Содружество? — недоверчиво спросил Дионкет.

— Нам будет позволено пройти через них? — воскликнул Минанан.

— Если генератор будет создан и заработает без опасности для Галактического Содружества, — уточнила Элизабет. — Если оказываемое им воздействие на жизнь моих современников в будущем не окажется пагубным. Любой житель Многоцветной Земли будет сам решать, пройти ли ему через «врата времени» или остаться в плиоцене. Все вы помните, как скептически я относилась к утверждению Бреды, что я — «самое ценное существо в мире». Только теперь я понимаю, что она имела в виду, предсказывая мне особую роль в судьбе нашей многострадальной Земли. Мне выпало быть пастухом, стражем «врат времени». В этом, конечно, больше смысла, чем считать себя хранительницей земель, где бродят орды варваров и изгнанных из будущего бунтарей.

— Ты собираешься вернуться? — спросил

Крейн. — И нас позовешь с собой?

— Если это окажется необходимым…

— Но как ты сможешь *узнать*? — еще настойчивее поинтересовался Крейн.

— Стоит ли сейчас задумываться об этом? Это пока игра воображения, именины сердца. «Врата времени», возможно, никогда не будут открыты, в конце концов все может кончиться войной с Абсолютным Мраком, если мы не поможем Эйкену восстановить метапсихические способности.

Минанан указал на бегущую внизу извилистую дорогу.

— Мы приближаемся к лагерю, где остановились путешественники. Пора бы, Главный Целитель, во избежание всяких случайностей сделать нас невидимыми.

— Уже, — отозвался Дионкет.

Под ногами теперь расстилалась первобытная прерия, перемежаемая редкими рощицами серебристых тополей и ясеней. В одной из таких рощиц между двумя извилистыми речками виднелось скопление тупоносых вездеходов с прозрачными пузырями кабин. Они стояли кружком, с тыла их прикрывали пестрые шатры тану и привязанные к коновязям халики.

— Отряд Блейна уже прибыл. — Минанан мах-

нул рукой в сторону палаток. Потом он обратился к Элизабет: — Попробуй отыскать короля.

Женщина бросила мысленный взгляд в сторону лагеря.

— Он надежно спрятан. Не желаете ли поближе познакомиться с незваными гостями?

Все трое тану кивнули, и Элизабет приблизила к ним изображение группы людей, собравшихся за столами в большом шатре, служившем, по-видимому, столовой. Было время ужина. Два длинных стола отделены от других непроницаемым метапсихическим экраном. Во главе одного из столов сидел угрюмый, дородный, крепкий мужчина лет тридцати. Он почти не слушал, что втолковывал ему сосед, похожий на лису. Разговаривая с Хагеном, тот пренебрежительно посматривал по сторонам.

— Хаген Ремилард. — Элизабет кивнула в сторону сидевшего во главе стола мужчины. — Если бы не более темные волосы и не иная фигура, он был бы вылитый отец. Марк повыше, поизящней. Однако с точки зрения метапсихических данных ему далеко до папочки. — Потом она указала на Клу, расположившуюся в торце другого стола.

— Все они молоды! — удивился Крейн. — Неужели их разумы так необычны?

— Я пока очень мало знаю о Ремилардах — только то, что сообщил мне Эйкен. Что касается их метаспособностей — все они потенциально настоящие операнты, правда, совершенно необученные. Ими никто, в сущности, не занимался. Если, конечно, принять во внимание наследственность, то, возможно, они будут хороши в любой области метаоперантского искусства. Я не удивлюсь, если большинство из них окажется грозными творцами. Не забывайте, что они помогли Фелиции психокинетическим ударом разрушить Гибралтар.

— А заодно утопить тысячи людей, — бесцветным голосом добавил Минанан.

Экзотики внимательно разглядывали каждое блюдо, подаваемое на стол. Молоденький чернокожий рассказывал что-то смешное. Родители постоянно вытирали детям измазанные личики и всякий раз учили, как следует себя вести. К толстому, оплывшему юноше приставал сосед — упрашивал его взять второй кусок каламосского торта.

Дионкет внимательно изучал столь странных людей.

— Что за страсть гонит их в Галактическое Содружество? — спросил он.

— Ведь они готовы пойти на что угодно, только бы вернуться туда.

— Вопрос очень сложный, — ответила Элизабет. — С точки зрения нравственности их воспитание трудно назвать идеальным.

— Ладно, мы варвары, — пробормотал Минанан. — Но кто же тогда они?

— И ваше Галактическое Содружество, — добавил Дионкет. — Стоит ли иметь дело с бандой разбойников?

— Каждый разум имеет право попытаться достичь зрелости. Процесс этот всегда крайне болезненный; важно осознать свои недостатки, не пропустить возможность искупить вину. Галактические руководители прекрасно знают, кто раскаялся искренне, а кто нет. Теперь никто не сможет провести Союз… больше никто.

Они миновали лагерь, последний вездеход, последний шатер мелькнул внизу. Прозрачная сфера летела над густо поросшей лесом предгорной равниной. На западе сгустилась тьма, частые зарницы поигрывали в той стороне, раскатистое громыхание долетало оттуда, словно кто-то могучий, дерзкий рассыпал над землей тревожную барабанную дробь. Сильный ветер безжалостно гнул верхушки деревьев.

— Пещера лежит между теми холмами, — указал вперед Минанан. — Вход тщательно замаскирован, и сколько бы ты ни искал — не найдешь.

Сфера спустилась пониже. Вот уже на уровне глаз замелькали верхушки деревьев. Замедлив движение, прозрачная сфера спланировала к самой земле и нырнула в чащу. Путешественники приземлились на узкой полянке у подножия холма, где протекал звонкий ручей. Здесь было тихо, вокруг лежали огромные сонные мшистые валуны, толстые лианы таинственно свисали с высоких густых акаций. Где-то вверху чуть слышно посвистывал ветер. Вправо от ручья тянулась едва заметная узкая расщелина. Минанан повел туда своих спутников и первым наткнулся на тончайшую паутину, закрывавшую вход. Сбоку возле скальной щеки сидел замечательный, с кулак величиной, расписанный золотом паук. Минанан Еретик глянул на него, осторожно, не касаясь, поднял животное, одновременно, мысленно зацепив край паутины, отодвинул ее в сторону и быстро скользнул в темный провал.

— Каков королевский страж! — произнес с улыбкой Минанан и, обратившись к спутникам, миновавшим паутину, добавил: — А вы замети-

ли, что мы добрались сюда до дождя?

Ему никто не ответил. Через несколько шагов померк верхний свет, и они оказались в пещере, забитой камнями и сгнившей листвой. Минанан повел всех дальше и возле глухой на первый взгляд стены резко свернул вправо, в черную узкую щель. Он поднял вверх два пальца — яркий желтый язычок пламени заплясал между ними. По извилистому коридору, где тану могли двигаться только согнувшись в три погибели, целители добрались до устья расширявшегося туннеля. На стенах блестела просочившаяся влага, в воздухе, колебавшемся к каком-то зловещем ритме, явственно пахло металлом.

Пройдя несколько шагов, целители наконец оказались в каменном мешке. Стены здесь были сплошь испещрены многочисленными, поблескивающими в слабом свете красными и оранжевыми прожилками минералов. Впереди виднелась дверь из трухлявого дерева, на которой где-то на уровне колен рыцарей тану были вырезаны причудливые идеограммы фирвулагов. Как раз на уровне глаз карликов.

Минанан, нагнувшись, перевел:

— Ртутная пещера. — Вдруг он насторожился, повернул голову к своим товарищам. — Слы-

шите?

Элизабет, Крейн и Дионкет замерли, напрягли свои метапсихические способности и прислушались, но за сломанной дверью было тихо. Едва слышно капала со стен вода, слабо хрустнул под ногой рыцаря камешек.

Минанан убавил свет и опасливо тронул щеколду. Откинув ее, нажал на дверь — та отошла в сторону, и из щели просочился бледный, чуть колеблющийся свет.

— Будь настороже! — предупредил Дионкет.

Створка двери беззвучно отошла в сторону, внутрь вела короткая каменная лестница. Минанан шагнул на первую ступеньку, спустился вниз. Целители следовали за ним.

Перед ними открылся большой зал, свод которого поддерживали столбы, вырубленные из окружающей горной породы. В центре зала металлическим поблескивающим зевом выделялся квадрат со стороной метров в пять, заполненный какой-то жидкостью, отражающей даже во мраке сводчатый, неровный потолок. Справа в вырезанной в стене нише горел тусклый свет, шафранно-белесым пятном ложившийся на противоположную шероховатую серую стену.

На световом пятне четко рисовалась тень чудо-

вища. Она покачивалась взад и вперед, и понять, как велико чудовище и что оно собой представляет, было невозможно. Минанан и его спутники сделали несколько шагов — тень на мгновение замерла, и ее можно было разглядеть.

Туловище вроде бы человеческое, но слишком толстое — отвисший огромный живот, такие же увесистые студенистые ягодицы, а ноги ниже колен

— на удивление стройные. Чудовище было приметно большими торчащими грудями с лиловато-багровыми сосками, служившими как бы подставками для гибких, похожих на трубки рук. На широких плечах извивались три длинные шеи, переплетенные, словно у сифона. Головы на длинных шеях и в кошмарном сне не привиделись бы: одна — птичья, страшная и зубастая, другая — львиная, обезумевшая, третья напоминала морду динозавра или змеи. Все три головы были с клыками, с которых капал яд, раздвоенные языки высовывались наружу.

— Великая Богиня! — прошептал Крейн. — Что это? Это не фирвулаг, не ревун… Мы бы сразу почувствовали их ауру. Кто… кто это?!

Все три головы чудовища издали тихий, разный по тону рык, сменившийся ревом. Ярость

и гнев слышались в нем. Что-то бесформенное начало прирастать в нижней части тела чудовища — в паху. Выпуклость вдруг оформилась как древесный ствол толщиной примерно в три ноги. Монстр начал терять равновесие, ствол потянулся вверх, подхваченный лапами. Когда чудовище согнулось, головы расплелись и дико взвыли. Подобного трио никому из присутствующих слышать еще никогда не доводилось. Наконец тень, заваливаясь на спину, опрокинулась, груди вздыбились, почти уперлись в потолок, тут стало ясно, что за выпуклость росла у чудовища из промежности

— гигантский член, возбужденный, перевесивший и одолевший собственное тело, разросшийся до невероятных размеров, коснувшийся потолка. Монстр отчаянно заревел, внезапно тень поглотили три вспышки белого пламени. Стоны погибающего монстра еще некоторое время носились по залу, отражались от стен, дробились о колонны, затихая, — в них теперь слышалась мольба.

— Все, бред кончился, — тихо произнесла Элизабет. — Пойдемте.

— Куда! — вскричал Минанан и мгновенно воздвиг перед женщиной защитный экран.

Целительница повернулась к нему и отрицательно покачала головой. Великан тут же убрал экран. Он и его товарищи теснее сгрудились вокруг Элизабет, готовые отразить любую угрозу. Медленно они прошли мимо квадратного углубления-зеркала и мимо ниши, где только что пряталось чудовище. Вокруг стояло гулкое, нарушаемое лишь звуком шагов безмолвие.

Элизабет вернулась к нише и вошла туда. На полу лежал метаактивный кристалл, источающий тусклый свет, словно гаснущие угольки. Свет падал на лицо человека, пристроившегося рядом. Это был Эйкен Драм. Тело у него было человеческое, в лице тоже ничего странного. Глаза открыты, рот полуоткрыт. Одет он был в свой обычный походный костюм. Куртка горбилась на спине.

Элизабет встала возле него на колени, расстегнула верхние крючки, погладила шею. Эйкен слабо улыбнулся.

— Вы пришли, — прошептал он. — *Теперь все будет хорошо.*

Эйкен Драм спал, и ему снился сон.

Он стоит на зеркальной поверхности, простирающейся от одного конца горизонта до другого. Над ним посвечивает усыпанный звездами ноч-

ной небосвод, на котором мерцает созвездие Стрельца. Точно так оно было видно на его родной планете Далриаде. Глянув под ноги, он увидел отражение звезд, свое собственное обнаженное тело, увидел свое задумчивое лицо. Испуганно вскрикнув, он выпрямился, посмотрел по сторонам. Никого и ничего. Тогда кто же там? Он опять опустил голову и снова увидел их — мужчину и женщину. Они стояли за спиной, невысказанное осуждение застыло на их суровых лицах.

Он никогда не видел их раньше. Мужчина был черноволос, со сверкающими глазами. Нос крупный, рот плотно сжат. Волосы женщины цвета меди, вьющиеся. Высокие дуги бровей. Тонкие черты лица, искаженного презрением,

— его трудно было назвать красивым.

— Откуда вы явились? — Эйкен принялся ругать незваных гостей. Они отвели взгляды, потом опять посмотрели на него. Легкие насмешливые улыбки появились на их лицах и сразу исчезли. Теперь они смотрели на него с немым укором. Тихое попискивание донеслось до Эйкена, затем в скулящие звуки вплелась песенка, которую он слышал в детстве, ее сменил его собственный, изрыгающий грубую брань голос уже взрослого Драма.

Зеркальная поверхность под ногами вдруг вздыбилась, заходила ходуном, потом потекла, как ртуть. Он провалился и внезапно увидел себя на довольно однообразной и вроде бы знакомой местности — редкая травка, колышущиеся цветочки, рядом опушка леса, отделенная ровно уложенными камнями.

Он поднял один из них, на светлой поверхности разобрал слова:

Я не был, я пришел, чтоб быть.

Я был, теперь не существую — вот и все.

И слово лишнее есть ложь.

Меня не будет.

Некоторые камни были скрыты травой. Он поднял еще один — на нем не оказалось ни слова, ни единой буковки. Поколебавшись, Эйкен положил камень на место и внимательно оглядел весь ряд камней. Вероятно, они очерчивают границу, которую — так подсказывало чутье — опасно переступать. Эйкен еще раз внимательно оглядел камни. Посмотрев на свои ноги, он вспомнил, что обут в старые желтые ботинки с секретными отделениями. Костюм его тоже имел множество потайных карманов, в каждом из которых ждала своего часа какая-нибудь полезная в дальнем путешествии вещица.

— Почему бы не вкусить прелестей ада? — дерзко спросил он самого себя и храбро перешагнул через камни.

Эйкен изо всех сил боролся за свою жизнь. Соленая вода заполнила рот, стояла в носу, тянула на дно. Из последних сил он рванулся вверх, к свету — зеленоватому и манящему, все более яркому, пропитанному солнечными лучами. Он с шумом вынырнул на поверхность, закашлялся, с трудом глотнул воздух — сил бороться уже почти не оставалось. Еще мгновение, и он снова, уже навсегда, погрузится в пучину.

Тут Эйкен успел заметить что-то необычное, плывущее к нему, округлое, вместительное. Боже, это котел. Котел как спасательное средство! То ли от истеричного смеха, то ли от страстного желания спастись, он отчаянно заколотил руками по воде. Как ему удалось одолеть эти несколько метров, он не знает, только вот она, ручка! Эйкен судорожно вцепился в нее.

Змеиная голова, показавшаяся над краем котла, бросилась на него и вцепилась в руку. Капля яда, капнувшая из змеиного зуба, попала Эйкену в левый глаз. Человек закричал от страшной боли и опять погрузился в воду. Боль мгновенно утихла. Эйкен позволил себе расслабиться, побултыхать-

ся в теплой мутной воде… воде, несущей смерть.

– *Нет*! — воскликнул он. Ярость охватила Драма. Вынырнув на поверхность, он снова ощутил невыносимую боль, но теперь рядом с ним на воде покачивался Святой Грааль. Он опять ухватился за его край, и в тот момент, когда Мерси, разинув пасть, бросилась на него, успел схватить змею за шею и начал молотить мордой о край, пока чудовище не испустило дух. Тогда он влез в священный сосуд — обессилевший, но спасенный.

Ведьма Мейвар склонилась над ним и коснулась губами века его отекшего, ничего не видящего глаза. Он тут же прозрел. Затем она, словно маленького ребенка, завернула его в подол, согрела, напоила и принялась укачивать.

Вот он на ровном и широком плацу, сверкающем выступившими кристаллами соли. На нем сияющие золотом доспехи. Противника нигде не видно. Трус! Где ты прячешься? Почему робеешь выйти на поле боя и сразиться?

Потрясая фотонным копьем, он через опущенное забрало пристально вглядывался в сверкающую равнину. На шлем пала тень — Эйкен глянул на солнце.

Золотой орел, выставив перед собой когтистые лапы, завис над ним. Забрало вдруг откинулось,

и острые когти впились в его правый глаз. Он вздрогнул. Хищная птица издала победный крик. Эйкен тяжело завалился на спину, небо окрасилось в алый цвет, солнце померкло. Эйкен знал, что ему не уйти с поля — наполовину ослепший, страдающий от жары, он будет лежать здесь, пока не умрет. Орел теперь кружил высоко-высоко; король, постепенно изжаривающийся в доспехах, был бессилен.

А как же копье — дар Корабля? Из последних сил Эйкен поднял хрустальное копье, прицелился и выстрелил прямо в солнечное око. Свет затопило светом. Древняя священная птица, кувыркаясь, падала из поднебесья. Небо густо окрасилось синью. Коснувшись просоленной земли, орел обернулся рыцарем в дымчатых стеклянных доспехах — в руке он сжимал осколок меча!

Агонизируя, Эйкен подполз к неподвижно лежавшему человеку — жизнь с каждой слезой, вытекающей из раны в глазнице, оставляла его. Дрожащей рукой он сумел дотянуться до шлема павшего с небес рыцаря и откинул забрало.

Это был Стейн Ольсон.

Земля поплыла перед глазами — король, теряя сознание, приподнялся и всей тяжестью рухнул на панцирь, прикрывавший грудь великана.

Солнечные лучи просвечивали его тело насквозь — там, в глубине, под ребрами еще билось могучее сердце. Изумленный, все еще живой Эйкен сумел встать на ноги. Богатырь улыбнулся и, словно давая клятву верности, протянул ему сломанный меч. Эйкен принял дар и почувствовал, как жизнь мощным потоком хлынула к нему. Взгляд прояснился. Он припал на колено и поцеловал умирающего в губы.

Темная ночь по-прежнему отражалась в зеркальной поверхности.

Над заполненным ртутью бассейном выросла фигура трехглавого чудовища, поплыла к поблескивающему гранитному краю и воспарила над зеркальной гладью. На первый взгляд в чудовище не было ничего ужасающего — телесные пропорции соблюдены, конечности стройные… вот только три головы. Средняя, львиная голова гордо смотрела вперед, драконий и орлиный лики были повернуты к ней и склонились в легком полупоклоне. Созвездие Стрельца отражалось в зеркальной глади, потом в нем появилось еще чье-то отражение. Это было его собственное — Эйкена Драма — лицо.

— Однако что все это *значит*?! — не скрывая раздражения, воскликнул он.

— Все кончилось, — объяснила Элизабет.

Эйкен некоторое время задумчиво смотрел на нее.

— На Далриаде меня считали психопатом, — наконец произнес он.

— А ты им и был. Страдающая душа, разодранная, ощущающая нехватку женской ласки. Урод, калека. Этим и должно было кончиться. Ты умен, обаятелен и слишком эгоистичен. Ты не способен любить никого, кроме самого себя, хотя, когда тебе выгодно, у тебя достанет хитрости проявить сострадание, жалость, доброту.

— Они держали меня взаперти и терзали!

— Ты являлся угрозой для цивилизованного общества, поэтому с тобой поступали соответствующим образом. Ты еще в долгу перед ними. Тебе удалось найти убежище в плиоцене. Здесь ты столкнулся с торквесами. Твой первый, серебряный торквес переформировал сеть каналов, по которым циркулирует психическая энергия. Твой мозг начал видоизменяться, и вскоре ты понял, что обладаешь огромной ментальной силой. Процесс шел все быстрее — желания совпали с твоими потенциальными способностями.

— В Галактическом Содружестве это было совершенно невозможно.

— Конечно, а почему? Потому что все дело в твоих желаниях. Что ты представлял собой? Болезненно честолюбивую особь… Жажда власти гнала тебя. На Многоцветной Земле ты нашел то, что искал. Мир здесь прост, неустроен. Тебе понравилось. От радости ты дважды, не думая о последствиях, поступил без оглядки на собственную выгоду. Здесь ты развернулся! Быстро достиг вершин ментальной интеграции, но тебе показалось мало! Ты жаждал королевской власти. Ты считал глупым быть просто сильной, добившейся успеха личностью. Тебе была нужна мишура, связанная с короной. Но вот она у тебя в руках. Теперь чего ты хочешь? Я могу ответить — всего! Гонимый внутренними бесами, ты вобрал в себя два сверхмощных разума и попытался с их помощью стать полубогом. А ведь прежде чем вобрать в себя метапсихическую энергию, ты уже знал, что тебе не удастся ее переварить. Правда? Твой уровень гораздо ниже, и ты никого не сможешь провести.

— Нет, я был уверен в своих силах.

— Возможно, но верится с трудом. Ты же не полный дурак. Вспомни те иллюзорные тела, в которые ты любишь перевоплощаться: бабочка, стрекоза, ночной коршун, золотой сокол.

Каждый последующий могущественнее, чем предыдущий, но все они крылаты, неуловимы и легкомысленны. Дело в том, что ты король-самозванец, по крайней мере чувствуешь себя таким.

— Из грязи да в князи?

— Амбиции душат тебя. Тебе бы править миром, не так ли? Вот почему, несмотря на смертельную опасность, ты решил запастись дополнительной метапсихической энергией. Все твои оправдания — лукавство, попытка обмануть не только нас, но прежде всего самого себя. Ты мне напоминаешь человека, который, имея чудесный добротный дом, вдруг возжелал перебраться во дворец. Любым способом. Однажды ты решил — почему бы и нет, тем более что все необходимые строительные материалы под рукой.

— При этом разрушив к чертовой матери прежнее жилье. Так? В этом причина болезни?

— Да. Исцелить себя можешь только ты сам. Дионкет, Крейн и я в состоянии помочь тебе — я провела их по глубинам твоего разума. Они выдержали путь на Голгофу, но вознестись и возродиться ты должен сам. Не вешай нос, Эйкен, ты способен на это! Каждый человек способен — забытых и потерянных нет. Дворец, о котором ты мечтаешь, никогда не будет закончен, тебе

следует пересмотреть проект и средства. Одно должно соответствовать другому.

— Когда же ждать окончания работ? — усмехнулся Эйкен.

— Может, через годы, а может, и через мгновение.

— Ты, Элизабет, помолись, чтобы это произошло побыстрее. Ради всех нас! И последнее, чего я никак не могу понять: почему именно *львиная голова*?

— Эту тайну можешь раскрыть только ты сам. Какую символику в твоем бессознательном суперэго несет этот образ? Очевидно, лев — царственное животное, но у него нет крыльев! Иногда он появляется в твоих воспоминаниях о молодых годах. Иногда ты поворачиваешься к смертельной опасности звериной мордой — вот что нам удалось извлечь из твоей памяти.

— Неужели я когда-нибудь избавлюсь от немыслимых кошмаров?

— Ты же человек, дорогой, и каждый день стоишь перед выбором. Вполне возможно, что ты потерпишь неудачу Архетип трикстера практически неуловим, его очень трудно идентифицировать с тем или иным бессознательным влечением, образом. Понимаешь, трикстер — су-

щество, которым мы одновременно восхищаемся и кого боимся. Мы, люди, бессознательно ощущаем, что он неуловим, многолик. Трикстер появляется, наносит удар и тут же скрывается — это вечное непостоянство мучает нас. Но он также спасает нас, веселя и высмеивая все тяготы жизни, как бы поддерживает равновесие между радостью и страданием. Мы как бы постоянно дрейфуем между двумя полюсами, приближаясь то к одному, то к другому. Он принимает нашу боль на себя — так сказал один великий психоаналитик. Это тоже может помочь тебе понять, что означает для тебя львиная голова. Если ты с покорностью примешь этот образ — неотъемлемую часть твоей души, то перестанешь стремиться к бегству от самого себя, от Меркурия. Возможно, тебе следует оставить привычку насмешничать и каким-то другим способом попытаться сохранить свое «я». Может, придется отказаться от того образа жизни, который ты ведешь.

— Ха! От подобных мыслей лучше держаться подальше!

— Ненаглядный мой! — засмеялась Элизабет. — Пойди, поймай за хвост мысли, вечный ты мой Гермес Триместигон, тримогущественный властелин.

— В ловле мыслей за хвост ты вполне можешь положиться на меня, — улыбнулся король.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЭПИЦЕНТРУ

1

В течение первых четырех лет, когда боевой дух и вера в окончательную победу еще не покинули поселившихся на Окале беглецов из будущего, когда они еще отваживались иметь детей, когда оптимизм и твердая убежденность еще были живы в их душах, на острове стали особо популярны древние ремесла. Все хотелось сделать своими руками, хотя в этом не было никакой необходимости, имелся огромный запас разнообразного оборудования, вывезенного из Галактического Содружества. И все равно, оправившись от ран, бывшие бунтари первым делом с азартом бросились осваивать профессии, которые когда-то были так важны для древних первопроходцев.

Например, Уолтер Саастамойнен, первый заместитель начальника генерального штаба стратегического космофлота Ранчара Гатена, занялся постройкой парусника. В их семье это занятие передавалось по наследству. Вместе со своим бывшим помощником Роем Марчаном и еще с дюжиной друзей (прибавьте сюда прекрасно подобранную литературу по истории кораблестроения, заложенную в память библиотечного

компьютера) он построил замечательную четырехмачтовую семидесятиметровую парусную шхуну. Вскоре эта красавица стала важнейшим транспортным средством, используемым для снабжения колонистов всем необходимым — от полезных ископаемых до первобытных лошадей, которых доставляли в Окалу — поселение беглецов из будущего.

Судно назвали «Кулликки» — в честь могучей и грозной волшебницы, героини финского эпоса. Его обводы соответствовали очертаниям старинных тихоокеанских деревянных транспортов, которые, хотя и не отличались особым изяществом линий, но были добротны и вместительны. Носовая часть была выполнена в традициях чайных клиперов и украшена резной скульптурой златовласой красавицы. Бушприт длинный, устремленный чуть вверх, корма аккуратно подрезана… Мачты сделаны из цельных сосновых стволов, срубленных в первобытных лесах Джорджии; их вершины более чем на тридцать метров возвышались над палубой из красного дерева и имели небольшой наклон, как у спортивных яхт.

Когда пришло время заняться парусным вооружением, друзья Уолтера, обуреваемые романтическими воспоминаниями о легендарных

клиперах, хотели оснастить судно полным набором прямых парусов, однако Саастамойнен сразу охладил их пыл, указав, что прямые паруса требуют многочисленной команды, сильных и ловких матросов, умеющих быстро лазить по вантам и в любую погоду постоянно находиться на палубе — даже во время частых ураганов и в мгновение ока налетающих шквалов, которыми так обильны омывающие Флориду воды. Косые паруса, конечно, не столь впечатляющи, и скорость у корабля будет поменьше, но зато появится возможность поставить на палубе лебедки для подъема груза и автоматизировать поднятие и уборку парусов.

Убедительность доводов, да и авторитет Уолтера решили дело, и спущенная на воду, готовая к отплытию «Кулликки» оказалась прекрасной грузовой шхуной, управиться с которой мог экипаж из шести человек.

Когда мода на древние ремесла прошла и поселенцы увлеклись разработкой самых современных и замысловатых высоких технологий, «Кулликки» оснастили вспомогательным двигателем, работающим на солнечной энергии, который приводил в движение два убирающихся в корпус роторных движителя, подобных тем,

что были установлены на вездеходах, на которых бывшие повстанцы прибыли из Галактического Содружества. Шхуна служила для доставки на остров редких элементов, некоторое время ее даже использовали как морскую буровую платформу, потом как насосную станцию для перекачки высокоионизированной пульпы, добываемой из морской воды.

Годы бежали, сливаясь в десятилетия, и малопомалу бодрость и вера в скорую победу сменились разочарованием, неисцеляемой душевной усталостью. Опыты Марка оказались бесплодны, да и цель их все более и более утрачивала смысл. Где найти планету, на которой они смогли бы восстановить свои силы и снова ринуться в бой? Да и зачем? Время безжалостно к иллюзиям. «Кулликки» тоже разделила участь своих хозяев, впавших в отчаяние и тщетно пытавшихся развлечься. В каких только безумных предприятиях не довелось поучаствовать судну-работяге, каких только праздников не устраивали на его борту!.. Любители острых ощущений гонялись на шхуне за китами в заливе, куда впадала Миссисипи; испытывающие ностальгию по будущему ходили на шхуне к берегам Новой Англии — там со слезами на глазах осматривали местность,

где им предстояло жить через шесть с половиной миллионов лет; свихнувшиеся на ужасах бездельники транспортировали на судне всевозможных первобытных чудищ, отловленных на Бермудах и помещенных в зоопарк на Окале. Любители острых ощущений едва не потерпели кораблекрушение во время извержения вулкана на Коста-Рике, за которым они, разумеется, непременно должны были понаблюдать. Потом пошла череда трагедий — и в них несчастному судну тоже пришлось сыграть свою роль. Вот один из наиболее памятных эпизодов: большая группа бывших бунтарей вместе с детьми совершила путешествие в Антарктику. И именно здесь, на увенчанном снеговой короной юге, жена Уолтера Соланж Форестер решила покончить с жизнью в «краю ледяного безмолвия»…

Вернувшись во Флориду из похода к Южному полюсу, Уолтер подарил шхуну своему сыну Вейко, а сам крепко запил. Молодой человек почти не заглядывал на палубу слишком большой для него игрушки и даже почувствовал некоторое облегчение, когда Хаген распорядился уничтожить судно. Как — это дело Саастамойненов, но только чтобы наверняка. Вейко отвел «Кулликки» к Сан Ки Хол и здесь решил поискать место глубиной

не меньше ста пятидесяти метров. Однако потом на него нахлынули сентиментальные переживания. Погубить такое судно, с которым связано столько воспоминаний! Простит ли его отец, когда протрезвеет — ведь должен же он когда-то бросить пить! Настанет день, когда голова его снова будет светлой, очи не затуманены алкогольными парами, — и неужели он не увидит своей «Кулликки»?! Никогда больше не сможет поднять паруса?.. Младший Саастамойнен привел шхуну обратно к Окале и открыл кингстоны на восточной стороне залива Манчинил. Шхуна так удачно легла килем на песчаное дно прибрежной отмели, что при низком отливе из воды показывались верхушки ее мачт.

Естественно, что Марку Ремиларду не доставило больших трудов отыскать место затопления шхуны и поднять ее на поверхность. Стареющие революционеры подремонтировали и переоснастили судно, ведь из всей разношерстной компании яхт и мелких парусников, стоявших в гавани Окалы, одна только «Кулликки» по своим габаритам и грузоподъемности подходила для установки на ней большого церебрального генератора. Вот и оказалось, что без старой красотки обойтись невозможно, как, впрочем, и без ее

вконец спившегося хозяина.

Беда невелика — Марк умел и любил работать. Судно быстро отремонтировали, Джеф Стейнбреннер тут же привел в чувство старика Уолтера… В способах не стеснялся. То-то радостно было бывшему адмиралу космического флота встать к штурвалу своей любимицы, чтобы отправиться на охоту за собственным сыном! И за детьми других, якобы обрадовавшихся, ощутив близость желанной цели, поселенцев… Раздались слова команды — загрохотала якорная цепь, затрепетали на легком ветру треугольные паруса, служившие одновременно мощными солнечными батареями. Уолтер сам стал у руля и взял курс на отдельно возвышавшуюся скалу — там проходил фарватер. Скоро «Кулликки», послушная, легкая на ходу, уже неслась по волнам, поднятым свежим бризом на Гольфстриме. Его товарищи собрались на палубе; тяжесть прощания с островом — с родиной? — передалась всем находившимся на борту. Никто не услышал стон, вырвавшийся у Уолтера и полетевший через океан, на восточный край Атлантики. Экстрасенс Саастамойнен был никудышный, но он так надеялся, что его вопль долетит до детей, предупредит их. Может, Вейко теперь поймет, что он натворил.

«Если бы ты набрался мужества в тот день! Если бы понадежнее похоронил „Кулликки“!.. Почему ж ты, молодой парень, не сделал то, на что у меня, старого пьяницы, никогда не хватило бы решимости. Тогда твоя мечта о возвращении в будущее могла бы осуществиться… Знай, Вейко, мы уже вышли в море. Нам не позволят допустить, чтобы вы выполнили свой план. Марк говорит, что хотя дети, возможно, и исполнены самых благородных чувств, но большинство из наших считает, что мы не имеем права рисковать. Скройся, Вейко! Возьми с собой Ирену, возьми с собой кого пожелаешь и поищи надежное убежище. Будь наготове!.. „Кулликки“ уже взяла курс на Европу, она несет с собой смерть».

Мысленный мучительный крик ушел в эфир незамеченным. Никто из сорока двух человек, находящихся на борту, не стал прислушиваться к жалобам старого алкоголика. Его товарищи очень деликатны в личных вопросах. Дело есть дело — детей необходимо вернуть любой ценой, однако лезть в душу соседа нельзя.

Первые дни большинство беглецов отдыхало после суматошных, бессонных недель, когда пришлось готовиться к походу. Грусть по поводу обрубленных корней скоро прошла. Ушли прочь

страхи, сомнения, все было зыбко в этом лучшем из миров — пример тому вечная и непостоянная морская стихия. Члены экипажа постепенно вспоминали забытые навыки, привыкали к командам, несению вахт, пассажиры жарились на прокаленной солнцем палубе, лениво наблюдали за стремительным полетом летучих рыб, следующих в кильватере корабля. Те же, кому претило безделье и созерцательность, взбирались на мачты и сверху наблюдали за длиннокрылыми фрегатами, кружащими в синем небе. Под ногами время от времени хлопали паруса… Лицо обдувал свежий морской ветер…

В эти беззаботные дни пожилые усталые революционеры приступили к тренировкам нанесения единого психокинетического удара. Сначала они освобождались от всех посторонних мыслей — руководство, выбор цели были полностью доверены Марку и десяти его наиболее твердым последователям, — затем надлежало слиться в некое единое целое, в некую могучую метапсихическую единицу… Но ничего не получалось — прикасаясь друг к другу душами, они невольно растворялись в чем-то более широком, более сущем, более одухотворенном, чем та цель, которую они собирались поразить. Злобы к род-

ным детям не было, ментальный удар получался слабым, размазанным, даже парящего над палубой фрегата бывшие революционеры подбить не могли.

Седьмого сентября, когда «Кулликки» находилась по меньшей мере в четырехстах километрах юго-западней Бермудских островов, около полудня посвежел ветер, небо подернулось свинцово-пепельной завесой. «Кулликки» ходко двигалась вперед. Пассажиры не выходили из своих кают, несмотря на заверения старого Уолтера, что такое волнение и ветерок — обычное явление в открытом море, так, легкий штормяга, один из многих, гуляющих по тропическим морям. Чем сильнее бросало шхуну, чем отчаяннее мутило людей, тем чаще уныние и страх перед будущим охватывали прежних неукротимых борцов. Шхуну швыряло из стороны в сторону, волны били в бока, прокатывались по палубе. Время от времени налетал шквальный ветер. Он постоянно менял направление — то затихал, то принимался дуть с прежней силой. Особенно жутко становилось ночью — правда, угрюмый дневной свет тоже не приносил облегчения. Лучи солнца едва пробивались сквозь пелену рваных, лохматых облаков, стремительно несущихся по небу. Море бурлило

по-прежнему, огромные, вызывающие тошноту волны вздымались от горизонта до горизонта, молотили в борт «Кулликки», валили людей с ног.

Теперь и те члены команды, кто не был подвержен морской болезни, старались не покидать каюты. Рысканья, ныркн, качка, которые испытывала шхуна, треск и стоны рангоутного набора, визги, щелчки включаемых и выключаемых моторов, приводящих в действие лебедки, изменяющие площадь парусов, завывания ветра, смена режимов, задаваемых вспомогательному двигателю, чтобы удержать судно носом к волне, скрип мачт и накладывающаяся на все эти звуки сильная вибрация — привыкнуть к ней было невозможно — доводили людей до отчаяния. Казалось, что они попали на сказочный кораблик, который за измену морю и своему предназначению помещен в камеру пыток, где его держат уже четвертый день, не давая ни минуты отдыха. Стрелка барометра морального состояния людей на борту указывала на ноль.

Когда пассажиры, собравшиеся в салоне, разбрелись по своим каютам, Патриция Кастелайн осталась одна. Она не могла найти себе места. Ужином, что ли, заняться, приготовить что-нибудь на скорую руку? Оба лучших кулинара

— Алонзо Джарроу и Чарис Букмейстер, измученные морской болезнью, ни рукой, ни ногой пошевелить не могли, не говоря уж о том, чтобы продемонстрировать свое искусство. Подумав, Патриция решила, что она не голодна…

Включила тридивизор [note 9], но, понаблюдав всего несколько минут на экране «Летучего голландца» Вагнера, выключила приемник. Обстановка явно не располагала к прослушиванию оперы. Зажгла нижнее бра, достала классический триллер Десмонда Бегли, глотнула густого горячего рома… Шхуну в этот момент так сильно накренило на правый борт, что иллюминаторы оказались под водой. На противоположной стене в затянутых толстым стеклом окнах завертелись клочья пены, подслеповато заглянуло в салон облачное небо. Патриция зевнула — зеленоглазые окна с одной стороны, угрюмые небеса и пена с другой, утомляющая, неослабная смесь разнообразных звуков потянули ко сну, но как только она начала погружаться в тягучую плотную дрему, кто-то потрепал ее по плечу, и требовательный мысленный голос позвал:

«Пэт! Проснись. Нам нужна твоя помощь».

---

note notes: Note9

тридивидение — трансляция объемного голографического изображения

Это была Корделия Варшава. В нелепой штормовке — размера на три больше! — промокшая и грязная, она была похожа на подростка. Рядом с ней стоял Стив Ванье, когда-то служивший вторым помощником у Уолтера Саастамойнена. В ту пору он был неплохим специалистом по тактике. Сознание его было закрыто, словно сомкнутые створки устрицы, на лице застыло выражение боли и страха. Сжав запястье правой руки, он держал ее на груди. Струйка крови бежала по его золотистой непромокаемой куртке и капала в только что натекшую на ковер лужицу воды.

— Это работа Хелейн Стренгфорд, — сказала Корделия и бросила Пэт штормовую куртку и зюйдвестку. — У нее нож. Она ворвалась на мостик и напала на Стива, стоявшего у руля.

— А потом ускакала, как белка, сучка свихнувшаяся! — в сердцах бросил Стив. — Уолтер с трудом отбился от нее. Все бормочет что-то о спасении детей. Хочет погубить корабль!

— Боже мой! — выдохнула Пэт.

— Теперь залезла на мачту, — продолжила Корделия, — орет благим матом, угрожает прыгнуть вниз. Ты же знаешь, она — сильный кинетик. Мне кажется, нам ее не остановить. Попытайся собрать остальных оперантов, только не зови

Стейнбреннера.

— Джеф отъявленный подонок! — выпалил Стив. Подойдя к бару, он порылся на полках, нашел и откупорил бутылку водки и, сделав большой глоток, принялся лить жидкость на рану.

— Видит Бог — это должно помочь!

— Сообщите Марку! — потребовала Патриция.

Корделия коротко и зло рассмеялась.

— Его, как обычно, нет на месте. Раньше их величество, совершая d-переход, хотя бы тело свое оставляли дома. Теперь же они пожелали путешествовать во плоти.

— Уолтер пытается добраться до Марка, прежде чем Стренгфорд угробит шхуну, — заметил Стив. — Крамер уверяет, что Марка не будет по крайней мере еще два часа.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказала Пэт.

— А ты, — приказала Корделия Варшава Стиву, — ступай в лазарет. Разбуди этих чертовых Кеогов, пусть наконец вернутся с седьмого неба. Скажи им, что, по мнению Стейнбреннера, у тебя, возможно, повреждено сухожилие.

Еще раз промыв рану, помощник капитана, пошатываясь, направился к выходу. Женщины решили пробраться на корму. Все двери в каюты

были заперты

— казалось, корабль вымер. Поддерживая друг друга, они все-таки добрались до грузового отсека, который после подъема шхуны полностью переделали, установив на корме церебральный генератор и вспомогательное оборудование. Попасть сюда можно только через единственную бронированную дверь, открывавшуюся с внутренней стороны. Патриция напряглась и попыталась мысленно преодолеть обитую металлом створку.

«Джорди! Это Пэт. Позволь мне войти. Опасность!»

Корделия вытащила из кармана ключ от своей каюты и постучала им в дверь. Отправив мысленный приказ, женщины некоторое время подождали, и, видимо, их сигнал был получен — замок звонко щелкнул, и дверь со скрипом отворилась. Джордан Крамер хмуро глянул на непрошеных гостей, лицо его было подобно грозовой туче.

— Какой черт вас принес? Марк ушел в космос, а мы тут бьемся над тем, как бы стабилизировать судно…

Патриция телепатически передала ему информацию, потом добавила:

— Хелейн совсем свихнулась. Нам нужен Марк.

— Черт бы побрал эту бабу! Если бы мы не нуждались в ее психокинетическом таланте, я бы сказал — пусть лучше она сигает в море.

— Ты можешь связаться с Марком? — перебила его Патриция.

— Нет, не могу. Он теперь свободная птица и не сказал, когда вернется. Почему бы вам не собрать всех остальных оперантов и не попытаться объединиться?..

— Почти все либо страдают от морской болезни, либо спят, либо отключились от внешнего мира. Мы уже пытались вызвать их, когда Хелейн взбесилась… Откликнулись только Стейнбреннер и Бум-Бум Ларош. Кроме них там, наверху, на палубе, Уолтер, Рой и Нани Фокс. Теперь вот Патриция…

Крамер заспешил.

— Ну, мы с Ван-Виком ничем помочь не можем. Мы не кинетики, кроме того, нам надо следить за приборами. — Он попытался закрыть дверь.

— Тогда отдай Маниона! — потребовала Пэт. — Чтобы скрутить Хелейн, нам придется воспользоваться усмирителем. Думаю, у него силенок хватит.

— Сдурели! — не выдержал Крамер. — И освободите Маниона? Мы тут измучились с этим выродком, держим спеленутым силовыми полями, пока Марк не вернется на судно, а вы собираетесь его выпустить?! Хотите получить двух придурков вместо одного?..

Понимая, что уговоры бесполезны, Патриция все же попыталась переубедить его:

— Возможно, Алекс захочет помочь Хелейн. Ты же знаешь, они привыкли быть вместе…

— Слишком хорошо знаю! — отрезал Крамер. — А еще я знаю, что случится, когда усмиритель попадет в руки Маниона и его злость будет усилена этой штуковиной. Он тут же разделается со всеми вами, разгромит силовую установку и навечно оставит Марка в подпространстве.

Дверь со стуком захлопнулась.

Дальше ждать здесь помощи было бессмысленно, и обе женщины поспешили на палубу.

Дождь прекратился. Лунный серп промелькивал в разрывах туч. Ветер стих, но все равно огромные волны, посвечивая пенистыми гривами, разгуливали по океанской шири. «Кулликки», управляемая автопилотом, двигалась вперед, убрав почти все паруса. Повизгивали лебедки и блоки, изменявшие площадь парусов. Уолтер, Рой

Марчан и Наномеа Фокс собрались у подножия джигер-мачты. В стороне, ухватившись за ванты, стояли Джеф Стейнбреннер и Ги Ларош. Наномеа держала фонарь, направленный на верхушку мачты. В руках у Роя была винтовка, а Ларош перекинул через плечо лазерный карабин.

Корделия, приблизившись, мысленно сказала:

«Со мной Пэт. Она единственная, кто согласился помочь».

Уолтер: «Хелейн еще там, в люльке. Спряталась на дне».

Пэт: «Можно ее захватить врасплох?»

Рой: «Мачту, несмотря на ее защитный экран, можно опустить. Если она начнет сопротивляться, Бум-Бум быстро собьет ее».

Пэт: Ни в коем случае, ни в коем случае! Хелейн нам НУЖНА. Я начинаю слияние, о'кей?»

Все присутствующие хором: «Правильно».

Пэт: «Приготовиться… ПОШЛИ!»

Их сознания, ведомые организатором метаобъединения, слились в ментальный многоугольник. Плотная психосиловая сеть взметнулась вверх, накрыла и спеленала мечущийся безумный разум… В следующее мгновение все разом вскрикнули от боли. Мощная неодолимая сила вырвалась из гнезда, укрепленного на верхуш-

ке мачты, и ударила по ним резко, наотмашь… Словно полоснула раскаленным клинком… Цепь разлетелась на отдельные звенья. Потом до людей на палубе долетел мысленный хохот.

Патриция, скрючившись, едва оправившись от боли, все-таки нашла силы обратиться к той, которая пряталась на мачте:

«Мы же только хотели помочь тебе, Хелейн. Пожалуйста, спустись».

«ПозволитьЕМУскрутитьменяпочемуОНнепришелсюдаОНпогубительдетей».

Патриция: «Марк вовсе не собирается причинять вред детям».

«Затодругиесобираются! ТЫсобралагруппу ТЫдобиласьметасогласия ТЫубила ГранниКорделию ТЫубийцадетей! ТЫхочешьпогубитьдетейаяпогублюТЕБЯ!»

Патриция: «Хелейн, давай дождемся Марка. Он не собирается причинять вред детям. Он обещал. Ты же знаешь, что Марку можно верить».

«Верить… оконечно! Мывсегдаверили. Ивовремявосстанияипотоминакраю гибели. ВеритьМаркуследоватьзаМаркомлюбитьМарка. НоОНЛГАЛ».

Патриция: «Он никогда не лжет».

«Онлгалонлгалонлгал! Говорил, что никогда

не покинет нас. НИКОГДА. НО ОН УШЕЛ. ИЛИ СБЕЖАЛ».

Патриция: «Хелейн, он всегда возвращается».

«Чтобыспастисьонготовпогубитьдетей. Ноязнаюкакостановитьеговас. Я убью ЕГО. Убью ВАС».

В луче фонаря, вверху, блеснуло лезвие ножа. Хелейн, крепко схватившись за короткую рею, крест-накрест привязанную к мачте, взобралась на край наблюдательной корзины. Ее цветастая шелковая пижама трепетала на ветру подобно вымпелу.

«ЯвзлечуиубьютебяВСЕХ!»

Патриция: «Ты не взлетишь. Если рискнешь, то разобьешься насмерть. Хрис и Лейла никогда не простят себе твою смерть. Маленький Джоэл будет плакать и звать бабушку… Поберегись, Хелейн, не прыгай! Спустись и позволь нам помочь тебе».

«Дорогой Хрис… Лейла… Джоэл, мой единственный… Онхочетубитьноя знаюкакегоостановить. Разрушучуждыесознания!.. Безнихондьяволстанет бессилен. Станетслабакам! Ха-ха-ха!.. ЧЕЛОВЕКОМ!.. Иэтояобязательносделаю чтобтызнала».

Последний мысленный вопль ее, долетевший

до палубы, совершенно сразил всех собравшихся. В него была вложена такая всесокрушающая решимость, вера в свою правоту, наконец-то обретенную, победную, звенящую… Все примолкли. В этот момент, громко топая, на палубу вылетел Стив Ванье, лицо его было перекошено от ужаса. Еще не сойдя с последней ступени трапа, он закричал:

— Кеоги — двое из них! Они там, в лазарете… Закололи себя кинжалами. И кто-то заперся в каюте. Я стучал, стучал…

Как послесловие к его крику, наверху раздался радостный, сотрясающий небеса, безумный хохот.

Наномеа Фокс потверже уперлась лучом света в беснующуюся на краю корзины фигуру в яркой пижаме. Потом сверху донеслись вполне разумные слова — Хелейн снова напевала:

— Уолтер! Поднимись ко мне, родной. Помоги мне спуститься. Я обещаю, что не прыгну, если ты доберешься сюда.

Голос ее был подобен зову сирены.

Стареющая сирена в розовой шелковой пижаме и с ножом в руке…

Патриция закрыла глаза и потрясла головой — слезы полились сами собой. Уолтер, бледный

как смерть, медленно направился к вантам, Фокс и Марчан стояли недвижимо.

— Нет, Уолтер! — громко вскрикнула Патриция. И вдруг могучая невидимая рука неторопливо повлекла ее следом за Уолтером, кто-то невидимый принялся ласково нашептывать — тебе надо тоже влезть сюда, тоже подняться вверх… И Рою, и…

Патриция невольно шагнула за капитаном. И Рой шагнул, и…

Джеф Стейнбреннер выхватил карабин из рук замершего Ларошa и выстрелил навскидку. Тягучий огненный шар швырнуло вверх, и там, возле самой оконечности мачты, огонь рассыпался на мелкие светлячки, напоминавшие огни Святого Эльма. В их тусклом свете нелепая птица в опаленной пижаме словно взмахнула крыльями и исчезла. В сознании всех, собравшихся на палубе, запечатлелся громкий вскрик, подобный крику буревестника. Кусочки дерева, металла частым дождем посыпались вниз…

Они долго смотрели на разбитое наблюдательное гнездо — теперь пустое, одинокое, — затем, подбадривая друг друга, медленно побрели с палубы.

Как только в наспех собранном сооружении, напоминающем колыбель, обозначилась фигура,

с ног до головы укрытая черными доспехами, в углу комнаты, где сидел подвергшийся действию усмирителя человек, раздался ликующий возглас:

— Карета адмирала у трапа, сэр! Боцман, свистать всех наверх! Мистер Крамер, поднять вымпел «ласточкин хвост», священный флаг нашего любимого яхт-клуба Ржавой Бухты!..

— Заткнись, Алекс! — попросила Патриция. — Или, да поможет мне Бог, я включу усмиритель на максимальную мощность.

Алекс Манион притих, но ехидная ухмылка по-прежнему оставалась на лице. Затем он встал, подошел к Ван-Вику, поднимавшему крышку, и Джордану Крамеру, приготовившемуся снимать доспехи.

Когда металлическое облачение было удалено, Марк Ремилард заметил:

— D-переход занял ровно три часа тридцать минут. Кажется, на этот раз я превзошел самого себя. Что вы можете сказать о конечной стадии транслокации?

Крамер махнул рукой.

— Отлично. Если судить по показаниям приборов. Никаких следов аномальных искажений при двойном переходе в гиперпространство.

Мы приказали Маниону сделать углубленный математический анализ. А так, на первый взгляд, все получилось просто замечательно. Как далеко ты забрался?

— О, на расстояние восемнадцати тысяч шестисот двадцати семи световых лет. Чтобы испытать предельную дальность и удовлетворить любопытство, я побывал на Полтрое.

— Само перемещение происходило мгновенно? — спросил Ван-Вик.

— Да, — кивнул Марк, — в лимбо ход времени резко отличался от того, с чем мы сталкиваемся на Земле. Ничего похожего с субъективным ощущением потока, испытываемым пассажирами сверхсветовых звездолетов. Я оцениваю продолжительность своего пребывания в гиперпространственной матрице что-то порядка тридцати субъективно ощущаемых секунд. Это на оба d-перехода. Чуть больше времени, потраченного на прорыв суперповерхностной границы. С обеих сторон, естественно.

Он направился к миниатюрной душевой кабинке, задернул прозрачную пленку и вскоре выбросил скомканный комбинезон-трико. Струйки горячей воды, окутанные паром, побежали по дубовым доскам пола.

— Итак, ты добрался до Полтроя, что же было потом, светоносный ты наш? — спросил Манион.

— Я как-то совсем забыл, что в те времена на этой планете царил жуткий холод, — ответил Марк. — К счастью, местные дикари приняли меня за Бога и притащили отличные звериные шкуры. Мех, должен я вам сказать, что надо!.. Иначе мне бы пришлось постоянно носить эту броню. — Патриция подала ему полотенце и халат. — Кажется, я полностью освоил все этапы d-перехода. Теперь следует подработать кое-какие детали. Что касается доспехов, то они не так уж и необходимы: в целях предосторожности я могу находиться в них, но могу оставить на границе гиперматрицы, могу даже отослать домой до той Поры, пока мне не надо будет возвращаться. — Он улыбнулся, завязал пояс на халате. — Чертовски приятно путешествовать со сверхсветовой скоростью без всякого корабля. Быть чем-то вроде привидения, во плоти посещающего далекие миры.

— А переход через суперповерхностную границу так же болезнен, как и при прорыве на корабле? — спросил Крамер.

Марк кивнул.

— Все дело в ипсилон-поле. Не имеет значения,

преодолеваешь ли ты границу механическим или метапсихическим путем — все равно болезненные ощущения остаются. D-переход совершается по куда более плотному вектору, а степень мучения, как обычно, зависит от дальности. Но, используя особую программу, можно довести боль до терпимого уровня.

Алекс Манион вдруг встрепенулся и запел:

Достиг предела ты, Душа полна веселья!

Хватило смелости Шагнуть в иную даль.

Ты нам махнул рукой, Потом нырнул в забвенье, Там все — и враг и друг, Там прошлого не жаль.

Я рад пропеть хвалы, И все же откровенно, Хотел бы так и я, Но мне не суждено Чужих миров причуды, Страсти, пенье Узреть и услыхать…

Нет, мне не суждено!..

Марк удивленно взглянул на него.

— Послушай, Алекс, не пора ли снять усмиритель и заняться серьезной работой? Я бы хотел получить детальный анализ сегодняшнего опыта.

Узким целительным лучом он осторожно проник в сознание единственного специалиста по динамическим полям, попытался помочь ему — снять внутреннее раздражение, а где необ-

ходимо — подлатать нейронные цепи. Манион вздрогнул, моргнул, потом потер брови… И тут Марк наткнулся на слепую, отточенную ненависть, прижившуюся в сознании Алекса. Всего на мгновение открылась ему эта тщательно скрываемая тайна, и тут же бурная дурашливая радость затопила мозги Маниона.

Ремилард был разочарован — он считал, что Алекса можно излечить. Тем временем тот неожиданно заявил:

— У нас есть чем удивить тебя, Марк. Пока кот гулял по крышам, разыгрались в доме мыши.

Патриция сразу перебила его, спеша первой рассказать о разыгравшейся на «Кулликки» трагедии. В разговор сразу вмешались Крамер и Ван-Вик и понесли откровенную чушь, заявив, будто бы Хелейн убила пятнадцать человек, включая жену Крамера и прежних членов совета, оперантов Диерде и Диомида Кеогов, еще и Питера Даламбера — только потом ее выстрелом из лазерного карабина сбил Стейнбреннер. Некоторых других безумная старуха ранила. Аркадия О'Малли, например, тяжело.

— Bon dieu de merde! note 10 — сказал Марк, ка-

---

note notes: Note10
Боже мой, какая куча дерьма! (фр.)

залось, он с трудом держал себя в руках.

— Ты можешь проделать такую же работу на Полтрое, — насмешливо предложил Манион, — но боюсь, что местным дикарям вряд ли придется по нутру то, что случилось здесь. Они, должно быть, поостерегутся твоих советов, хотя ты и предстал перед ними в образе божества.

Ремилард ничего не ответил — он неподвижно стоял посреди аппаратной. Лицо его стало мертвенно-бледным, глаза ввалились... Глаза Аваддона!.. Алекс Манион, нелепо взмахнув руками, неожиданно всплыл вверх, забился в конвульсиях. Глаза его выкатились из орбит, из пор показалась кровь. Он издал животный крик — как раз в этот момент его сознание затопило ясное ощущение подступающей смерти. Затем, освобожденный, весь перемазанный в крови, рвоте и собственных экскрементах, он рухнул на дубовые половые доски.

Марк по-прежнему бесстрастно глядел на него.

— Tu es un emmerdeur [note 11], — наконец выговорил Ремилард. — К счастью, я еще не утратил чувства юмора. С тобой ничего серьезного не случилось. На этот раз! Завтра анализ сегодняшнего

---

note notes: Note11
ну ты и зануда (фр.)

опыта должен быть готов.

Вонь в комнате стояла невыносимая. Манион что-то бессвязно бормотал. Не глядя на Патрицию, Марк подождал, пока она пройдет мимо замерших в напряжении Ван-Вика и Крамера, и следом за ней вышел из аппаратной.

— Хочу обратить твое внимание на Маниона, — начала Патриция, когда они поднялись в каюту Марка, расположенную на корме. — С ним творится что-то непонятное. Я не удивлюсь, если окажется, что именно он подсовывал наркотики Хелейн в надежде, что случится что-нибудь в этом роде. Его ядовитая душонка смутила Хелейн, заразила детей. А теперь мы потеряли Кеогов, наших самых сильных целителей.

— Бедные Кеоги, — задумчиво произнес Марк. — Сигизмунд и Сигнис note 12. Они проделали все это на высшем уровне. Но кто бы мог подумать, что Питер Даламбер умрет в своей постели.

— Когда мы нашли Питера, глаза у него были открыты. А лицо… — она передала Марку образ, — совершенно спокойное. Принудитель

---

note notes: Note12

брат и сестра, дети короля Вольсунга, отомстившие мужу Сигнис Сиггейру за убийство отца; узы крови для них были крепче любого другого родства (из скандинавского эпоса)

такой силы, как он, мог бы сам защитить себя от Хелейн. Мог, если бы захотел…

Марк направился к встроенной в нишу кухне, включил печь, потом открыл шкафчик для одежды.

— Я рассчитывал, — заговорил он, — что любовь и преданность детям, Бари и Фумико, маленькой внучке Хоуп убережет его, уравновесит депрессивное состояние, в которое он впадал на глазах. — Он выбросил из шкафа на узкую застеленную постель нижнее белье, джинсы, свитер. — Еще один скафандр. — Марк усмехнулся. — Очевидно, Питер не верил, что я способен справиться с детьми, не нанося им ущерба. И Кеоги тоже. Очевидно, они даже не сопротивлялись, когда обезумевшая Хелейн врывалась к ним в каюты. Кто-кто, а Кеоги могли спеленать ее в одну секунду…

Патриция молчала.

— Скажи, Пэт, — спросил Ремилард, — ты никогда не задумывалась: существует ли в принципе более мягкое, человеческое, так сказать, решение этой проблемы?

— Я готова следовать за тобой куда угодно. Какую бы цель ты ни поставил. Всегда! И ты знаешь об этом… Зачем задавать лишние вопросы.

Ты когда-нибудь слышал от меня хотя бы слово осуждения? Если тебе дорога идея «ментального человека», значит, она дорога и мне. Для меня, Марк, существуешь ты. Только ты!.. Ты — мой ангел, моя нелепая, не ко времени страсть. Конечно, ты никогда не снизойдешь до любви ко мне, разве что разрешишь свернуться калачиком у твоих ног. Тебе и в голову не приходит удовлетворить грызущее меня желание. Даже теперь, когда на тебе под халатом ничего нет. А почему ни на тебе, ни у тебя ничего нет? Почему ты оказался гол как сокол, в прямом, переносном и в любом другом смысле? Неужели ты веришь в осуществимость своего романтического плана? Но если да, то и я верю! Зачем нам Клу, Хаген и все остальные, если у нас есть ты?.. Есть твои наследственные клетки.

— Верная, преданная Пэт!..

Он подошел к женщине, взглянул сверху вниз — Марк был высокий мужчина, — сбросил халат. Черты его лица, поджарое стройное тело до сих пор были привлекательны — исполнены некоей внутренней соразмерности. Он все еще — весь! — был юношески порывист и способен увлечь за собой человеческую массу — словом ли, жестом ли, взглядом!.. К нему тянулись, его боялись, его

уважали и ненавидели. В нем было все, вздохнула Пэт, не было самой малости. Он не любил ее.

Женщина, словно зачарованная, смотрела на Марка, но даже ей, околдованной, погибающей от страсти, вдруг почудился некий диссонанс — что-то исподволь раздражающее, отталкивающее, нечеловеческое, зловещей струнко вплетенное во внешний образ этого на первый взгляд гармонично сложенного человека. Она только теперь обратила внимание, что все тело Марка было покрыто частой сеточкой шрамов — дьявольской татуировкой? Это были следы пребывания в оздоровительном автоклаве. Вся кожа ниже шеи исполосована уже зажившими надрезами. Только на руках и гениталиях не было этих ужасных ран.

Он обнял Пэт — женщина забыла обо всем на свете. Их губы встретились

— ей почудился вкус соли и моря, потом сильное головокружение, она словно попала в бурный поток. Он был его источником, началом и завершением. Для них, искусных оперантов, слова были не нужны; теперь ничто — ни случившаяся трагедия, ни смутное будущее, ни одежда — не разделяло их. Несказанное удовольствие бросило ее на край бесчувственности — она растворилась

в сладости, мир исчез, лишь двойная звезда теперь сияла в ее маленькой Вселенной — он и она. Ей было хорошо…

Когда-то, при первой встрече, Марк предупредил ее, что между ними не может быть никакой любви, родства душ, невозможности жить друг без друга, неясных томлений и тому подобной чепухи… Она согласилась — пусть только ему будет хорошо, пусть хотя бы в этом он не будет знать отказа. Решить-то решила, но на деле все получилось иначе. Он делал свое дело, а ей без всей этой чепухи было грустно и тоскливо. Она лишь отдавала ему свое тело, сама же оставалась бесчувственной. Сегодня все было по-другому — они слились в решительную минуту, ей тоже стало хорошо, но в самый исход, когда и он разнежился, его сознание распахнулось и Пэт вдруг узрела проблеск чего-то тайного, жуткого, никогда не упоминаемого, жившего в его сознании.

Потом она лежала на кровати одна, мысли скользили по поверхности, но то пугающее, мрачное, что открылось ей в истекающее мгновение, теперь леденило сердце. Он потерял уверенность в себе? Он смущен? Это из-за трагедии, разыгравшейся на «Кулликки», или причина лежала глубже? До какой же степени он зажал свое бес-

сознательное, если даже в такую секунду оно не всплыло, не явилось, лишь шевельнулось под спудом запретов, носило тревожный отсвет…

— Марк, — прошептала она, — это правда?

Он уже был одет, стоял у окна и глядел на море. Волны замедлили свой бег, округлились гребни, звездная тихая ночь заглядывала в кабину. С палубы доносилось теперь уже спокойное, более-менее равномерное повизгивание лебедок, меняющих парусность. Шхуна стремительно, лишь изредка кланяясь волнам, мчалась вперед.

— Ты никому не должна говорить об этом. Иначе они пустятся во все тяжкие, последние запреты рухнут. Дети, конечно, тем более не должны знать. Никто не догадывался об этом, разве что Кеоги… И Манион… Но у Алекса есть собственные резоны помалкивать.

— И как… как давно это случилось?

— Может, с восстания, может, после смерти жены я стал скопцом.

— Боже мой! Но мы полагали, что Кеоги…

— После смерти Синдии они восстановили меня, и я прошел курс лечения в автоклаве. — Марк говорил спокойно. — С точки зрения органики все функционирует прекрасно, а вот с наследственным аппаратом что-то не так. Мой брат назвал бы

это возмездием, ощущением греха. Никак не могу найти причину, смелости не хватает… Или это произошло в результате психической травмы, когда тебя из грязи да в князи?.. — Он подошел к кровати, сел и принялся долго и внимательно изучать ее лицо. — Лекарство только одно, — наконец выговорил Марк, — и оно в моих руках: не давать себе поблажек, побуждать двигаться вперед, к победе. Мы еще можем добиться успеха. «Ментальный человек» будет создан, если мы не дадим детям пройти через «врата времени». В идеале мы нуждаемся в них во всех. В крайнем случае мне хватит одного моего сына.

— Ты только не вздумай заикнуться об этом Хагену. Ты же связываешься с ним по дальней связи. Или хотя бы будь осторожен…

— Теперь — конечно! Когда мы прибыли на Окалу, я был слишком занят исследованиями звездных миров. Позже, пытаясь восстановить отношения с сыном, я был чересчур крут с детьми. Хаген слабоволен. Порочен. И он знает об этом. Я попытался запугать его — он меня возненавидел. Надо было лаской… Если бы не эта чертова путаница, случившаяся в Европе… После того, как дети вступили в союз с Эйкеном Драмом, все окончательно смешалось. Но мы еще можем

добиться успеха. Если «врата времени» не будут построены… Если я смогу убедить Хагена и Клу, что люблю их, что их судьба накрепко связана с моей…

Патриция медленно встала, откинула русые волосы, стараясь отогнать от себя дурные предчувствия.

— Ну и мы еще ого-го! Есть еще порох в пороховницах!.. О'Малли, скорее всего, не выживет, Фитцпатрик и Шервуд тоже совсем плохи. Если исключить их из наших расчетов, то нас останется двадцать два человека, из которых шестеро — сильные операнты, а это уже кое-что.

— Мы все станем оперантами. У нас масса самого грозного оружия, чтобы разделаться с Эйкеном Драмом. И еще освоенный d-переход.

— Но ты же не в состоянии переносить груз. Скафандр и так очень тяжел.

Марк ничего не ответил. Пэт прошла к встроенной кухоньке и достала еду для Марка, затем налила две чашки чая — себе и ему.

— Иди поешь, пока ужин не остыл, — сказала она и присела за стол лицом к окну. — Здесь ветчина в апельсиновом соусе и даже твой любимый гороховый суп.

— Я заказал его с утра, решил отметить рекорд-

ный прыжок в пространстве. — Ремилард взял ложку и принялся изучать поверхность супа. — Не много радостей осталось у нас за эти двадцать семь лет. Надо же, домашний гороховый суп в плиоцене!.. Штришок Нью-Гемпшира на борту bateu ivre! note 13 — Он, словно отгоняя наваждение, потряс головой и начал есть.

Патриция молча пила чай, потом не выдержала.

— Теперь я понимаю, почему ты так резко выступил против тех, кто требовал разрушить «врата времени» и силой вернуть детей. Ты никогда не боялся возможных репрессий со стороны Содружества, не так ли?

Марк махнул рукой.

— Это была дымовая завеса. Неизбежная военная хитрость. Прежде всего предназначенная для детей и тех из нас, чья верность общему делу представлялась сомнительной.

— Я тоже так подумала. Но как ты мог спокойно выслушивать все эти кровожадные разговоры насчет допустимости силовых методов, в крайнем случае убийства, — даже притворялся, что обдумываешь и подобную точку зрения.

---

note notes: Note13
пьяной от качки шхуны (фр.)

— Я не притворялся, а внимательно выслушивал любые, даже самые бредовые предложения. Существует и другое решение. Например, осуществить деформацию глубинных геологических пластов в том месте, где располагаются «врата времени». Это куда проще и гуманнее. Всего-то навсего нарушить гравиметрические характеристики — и тогда можете строить генератор Гудериана, сколько захочется!..

— А Алекс Манион говорит, что это все глупости…

— Как! — Марк даже ложку бросил. Пэт почувствовала, как тяжкая сила придавила ее сознание. Она добровольно распахнула память, чтобы показать ему общее математическое уравнение, которое написал специалист по динамическим полям.

— Алекс называет это уравнение главным выводом теории сопротивления основных временных узлов-событий. Если кратко, то ты не можешь эффективно повлиять на создание «врат времени» в плиоцене, так как мы *знаем*, что сложившаяся структура геологических пластов существует шесть миллионов лет и устойчиво дожила до эпохи Галактического Содружества, откуда мы пришли. Следовательно, наши на-

дежды нарушить гравиметрические и любые другие характеристики в этом месте совершенно безосновательны. Ничего не случится. Никаких парадоксов. Только реальность как таковая, увязывающая прошлое с настоящим, а настоящее с будущим…

— И все в руках Божьих. — Марк закончил фразу. — Я уже слышал об этом.

— И я слышала! Но на этот раз у меня нет особого желания снова быть обманутой. Однако Алекс лучший специалист по этим вопросам. Даже в Галактическом Содружестве!

— Пошел бы он к черту!.. Пэт, ты не знаешь, он еще кому-нибудь рассказывал об этом… об этой теории?

Она безвольно всплеснула руками.

— Боюсь, что да. По всей видимости, Алекс использовал любой момент, когда с него снимали усмиритель. Он ошибается?

— Нет, но он может сознательно лгать. — Марк побледнел. — Я поговорю с ним завтра. Но даже если он говорит правду, я все равно не дам открыть «врата»!

— Каким образом?! — закричала Пэт. — Марк, поделись со мной. Поделись со всеми нами — ты же всегда так поступал. Все эти годы мы

ходим как потерянные — ты всегда был занят делами. Сначала бесконечные звездные маршруты, теперь этот гадкий d-переход!.. Мы все верны тебе, мы готовы следовать за тобой, но у нас нет даже проблеска надежды. Скажи, что можно сделать в нашем положении? Почему ты молчишь?! Мы так долго ждали, теперь сам посмотри, сколько нас осталось… Помоги нам! Мы же всегда доверяли и доверялись тебе. Успокой, сними напряжение. ОБЕЩАЙ, НАКОНЕЦ, ЧТО ТЫ НЕ ВОСПОЛЬЗУЕШЬСЯ D-ПЕРЕХОДОМ, ЧТОБЫ ПОКИНУТЬ НАС!

Марк потянулся через стол и взял ее за руку. Его ладонь была тяжелая, сухая, пальцы сильные, подвижные, как у юноши; он полностью слился с ее мыслями, хотя и продолжал говорить вслух:

— Покинуть вас? Никогда! Я имел в виду совершенно другое. Но теперь, так уж сложилось, там, — он указал вверх, — остались срочные дела, которые я обязан закончить. Вот увидишь, что скоро я вновь стану полезен. Мы будем проводить регулярные консультации — начнем завтра же. У меня есть прекрасные новости. Я вошел в доверие к операнту высшего класса Элизабет Орм. Теперь, когда d-переход почти освоен, я могу всерьез заняться Эйкеном Драмом. Прежде чем он пой-

мет, что к чему, мы бросим якорь на мелководье напротив его дворца. С нашими генераторами сигма-поля, с нашими защитными экранами нам нечего бояться.

— У детей тоже есть большой генератор — SR-35.

— Да, но у нас батарея рентгеновских лазеров, которые способны разорвать на куски экран любой мощности. Эйкену Драму придется капитулировать — я уверяю тебя! И когда он будет на нашей стороне, что смогут предпринять дети? Так что есть — есть! — другой путь не допустить создания «врат времени». Мы разрушим их лаборатории — сначала предупредим, чтобы люди — и дети тоже! — успели покинуть помещения, а потом со всей силы — бах!! Если я лишу их производственной базы, исходных материалов, фотонных плавильных печей, подчиняющихся психокинетическим усилиям манипуляторов, что тогда они смогут сделать? В конце концов дети сами во всем разберутся!

— Марк, но они не хотят возвращаться на Окалу.

Он засмеялся.

— Пусть поживут несколько лет в этом фарсовом, не имеющем права на существование

сказочном королевстве, пусть пообщаются с Эйкеном — вот тогда посмотрим. Мы сможем навещать их по праздникам — для чего же я осваивал технологию d-перехода! Пусть удостоверятся, что мы еще здесь, на Земле, живем по соседству, потом пригласим их в гости. Если они откажутся, повторим приглашение.

Он раскрыл перед ней свое сознание, и Пэт не могла прийти в себя от изумления.

— Это осуществимо? — вскрикнула она. — Ты можешь переносить *нас*?

— Раз мне уже удалось создать ипсилон-поле такой мощности, что я запросто перебрасываю через гиперпространство три тонны брони и в придачу самого себя, то увеличение переносимой полезной массы — всего лишь вопрос времени. Тем более не будет проблем с короткими экскурсиями вокруг Земли.

— Но ты говорил о межпланетных переходах.

— У нас есть запасной церебральный генератор, я надеялся задействовать его для Хагена, потом мы можем построить еще один или сконструировать особую капсулу. Пэт, разве ты не понимаешь, что все задуманное — грандиозно! Нам не следует ждать спасения и помощи от других рас — членов Галактического Содружества. Наше спасение в

наших руках!

Он говорил совершенно серьезно — ни тени пафоса, иронии, неверия, — ровно, толково, убедительно.

— Но это лишь далекая перспектива. Я хочу объяснить, что собираюсь сделать для всех нас. Завтра и соберемся. Конец нашего изгнания близок, я уже вижу его. Скоро все мы сможем стать «ментальными людьми». Все мы. Патриция! И дети тоже, когда они узнают правду.

— Да, — кивнула Пэт. — Конечно.

Она взяла его за руку и припала к ней губами. Потом они сидели, пили чай, за окном угасал светло-розовый день. Солнце утопало в океане, чистое, золотое… Марк сказал, что это добрая примета, завтра можно ждать хорошей погоды.

2

Мулиан Фрог-Мейд сделала последний стежок, оглядела край узора, откусила нитку и отпрыгнула в благоговейном восторге…

Катлинель, леди Нионели, чуть приподняв руки, с детски-восторженным выражением на лице стояла посреди примерочной в новом платье, сшитом для приближающегося Великого Турнира. Платье было ослепительное, глаз не отвести, и все собравшиеся в ателье, работавшие над его созданием мутанты-гоблины, дриады, нереиды, щебеча и тревожно перекликаясь, напряженно следили за мэтром Бьюкином. Дамский портной, поджав губы, большими шагами все ходил и ходил вокруг будущей хозяйки турнира. Здесь поправил сбившиеся, на его взгляд, кружева, там чуть сдвинул золотое шитье

— все замерли, когда он, вздев брови, принялся рассматривать нашитый бисер, но вот он выпрямился, прочистил горло и объявил:

— Все готово, миледи. Прошу принести смотрительное стекло.

Гоблины-портные, гоблины-швеи взвизгнули от восторга и захлопали, кто во что сумел: в ла-

доши, лапками или чем-то, что можно назвать конечностями. Две коренастые плечистые девушки-кобольды note 14 втащили трехстворчатое зеркало, и владычица города леди Катлинель впервые увидела себя в новом наряде.

У нее даже дыхание перехватило — платье было великолепное. Сшитое из плотной белоснежной ткани, таинственно переливающейся розовым, золотистым и бледно-зеленым цветом, чем-то напоминающее вывернутую наружу морскую раковину, оно имело низко посаженную талию и ниспадающие широкие рукава. Юбка была выполнена на каркасе и представляла из себя подобие опрокинутого бутона перламутровой лилии, собранной из отдельных выпуклых лепестков. На юбку нашиты нежные, поблескивающие золотые кружева, спускавшиеся ниже края платья. Кружева также драпировали и образовывали манжеты на свободных широких рукавах. Фантастически высокий воротник и декольте леди Нионели удачно сочетались с ее удлиненным очаровательным личиком. И как последний штришок, как точка над «i» — весь ансамбль украшали бусы из мелких драгоценных камней.

---

note notes: Note14
кобольд — горный дух, гном, мешающий работать горнякам

Катлинель не спеша повернулась — нежные кружева заиграли золотыми бликами с легкой примесью бледно-зеленого цвета.

— Платье — чудо! — наконец сказала она. — Я до сих пор ничего подобного не видела. Благодарю, дорогие друзья, — и наиогромнейшее спасибо вам, Бьюкин. — Катлинель наклонилась и чмокнула смуглого мастера прямо в сморщенную лысоватую макушку. Тот сразу зарделся. Особенно заполыхали мочки острых, увенчанных кисточками ушей.

— Милостивая госпожа, — хрипло сказал портной, — я уже три столетия шью женские платья. Вам, должно быть, известно, что наш, так сказать, незаконнорожденный народец не имеет соперников на Многоцветной Земле по части всевозможных украшений. Сколько за это время было мною создано замечательных образцов, но ваше платье — шедевр, причем не только мой, но и всех участвовавших в его создании мастеров.

Рядом тоненьким голоском пропищал эльф:

— Перламутровые накидки — это что-то уникальное.

Другой, прозвенев колокольчиком, подхватил:

— А усеянные блестками золотые кружева просто прелесть…

Бьюкин шаркнул ногой.

— Великий Турнир, который мы все ждем с таким нетерпением, — первый за восемьсот пятьдесят шесть лет, в котором мы, ревуны, примем участие вместе с нашими не подвергшимися мутациям братьями. Наша честь требует, чтобы мы во всем выступили достойно, чтобы в каждой, на первый взгляд, пустяковине было видно, что мы ни в чем не уступаем другим народам. Но сегодня нас переполняет гордость особого свойства — мы рады за *вас*. Ведь нашей целью было желание прославить повелительницу Нионели, чтобы все существа, которые соберутся на Золотом поле, с восторгом говорили о нашей леди Катлинель. Госпожа, вы — прекрасный цветок, рожденный тану и человеком; теперь вы блистаете красотой в странном и причудливом саду. Что поделать, если мы кое-кому кажемся нелепыми, ненужными созданиями… Мы рады вдвойне, что вы живете среди нас и вдохновляете наш народ своей красотой и мягкосердечием. Все видят, как вы преданы нашему хозяину, самому несчастному и перекореженному из нас. Ваши чувства вдохнули в наши сердца новую надежду. Вы изволили поблагодарить нас за этот скромный подарок, так и мы с большой радостью выражаем вам

признательность за эти добрые слова.

«Благодарим, благодарим, спасибо…» — полетело по залу, и забавные уродцы с грустными добрыми глазами зашаркали ножками, лапками или чем-то еще, что служило им конечностями.

Неожиданно распахнулась дверь ателье, и зеленоволосый перекрученный эльф истошно-мелодично, с достоинством завопил:

— Он идет! Лорд Суголл лично явился посмотреть наряд нашей повелительницы.

Как только правитель племени мутантов в сопровождении человека, генетика Грегори Прентиса Брауна, который сиял, словно обнимающийся любовник, вошел в зал, Катлинель протянула к нему руки.

Суголл внимательно осмотрел жену.

— Я считал, что будет разумно, если мы отложим вручение нашего подарка до открытия турнира, но теперь вижу — этим надо заняться немедленно, в присутствии всех наших преданных друзей. Грегори, шкатулку!..

Гримасничая, с ужимками и поклонами, Грег-Даннет, мастер генетики, достал довольно объемистый, обитый серебром ящик. Он открыл его, и в тот же миг вся орда гоблинов завизжала, засвистела, заулюлюкала. Лорд Суголл вытащил

из шкатулки удивительно красивое ожерелье из редчайших, добываемых на севере розовых камней. Проворно работая двумя щупальцами, он надел его на шею жены, чуть ниже золотого торквеса. Третье щупальце взяло у четвертого маленькую диадему, украшенную теми же самыми камнями. Катлинель приняла украшение и передала его своему парикмахеру.

— Вот теперь вы настоящая королева! — сказал Суголл.

Толпа уродцев вновь засвистела, зааплодировала, гротескные создания запрыгали, Греги шаркнул ножкой, поцеловал руку Катлинель и страстно выдохнул:

— Очаровательно! Просто очаровательно!

— А теперь, — властелин ревунов обратился к своему народу, — оставьте нас на время. Я, моя жена и лорд Греги должны заняться государственными делами.

— Перерыв на завтрак — все вон! — закричал Бьюкин. — Скорей, бесенята! Поторопитесь, храбрецы!..

Мутанты забегали, засвистели, завизжали — в ателье поднялась невообразимая суматоха, и через минуту Суголл, его супруга, и Грег-Даннет остались одни. Ученый-генетик подтащил побли-

же два кресла — для Катлинель и себя, сам же его отвратительное величество устроился на полу.

— Творится что-то невообразимое! — заявил Суголл, и в его восклицании даже послышалась некоторая обида. — Король Эйкен-Луганн потребовал, чтобы ревуны предоставили ему опытных проводников для похода на север, в Фенноскандию. Они собираются искать там какие-то необычные руды.

— Зачем? — спросила Катлинель.

Старичок генетик хихикнул.

— Как раз об этом мы и спросили короля, дорогая Кати! Минералы, о которых идет речь, — это гадалинит и ксенотайм, из них добывают так называемые редкоземельные элементы. Его проказливое величество сперва был очень уклончив в ответах — начал что-то мямлить о науке, о прогрессе. Когда же принц Суголл высказал свои сомнения и заявил, что ревуны вряд ли смогут ему помочь, он так настаивал, что стало ясно — эти руды нужны ему позарез!

— А почему я должен помогать ему? — с той же ноткой обиды воскликнул Суголл. — Что хорошего мы видели от него в прошлом? До начала турнира семь недель, а он еще не сделал первый взнос в счет доли расходов, падающих на

тану. Мошенник всегда останется мошенником! Возможно, он просадил всю королевскую казну, когда без стыда и совести гонялся за красотками в эти майские дни…

— Редкоземельные элементы?.. — задумчиво переспросила Катлинель. До своего отступничества она являлась членом Гильдии Творцов тану и членом Высокого Стола, так что эта странная просьба короля Эйкена вовсе не вызвала у нее насмешку. — В химии я разбираюсь плохо, однако знаю, что эти металлы тану в своих технологиях почти не употребляют.

— Тану, может быть, и не используют, а вот у Галактического Содружества они нашли очень широкое применение. — Голос Суголла был похож на звуки лязгающей щеколды. — И когда я отказался ему помочь, сказал, что втемную не играю, — знаешь, что он заявил! Он собирается построить машину и открыть «врата времени» с этой стороны!..

— Всемогущая Тана! — Катлинель прижала руки к груди. — В самом деле? Он намеревается открыть проход в будущее?..

Грег-Даннет торжественно кивнул.

— Как оказалось, он собирает ученых, техников — одним словом, специалистов — по всей Много-

цветной Земле и планирует восстановить шлюз, взорванный этой отъявленной террористкой, мадам Гудериан. Его не страшат трудности осуществления проекта.

— Естественно, узнав об этом, я дал согласие помочь ему, — объявил Суголл.

Катлинель бросила в его сторону быстрый взгляд, потом отвела глаза.

Греги мягко пояснил:

— Если люди народа ревунов смогут пройти через «врата времени» в мир, из которого я пришел сюда, там, без сомнения, их быстро излечат. Они станут обычными фирвулагами. Для ученых и инженеров Галактического Содружества — это плевое дело. Сколько лет я пытался осуществить такую операцию здесь, в плиоцене, — все напрасно. И на что я мог рассчитывать с таким скудным оборудованием!.. Ученые будущего разберутся с этой проблемой за несколько месяцев…

— Не могу поверить, чтобы Эйкен… — Она запнулась, встряхнула украшенной диадемой головой. — Никто не сомневается, что он дьявольски умен! Но это предприятие кажется совершенно невыполнимым… Он, должно быть, задумал что-то иное… Возможно, хочет вновь заманить Шарна и Айфу в ловушку или отвлечь

их внимание от военных приготовлений?..

— Если даже так, — перебил ее Суголл, — то пусть Тана поможет ему! Тем более я на его стороне!.. Я приказал Калипину оказать помощь посланцам Эйкена — у него есть опыт общения с первобытными, а для поисков руд отрядил Илмари и Красавчика Коберлейна. Им все известно о подземных залежах в той стороне, за озером Амбер.

— Но нам ни в коем случае нельзя возбуждать в народе беспочвенные надежды, — сказала Катлинель.

— Не беспокойся, — ответил Греги. — Я продолжу собственные эксперименты, мы объясним, что экспедиция — один из этапов моих исследований. Кстати, должен заметить, что мой новый автоклав для оздоровления сулит замечательные перспективы. У меня даже есть несколько добровольцев, чтобы испытать его.

— Когда намечена экспедиция? — поинтересовалась Катлинель.

— Первые геологи-разведчики прибудут в Нионель через несколько дней,

— объяснил Суголл.

— Им потребуются месяцы, чтобы найти эти минералы, — сказала Катлинель. — Если они,

конечно, найдут их. А что касается создания новых «врат времени» — это кажется просто невероятным!

— Боюсь, ты права, — кивнул генетик. — Но если это окажется правдой… — Он усмехнулся, посмотрел на даму и ее расположившегося на полу отвратительного на вид супруга. — Как бы я хотел взять вас обоих в путешествие в мою родную эпоху. Вам там понравится… Ох, как хочется!..

Кугал — Сотрясатель Земли устроился на стеклянной скамейке в тихом уголке дворцового сада. Здесь так приятно было поджидать ее… Посидеть в уединении у тихого заросшего пруда, прислушаться, чем жив сегодняшний вечер. Какие новые нотки появились в мелодичном поскрипывании сверчков? Или все осталось по-прежнему? Сумерки все так же робки, и соловей, как всегда, тоскует так томительно, так сладко — ждет, когда вновь наступит время любви?.. И звон хрустальных колокольчиков, гирляндами развешанных на деревьях, все так же незамысловат и трогателен? А это что за звуки, долетающие со стороны городского рынка, — возгласы, скрип тележных осей, крики петухов, мычание, отрывистое «ржание» халиков. Грубая смесь настырности, навозного юмора и бескуль-

турья. Ну, ты не прав, укорял себя Кугал. Все-таки этот звуковой ком докатывается сюда заметно сглаженным, по-вечернему ясным и даже с печальной, как и подобает тихому окончанию дня, горчинкой. В те времена, когда здесь правил брат Ноданн, вечерами вся торговля была запрещена, но с тех пор, как тут воцарился узурпатор, все пошло кувырком. Торгуй, буйствуй, ори даже в полночь… По настоянию своих соплеменников, отдыхающих во время полуденной жары, все дела теперь решались по вечерам. Рынок открыт допоздна. А запах острого соуса, которым люди так обильно поливают жареное мясо!.. Проснуться после сиесты и сразу жрать, пить. Сейчас запоют. Серые торквесы и бывшие рабы свободно разгуливают по улицам. То-то теперь рамапитекам, убирающим в городе, хлопот прибавилось…

Нет, Ноданн такого бы не допустил…

Яркий свет луны всплыл в прогале между деревьями. Небосвод тускнел на глазах. Светлячки заскользили над гладью засыпающего пруда, лилии закрыли бутоны. Вверху радужным светом еще светились окна Стеклянного Замка. Возвышались над куполами деревьев отремонтированные крепостные башни и стены, мягко волшебным светом просвечивающие на зака-

те. Теперь их можно было принять за приметы сказочной страны, когда-то так уютно обосновавшейся здесь... Опять этот отвратительный запах соуса!..

Король сегодня в полдень триумфатором явился из Каламоска и — вот неуемная натура! — сразу приказал устроить прием, на котором представил Высокому Столу прибывших с ним североамериканцев. На прием собрался цвет рыцарства Гории. Кугал тоже посетил это мероприятие, но ненадолго, только чтобы назначить Клу свидание.

Теперь он ждал ее в саду, и она пришла.

Как только Кугал почувствовал ее вопрошающий призыв, он тут же поднялся со скамейки. Клу вышла из-под раскидистых ив — чуждая померкнувшей зелени, нарушившая очарование вечера фигура в узком, обтягивающем платье из серого сатина. Ее сознание было наглухо закрыто.

— Клу, — только и сказал Кугал, бросаясь ей навстречу.

...Они стояли, не касаясь друг друга. Ее испытующий луч легко как мотылек, обежал его мозг.

— Ты совершенно здоров. Оба полушария в корме, все цепи нейронов работают как часы... И сила твоя восстановилась. Теперь ты забудешь о том, что болея. После всех испытаний, после по-

ражения и этой героической работы по очистке Авгиевых конюшен, ты, кажется, примирился сам с собой. Смотришь на мир философски… Я бы сказала, что теперь у тебя все в порядке.

— Только когда ты рядом, — ответил он. — А сейчас я боюсь, что мы расстаемся навсегда.

— Меньше чем через три недели! — Она отвернулась от Кугала.

Он потемнел лицом, его светлые волосы взъерошились. Впервые с майского праздника Великой Любви он надел розовато-золотые одежды, напоминающие, что он является вторым лордом в Гильдии Психокинетиков.

— Это вряд ли возможно, — заметил он. — Три недели! Разве за такой срок можно управиться. — Он помолчал, потом добавил: — Клу, сколько всего произошло за то время, пока мы не виделись, а я…

Она перебила его:

— Ну, теперь ты снова большой человек, заседаешь в Высоком Столе — это что, за особые заслуги? — Клу говорила ровно, вроде бы даже с некоторой ленцой, и сознание ее было по-прежнему прикрыто защитным панцирем. — Чем ты теперь намерен заняться?

— Служить, — Кугал пожал плечами, — как я

и присягал королю. Он посылает меня в Ронию, где мне предстоит организовать погрузку оружия и доставку его в Горию. Потом мне приказано обеспечить безопасность работ в Надвратном Замке, проследить за началом нулевого цикла. Вы же именно там намереваетесь собирать свой деформатор. Это задание очень ответственное.

— Вне всякого сомнения, — согласилась она, потом бросила взгляд в сторону тихого, накрытого сумерками пруда. — Удачи!

Он смутился.

— И это все? — спросил он. — Клу, что случилось? Я думал, ты тоже мечтала о нашей встрече. Неужели моя покорность воле короля тебе не по нраву? В чем дело?

Клу натянула на плечи шаль из тончайшей шерсти. Ей стало зябко? Но вечер такой теплый…

— Ничего не случилось, Кугал, — наконец ответила она. — Что могло случиться, если между нами ничего и не было. Разве что банальное увлечение больного его лечащим врачом… Ну и ответная благодарность. Так это бывает сплошь и рядом. Ты собираешься покинуть Горию? Когда?

— Послезавтра. Но мое первое задание не займет много времени, и скоро мы снова можем быть вместе…

— Нет, — грубовато ответила она. Казалось, Клу засмотрелась на цаплю, степенно расхаживающую по заросшему тиной пруду и как бы демонстрирующую, с каким хладнокровием и умением надо расправляться с лягушками. — Не думаю, что мы увидимся еще раз. Я буду работать здесь, в Гории, приводить в чувство прибывающих специалистов. Слишком многие из них относятся к нашему проекту без должного энтузиазма, так что мне придется вколачивать в них вдохновение и жажду творить. Нам необходимо как можно скорее собрать деформатор. У меня просто не хватит времени на личную жизнь. Я тебе больше не нужна, и, что уж совершенно точно, Кугал, — ты мне тоже больше не нужен.

Он тихо и ласково засмеялся и очень осторожно включил свою ментальную силу. В то же мгновение Клу почувствовала, как ее на несколько сантиметров приподняло над землей — ноги уже не касались травы, — потом та же незримая рука медленно повернула ее лицом к рыцарю тану. Кугал встал на одно колено

— так, что их глаза встретились, однако ни тени слабости, надрыва, слезных увещеваний Клу в его сознании не обнаружила. Он был, как всегда, полон достоинства, мысли его были благородны.

— Ты лукавишь, Клу Ремилард. Ты прячешь свои мысли! Зачем? Я знаю, ты любишь меня, очень любишь. Ты даже слез не могла скрыть на приеме, когда увидела меня в парадном зале. И ты согласилась прийти сюда!..

— Отпусти меня! — рассерженно сказала женщина. — Ты, неотесанный дикарь!.. — Она нарочито обидела его — как иначе она могла освободиться от унизительных мысленных тисков. Ее сила была куда слабее... Через несколько мгновений Кугал осторожно поставил ее на землю и радостно улыбнулся, глядя в ее разгневанное лицо.

— Ты говоришь неправду, — повторил он. — Признайся, ты же обманываешь меня?

Защитный экран дрогнул. Гнев как бы разорвал его.

— 'Возможно, ты мне и не безразличен... чуть-чуть. Но с тех пор, как сюда прибыли мои друзья, у меня хватило времени подумать. Рассматривая наши отношения в свете того, что должно произойти...

— Не надо их «рассматривать», и неужели ты имеешь в виду поспешное бегство в будущее?..

— Да, да, да! Мы костьми ляжем, но уйдем отсюда. Ты даже представить не можешь, как это

важно для нас. Как мы мечтаем об этом!..

— Зачем так много слов. Вы хладнокровно уничтожили большую часть моего народа, когда решили, что мы стоим у вас на пути.

— Да! — воскликнула она, ее защитный экран истончился до предела. За призрачной теперь завесой ясно проглядывалось колкое, негаснущее чувство вины за содеянное. — Ты никогда не сможешь забыть о том, что произошло. Но это только часть проблемы…

— Я люблю тебя, невзирая ни на какие проблемы. Мы можем вместе отправиться в Галактическое Содружество.

Она как-то странно всхлипнула. В ее сознании вспыхнул какой-то образ

— верзила с лицом Кугала в спортивных трусах и майке, с мячом в руках, — и Клу тут же погасила картинку.

— Кто такой «баскетболист?» — с оскорбленным видом спросил Кугал.

Клу не выдержала и засмеялась, затем вытерла выступившие слезы и обняла его за шею, ведь он до сих пор стоял перед ней склонив колено.

— Я пошутила, — начала оправдываться Клу, — это глупая, жестокая шутка. Этот чертов Хаген… Он как-то прикинул, какое будущее ждет нас,

если мы с тобой в обнимочку отправимся в Содружество. Ну, чем мы сможем там заняться?..

— Не представляю, — признался Кугал и обнял ее.

— Мы так несхожи! — сказала Клу и освободилась из его рук. Кугал на мгновение словно прозрел, и в том чувстве, которое она, без сомнения, испытывала к нему, в самой сердцевине ему померещилось что-то темное, угловатое, отрицающее его любовь… — Несмотря на его топорные шутки, — добавила Клу, — Хаген прав в самом главном… Рано или поздно мы возненавидим друг друга… или еще хуже…

— В Афалии, — напомнил он, — физические различия не помешали нашей близости.

Она вновь отпрянула от него, отбежала и, опустив голову, направилась к замку. Засеменила, потом замерла, обернулась к Кугалу.

— В Афалии встретились два несчастных существа. Мы нуждались друг в друге, мы оба оказались битыми, оба были одиноки… Естественно, что между нами возникло влечение. Это было неизбежно. Но теперь все переменилось. Все кончено, Кугал! Я ухожу.

Он последовал за ней. Кугалу хватило нескольких гигантских шагов, чтобы догнать женщину,

а ведь Клу изо всех сил помчалась к калитке, ведущей во дворцовые покои. Он остановился перед ней — серебристый лунный свет, пробившись сквозь листву, лежал на земле — и, словно сказочный лесной дух, обнял ее. Клу вздрогнула, вырвалась из объятий.

— Все, о чем ты говорила, это такие пустяки. Почему ты обижаешь меня, Клу? *Почему*?

— Фиан, — с трудом выговорила она.

— Ты решила не возвращаться ко мне из-за моего погибшего брата-близнеца?

— Он был больше чем брат.

— Да, конечно, его сознание было частью моего… Но он же умер!

— Я не соглашусь занять его место, — сказала она. — Никогда и ни за что!..

Клу мысленным толчком на мгновенье помутила его сознание, когда же Кугал пришел в себя, рядом никого не было, только ее шаль осталась у него в руках.

Бал, устроенный королем в честь гостей из Северной Америки, по правде говоря, не удался. Молодые американцы немного потанцевали, чуть-чуть выпили, отведали по кусочку сладостей, потом образовали кружок с прибывшими специалистами, приглашенными на праздник,

и устроили что-то вроде производственного совещания. В полночь, когда веселье должно было быть в самом разгаре, зал оказался почти пуст, и оркестр играл для собственного развлечения. Оставшиеся гости, в основном люди, о чем-то долго и нудно спорили.

— Черт вас возьми! — прошептал Эйкен и побрел в фойе…

Там постоял, поиграл бровями и вышел на улицу. Внизу у парадной лестницы Йош Ватанабе и Раймо Хаккинен садились в экипаж.

— Собираетесь в кабак? — поинтересовался король. — Езжайте, езжайте, что тут поделаешь… Кого заманишь такой скукой.

Вид у Эйкена был мрачный.

— Хотели людей посмотреть, себя показать, — словно оправдываясь, сказал Йош. — Но прежде мы рассчитываем осмотреть восстановительные работы. Я уже давно не был в городе, каменщики, возможно, уже закончили кладку. Незапланированная проверка не даст людям расслабиться. Кроме того, там есть такой кабачок, называется «Русалка»…

Эйкен помахал им рукой.

— Ну что ж, удачи, ребята.

Он уже совсем собрался уйти, как Раймо, словно

его что-то толкнуло, окликнул короля:

— Эйк, поехали с нами. Забудь на одну ночь об этом чертовом титуле.

— Я же вам все удовольствие испорчу!

— Так ты скинь эти монаршие регалии, — предложил Раймо.

— Так, что ли? — спросил Эйкен, подчиняясь неосознанному порыву. Его роскошное королевское одеяние исчезло. Теперь на ступенях стоял невысокий парнишка в потертых шортах цвета хаки, ношеной футболке с отпечатанной надписью «Далриада, команда по гонкам виндсерфинг», на ногах сандалии на рифленой подошве с ремешками, продетыми сквозь пальцы ног. На голове у короля красовалось драное соломенное сомбреро, скрывающее его приметное лицо, на шее — серебряное ожерелье.

— Залезай, паренек, — засмеялся Раймо. — Мы покажем тебе большой город.

Он ударил кнутом спокойного халикотерия, и они тронулись. Колеса простучали по брусчатке, уложенной на перекидном мосту, потом извилистая дорога повлекла их мимо парка к ближайшим городским кварталам. Уже издали из-за деревьев звучным крошевом долетали смех, выкрики гуляк, звонкие голоса торговцев,

пронзительные голоса скрипок и флейт бродячих музыкантов.

Огромная овальная площадь была запружена народом, так что смирный халикотерий едва переставлял ноги. Большинство в толпе составляли люди, однако там разгуливали и высоченные тану, среди них Эйкен заметил и тех, кто, ссылаясь на неотложные дела, умолял его разрешить покинуть торжественный прием и бал. Все палатки, киоски и даже средних размеров магазины были открыты. Центр площади был занят выстроенными тылами друг к другу лавками, где торговали свободные ремесленники и самые богатые купцы. Чего только не было — от детских, вырезанных из дерева, игрушек до сувениров из эпохи Галактического Содружества.

— Что-то здесь не так. — Раймо поджал губы и покачал головой, затем щелкнул пальцами и тихо присвистнул. — Батюшки, а фирвулаги где, Йош? Помнишь, когда мы отправлялись с транспортом к Барделаску, их здесь было хоть пруд пруди. Куда ни посмотришь — везде эти чертовы духи!..

Йош глянул на короля, тот, нахмурившись, кивнул.

— Мороженое! Малиновое мороженое!.. — за-

вывал кто-то гнусавым голосом в толпе.

— Звучит неплохо, — одобрительно заметил Раймо. Он поднялся с места возницы, свистнул и показал продавцу три пальца. Мороженщик радостно оскалился и поймал брошенную ему поверх голов монету. Раймо с помощью психокинетической силы вознес над толпой три рожка с мороженым и осторожно

— так, чтобы никто не сумел дотянуться, придвинул их к коляске. Эйкен и Йош на лету поймали свои порции.

— Пальчики оближешь, — оборонил король, облизывая губы. — Нам бы следовало привлечь этого парня на Великий Турнир. Пусть он снабжает гостей чем-нибудь свеженьким, только выбор должен быть побогаче. Какой прекрасный десерт!..

— Я прослежу за этим, — пообещал Раймо. — Старик Гуерсио до смерти обрадуется.

Он направил послушного халикотерия в боковую улочку. Здесь народу было поменьше, однако у таверны «Русалка» и возле дверей других подобных заведений было все еще многолюдно.

— Мастерская направо, — сказал Йош и, перегнувшись через борт коляски, постучал в ворота. Два рамапитека распахнули створки, и Раймо за-

гнал экипаж во двор. Ворота захлопнулись, и тут же стих уличный шум. Двор был скудно освещен двумя масляными светильниками.

— Рабочий день кончился, — заметил самурай, когда все вышли из экипажа. — Остались только сторожа-обезьяны. — Потом он мысленно отдал приказ, и один из рамапитеков откинул щеколду и распахнул дверь, ведущую в мастерскую, а другой принес большой, сделанный в двадцать втором веке фонарь.

Они вошли внутрь, и Эйкен не удержался от возгласа изумления, увидев огромные бумажные листы, развешанные на стенах и даже на потолке. На них очень живо и выразительно были нарисованы схватившиеся в смертельной схватке воины.

— Прямо-таки фабрика бумажных змеев. — Король был явно ошеломлен.

— Давайте подойдем поближе, только прошу не курить, — попросил самурай. — Непута — это что-то вроде гигантского волшебного фонарика, который обычно поднимали в воздух и проносили во время праздника урожая в японском городе Хиросаки на Старой Земле. Я тут немного пофантазировал, теперь эта штука может вращаться в воздухе. Поверьте, все будет просто

великолепно.

Он показал готовые рисунки, разложенные на тщательно вымытом полу. Формой они напоминали лопасти длиной метров в шесть. Тончайшая навощенная, различных тонов бумага была разрисована цветущими деревьями, рыцарями тану, скачущими на боевых халиках. Все изображения были необыкновенно живые, полны движения, прорисованные до мельчайших деталей витязи были запечатлены в момент нанесения ударов… Сама фактура основы напоминала цветное стекло. Мелкие детали были выполнены в технике заливки горячим цветным воском, светящимся при освещении картин особо направленным светом.

— Очень приличная работа, — заметил Йош. Объясняя тот или иной сюжет, он расхаживал по мастерской. Здесь были изображены и схватки японских самураев и рыцарей тану. — Мы можем доставить эти гигантские фонари в Нионель по частям и собрать уже на Золотом поле. Когда все будет готово и грани волшебного фонаря выстроятся в определенном порядке, перед глазами зрителей откроются две огромные картины — одна спереди, другая сзади — и более мелкие по бокам. Подсветка будет сделана изнут-

ри сотнями маленьких свечек, подвешенных в специальных стеклянных чашках. Когда развернется весь строй, из шестидесяти — семидесяти таких фонарей, да еще на земле шествие будет сопровождаться флейтами и барабанами, — такое представление запомнится надолго. — Он подмигнул королю. — И все это очень-очень недорого.

— Мне нравится! — воскликнул Эйкен. — Но, ребята, где же нам пропустить по стаканчику?

— Что сказать рамапитекам? — спросил Раймо. — Чтобы загнали экипаж во двор? Дальше отправимся пешком?

— Звучит неплохо — пешком! — Король явно повеселел и тут же мысленно приказал одной из обезьян открыть двери на улицу.

Они выбрались на свежий воздух.

— Дорогу! — закричал кто-то под самым ухом короля. — Освободите дорогу!

Отряд солдат в серых торквесах, в панцирях и выглядывавших из-под них ливреях фиолетового цвета, свидетельствующего о принадлежности хозяина к Гильдии Экстрасенсов, начал сталкивать людей с проезжей части. По улице в окружении слуг не спеша прошествовал замечательный белый халикотерий, на котором

восседала скрывавшая лицо знатная дама.

— Дорогу их сиятельству! — лающим голосом выкрикнул распорядитель и грубо пихнул Эйкена в сторону. Раймо и Йоша, обладателей золотых ожерелий, он толкать остерегся, и те незлобиво начали переругиваться с ним.

— Ты хоть вуаль нацепи, хоть прикройся защитным экраном, от меня не ускользнешь, — ворчливо заметил король. — Это Морна-Йа. Стоит послать ей приглашение посетить дворец, как она сразу начинает жаловаться, что в городе ее одолевает мигрень, что спасу от боли нет, что от шума толпы у нее а голове начинают звонить двадцать три колокола.

— Почему двадцать три? — удивился Йош.

— Спроси у нее сам, — посоветовал король.

— Послушайте, — озираясь, сказал Раймо, — а ведь все это напоминает сцену из какого-то фильма. Словно здесь какое-то действие разыгрывается.

— «Мальтийский сокол», — подсказал случайно подвернувшийся прохожий без торквеса. — По классификации — Д-2, черно-белый, но до сих пор дух захватывает.

Метрах в тридцати Эйкен заметил в толпе знакомого мороженщика с тележкой, рядом по-

купателя — странного, очень высокого мужчину с седыми курчавыми волосами, подсказавшего название фильма. На нем были брюки и выгоревшая рубашка, плотно обтягивающая плечи, словно бы он позаимствовал ее у своего более субтильного дружка. Он заплатил за мороженое и с блаженным видом откусил небольшой кусочек; наслаждаясь, закрыл глаза, потом открыл их, глянул по сторонам и, встретив изумленный взгляд Эйкена, по-приятельски кивнул ему, затем растворился в толпе.

— Боже мои! — прошептал король.

— Шеф, — Йош тронул его за рукав, — все в порядке? Кто вам повстречался?..

Эйкен с трудом перевел дух, затем снял сомбреро, бросил под ноги и принялся топтать ногами.

— Эйк! Что за черт?! — выпалил Раймо.

— Так мы идем в «Русалку» или нет? — сквозь зубы спросил Эйкен. — Спасу нет, как выпить хочется! — И он, не обращая внимания на спутников, быстро зашагал в сторону таверны, а те, недоуменно переглянувшись и покачав головами, поспешили вслед за королем.

— Как долго, — спросила Элизабет, — вы собираетесь оставаться здесь?

— Часов пять. Думаю, нам пора бы начинать. —

Марк Ремилард подошел к кроватке и осмотрел спящего ребенка. — Для начала следует проверить, как он будет реагировать на резкое увеличение интенсивности психолечебного воздействия. В следующий раз я постараюсь пробыть здесь подольше. Сегодняшним вечером, — он, словно вспомнив о чем-то, загадочно улыбнулся,

— мне, прежде чем попасть на Черную Скалу, пришлось завернуть в одно небезынтересное местечко. Ваша Многоцветная Земля — любопытный, должен заметить, уголок. Я бы с радостью поделился с вами своими впечатлениями…

Элизабет неприязненно оглядела Марка, его мокрый комбинезон в обтяжку с нашитыми бляхами, потом, заметив у него над бровями ровные, пунктиром брошенные маленькие ранки, спросила:

— Вам что, досталось в том небезынтересном местечке? У вас кровь на лбу.

Он легкомысленно взмахнул рукой.

— Это от игольчатых зондов церебрального генератора, что-то вроде комариных укусов… Все заживет через несколько минут. Вам, Великий Магистр, когда-нибудь приходилось в своем времени работать с подобными устройствами?

— Они запрещены. Считается, что их мощь

вызывает нездоровый азарт у операторов.

Марк рассмеялся.

Элизабет еще раз, искоса взглянув на него, настойчиво предложила:

— Может, вы хотите переодеться? Что за радость разгуливать в мокром!..

— О, вы очень деликатны. Я тоже считаю, что мне надо было стащить что-нибудь из одежды во время предыдущей остановки.

Элизабет небрежно спросила:

— А что же вы ничего не прихватили с собой из дома?

— К сожалению, во время d-перехода я пока не могу нести с собой полезный груз, но мы работаем над этим.

Не поднимая на него глаз, Элизабет подошла к двери детской и распахнула ее. В коридоре на скамеечке сидел пожилой монах и невозмутимо читал молитвы.

— Брат Анатолий, — позвала его женщина, — позвольте, я представлю вам Марка Ремиларда.

Анатолий Северинович поднялся, закрыл молитвенник и кивнул гостю. Тот в ответ слегка поклонился.

— Нашему посетителю хотелось бы переодеться. Может, вы поделитесь с ним чем-нибудь из

своего гардероба. Мы здесь… собираемся полечить Брендана более интенсивными методами.

Все происходящее забавляло Марка. Он улыбнулся.

— Похвальная предусмотрительность. Великий Магистр.

Элизабет поджала губы и, ни слова не говоря, вернулась в детскую. Мужчины остались одни.

— Вы ее нервируете, — без тени враждебности заметил брат Анатолий.

— А вы? Или демоны, как только завидят ваш нагрудный крест и нимб святости над головой, тут же разбегаются? Вы их душите, как мух?..

— Мне бы следовало опасаться вас, — все так же доброжелательно сказал монах, — но я не в силах скрыть интерес, который испытывал к вашей персоне. Я прибыл в плиоцен за три года до восстания, когда вы еще были самым блистательным Великим Магистром и тужились помочь землянам ошеломить ничего не подозревавших экзотикой, членов Консилиума. Да, их успехи были далеки от наших — именно это подвигло вас на замысел, подчинить Галактику Земле? — Он не стал ждать ответа и тут же продолжил: — Помню, тогда вы считались настоящим героем — одна концепция «ментального человека» до-

рогого стоила.

— А теперь я кто, по-вашему? — с преувеличенной любезностью поинтересовался Марк.

— М-да, фигура у вас, стало быть, моих размеров. Если я предложу мой греховный штатский шелковый халат для купания и рабочие брюки, вас устроит? К следующему визиту я приготовлю ассортимент побогаче. Как насчет фрака и накрахмаленной манишки? Или вы предпочитаете одеяние, напоминающее колдовской балахон Фауста?

— Я доверяюсь вашему вкусу… И выбору, брат Анатолий.

Невидимая рука остановила и сжала францисканца — он едва смог повернуть голову и глянуть через плечо.

— Мы уже почти пришли. Почему бы вам не провести ментальную проверку там, в моей комнате. Хватать человека в коридоре, ворошить его мысли в поисках чего-либо припрятанного — это не украшает цивилизованного человека.

— Пусть будет по-вашему, — любезно согласился Ремилард.

Хватка ослабла, и они двинулись дальше.

— Чем вы занимаетесь на Черной Скале, уважаемый борец с сатаной? — спросил гость.

— Я являюсь исповедником миссис Элизабет Орм, — иронически улыбнулся брат Анатолий. — Но, к сожалению, она ни разу не воспользовалась моими услугами, правда, и отсюда меня пока еще не попросили. Я уже две с половиной недели сижу у дверей детской с двадцати одного до трех часов ночи. По ее, учтите, просьбе… Долго не мог понять, зачем эти бдения. Уж не знал, что И думать: молитвами, что ли, она собирается отбиваться от вас?..

Марк от души рассмеялся.

— Через несколько минут у вас появится отличная возможность заняться изгнанием злых духов.

По узкой лестнице они взобрались под самую крышу.

— Значит, вы вдвоем собираетесь пользовать маленького Брендана? Как считаете, поможет нашему малышу интенсивный курс?

— В любом случае надо попытаться.

Монах, запыхавшись, тронул ручку двери, потом повернулся к Марку, следовавшему за ним.

— Вам-то что за дело?

Марк не ответил.

— Решили использовать малыша в качестве подопытного кролика?

Марк и на этот раз промолчал.

Они наконец вошли в просторную светлую комнату. Окна располагались с одной стороны — они были прорублены в скате крыши. Когда дверь захлопнулась, Ремилард коротко мысленно бросил:

«Пора!»

Брат Анатолий стиснул зубы и застыл как вкопанный. Глаза закрылись…

— Только давайте быстрее, черт вас возьми!..

В следующее мгновение он почувствовал, как нежный, чуть теплый мысленный щуп проник в его мозг. Зазвенело в ушах, огоньки побежали по обоим полушариям, потом он потерял сознание. Очнувшись, монах обнаружил, что по-прежнему стоит посредине комнаты. Из ванной доносились звуки брызжущей воды, там кто-то с удовольствием насвистывал куплеты Мефистофеля. Нетвердо ступая, Анатолий Северинович направился к гардеробу и вытащил замечательный, алого цвета парчовый халат, старые штаны и повесил их на ручку двери ванной. Затем прошел на балкон и обратился к Всевышнему с мольбой укрепить его дух. Воззвать-то он воззвал, однако навязчивое видение не оставляло его. Не помогла и самодисциплина… Гефсиманский сад… Кровавый пот,

выступивший на лбу… А что, если он рискнет спросить Марка?.. Ведь все Ремиларды были католиками. Может быть, что-нибудь и получится? ЗНАЕТ ЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, ЧТО ТАКОЕ ГРЕХ?

— Что греховного в бунте угнетенных против своих угнетателей, Анатолий Северинович? — раздался голос за спиной, потом Ремиларда мысленно сказал:

«Это не грех, а неудача. Даже если после нашего исчезновения — если хотите, бегства — войска восставших потерпели поражение, все равно попытка

— уже сама по себе награда. Право на дерзость само по себе великая честь».

Монах вернулся в комнату и лицом к лицу столкнулся с бывшим претендентом на мировое господство, причесывающим гребешком сырые волосы.

— Вот что любопытно, — продолжал Марк. — Сорок два года вы состоите в святом ордене и на поисках греховного собаку съели. Ну, а об ангелах вы что-нибудь слышали? Как у вас насчет проблемы ангелизма?.. Они теперь чрезвычайная редкость — я имею в виду специалистов по этой теме. Вас, знатоков греха, хоть пруд пруди, а вот кто может пролепетать что-нибудь внятное об

ангелах?

Брат Анатолий посмотрел на сеточку шрамов, избороздивших грудь покорителя Галактики.

— А это, значит, еще одна награда за участие в таком грандиозном мероприятии, как вселенский бунт?

— Нет, всего лишь печальные следы, оставшиеся после некоего несчастного случая. Через несколько месяцев они исчезнут. Мое тело самоомолаживается.

— Значит, никакие нападки врагов вам не страшны. М-да, это, должно быть, самый ужасный способ обеспечения своей безопасности Впрочем, как и бесконечное одиночество в пути. Тоже несладкая штука, не правда ли? Одним словом, если во мне возникнет нужда, я буду поблизости. Я Элизабет сказал об этом и вам говорю.

Марк пожал плечами.

— Послушайте, Анатолий Северинович. Я нашел, что вы добрый и порядочный человек. Вот вам мой совет: не суйте нос в чужие дела.

— Только не говорите, пожалуйста, — повысил голос монах, — что вы зашли так далеко, что способны погубить старого больного человека только за то, что он молится о спасении вашей души.

— Молитесь лучше за спасение души Элизабет. Я в вашем духовном наставничестве не нуждаюсь. А теперь пора в детскую. — Марк первым направился к двери, Анатолий Северинович двинулся вслед за ним и уже на ходу заметил:

— Не надо трясти яйцами, сынок. Твой брат Джек никогда бы не позволил себе разговаривать со священником в подобном тоне.

Марк долго молчал — не спеша спустился по лестнице, свернул в коридор и уже здесь, в тусклом полумраке, тихо, едва слышно сказал:

— Для человека, покинувшего наше время еще до того, как о Джеке… пошла дурная молва, вы слишком хорошо осведомлены, о чем и как он думал.

— Об этом говорили и мои прихожане, — ответил монах. — Вы бы удивились, узнав, как похожи люди, решившие бежать в плиоцен. А может, и не удивитесь… Я знаю о тебе куда больше, чем ты мог бы откопать в моей памяти даже с помощью своей блядской силы, сынок. — Он ободряюще улыбнулся, заметив, что Марк обернулся и с изумлением посмотрел на него. — Например, об одиночестве. Не по этой ли причине ты зачастил к нам, на Черную Скалу? Надеешься обрести здесь соратника-метапсиха, который отнесся бы к тебе

как к человеку, а не как к падшему ангелу?

— Вопрос, конечно, интересный, — сказал Марк Ремилард. — Давайте-ка оба попытаемся отыскать ответ. — Он довольно засмеялся.

3

Хвала тебе, великая Тэ, лучшего года даже и не припомнить!

Что за слизни! Ягодки, а не слизни!.. Упитанные, медового цвета с серыми пятнышками, каждый размером с банан — как раз такие, каких разводят первобытные в долине Вар-Меска. Сочные, питательные… Каждое корытце битком набито — так и прут на пиво. Да и пивко на зависть, хоть и выдохлось, а хмельной запах на сто верст разносится. Как тут в корыто не бухнуться, и сколько их ни ставь, все будут полны. Ах вы, мои жирненькие — напились пивка, теперь бай-бай? И смерть вам легкая досталась, себе такой желаю.

Да-а, смерть… Где-то она ходит, голубушка?..

Пожилой мирный карлик по имени Партсунигали Спиклбели выпрямился, отер пот со лба, глянул в чистое небо. Потом бросил взгляд на сумрачный влажный лес — в прогалах между деревьями виднелись белоснежные, искрящиеся шапки гор. Да, повезло в этом году. Большой урожай на слизней, все ловушки-корытца полны. И на засолку, и под маринад хватит, достанет ли бочонков? Соленые слизни — это такая вкуснятина!

Нынче и на всю семью хватит, и на продажу останется. Когда ударит зима да прометет снежными бурями все долины в округе и дальше, в Западном Фамореле, сколько найдется охотников отведать такую еду. Только выложи товар, сразу сбегутся. Глядишь, и к столу их величеств короля Шарна и королевы Айфы попадут. Что тогда скажут их величества? Да ничего не скажут — набросятся на лакомство, а потом еще и пальчики свои королевские изволят облизать. Хорошо!..

Партсунигали даже зажмурился от удовольствия. Он-то домосед, но как приятно помечтать о том, что засоленные им слизни будут вращаться в высоких правительственных кругах. И учтите — достойно вращаться!..

Мурлыча под нос веселую песенку, он перебросил в заплечный кожаный мешок последнего слизненка, потом выплеснул остатки пива, налил свежего и осторожно прикрыл установленное на мшистом пеньке корытце крышкой из коры. Боковых отверстий в ней было достаточно, так что голубчики запросто могут забраться внутрь, чтобы отведать пивка. А потом забыться… А завтра он, Партсунигали Спиклбели, будет тут как тут… А пока можно и домой.

Он улыбнулся, поправил заплечный мешок

и зашагал по едва натоптанной тропке. Клочья утреннего тумана висели над все еще зелеными, но уже погрустневшими деревьями, лежали на обрызганных осенней позолотой кустах. Что призадумались, рододендрончики? Из века в век осень сменяет лето, потом приходит зима, за ней весна, и все снова вернется на круги своя. Вам-то что, любезным, горевать, ваш срок долог. Брали бы пример с птичек — ишь, расщебетались. Или с горластых обезьян — сейчас помчатся на водопой.

Через некоторое время квадратная, с короткими ножками фигура карлика, мелькнув в чаще, показалась на ровном покатом суходоле, где из-под грядки редкой, местами совсем высохшей травы торчали острые угловатые скаля. Туман почти совсем рассеялся, солнце сияло ослепительно и даже жарко для позднего сентябрьского утра. Луга еще стояли совсем зеленые, густо цвели ромашки и васильки — это в разгар бабьего лета!.. Партсунигали, дивясь чудесам природы, восхищенно покачал головой. Не знаешь, чего и ждать! То ли дело снеговые пики, что так могуче, в блистающем величии вздымались с северной стороны. Фирвулаги из Фаморела испокон называют эти горы — Божьи горы, в честь великой Тэ.

И не только потому, что большей красоты в целом свете нет, а еще за то, что, по словам первых пришельцев, поселившихся здесь, эти снеговые вершины очень напоминают забытую теперь родину в галактике Дуат. На Земле нет хребтов выше и недоступней, чем Божьи горы, а это такая радость для «маленького народа».

Усадьба Партсунигали, как и жилища других одиноко живущих фирвулагов, располагалось на пологой вершине холма, чуть ниже скалистой гряды, служившей водоразделом между долиной Грессон и рекой Айсез, текущей к востоку. Гном взобрался на скальный уступ — вдали показался его похожий на круглый улей дом. Он подождал немного — все-таки на хорошем месте обосновался, в дубовой, вперемежку с соснами, роще. Какой там воздух!.. Рядом карстовое озерцо. Постой-ка, а это что такое?

Он едва сдержал крик ужаса и мгновенно спрятался за каменный выступ. Милосердная Тэ, что же там такое!.. Машины!.. Откуда здесь могут быть машины? Он выглянул из-за скалы, приложил ко лбу руку козырьком. Ей-богу, машины, да какие огромные, невиданные. Скучились возле дома… Гном осторожно бросил в ту сторону телепатический взгляд и схватился за голову

— враги! Партсунигали громко застонал и не заметил, как мешок со слизнями рухнул на землю.

— Бедная Хоббино, бедные дети!.. Великая Тэ, защити их!..

Сердце гулко стучало в груди. Он, прикрываясь лапами можжевельника, прополз немного вперед. Отсюда, с гребня, открывался отличный вид на его подворье. Семь огромных тупоносых, чем-то напоминающих груженые телеги машин стояли возле дома. У каждой с обеих сторон по восемь гигантских колес, да еще на крышах какие-то непонятные отростки и прозрачные пузыри, заляпанные грязью. В общем-то машины были невысоки — примерно два его роста — и раза в четыре длинней. Возле них рыцари тану, люди с торквесами и без оных — чудеса, да и только. Все они уживаются вместе? Нет, каковы нахалы, шатаются по двору, заходят в дом, выходят из него. Вот мерзавцы. Они на все способны. Ни жены, ни детей не видно… Партсунигали едва не заплакал… Потом, немного успокоившись, решил вызвать кого-нибудь из своих телепатическим призывом. Без толку! Как он и ожидал, стены дома слишком толсты, сам специально рубил бревна потолще, собирал камни потяжелее, чтобы никто не мог проникнуть к ним мыслью.

Он еще раз попытался окликнуть детей, их у него было пятеро: два сына и три дочери, все малолетки. Старшей десять лет. Что она понимает в оперантском искусстве?! Они, конечно, перед врагами ни словом не заикнулись об отце.

Партсунигали перевернулся на спину, поглядел на небо, немного успокоился. Где мешок со слизнями? Ага, вот он. И все-таки, что же враги делают здесь? Тану никогда не рисковали появляться в Фамореле. Когда-то, давным-давно, в этих местах странствовал какой-то бродяга-человек — видно, с законом у него были нелады, но с тех пор здесь чужих не видывали. Никогда здесь не бывало и разбойников, вроде Татсола Гневливого или Рифы Ненасытного, скрывающихся в Меритаймовых Альпах. Здесь всегда было тихо, мирно, привольно, потому и гарнизонов поблизости не было. Единственная воинская часть размещалась в столице вице-королевства, в Фаморел-Сити, отсюда шесть дней пути на юго-запад.

Партсунигали в тот день размышлял так энергично, как никогда в жизни. На карту была поставлена судьба его семьи! Но что он мог сделать? Непрошеных гостей слишком много, он насчитал более пяти десятков, да еще кое-кто из них разгуливал с какими-то штуками, очень

похожими на доставленные из будущего «самопалы», слухи о которых распространились среди фирвулагов с необыкновенной быстротой. Следовало обязательно сообщить об этом по дальней связи.

Со всей возможной осторожностью он отполз назад к тропинке. Цепляясь за выступы скалы, спустился на траву, пробежал полсотни метров, пока дом окончательно не скрылся из виду. Теперь между ним и врагами лег гребень холма. Карлик добрался до развилки и повернул на юг. Здесь опустился на землю, перевел дыхание. Его ближайший сосед Темлин Вонючка, добытчик мускуса, живет на западе в дне пути. Уж такого рода занятие выбрал себе Вонючка, что приходилось ему жить одному, может, поэтому он и прославился среди окрестных жителей как самый неисправимый телепатический болтун и сплетник. Старик Тем обязательно постарается, чтобы великий герой Мими Фаморел узнал о появлении вооруженных незнакомцев. Собрав все запасы психокинетической энергии, Партсунигали послал мысленный импульс в сторону усадьбы Темлина. Окончив трансляцию, он перевел дух, закинул за плечи мешок со слизнями и решительно зашагал в сторону дома. Теперь

скрываться незачем — будь что будет, а он узнает, что эти изверги сделали с его семьей.

Возле самой усадьбы, когда спала отчаянная решимость разделить участь дорогих ему существ, он вдруг, словно очнувшись, понял, что незваных гостей поблизости нет. Они ушли, остались только следы их машин-чудовищ, которые вели на север, прямо к вершинам Божьих гор.

Жена и дети — все целехонькие, невредимые — сидели за столом.

— Что *случилось*?! — с порога кухни закричал Партсунигали.

— Они заявили, что собираются взобраться на Большую Богиню, — спокойно ответила жена. — Сказали, что не причинят нам вреда. Хотели закупить провизию, а потом уже подниматься в горы. — Хоббино истерически рассмеялась, хохотала до упаду, никак не могла остановиться, потом достала из кармана замшевый мешочек, развязала тесемку и высыпала на стол большую горсть драгоценных камней. — Посмотри, сколько они заплатили. Нам и за пять лет столько не заработать!

— Всю кладовку опустошили, — мрачно сообщил старший сын, — забрали все бочонки.

Самая младшая дочка добавила с серьезным

видом:

— Папочка, ты не представляешь, какие гадкие слова они говорили — да так громко, хоть уши затыкай, — когда открыли бочонки и увидели, что там лежит!..

Вейко: Хаген!

Хаген: Я здесь, приятель. Подожди секунду, я только стакан осушу.

Вейко: Гомик несчастный. Потягиваешь ликер, а мы тут медицинские средства употребляем.

Хаген: А ты вместо спирта отведай цветочного чаю, говорят, очень полезно. Алкоголь — яд, не смей прикасаться к нему, а то кончишь как твой папаша.

Вейко: Лучше как мой, чем как ТВОЙ, придурок.

Хаген: Ладно, ладно, твоя взяла. Остынь и давай докладывай. Вы слишком долго не выходили на связь.

Вейко: (Совершенно непечатная реплика).

Хаген (засмеявшись): Надеюсь, Ирена неплохо себя чувствует?

Вейко: Слушай, я серьезно! Каждый раз, когда мне приходится выбирать, что делать — штурмовать проклятую вершину или оставаться в базовом лагере, у меня мурашки начинают по

коже бегать. Ты бы посмотрел на Монте-Розу. Просто чудовище! Это не какой-то один изолированный пик, а гигантский хребет или массив, за которым мир словно кончается. Ты не можешь представить, сколько там снега. Зачем его столько в плиоцене?! Но самая главная трудность в другом — стена почти отвесно обрывается к морю. От низины реки По, расположенной ниже уровня моря, сразу начинается резкий подъем; на расстоянии шестидесяти километров перепад высот составляет более девяти тысяч метров.

Хаген: Дай мне точное месторасположение твоего лагеря.

Вейко: 45-50-31 северной широты, 7-48-13 восточной долготы, отметка 4322,3 метра. Мы располагаемся по прямой в шести километрах от главного пика — ворона могла бы долететь. Только мы, черт побери, не вороны! Я хожу здесь с раскрытым ртом, как дельфин, выброшенный на берег. Андре сегодня уже три раза падал в обморок, и некоторые королевские служаки чувствуют себя не лучше. А тану и Бастардам Бэзила хоть бы что — никаких признаков горной болезни. Ходят, посвистывают, и кислорода им, мерзавцам, вполне хватает. Уимборн называет это место лагерь Бетафорка. Там кое-где лежит

снег, однако красота потрясающая, и посреди этой красоты уютные декамолевые палатки. Среди Бастардов есть врачи — шарлатаны, наверное, — они утверждают, что акклиматизация наступит через несколько дней.

Хаген: Есть что-нибудь новенькое насчет дальнейшей работы? Как собираетесь совершать восхождение?

Вейко: Завтра большое совещание. Общие наметки такие. Создается группа из опытных альпинистов, которые должны перебраться на другой склон Монте-Розы. Как понимаешь, для этого не надо штурмовать вершину. Там они отыскивают аэропланы, и кто-то, один или несколько человек, летит в наш лагерь. Отсюда отправляется главная группа — там, на месте, они опробуют все машины и те, которые исправны, перегонят в лагерь. Потом из Бетафорки мы организуем большой перелет в Горию. Вывезем людей и все оборудование. Уимборн намерен в одиночку штурмовать вершину.

Хаген: Никто из наших людей, надеюсь, не собирается лезть с этим придурком?

Вейко: Как же, не собираются! Бакмастер и Коллинз вызвались добровольцами. Ты же их знаешь.

Хаген: Идиоты! Скажи им, чтобы и думать об этом не смели! Никто из наших людей не имеет права рисковать жизнью, пока есть выбор.

Вейко: Аминь!

Хаген: Кто пойдет в главной группе?

Вейко: Пока неясно. Но обязательно Бастарды, главный из тану, Блейн, и один из подручных-экзотиков. Хотят проследить, чтобы Бэзиловы отпрыски не испортили аппараты или не выкинули чего-нибудь. Ты, должно быть, помнишь ботинки одного из этих парней — Нирупама, размер, наверное, шестидесятый, если не больше. В каждом из них можно по курице сварить. Боже, как я хочу цыпленка!..

Хаген: Пока группа станет отыскивать аэропланы, остальные будут сидеть и ждать?

Вейко: По-видимому, так.

Хаген (чертыхнувшись): Послушай, Вейк. У меня плохое предчувствие насчет того фирвулага, которого вы встретили в предгорьях. Кто-то из вас купил у него слизняков…

Вейко: Да. Ты считаешь, что они всерьез заинтересовались нами? Но, как мы договаривались, Элизабет следит за недоростками и в случае чего предупредит…

Хаген: Я не очень-то полагаюсь на эту леди.

Она сейчас занята более важными вопросами — привечает моего папочку в охотничьем замке!

Вейко: ?!

Хаген: Сама сообщила об этом королю. Такая невозмутимая… Сказала, что сохраняет надежду помирить нас.

Вейко: Блажен, кто верует. Есть ли еще какие-либо свидетельства появления Марка в окрестностях Гории?

Хаген: С тех пор, как неделю назад король встретил его в городе, нет. Однако мы в полной боевой готовности, и если он рискнет нанести удар… Исследовательский центр находится в помещениях, вырубленных в скале, так что он не сможет воспользоваться d-переходом; на всех входах устроены КПП, на них сидят вооруженные солдаты. Клу просвечивает мозги каждому, кто направляется в запретную зону, кроме того, проверяет их личности по дворцовому компьютеру. Так что обычное переодевание отцу не поможет. Все свободные от смены работники находятся под надежной охраной, так же как и оборудование и запасы материалов.

Вейко: Как идут геологические изыскания?

Хаген: В общем-то дело движется. Единственная проблема — проволока из сплава диспрозия

и ниобия, используемая для сборки контактных узлов тау-генератора. Маленький король послал поисковый отряд на север, чтобы найти месторождение редкоземельных элементов. Однако это может занять месяцы. Мы позарез нуждаемся в аэропланах. И не только для воздушной георазведки… Я пытался убедить короля совершить налет на «Кулликки», пока она еще в море, и там уничтожить ее. Сил у него должно хватить, но он отказался. Я уверен, Эйкен приготовил нам какую-то ловушку.

Вейко: «Кулликки» все еще болтается в океане?

Хаген: Идет под парусами и довольно ходко. Сейчас находится где-то посередине между Бермудами и Азорами. Она будет здесь не раньше чем через девятнадцать дней.

Вейко (со страхом): С готовыми к бою рентгеновскими лазерами? Нам бы успеть перегнать летательные аппараты в Торию до ее появления.

Хаген: Ты, как всегда, прав. Сам подумай — пока отец разгуливает на свободе, как без аэропланов мы сможем перевезти тау-деформатор в Надвратный Замок?

Вейко: Сказать по правде, я был удивлен, почему ты не захотел собирать устройство Гудериана сразу в замке.

Хаген: Я настаивал на этом, но король наотрез отказался. Он, естественно, хочет держать нас под контролем. Гория, конечно, центр промышленности и средоточие научной мысли, но она лежит на берегу моря, а это опасно. Вся загвоздка в том, что со времен потопа Надвратный Замок практически отрезан от метрополии. Этой зимой фирвулаги взяли несколько городов и теперь явно нацеливаются на Ронию. Замок собираются укрепить под видом устройства гостиницы для всех путешественников, направляющихся на Великий Турнир, который состоится в начале ноября. Король послал туда парня Клу — Кугала — для восстановления замка.

Вейко: То-то для нее радость.

Хаген: Она утверждает, что у них все кончено. Но я полагаю, что все не так просто…

Вейко: Как Дайана?

Хаген: Если бы ты знал, сколько забот она мне доставляет! То впадает в панику насчет встречи, которая ждет нас в Галактическом Содружестве. Из-за Гибралтара… Потому что… Ну, сам знаешь, кто мы такие. Она без конца осуждает себя, терзает меня и считает, что нам лучше остаться здесь.

Вейко: Боже! После стольких испытаний!..

Хаген: Алекс сам может позаботиться о себе.

Теперь, когда отец всерьез занялся d-переходом, ему никак не обойтись без Маниона… и вот еще что… ты не пытался связаться с Уолтером по дальней связи?

Вейко: Отсюда, из лагеря? Это безнадежное дело, к тому же весь эфир забит разговорами фирвулагов. Вот заберусь на вершину, оттуда и попытаюсь связаться с отцом.

Хаген: Отлично. Обязательно попробуй, только не надо взбираться на такую верхотуру. Мы тут посчитали — хватит и шести километров над уровнем моря.

Вейко: Хорошо. Если только нейроны не усохнут от недостатка кислорода. Что бы ты хотел узнать?..

Хаген: Главное — моральный климат на корабле. Собираются ли родители применять силу? По-прежнему ли Марк будет действовать «в перчатках»? Намекни, что мы хотели бы знать, как он собирается использовать рентгеновские лазеры. О чем он ведет переговоры с королем и Элизабет… Думаешь, Уолтер откроет мне правду?

Вейко: Побойся Бога, Хаген. Откуда я могу знать? Он, как и Алекс, на нашей стороне, но…

Хаген: Я бы тоже был склонен доверять ему, если бы он не вел шхуну наиболее коротким

маршрутом.

Вейко: Я уже пытался связаться с ним сегодня утром. Его бессонница замучила. Однако больших надежд возлагать не стоит. Я далеко не тот могучий дальновидец, каким был Джарроу.

Хаген: Ты же совсем не похож на этого сучьего идиота Джарроу. Дельфинов ему приспичило стрелять. Нашел забаву!.. Так что приложи все усилия.

Вейко: В лагере мы как в доме без стен. Торчим у всех на виду… Хаген, а что, если вместо фирвулагов к нам в гости пожалует Марк? Я знаю, что он неспособен пронести с собой оружие, но здесь оно ни к чему. Один легкий толчок — и целая лавина обрушится на головы альпинистов.

Хаген: Боже мой! Точно!.. На завтрашней летучке обязательно предупреди Бэзила и Блейна, чтобы все соблюдали максимальную осторожность.

Вейко: И?..

Хаген: Ты правильно понял — если он появится в лагере, стреляйте без предупреждения…

Ирена О'Малли принесла из подсобки стопку вымытых, еще усеянных каплями воды тарелок, плюхнула всю пирамиду на буфетную стойку, проверила электрокофеварку, потом решила

сделать небольшой перерыв. Ей так хотелось узнать, удалось ли Вейко связаться с родными на «Кулликки». Она размашисто зашагала вверх по склону к небольшому возвышению, где на плоской скальной плите сидел младший Сааста-мойнен.

Было раннее утро, солнце только что встало за восточной седловиной. Холм, где расположился Вейко, круто обрывался в неглубокую широкую расселину — над ней окаменевшей волной застыла гигантская ледовая стена с кое-где нависшими огромными изумрудными глыбами; чуть выше и правее к восходу искрился и слегка светился огромный ледник Грессон, за которым вздымался в небо тупоугольный, затянутый тучами пик Монте-Розы.

Вейко, ссутулившись, сидел на камне — вокруг него по фирновому снегу стежками разбегались человеческие следы. Очевидно, не только он один поднимался сюда, чтобы полюбоваться вершиной… Сидел в позе лотоса, погруженный в забытье, опустив голову, и, словно медитируя, созерцал каменистый неровный откос, палатки, сосны; слушал, о чем рассказывало безмолвие, чем был полон эфир.

— Голова все еще болит, милый? — спросила

Ирена, приблизившись к мужу. Заметив, что завтрак не тронут, она спросила: — Тебе не понравилась каша?

— Все очень вкусно, Рена, просто я не голоден. Может, из-за высоты…

Она опустилась возле него на колени, прямо в низкорослую чахлую альпийскую траву — высокая, крепкая женщина с чудесными блестящими черными волосами, собранными в два смешных хвостика. Положив руку ему на плечо, она попыталась проникнуть целительным лучом в его сознание — очень хотелось избавить Вейко от боли, однако наткнулась на защитный экран, вернее, на крошево бессмысленных всхлипов и отчаяния.

— Что с тобой сегодня? — спросила Ирена. — Скажи! Скажи немедленно!..

Вейко закрыл глаза, но слезы продолжали литься.

— Хорошо, я скажу, рано или поздно ты ведь все равно узнаешь. Впрочем, все узнают.

— Да скажешь ты или нет?!

— Мне удалось связаться с Уолтером на «Кулликки». Отец сообщил… Случилось нечто ужасное. Хелейн Стренгфорд свихнулась окончательно и устроила жуткую резню на корабле.

Десять дней назад… Она… Она… Марк в то время находился в путешествии, а на шхуне никто не предполагал, что все это может произойти. Что Хелейн взбесится… Ты знаешь, она всегда была такая скрытная… Одним словом, она начала убивать людей!..

Ирена судорожно сжала его плечо.

— Кого?..

— Отца Бари Даламбера. И обоих Кеогов — жаль, что не эту свинью и негодяя Ниала.

— Подожди… кого еще?

Вейко опустил голову — в его сознании с трудом всплыл список погибших: Фрида Синдер-Даун, мать Мативильды; Одри Труа, мать Маргарет и Ребекки Крамер; Изабель Лейтон и Алонзо Джарроу; Джон Хорват, отец Имры; Абдулкадир Аль-Махмуд и Оливия Уайли, родители Джасмина Уайли; Ева Сматс, приемная мать Кан Фокс-Ларош; Рональд Инман, Эверет Гаррисон, Гэри Иванс и…

Он снова заплакал.

— Прости, Рена, — Арки тоже… Она его ранила. Стейнбреннер сделал все, что мог, но ему далеко до Кеогов, те были отличные хирурги. К тому же на «Кулликки» нет регенерационного автоклава. Арки умер три дня назад.

Его сознание наконец полностью открылось, и она постаралась наполнить его целебной силой. Потом Ирена задумчиво сказала:

— Как странно… Я совсем недавно видела отца во сне. Долгий такой сон, яркий, цветной, все очень подробно, связно. Если так можно выразиться, что-то вроде короткого резюме из тех историй, которые он рассказывал мне, когда я была маленькой; из книг и тридифильмов, которые мы смотрели. Мы путешествовали во сне по Галактическому Содружеству, посетили колонии на планетах Волхиния и Хиберния, чтобы посмотреть, как живут наши дальние родственники, как они осваивают дикую природу. Затем вдруг оказались на Ривьере — планете, где отдыхают все жители Галактики. Оттуда мы направились в экзотические миры — увидели маленьких полтроянчиков и каких-то отвратительных существ, из которых капало что-то зеленое, повидали и высоченных гермафродитов с огромными желтыми глазами. Все они, несмотря на такие уродливые формы, были отменными оперантами. Мы познакомились с крондаками, совершенно такими же жуткими созданиями, какими их представляют в тридифильмах, побывали на сборище лилмиков и узнали, что эта раса

так стара, что их прародители застали рождение Вселенной. В конце концов мы очутились дома, на Старой Земле, в Нью-Гемпшире. В Америке, где О'Малли и Петровичи работали когда-то на бумагоделательной фабрике. У них тогда еще были маленькие фермы… В двадцатом столетии… Мы осмотрели — представляешь, во сне! — гору Вашингтон, откуда началось Великое Вторжение, заглянули в старый дом Ремилардов в Ханновере. Мы всюду побывали с отцом: и в домах наших дедушек и бабушек, и в школе, и в церкви, магазинах и ресторанчиках — и все так ярко, живо, волнующе. Даже дух захватило… Он был замечательный старик. Отец тебя очень любил, правда, никогда не говорил об этом. Все спрашивал, когда мы заведем маленького.

— Только не здесь!

— Я пыталась ему объяснить. Убеждала, что мы не должны больше верить Марку и его звездным путешествиям. Откуда нам известно, чем он там занимается? На дальних планетах… Может, хочет сбежать от нас. Он отказывался верить — точнее, не понимал, что я ему говорю. А теперь он умер… И все другие…

Вейко вытер лицо рукавом, потом вытащил расческу и пригладил волосы.

— А ведь у Марка не слишком много их осталось… соратников-то?.. Давай-ка подсчитаем. Шестеро, не считая Маниона, сильные операнты. Именно их мы и должны опасаться. Только Крамер и Варшава имеют детей, но эта старая леди упряма как ослица в своей преданности Марку. Не могу сказать того же о Крамере. Он на самом деле может заартачиться, если речь пойдет о судьбе Мардж и Бекки. Так, кто там на вторых ролях… Восемнадцать человек. Квин Фитцпатрик и Элисон Шервуд как операнты никуда не годятся, остальные вполне могут вписаться в объединенный метапсихический круг. И этот прямолинейный и тупой Бум-Бум Ларош!.. Он один стоит половины включенных в список.

— А Уолтер?

«Всему составу экспедиции срочно собраться под тентом. Срочно собраться под тентом!..»

— Слышишь, нас зовут, собрание начинается. — Саастамойнен встал.

Когда они начали спускаться по тропинке к лагерю, где вокруг палаток стояли вездеходы, Вейко добавил:

— Я не хочу никого вводить в заблуждение насчет моего отца. Уолтер из того же теста, что и все остальные экс-революционеры. Они люди

честные, прямые, но несколько… туповато-несгибаемые. Стоит оторвать Уолтера от Марка, он начинает жить своим умом, вроде бы даже начинает признавать нашу правоту — соглашается, что да, так жить нельзя. Однако, как только раздастся звук боевой трубы, как только Марк отдаст команду, он тут же вытягивается по стойке «смирно» и руку под козырек. Заметь, никто его не принуждает, не заставляет, а он уже пышет боевым задором. Жуткое, должен сказать, зрелище!.. О чем говорить, а разве мы были другие? Не вытягивались в струнку, пока Алекс Манион не раскрыл нам глаза и не посоветовал бежать куда глаза глядят.

— Он и поплатился за свое умничанье, — кивнула Ирена, потом, подождав немного, спросила: — Ты расскажешь ДРУГИМ о трагедии?

— Нет, пока не получу разрешение от Хагена. Потом, может… Пусть они переживут эту новость в своем кругу, в Гории. Если доживут…

Вейко и Ирена заняли места на декамолевых скамьях, расставленных под широким навесом, который заодно прикрывал и небольшое возвышение, где сидел Бэзил Уимборн и терпеливо ждал, когда рассядутся опоздавшие. Вся экспедиция четко разделилась на три группы: десять

североамериканцев, два десятка Бастардов и примерно столько же тану и обладающих золотыми ожерельями людей. Только Бэзил как бы цементировал это собрание, да неунывающий Нирупам, доверенное лицо Бастардов, свободно общался со всеми присутствующими.

Наконец бывший профессор Оксфорда постучал по столу и строгим взглядом обвел аудиторию. В этом он, по-видимому, знал толк, потому что все разговоры, мешанина телепатических перепалок сразу погасли.

— Итак, мы успешно завершили первый этап экспедиции, — начал Бэзил. — Нам следует поблагодарить наших водителей, сумевших в таких трудных условиях выдержать намеченные сроки и не сбиться с пути, а также нашего доброго гения, Великого Магистра, миссис Элизабет Орм. Именно она наметила самый выгодный маршрут, вряд ли без ее помощи мы бы преодолели эти четыреста девяносто шесть километров от Дараска до лагеря Бетафорка без особых приключений. Мы в дороге четырнадцать дней — совершенно невероятная гонка в подобных условиях! Я получил разрешение от члена Высокого Стола, лорда-психокинетика Блейна Чемпиона, передать всем вам горячие поздравления от Его Величества короля

Эйкена-Луганна, которые он шлет экспедиции. Он всегда помнит о нас и наблюдает за нами. Его Величество уверен, что второй этап нашей экспедиции пройдет так же успешно, как и первый.

Эти риторические поздравления были встречены присутствующими шуточками и ироническими смешками. Большинство Бастардов заулыбались, только Блейн и другие рыцари тану хранили на лицах монументально-торжественное выражение.

— Команда, которая начнет штурм Монте-Розы, составлена, как вам известно, в основном из… э-э… Бастардов. Все остальные участники экспедиции, которые останутся в лагере, займутся другими делами, на которые тоже потребуется время: Главное — не терять бдительность. Лорд Блейн этим утром связался с Элизабет, и она сообщила, что отряд фирвулагов

— числом около двух сотен — вышел из Фаморел-Сити и ускоренным маршем движется в долину Прото-Августы и уже оттуда начнет облаву с целью отыскать и уничтожить нас.

Удивленные и испуганные возгласы раздались в импровизированном зале. Луск Коллинз, молодой водитель вездехода, вскочил со своего места.

— Я же говорил, что тех фирвулагов нельзя

было оставлять в живых!

— Риск был запланирован, — возразил Бэзил, — и кроме того, я хочу напомнить вам, что мы — люди, и гуманистические устремления нам не чужды. Если вас не устраивают эти объяснения, сообщу о прямом королевском запрете

— нам следует избегать кровопролития. По возможности… Если и этого вам мало, тогда имейте в виду, что сейчас между тану и фирвулагами объявлено перемирие, и любые самовольные поступки подобного плана категорически запрещены.

— Вы лучше напомните об этом фирвулагам, а не нам! — выкрикнула Фронси Джиллис. — Что ж нам теперь, целоваться с ними? Дудки! Никто меня не заставит целоваться с этими выродками!

В зале раздались смешки, однако Фронси, горячая натура, не обратила на них внимания и возмущенно спросила:

— Сколько нам ждать появления духов вблизи лагеря?

— Элизабет считает, что они могут добраться сюда через шесть дней, — ответил Бэзил. — Мы хорошо вооружены, у нас достаточно времени, чтобы… э-э… оборудовать надежную оборонительную позицию. Лорд Очал Арфист будет

командовать обороной. Сейчас я бы не хотел вдаваться в детали. Мое дело — горы, и я уверен, что именно здесь нас ждут главные трудности. Фирвулаги — это второй вопрос.

— Слушайте, слушайте, — подал голос мистер Бетси.

Бэзил сунул руку в карман и вытащил маленький листок. Сначала он тщательно изучил его содержание, потом обратился к аудитории.

— Главная цель нашей экспедиции — отыскать и подготовить к работе двадцать семь «ропланов», как их называют тану. Находятся они на другой стороне массива Монте-Роза. Отыскав аппараты, мы должны перегнать их в Горию, к королю Эйкену. Я получил инструкцию ни в коем случае не рисковать жизнью технического персонала, особенно пилотов, насколько это… э-э… возможно в наших обстоятельствах. Чтобы вам была ясна общая картина, хочу познакомить вас с положением дел. У нас мало опытных альпинистов, оборудование и снаряжение состряпано на скорую руку. Ведущую роль я беру на себя. Прежде чем отправиться в плиоцен, я усиленно… э-э… тренировался, чтобы быть готовым к испытаниям такого рода, особенно в горных условиях. Давным-давно восхождение на Монте-Розу

стало моим пунктиком, вот почему я и спрятал летательные аппараты в окрестностях этой величайшей на Земле вершины. К несчастью, я не пилот и не техник — единственное, что мне доступно, это прогреть мотор перед запуском, ведь аэропланы провели в здешних снегах более двух месяцев. Вы должны понять, что штурм такой вершины, как Монте-Роза, возможен только при совместных действиях большой группы людей. Одиночкам, бахвалам, легкомысленным типам здесь делать нечего. Группа поддержки должна устроить несколько промежуточных лагерей, доставить туда необходимые запасы, без которых главной штурмовой группе не добраться до места. Я поведу обе партии — и группу поддержки, и штурмовую группу.

— И вволю надышишься воздухом высоты, — растягивая слова, насмешливо заметил мистер Бетси. Теперь его костюм представлял уникальное зрелище — на бальный костюм екатерининской эпохи он напялил пуховой жилет, на голове красовалась вязаная шапочка с помпоном.

Бэзил невозмутимо продолжал:

— По моей просьбе лорд Блейн доставил из Гории кое-какое необходимое снаряжение: мощные лебедки, веревки, стеклянные молотки,

ледорубы, запас медикаментов, рюкзаки, декамолевые палатки и лестницы, приспособления для приготовления пищи и обогреватели, а также консервированную еду. Нирупам за это время оснастил обувь специальными шипами, изготовил крючья, карабины и выполнил много… э-э… другой «слесарной» работы. У нас, к сожалению, нет кислородных приборов, но я верю, что мы успешно справимся и без них, ведь в восхождении примут участие самые сильные из нас.

Потом он обернулся и указал на вздымающийся за его спиной гигантский пик.

— Вот она перед вами, Монте-Роза, 9082 метра над уровнем моря. Нам, к счастью, нет нужды взбираться на самую вершину, хотя я готов продать душу дьяволу, только чтобы попытаться покорить ее.

Бастарды заулыбались, а другие участники совещания со страхом и изумлением посмотрели на председательствующего.

— Нам предстоит взобраться на западную седловину — вон там, слева от пика. Отметка перевала приблизительно 7800 метров. Элизабет изучила возможные маршруты движения и передала мне информацию по ментальной связи. Основываясь на этих данных, я наметил план восхождения. По-

сле выхода из лагеря Бетафорка мы прежде всего должны преодолеть ледник прямо над нами. Я назвал это место ледопадом Грессона. Лед старый, подтаявший, одним словом, плохой лед. Здесь мы должны быть предельно осторожны. После того, как мы доберемся до скального эскарпа, возвышающегося над Грессоном, нам придется выбрать, как продолжать путь. Мы двинемся налево — думаю, так… э-э… вон к тому жандарму note 15. Там угол падения склона не превышает пятидесяти градусов. Примерно!.. Запомните, это самые опасные участки восхождения. Далее добираемся до среднего — видите, между восточным и западным — гребня и, следуя вверх, выходим на ледник Бетафорка. Лед здесь древний, ископаемый, упакован прочно. Потом круто на север и прямиком к западной седловине. Хочу обратить ваше внимание на участок скалистого гребня — зубья его острее, чем у вилки дьявола. На маршруте должно быть заложено по меньшей мере три промежуточных лагеря. Или базы… В команде поддержки девять человек — они будут служить нам шерпами. В нее зачислены: Нирупам — он и есть самый настоящий шерп, Стэн,

---

note notes: Note15
жандарм — отдельно стоящая на гребне скала

Филипп, Дерек, Сиско, Чез, Фронси, Тэффи и Клиффорд. После того, как они оборудуют временные стоянки, носильщики группами спускаются вниз и отдыхают в лагере.

— При этом развлекаются стрельбой по фирвулагам, — с невозмутимым видом заметил Стэн Дзиканьский.

Бэзил опять не обратил внимания на шпильку.

— Восемь человек штурмовой группы будут разделены на две независимые команды, стартующие одна через час после другой. С собой они понесут только нагреватели и инструменты, а также якоря и запчасти для лебедок, которые будут тянуть неподъемное оборудование. Конечно, такое восхождение трудно назвать спортивным, но у нас здесь не соревнования. Достигнув восточной седловины, обеим командам предстоит спуск к отметке 5924 метра с северной стороны, где спрятаны машины.

Ирена О'Малли спросила:

— Почему двум командам?

— Из-за усталости.

В аудитории наступила мертвая тишина.

— Можно надеяться, — продолжил Бэзил, — что по крайней мере одна команда доберется до цели. Поэтому в каждой группе должен быть опытный

альпинист, пилот и техник.

— И тану, — подал голос Блейн. — Таков приказ короля. Принимая во внимание, что лорд Арон и я — психокинетики, мы можем принести большую пользу.

Бэзил объявил состав первой команды:

— Я сам, доктор Хадспет, Оокпик и лорд Блейн. Вторая команда — доктор Тонгза, он же пилот, альпинист и врач…

— А также невыносимая личность, — пробормотала Фронси, поглядывая на тибетца, который не обратил никакого внимания на это замечание.

— …Назир в качестве техника, — продолжил Уимборн, — и Бент как главный пилот…

— И главный вышибала! Чуть что, сразу рукам волю дает, — добавила Фронси. — Если каким-то недоверчивым людишкам покажется, что кто-то вновь хочет украсть аппараты, Бент тут же выбьет из них эту дурь.

— Лорд Арон включен в число второй команды, — невозмутимо закончил Бэзил. — При идеальном исходе, если обе группы доберутся до цели, у нас будет три пилота, в противном случае только один. Ему предстоит перегнать аппарат в лагерь Бетафорка. Наши специалисты по на-

земной технике — мистер Коллинз, например, уверили меня, что все вездеходы можно разобрать на части, удобные для транспортировки по воздуху. Мы надеемся эвакуировать весь транспорт и лагерь на северную сторону. Если даже судьба отвернется от нас и мы получим в свое распоряжение один-единственный летательный аппарат, годный для грузовых перевозок, все равно его грузоподъемности хватит, чтобы вывезти всех людей за один раз. Эти «ропланы» способны ионизировать воздух и вполне пригодны для жилья, так что весь персонал пока поживет в аппарате — до той поры, пока мы не подготовимся к перелету в Горию. Итак, в лагере остаются водители вездеходов и охрана, которые смотрят за машинами. Задача, стоящая перед нами, очень трудна. Некоторым из нас она может стоить жизни, но мы с Блейном уверены, что весь личный состав в критической обстановке поведет себя достойно — и не только в вопросе возвращения в будущее, но и в обороне Многоцветной Земли. В заключение я рискну привести подходящие к этому случаю стихи Киплинга.

Что там скрыто? Смелее на поиск, В даль туманную, бездну за краем.

Там судьбою утеряна тайна, Ждущая только

Тебя…

В дорогу!..

Если есть какие-либо вопросы, я готов ответить.

— Когда мы, шерпы, выступим из лагеря? — спросил Стан.

— Завтра я, Нирупам и Оокпик проложим маршрут через ледопад Грессона. Группа поддержки выйдет двадцать четвертого, в четверг.

— Сколько времени займет вся операция? До вылета в Горию? — поинтересовался один из обладателей золотого торквеса.

Вейко неожиданно поднялся со своего места.

— Я отвечу на ваш вопрос. В нашем распоряжении девятнадцать дней. К этому сроку шхуна «Кулликки» подойдет к берегам Бретани. У нее на борту боевые рентгеновские лазеры. Стоит ли объяснять присутствующим, что это такое? — И когда стихли удивленные возгласы, он пересказал присутствующим разговор с Хагеном.

4

Мэри-Дедра насухо обтерла разгоряченное тело сына, потом посыпала его сушеными спорами гриба-дождевика. Ребенок на мгновение вышел из глубокого забытья, и в его сознании родилась улыбка. «Хорошо», мысленно сказал он.

Мать дотронулась до золотого торквеса малыша и принялась убаюкивать его:

— Скоро ты почувствуешь себя много лучше, скоро Брендан будет здоров.

— Потом она обратилась к Элизабет: — Это брат Анатолий посоветовал посыпать ребенка трухой из дождевика. Он сказал, что это старое сибирское средство. Гриб как болеутоляющее куда лучше, чем любая мазь.

Глаза ребенка округлились, когда в поле его зрения попала Элизабет. Он сразу напрягся.

«Будет больно? Опять больно?»

«Да, Брендан. Придется еще потерпеть, чтобы боль никогда не возвращалась к тебе. (И ты должен — должен! — опасаться меня, бедное дитя!.. Нельзя привыкать к боли, нельзя любить того, кто заставляет тебя страдать. Не дай Бог, если эта страсть собьет тебя с толку, и ты примешь боль

за радость, а страдания — за награду.)»

Дедра полила на ребенка телепатическую струйку любви и сострадания, потом завернула в тонкое одеяло, а когда передала Элизабет, Брендан снова расплакался. И Дедра заплакала, не в силах справиться с ощущением вины и жалости.

— Ты должна быть все время поблизости, — предупредила Элизабет Дедру.

— Это может случиться сегодня ночью.

— Мне кажется, — робко заметила мать, — ему совсем не полегчало. Вы говорите, что лечение проходит успешно, я же не замечаю никакого улучшения. Разве что он начал телепатически связываться со мной — все время жалуется, что ему больно.

— Знаю. Прости, но это неизбежно. Если мы снизим интенсивность воздействия ниже болевого порога, Брендан не сможет нам помочь, а его, пусть и маленькое, пусть и бессознательное, хотение просто необходимо. Все идет на лад, поверь, Дедра. К сожалению, изменения в его мозгу пока входят в противоречие с нервными узлами в теле. Когда же все придет в согласие, улучшение будет почти мгновенным и таким же сильным… Мы активно воздействуем на гипоталамус, нервный центр, отвечающий за гармонию в центральной

нервной системе. Работа почти закончена.

— Вы собираетесь сегодня ночью завершить ее?

— Да.

Элизабет обняла хнычущего ребенка за плечи, затем волевым усилием убрала боль, и мальчик довольно заулыбался — этот его образ Дедра помнила потом всю свою жизнь. Она потянулась к малышу, но Элизабет остановила ее.

— Дедра, опасность еще полностью не устранена. Не спеши, веди себя как обычно.

Мать поцеловала горячую кудрявую головку.

«Люблю Брендана люблю».

«Брендан любит маму».

— Я знаю, как усердно вы работаете, — сказала Мэри-Дедра. — Ты и… этот человек. Я испытываю к вам благодарность, что бы ни случилось с мальчиком. Верьте мне.

Элизабет положила ребенка в кроватку.

— Теперь подождем Марка. Ты можешь посидеть с братом Анатолием в коридоре. Если он мне понадобится, я позову.

Благослови вас Господь.

— Хорошо.

Дедра вышла из детской, а Элизабет приблизилась к окну и полной грудью вдохнула прохлад-

ный горный воздух. Круглая луна серебряным медальоном повисла над Черной Скалой. Телепатический эфир над всей Европой был спокоен.

В этот момент Элизабет неожиданно пришло в голову, что, может быть, действительно жизнь есть сон. Тогда почему эта дрема так тягостна, почему я боюсь своих видений? Что породило их? Ведь не какая-то личная неудача! Элизабет пожила на свете и знала, что свое горе забывается, с ним в конце концов приходится примириться. Даже с такой бедой, какой судьба наградила Мэри-Дедру. Почему я боюсь его, если он только плод моего воображения? Более того, я боюсь тех изменений, которые он, не дай Бог, проведет в мозгу ребенка, используя меня как проводника ментальных импульсов. Мои страхи напрасны. Он регулярно в течение десяти дней появляется здесь. Он оказался прекрасным помощником… Разве он хотя бы раз попытался взять под контроль процесс лечения? Он ведет себя в высшей степени деликатно. Тем не менее я буквально трясусь от страха…

— Добрый вечер, Элизабет.

Она отвернулась от окна — Марк стоял возле кроватки, как обычно, одетый в парчовый халат, который одолжил ему брат Анатолий.

— Постараемся сегодня закончить, — торопливо, по-деловому сказала Элизабет. — Как мне кажется, мы уже прошли самый болезненный этап. Ребенок в какой-то мере пообвыкся. Пора заканчивать.

— Секунду. — Он протянул в ее сторону сжатый кулак, повернул его и разжал пальцы. На ладони лежал цветок, похожий на маленькую белую звездочку. — Вот подарок для тебя.

Преодолев внутреннее сопротивление, Элизабет взяла цветок, потом растерянно посмотрела на Марка.

— Эдельвейс, — сказал он. — Так что, начнем?

«Держи. Быстро зажми тут».

Так хорошо взгляни на голограммуоценитреакцииприжгиздесьбыстрее быстрее… такдостаточно».

«Теперь этот ввод (СпиБренданспималенькийспидорогой)».

«Осторожно, освободи… Марк, можешь немного отдохнуть».

Потом они, умаявшись, сидели по обе стороны детской кроватки. Дышали тяжело, головы опущены… Как всегда, он пришел в себя первым — встал, подошел к табурету, где стоял графин

с фруктовым соком. Наполнил стаканы, вдруг наклонился и что-то поднял с пола.

— Ты потеряла цветок, — сказал он.

Она взяла эдельвейс и всунула его стебелек в нагрудный карман джемпера; теперь нежная звездочка казалась чем-то вроде украшения.

— Награда за мужество, — пошутила она. — Если сегодня все пройдет успешно, я буду хранить его вечно.

Он поднял в ее честь свой стакан, потом отпил немного.

— В Галактическом Содружестве, — выждав, сказала она, — этот цветок — большая редкость. Он растет только на границе вечных снегов. В Альпах…

— То же самое в плиоцене. — Марк допил и налил себе еще. — Этот цветок что-то вроде напоминания о смертельной опасности, которой я только что подвергся. Надо поблагодарить молодого Джасмина Уайли за бездарный выстрел из карабина.

— Ты разыскал лагерь экспедиции на Монте-Розе?!

— Это было нетрудно. Я пытался сохранять предельную осторожность в своих наблюдениях, но, очевидно, меня уже ждали и встретили

довольно неприветливо. Признаюсь, я был вынужден удирать из лагеря со всех ног. Это что, Эйкен Драм отдал приказ стрелять в меня без предупреждения?

— Я… я боюсь, что это распоряжение Хагена. Правда, о мнением короля оно не расходится. Он в любом случае хочет добыть эти летательные аппараты.

— Ну и пусть добывает.

Элизабет не смогла скрыть удивления.

— Ты не собираешься мешать экспедиции Уимборна?

— А почему я должен им мешать? Ты можешь заверить короля и Хагена, что в обозримом будущем я не появлюсь на Монте-Розе. — Его глаза странно блеснули. — Тем не менее я очень рад, что мне удалось порадовать тебя этим цветком.

Неожиданная мысль резанула Элизабет. Она отпрянула от Марка.

— Ты смог пронести его при выполнении d-перехода?

— Да, это мой первый опыт. Конечно, я полностью зажал его в своей руке. Это что-то вроде фокуса, но лиха беда начало. Так и передай моему сыну.

«СильнеесильнеесильнееЕЩЕсильнее… Тол-

кайболеезнергичнодапроталкивай жетычерттебяпобериЧЕРТ!..»

«Элизабетсцепипокрепчесоединяйцелительнуюсилуссокрушительнойскорее скорееперекрывайцентростремительныенейронныецепиСКОРЕЕ… Вижуда теперь… так спасибоБожемоймыедванепогубилиеготакрасширяйпроходвмозговомстволе… Мощностьувеличиваймощностькомуговорят! Такзамечательноподключайбоковыецепи стройобводнойканал… (Спи мой маленький спи.) Сохрани его Христос делаем перерыв».

Они опять сидели на табуретах по обе стороны кроватки и смотрели на Брендана. Лицо ребенка было смертельно бледно, даже на фоне белого-белого одеяла, однако дышал он ровно, без всяких хрипов.

Дышал как здоровый, одолевший хворь ребенок. У Элизабет слезы выступили на глазах.

— Ему больше не больно, — прошептала она. — А ведь мы его едва не упустили, Марк. Было мгновение — еще немного — и все, смерть!.. Вот что значит усталость, надо было почаще отдыхать.

— Но это *работает*?

— Да, — глухо ответила она.

Потом они долго сидели молча. Наконец Марк начал разговор.

— Надо обязательно отсечь цепи, связанные с воздействием ожерелья. А затем можно сделать его настоящим, непревзойденным оперантом.

Элизабет закрыла лицо ладонями, словно занялась самолечением. Когда она убрала руки, на ее лице не осталось ни одной морщинки, она словно помолодела на несколько лет, только глаза по-прежнему смотрели опустошенно и устало. Голос ее был тих.

— Марк, я вполне могу разъять эти цепи, но не имею никакого желания увеличивать его оперантскую мощь. Твои знания в этой области, энергетический уровень воздействия значительно превышают мои. Ты понял, что я имею в виду?

Марк недоуменно пожал плечами. Элизабет глянула на него и закончила:

— Я ввела в его сознание новую программу, все вроде бы получилось. Стоит теперь дать Брендану сильный толчок, и его скрытые метапсихические возможности станут явными.

— Позволь мне взять это на себя, и мы вместе совершим чудо.

Элизабет вскочила с табурета. На лице ее отра-

зились ярость и ужас.

— Вот ты и попался! Я так и *знала*!.. Вот с какой целью ты столь долго отсиживался в тени, не так ли? Ты решил, что вот он, момент, чтобы взять меня под контроль?!

«Тынеможешьнедолженникогданеодолеешь-великогомагистразапрограммировать менядажесилойты».

— Нет, Элизабет. У меня и мысли такой не было. Пожалуйста, поверь!..

Что-то в ее душе — чувство самосохранения? — выплеснуло — «неверюневерюневерю!..»

— Я не имею права рисковать. Брендан и без ожерелья будет нормальным ребенком, пусть даже и без явных метапсихических способностей. Мы должны оставить все как есть.

Марк встал, склонился над кроваткой. Его длинные чуткие пальцы ощупали макушку ребенка, начали пальпировать не заросшее еще темечко.

— Он мог бы стать великолепным оперантом, если бы ты доверилась мне.

— У Эйкена уже есть опыт в этом отношении, — резко ответила Элизабет.

— Ты передал ему программу для метаобъединения, чтобы он использовал ее против Фелиции, но ты рассчитывал, что ударная мощь свалит

и его.

— Какая чепуха!

— Знаешь, что расстроило твои планы? Ну-ка, взгляни! — И она спроектировала ряд последовательных картинок, на которых отразились все перипетии сражения на Рио-Дженил. — Понятно? — спросила Элизабет. — Это Фелиция спасла Эйкена ценой собственной жизни. Она ослабила удар, приняла его на себя, так что даже ее «возлюбленный» Куллукет остался жив. Когда все кончилось и Эйкен начал анализировать присланную тобой программу, он обнаружил в ней незамысловатую ловушку — как раз для нерадивого, тупо исполняющего команды ученика. Ты нас даже за людей не считаешь, Марк. Но ты ошибаешься, мы не так глупы, как тебе кажется, и Эйкен чуть-чуть подправил твою программу, и если ты не уймешься, он обрушит ее на твою голову, и это будет хороший удар. Вряд ли ты устоишь…

— Я не могу допустить, чтобы дети ушли в Галактическое Содружество. Они не ведают, что творят.

— Если ты имеешь в виду свою персональную безопасность или безопасность своих соратников, мы можем дать самые твердые гарантии, при

условии, что ты будешь вести себя спокойно…

— О каких гарантиях может идти речь, когда мой сын покидает плиоцен. Это бессмысленно!..

— Все не имеет смысла, и наш разговор тоже. Единственное, что теперь важно, — это ребенок. Ты будешь помогать мне в лечении или нет?

Он молча кивнул. На его лице застыла кривая усмешка. Или сладостная? Элизабет так и не смогла до конца разобраться в этом человеке. Какая цель вела его, во что он верил? Ради чего пожертвовал светом и истиной?

— Давай продолжим, — сказала женщина.

«ДаваймилыйдавайБрендан. Помоги нам».

«БОЮСЬ!»

«Ничегороднойпопытайсяовладетьэтимновымспособомподумайяхочуитебескоро станетлегче».

«НЕТ. ТЕТЯ ЭЛИЗАБЕТ, Я БОЮСЬ».

(«Давай, Марк, протолкни».) «НЕТ! (Боль.) НЕТ!»

(«СильнееМаркчтотыкакварепыйсильнееондолженвладетьэтимканаломда проталкивайтывидишьемуБОЛЬНО!) Потерпималенькийпотерпи Воттакещеодноусилие нукаБрендантыжеунасумница. (ПочтиготоводачтостобойМаркпропихивайжетынажми) Нупопытайсямиленькийнуже. (Все, готово — ожерельеОТСОЕДИНЕНО».)

«ОЙ, НЕ БОЛЬНО!»

«Я же говорила, что все будет хорошо».

«НЕ БОЛЬНО!..»

«Да, родной, да. (Маркдержиподконтролемподкоркуагатеперьснимай ожерелье... Что ты ДЕЛАЕШЬ? Марк, что ты ДЕЛАЕШЬ? — НЕТ!! ОСТАНОВИСЬ, ОСТАНОВИСЬ, ДЬЯВОЛ! ВЫРОДОК! СТОЙ! СТОЙ! СТОЙ!..»

«Позволь мне закончить. Он в этом нуждается. И...»

(Экстаз радости.) «...все уже готово. Это же так просто!»

«Ты... ты теперь отпустишь нас?»

«Бедная Элизабет, о чем ты говоришь. Конечно!»

Потом, после длительного молчания, он сказал:

— Я очень сожалею, что был вынужден использовать силу. Но для Брендана это была единственная возможность. Ему улыбнулась судьба. Он уже был готов, я чувствовал, что будет справедливо наградить его за все мучения. Я знал, что ты не совершишь самоубийственного поступка, твое бессознательное «я» провидело, что в этом нет никакой угрозы, как бы ни возмущалось твое сознательное «эго».

— Ты — настоящий дьявол…

— Я только мужчина, а ты не более чем женщина. — Он говорил ровно, словно отчитывая ее. — Для любого человека, в сущности, очень важно знать свое место. Это прекрасно понимал твой муж Лоуренс. Когда ты начинаешь задумываться над своими проблемами, стараешься не терять из виду это обстоятельство.

— Теперь неудивительно, что твои дети возненавидели тебя. И Галактическое Содружество…

Она не договорила. Марк отвернулся, подошел к окну, оттуда бросил:

— Кстати, ни ты, ни ребенок не понесли никакого ущерба, а он теперь оперант с большой буквы!..

Элизабет мысленно обежала нейронные цепи в голове ребенка, отвечающие за использование метаспособностей. Марк был прав. Этот безмятежно заснувший ребенок станет непревзойденным мастером. Кожа его приобрела естественный бело-розовый оттенок, румянец выступил на щечках, волдыри на шее затягивались на глазах сухой коркой. Сон был глубокий, спокойный, боль больше не мучила его.

Женщина тяжело опустилась в кресло, закрыла глаза, погрузилась в самосозерцание. Только

шаги Марка, слабо отзывавшиеся в сознании, связывали ее с реальностью… Потом неожиданно в детской зазвучал его голос.

— Дети!.. Только и слышишь — дети, дети!.. Сколько лет ты и Лоуренс считали, что самое важное на свете — это ваша работа, а когда поняли ошибку, было уже поздно. Я никогда не хотел иметь детей в обычном смысле этого слова. Я ведь как считал — если биоинженерия доказала невозможность желательным образом влиять на личность ребенка, если случайность играет решающую роль в воспроизведении характера, способностей, темперамента, если я не в силах создать человека таких достоинств и способностей, какие я считаю самыми важными в жизни, — зачем мне тогда ребенок? Не в качестве же наследника! И какую собственность я ему передам? Зачем мне это? Собственность, движимость, недвижимость… Смешно! Моим ребенком должен был стать мой брат Джек — вероятно, так и излагается теперь, в послереволюционную эпоху история нашего восстания. Однако я очень сомневаюсь, чтобы вам было дано знать правду о всей нашей семейке. О Люке, Мари и этой простушке Мадлейн, о мертворожденных и змееподобных уродах, о Матье, который дол-

жен был убить меня еще во чреве матери. О, мы, Ремиларды, по правде говоря, мало походили на ангелов. Один святой — Джек

— и шеренга грешников! Все мы, за исключением его лучезарного величества, были обременены плотью, жизненными проблемами, глубоко страдали от жутких химических реакций, свершающихся в наших душах, которые теперь принято называть «чюйствами». Мы, как и все прочее человечество, были обречены развиваться медленно, через бесконечную смену поколений, по чуть-чуть… И тут вдруг мне улыбнулась удача. Я вообразил, что нашел щель в этом ужасном круговороте мучительных страданий. Мне открылось, как разорвать — вернее, ускорить — эволюционный процесс. И что же, я должен был забыть о своем открытии, уйти в монастырь или, как Будда, стать учителем?.. Даже не попытаться спасти миллионы подобных себе?.. У меня в руках оказалось средство, способное сделать людей свободными, счастливыми и бессмертными. Они все были бы мои дети. Понимаешь — все!.. Одна мысль, что мое отцовство будет распространяться на миллиарды моих соплеменников, была самой ценной наградой для меня.

Голос умолк… Элизабет открыла глаза. Марк

стоял перед ней в своем обычном наряде путешественников в подпространстве — черное трико-комбинезон, на правом запястье золотой браслет. Халат, одолженный ему братом Анатолием, алой, как бы кровавой лужей лежал на полу у его ног.

— Но ведь у тебя родились Хаген, Клу…

— Синдия хотела детей, а я любил ее.

— Но разве ты не испытывал *кним никаких чувств*?

— Конечно, испытывал. Я и сейчас их очень люблю. Я привез детей сюда, прекрасно понимая, что они вырастут в чем-то ущербными людьми — кем они еще могли стать в нашем гадюшнике экс-бунтарей и свихнувшихся оперантов! Но я верил, что они будут лучше, чем я, умнее, сильнее… У них была для этого основа. Ты представить себе не можешь, как я радовался, что они родились отличными оперантами. Не только Хаген и Клу, но и все остальные дети. Если бы они послушались меня, вся Вселенная была бы у их ног.

— Так ты до сих пор не понял, почему они решились убежать от тебя! — Ее голос задрожал.

— Они просто щенки! Слепые котята, чей круг интересов сужен до размеров животных потребностей. Хочу — не хочу!

— Марк, они просто хотят быть свободными!..

Ремилард не обиделся, он терпеливо, тщательно подбирая слова, принялся объяснять:

— Когда дети были помоложе, они охотно шли навстречу своей судьбе, но вскоре там, на Окале, начались трения между моими последователями. Понимаешь, среди моих сверстников были очень сильные операнты и люди, не способные к метапсихической деятельности. С годами они все сильнее не ладили между собой, и это происходило на глазах у детей. Я же слишком усердно изучал звезды и пропустил решающий момент, когда дети, каждый из которых вначале был на стороне своих родителей, вдруг объединились, и черная кошка пробежала между отцами и детьми. А тут как раз идеолог подоспел, Алекс Манион, мой бывший самый закадычный дружок. Признаюсь, я не сразу разобрался в ситуации, это стало началом всех бед: дети стали сами по себе, мы — сами по себе.

— В исторических хрониках Алекс Манион упоминается как один из тех, кто пытался разрушить Единое сообщество всех оперантов Галактики.

Марк коротко рассмеялся.

— Тебе было бы полезно знать, что он резко поменял свои взгляды.

— Он просто познал истину — узрел ее наконец. Подобное единство, единение, Галактический Разум — называй, как хочешь, — единственный путь для человечества, если оно намерено эволюционировать естественным образом. Без всяких искусственных подпорок, пророков, пытающихся насильно ввергнуть нас в светлое будущее. Ты и твои последователи глубоко заблуждаетесь, если считаете, что подобное единение угрожает личности, ее праву быть тем, кем она себя видит. Эволюция в направлении Галактического Разума — это неизбежное следствие развития интеллектуальной жизни. Содружество не накладывает оковы на наше сознание, как раз оно и делает его более свободным.

— Ага, — кивнул Марк. — В единстве — сила!

— Конечно! Обязательно!.. — разгорячилась Элизабет. — Такова природа нашего сознания, оно постоянно должно вопрошать и получать ответы. Мучение

— когда ответы не совпадают с твоими ожиданиями; и ощущение счастья, если совпадают. Это же элементарно! Мы все созданы для любви, для верности, для добра. И все другие расы, задумывающиеся о вечном, понимают это, даже те, что еще только стоят на пороге овладения метапсихиче-

ской силой. Вот почему ваши дети интуитивно поняли, где правда, а где ложь. Манион, видно, оказался толковым человеком. Он сумел убедить детей отказаться от участия в проекте создания «ментального человека».

— Но ведь это же *работает*!

— Да, но с помощью каких методов? Ты что, хочешь загнать их кнутом в царство вечной свободы? А с точки зрения логики я вот что хочу тебе сказать — твой «ментальный человек» неизбежно и резко, a priori, обособится от всех иных форм жизни, существующих в Галактике. Твоя схема грандиозна, но ее искусственность, холодный расчет прет изо всех щелей, впрочем, как и тот тупик, в который загнал себя золотыми ожерельями народ тану.

— Мы можем во много раз увеличить возможности человека, — настаивал Ремилард, — каждый из землян мог бы получить такое же сознание, как и у Джека.

Вот, оказывается, в чем дело, неожиданно осознала Элизабет.

Она в первый раз приблизилась к Марку и тронула его за руку.

— Как ты не понимаешь. У Джека это было совсем по-другому. Он от рождения был такой и

никогда не пытался использовать свою способность перемещаться в пространстве с помощью мысли во вред другим. Несмотря на то, что эта ужасная мутация превратила его в изгоя, он всегда утверждал, что он — один из нас. Всех нас! Он — человек!.. Ты представляешь «ментального человека» как идеальное существо, *он же был мудрее тебя и никогда не скатывался в подобную пошлость*. Ментальный — не ментальный, какая разница! Все то же страдающее, любящее, ненавидящее, хохочущее, плачущее создание, обретающее смысл только в единении с подобными себе. Вот почему Джек отказался следовать твоим путем. Он познал истину и разгромил восстание. Вот за что он и его жена — твоя бывшая жена! — положили свои жизни.

— При этом оставив меня вдовым, бессмертным и проклятым! — пошутил Марк и слабо пожал пальцы Элизабет, словно хотел подчеркнуть, что он с юмором относится к этой ситуации. Потом их руки вновь разъединились. В этот момент проснулся Брендан, начал что-то спросонья лепетать.

— Ну, мне пора, — сказал Марк и кивнул в сторону малыша. — Отнеси его к матери, видишь, выздоровел, проголодался…

Элизабет взяла Брендана на руки, направилась к двери. Марк двинулся за ней следом. Дедра и брат Анатолий, привалившись друг к другу, едва слышно посапывали на рейчатой скамейке. Скрип открываемой двери разбудил их, они тут же вскочили на ноги. Мэри-Дедра сразу заплакала от радости, Анатолий Северинович громоподобным голосом, разбудившим всех в доме, начал читать молитвы. Когда домочадцы собралась в коридоре и зазвучали веселые возгласы по случаю выздоровления малыша, Марк незаметно скользнул назад в детскую.

Огромного роста фигура, задрапированная в темный плащ с капюшоном, надвинутым на глаза, высилась у окна.

— Меня зовут Крейн, — в комнате раздался голос. — Я — друг Элизабет и ее страж. Вы закончили лечение?

— Как видишь, — коротко ответил Марк. — И никакого вреда ни ребенку, ни женщине. Отойди от окна, мне надо уходить.

— Ты поднял Брендана до уровня операнта. Теперь сделай то же самое со мной!

— Ты это серьезно?! — воскликнул Марк и взлетел в воздух. Здесь он завис, потом переместился в сторону окна, замер — черный силуэт

на фоне чернильного, усыпанного золотыми и серебряными блестками прямоугольника. Его волосы зашевелились, словно длинные нити водорослей в быстром потоке воды. Над его головой возникло колечко из светящихся точек — оно, опустившись, опоясало лоб на уровне бровей. Марк содрогнулся.

— Если маленький ребенок смог вынести такую процедуру, то я и подавно, — настаивал Крейн. — Прошу тебя.

Из кончиков волос Марка посыпались искры, он сверкнул глазами в сторону Крейна.

«Ты глуп! Разве ты не знаешь, кто я?»

— Ты — Враг, которому предопределено из века в век соблазнять мой народ. Я слышал о том погроме, который ты учинил в твоем бывшем — или будущем? — мире, мне известно, что ты помог ребенку. Я знаю все!.. Мне ведомо даже, чем будет наполнена твоя вечная жизнь. Я провижу твой удел на протяжении многих эонов. Помоги мне, и я помогу тебе.

«Я не нуждаюсь в помощи».

— Тебе скоро понадобится поддержка. Мое преимущество в том, что я знаю о тебе все. Ты же обо мне не знаешь ничего. Именно рыцари моей гильдии хранят митигатор, который не

дано изготовить даже ученым Галактического Содружества. Переделай мое сознание, подними меня до ее уровня, и я отдам тебе митигатор. Клянусь Таной!

За окном посветлело. Из-под руки, на запястье которой поблескивал золотой браслет, брызнули лучи солнца, наступил день, и с новым светом тело Марка растворилось в воздухе, только лицо еще несколько мгновений светилось в окне, недоверчивое выражение появилось на нем. Марк силился что-то сказать…

Крейн торопливо добавил:

— Я не лгу. Нам надо встретиться еще раз.

Лицо Марка окончательно исчезло из виду.

Брат Анатолий, человек опытный, много повидавший, заметив, что Элизабет, несмотря на радость, охватившую всех живущих в доме, находится на грани нервного срыва, тут же увел ее на кухню, где было пусто, жарко; здесь вкусно пахло только что испеченным хлебом.

— Выздоровление Брендана — великая радость, — произнес он, усаживая женщину за широкий, сколоченный на козлах стол, — однако и вам следует отдохнуть.

Монах засуетился, принялся готовить ужин — завтрак? — поджарил яичницу, разогрел лапшу с

уткой, нарезал теплый хрустящий хлеб, поставил банку с клубничным вареньем. Пока Элизабет ела, он без конца восхищался и славил подвиг, который совершили они с Марком. Элизабет пыталась вставить хоть слово, однако монах мало что понимал в профессиональных вопросах. Тем не менее такой, не имеющий примера на Многоцветной Земле успех Анатолий Северинович был в состоянии оценить. И намекнул, что во время лечения жизнь самой Элизабет не раз была под угрозой и его, в общем-то, больше радует не целительная сила программы — что, конечно, важно само по себе, — но в большей степени ее решимость работать не щадя себя.

— Какое это имеет значение, брат, — ответила Элизабет. — Главное, что дело сделано и сделано хорошо. Боже мой!.. Я даже передать не могу, как радостно на душе. Чем я занималась, когда попала в плиоцен? Всякими неинтересными мне проблемами, в которых я толком и понять ничего не могла. То ли дело целительство, меня этому учили, да и кое-какие способности у меня есть. Вот результат…

Анатолий Северинович хлопотал у плиты, где стояла кофеварка.

— Я бы назвал все ухищрения, с помощью кото-

рых вы поставили на ноги Эйкена Драма, детским лепетом, — заметил он.

— Нет, здесь большая разница. В случае с Эйкеном я была не более чем консультантом. Ну, наставником… Он сам лечил себя. То есть я назначала процедуры, а он уже сам проводил их. Собственно, этим я и занималась в эпоху Галактического Содружества. Здесь я всегда была на высоте. Даже Марк заметил… — Она вдруг замолчала, нахмурилась, сделала вид, что внимательно изучает содержимое тарелки.

— Что же он заметил? — спросил брат Анатолий.

Элизабет не ответила, молча принялась за яичницу, потом отложила вилку и стала намазывать варенье на тонкие ломти свежего хлеба.

— Марк, — наконец сказала она, — как педагог просто великолепен.

Брат Анатолий вопросительно взглянул на женщину. Она сделала загадочное лицо, усмехнулась.

— Надо же! Кто бы мог подумать… Потрясатель Галактики, злодей космического масштаба лечит ребенка!..

— Это так поразило вас? — спросил монах. Он достал две большие глиняные кружки, налил

кофе. Потом из рукава рясы вытащил плоскую серебряную фляжку и, подмигнув Элизабет, плеснул в кофе что-то необыкновенно ароматное.

— «Мартель», отличный коньяк. Только, Бога ради, не говорите Мэри-Дедре, что я так бесцеремонно угощаю вас. — Он подтолкнул в ее сторону кружку. — Пейте.

Элизабет рассмеялась.

— Вы такой же, как Марк. Тоже с причудами… Всегда знаете, как поступить. Вы вообще все знаете, и наше дело только подчиняться. — Она глотнула горячий напиток каштанового цвета, и слезы выступили у нее на глазах. Потом, уже более рассудительно, женщина добавила: — Как же еще я должна смотреть на человека, взбаламутившего всю Землю? Кто он, если не фанатик, поднявший руку на Галактический Разум? Сколько людей погибло в борьбе pro et contra note 16 его навязчивой идеи!

— Должно быть, вы забыли, что я прибыл в плиоцен за три года до начала восстания. Лично я не был знаком с Марком, но в те годы он был заметной фигурой на общественном небосклоне; лидер, обладающий магнетической силой, чьи

---

note notes: Note16
за и против (лат.)

убеждения разделяли многие вполне разумные люди, а не только узколобые шовинисты. Тогда в его словах и поступках не было ничего дьявольского. Падение началось, когда Марк и верхушка партии — как они сами себя называли, «Освобожденной Земли» — решили взять в руки оружие. Вот тогда начался кошмар…

Элизабет выпила кофе и теперь сидела смирно, откинувшись спиной к стене. Глаза закрыты.

— Следует признать, — тихо выговорила она, — что он оказался совсем другим. Я представляла его иначе. После того, как нам довелось поработать вместе, я не знаю, чему верить. Моим прежним представлениям о нем или ощущениям, родившимся после этой встречи?..

Теперь засмеялся монах.

— Сколько вам было лет, когда началось восстание?

— Семнадцать.

— Неудивительно, что вы решили, что Ремилард — воплощение дьявола.

Элизабет открыла глаза, удивленно вскинула брови.

— Его сжигает непомерная гордыня — это же очевидно! Она без конца понуждает его искать способ проявить свое «я», — сказала женщина.

Затем она рассказала, как Марк в заключительной стадии лечения силой подчинил ее мысли, создал с ней ментальное единство.

— Я не то что шелохнуться — подумать ни о чем не могла. Он мог убить меня, подчинить своей воле, но он не сделал этого. Что за странный альтруизм? Он поразил меня сильнее, чем его желание помочь вылечить Брендана. Брат, что он хочет на самом деле?

— Бог его знает, — ответил Анатолий Северинович. Он вылил остатки коньяку в кружку Элизабет и сказал: — Пейте.

Она покорно взяла кружку, сделала большой глоток.

— Марк в течение двадцати семи лет изучал звезды — все пытался найти обитаемую планету с таким же метапсихическим потенциалом, что и Земля. Когда я спросила, что же он собирается делать, когда отыщет подобную планету, он только рассмеялся.

Монах покачал головой.

— Я всего лишь старый бедный священник. Вырос и жил в Сибири. Метапсихическими способностями не обладаю. Как я могу определить, что замыслил Марк Ремилард… или вы?

Элизабет бросила на него мимолетный ис-

пытующий взгляд. Словно бы изучала… Монах улыбнулся, глядя в кружку.

— Жаль, — заметила Элизабет, — что вы никогда не встречались с моим старым приятелем Клодом Маевским. Вы бы составили с ним отличную парочку — слава о вас пошла бы по всему плиоцену. Он на вид был еще почище вас, этакий чудаковатый старикашка…

— Сестра Роккаро говорила мне о нем. И примерно в том же духе… — Он потряс пустую фляжку, вздохнул, затем навинтил крышку и убрал посуду. — Думаю, там, в подвале нашего дома, найдется еще пара бутылок «Мартеля». Мне без этой лурдской note 17 водицы нелегко. Исповедаться, Элизабет, не хотите?

— Нет-нет!

Он всплеснул руками.

— Мне же легче. — Монах поднялся и направился к двери. — Если надумаете, я готов.

— Почему бы вам не предложить *ему*?

— Я предлагал, три или четыре дня назад. После того, как стащил его черный комбинезон. Мне показалось, что именно с его помощью он летает по воздуху.

---

note notes: Note17
источник святой воды во Франции, в Лурде

— Ну и?..

Брат Анатолий положил руку на щеколду.

— Бесполезное дело. Он не нуждается в комбинезоне, чтобы совершить d-переход. Этот наряд нужен ему только для того, чтобы не появиться в незнакомом месте в неприличном виде, так что пришлось вернуть. Марк сделал вид, что ничего не заметил.

Женщина рассмеялась.

— Так же, как он отреагировал и на ваше предложение исповедать его?..

Монах хихикнул и вышел из кухни.

5

— Я прошу вас пересмотреть решение, — сказал старик Каваи.

Древний, высохший японец стоял на ступеньках крыльца, ведущего в бывшую хижину мадам Гудериан, и держал на руках рыжую кошку. Та блаженно мурлыкала, а три маленьких котенка ползали по ступенькам, тыкались в голые ноги старика, беспомощно пищали. Два человека на верховых халиках стояли у хижины — лица их были едва видны в прохладном предутреннем полумраке.

— Ты единственный, кто все помнит, ты — живая история Скрытых Ручьев, и ты же решил остаться, Танданори-сан! — Пеопео Моксмокс Бурке — вождь Бурке, как его звали свободные люди из поселения, — сидел на халике, скрестив ноги. — В любой день фирвулаги могут захватить деревню. Не имеет значения, предупредил ли нас об этом Фитхарн Деревянная Нога или нет. Он-то настроен по отношению к нам дружески, но что он может один. Вспомни, как эти ублюдки разнесли форт Русти. Мы больше не можем доверять «маленькому народу». Шарн и Айфа столько раз

лгали нам.

— Король и королева фирвулагов хотели бы разрушить все поселения в долине Мозеля, — согласился старый японец. — Их можно понять, мы представляем для них угрозу.

— Какую угрозу, старик! — в сердцах бросил Дени Джонсон. — В форте Русти погибли восемьдесят три человека, более двух сотен захвачено в плен. Их погубили через пару месяцев, с той поры нас постоянно выживают отсюда, сжигают поселение за поселением, что расположены в Вогезах. Кроме того, сколько ранено и пропало без вести. Этот перешеек, поросший лесом, расположен слишком близко от фирвулагов. Болота нас не спасут. Как только Шарн отдаст приказ, они навалятся на нас всем скопом. Теперь у нас мозги просветлели, и мы постараемся вовремя удрать от них. И ты тоже. Зачем помирать так бессмысленно? Никто не предлагает тебе участвовать в захвате Ронии. Ты можешь отправиться с караваном в Нионель. Там тоже живут свободные люди, они примут тебя.

— Нет, я не уйду, — ответил Каваи и спустил кошку с рук. — Я вполне понимаю, почему вы решили оставить эти места, но я не могу все бросить.

Вождь Бурке протянул старику огнестрельный карабин.

— Возьми хотя бы эту штуку, все-таки какая ни есть оборона.

Каваи отрицательно покачал головой:

— У вас и так мало оружия, вряд ли его хватит, чтобы напасть на Ронию. Если фирвулаги увидят, что я безоружен, они оставят меня в покое. На что им такой ветхий старикашка! Мне уже за восемьдесят, наполовину слепой, а всего богатства — дом, полный кошек. Нет, я остаюсь, присмотрю за хижиной, ведь она когда-то приютила нас. Когда это было?.. Ах, уже и не вспомнить. А в той стороне садик — я ухаживал за ним. Дорожки у меня всегда были чистые-чистые. А там мельница на протоке. Как я могу все бросить, когда сюда придут эти?.. Кто-то должен присмотреть за хозяйством. У меня тут еще козы остались, и несколько цыплят, и большой гусак — так и не захотел, дурак, лезть в корзину. Так что с пищей у меня порядок. Жалко гусака — сожрут ведь, поганцы, ему годков, наверное, столько же, сколько и мне… Ну куда я пойду, ребята? В Нионель?.. А вдруг все обойдется и сюда вновь вернутся люди, а я вот он. Тут как тут.

Наступило молчание, потом Дени Джонсон

неожиданно громко прокашлялся, провел рукой по глазам.

— Ты, дед, словно песнь родному очагу поешь! Кончай, дед, а-а? Бог видит, как я хочу остаться. Если бы только можно было поверить в то, что будет мир. Но ты же слышал, о чем говорил Фитхарн?

Каваи нахмурился.

— И ты веришь сказкам насчет войны с Мраком?

— Старик, — ответил Дени, — я уже не знаю, во что еще можно верить. Есть только одна штука, в которой нельзя сомневаться. Я был дурак и не знал, как здорово петь себе на здоровье и зарабатывать этим на хлеб. Во-от с таким слоем масла… В Ковент-Гарден меня слушали с огромным удовольствием, я знал, что такое успех, дед! Сколько бы я дал, чтобы вернуться на сцену. Я мечтаю о своем времени. Я даже согласен намазать лицо краской и сыграть Яго, лишь бы только попасть туда.

Каваи поймал кошку за шиворот и взял на руки — та покорно и ловко устроилась у него на груди.

— Ну, умаку ики йо, ну, ребята. Удачи!

— Ладно, старик, давай сюда своего гусака, как-

нибудь впихну его в корзинку Пепино.

— Не сходи с ума, Дени, — сказал Бурке, — нам еще караван догнать надо.

— Езжайте с Богом, ребята. Ну их, эти прощания, — согласился Каваи. Ни один мускул не дрогнул у него на лице.

— Двигай, Желтый Глаз, — обратился Бурке к Дени Джонсону, — а я дам дельный совет этому старому упрямому карасю.

Когда всадник скрылся в предрассветном тумане, Пеопео слез с халика и, упершись кулаками в бедра, встал перед миниатюрным дряхлым японцем. Лицо индейца, словно вырезанное из полированного красного дерева, изрезанное шрамами, оставалось бесстрастным, однако голос его дрогнул, когда он спросил старика:

— Может, передумаешь? Пожалуйста…

Японец посмотрел на вождя.

— Эта хижина до сих пор хранит ее дух. Он защитит меня.

— Она бы первая сказала, что надо уходить. Что только идиот может добровольно отдаться в руки врагов.

Кошка вновь спрыгнула с рук Каваи и поспешила схватить за шиворот котенка, начавшего охоту за прыгающей у крыльца жабой.

— Послушай, Пеопео Моксмокс. Я горжусь теми десятилетиями, которые провел здесь, в плиоцене. Я ни о чем не жалею. Я хотел быть поближе к природе, вот и поселился здесь. Да, вначале было трудно, страшно, сколько опасностей подстерегало нас, но сколько радостей я обрел в этом благодатном краю. Я никогда не рвался в вожди, как ты, например; мне всегда хотелось овладеть ремеслами, которыми занимались мои предки. Здесь, в деревне, я мастерил станки — ткацкие, точильные… Делал бумагу, глиняную посуду, сколько обувки сработал!.. Передавал свои навыки другим. Все было душевно, просто, по-человечески… Даже смерть мадам Анжелики и сестры Амери я пережил спокойно, понимал, — какой смысл спорить и сожалеть о тех, кто оказался на пути великого колеса превращений, кто волею судьбы сменил лик. Но теперь, Пеопео, я устал. Мы долгие годы близко дружили с тобой, а ты и не заметил, что я совсем обветшал — в чем только душа держится. А ты у нас еще орел, кому, как не тебе, вести племя. Я останусь здесь. Буду молить Просветленного, чтобы вам повезло и свободным людям удалось немного растрясти забитые оружием склады в Ронии. Раз уж вы решили, что оно вам необходимо для пе-

реговоров с королем, то дерзайте. Только логика здесь какая-то глупая: сначала ограбить его, а потом вступать в переговоры. Вы подумали о том, как он сможет сохранить лицо? Как ему, не уронив своего достоинства, войти с вами в контакт?.. Впрочем, теперь это уже не мои заботы. Это не для меня. Мое колесо жизни очертило полный круг. Я старался жить в соответствии с благородными истинами, теперь пришел мой черед испытать судьбу. Забудь о старом Каваи, если считаешь, что я глуп, раз испытываю желание окончить свои дни в том месте, которое так долго радовало меня, давало отдых, приют, надежду, дарило мысли.

— Ты далеко не глуп, старик. — Вождь Бурке склонил голову. — До свидания.

— Я еще не сказал тебе «сэйонара», Пеопео, но будет достаточно и «идти ираши», что означает «теперь прощай». Пожалуйста, передай людям, которые пойдут в Нионель, чтобы вспоминали обо мне и, если смогут, пусть как-нибудь навестят старика. Если ты изменишь свое решение насчет ухода в будущее, знай — твой вигвам, целехонький, убранный, будет ждать тебя здесь. Прежде чем начнется сезон дождей, я положу новую крышу, отремонтирую фрамуги.

— Спасибо.

Старик сделал глубокий поклон, и, когда он выпрямился, Бурке уже был в седле. Пеопео поднял на прощание руку, пришпорил халика и галопом помчался вслед давным-давно ушедшему из деревни каравану.

Каваи переливчато свистнул, и тотчас рыжая кошка Дейя и котята завертелись у него под ногами, ожидая рыбу и блюдечко козьего молока. Сам он поел не много, очень бережливо — крошки смахнул в рот, потом принялся убивать время: расхаживал по хижине, выходил во двор, там бродил из угла в угол. Когда туман окончательно рассеялся и солнечные лучи заиграли в кронах высоких раскидистых сосен, Каваи занялся уборкой в саду. Сорняки уже густо испятнали дорожки, и удобренные навозом мастодонтов цветы на грядках дружно пошли в рост. Кусты тоже требовали ухода — подрезки, прореживания… На них все еще было полным-полно цветочков — вот год выдался! И урожай и погода — середина осени, а земля еще не может освободиться от плодов… Три часа пролетели в трудах, наконец старый Каваи присел отдохнуть на грубо сколоченную скамейку, огляделся… Теперь чем заняться? «Отнесу-ка я ей цветы», — неожиданно решил он. Сказано — сделано! Под навесом

на полке японец нашел подходящий горшок, нарезал только-только начавшие раскрываться бутоны замечательных, платинового оттенка роз, добавил к ним кроваво-алых сестричек. Какой удивительный аромат! Благодать!.. «Вот эти, красные — для мучеников, — объяснил старый Каваи кошке, явившейся в сад. — Мадам их очень любила. Покуда жива была».

На мгновение он замер, глянул вдаль — тускло было в глазах, влага некстати выступила. Э-э, чему быть, того не миновать! И чтобы не потерять лицо, сохранить уважение к самому себе, дома он переоделся во все чистое, запер кошку с котятами — что им под ногами у солдат вертеться! Передавят, как мышей, а если хижину подожгут — кошка спасет детей, у нее есть свой ход. Стараясь не сутулиться, не спешить, он медленно прошел по деревне мимо сгрудившихся то там, то здесь брошенных вигвамов, по мосткам переспел через широкий ручей, питаемый множеством горячих и холодных родников — отсюда и название поселения, Скрытые Ручьи. Потом зашагал по широкому, хорошо утоптанному проселку на кладбище — все вниз и вниз по течению ручья. С полкилометра примерно… Каваи впервые задумался: какое же расстояние занимает этот,

столько раз хоженный путь? Туда и обратно. Друзей своих носил, за могилками присматривал… Да, с полкилометра будет. А это что? Три недели здесь не появлялся, и сразу все начало зарастать. Что поделаешь, джунгли!..

— Вот чем следует заняться в первую очередь, — сказал он вслух самому себе, и в следующее мгновение неясный гул, что-то похожее на гудение гигантского пчелиного роя, привлек его внимание. Он замер, прислушался.

Вроде бы все тихо — птички щебечут, гигантские белки пощелкивают — вон их сколько на соснах, хвосты в полметра! И снова тот же рокот — теперь уже стали различимы слагаемые этого неясного, накатывающегося, зловещего шума. Сначала ритмичный топот — казалось, будто в недрах земли вдруг забилось могучее сердце; потом донеслось жутковатое низкое пение, барабанная дробь, что-то похожее на завывание волынки, но главное — пение, басовитое, сиплое, протяжное. Старик Каваи много раз слышал его. Это была походная песнь фирвулагов.

Он выбрался на проселок, приложил к глазам руку козырьком. Видел он плохо, однако сумел различить в слепящей дали на востоке цветные пятна. Теперь уже был ясно слышим барабанный

бой, отбивающий ритм для марширующей пехоты, которая двигалась отдельными колоннами по четыре бойца в ряд. Что это за солдаты — метр с кепкой; правда, коренастые, кривоногие, плечи несоразмерно широки… Однако скоро насмешливое удивление начало сменяться сковывающим члены страхом. Стоило только посмотреть на лица солдат-фирвулагов — напряженные, с единым туповато-решительным выражением, на зазубренные пики, на их обсидиановые доспехи, на штандарты, ровно я мерно покачивающиеся над рядами, на арбалеты нового типа, которые в одной из колонн карлики несли на плечах, — и становилось ясно, что одолеть это войско — работа трудная, нескорая.

Каваи стоял посреди дороги с кувшином в руках, где томился букет пышных платиновых и багряных роз, а гоблины, словно не замечая старика, с теми же уродливо-воодушевленными физиономиями, обтекали его с обеих сторон. Старик был весь в пыли, стоял недвижимо, все не мог оправиться от удивления — наконечники копий фирвулагов были железные. Никто из солдат даже взгляда не бросил на него — так и маршировали строем по направлению к брошенной деревне.

Наконец пехота прошла, и отряд кавалерии достиг того места, где оцепенело стоял Каваи. Всадник гигантского роста в рогатом шлеме, восседавший на таком же непомерно большом халике, с головы до ног закованный в латы из черного стекла, украшенные огромными драгоценными камнями, остановился перед Каваи. В ту же секунду к старику с обеих сторон подъехали телохранители из охраны. Вслед за командующим придержали своих скакунов два великана поменьше, за ними — совсем уж несуразная картина! — карлик, сидевший на таком же здоровенном мерине, что и первый фирвулаг.

Старик с достоинством поклонился офицерам.

— Доброе утро. Добро пожаловать в Скрытые Ручьи. На все время перемирия, подтвержденного королем Шарном и королевой Айфой, вы будете моими почетными гостями. — И он протянул переднему всаднику горшок с цветами.

Тот поднял забрало шлема, за которым показалось необыкновенно морщинистое лицо. Взгляд у всадника был раздраженный.

— Я — Бетуларн Белая Рука, чемпион и великий капитан, первым являющийся на битву, бич для врага! — объявил он скрипучим низким голосом.

— Молись своим ничтожным богам, низкорож-

денный.

— Я уже помолился, спасибо, — поблагодарил старик и на шаг приблизился к огромному халику. — Я принес вам цветы, лорд Бетуларн. — И он с улыбкой вновь протянул командующему розы. Тут-то и заметил, что левая боевая перчатка великана была белого цвета, того же молочного оттенка рога на гребенчатом шлеме, неподъемный, украшенный изумрудами щит был подвешен на седле, из-под него выглядывало ложе какого-то ужасного оружия двадцать второго века. Впрочем, лазерные карабины были и у окружившей старика конной стражи. Подчиняясь мысленной команде, они держали старика под прицелом.

Когда же японец рискнул приблизиться к Бетуларну, среди следовавших за ним офицеров началась суматоха — они расстроили ряды. Один из них, в голубой кирасе, посмел приблизиться к военачальнику. На ходу благородный воин снял шлем и оказался женщиной-великаншей с длинными вьющимися волосами. Она широко улыбалась и, указав пальцем на старого японца, засмеявшись, сказала:

— Ловко он смутил тебя, Белая Рука. Одной Тэ известно, как низкорожденному удалось загнать тебя в тупик. Да возьми наконец эти цветы или

убей его…

Лорд Бетуларн наклонился и взял горшок. Удивительно, но разом схлынуло то тревожное наваждение, заставляющее сжиматься сердце при виде марширующих колонн, неподвижных мрачных лиц, зазубренных пик и поставленных на предохранители арбалетов. Два офицера, следующие за командующим, подняли забрала — они тоже были обескуражены. Один из них махнул рукой, и охрана, оставив старика, развернув халиков, галопом поскакала в деревню.

— Очень рад, что принятые в дар цветы вызывают у вашего народа такие же чувства, как и у моего, — вежливо сказал старик Каваи.

Бетуларн не обратил внимания на его реплику. Он вскинул голову, прислушался и проворчал:

— Ушли? Что значит ушли? — Потом долгим взглядом наградил старика. — Где все низкорожденные?

Каваи составил свой ответ в выражениях формального отказа:

— Гомен нассаи, лорд Бетуларн. Они все ушли. В последние месяцы мы испытали столько неудач, столько несчастий обрушились на наши головы… Кругом шныряли толпы мародеров, которые не давали нам житья. Было решено, что эти земли

стали слишком опасны, и все «низкорожденные», исключая меня, приняли приглашение лорда Суголла и его супруги Катлинель Темноглазой.

— Что ж, на одну стычку меньше, наши ребята и девицы сохранят для главного события больше сил, — вмешалась в разговор великанша с вьющимися волосами.

— Помолчи, Фулетот, — зарычал великий капитан, потом обратился к Каваи: — Когда они покинули деревню?

— О, давным-давно. Они уже, наверное, к Пиктолу подходят.

Бетуларн пожевал длинный ус, дернул себя за бороду.

— Черт… Надо бы проверить.

— Осталась одна неделя до конца перемирия, — подал голос офицер-карлик, сидевший на гигантском мерине, но Бетуларн и его оборвал:

— Заткнись, Пингол!

— Вспомни, что нам было приказано, — заговорила еще одна великанша.

Это уже было слишком, и командующий, повернувшись к ней всем корпусом, рявкнул:

— А тебя что, не касается, Монолоки?.. Разрази вас гром, вы дадите мне подумать?!

Каваи вежливо предложил:

— Я, к сожалению, не могу угостить наших добрых соседей обильной и изысканной пищей, но в доме, что стоит у родника, есть пиво, а у меня в хижине найдется кувшин отличного клубничного джема.

Бетуларн скосил глаза в сторону улыбающейся великанши.

— Ну, старик, если это ловушка… — начал он, но Каваи протестующе замахал руками.

— Я живу совсем один. Уверен, ваши следопыты подтвердят мои слова. Пожалуйста, я вас приглашаю. — Он показал в сторону деревни, повернулся и зашагал по дороге.

«Милая Амери-сан, — начал молиться Каваи, — твои розы помогли мне наполовину отвести беду. Доченька, помоги мне довершить начатое».

Он услышал, как за его спиной кто-то оглушительно захохотал, затем оттуда донеслись глухие звуки — когтистые лапы халика зашваркали по пыльному проселку.

— Конечно, — проворчал Бетуларн, нагоняя старика, — холодное пиво куда лучше, чем теплое.

— И я о том же. Так что прошу, здесь недалеко.

— Ты уверена, что это решение — именно то, что тебе надо? — спросил Грег-Даннет.

Единственный глаз, чуть выкатившийся,

серьезный — голубой зрачок на кремовом поле, — расположенный посредине лба молодой ревунши, не мигая смотрел на него.

— Если я буду похожа на человеческих женщин, тогда муж, возможно, полюбит меня. Моих способностей оказалось недостаточно. У него серебряное ожерелье, поэтому он способен видеть насквозь, не то что эти мужланы, супруги из низкорожденных.

Она сняла последнюю одежду — ее тут же подобрала и унесла лаборантка-женщина — и, слегка дрожа, приблизилась к накрытому алым балдахином восстановительному автоклаву. Ее стройное тело сверху, от шеи и до середины грудной клетки, было покрыто чешуей, ниже поросло чудесным голубоватым, похожим на лисий, мехом.

— Я готова. Что мне теперь делать, Мелина?

— Теперь в автоклав, — сказала лаборантка. — Для начала мы завернем тебя в целительную кожу. Потом доктор Прентис Браун и я приладим к автоклаву специальные устройства. Ты почувствуешь, будто погружаешься в сон. Даже не успеешь ничего заметить.

— Я буду видеть сны?

— Добрые, веселые сны, — заверил доктор. —

Возможно, ты увидишь его…

Маленькое существо улыбнулось.

— Мне хорошо известно, что я могу умереть или выйти из этого бака еще более уродливой, чем раньше. Все равно — я с радостью иду на это. Если он появится до того, как я проснусь, вы ему скажите, чтобы он подождал меня, ладно?

— Обязательно! — кивнул Грег-Даннет. — А теперь полезай и думай о чем-нибудь хорошем. Это очень важно, чтобы ты хотела добиться успеха. Чем сильнее, тем лучше.

Доктор и его ассистентка приступили к работе — завернули мутантку в прозрачную мембрану и поместили в объемистый, заполненный маслянистой жидкостью бак. Затем навинтили крышку, проверили окончательное сканирование ее внутренних органов, измерили пульс, давление и прочие характеристики, затем включили подогрев. Тело женщины свободно всплыло и заняло горизонтальное положение.

Грег-Даннет внимательно изучил колонки цифр, появившиеся на экране дисплея, и коснулся своего золотого ожерелья.

— Овечка, ты уже спишь? Ты слышишь меня?

Ее ответ медленно всплыл на экране — одно-единственное слово, и, как вздох, оно прозвучало

в сознании ученого:

– *То— они…*

6

Восемь новеньких, только что раскрашенных красками золотого и сочного фиолетового цвета вездеходов вспенили спокойную морскую гладь пролива и выползли на песчаный пляж острова Бретань. На гибкой антенне головной машины трепетал королевский вымпел. Эйкен Драм сам сидел за рычагами вездехода. Настроение у него было замечательное — давно не выпадал такой отличный, богатый на добрые события денек. Все новости были одна другой лучше. Бэзил Уимборн, начальник альпийской экспедиции, одолел сложный участок на леднике Грессона и заложил первую промежуточную базу. Отряд фирвулагов, вышедший из Фаморела, на удивление удачно попал под гигантский оползень. «Маленький народ» потерял в этот день тридцать солдат. Кугал — Сотрясатель Земли передал из Ронии рапорт, из которого следовало, что запасы оружия и другого оборудования, доставленного из будущего, оказались настолько велики, что теперь вопрос о перевооружении армии можно считать решенным. Высокий Стол на это даже надеяться не мог. Кугал сообщил, что груз уже

упакован, организован транспорт — на днях он высылает караван по южному маршруту, пусть более длинному, но менее опасному, чем западный путь. Даже несмотря на объявленное перемирие… Тяжеловооруженная охрана, состоящая из гвардейцев тану, доставит оружие по Роне в Сейзораск, оттуда сухим путем, по ответвлению Большой Южной дороги, в Сазаран, потом вновь по воде до устья Гаронны, далее королевский флот перевезет оружие в Горию.

Насвистывая что-то бравурное, Эйкен, выехав на берег, нажал на клаксон — ревущий сигнал эхом отразился от песчаных дюн. Птицы бросились врассыпную… Король засмеялся. Теперь впереди лежала хорошо спрофилированная проселочная дорога, ведущая к только что построенному секретному железоделательному заводу, который в официальных документах — для сохранения тайны — именовался особым сельскохозяйственным ведомством. На сегодня было назначено торжественное открытие всего производственного цикла. На церемонию были приглашены также четырнадцать молодых североамериканцев и кое-кто из самых высокопоставленных придворных.

Какой чудесный сегодня выдался денек! В си-

нем небе праздничными гирляндами плыли легкие, похожие на кочаны капусты кучевые облака.

— Слишком много приятных событий в один день. К чему бы это? — задумчиво сказал Эйкен, обращаясь к Дугалу, сидевшему рядом, в кресле второго водителя, и, не дождавшись ответа, решительно провозгласил: — За удачу! — Потом добавил: — Ты, вероятно, догадываешься, о чем идет речь.

— Зачем нам столько сразу — хорошего и плохого? Трудненько разобраться тому, кто в корень зрит. Благими помыслами вымощена дорога в ад. Потерявший осторожность в пасть дракона угодит.

— Пояснее не можешь? — перебил король. — Давай-ка, парень, без Шекспира…

Человек, называвший себя специалистом по истории средних веков, ответил в возвышенном тоне:

— Если помыслы твои светлы, зачем садиться в одну машину с детьми восставших?

— Вилкас сел туда, куда его послал шеф, — веско произнес Эйкен. — Меня об этом еще Йош предупредил — сказал, что в том вездеходе барахлит автоматический прокладыватель курса.

— Что можно возразить, всего лишь дурачок я, — вздохнул Дугал, — но вот что довелось услышать мне прекрасным этим утром, когда разгуливал по площади дворцовой. Они внимания на меня не обратили. Кто я — безвредный сумасшедший. — Потом Дугал вдруг заговорил просто и понятно, без всяких декламационных подвываний: — Сир, смысл их разговора был ясен. Они узнали о твоей метапсихической слабости, об этом их предупредил негодяй литовец. Они что-то замыслили.

Король долго молчал и вел вездеход уже без прежнего удальства, глаза его превратились в щелочки.

— Да, Вилкас, Йош и еще один парень — конопатый такой, — они были тогда в Каламоске, когда я готовил ловушку этим ребятам с Окалы. Но зачем Вилкасу предавать меня?

— Он считает, что причин у него предостаточно. Такие люди хуже гадюк. Озлобленные, завистливые, они спят и видят, как бы вцепиться в глотку хозяину. Более всего он обижен тем, что до сих пор не получил золотого ожерелья.

Альборан — Пожиратель Умов, сидевший со своей женой Эднар на штурманских сиденьях, расположенных за спинами водителей, накло-

нился вперед и озабоченно произнес:

— Если готовится измена, нам надо срочно вернуться в Горию, Ваше Величество. У нас здесь слишком мало верных друзей, да и машину, создающую защитный экран, мы с собой не захватили.

— Я собью с них спесь! — тихо и отчетливо выговорил Эйкен. Он прибавил газ, турбины взвыли, вездеход рванулся вперед и вскоре обогнал плотную вереницу машин, ехавших в сторону гористого плато, занимавшего центральную часть острова. Король помчался напрямую через безлесые пологие холмы. От тряски сломался дисплей переднего обзора. Эйкен припал к щелям, но скорость не снизил. Когда же вездеход добрался до подвесного моста, переброшенного через реку Прото-Оуст, он, как ни в чем не бывало, ловко притормозил и аккуратно переехал на другой берег. Здесь остановился, подождал, потом с помощью дисплея кругового обзора посмотрел назад — других машин еще не было видно, — затем навел камеру вперед. Менее чем в трех километрах виднелись невысокие, укрытые в расщелинах, хорошо замаскированные купола.

— Дугал, — спросил король, — ты совершенно уверен, что они решили сварить сегодня нечто

дурно пахнущее? Мы не можем позволить себе попасть в дурацкое положение. Все это выглядит так глупо.

— Глупость, сир, подобна солнцу — она светит повсюду, — ответил тот и сразу — с ним так часто бывало — сбросил маску полусумасшедшего. — В поездку отправились четырнадцать этих молодых смутьянов. Только мисс Клу и трое наиболее толковых парней остались дома. Этой массы мозгов вполне достаточно, чтобы организовать метаобъединение с преступными намерениями. И еще я слышал, как тот, с лисьей мордой, Ниал Кеог сказал, что посещение цеха по выплавке железа предоставляет уникальную возможность.

Альборан и Эднар почти одновременно мысленно вскрикнули:

«Ваше Величество, кровавый металл резко увеличивает мощность! К тому же его можно использовать против охраны тану».

Отставшие семь вездеходов появились на дороге. Впереди, направляясь к мосту, двигалась машина Хагена. Король с помощью дальновидения проник взором в кабину, но ничего подозрительного не обнаружил. Ремонт оборудования, очевидно, уже был закончен, и теперь североамериканцы щедро угощали Йоша, Вилкаса и Джима

дешевым мускадетом, пользовавшимся особой популярностью среди жителей Гории — они прозвали это винцо «собачьей радостью».

Эйкен сосредоточил вызывающий сигнал на сознании Йоша, привлек его внимание резким коротким импульсом и, предупредив, чтобы тот не показывал вида, что разговаривает с королем, прямо в лоб спросил:

«Очень важно! Не спеши с ответом… Можно ли умышленно испортить робот-автопилот, чтобы посадить тебя с помощниками в вездеход Хагена, а не в какой-либо другой?»

«Черт побери, шеф… конечно, можно. Почему ты спрашиваешь?»

«Все, молчок, Йош. Парень, будь настороже».

— Я знаю, — вдруг отвлек Эйкена Дугал, — есть небесный дух иль маг великий, большой недоброжелатель короля, чья измена может, откроется, а может, и не откроется, когда случится беда.

— Ты так думаешь, — заинтересовался Эйкен и усмехнулся в бороду, которую отпустил не так давно — объект колкостей и насмешек всех придворных зубоскалов. — Твой пророческий взгляд уж очень проворный малый, раз он хочет разом столкнуть меня и с Хагеном, и с его папашей. Здесь ты переборщил — я не так глуп, чтобы

ставить их на одну доску. Эти молодые наглецы объективно на моей стороне. Они сами не ведают, что творят. Считают, что наступил удобный момент, чтобы выйти из-под моего контроля. Они, очевидно, решили, что я полностью утратил свою мощь, после того как Вилкас рассказал им, какой спектакль я разыграл перед ними вблизи Каламоска.

— Они будут поражены, — подал голос Альборан, — увидев вашу мощь, когда вы возглавите наш метаконцерт.

— Так-то оно так, — кивнул Эйкен, — только организатор метаконцерта не должен пороть горячку. Без психокинетической энергии, заложенной в башку, конечно, не обойдешься, но не менее важны находчивость, предусмотрительность, умение рискнуть, а также способность создавать канал, по которому метаэнергия сможет разрядиться самым эффективным образом. Все эти стороны взаимосвязаны, сила складывается из многих слагаемых. Мне кажется, Хаген испугался, что один на один, без ментального единения за моей спиной, я не в состоянии противостоять Марку в схватке. Этакий наивный, сверхосторожный и при этом немного туповатый паренек… Молодо-зелено!.. У него воображения

не хватает представить, что можно выйти на бой без тройной защиты сигма-поля, без металлокерамических доспехов, которые с головы до ног должны прикрывать мое ослиное королевское величество от ударов из-за угла. Мальчик беспокоится, как бы его любимый папаша не сгреб меня в охапку и не натравил на них.

Через несколько минут все вездеходы собрались возле королевской машины, и Хаген почтительно по мысленному коду спросил:

«Сэр, вы решили показать нам свое умение водить машину? Должен признаться, что более умелого водителя я не встречал. Не желаете ли возглавить парадную колонну для въезда на завод? Я могу включить музыку — у меня есть записи военных маршей, исполняемых на волынке».

Эйкен сухо ответил:

«Следуйте за мной».

— Эти мерзавцы уже в полной готовности, — сказал Дугал, когда они тронулись с места. — Хаген только ради осторожности показал, что вполне осознает, кто здесь сеньор, а кто — вассал.

Потом историк с преувеличенным вниманием начал изучать вышитую золотом на его сюртуке

львиную голову.

Король скосил глаза в сторону Дугала. Кем он был на самом деле, этот тронутый на средневековых обычаях медиевист, который без всякого торквеса слишком часто проникает в его мысли? Или ему так кажется? Глянув на изображение, он в первый раз заметил, что над львиной головой сияла корона, и в следующее мгновение мысли унеслись в прошлое — в далекую нерастраченную юность, которая прошла на родной планете Далриада. Он тут же взял себя в руки — сейчас не время расслабляться, слишком серьезное испытание ждет его впереди. Он снова сосредоточился на управлении машиной, потом сказал:

— Прежде всего мы должны быть совершенно уверены, что они решились на теракт. Хуже не бывает, когда начинаешь дуть на холодное молоко и без толку тратишь энергию. Тем более что стрел в нашем колчане действительно маловато.

Руководитель нового металлургического производства Аксель ранее жил в рудном поселке в Вогезах, потом сбежал от свободных людей и прибился к королю. Был он человек крупный, грубоватый, с объемистым животом. Ожерелья не имел, но горлом обладал луженым. Получив от Эйкена полную свободу по устройству инду-

стриальной базы королевства, Аксель показал себя толковым организатором и в короткий срок создал на острове Бретань целый комбинат. При этом особое внимание он уделял вопросам безопасности. Завод мог выдержать усиленную бомбардировку ментальными зарядами сверху. Проникнуть внутрь производственных помещений тоже было непросто, шахтеры и рудокопы, которые подписали контракт, наверх до окончания его срока не поднимались. Все процессы были по возможности механизированы — от подземных работ в шахте, где были задействованы четыре врубовые машины, которые нашли в подвалах Стеклянного Замка, до розлива готового металла. Вредные газы удалялись специальными вентиляторами, приводимыми в движение с помощью силы падающей воды.

После короткой экскурсии по шахте и осмотра плавильных печей Эйкен и сопровождающие его люди и тану собрались на антресолях, устроенных на пятнадцатиметровой высоте над главным производственным помещением, где пышущий жаром, разбрасывающий искры поток расплавленного металла переливался в огромный, в три человеческих роста, ковш. Вокруг него суетились рабочие, одетые в серебристые защитные

костюмы. Когда ковш полностью наполнился, его переместили к громадной, имеющей форму яйца плавильной печи с открытым вверху отверстием, куда и залили железо первой выплавки.

— Металл из первой печи мы используем для изготовления наконечников для стрел, копий и других не требующих высокого качества изделий, — объяснял Аксель королю. — Или отливаем из него слитки, которые потом идут на ковку. Мы тут даже прокаткой занимаемся. Здесь шумно, как в аду, и не так интересно, как в следующем отсеке, где Ваше Величество окажет нам честь запустить в действие первый бессемеровский конвертер.

— Это, должно быть, интересно, — согласился Эйкен.

— Я уже хотел построить подобный аппарат в Хаут-Фуневиле, но наш главный специалист Тони Вейланд запретил. — Аксель состроил недовольную гримасу. — Он все время выдумывал что-то мудреное, словно без фантастических сплавов или какого-то необычного железа мы не разобьем фирвулагов. Вейланд так и не ввел в действие свою работающую на электроэнергии печь. Собственными силами мы не могли спасти оборудование из захваченной Финии.

Король внимательно выслушал инженера, потом спросил:

— Этот Вейланд, по вашему мнению, толковый металлург?

Аксель пожевал губами, потом кивнул в сторону Дугала:

— Вы лучше его спросите. Они были дружки не разлей вода. Все, что мне известно, я уже сказал — с помощью конвертера Бессемера мы можем наварить в сотню раз больше металла, чем в той духовке, которую выдумал Вейланд.

Огромный ковш наклонился, и расплавленный металл потек в широкое устье конвертера. Альборан обратился к королю:

— Думаю, у фирвулагов поджилки затряслись бы от страха, если бы они увидели все эти пышущие жаром машины, изрыгающие металл, который может стереть их с лица земли.

— Они увидят! — громко объявил Эйкен. — Я собираюсь приурочить к началу Великого Турнира открытие выставки, где будут показаны готовые изделия, изготовленные на этом заводе. Тогда, думаю, Шарн и Айфа поймут, что разгром свободных людей, живущих на руднике, им ничего не даст. Мы пустим все это в ход, если «маленький народ» будет по-прежнему стремиться к так на-

зываемой войне с Мраком.

Аксель внимательно следил за происходящим внизу. Один из рабочих в комбинезоне из серебристой металлизированной ткани поднял вверх сжатые руки в знак того, что все готово. Громадная бадья отъехала в сторону, и гигантское яйцо начало медленно поворачиваться в цапфах. Через некоторое время открытое устье конвертера оказалось направленным прямо на группу людей, столпившихся на антресолях. Гостей обдало жаром — что-то завораживающее, грозное, жуткое чудилось в огромной массе жидкого слепяще-белого металла. Все отпрянули… Яйцо не спеша вернулось в вертикальное положение и, не останавливаясь, начало наклоняться в другую сторону. Когда пасть конвертера оказалась прикрытой специальным защитным устройством, он замер.

— Все поближе! Поближе ко мне!.. — Разгоряченный выпавшей ему ролью Аксель начал покрикивать на гостей. — Сейчас я объясню, что будет дальше.

Эйкен, окруженный рыцарями тану из его свиты, стоял ближе других от дышащего огнем аппарата. Североамериканцы и другие люди разместились вдоль перил. Король неожиданно

обратился к экзотикам:

— Братья и сестры по разуму! Где же ваше гостеприимство? А ну-ка, освободите место для наших заокеанских друзей. Пусть они встанут поближе, тогда им будет лучше слышно, что Аксель собирается нам рассказать. Ты тоже, Йош! Иди сюда да захвати с собой своих ребят. Здесь еще есть над чем поработать. В смысле автоматизации… Так что тебе будет о чем поразмышлять на досуге. Необходимо значительно повысить качество продукции.

Самурай — обладатель золотого торквеса — почтительно поклонился.

— Как прикажете, Эйкен-сан.

Рыжий Джим буквально засветился от радости и сразу начал пробираться в первые ряды, только хмурый Вилкас неожиданно попятился. На лице у него появилось ошеломленно-испуганное выражение.

— Давай-давай, иди сюда! — Эйкен намеренно обратился лично к нему. — Сейчас нам покажут нечто необыкновенное. Ты что, не желаешь встать поближе к королю? Что толкаться там, возле Хагена и Ниала.

Молодой Ремилард и его тринадцать товарищей держались отдельной группой. Вилкас

откровенно льнул к ним, впрочем, как и Аксель. Руководитель комбината буквально лучился от радости общения с этими молодыми людьми. Шовинист до мозга костей, он испытывал к ним, не обладающим, как и он, ментальными ожерельями, особую симпатию. Вот и разболтался — выложил исподтишка, что железо — смертельно опасный металл не только для фирвулагов, но и для тану. Те внимательно слушали его.

Теперь Аксель с все более возрастающим волнением обратился к собравшимся:

— Конвертер Бессемера — это только на непросвещенный взгляд простое устройство. На самом деле это нечто замечательное. Вы, надеюсь, заметили, что сама камера не нагревается, однако уже через несколько минут температура расплава начинает резко возрастать. Почему? Дело в том, что через жидкий металл продувается воздух, который нагнетается во-он через те мехи, в камере начинается экзотермическая реакция, то есть реакция, не только очищающая металл от вредных примесей, но и протекающая с выделением тепла. Так что плавка сама себя нагревает!.. Во-он те мехи — это не просто примитивные воздуходувки, но работающие на солнечной энергий самые современные компрессоры. Выжигая углерод в

расплавленной массе, снижая его процентное содержание, мы тем самым можем получить сталь, а если при этом введем специальные добавки, то и металл с заранее заданными свойствами. Видите, содержимое конвертера закипело подобно лаве в жерле вулкана? — Он вытащил огромный цветной платок и отер вспотевшее лицо. — Есть какие-нибудь вопросы? — спросил он. — А то мы сейчас начнем выпускать металл.

— Послушайте, а это чертово яйцо не сварит нас живьем? — забеспокоился Дугал. — После всего, что вы рассказали насчет вулканической лавы, я, словно девушка, трясусь от страха.

— Никакой опасности, все предусмотрено, — заверил Аксель. — Господа, мы стоим в пятидесяти метрах от конвертера, металл польется в другую сторону.

— Пусть он закончит рассказ, — сказал Хаген. — Все очень интересно. — Потом он поднял холодные голубые глаза на Эйкена. — Как вы считаете, Ваше Величество?

— Продолжайте, — коротко бросил король.

Аксель перегнулся через перила и махнул платком. Один из рабочих поднял руку и направился к большому колесу, с помощью которого открывался вентиль, запирающий воздуховоды. Как

только вентиль был открыт, послышался оглушающий свист и из печи полыхнуло пламя. Искры брызнули слепящими росчерками, ударили в защитный экран, прикрывавший заднюю стену помещения. Жаркая волна прихлынула и опалила всех стоящих на антресолях. Здание заходило ходуном. Цветные дымы заиграли в солнечных лучах и струями протянулись в вытяжные щели.

— Это еще что! — закричал Аксель. — Сейчас такое начнется.

Оператор у вентиля еще больше открыл заслонку — воздух под сильным давлением начал перемешивать толщу расплава. Раздался громкий рев, постепенно переходящий в раздражающий визг, словно конвертер громогласно возвестил о своем триумфе. Дымные «лисьи» хвосты окрасились ярким, с шоколадным отливом алым цветом, струи удлинились, насытились металлическим паром, заиграли пурпурными, розовыми и оранжевыми тонами. Расплавленный шлак очередями брызг подобно метеоритам падал на пол.

Постепенно язык пламени, бьющий из верхнего отверстия конвертера, окрасился позолотой, и чем дальше продолжался процесс выжигания углерода, тем прозрачнее становились дымы. Незаметно Хаген и компания отошли от перил

влево, Вилкас было потянулся за ними, потом передумал. Одет он был в роскошный наряд для дворцовых приемов, который не очень-то вязался с изумленно-испуганным, глуповатым выражением лица и бегающими глазами. Он ежесекундно смотрел то на короля, то на пламя, вырывающееся из конвертера, потом все-таки решился приблизиться к североамериканцам. Они стояли плотной группой, плечом к плечу, метрах в десяти от короля и его свиты. Удивительно, но глаза у них у всех были закрыты.

Цвет пламени, вырывающегося из устья аппарата, теперь стал снежно-белым. Искры пылающими бриллиантами продолжали разлетаться во все стороны. Неожиданно конвертер начал поворачиваться в боковых цапфах. Аксель громко воскликнул: «Нет!» — и вскинул руки. Следом мощная струя расплавленного металла ударила в защитный экран, прожгла его и, отразившись от стены, выложенной из огнеупорного кирпича, уже в форме нелепой, округлой, с узким длинным горлышком бутыли в доли секунды уничтожила деревянные балки, поддерживающие крышу. Рабочие внизу бросились врассыпную. Единственный смельчак у воздуховода, пытаясь наглухо перекрыть вентиль, крутил стальное

колесо… Все происходило в каком-то странном, беззвучном ритме — и замедленно!.. Словно время растянулось так, что мгновения превратились в минуты, секунды в часы…

Еще одна порция металла ослепительным факелом вырвалась из конвертера, плеснула на пол, растекаясь трехметровой, на удивление ровной и светлой дорожкой. Последовавший новый взрыв, взметнувший огромный комок расплавленной жижи, произошел почти сразу — аппарат едва успел изменить положение, но и этого хватило, чтобы струя металла ударила в балкон — как раз в то место, где стоял король.

Вилкас заорал от страха и бросился к лестнице. Цех напрочь заволокло дымом. В этот момент в сознание присутствующих ворвался вопль перепуганного до смерти литовца, так и не решившегося спуститься вниз:

— Помогите же. Бога ради, помогите мне кто-нибудь!

Вдруг рев прекратился, конвертер замолк — видно, рабочему удалось перекрыть воздуховод, — и в наступившей тишине стало отчетливо слышно потрескивание догорающих балок, поддерживающих балкон. Та часть антресолей, на которую обрушилась струя расплавленного

металла, мягко, ровно осела на пол. Никто из присутствующих не пострадал. Король обволок себя и свою свиту гигантской защитной сферой, которая у всех на глазах медленно таяла в дыму.

Аксель рухнул на колени, слезы текли по его грязному лицу.

— Что ты, парень, твоей вины в случившемся нет, да и никто не пострадал. — Маленький бородатый человечек в золотистом походном кожаном костюме глянул в сторону оставшихся наверху, на уцелевшей части балкона, североамериканцев. Те во все глаза, со страхом и удивлением, смотрели на короля.

Эйкен указал на них пальцем.

— И наших заокеанских друзей, кажется, не задело. Вот это была чехарда! У нас столько дел впереди — надо «врата времени» соорудить, защитить Многоцветную Землю от твоего папаши, Хаген… Хаген? Ты меня слышишь? Конечно, если с вами произойдет несчастный случай, мы уж как-нибудь управимся сами, однако, работая вместе, нам как-то сподручнее добиться цели. Ты согласен со мной, Хаген Ремилард?

— Согласен, Ваше Величество.

— А твои бравые хлопцы?

— Они согласны, Ваше Величество, — не заду-

мываясь, ответил Хаген.

Эйкен посмотрел на остывающий конвертер, окинул взглядом разгромленное производственное помещение, ткнул ногой кусок шлака, валявшийся на цементном полу, присвистнул, покачал головой, потом обратился к присутствующим:

— Знаете, а с небольшими доработками, прежде всего в области техники безопасности, эта штука вполне сгодится. Прежде всего надо защитить людей. Может, стоит раздать им серебряные торквесы?.. Однако лично я против подобной меры из-за нездорового ажиотажа вокруг ментальных ожерелий. Кто мог подумать, что это станет источником раздоров? Я мог закрывать на это глаза, пока у меня не было выбора и моей жизни не угрожала опасность, но теперь я обязательно займусь разбором этого случая. Ты *понял*, Хаген Ремилард?

— Понял, Ваше Величество.

Король махнул рукой разбежавшимся рабочим. Невидимая сила легонько подталкивала их поближе к Эйкену, и когда все встали в круг, он сказал:

— Все это пустяки, ребята! Правда? Тьфу на него!.. — Он указал рукой на конвертер. — Как

говорит мой закадычный друг Дугал, все хорошо, что хорошо кончается. — Потом он подозвал поближе тану и людей из свиты. — Тем не менее, парни и девушки, вот о чем я хотел с вами поговорить. Ходит много слухов, что король, мол, ослаб, что силы у него на исходе, что ему уже нельзя оставаться главой Многоцветной Земли. Так вот, плюньте и разотрите. — Он накрыл всех окруживших его метапсихической сетью, плотной, не позволяющей даже шевельнуться. — Что вы скажете на это? — И он снял ментальные тиски.

– *Сланшл,* Эйкен-Луганн! — закричали все хором.

Король довольно кивнул и замурлыкал какую-то песенку; единственные слова, которые можно было разобрать, звучали примерно так: «Хайль, наш повелитель!..»

Потом Эйкен подошел к Вилкасу, сумевшему наконец осилить лестничный пролет. Теперь он стоял на самой последней ступеньке.

— Вот еще один счастливчик, который даже не подозревает об этом. Что ж, сейчас ему все станет ясно.

Вилкас издал какой-то странный горловой звук. Стены, остывший конвертер, толпа людей — все поплыло у него перед глазами. Потом вдруг

предметы и фигуры обрели необыкновенную четкость, словно засветились…

Эйкен с симпатией подмигнул ему.

— Я ненавижу применять жестокие методы при мозговом просвечивании, но сейчас это просто необходимо. Ага!.. Какой позор!.. Все из-за того, что ты считал себя достойным золотого торквеса? Ты глуп и завистлив. Получив его, ты бы придумал какой-нибудь другой повод, нашел бы еще какую-нибудь причину для измены, которую ты совершил по отношению к человеку, доверившемуся тебе.

— Король, пощади! — успел выкрикнуть Вилкас.

В следующее мгновение он схватился за свой на глазах раскалившийся до густо-золотого цвета серый ошейник. Запахло паленым — Вилкас даже рук не успел убрать, как рухнул на грязный, заваленный шлаком пол.

— Ты мечтал о золотом ожерелье, — сказал король. — Ты получил его.

7

Отталкиваясь шестом, Тони Вейланд гнал свой ялик через обширные, густо поросшие камышом болота. Направление выдерживал по компасу — все дальше и дальше на север; поскорее бы миновать эту топкую, почти без разводьев, южную оконечность озера Брес и выбраться наконец на открытую воду. Терпеть подобные муки не оставалось сил — жара, бесконечные, пропитанные влагой туманы, постоянный запах гнили и, конечно, пиявки! Жуткие, с палец длиной!.. Такого количества этих безжалостных тварей он никогда не видел. Они буквально усыпали каждую тростинку. Пробираясь по этим зарослям, размышлял Вейланд, можно совсем без крови остаться. Пиявки впивались моментально. С трудом отдерешь!..

Прошло более трех недель, как он оставил разрушенный Барделаск. Большую часть пути протопал на своих двоих — так и шагал по Большой Южной дороге, проложенному по правому берегу Роны. Ему посчастливилось ни разу не встретить фирвулагов, которых здесь, на западной стороне, всегда было в избытке. Теперь они

все попрятались или сбежали. Непонятно… Много хлопот ему доставляло отсутствие удобных мест для ночлега — каждый раз, когда он останавливался на ночь, поблизости начинали рыскать стаи хищников; в низинах свирепствовали дикие кабаны со своими нахальными семейками. Пугали банды мародеров и грабителей, погуливавших в этих местах. Однажды он уже было совсем решил позвать на помощь… В тот день ему пришлось сделать большой крюк, чтобы обойти укрепленный лагерь, — кто знает, в чьих руках форт? В редком подлеске он и натолкнулся на разбойников. Выстрелил два раза, уложил пару негодяев, слава Богу, остальные тут же бросились в чащу.

Много опасностей подстерегало его на пути к Ронии. Прежде всего следовало избегать встреч с королевскими вербовщиками, забирающими в армию всех, кто попадал им в руки. Кого ни спроси, все были уверены, что война с фирвулагами не за горами, даром, что ли, большие отряды королевской гвардии прочесывали буши вдоль Южной дороги, на каждом проселке были выставлены заставы. Сначала выловленных мужчин приманивали щедрыми окладами и возможностью вволю пограбить; если те отка-

зывались, им на шеи вешали серые ошейники — и точка!.. Странники рассказывали, что кое-где на Многоцветной Земле уже объявили мобилизацию среди обладателей серых торквесов. В такое-то время да оказаться в армии! Не дай Бог!.. Тем более ему… То-то бы удивились вербовщики — откуда у нищего безродного путника золотое ожерелье? Тони быстро сообразил, чем мог грозить ему подобный вопрос, и надежно упрятал торквес под одеждой. При встречах с людьми — когда закупал провизию или шагал в толпе — он особенно тщательно следил за маскировкой.

Большое количество постов было выставлено в степи — там, где Южная дорога подымался к теснинам, в которых билась Рона. С вершин продуваемых ветрами холмов было видно окрест на многие километры; любой путешественник, попытавшийся скрыться, был бы сразу обнаружен. Потом бы его допросили… Конец известный — серый хомут на шею, пику в руки — и в строй. Если не хуже!..

Смутное подозрение шевельнулось в душе Вейланда, когда он наткнулся на вывеску:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПУТНИК!

ГОЛОДЕН? АЛЧЕШЬ ПИТЬЯ?

ОТЛИЧНАЯ ЕДА И НАПИТКИ ЖДУТ ТЕБЯ

ВПЕРЕДИ.

ХИЛТОН ХАУС — 6 КМ!

Сначала, прочитав объявление, оттопав к полудню порядочное расстояние, он воспрянул духом. Что значили шесть километров! Тем более что скоро его догнал обоз, везущий фураж для армейских халиков в Ронии. Один из возниц, по имени Виги, пожалел прохожего, подсадил на телегу. Он и объяснил чужаку истинное назначение трактира.

— Дьявольски опасное место, вот что там такое. Береги задницу, парень, если не хочешь получить в награду серый хомут и загреметь в ударную королевскую бригаду. — Он свистнул и хлестнул кнутом послушного халикотерия.

Погонщики, хорошо знакомые с отрядом солдат, пьющих в трактире, тем не менее в их присутствии чувствовали себя бедными родственниками. Они сгрудились в уголке, Тони попал в самую середку. Теперь он ничего поделать не мог, однако любую опасность решил встретить лицом к лицу. Легко было так сказать, а вот когда к нему, пристроившемуся за длинным столом и попивающему холодное пиво, обратился один из офицеров, у Вейланда душа ушла в пятки. Офицер был вроде бы настроен друже-

любно — поинтересовался «за жизнь» — как она, ничего? — посетовал, что Виги так худо угощает нового приятеля. Тони, прежде чем ответить, попытался справиться с дрожью в коленках.

— Спасибо, хреново, — ответил Вейланд. — Со здоровьем неладно. Еле хожу… Зря вы ко мне, начальник, присматриваетесь, я вам вряд ли подойду. Вам нужны бравые ребята. — Карабин Карбри он вместе с другими пожитками успел спрятать во дворе.

Глаза начальника команды вербовщиков сверкнули.

— Сколько всякой чепухи болтают о королевской армии! И что, мол, загоняют силой, кандалы на шею вешают. Не верь ты этим сказкам. Если ты, парень, человек образованный, не чета этим навозным жукам, — погонщики, спешившие поскорее поесть и утолить жажду, захохотали и начали подмигивать друг другу, — если у тебя есть специальность, мы можем послать тебя во вновь образованное научное ведомство. Оно создано под эгидой Гильдии Творцов. Направим к лорду Селадейру, он настоящий джентльмен. Тем, кто подходящий, у него сразу серебряное ожерелье вручают, и жизнь как у царя за пазухой.

— Да я… понимаете… больше по гуманитарной

части, — скромно ответил Вейланд.

— Мозги всегда мозги, — добродушно заметил начальник. — Тебе нужно в Горию. Там красота! Бабы такие — пальчики оближешь, и столько, что успевай поворачиваться. М-да, ночная жизнь… Сам бы пошел, — он тряхнул головой,

— если б взяли.

Он вытащил свернутый трубкой пергамент, отогнутый край которого был украшен огромной круглой печатью, шариковую ручку и красивую спортивную сумку из голубого вельвета — там лежало что-то комковатое, выпуклое.

— Только взгляни, парень! Кто может отказаться от этого? Давай подписывай, и завтра же караваном в столицу. А сегодня вечером в Ронии игры, пляски, век не забудешь. Что скажешь?

Погонщики и офицер захихикали, словно лунатики, и заставили Тони посмотреть на то, что лежит в сумке. Начальник расстегнул молнию и театральным жестом достал оттуда серое ожерелье. Смешки и шуточки сразу стихли.

Офицер толкнул ошейник в сторону Тони. Застежка была открыта — этакая выпуклость, две шишечки, вставлявшиеся одна в другую и сцеплявшиеся так, что самому снять ожерелье было невозможно. Если только с головой… Ожерелье

представляло из себя витую, с резным рисунком на поверхности трубку, внутри которой помещались особые компоненты, увеличивающие метапсихические возможности человека. По всей длине были проделаны маленькие вентиляционные отверстия.

— Сними шарф, — предложил офицер, — и надень эту штуку. — Он коснулся рукой серого ожерелья на своей шее. — Должен сказать, приятель, ты испытаешь незабываемые ощущения. Сможешь такое проделывать!.. Никаких головных болей, болячек, язв! Всегда будешь здоров как бык. И это только полдела. Если твой хозяин носит серебряное или золотое ожерелье, он сможет напрограммировать тебе такие развлечения, каких ты за всю свою жизнь не испытывал и не испытаешь. Что там секс, наркотики, водка… В один миг ты забудешь о всех своих несчастьях, и все с помощью этого волшебного ожерелья. Подпиши здесь. — Он положил перед Вейландом пергамент.

Четверо солдат — крепкие, крупные ребята — встали у Тони за спиной. Его мгновенно бросило в пот, он попытался привстать, но тут же был усажен на место.

— Я… я пока не готов, — хрипло сказал Вей-

ланд.

Погонщики уставились в свои кружки — что там они увидели на дне? — энергичнее, не глядя на Тони, заработали челюстями, защелкали орехами, потом по одному не спеша потянулись к дверям. Только Виги робко, словно извиняясь, посмотрел в его сторону.

— Подпиши, — приказал офицер. Теперь он не сводил с него требовательного взгляда.

— Подпиши! — хором подхватили солдаты. Их ухмылки более походили на волчий оскал.

Тони попытался отодвинуть свой стул назад. Не тут-то было! Офицер поднялся, взял ожерелье и двинулся вокруг стола к попавшемуся в ловушку посетителю. Он уже совсем было собрался надеть ожерелье на шею Вейланда, как тот неожиданно выкрикнул:

— Нет, *черт васпобери*!

Словно курок спустили в его голове — все остальное он уже делал машинально. Увидел только оцепеневшие лица солдат и офицера (сидя к ним спиной), холодно, мгновенно проник в их мозговые центры удовольствий, разом, спрессовав, вложил туда нечто сокрушительно приятное — они тут же повалились на пол, задергались в оргазматических конвульсиях…

— Веселенькое дерьмо… — едва слышно выдохнул Виги. Другие погонщики теперь с изумлением смотрели на Тони.

Оттолкнув стол, Вейланд поднялся, перешагнул через неподвижно лежащие тела, повернулся к товарищам Виги и снял шарф.

— Что сделано — то сделано! — сказал он. — Теперь я бы хотел поскорее убраться отсюда. Эти ребята, когда очнутся, ничего не будут помнить… я надеюсь. Но чем черт не шутит. — Тони сурово посмотрел на погонщиков. — Вы отвезете меня в Ронию или нет?

Виги, коснувшись ладонью лба, ухмыльнулся.

— Повозка ждет вас, ваше экзотическое сиятельство.

Тони взял серый ошейник и протянул его Виги.

— Я, конечно, тебе доверяю, но на всякий случай. Чтобы тебе было легче сдержать слово…

— Нет! — испугался тот. — Ни за что!..

Инженер-металлург отвратительно хихикнул.

— Что ж, приятель, тебе, видно, хорошо известно, что злоупотребление удовольствиями народа тану может свести с ума. Мы поняли друг друга? Тогда в дорогу.

Он было собрался разломать ожерелье, потом,

подумав, сунул его в вельветовую сумку и взял с собой.

Тем же вечером на черном рынке он за приличную сумму «толкнул» его какому-то спекулянту. На эти деньги купил полностью снаряженного халика, новую одежду, декамолевую надувную лодку и палатку, припасы и, наконец, подозрительно крупные, но очень чистые и красивые рубины для Ровены. Этот подарок должен был помочь ему помириться с женушкой. У него осталось достаточно монет, чтобы не тревожиться насчет долгого пути до Нионели, куда он следующим утром и отправился.

Однако переменчивая фортуна и на этот раз сыграла с ним злую шутку. Километров через сорок к северу от Ронии пришлось бросить халика — оказалось, что ему подсунули хромого скакуна. Возвращаться в город было рискованно — мало ли, вдруг его там уже ждут и тут же арестуют за нанесение ментальных увечий солдатам Его Величества. К тому же он находился в самом сердце территории, кишмя кишевшей ненавистными фирвулагами. Их не было видно, они прятались в схоронах, но Тони нутром чуял их присутствие, да и телепатический эфир подтверждал его подозрения. К северу тянулись редкие обозы с военными

грузами да отдельные странники, направляющиеся, как и он сам, в землю обетованную — в Нионель. Прибиться к обозу шансов почти не было, а шагать в одиночку значило непременно попасть в руки разбойников или фирвулагов. Кроме того, тащить такой груз было ему не по силам.

Тогда, после долгих прикидок, он решил двигаться по воде. Сона в тех местах разлилась широко, течение было медленным, поставив парус, можно скорехонько добраться до северного побережья озера. Если он боится сбиться с курса, то можно двигаться вдоль болотистых сонных лагун до той точки, откуда начинается Западный Тракт. В любом случае так он наверняка доберется до места. Правда, на этом маршруте особенно не разгонишься, однако безопасность почти гарантирована. Кто по доброй воле сунется в эти топи?..

Второй день он работал шестом, продираясь сквозь девственные заросли тростника. Было 27 сентября, жара, вонь… Гигантские пиявки липли как бешеные. Его дальновидение в этих топких чащобах совсем отказало, он мог ориентироваться только по наручному компасу. Тони проклинал себя за жадность — за то, что пожалел несколько

монет на автоматический прокладыватель курса, оборудованный вставляющимся в ухо пищащим устройством, который можно было купить на черном рынке в Ронии. Кто бы мог подумать, что в нем появится нужда? То-то он обрадовался, когда к вечеру второго дня выбрался на открытую воду, — даже закричал от радости! Неужели он больше никогда не увидит эти отвратительные, работающие без отдыха живые насосы? Выдумает же природа себе забаву!.. Тем временем солнце легло на купы дальних деревьев. С приходом ночной тьмы угомонятся комары и оводы, а пока следует натереться репеллентом — и в путь.

Скоро он наткнулся на череду едва выступающих из воды островов. Вот и место для ночлега нашлось. Душа у Тони запела. Утром он поспал подольше, потом приготовил легкий завтрак, за несколько минут надул походные декамолевые стол и стул, заварил кофе, разложил на столе булочки, купленные еще в Ронии. Они хранились в целлофане и оказались почти свежими…

Пара красно-белых попугаев внимательно следила за ним с ближайшего дерева. Небольшая водяная крыса неторопливо переплыла заливчик, где на берегу лежала декамолевая лодка. Только теперь Тони обратил внимание, что в

заливчике цвели крупные белые лилии. Ласково светило солнце, даже оводов не было, ветром их, что ли, сдуло?.. Только откуда ветер? Да Бог с ним, с этим ветром.

Ровена…

Он закрыл глаза, мысленно позвал ее. Ровена была не более чем в трехстах километрах отсюда. Может быть, его призыв, исполненный страсти, долетит до нее?

«Я возвращаюсь к тебе, моя маленькая женушка. Твой Тони теперь имеет золотое ожерелье, его дух непобедим. Теперь меня ничто не остановит. Жди меня. Жди…»

Он забылся и сквозь дрему услышал, как плеснула вода.

«Кто там?» — мысль сорвалась сама собой. Он открыл глаза, встал со стула, спугнул маленькую упитанную мышку, собиравшую крошки на столе.

Мыс, прикрывавший залив, густо порос тростником, с той стороны сквозь заросли бесшумно выскользнуло выкрашенное шаровой краской пятнистое каноэ. В нем находились пятеро мужчин и одна женщина, все очень крепкие физически, вооруженные до зубов. Следом из-за мыса показалась еще одна лодка, точь-в-точь

такая же, как и первая. Там сидела одна женщина и трое мужчин, на корме — упакованный груз, возвышавшийся над бортами. Сидевший на носу головного каноэ — чистокровный индеец из Северной Америки — вскинул бластер и повел стволом, указывая бросившемуся к своей лодке Тони, чтобы он вернулся на место.

Вейланд зло глянул на него. Поднял руки вверх. Оба каноэ причалили, и бандиты выскочили на берег. Одна из женщин сразу принялась рыться в его вещах, другие обшаривали окрестности. Их фигуры то и дело мелькали за кустами — двигались они совершенно беззвучно.

Женщина, перебиравшая его пожитки, была родом из Латинской Америки — глаза накрашены, веки намазаны чем-то грязно-голубым. Тони даже сплюнул от отвращения, однако та не обратила на него никакого внимания. Покопавшись, она вскрикнула от радости и, выхватив из чехла карабин, торжествующе подняла его над головой.

— Мадре, ты только взгляни на эту штуку! Два ствола — стреляй хоть из того, хоть из другого. Все равно, такой кого угодно надвое перешибет.

Пеопео Бурке спросил погрузившегося в мрачные раздумья пленника:

— Что-то я тебя не знаю. Как тебя зовут?

— Билл, — ответил Тони и отвел глаза в сторону. — Билл Джонсон.

Огромный негр, стоявший за индейцами, весело расхохотался.

— Смотри-ка! Послушай, парень, может, ты мой похищенный в детстве младший братишка? Знаешь, у него был неплохой тенор.

— Его не Билл зовут, — из-за спины Тони крикнула латиноамериканка. — Если, конечно, он не спер шелковые боксерские трусы… Нет, не спер!.. Здесь носовые платки, и всюду вышито «Тони».

— Можешь взять трусы на память, черт тебя побери! — закричал Тони. Он возблагодарил небеса за то, что спрятал рубины и деньги в нательном поясе.

— А это что? — удивленно воскликнула женщина и вытащила обернутую в металлическую обложку тонкую записную книжку. — Все это нам пригодится, правда, Пео? Парень-то на вид кажется знакомым. — Она подошла поближе и протянула записную книжку Дени Джонсону. Тот изучил обложку, потом открыл ее и прочитал вслух:

МЕТАЛЛОВЕДЕНИЕ Незабвенному Энтони Брайсу Вейланду от Общества алхимиков Уни-

верситет в Манчестере.

Джонсон легко выпрыгнул из лодки и направился к пленнику.

— Ба! Кого я вижу!.. Наш незабвенный сбежавший начальничек. Как же, как же, мы все тебя помним, Тони Вейланд. Помним, как ты предал наших ребят в Долине Шакалов. Сейчас мы тебя, негодяя, подвесим за шейку, а может, подождем немного, чтобы не портить себе аппетит перед завтраком.

Вейланд исступленно рванул шарф, обнажил горло, грудь — там блеснуло золотое ожерелье.

— Прочь, мерзавец! Не сметь ко мне прикасаться!.. Я одним движением могу выжечь твои мозги. — Он протянул руку, и сгусток метапсихической энергии — шарик плазмы — вылетел из его пальцев и упал в мокрый мох у ног Пеопео. Пламя зашипело, пошел легкий дымок… — Это только начало, Редскин. Теперь брось мне оружие, что у тебя в руках. Пусть остальные тоже ведут себя умненько, иначе…

«Тони Тони Тони»

Колечко огня запрыгало возле ног Вейланда. Бурке расстегнул верхнюю пуговицу на своей блузе, потом мысленно сказал:

«Как видишь, я тоже обладатель золотого торк-

веса, а это значит, что тебе не скрыть радиус твоей ауры. Он очень мал. Я бы сказал так — жидко писаешь, Тони… Совсем как я. Но нас больше, так что если не хочешь быть поджаренным, кончай блефовать».

— Ну вас всех к дьяволу! — отчаянно выкрикнул Тони. — Повесьте меня — и дело с концом!..

Бурке спокойно покачал головой.

— Ты нам нужен живой и невредимый. Последние недели я постоянно слушаю телепатический эфир — разговорами о тебе все уши прожужжали. Кажется, король Эйкен-Луганн спит и видит, как бы с тобой поскорее познакомиться.

— Чем я перед ним-то провинился? — простонал Тони. — Такое впечатление, будто вся Многоцветная Земля ополчилась против меня.

— Просто ты, парень, являешься очень ценным товаром, — коротко и непонятно объяснил вождь. — Это все, что тебе следует знать, — потом подошел к Дени Джонсону и вручил ему фотонное ружье. — Запомни, теперь он твой пленник, Желтый Глаз. Ты уж позаботься о нем, черт его побери, если хочешь когда-нибудь исполнить партию барона Скарпио в Ковент-Гарден.

— Это что ж выходит! — возмутился Дени. — Он с нами и на Ронию пойдет? Ты в своем уме,

Пеопео?

— Никакого нападения на Ронию не будет, — ответил Бурке. — Теперь это совершенно ни к чему. Теперь они сами будут стремиться договориться со свободными людьми. Мы теперь можем открыто явиться в Ронию, и полномочный представитель Высокого Стола Кугал — Сотрясатель Земли сам пригласит нас и тут же согласится на все наши условия.

— Из-за этого, что ли? — крикнул кто-то из свободных людей.

Бурке кивнул.

— Вейланд — перебежчик и прожженный негодяй, но в то же время он наш пропуск в двадцать второй век.

Свободные люди начали перешептываться, покачивать головами, кое-кто недоуменно поджал губы.

Латиноамериканка, шарившая в его вещах, возмущенно закричала:

— Очион Блу, Каролина и еще два хороших парня погибли из-за этого мерзавца! Он и ребят Бэзила предал. Я говорю — его надо повесить.

— Помолчи, Мериалена, — сказал Бурке. — Тони Вейланду вышла отсрочка от военного Верховного суда.

Женщина с ненавистью посмотрела на инженера.

— Все равно, и не думай, что я верну тебе эти трусы, — шипящим шепотом сказала она, потом повернулась к своим товарищам и объявила: — Я хочу есть.

Марк: Клу, девочка моя.

Клу: Папа! Ты не должен появляться здесь — это опасно…

Марк: Это только проекция. Похожая на те, что посылает твой дружок Кугал. Садик, конечно, место уединенное, но Эйкен Драм сообщил всем системам слежения мой телепатический отпечаток, так что d-переход в Стеклянный Замок для меня небезопасен.

Клу: Ты следил за мной в садике?

Марк: Наблюдал, но не подслушивал. Верь мне…

Клу: …Что ты хочешь?

Марк: Хочу, чтобы вы помогли мне. Ты и Хаген.

Клу: Слишком поздно.

Марк: Я достаточно наказан тем, что мои дети отвернулись от меня. Я был слишком увлечен своей работой, слишком нетерпим к обычным детским слабостям. Груб!.. Случай с тарпаном — непростительная ошибка, я хочу попросить

прощения у Хагена за тот прискорбный инцидент. Такой, каким о — вырос, он, конечно, не может помочь мне, но я страстно желаю, чтобы он понял, что я был жесток не по капризу, не из-за оскорбительной самонадеянности. Я был всего-навсего скверным педагогом, не мог понять, что можно, а чего нельзя было делать, даже из самых лучших побуждений…

Клу: Нет, это был сознательный акт насилия. Ты хотел, чтобы он потом всю жизнь боялся тебя. Ты хотел сломать его, лишить собственной воли, вместо этого он сбежал от тебя.

Марк: Не надо, Клу… Я хочу объяснить ему лично — увидеться с тобой, с ним… Объяснить, что вам не следовало покидать меня.

Клу: Мы никогда не позволим властям Галактического Содружества проникнуть в плиоцен.

Марк: Я знаю. Меня эта угроза никогда всерьез не волновала. Существует куда более важная причина, по которой вам нельзя возвращаться в эпоху Галактического Содружества.

Клу: Какая?

Марк: Давайте встретимся втроем, и я все объясню.

Клу: Я могла бы поверить тебе, но боюсь, что Хаген ни за что не согласится. Скажи, что ты хо-

чешь сообщить ему. Я передам.

Марк: Нет, так не получится. Я должен встретиться с вами лично.

Клу: Чтобы захватить нас? Так, папа?

Марк: Клу, девочка моя. Того, о чем я хотел попросить вас, нельзя добиться силой. Это последнее дело, если приходится применять ментальное принуждение. Я мечтаю о добровольном и свободном сотрудничестве.

Клу: Папа, слишком поздно. Мы уже сделали выбор. Мы будем свободными.

Марк: Вы ошибаетесь. Вы не сможете быть свободными в будущем. Не питайте иллюзий. Вами там займутся так же, как занялись мною. Вы пока не готовы в полной мере осознать тот факт, что вы мои дети, что у вас такая же наследственность… Я имел в виду рассказать вам все, когда закончу обследование звезд, когда у меня на руках будут какие-то результаты, иначе правда могла бы раздавить вас. Теперь вы решили действовать самостоятельно. Это самоубийственный путь.

Клу: Папа, Бога ради, о чем ты говоришь?

Марк: Я должен с вами встретиться. Лицом к лицу… Должен! Все мои мысли, надежды, все, над чем я работал, — для вас! Доверьтесь мне…

Клу: Я… Все, что могу обещать, это поговорить

с Хагеном. Но он боится, папа. Если честно… я тоже.

Марк: И для этого есть причины. Но не меня вам следует опасаться. Если только у вас хватит мужества, ваше будущее может быть ослепительным. Нам надо встретиться!

Клу: Я передам Хагену. Мы посоветуемся.

Марк: Спасибо, Клу. Я люблю тебя.

Клу: Я тоже, папа, но…

Марк: Пожалуйста.

…

Марк: Клу?

…

8

Уже падая в глубокую, прикрытую настом трещину, Бэзил Уимборн успел мысленно и лаконично распорядиться:

«Провал. Всем стоять на месте».

Чеза, второго в связке, сразу сбило с ног, потащило вперед лицом по зернистому колкому снегу, ледоруб вырвало из рук. Он успел громко выругаться и тут же застрял на краю трещины, потому что Дереку, третьему номеру, — так же, как и Нирупаму, четвертому, — уже хватило мгновения, чтобы с размаху вонзить ледорубы в молочно-белый хрустнувший лед. Туго натянувшаяся веревка приглушенно зазвенела…

Нирупам: «Как ты, Бэз?»

Бэзил: «Качаюсь вверх ногами, словно пойманный заяц. Секундочку, сейчас сниму рюкзак… ага! Страхуйте, только очень осторожно. Слава Богу, что я не ударился о выступ. Все произошло как при замедленной съемке. Чез тоже провалился?»

Чез: «Лежу на самом краю, этакая ласковая материнская губа».

Нирупам: «Пожалуйста, никаких лишних движений. Дерек, ты сможешь быстро завести

конец?»

Дерек: «Не поручусь».

В этот момент Чез громко выругался — поминания черта эхом отозвались в нависающих над ледником скалах.

«Край трещины режет веревку, как нож ломоть сыра. Я перехвачу…»

Бэзил все так же спокойно мысленно сказал:

«Я сейчас обрежу веревку, чтобы натяжение было поменьше».

— Ты что, Бэзил, не надо! — закричал человек на краю расщелины, и тут же у всех остальных членов связки возникла картинка — висящее вверх ногами, перегнувшееся тело Уимборна рухнуло с подвеса, вздымая легкое снеговое облачко, потом взгляд Дерека, наблюдавшего за падением Бэзила, скользнул по стенкам трещины — дна разглядеть было невозможно.

Бэзил: «Полегче, парень. Я же сказал, что подо мной достаточно широкий балкон. Я уже стою на нем».

Нирупам: «Что вы там творите?! Успокойтесь, ребята! Я сейчас закреплю якорь. Подождите немного, мы тут устроим замечательное представление. Вот только рюкзак сниму… Главные герои — бесстрашный Бэз, презирающий смерть,

и храбрый умелец Чез, не щадя жизни спасающий товарища».

…Глубоко, в самых недрах трещины, прорезавшей ледник, Бэзил, наконец смиривший удары сердца, не торопясь огляделся. Таинственно мерцала голубая толща льда, сверху нависал снежный козырек. Уимборн решил отойти в сторону по выдававшемуся в стене балкону. Груз крутился над головой на веревке. Чез пошевелился вверху, и снежный козырек рухнул как раз на то место, где только что стоял Бэзил. Вовремя он отошел — кусок был размером с вездеход, так бы и снесло в пропасть…

Бэзил: «Не волнуйтесь. Кажется, я смогу выбраться сам».

Все хором: «Что?»

Бэзил: «Балкон уходит вверх и вбок — там расщелина сужается, так что до скорой встречи. Обращаю ваше внимание на то, что лед испещрен трещинами, наст тонок… Ждите меня…»

Уимборн двинулся по ледяной полке до узкого места, где уже едва можно было пошевелиться. Бэзил потыкал кулаком в нависающий над головой козырек

— снег обрушился, вверху заголубело небо. Он собрался с духом и неторопливо вылез на

поверхность ледника, помахал друзьям рукой и засмеялся, увидев их вытянувшиеся лица. Потом, огибая трещину, осторожно зашагал к тому месту, где они крепили лебедку.

— Вы только посмотрите на него! — объявил Дерек. — Идет как ни в чем не бывало. Боже мой, когда я увидел, как ты провалился и Чез поехал вслед за тобой, я уже решил, что вы вскоре встретитесь в Валгалле note 18 с Филиппом.

Рюкзак Бэзила перекатился на поверхность ледника, лебедка, сматывающая веревку и работающая от солнечных батарей, подтащила его к ногам хозяина. Университетский профессор и трое инженеров на корточках попили горячего чаю, съели по кусочку шоколада.

— Падение в трещины в ледниках в связке редко приводит к смертельному исходу, — рассказывал Бэзил. — Это во много раз безопасней, чем падение со скалы или — как в случае с Филиппом — в подледный поток. Ему, бедняге, не повезло — он попал в так называемую мельницу: кашу из подтаявшего льда, снега и воды. Бывают такие расщелины, где вода хлещет понизу, подмывает ледник. Тут уж ничто не поможет, даже

---

note notes: Note18

дворец Одина в Асгарде, в котором живут храбрые воины, павшие в битве с врагами

психокинетическая сила лорда Блейна.

— Я до сих пор помню предсмертные телепатические крики Филиппа, — поежился Нирупам.

— В этом есть какая-то зловещая ирония — погибнуть в первый же день восхождения.

Чез смазал свое сильно ободранное лицо.

— Убейте меня, но и ты, Бэзил, мог бы повнимательнее следить за тем, что делается под настом… — заметил он.

— Мы же случайно просчитались, — ответил Бэзил. — Кто знал, что та расщелина полна воды.

Потом он достал из кармана пуховика складную подзорную трубу и начал осматривать средний гребень, тянущийся вниз от южной щеки Монте-Розы. Именно туда они и направлялись.

— Отыскиваешь короткий путь? — поинтересовался Нирупам. — Времени у нас в обрез. Когда солнце прогреет камни вон на том склоне, они вполне могут посыпаться нам на голову, а с этой стороны — видишь снежные доски? Оттуда можно ждать лавину как раз к обеду.

— Вижу, Нирупам, — откликнулся Бэзил, — но на этом леднике особенно не разгонишься. Тут трещина на трещине. Итак, нам надо выйти на срединный кряж. И где же подходящий кулуар для подъема? А что, если вон тот, лежащий в тени

второго жандарма? Он вроде бы полегче, чем остальные. Взгляни, Нирупам.

Нирупам посмотрел в трубу в сторону срединного хребта — цепь скалистых вершин, тянувшихся вниз от вершины Монте-Розы.

— Выглядит не очень-то привлекательно. Похоже, в эту расщелину солнце не заглядывало со времен миоцена. Что еще можно сказать? Лед плотный, почерневший от времени, по всей длине кулуара хорошо слежавшийся. Крепкий как бетон. Наши ледорубы будут отскакивать от него, как от стены. Если мы с помощью бластеров начнем выжигать ступени, эта работа займет не менее пяти часов. Я предлагаю другой маршрут — во-он в тот распадок, третий к северу от того, что ты предложил. Да-да, третий кулуар к северу… Он достаточно крут, чтобы по нему сходили лавины, — значит, снега там не много. Думаю, в ту сторону и надо держать курс.

Бэзил принялся изучать предложенный Нирупамом кулуар.

— Как считаешь? — спросил тот.

— Весьма интересно.

Члены группы допили чай и вновь зашагали вверх по склону. Ночевку они устроили рано, чтобы на следующий день затемно выйти в путь.

Их трудовой день начался в три часа ночи. В это время ледник Грессона был наиболее безопасен, его еще прихватило морозцем. Они вышли из заранее подготовленного промежуточного лагеря и двинулись к среднему гребню — к тому месту, где следовало разбить очередную промежуточную базу. Яркий убывающий лунный серп весело сиял в небе. Вокруг было очень светло, тихо, снег поскрипывал под ногами, длинные чернильные тени молча тянулись за людьми. Альпинистов горбатили рюкзаки — Бэзил и Нирупам тащили за плечами по сорок восемь килограммов, Чез и Дерек — по двадцать восемь, причем часть груза была оставлена в первом промежуточном лагере на высоте 5585 метров. В предрассветных сумерках они перевалили за шестикилометровую отметку и заложили вторую промежуточную станцию. Подобрав подходящее место, сложили там декамолевые палатки, запасы пищи, лебедку и огромную бухту веревки. Далее предстояло добраться по распадку до гребня и там закрепить еще одну лебедку. В 9 часов 30 минут они одолели ледник, лежавший в ложбине между кряжами — поспели вовремя, так как в полдень им не удалось бы пройти его из-за потока талых вод. Теперь же перед ними лежало нечто подобное

гигантской лестнице с широкими — словно для ног великана — ступенями. Пока лед был скован ночным морозцем, они легко добрались до основания желоба Дарджилинг. Здесь им пришлось преодолеть снежные завалы, служившие перемычкой, соединявшей главный ледник с боковыми ответвлениями. И вот наконец ослепительно белый, искрящийся склон… Маршрут Бэзил, насколько это было возможно, сместил влево, чтобы не попасть под лавину или камнепад. Кулуар тянулся вверх метров на девятьсот — большую часть этого расстояния альпинисты двигались по хорошо спрессованному снегу, перемежаемому участками темного и хрупкого льда.

Сначала они шли ходко, однако уже через час Чез и Дерек устали. Альпинистами им пришлось стать только в силу необходимости. Теоретически освоить технику хождения в ботинках с прикрепленными к носкам кошками куда легче, чем применить ее на деле. Теперь они едва передвигали ноги, на каждом шагу помогая себе ледорубами. Бэзилу и Нирупаму все чаще приходилось травить веревку и даже останавливаться. А ведь шли они по подвижному льду, и, хотя он не показывал вида, тревога ни на секунду не оставляла Уимборна.

Вскоре солнце поднялось над головами, и ложбина с обрывистыми оледенелыми склонами стала похожа на адскую печку. Участники восхождения накинули капюшоны, однако это не принесло облегчения. На такой высоте солнечная радиация была нестерпима. От блеска рябило в глазах. Оглянуться, окинуть взором окрестности, пройденный путь — забудь об этом! Сверху беспрестанно сыпались комки льда. Капюшоны пока выдерживали игольчатые обломки, но сам факт бесконечного ледяного града, где каждая градина была с детский кулачок, производил угнетающее впечатление. Бэзил Уимборн прекрасно все понимал, и, когда они добрались до выступающего из лежалого снега скального ножа — где-то на середине подъема, — он приказал остановиться на короткий привал. Они попили чаю. Дальнейший подъем показался им более легким. И на самом деле, пласт под ногами уплотнился, нога вставала прочно.

Скоро нагрянула новая беда — ободранное во время падения Бэзила лицо Чеза совсем распухло, ссадины кровоточили. Можно было бы для защиты от прямых солнечных лучей надеть шелковую маску, однако в желобе стояла такая жара, что даже мысль об этом была нестерпима, поэтому

Чез постоянно протирал лицо мазью из какого-то антибиотика.

Они двигались не менее получаса, как вдруг Бэзил телепатически просигнализировал, что на ближайшем снеговом балконе необходимо сделать остановку.

Бэзил: «Ниру, старик, тебе этот склон ни о чем не говорит?» — Он указал ледорубом на нависающую часть склона.

Нирупам: «Если судить по цвету льда, то вполне возможен сход. Лед весьма неприятный».

Бэзил: «И я так же считаю».

Нирупам: «Альтернативный траверс, черт побери, вдвое длиннее. Мы и к двум часам не доберемся до вершины кряжа».

Бэзил: «Рискнем?»

Нирупам: «Ты — начальник, тебе и решать. Однако каждый лишний час на солнце может окончательно доконать Чеза. Парень может ослепнуть».

Бэзил: «Послушай, Чез, старик. А что, если мы втащим тебя в третий промежуточный лагерь на тросе? Для нас всех будет безопасней, если мы упакуем тебя и втащим на седло с помощью лебедки».

Чез: «Ребята, простите, что стал для вас обу-

зой».

Дерек: «Не говори глупостей, парень. Давай-ка мы с тобой поменяемся в связке. Если порвется репшнур?.. Ну что же, вам будет легче. Вы навсегда запомните мои ботинки с кошками, а те внизу, в Бетафорке, послушают мои вопли».

Бэзил: «Успокойтесь, ребята. Не надо нервничать…»

…Бэзил постоянно оглядывался, старался не спускать глаз с неопытных товарищей, двигавшихся сзади. Пока они оба бодро переставляли ноги. Чез для безопасности был связан с Дереком тонким репшнуром, тот, в свою очередь, был готов при необходимости мгновенно закрепить всю связку. На душе стало полегче — ребята не сдаются. Или точнее — не сдадутся! Что бы ни произошло. От этой мысли потеплело на душе. Тем временем нудное попискивание все больше и больше тревожило Бэзила.

Первым опасность заметил Нирупам, постоянно следивший за идущими впереди товарищами. Он и хруст услыхал первым, интуитивно глянул вверх… Там что-то ярко блеснуло — в следующее мгновение обнажилось нечто подобное пасти с острыми клыками, а чуть ниже сбегал вал снега.

— Она пошла! — закричал Нирупам. — Дер-

жись! Держись!

Его крики потонули в нараставшем грохоте, словно кто-то придавил педаль органа, и звонкий шум перерос в неумолимый рокот. Лавина промчалась как раз перед ними. Альпинисты прижались к склону, втянули головы в плечи… Бэзил машинально выхватил из чехла молоток и с силой левой рукой вогнал его в лед, тут же схватился за ледоруб и молоток. В этот момент вторая лавина пошла прямо на них.

Он едва успел вскрикнуть:

— Держись, ребята! *Держись*!

Чез ответил первым — ответил криком ужаса. Его закрутило колесом в массе снега и битого льда. Дерека сбил с ног огромный пласт снега — только ледоруб его мелькнул в воздухе. В отчаянной попытке зацепиться он перерубил трос, соединявший Бэзила и Нирупама. Индийцу досталось больше других. Сбитого с ног рывком от падения Дерека, его мгновенно поволокло вниз… Остановиться он уже не мог — шея у него была сломана.

Обрушившаяся лавина пролетела в метре от Бэзила. Когда основная масса льда и снега пронеслась мимо, он отважился оторвать голову от наста и невольно глянул вниз. Как раз в этот момент

лавина достигла подножия кулуара и, вздымая снежные брызги, рухнула на камни, погребая под собой еще живых людей. Чез успел напоследок выругаться, Дерек просто сказал: «Прощайте!» Нирупам спокойным телепатическим голосом начал читать молитвы. Он обращался к Шакья-Муни. Голос его был тих, безмятежен. Позвоночнику него был сломан в нескольких местах, и он быстро, спокойно умер. Бэзил долго окликал друзей, выкрикивал в эфир их имена, потом не выдержал, уткнулся лицом в снег и беззвучно заплакал. Снег, скалы не услышали ни стона, ни всхлипа, только слезы, обильные, горькие, текли по его лицу. Он перевернулся на спину — солнце светило ярко, торжественно, бездонным куполом маячило над головой голубое небо, было тихо…

Успокоившись, Уимборн вызвал по дальней связи лорда Елейна.

«Нет, — ответил Бэзил, когда тану-психокинетик предложил ему возвращаться в базовый лагерь, — я не поверну назад. У меня лебедка и тросы, склон теперь сбросил лишний снег, да, я попытаюсь… Я установлю лебедку, я сделаю это. Для чего мы шли? Зато второй команде поддержки будет легче одолеть эти чертовы ледники и скалы. Нет, я вернусь в первый промежуточный

лагерь до темноты».

Блейн неохотно согласился. Чем он мог помочь ему? Тану сидел и слушал, как этот человек, вновь отправившийся вверх, бормочет стихи на каком-то неизвестном земном языке. Они вроде бы называют его латынью.

Тану внимательно вслушивался в звучание непонятной речи. Помнится, перед выходом на маршрут Бэзил цитировал какого-то Киплинга, но эти стихи, кажется, рождались сами по себе… Неожиданно цепочка слов продолжилась на английском:

Иди, безумец, поспеши одолеть грозные Альпы.

Теперь они восхищаются отважными первопроходцами, Но кому теперь нужна ваша коварная лесть.

Иди, человек, и добудь победу!

Все-таки люди, покачал головой Блейн, странные существа.

9

Эйкен в одиночестве стоял на балконе и с помощью дальновидения наблюдал за происходившим на «Кулликки». В Гории уж совсем стемнело, но на просторах Атлантики еще стояли закатные сумерки. Свежий бриз наполнял отливающие темной бронзой паруса, одновременно служившие и гигантскими солнечными батареями… Море на западе пламенело, тяжкое багровое око солнца почти лежало на океанской глади… Эйкен перевел взгляд на восток — туда, где в горных долинах уже царила непроглядная ночь, где звезды разбежались по угольно-черному, парящему над землей лужку…

Над ее плечом тоже сияла яркая белая звезда, она тоже стояла на балконе.

Эйкен позвал: «ЭЛИЗАБЕТ!»

«Как у тебя дела, дорогой?»

«Лелею в себе львиное начало. Издалека рассматриваю „Кулликки“, попиваю пиво и обжираюсь вареными яйцами. Меня охраняют три слоя защитного поля, никак не могу заснуть, все думаю о том, что луч рентгеновского лазера прошьет эти силовые поля, как иголка ткань. Ты,

случайно, не знаешь, где сейчас Марк?»

«Нет. Когда он покинул нас в четверг, после того, как мы вылечили Брендана, он ни слова не сказал насчет возвращения в наш дом у Черной Скалы. Если ты настаиваешь, я могу проверить Горию…»

«Пожалуйста».

«…Все чисто, если только он не пользуется метапсихическим зонтиком».

«Ты уверена?»

«Эйкен, я не могу вот так запросто отыскать его, как обыкновенного человека. Когда он проходит через суперповерхность — с хлопком, с треском,

— любой, даже невыдающийся оперант может определить его местонахождение. Я точно знаю, что пока он неспособен проносить с собой какие-либо объемистые или тяжелые предметы. Только что-нибудь маленькое, незначительное, что можно спрятать под доспехи. Ни о каком рентгеновском лазере и речи быть не может. Ты в полной безопасности. Кроме того, я не думаю, что он поставил своей целью убить тебя. Пока…»

«Что же это он так! Вот его любимый сынишка даже не поморщился… Раз

— и покушение готово! Хорошо, что нам удалось остудить его пыл. В стратегическом смысле

пока статус-кво, если не считать, что Бэзил и его ребята скоро пригонят сюда летательные аппараты. Я держу Хагена и Клу на коротком поводке. Пусть вместе со старым Село работают над деформатором тау-поля».

«Как продвигается проект?»

«Пока все идет хорошо. Они почти наполовину опустошили мои склады, где хранилась контрабанда из будущего».

«Ты еще не задумывался над вопросом: будешь ли возвращаться в Галактическое Содружество?»

«Все, о чем я сейчас размышляю, — это о неизбежном столкновении с Марком. Как же мне одолеть его?»

«Он выберет место и время по собственному усмотрению. Если ты не поступишь так, как я тебе предлагала».

«Встретить его во всеоружии в твоем доме? Нет, вашими жизнями я не могу рисковать. Он и там сумеет выскользнуть… Элизабет, он и с тобой встретился тогда и там, где хотел».

«Он уже имел шанс взять власть надо мной. Это случилось, когда лечение Брендана было почти закончено. Но он не воспользовался этой возможностью. Мне кажется, ты не до конца понимаешь Марка».

«А ты понимаешь? ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ТВОРИШЬ?..»

«Куда лучше, чем ты. За то время, что я работала с ним, я изучила груду материалов, относящихся к истории восстания. У Марка, безусловно, есть собственный кодекс чести. Правда, довольно странный. Если он предложит встретиться с тобой на нейтральной почве и я буду присутствовать там в качестве наблюдателя, он не ударит исподтишка».

«Ха! В подобных ситуациях я бы начал лупить его в хвост и в гриву, невзирая ни на какие условности».

«Нет, ты бы не стал… Если, конечно, дашь мне слово. Уж кого-кого, а тебя я знаю как облупленного».

«Чертова баба! Попробуй только заикнись об этом! Вся суета вокруг Марка гроша медного не стоила бы, если бы не d-переход. Когда он усовершенствует и полностью овладеет специальной программой переноса полезного груза, что может помешать ему взять и водрузить „Кулликки“ посреди двора в Стеклянном Замке?»

«Послушай, Эйкен. Попытайся понять… Стоит ему овладеть подобной программой — и У НЕГО НЕ БУДЕТ ПОВОДА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

СОЗДАНИЮ „ВРАТ ВРЕМЕНИ“. Я хочу, чтобы в этом вопросе у нас было полное взаимопонимание».

«?.. Ты имеешь в виду, что полиция уже ничего не сможет поделать с Марком, если он в любой момент будет готов перепрыгнуть на какую-нибудь планету? Вместе с его дряхлеющими бойцами и со всеми их причиндалами?»

«Точно».

(Бурная радость.) «Женщина, возможно, ты и права (уныние, резкий провал в отчаяние). ДА-А, А ОБ ЭТИХ ЧЕРТОВЫХ ДЕТЯХ МЫ ЗАБЫЛИ. ЭТО ЗДОРОВО УСЛОЖНЯЕТ ДЕЛО. Я ВЕДЬ СТАРАЮСЬ ПОДДЕРЖИВАТЬ В НИХ БОЕВОЙ НАСТРОИ».

«Любое решение должно включать и судьбу детей. Марк ни в коем случае не хочет с ними расставаться».

(Растерянность. Гнев. Расщепление чувств. Усталость.) «Знаю, дорогой. Ничто не дается даром. У меня тоже ни минутки свободной — последние дни я отслеживала ситуацию, складывающуюся на Монте-Розе. Пришлось кое-что посоветовать Бэзилу».

«Ты считаешь, что фирвулаги из Фаморела атакуют их завтра? У них две штурмовые колонны? Они намереваются любой ценой помешать ребятам перебраться на другой склон горы?»

«Да, однако следует учитывать, что осталось два дня до Великого Перемирия — и „маленький народ“ из Фаморела настроен куда более консервативно, чем Шарн и Айфа. Традиция для них — непреложный закон. Они, безусловно, попытаются атаковать, но, как только наступит первое октября, сразу откажутся от своих попыток».

«Я сегодня наблюдал за их маневрами вблизи лагеря Бетафорка. Черт побери!.. Если бы я мог что-нибудь сделать! К сожалению, я едва справился с постановкой защитной сферы, когда сошел с ума конвертер Бессемера. Хаген и его ребята не догадываются, что это испытание обошлось мне очень дорого».

«Ты теперь быстро наберешь силу, я в этом не сомневаюсь, ведь слияние трех личностей в тебе завершилось. Ты скоро ощутишь себя куда более могучим, чем прежде».

«Не сомневаюсь. Если останусь жив. Однако пока я грубый ремесленник… Ты знаешь, нас только двое из всей Зеленой Группы осталось».

«? Зеленой Группы?»

«Все остальные ушли от нас. Я как-то подумал: кто же теперь окружает меня? Чокнутый Дугал, который без конца несет вздор о каком-то таинственном Аслане, мои тану из Высокого Стола,

решившие, что Марк Ремилард и есть Враг, с чьим появлением начнется приход Мрака. Так что, Элизабет, только ты да я да мы с тобой».

«Эйкен, родной. Не слишком ли много ты выпил пива? Может, еще и виски глотнул? Ты же никогда не отличался слезливой сентиментальностью. К тому же ты не прав. Жив Стейн».

«Я искал его. От него ничего не осталось — ни кучки пепла, ни рогатого шлема».

«…Да, ты немного перебрал. Я обещаю показать тебе и его, и Сьюки, и даже маленького Тхора, если ты пообещаешь мне не встречаться с ним и не впутывать его в свои делишки».

«У них появился ребенок? Здорово!.. Я обещаю!.. Конечно, обещаю… Клянусь честью короля-узурпатора. Зачем я буду вмешиваться в их судьбу? Но подожди… они счастливы?»

«Как только могут быть счастливы любящие друг друга создания».

(Удовлетворение. Слезы на глазах.) «Ты покажи их мне. Ну пожалуйста…»

«Минутку. Вот, смотри». (Образ: остров на реке, половинка луны, брызжущая светом в окно домика и отражающаяся в стекле; черная, с серебристыми блестками, вода. Кипарисы, дубы, коричные деревья, колода… Издали — кирпич-

ный дом, на берегу лодка-плоскодонка, в реке плеснул крокодил, живая изгородь, за ней залитый серебряным сиянием садик; потом, как бы сверху, план участка — тростниковая крыша, труба. Теперь отодвинутая занавесь из бусинок, летняя спальня. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ НА РУКАХ.) «Ты сказала, малыша зовут Тхор? Сколько ему?»

«Около двух месяцев. Чудесный, здоровый ребенок…»

«Сьюки выглядит просто замечательно, а Стейн… постарел. Чем они живут?»

«Он охотится, ловит рыбу, ставит сети на птиц, силки… Иногда, очень редко, спускается вниз по Гаронне в Росилан, чтобы продать или купить что-нибудь. Сьюки упрашивает взять ее с собой, но он отказывается — боится, что ей захочется переселиться поближе к людям, тану…»

«Помнишь, как Стейн помог Фелиции? Тогда, на Гибралтаре? Это его беспокоит?..»

«Он не может забыть, считает, что так было необходимо, но случившееся по-прежнему мучает его. Тебе не следует появляться в его жизни. Пусть он излечится от ран». (Образ: ребенок заплакал, отец осторожно взял его под мышки, малыш зачмокал, отец улыбнулся. Улыбка у свет-

лобородого великана вышла просто зверская.) «Он стал примерным отцом».

«Ты так считаешь? Значит, такова его судьба, и никому не дано изменить ее».

«Да, конечно. Этим можно все объяснить. Тогда почему второй матерью мне стала Мейвар, а не ты?»

«Потому что она — это она. Ты подсознательно поверил ей и полюбил плюс твоя ранимость. Ты выбрал себе родителей и возродился вновь».

«Но тебя я тоже люблю!»

«Как сестру. Я же ледяная женщина, не забывай об этом».

(Тихий смех. Созерцание медленно гаснущей картинки.) «Смешно, но раньше меня никогда не волновали подобные вещи».

«Ты всегда испытывал интерес, только раньше не мог понять, к чему именно. Так что не беспокойся насчет этого».

«Возроди мою мощь! У меня столько неотложных дел!.. Сейчас не время философствовать. А вот и неожиданная хорошая новость: мы наконец засекли следы Тони Вейланда, инженера-металлурга, крайне необходимого для осуществления проекта Гудериана. Кто бы мог поверить! Пеопео Бурке и его свободный разбойный сброд захвати-

ли Тони и предлагают нам сделку. Все они хотят вернуться в Галактическое Содружество. Конечно, я согласился. Бурке завтра прибудет в Ронию и договорится с Кугалом насчет обмена».

«Хм. Я не беседовала с Пеопео с того момента, как начала заниматься Бренданом. Странно, что он решил использовать человека как товар».

«Тони когда-то предал их. И, очевидно, ему было предоставлено право выбирать: болтаться на веревке или добровольно работать на меня».

«Легких тебе забот, Эйкен».

«Спокойной ночи, Элизабет».

Ровно в полночь Уолтер Саастамойнен поднялся на мостик, чтобы сменить на вахте Патрицию Кастелайн.

— Надеюсь, все спокойно? — спросил он и большим пальцем нажал на кнопку включения автоматического прокладывателя курса. Проверив соответствие пройденного пути рассчитанному — две линии высветились на экране дисплея, — он, не дожидаясь ответа, заметил: — Для новичка ты просто отлично держишь курс, Пэт. За четырехчасовую вахту машинка всего один раз подправила тебя.

— Для меня это удовольствие, а не дополнительная нагрузка. Если бы ты знал, как мне надоели

наши совместные метапсихические учения. Вряд ли мои ментальные мускулы станут намного сильнее от этих упражнений. Скорее наоборот… С моим складом ума мне претит всякая обязаловка. Но попробуй только заикнись Джефу об этом! — Она поджала губы от негодования.

Уолтер занял место у штурвала, отключил автопилот и, постепенно расслабляясь, всем существом слился с душой своего доброго верного корабля. Они были давними друзьями, им всегда было хорошо вместе, достаточно намека, чтобы понять друг друга.

«Здравствуй, моя красавица! Здравствуй, „Кулликки“!» — неслышно сказал он, потом обратился к Пэт:

— Только шхуна и осталась у меня. Я бы хотел всегда быть рядом с ней, плыть долго-долго… На юг, например. Вон туда, — он махнул рукой, — вдоль побережья Африки… Вокруг мыса Доброй Надежды… Мы бы вошли в Индийский океан, повидали бы плиоценовую Азию… Хорошо!.. Только Марк никогда не разрешит. После антарктической трагедии… Но сейчас-то нам что может помешать?

Патриция, сварившая кофе для капитана и стоявшая рядом с кружкой в руках, нахмурилась.

— Что-то я тебя не понимаю.

— Если у Марка получится что-нибудь стоящее с d-переходом, «фараонам» из Галактического Содружества не будет до нас никакого дела. — Уолтер глянул в обзорное устройство, заменившее древние бинокли. — Я так понимаю, что когда он освоит новую программу, то заберет *всех нас на новую планету*. Пока он занимается этой проблемой, мы могли бы попутешествовать… Забыть наконец о ссоре с детьми по поводу «врат времени». Уверен, что они бы приостановили работы, если бы мы ушли далеко-далеко.

— С чего это? — Голос Пэт был ровен, спокоен. — Какие-то странные мысли посещают тебя, Уолтер.

Саастамойнен словно не слышал ее. Он посмотрел на экран метеорологического дисплея, выдававшего метеообстановку и рядом — цифровые данные распределения давлений и температур.

— Не очень-то я доверяю этой штуковине. — Капитан постучал пальцем по стеклу. — В ее схемы попала вода, когда шхуна лежала на дне. Однако взять на себя ответственность за изменение курса я не могу. Пусть Марк проверит систему. Если мы опять попадем в шторм, то могут повториться те ужасные два дня, помнишь? Если мы изменим

курс, то легко уйдем от беды.

Патриция не поддалась на такую уловку. Она сказала:

— Ты же сам знаешь, что Хаген ненавидит отца. Парень буквально рвется в будущее, чтобы донести Магистрату на Марка. Вот почему мы вынуждены применить силу, чтобы предотвратить создание деформатора тау-поля. Другого решения просто не существует. Если *ты не сумеешь убедить детей*, Уолтер… Ты же их любишь…

— Я люблю идти под парусом ночью по лунной дорожке. Вот что я люблю! Мне не так уж часто выпадает такая возможность. Когда я в такую ночь стою у штурвала — это просто чудо…

Она резко поставила кружку на экран, где высвечивалась карта с нанесенным маршрутом.

— Тогда сунь голову в песок, — Пэт повысила голос, — сиди и дожидайся. Что за глупые бредни! Разве мы можем разрешить конфликт уговорами? Соберемся в кружок, поплачемся друг дружке в жилетки… Поверь, мы с Корделией Варшавой лучше знаем — скоро и Марк будет вынужден с нами согласиться.

Капитан сжал губы. Он глядел прямо вперед, чуть-чуть подворачивая рулевое колесо.

Патриция начала доказывать:

— Я разговаривала с Джорди насчет телепортации больших масс. Для того, чтобы Марк мог перемещать объемные материальные объекты, он должен распространять на них создаваемое его разумом ипсилон-поле. Значит, подводимая к его скафандру энергия будет распределена по некоторому объему, и напряженность поля в каждой точке заметно упадет. Чтобы поддерживать ее на должном уровне, он будет вынужден напрягаться так, что может надорваться. Тем более что недопустимы резкие движения, скачки, иначе одна часть объекта полетит туда, другая сюда. Пространство, где возникает ипсилон-поле, должно быть единым целым. Крамер не уверен, что Марк в принципе обладает возможностью создать такой эффект в объеме, превышающем его тело. Таким уж он уродился, силенок не хватает… Теперь насчет пассажиров — все они нуждаются в специальных устройствах, позволяющих выжить при d-переходах. Я имею в виду бронированные скафандры. Они у нас есть? Тот, который носит на себе Марк, весит три тонны. Кроме того, испытания займут много времени… А я не думаю, что Хаген и Эйкен Драм отложат открытие «врат времени», даже если Марк разрешит все проблемы с d-переходом.

— Мы можем договориться с ними, — коротко заметил Уолтер.

Патриция, стоявшая у двери, обернулась.

— Да, можем! С наведенными на них рентгеновскими лазерами, со всей мощью объединенного разума. — Она вышла и хлопнула дверью.

Уолтер мысленно проследил за ней до того самого момента, когда Пэт вошла в свою каюту и закрыла дверь на ключ. Потом капитан так же осторожно обежал мысленным взором все остальные помещения на «Кулликки». Его товарищи в большинстве своем мирно спали, кое-кто читал. Только два человека бодрствовали: Марк Ремилард, бродивший где-то в чужих краях, и Алекс Манион, который неожиданно оказался на свободе и, будучи выпущен на палубу, с веселым остервенением драил доски шваброй. Работал он с неразлучным усмирителем на голове. Никто бы не додумался до мысли отослать его в постель — только полноправные операнты имели право отдавать ему приказания, всем остальным запрещено общаться с потенциально опасным дурачком.

— Бедняга! — прошептал Уолтер. Вот смутно вырисовывающаяся в ночи фигура Маниона скрылась из виду. Некоторое время Саастамойнен

размышлял о несчастной судьбе человека, вся вина которого заключалась в том, что он сказал детям правду об отцах.

Отцы и дети… Уолтер вздохнул, потом подтянулся, настроился — подошло время связи с Вейко, и он забыл о специалисте по динамическим полям.

Уолтер: Привет, мой мальчик.

Вейко: Здравствуй, отец.

Уолтер: Как дела?

Вейко: Один из альпинистов заболел воспалением легких, другой отморозил ноги. Это в добавление ко всем остальным несчастьям… Но мы движемся вперед. Движемся! Сегодня полностью оборудовали третью промежуточную базу. Основная группа завтра отправится в решительный штурм. Бэзил все еще наверху, он отослал вниз, в лагерь Бетафорка, вспомогательную группу, которая заложила третью точку. По всем правилам, мы должны ждать, пока они не вернутся в лагерь. Но фирвулаги не дают покоя, они недавно обстреляли нас, поэтому Бэзил приказал тибетцу-медику Тонгзе вести главную группу. В ней шесть человек. До соединения с Бэзилом… На третьей стоянке они разобьются на две команды, как и планировалось раньше, и с промежутком в

два часа отправятся за аэропланами.

Уолтер: Выходит, что за последнюю неделю Бэзил вообще не отдыхал?

Вейко: Он просто дьявол какой-то. Ведет все группы. Не могу поверить, что ему уже семьдесят два стукнуло. Конечно, он омолаживался…

Уолтер: Марк всего на год старше его, я — на два.

Вейко: Ну, о том, что этот чертов Марк бессмертен, мы все хорошо наслышаны. Но ты выглядишь… я думал…

Уолтер: Регенерационный автоклав на Окале, которым мы все пользуемся, немного барахлит. Да я и нечасто в него влезал. Думаю, Бэзил, если он такой супермен, продукт более высокой технологии эпохи Галактического Содружества.

Вейко: Для той эпохи это обычное дело… я так думаю…

Уолтер: Сам увидишь.

Вейко: Отец, ты уверен, что без этого нельзя обойтись?

Уолтер: У вас, у детей, должен быть выбор. Вы имеете право сами решать, что делать.

Вейко: О Боже! Но Марк может убить тебя!

Уолтер: Вполне. Но прежде он хорошенько подумает. Предположим, сломался навигационный

автопилот. Предположим, что начался шторм. Кто тогда сможет удержать вручную эту четырехмачтовую рыскающую сучку?

Вейко: Я помню штормягу в Море Росса! Считаешь, что если ты… Что Марк не отважится?..

Уолтер: Мальчик, я исполню задуманное, чего бы мне это ни стоило. Буду надеяться, что Марк пощадит меня. А впрочем, что будет, то будет. Я не знаю, когда мне подвернется удобный случай, но когда такой момент наступит, я разобью их вдребезги. Они хорошо защищены, но я как-нибудь доберусь до них.

Вейко: Отец!..

Уолтер: Смотри, чтобы тебя и Ирену не погубили эти черти-гоблины или кто там еще. Если с вами что-нибудь случится, боюсь, я не переживу этого.

Вейко: Мы хорошо защищены, у нас полно оружия. Все замечательно. Но вот ты… Когда ты собираешься?..

Уолтер: Когда выпадет удобный случай. Не беспокойся. Вызови меня завтра, если получится. Если нет, то во вторник.

Вейко: Тану, которые находятся с нами, утверждают, что в среду, сразу после восхода, фирвулаги, возможно, прекратят наступление. Вступит в

силу перемирие, а это для них святое дело.

Уолтер: Ну вот и все. Береги себя, сынок. Кто-то тут рвется на мостик, я должен его пустить…

Вейко: Удачи.

Уолтер включил автопилот, потом повернулся к двери.

— Привет, Алекс, давай, заходи.

— Я — звонкий менестрель, — пропел Манион, — мой плащ судьбой залатан… — Он тут же принялся протирать тряпкой иллюминатор.

Уолтер тихо и отчетливо произнес:

— Алекс, прекрати. Иди сюда, выслушай, что я скажу.

Человек с усмирителем на голове одернул одежду и вытянулся перед капитаном.

— Среди нас ты, Алекс, самый сильный психокинетик. Думаю, у тебя хватает силенок преодолеть тиски усмирителя, только ты не показываешь вида. И не показывай, не показывай… Послушай, Алекс: Я ЗНАЮ, КАК МОЖНО ПОМОЧЬ ДЕТЯМ! Но я нуждаюсь в поддержке. Ты понял?

Манион широко улыбнулся — его морщинистое, с небритой щетиной лицо буквально засияло. Он тихо пропел:

Но буду ли я тот, кого никто не видит?

Обман подделке рознь — пусть будет все по-

прежнему.

Уолтер сжал его руки.

— Ты хочешь помочь? Сможешь прожечь кожухи изнутри? Понимаешь, я неспособен справиться с усмирителем.

Алекс снова запел:

И внешний вид его был прост, но не обман ли это?

Улыбка добрая ужель уловка зла?

Одежда чистая, но что под ней таится?

— Послушай, добрый человек! Нам надо незаметно прокрасться на нос и попытаться сломать хитрый замок, который навесил Марк.

Алекс прошептал:

Неслышной поступью к добыче подкрадемся; И в тишине дыханье затаим…

Уолтер посмотрел ему в глаза.

— Я собираюсь испортить рентгеновские лазеры, чтобы Марк не мог использовать их против детей. Конечно, у него есть и другое оружие, однако средства защиты, находящиеся в распоряжении детей, способны отразить его. Но на эти рентгеновские пушки управы нет. Кроме того, со временем наше метаобъединение будет слабеть, а мощь коротышки короля будет возрастать. Когда Марк обнаружит, что мы натворили, он,

возможно, прихлопнет нас как мух. Но в тебе он нуждается, да и без меня никто не сможет управиться с этой парусной посудиной. Так что у нас есть шанс. Если мы исполним задуманное до прибытия в Европу, кто знает, как повернется дело. Марк, глядишь, совсем откажется от использования силы. Чем он сможет их запугать? Ну, парень, решай.

Алекс подумал и затянул тоненьким голоском:

Злодей на отдыхе, вдали от грязных дел, Когда в покое его коварство пребывает, Бесхитростно способен веселиться, Как самый честный и достойный человек.

Подрагивая, правое веко Маниона опустилось, поднялось… Уолтер готов был поклясться, что дурачок подмигнул ему.

— Марк только Бог знает где, остальные — кто спит, кто занят своими делами, — хрипло произнес Саастамойнен. — Сейчас самое время. — Он взял Алекса за руку и повел к выходу, как маленького. Манион счастливо улыбался.

10

«Бетс, просыпайся! Подъем, парень!..»

Мистер Бетси пошевелился. Рука с наманикюренными ногтями вылезла из обшитого шелком спального мешка и, зацепив пальцем вязаную шапочку, надвинутую почти до шеи, принялась стаскивать ее с головы. Все движения совершались медленно, во тьме белела и перемещалась только кисть — неведомый неторопливый зверек, сдирающий шапку с человеческой головы. Вот обнажился подбородок, увесистый прямой нос, наконец открылось око — и сразу все как бы совместилось — мистер Бетси сел в спальнике. Потянулся, разводя руки, зевнул, глянул на наручные часы — 2:16. Серый торквес, зазвенев, снова дал о себе знать, разогнал остатки сна.

Мистер Бетси зевнул еще раз и сердито спросил:

— Чтоб ты лопнул, Оокпик! Что ты суетишься в такую рань? Не спится, что ли?

«Плохие новости, Бетс. Элизабет только что подняла дежурного по дальней связи тану — фирвулаги сейчас полезут на Бетафорку. Бэзил еще сообщил, что погода наверху начинает пор-

титься. Мы не можем ждать рассвета, выступаем сейчас же, через десять минут».

— Кучу дерьма бы им на голову! — вслух заявил мистер Бетси.

«Кому им?»

— Да всем! Фирвулагам, погоде!..

Оокпик не обратил на эти слова никакого внимания, только добавил:

«Оружие не забудь».

Что-то проворчав в ответ, мистер Бетси выполз из спальника и на карачках двинулся в сторону стола, где стоял фонарь — тусклый свет залил небольшую декамолевую надувную палатку. Так же в полусогнутом положении он дополз до обогревательной печки и блока для приготовления пищи. Здесь с вечера сушились его ботинки и верхняя одежда. Он посмотрел на датчик температуры — за окном чуть больше нуля. Дожили… Скоро зима. Что поделаешь… Главное — не забыть надеть теплые подштанники и вязаную безрукавку. Теперь можно и штаны натянуть, свитер, непромокаемую куртку. Он застегнул застежки на ботинках, потом надел поверх штанов пестрые гетры и прочее альпинистское снаряжение. Чтобы просушить спальник, он вывернул его наизнанку и засунул в духовку микроволновой

печи, на несколько минут включил ее, потом вытащил мешок и нижнее белье, аккуратно свернул и уложил в рюкзак. Вроде бы все… Так, ледоруб, теперь «Ведерви Магнум», бластер…

Что ж, пора в дорогу… Шесть минут… Мистер Бетси улыбнулся, похвалил себя и, откинув полог, шагнул в чернильную альпийскую ночь.

С запада тянуло легким теплым ветерком. Вчера в лагере прошел обильный снегопад, сегодня к полудню все растаяло, и теперь под ногами чавкала мокрая земля. Все-таки вездеходы здесь крепко попортили природу… Ничего, за шесть миллионов лет все восстановится, зарастет травой, одичает… В лагере стояла совершенная тьма. В целях предосторожности мистер Бетси очень медленно двинулся вперед; как только глаза привыкли к мраку, он различил между палаток фигуры часовых. Это были золотые торквесы из отряда Блейна. Хорошо, что не спят на посту. Как тут заснешь, когда фирвулаги в двух шагах. Половинка лунного диска выплыла из-за вершины Монте-Розы. Свет ее был бледен, изжелта-зелен, окружен густой туманной дымкой. Склоны горного массива были увенчаны как бы двойным облаком — на самой вершине что-то вроде плоской кепки, чей оторванный козырек висел

дальше к востоку.

Мистер Бетси вошел в просторную палатку, где обычно проводились общие собрания. Оокпик сидел один-одинешенек — сгорбился на скамейке возле шкафчика, где хранились съестные припасы, пил чай и закусывал солеными слизнями.

— Очень рад, что во всей этой гоп-компании нашелся хоть кто-то, сумевший прийти вовремя, — сухо ответил эскимос на кивок мистера Бетси, — остальные все еще ползают по полу в поисках носков, включая нашего уважаемого атамана доктора Тонгзу. Садись, Бетс, попей горячего чаю. Чай не пьешь — откуда сила? Чай попил — вот это сила!.. А ты знаешь, эти французские извращенцы не так уж не правы. Слизни — такая вкуснятина. — Заметив гримасу отвращения на лице мистера Бетси, он вздохнул: — Дикий ты человек, Бетс… Видал облачко над вершиной? Наверное, лукавый ту кепочку надвинул.

— Точно, — коротко ответил Бетси. Он снял вязаные рукавицы, альпинистское снаряжение — веревки, карабины, отстегнул ледоруб и чехол с молотком, связку крючьев, потом добавил: — Лорд Блейн делает хорошую мину при плохой игре. Могу поклясться, что из этой переделки нам так просто не выбраться. Как эти фирвулаги

смогли так замаскироваться, что подобрались почти вплотную, а Элизабет только теперь всполошилась. Куда она раньше смотрела? Никто и предположить не мог, что они сумеют добраться до нас раньше завтрашнего утра. Ночной переход через грязный ледник, да еще в теплую погоду — все равно что сломя голову мчаться по стройплощадке. В полной темноте.

Оокпик поднял еще одного брюхоногого, похожего на рыжую оладью слизня, критически осмотрел его и отправил в рот.

— Ты не единственный, — сказал эскимос, проглотив кусок, — кого подняли в такую рань. Я только что разговаривал с Бэзилом — они наверху тоже не спят.

Бетси положил в кружку с горячим чаем огромный ломоть застывшего меда.

— Я всегда считал, что ты можешь телепатически разговаривать на расстоянии не более нескольких сотен метров.

— Тренируюсь, — просто ответил Оокпик. — Ты бы удивился, узнав, что хороший, полновесный испуг увеличивает производительность этих серых клеточек. — Он постучал себя по голове. — Кстати, Стэну стало хуже.

— Бог мой!..

— Он — крепкий старый морж, однако воспаление легких на такой высоте

— это не шуточки. Его надо срочно переправить во второй промежуточный лагерь, где пониже и условия получше. Там ему станет легче. К сожалению, его придется транспортировать. Бэзилу и Тэффи придется тащить его на декамолевых санях.

— Как дела у маленькой Фронси?

— Ноги у нее уже обрели чувствительность, если погреть их телепатически. И кровь вроде бегает… Она даже может ходить, но не быстро. Фронси уговаривает Бэзила оставить ее и поскорее позаботиться о Стэне. Она заявляет, что сама сможет вернуться во второй лагерь, вот только пару дней отдохнет. Или подождет, пока мы сможем отправить спасательную команду.

— Ага! — кивнул мистер Бетси. — Если только фирвулаги не захватят Бетафорку. Спасательная команда!.. Единственные альпинисты после стольких потерь — это Клиф и Сиско Бриско. Они, кстати, тоже не очень-то разбираются в горах. И силенок у них маловато осталось.

Он настороженно оглядел разложенных на блюде слизняков и отодвинул от себя наполовину обгрызенное яство.

— Усталость — вот главная беда, она уменьшает наши ряды с неимоверной быстротой. Тут еще новая забота — фирвулаги очумели! Кто их гонит в атаку на ночь глядя! Не дай Бог, наверху разразится буря…

Дверь в палатку отворилась, и через порог переступили три тану и Канг Ли — человек, обладающий золотым ожерельем, начальник караула. Блейн Чемпион и Арон, готовые к восхождению, выглядели в альпинистской одежде совсем как люди. Только у Очала Арфиста вид был совершенно сверхъестественный. Чем-то жутким, фантасмагорическим веяло от его фигуры, закованной в аметистовые доспехи, поверх которых надеты пуховик с капюшоном и ватные брюки. Капюшон накинут на роскошный рыцарский шлем.

— Сейчас все соберутся, — вместо приветствия сказал Блейн. — Мы решили, что показать все на карте лучше, чем использовать телепатические картины. — Он развернул на столе пленку с нанесенным на нее изображением. В этот момент в хижину вошли все те, кто составлял основную группу, целью которой было добраться до аэропланов. Последним вошел руководитель группы доктор Тонгза. Он невозмутимо улыбался, его

узкоглазое лицо излучало спокойствие.

— Пора открывать совещание, — объявил он. Кто-то, не стесняясь, заржал.

Объяснения давал Очал. Он ткнул в карту пальцем — на руке у него была надета бронированная перчатка, — повел заостренным концом по пленке, на которую была нанесена топографическая карта. След от острия горел ровным малиновым светом.

— Противник, чего мы никак не ожидали, совершил непредусмотренный маневр, — начал он. — Они потерпели значительный ущерб от оползня. Кто бы мог подумать, что, несмотря на это, они разделят свои силы. Тем не менее этот факт не вызывает сомнения. Большая часть «маленького народа» преодолела перевал Святого Бернарда и, двигаясь по речной долине, добралась вот до этого места. Как вы видите, здесь отличный рубеж для развертывания. Их — около сотни…

— А остальные? — спросил Оокпик.

— Вот с ними-то как раз и неувязка. Элизабет не может засечь их. Удалось установить, что в отряде около семидесяти бойцов, наиболее сильных в метапсихическом смысле воинов. После того, как они разделились, этот отряд двинулся в сторону

ущелья Вальпель. Стены там отвесные, так что даже Великий Магистр не смогла определить направление их движения. Известно, что сначала они шли на северо-восток, потом свернули на восток. Смущает вот что: местность там почти непроходима, но если они преодолеют эти осыпи, куда же они выйдут? — Он ткнул пальцем. — Сюда? Сюда? А если сюда?.. Да-да, мы склоняемся к мнению, что они постараются перехватить нас во время подъема.

— С той стороны на нас движется атмосферный фронт, — засомневался Оокпик. — Может, буря усмирит их на время?

— Нам следует немедленно отправляться по маршруту, — заявил Тонгза. — Как только мы поднимемся на ледник, фирвулаги не осмелятся нас преследовать. Тогда мы будем в безопасности.

В палатке установилась мертвая тишина.

Очал мягко возразил:

— Вы не совсем верно понимаете ситуацию. Противник вряд ли решится штурмовать Бета-форку. Им прекрасно известно, что мы их здесь ждем, что оружия у нас достаточно. Неужели вы не видите, что, с точки зрения фирвулагов, у них есть куда более выгодные возможности. Если они преодолеют трудно проходимый участок, то

у них появится шанс просто подождать нас на маршруте во время восхождения. Такова суровая реальность. Фирвулаги — народ древний, их родина в галактике Дуат сродни этим горным местам. Они тысячу лет прожили на Многоцветной Земле, но и за этот срок не растеряли те качества, которые издревле присущи горным народам. «Маленький народ» Фаморела куда более других фирвулагов приспособился к здешним местам. Они преодолеют все трудности. Кроме того, они искусные мастера дальновидения, поэтому для них нет никакой тайны в наших усилиях.

— Этого не может быть! — заявил Тонгза, физик из Тибета.

— Может, — кивнул Очал. — Они стремятся любой ценой сорвать наши попытки овладеть аэропланами. Какой смысл в таком случае штурмовать Бетафорку? Не выгоднее ли перехватить нас во время подъема: ведь у отряда, собирающегося атаковать Бетафорку, тоже появятся шансы.

Глаза Тонгзы блеснули, на плоском лице застыло тревожное выражение.

— Тогда нам следует отложить подъем, пока враги не будут уничтожены.

Блейн нахмурился.

— Кем они будут уничтожены? Бэзилом? Ст-

эном с Фронси?.. Если мы потеряем время, мы потеряем все! Король приказывает выступать немедленно. Мы сможем их опередить, если не будем слишком осторожны. Сейчас каждая секунда дорога. Фирвулаги тоже при последнем издыхании, не многие из них смогут вовремя добраться до ледника. Если же мы промедлим, они отдохнут, займут и оборудуют позицию. Тогда нам крышка.

— Но мы же не можем одновременно штурмовать перевал и вести бой! — закричал Тонгза.

— Что поделаешь, придется, — заметил мистер Бетси. Он вскинул рюкзак на спину, щелкнул застежками, накинул капюшон на вязаную шапочку — розовый помпон сдвинулся набок. Мистер Бетси не торопясь поправил его.

— Подожди! — зло приказал Тонгза. Его окрик и других принудил прекратить подготовку.

— Чувствуется, что вас сегодня поведет новичок, — сказал Магнус Белл.

— Это безумие! — воскликнул Тонгза. — Когда я соглашался вести основную группу, я не мог ожидать, что на пути нам еще придется стрелять. Я решительно отказываюсь!..

— Ты пойдешь впереди, — подал голос мрачный Арон. Его лошадиное лицо всегда как бы носило

маску недовольства, ожидания худшего, однако этот рыцарь тану являлся редким исключением среди собратьев — он никогда не использовал свои телепатические способности при игре в кости. Это был огромного роста, буйволиной силы экзотик. — Ты, низкорожденный, можешь скинуть со своих плеч бремя ответственности, если таков твой выбор. Но ты пойдешь впереди. Как бы то ни было, но ты альпинист и умеешь управлять аппаратом. Ты пойдешь с нами в любом случае, даже если мне придется тащить тебя на спине.

— Это невыносимо! — простонал Тонгза.

— Почему же? — вздыбил брови мистер Бетси. Он сжал Тонгзу, и в то же время чьи-то чужие руки — их было много — надели ему на плечи лямки рюкзака, защелкнули пряжки, сунули за ремень ледоруб. От бластера тибетец отказался.

— Сам подумай, — продолжил мистер Бетси, — как аэропланы без тебя обойдутся? Подумай, как без них можно соорудить «врата времени». Прикинь, может, ты сам воспользуешься ими, чтобы вернуться в будущее? Разве ты не хочешь вернуться в Галактическое Содружество?

Слезы навернулись Тонгзе на глаза.

— Раньше я не хотел возвращаться. Но теперь… да. Да! ДА!!

…Они переползли через трухлявый, подпорченный водой ледник Грессона, потом разделились на партии, по четыре человека в каждой, и организовали связки с полной подстраховкой, несмотря на то, что путь был обвешан флажками. Где-то громко журчала вода, пористый лед трещал и ломался. Через некоторое время они услышали громоподобный грохот — видно, огромный кусок оторвался от ледопада и рухнул вниз. Луна, окруженная радужным ореолом, сияла в небе, такое же многоцветное свечение полыхало и над вершиной Монте-Розы.

Оба тану поддерживали непрерывную связь с промежуточным лагерем. В то же время они не забывали ежеминутно обегать мысленным взором окрестности. Фирвулаги могли в любом месте устроить засаду. Пока вокруг было тихо. Два часа, пока вверху, вдоль правого ската Монте-Розы, не забрезжил рассвет, они шли по леднику. Тонгза двигался первым, с помощью ледоруба с длинной ручкой ощупывал наст под ногами — он вел Назира, Бенгта и Арона. За ними поднимались: Оокпик впереди, потом Бетси, Магнус и Блейн Чемпион. Пока все складывалось удачно — никто не провалился в трещину, не сломал ногу. Торквесы помогали видеть в темноте. Тонгза

двигался по им самим выбранному маршруту — в ситуации-то он разбирался, но шагал страшно медленно.

Мести начало, когда они добрались до верхней оконечности ледника. Вокруг лежали горы битого льда и снега. Неожиданно Блейн объявил по мысленной связи:

«…Элизабет сожалеет, но ухудшение метеоусловий и мощные экраны, поставленные фирвулагами из северной группы, не дают ей возможности следить за их передвижениями. Она их потеряла. Южная группа сейчас находится в восьми километрах от Бетафорки…»

Дождь со снегом приглушил его последние слова. Эфир наполнился руганью — все проклинали погоду, из-за которой им пришлось плотно закрыть чехлы с оружием. Арон помогал Тонгзе не сбиться с пути и обойти наиболее продуваемые участки. Местами они были вынуждены ползти на карачках, прямо по воде, и оба рыцаря тану не жалели усилий, чтобы, используя торквесы, мгновенно просушивать носки, обувь и одежду альпинистов, так что пока они не испытывали холода.

Во время подъема Магнус предупредил тану:

«Если вы будете сушить с такой быстротой, мы

себе в момент мозоли набьем».

Блейн: «Потерпи, менее чем в половине лиги я вижу палатки».

Оокпик: «Это сколько же метров будет?»

Арон: «Не знаю, но вам с вашими хилыми ногами потребуется два часа, чтобы доползти туда. Если, конечно, вы их по дороге не переломаете».

Назир: «Аллах акбар! Ребята, мне кажется, что я куда-то проваливаюсь. Точно!!»

Тонгза: «Бенгт, ты как? Заводи конец».

Назир: «Черт, а глубоко здесь… Противно болтаться…»

Тонгза: «Лорд Арон, сможешь его вытащить?»

Арон: «Упси-пупси, коротышка».

Словно в лифте, араба потащило вверх из узкой, извилистой трещины, угрожавшей навсегда поглотить его. Оба психокинетика поставили его на ноги, мысленно просушили одежду.

Блейн: «Шторм разыгрался, Назир, так что погладить твою рубашку мы не сумеем. Походишь в помятой. Подожди до привала, согласен?»

Назир: «Поверить не могу. Здорово!..»

С рассветом буран прекратился, ветер утих.

— Алое небо на восходе, — сказал Магнус, — предвестник тепла. Так говорят матросы. Не знаю, справедливо это для гор или нет?

— Возможно, — согласился мистер Бетси. В его голосе не было особенной радости. — Глянь вперед, видишь, туман рассеялся, а там палатки.

Все повеселели. Сами декамолевые серебристые хижины были невидимы на фоне голубовато-серого льда, только оранжевые флажки, трепетавшие на ветру, указывали, что до промежуточной базы оставалось не более полутора сотен метров.

— Вот сейчас отдохнем, обсушимся, приготовим настоящую еду, — весело затараторил Тонгза. — Видно, фирвулаги оказались благоразумнее, чем мы. Наверное, ночуют где-нибудь в теплом укрытии. Шагайте, ребята, немного осталось!

На последнем слове он споткнулся — тонкий фиолетовый луч, пущенный из фотонного ружья, ударил его в грудь. Тибетец повалился на лед. В следующее мгновение из-за темных глыб залпом ударили лазерные карабины фирвулагов. Это была их ошибка — видно, нервы не выдержали. Может быть, они поторопились из-за усталости… Им следовало подпустить альпинистов поближе и бить наверняка. Теперь же все выстрелы ушли в молоко тумана. Кроме того первого, рокового…

— Ложись! — закричал Блейн.

Все бросились на лед, начали отползать за

льдистый гребень, в сторону от помеченной флажками трассы. Буря, словно из последних сил, хлестнула снежным зарядом. В следующее мгновение местность прояснилась.

За гранитным гребнем, который оказался надежным укрытием, они устроили небольшое совещание. Уже совсем рассвело — сумерки стояли прозрачные, тихие… Они лежали в трех сотнях метров от лагеря. До укрывшихся на орографическом краю note 19 ледника, в моренных грудах, фирвулагов было чуть больше. Сидя в засаде, они напрочь перекрыли путь к вершине.

— Бедный Тонгза, — выдохнул Оокпик. — Кто-то использовал его для пристрелки. М-да, могло быть много хуже.

— Еще будет, — мрачно проворчал мистер Бетси. — Если какому-нибудь духу приспичит нажать на курок…

— Сколько их там? — задумчиво спросил Назир. — Очал Арфист насчитал семь десятков в северной группе.

— Сейчас посмотрю, — коротко отозвался Блейн. — На таком расстоянии им и защитный экран не поможет.

---

note notes: Note19
правый по ходу движения ледника край

— Жаль, что вы не сделали этого раньше, — зло прошептал мистер Бетси.

— Я был непростительно беспечен, — кивнул Чемпион. — Подобные обстоятельства требуют полной концентрации, а мое сознание было занято то тем, то этим. Даже члены Высокого Стола могут допустить промашку. Прости меня, Тана!..

— Все могло быть много хуже, — упрямо повторил Оокпик. Он казался каким-то возбужденным — вытащил складную подзорную трубу, лег поудобнее, принялся изучать противоположный скат.

— Ну, что там? — спросил Бенгт.

— А то, что ледник над нами — вот тот, боковой, — движется, — сказал эскимос.

Арон усмехнулся.

— Он с места не сдвинется, пока мы не ступим на его подножие.

— Смазка нужна… — задумчиво, не обращая внимания на мрачное предсказание Арона, произнес Оокпик. — Хороший толчок…

— Как здесь найти точку напряжения, по которой следует ударить? — засомневался Назир. — Тут можно лежать часами, сутками, пока кто-нибудь из нас так громко испортит воздух — или мы все разом займемся этим, — чтобы

вызвать обвал. Слушай, может, подбросить эту идею духам?

— Ты бы заткнул хайло, — обиделся Ооkпик. — Когда у меня тявкают над ухом, я теряю способность к логическому мышлению.

Все притихли — гнев северянина был справедлив. Через некоторое время эскимос спросил:

— Слушайте, тану-герои, кто-нибудь из вас умеет летать?

— Нет, — ответил Блейн. — У меня блокировка в сознании — от рождения, что ли. Арон тоже никогда не мог осилить эту программу.

— Но предметы на расстоянии вы можете двигать?

— Я, конечно, не Кугал — Сотрясатель Земли, но мне по силам груз, в восемь раз превышающий мой собственный вес. Арон перемещает половину.

Ооkпик что-то быстро подсчитал в уме.

— Получается больше тонны. Это уже кое-что. Способны ли вы переместить небольшой груз через ледник?

Блейн поколебался.

— Можем попытаться. Ты имеешь в виду перебросить? Только разом. Кроме того, мы должны видеть направление движения.

Глаза эскимоса заблестели.

— Ну-ка, дайте мне еще несколько минут.

Пока они лежали за гранитной грядой, Арон успел всем просушить обувь. Бетси помог Назиру переодеться. Магнус без конца жевал шоколад. Фирвулаги несколько раз открывали по ним огонь — в результате каменные щеки гранитного кряжа совершенно обнажились.

— Этих ублюдков сорок восемь. Все кучно лежат вон за теми ледяными глыбами, — неожиданно сказал Блейн.

— М-да, — задумчиво произнес мистер Бетси. — Я смотрю, у этих недорослтков в основном карабины фирмы Мицубиси. Только два или три бластера с другими цветами. Один, возможно, маузер на солнечных батареях. С нашими, «Уэдерби» и «Бош», не сравнить.

— Я нашел точку, — тихо объявил Оокпик. — Немного выше, чем я предполагал. А что, если мы сначала с помощью дальновидения разведаем новый маршрут? Может, мы найдем возможность помочь Бэзилу побыстрее спустить Стэна?

— Не спеши, парень, — усмехнулся мистер Бетси. — Еще неизвестно, как сработает твоя затея. Никогда не загадывай наперед.

Оокпик вскинул подзорную трубу.

— Все следите за направлением визирной линии, — сказал он. — Видите тот выступ, формой напоминающий бутылку?

Когда все отыскали взглядами искомое место, инженер-эскимос объяснил, что надо делать:

— Ваши сиятельства, теперь вся надежда на вас. Как только мы разрушим перемычку, связывающую выступ с материнской скалой, *поднимайт*е глыбу… Причем так, чтобы при падении она начала кувыркаться. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она просто сползла. Понятно? Готовы?.. *Огонь*!..

Три изумрудных и четыре ослепительной белизны луча ударили в основание нависающей над противоположным склоном удлиненной ледяной глыбы. Пар окутал место удара, осколки льда полетели во все стороны. Оба психокинетика напрягли свои умственные силы. Глыба покачнулась, но осталась стоять на месте.

— Раскачивайте ее! — закричал Оокпик. — Еще залп!..

Тонко, со свистом зазвучали фотонные ружья. Блейн и Арон встали плечом к плечу, их лица исказились от боли и напряжения. Облако пара вновь закрыло ледяную глыбу. Потом какой-то лениво-протяжный хруст достиг их ушей. Арон

воскликнул: «Она пошла! Пошла!..» — и тут же, рассекая угловатым боком редеющий туман, над краем ледопада выплыла гигантская глыба. Вся поверхность льдистого языка вдруг заколебалась, повернулась, сеть мелких трещин пробежала по его поверхности. На верхней бровке неожиданно начали взрываться громадные ледяные обломки — от давления? Огромные куски полетели в разные стороны. Глухой рев наполнил окрестности. Снежная пыль поднялась над массой льда. Вот ледник тронулся с места и, разламываясь на ходу, всесокрушающей лавиной помчался вниз.

В эфире раздались нечеловеческие вопли.

Когда все было кончено, когда улеглась снежная пыль и прекратился душераздирающий гул, можно было видеть, что ледник почти не изменил свой внешний вид. Произошла всего лишь небольшая подвижка льда, огромные глыбы на краю чуть переместились к его центру. Только цвет передника — массивного ледового языка, сползшего к боковым моренным грядам, изменился

— из голубовато-серого он превратился в таинственный бутылочно-темный… Фирвулаги оказались погребенными под шестнадцатиметровым слоем льда. Палатки промежуточной базы

тоже попали под оползень.

— Я же говорил, — обратился Оокпик к товарищам, — в чем-то немного проиграем, в чем-то немного выиграем… Ну что, пошли? Нам еще ох сколько шагать до промежуточного лагеря.

Вид у эскимоса был мирный, скромный — он уже был готов вновь штурмовать вершину. Без шума, без крика, вперед и вверх, а там!.. Глядя на него, все остальные участники восхождения тоже задвигались побыстрее, без обычных шуточек и колкостей, без поминаний Бога и черта — сноровисто, по-деловому и без суеты…

11

Закованный в стеклянные кандалы Тони Вейланд с угрюмым видом смирно стоял рядом с Кугалом — Сотрясателем Земли на балконе дворца правителя Ронии. В нескольких метрах от них, чуть повыше фигурной балюстрады, висело изображение короля Эйкена-Луганна. Он сидел в кресле, нога закинута за ногу, все в том же походном кожаном костюме.

— Ваше Величество, — продолжал объяснять Вейланд, — с ниобием надо работать в аргоновой атмосфере. В этом главная трудность. Что касается его сплава с диспрозием note 20, к сожалению, ничем не могу помочь.

— Вы можете поискать решение, провести необходимые исследования. — Эйкен наклонился вперед и обхватил ладонями колено.

— Исследования провести можно, даже опыты поставить. — Тони разговаривал вежливо. — Если у вас достаточное количество исходного

---

note notes: Note20

диспрозий — химический элемент из семейства лантаноидов, порядковый номер 66; диспрозий и его соединения наиболее парамагнитны из всех веществ; добывают из руд, содержащих иттрий

вещества. Но, как вы только что сказали, у вас как раз заминка с очисткой. Вы, вероятно, даже не представляете всей сложности задачи выделения диспрозия из руд редкоземельных элементов. Даже если вам удастся получить сырой иттрий, это только часть дела — самая легкая! Выделить из такого сырья диспрозий — дьявольски трудная задача. Я так понимаю, что из-за его парамагнитных свойств диспрозию нет замены?

— Точно, — кивнул Эйкен. — У нас есть ионный экстрактор, с его помощью мы надеемся решить проблему очистки.

— Вполне вероятно. — Тони щелкнул пальцами. — Но это ваши проблемы, а не мои.

Кугал Сотрясатель мысленно пихнул его, и инженер повалился на колени.

— Не забывай, с кем говоришь, низкорожденный. Твоя жизнь висит на волоске, а ты дерзишь!

Тони засмеялся. По собственному опыту, еще со времен Финии, он знал, что золотое ожерелье и присущая ему ментальная тупость надежно защитят его от самых изощренных метапсихических приемов воздействия. Сломать его можно, заставить нельзя.

— Ну так прибейте меня, — глумливо засмеял-

ся он. — Я вам буду только благодарен, если вы превратите меня в бесчувственное животное.

Эйкен понимающе кивнул.

— Это было всего лишь дружеское напоминание, чтобы заставить вас отвлечься от профессиональных забот, Тони.

— Вы чертовски проницательны. Ваше Величество. Я, конечно, сплю и вижу, как бы поскорее заняться плавкой металла.

— Надеюсь, мы станем друзьями, — словно и не заметив иронии, доброжелательно сказал король. — Мне было бы крайне неприятно узнать, что лорд Кугал поменял ваше золотое ожерелье на серебряное, а то и на серый ошейник. Ладно, хватит словесных баталий, взаимных упреков… Дайте слово чести, что будете работать по доброй воле… Боюсь, что все то время, которое потребуется потратить на исследования, вам придется провести под домашним арестом. Это только для вашей же безопасности. У вас будет определенная свобода передвижения. Как только проект будет завершен, вы получите право требовать любую награду, какую пожелаете.

— Единственное, о чем я мечтаю, — сказал Тони, — это отправиться домой в Нионель и встретиться с женой.

Король потянулся в кресле, поднялся, расправил плечи.

— Как только мы получим необходимое количество способной изгибаться проволоки из этих чертовых редкоземельных элементов, вы тут же будете отправлены в Нионель, где сможете взглянуть в глаза своей любимой женушке.

— В глаз, — поправил Тони короля. — У нее всего… Ну ладно. Даю слово, что я еще могу сказать!

— Думаю, в глаза, — задумчиво ответил Эйкен. — Это вам за вашу строптивость… Ну, ладно… Сегодня же вечером отошли его с конвоем в Ронию, — приказал он Кугалу, и его изображение тут же растаяло в воздухе.

Кугал потянул Тони к лестнице.

— Кандалы мы пока не снимем. Ради вашей безопасности. Они не очень-то обременительны. В свое время мне тоже довелось их поносить.

— Ну и как? — вяло спросил Тони.

Оковы охватывали его запястья и тонкими звенящими цепочками тянулись к золотому ожерелью. Стеклянные цепи были скорее символом, чем наказанием, тем не менее положение оставалось унизительным. Тони подумал об этом, когда они спустились в нижние покои дворца. Потом Кугал вывел его во двор, где уже ждали

халики, которые должны были доставить их на пристань Ронии.

— В любом случае я теперь освободился от этих головорезов, которые захватили меня в болотах, — сказал Вейланд, когда они взгромоздились в седла. — Надеюсь, им теперь известна воля короля? От них всего можно ожидать.

— Эйкен-Луганн без всяких возражений принял их требования. Правда, единственное серьезное условие — позволить им пройти через «врата времени», а также взять своих друзей. Все остальное несущественно.

— Ха! — взмахнул рукой Тони. — Тем лучше.

Кугал, улыбнувшись, глянул на него.

— Думаю, Его Величество разделяет ваши чувства, брат-творец.

Теплая волна омыла сердце Тони Вейланда. Брат-творец!.. Так его называли знакомые тану в Финии, теперь здесь, после стольких испытаний, член Высокого Стола так же уважительно обратился к нему. Запросто, не вкладывая никакого иного смысла в эти слова, кроме обычного обращения…

— Если бы кто знал, из какой ямы мне удалось выбраться живым и невредимым!.. Теперь впереди такие возможности… — У Тони перехватило

дыхание.

Душа пела. Брат-творец!..

— Я уж постараюсь, не пожалею сил, — неожиданно вырвалось у него.

— Я знаю, — кивнул Кугал и дружелюбно подмигнул ему. — Я, по правде говоря, сам очень обрадовался, когда нам удалось вас разыскать. Я ведь тоже собираюсь пройти через «врата времени» в эпоху Галактического Содружества.

— Вы!! — Тони не поверил Кугалу.

— Если вам удастся создать эту чертову проволоку для обмоток, многие тысячи людей будут благодарить вас. Неудача обернется катастрофой, сломанными судьбами для очень многих, для тех, кто желал бы исправить ошибки.

Тони онемел от неожиданности. Они выехали из ворот дворца и теперь следовали через кварталы, где жили тану. С тех пор, как во время Великого Потопа погиб Бормол, городом управлял Кандатейр Громовержец. Население заметно убыло, однако Ронии, в общем-то, не коснулись те несчастья, которые обрушились на остальные области королевства. Жизнь здесь кипела. По улицам спешили носильщики-рамапитеки, обезьяны тщательно мели булыжные мостовые, ухаживали за клумбами. На широких многолюд-

ных площадях были открыты рынки. И зелень… Море зелени и цветов!.. Купы могучих вековых тополей опекали нарядные кроны молодого крепкого подроста. Конечно, Ронии недоставало того великолепия и блеска, каким славился «город огней» — его Финия. Однако и здесь глаза радовало барочное изобилие архитектурных украшений: ажурные арки из покрытого резьбой камня, нарядные фасады домов, общественных зданий, украшенных холодно-матовым белым мрамором; цветные стекла в стрельчатых окнах; покрытые золотистой и небесного оттенка черепицей крыши и обрамленные каменными кружевными воротниками шпили.

Кугал и Тони спустились к эспланаде — открытой пустоши между городом и пристанью. Время было полуденное, жаркое, дремотное, тем не менее людей вокруг было много. Толпы грузчиков, купцов, пришедших за покупками горожан заполнили причалы.

— Я уже забыл, как хороши могут быть города тану, — сказал инженер. — После того, как пала Финия и первобытные увели меня на север, в рудный поселок, я совсем одичал. Боже, вот где я натерпелся… Потом сбежал от них…

— И отправился в Нионель? — поинтересовал-

ся Кугал.

Вейланд усмехнулся.

— Да, поспел в аккурат к великим любовным игрищам. Мне и в голову не приходила мысль о женитьбе. После всего, что случилось, я не мог этого вынести: просыпаешься утром, а на тебя смотрит один глаз. Эти бандиты из свободных деревень сорвали с меня серебряное ожерелье, и я не смог разобраться сразу. В общем, все одно к одному! А Ровена мне понравилась — она добрая, тихая… Я себя с ней человеком почувствовал. Ну и дурак же я был… Должен заметить, говорю по собственному опыту, — человек, по преимуществу, глупейшее создание. Отправиться в бега!.. Вот тут и начались мои приключения. Теперь, после стольких испытаний, у меня только одно желание — снова встретиться с Ровеной. Я просто обязан увидеться с ней. Должен узнать — простила она меня за безрассудство или нет? Если и не простила, все равно… Я хочу к ней. И заметьте, между нами так мало общего. Ровена — ревунша. — Он воспроизвел ее образ в сознании и, словно фотокарточку, предъявил Кугалу. — Странная вещь — любовь. Она не выбирает, и ничего уже нельзя изменить.

— Сочувствую, брат, — вздохнул Кугал. — И

понимаю куда лучше, чем ты можешь представить.

— Не сомневаюсь, — поколебавшись, согласился Тони. — Как ты думаешь, не мог бы король позволить Ровене приехать в Ронию? Если, конечно, она не забыла меня.

Красавец тану отрицательно покачал головой.

— Вряд ли. Король должен иметь для тебя хорошую дубину, а твое страстное желание повидаться с ней — что может быть лучше. Она — жизнь — и для людей, и для тану — одним боком поворачивается. Горьким… Но я верю — чувствую! — что ты повидаешься с ней. Ты бы мог связаться с женой посредством золотого торквеса…

— Я пытался, — жалко улыбнулся Тони. — К сожалению, когда мы были вместе, я разгуливал без ожерелья. К тому же я не умею настраиваться на внутренние частоты фирвулагов. Но самое главное — на больших расстояниях я испытываю сложности даже в общении с людьми.

— Тогда тебе следует обратиться к леди Катлинель.

Тони встрепенулся:

— Ты можешь научить меня, дать ее позывные?

— Охотно. — И рыцарь тану обрисовал в сознании образ повелительницы ревунов и, пока Тони добросовестно записывал в памяти необходимые данные, попытался вызвать ее. Ничего не получалось, тогда Кугал дал себе слово, что ближайшей ночью свяжется с ней.

Испытывая друг к другу трогательное дружеское расположение, они ехали вдоль реки. Местность вокруг была приятна для глаз: могучие ивы по берегу, заросли колючего кустарника, плавные, навевающие думы извивы проселка, женщины — люди и экзотики — с детьми, столпившиеся возле старика шарманщика. Рядом на цепочке бегала одетая в карнавальный наряд обезьянка. У Тони задрожали губы, когда он увидел плененного зверька. Обезьянка, гримасничая и печально поглядывая на публику, выпрашивала у детишек сладости. Вейланд смахнул слезу… В этот момент мягкий телепатический голос Кугала остудил его горячо забившееся сердце:

«Единственный смысл свободы — в возможности быть рядом с дорогими для тебя людьми. Успокойся, Тони, скоро эти оковы, — он указал на стеклянные цепи, — спадут. Судьба улыбнется тебе, и все изменится к лучшему. Только помоги построить „врата времени“.

«Неужели ты так страстно желаешь уйти в будущее?»

«Она стремится вернуться, я вынужден последовать за ней».

«Ну, Галактическое Содружество — это самое замечательное место во Вселенной! Удачи тебе, Кугал».

Они подъехали к главному причалу, заполненному грузчиками, моряками, торговцами. Тут же сгрудились повозки с наваленными горой товарами, караваны вьючных халикотериев подходили и отходили от сходен стоявших на якорях кораблей.

— Видишь, сколько грузов привезли, — заметил Кугал, — и все для Великого Турнира. К счастью, фирвулаги пока обходят поселения на Верхней Роне. Возможно, «маленький народ» куда более практичен, чем мы можем судить; какой смысл расходовать силы до большой игры, тем более что в случае победы все богатства этого края достанутся им.

— Неужели король действительно запретил сражение?

— Все равно схватки будут такими горячими, что кое-кому придется расстаться с жизнью. Но счет будет вестись не по разбитым головам. — Он

помолчал, потом добавил: — Особую радость по поводу этого нововведения выказали сторонники Партии мира. Они даже обязались принять участие в турнире. Не думаю, что соревнования пройдут гладко. Как утверждают скептически настроенные традиционалисты, когда на поле появится Минанан Еретик, обязательно что-нибудь произойдет. Мол, Мрак уже совсем близко, ему только надо распахнуть двери.

Они приблизились к пирсу, далеко выступающему в воду и отделенному от других особым барьером и стражей, выставленной у шлагбаума. Два десятка больших судов стояли здесь под погрузкой — носильщики, в основном люди без торквесов и немногочисленные рамапитеки, бегали по сходням. Рыцари тану, полностью закованные в стеклянные доспехи, с лазерными карабинами на плечах, охраняли корабли и уложенные в огромные штабели запечатанные ящики, еще ожидавшие погрузки. Цепь стражей в серых торквесах и бронзовых панцирях отгоняла любопытствующих от причала.

— По реке вы спуститесь до Сейзораска, оттуда посуху с обозом попадете в Сазаран, потом снова на корабли и по Баару доберетесь до моря,

— объяснил Кугал. — Хочу обратить твое вни-

мание, что этот транспорт с нетерпением ждет король. Груз очень ценный. — Тану многозначительно вскинул брови. — Недаром экспедицией командует правитель Сазарана. Он лично отвечает за вашу безопасность.

— Что же в ящиках? — наивно поинтересовался Тони.

Кугал отрицательно покачал золотоволосой головой.

— Для тебя же будет лучше, если ты не будешь знать об этом. Будь уверен, ценность груза не уступает твоей.

Кугал направил халика к начальнику караула и отсалютовал ему, приложив сжатую в кулак правую руку к груди, где на розово-золотистой тунике было вышито изображение неподвластного ходу времени Януса. Два лика его с презрением взирали — один в прошлое, другой в будущее.

— Мои поздравления достопочтенному лорду Нейлу Младшему, — обратился Кугал к начальнику караула. — Пригласите его, он должен принять пассажира.

— Весь к вашим услугам, высокородный господин, — ответил тот и склонил голову, покрытую высоким, с синим гребешком, шлемом. — Багаж уже прибыл и погружен. — Начальник караула

помог Тони слезть с халика. Инженер, спустившись на доски причала, нерешительно развел руками.

— Хочу поблагодарить… — начал он, не зная, как прощаться с Кугалом

— официально или по-дружески, но в следующее мгновение громкий оклик, телепатический и словесный одновременно, отвлек его. С корабля сбежал необыкновенно долговязый и худой, словно смерть, высокопоставленный тану, уже заранее посылающий волны радости и доброжелательности при виде долгожданных гостей. Голова его была непокрыта, волосы цвета спелой соломы развевались на ветру — точнее, на бегу. Он мчался, торопливо переставляя ноги, подпрыгивая на каждом шагу, — необыкновенно длинный, узкоплечий…

— Сотрясатель! Наконец-то!.. Я хотел повидать тебя, как только караван прибудет в Ронию, но, как видишь, — мне и часа отдохнуть не дали. Сразу в обратный путь.

Нейл обменялся рукопожатием со своим товарищем по Высокому Столу, бросил осторожно-любопытный взгляд на Вейланда и тоже протянул ему руку в бронированной перчатке. Тони с опаской протянул кисть гиганту, но пожатие тану

оказалось очень бережным.

— Разреши представить тебе нашего брата-творца Тони Вейланда-Велкона. Символы принадлежности к братству великой Таны он получил совсем недавно, из рук самого короля.

Прошлое невольно всколыхнуло душу Тони. С ним уже такое бывало? Конечно! Велконом — а это было очень почетное прозвище — его называли в лучезарной Финии. Когда это было? Когда исчез в пламени пожарищ прекраснейший на земле город? Да и было ли это? Тони даже вздрогнул.

— Сегодня как раз исполнился год, — понимающе улыбнулся Нейл. — И, как думают некоторые, то была прелюдия к приходу Мрака.

Темные глаза Кугала настороженно блеснули.

— Тем, кто так думает, следует держать подобные мысли при себе.

Нейл пожал плечами, потом предложил:

— Что мы здесь стоим, давайте поднимемся на борт, пропустим по бокалу.

Кугал, однако, решительно отказался — заявил, что у него много дел в Надвратном Замке.

— …Я ведь прибыл в Ронию по приказу короля, чтобы обеспечить безопасность лорда Вейланда-Велкона, — добавил он. — Во время перемирия

мы должны закончить все подготовительные работы и смонтировать платформу для установки деформатора в стороне от прежнего места до того момента, как поток зрителей хлынет в Нионель на Великий Турнир. Тогда здесь столько шпионов объявится!.. Король требует сохранить все приготовления в глубокой тайне.

Тони не удивился.

— Я тоже считаю, что новые «врата времени» надо строить за пределами замка. Если смотреть отсюда, то выходной шлюз в будущем, наверное, запечатан Содружеством. Значит, необходимо сдвинуть устройство в сторону, чтобы не попасть на ограничительные барьеры.

— Точно, — кивнул Кугал. — Король прислал сюда Димитрия Анастоса — одного из последних беглецов… Он в конце концов прибился к компании Бэзила. По-видимому, этот чернявый парень простить себе не может, что рискнул отправиться в плиоцен, и теперь страстно мечтает вернуться в свое время. Он занимался там конструированием различных приборов по измерению характеристик ипсилон-поля. Так вот, как специалист в этой области он пытался объяснить мне что-то относительно распределения темпоральных слоев в потоке тау-поля. Я, правда, мало что понял, но

в любом случае ясно, что деформатор Гудериана не заработает, пока со стороны Галактического Содружества не будут устранены все помехи. По их воле или против их воли. Наши ворота могут распахнуться только в воздушном пространстве будущего.

— Правильно, — согласился Тони. — Точно так же, как на этом конце все объекты материализовывались в полуметре от стены замка. Гудериану просто повезло, что он не угодил в каменную кладку или какое-нибудь другое препятствие.

— Вот-вот, — добавил Кугал, — теперь конечная точка — мы знаем об этом — окажется в пределах города, в долине Роны. Анастос заявил, что нашел подходящее место в пределах замка. Там мы и сооружаем платформу. Там будет размещен входной шлюз для путешествия на расстояние в шесть миллионов лет.

— Сотрясатель, — спросил Нейл, — ты будешь присутствовать на турнире? Наши ребята из Сазарана готовы устроить отличное побоище, однако мы нуждаемся в поддержке.

— Постараюсь быть, — ответил Кугал, — если наши друзья успеют закончить деформатор. В любом случае предварительное согласие короля на участие в соревновании колесниц я получил.

Нейл странно засмеялся.

— Что ж, сразу навещу тебя. Пошли, Велкон, скоро отплытие. — Он приложил руку в бронированной перчатке к нагрудному панцирю — на нем были изображены девять маленьких звездочек. Кугал тоже прижатием кулака к груди попрощался с ними.

— Я… я сделаю *все* в лучшем виде, — не удержался Тони. — Желаю счастья тебе и твоей даме.

Он повернулся и побрел, проталкиваясь сквозь толпу грузчиков. Через некоторое время, словно опомнившись — куда он идет? зачем? — остановился, глянул назад. Лорд Нейл отчаянно ругался с десятником, отвечавшим за погрузку. Это был крепкий мужик с обвязанной платком головой, постоянно святотатственно поминавший Деву Марию и все ее прелести. Тони вздохнул, присел на один из ящиков, в которых хранился таинственный груз, подпер голову ладонью… Начальнику каравана было явно не до гостя. Минут через десять его разыскал начальник охраны и сообщил, что багаж Тони доставлен на самый дальний отсюда корабль, там и место ему приготовлено. Вейланд торопливо засеменил в указанном направлении. В каюте, расположенной на корме, тесной и грязной, он нашел свой мешок.

Сидеть здесь было невыносимо, и Тони вышел на палубу. Корабль был довольно вместительный, с высоко поднятым полубаком, нависающей над стремниной кормой. Казалось, что эта посудина не поплывет по реке, а попросту начнет раскачиваться, как поплавок, — вверх-вниз, вверх-вниз… На корме вдоль бортов были устроены мягкие скамьи, обитые плюшем с набивкой. Тони, всеми брошенный, забытый, прикорнул на сиденье, глянул на закатное солнышко — приятно было погреться в его лучах, — потом стал наблюдать за проплывающими судами. Слова лорда Нейла о скором отплытии так и остались словами. Как всегда и везде — хоть бы раз, в прошлом ли, в будущем, был точно выдержан назначенный срок! Шли часы, солнце прилегло на вершины деревьев за рекой. Тони невольно смежил веки и уже в полудреме услышал насмешливый зов:

«Что, кемаришь?»

Это было так неожиданно, что Вейланд вздрогнул, быстро огляделся — вокруг было пусто. Все те же шлепающие о днище волны, водовороты на стремнине, шум и гам на пристани, разве что теперь поверхность Роны окрасилась охряными и багровыми бликами. Может, из города пришел оклик? В той стороне, на эспланаде, уже горели

светильники, в конце мола зажгли сигнальный бакен.

«Эй, слепота! Поближе к воде нагнись. Вперед по течению, метров семьдесят».

Нет, ему не померещилось… Тони прошел немного вперед, сфокусировав дальновидящий взгляд, и только теперь обнаружил на реке какой-то темный движущийся предмет. Это же боевое каноэ!.. Точно, и через борт наклонился полуголый верзила с рельефно выступающими мускулами. Он приветственно помахал Тони рукой. Это же Пеопео, разрази его гром!..

Тони: «Здорово, Бурке».

Бурке: «Взаимно. Я думал, тебя уже продали на плантации ниже по течению, а ты еще торчишь здесь».

Тони: «Уже который час. Эта компашка по разгильдяйству ничем не уступит вам, низкорожденным».

Бурке: «Ишь как заговорил — низкорожденным… Ну да, ты теперь у нас лорд. Рисковый мальчик… Шустрый… Ты не беспокойся, все будет хорошо. Я еще тогда, в болотах, был уверен, что вы с Эйкеном Драмам договоритесь. Своим ребятам я, конечно, об этом и заикнуться не посмел…»

Тони: «Я думал, ты получишь за меня что-то

более весомое, чем шнурки для ожерелий из раковин и обратный билет из утопии».

Бурке: «А эта лодка? Да в придачу со всем вооружением, что мы добыли в Финии. Да вечный мир и союз… Припасы… Не-ет, мы взяли за тебя хорошую добычу. Теперь держим путь в Нионель, там нас ждет наш народ — все те, кто уцелел после набега фирвулагов».

Тони: «В Нионель?..»

Бурке: «В Вогезах остались единицы. Нионель — самое лучшее место для поселения… пока „врата времени“ не будут построены».

Тони: «Тогда покеда, писем от тебя не жду».

Бурке: «Не очень-то и хотел писать. Что это ты затосковал, услыхав про Нионель?»

Тони: «Ты, как всегда, попал в самую десятку, Бурке… у меня жена в Нионели. Я бросил ее. Ну, был глуп как осел. Пытался связаться с ней, но с моими возможностями — глухой номер. Если тебе доведется встретить ее, — Тони передал вождю изображение Ровены, — скажи, что я обязательно вернусь. Скажи, чтоб ждала… Ее зовут Ровена».

Бурке: «Передам. Она выглядит очень соблазнительной маленькой леди. Шолом, малыш. Держи хвост пистолетом».

Тони не ответил. Его опять неудержимо по-

тянуло в тоску. Он погрузился в воспоминания, невеселые, долгие… Подручные лорда Нейла теперь рыскали по прибрежным тавернам и пивнушкам и пинками сгоняли к пирсу пьяных членов судовых команд. Гвардейцы из гарнизона Ронии усердно помогали им.

…Тони встрепенулся — что-то острое кольнуло его в грудь. Он даже вскрикнул от боли, потом открыл глаза и изумленно глянул на широкий, наточенный наконечник копья, упершийся ему в ребро. Повел взглядом вдоль древка и увидел одетого в лохмотья бандита.

— Если ты, низкорожденный, еще раз пикнешь, — прошептал тот хриплым голосом, — или позовешь кого по дальней связи, я проткну тебя, как вареного цыпленка.

Нечто напоминающее сколоченные из неотесанных бревен лестницы вздыбилось над бортом, и негодяи, одетые в неописуемое тряпье, полезли на палубу. Набралось их около десятка, двое были вооружены лазерными карабинами, остальные оружием, изготовленным из стали.

— Сколько человек на корабле? — спросил вожак, приставивший копье к груди Тони.

— Я никого не видел, только у сходней стоит на часах рыцарь.

Копье переместилось вверх, и острие кольнуло его в горло пониже адамова яблока.

— Ради Бога, я говорю правду. Я сам заключенный. — Тони потряс кандалами. — Большая часть солдат была на пристани, когда я поднялся на борт.

— Обыщите корабль, — приказал вожак.

Легкий плеск донесся и от других стоявших на якорях судов. Луна еще не встала, и в густой темноте поверхность реки отсвечивала, словно огромное черное туловище. Над Роной уже поплыл туман. Со стороны гавани и города долетали звуки музыки. Рония была разукрашена огнями, янтарным и ярко-голубым цветом светились окна домов. Город, казалось, праздновал наступающее перемирие — вот почему, вопреки строжайшему приказанию короля, отправка конвоя была отложена.

Большинство грабителей принялись обыскивать корабль. Тони оглядел бандитов и попытался обратиться к голосу их разума:

— Вы, наверное, не слыхали, что свободные люди вступили в союз с королем Эйкеном. Он всех амнистировал…

Никто не обратил на его слова никакого внимания.

— Смотри, Пингол, какая отличная штучка. — Бандит, вооруженный лазерным карабином, с откровенным простодушием продемонстрировал оружие вожаку.

Тот довольно ухмыльнулся.

— Еще бы! — Стальное острие описало круг возле самых глаз Тони, чиркнуло по золотому ожерелью. — Вот ты скажи, каким образом ему удалось нацепить торквес, если он полный слабак в психокинетике? Это и невооруженным глазом видно, а он красуется! Зачем такого заковали в кандалы?

Высокий негодяй с карабином в руках склонился вперед, лицо его было завешено шапкой густых волос. Зловонное дыхание ударило инженеру в нос.

— Как тебя зовут, начальничек?

— Я — лорд Велкон.

Острие копья зависло возле левого зрачка — Тони даже зажмуриться побоялся — и вожак спросил с легкой угрозой:

— Как твое *человеческое имя*?

Имя само собой скользнуло с его губ:

— Тони Вейланд. Но я повторяю, вы не имеете права нападать на суда Его Величества. Я уже говорил вам, что Пеопео Бурке получил в обмен на

меня гору оружия. Он отправился в Нионель, где соберется весь ваш народ. Если вы не прекратите, король может отменить амнистию. Что касается меня, то они без моего участия не построят деформатор времени. Если вы меня убьете, ваши товарищи из свободных людей никогда не вернутся в Галактическое Содружество. Не знаю, как вы с ними будете разбираться…

Высокий бандит с карабином даже отпрянул от Тони, услышав его страстную речь.

— Ты — Тони Вейланд?

— Ну, парень, — обратился к нему другой бандит с копьем в руках, — можешь отбить чечетку в честь великой Тэ. — Потом он помолчал и добавил: — Надо же, без всяких потерь!..

Один из разбойников, обыскивающих корабль, прибежал на корму и радостно доложил:

— Капитан Пингол! Капитан Фулетот! Замечательные новости!.. На судне был только один часовой — рыцарь-женщина тану. Она погибла от нашего смертельного оружия. Остальные корабли даже не охранялись, хотя по эспланаде проходят патрули серых ошейников. Пора давать сигнал к отплытию.

— Передашь команду лично, — сказал копьеносец. — Никаких телепатических переговоров,

чтоб не услышал враг. — Его фигура засветилась, с ней творилось что-то непонятное, контур заколебался…

Тони с ужасом смотрел на превращение бандита в странное, но такое знакомое существо.

— Вы же не низкорожденные! — воскликнул он.

Пара, стоявшая напротив него, весело заржала.

Негодяй, доложивший о захвате корабля, преобразился на глазах, и перед Тони предстал отвратительный карлик. Еще один примчался с полубака.

— Мы вскрыли несколько ящиков! — взволнованно доложил он. — Слава великой Тэ, наши шпионы оказались правы. Во всех — оружие из будущего. Горы оружия из будущего!..

— Немедленно сообщите лорду Бетуларну Белой Руке, — сказал копьеносец. Теперь, правда, перед Вейландом стоял фирвулаг в аметистовых доспехах. Чистопородный карлик!.. Рядом с ним возвышалась великанша-людоедка. Оба они принадлежали к ближайшему окружению короля Шарна и королевы Айфы.

— Еще сообщи, что мы захватили небезызвестного Тони Вейланда, — добавила Фулетот. — Того самого, который погубил Скейту Устрашительни-

цу, мою храбрую подругу, и героя Карбри Червя.

Посыльный отсалютовал и побежал исполнять приказание.

— Что же со мной будет? — спросил Тони.

— Тебя, голубчик, обменяют на наш священный меч Шарна, — ответила Фулетот и злобно глянула на Тони. — Возможно.

12

— Поздравляем с днем рождения, поздравляем, поздравляем!.. Слитсал, юный Смаджер! Славься, славься!..

Парадный зал подземного дворца Высокой Цитадели взорвался аплодисментами, когда старший сын королевской четы, семилетний Смаджер, ступил на тронный помост. Вел его воспитатель, герой ритуальных сражений, великий Медор. Праздник был посвящен одному из самых значительных событий в жизни любого фирвулага — наречению боевым именем. Этот день был освящен дланью великой Тэ, помогающей и направляющей каждого юного воина на путь славы, который предначертан ему судьбой.

По случаю вступления в когорту юных бойцов принц был облачен в миниатюрные, отливающие угольным блеском хрустальные доспехи, украшенные симметрично расположенными шипами и выпуклостями. Шлем того же цвета рассекал посередине гребень из крупных ограненных изумрудов, по бокам напаяны хищно вскинутые крылышки. Мальчик горделиво и смущенно поглядывал на толпу через прорезь,

которую в бою должно было прикрыть поднятое теперь решетчатое забрало.

— Разве он не чудненький! — прошептала Айфа и прижала огромные лапищи к груди. Потом королева промокнула платочком выступившие слезы. Королевская пара стояла в тени, за огромной колонной-сталагмитом — пусть ничто не смущает сыночка в праздничный для него день, пусть королевские регалии отца и матери не станут преградой для его общения с будущими подданными.

— Благодарю тебя за драгоценный подарок, который поднесла ты нашему мальчику!..

— Тише! — также шепотом прервал возбужденно молящуюся великаншу в королевском обличий ее супруг. — Медор взял слово…

— Боевые друзья, соратники! И вы, молодые воины! — объявил старый герой. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы поздравить выдержавшего все суровые испытания бойца. Да-да, вчера еще мальчика, а сегодня славного воина из когорты юных!.. Сегодня он вступает в героическую, захватывающую жизнь, сегодня он делает первый шаг к славе, прильнет к груди Великой Богини сражений и, напитавшись мужеством, отправится в долгое странствие от победы к победе. Как и все

выдержавшие испытания претенденты, дальше он пойдет самостоятельно. Ему еще многому надо научиться, многое познать, овладеть искусством единоборства. Да и силенок неплохо поднакопить… И я верю, что он преданно, с любовью и чистым сердцем, будет служить старшим. Он с радостью будет исполнять свой долг, не жалея сил и самой жизни в деле укрепления мощи нашего славного боевого братства. Хвала великой Тэ — в наших рядах появился еще один будущий герой!

Толпа воинов взвыла в ритуальном восторге.

— Кто он? Кто он?! — вопили собравшиеся в парадном зале облаченные в доспехи фирвулаги.

Медор — огромного роста, в черном балахоне с нашитыми блестками — и маленький Смаджер в доспехах стояли рядом. Воспитатель держал мальчика за руку.

— Я знал его с колыбели, так же как и его отца и деда. Он рос у нас на глазах, мы с умилением следили за его детскими играми и шалостями. Они

— Смаджер, его братья и сестры — принесли в Высокую Цитадель радость и надежду. Некоторые из присутствующих являлись его учителями, другие делились с ним рассказами о былых сражениях, поддерживали его, когда он слабел духом от бесконечных занятий, от исполнения обязан-

ностей, которые накладывал на него его сан.

Другие дети, стоявшие сбоку, захихикали, а взрослые дружно завопили:

— Кто он?

— Шесть лет мы знали его как ребенка, ласково называли Смаджер. Но сегодня наступил великий день — сегодня он простится с детством и получит право на другое, более подходящее имя. — Медор сделал шаг назад и встал за спиной принца, положив тяжелые руки на его узкие плечи. — С верой в великое предназначение, с любовью и радостью я объявляю его: ШАРН-АДОР! ВЫЙДИ ВПЕРЕД И СКАЖИ СЛОВО!..

— Ох, сейчас ему держать речь! — выдохнула королева, прячась за сталагмитом. — Только бы он не забыл текст, не запнулся…

Медор отступил, ушел в тень, и маленький принц остался один на возвышении. Шарн-Адор поднял руки и вдруг засветился пульсирующим зеленым светом. Контуры его тела затрепетали, потеряли четкость, начали расползаться, потом как-то изогнулись — и перед присутствующими предстал гигантский кузнечик. Только не то милое, живущее в траве существо, а изумрудно-мертвенное, внушающее ужас членистоногое… Кузнечик-то кузнечик, но более он смахивал на

исполинскую прожорливую саранчу. Уродливое создание залязгало нижней челюстью, почесало зазубренные фаланги на ногах — скрежет металла о металл пронесся по залу. Саранча крупнела на глазах, набирала вес — вот она стала чуть повыше Медора, вытянулась под потолок и, наконец, извергла скрипучие звуки:

— Я стою перед вами, я еще молод…

Дикие крики восторга и ликования сотрясли своды обширной пещеры.

— Шарн-Адор! Шарн-Адор, слитсал! Слитсал! Слитсал!..

Но вот наступила мгновенная тишина, и затем на мысленном канале зазвучала речь наследника престола:

«…И чтобы отблагодарить вас за теплые слова и добрые пожелания, я имею честь объявить о великой победе наших доблестных воинов. Герой Бетуларн Белая Рука и его помощники — Фулетот Черная Грудь и Пингол Гусиная Кожа, а также Монолоки Отвратительный — разгромили врага у города Ронии».

Все затаили дыхание — и мгновение спустя своды пещеры едва не обрушились от громких криков радости. Гигантское насекомое запрыгало на одном месте — вверх-вниз, вверх-вниз. При

этом нижняя челюсть существа опять раскатисто залязгала. При каждом прыжке кузнечик едва не касался головой развешанных над тронным возвышением захваченных у врагов знамен и длинных гирлянд разукрашенных позолотой черепов.

— Мы разбили их! Мы разбили их! — принялись скандировать придворные, и юный принц, открыв громадную пасть, тоже подхватил:

— Мы разбили их!.. — Потом он замер — челюсть вернулась на место — и объявил: — Менее часа назад наши храбрые воины атаковали превосходящие силы кровожадных тану и разгромили их наголову. Наша добыча — я имею в виду взятые в бою трофеи — умопомрачительно велика! Мы захватили транспорт самого разрушительного оружия, доставленного из будущего.

Эти слова снова были встречены возгласами ликования, однако принц взмахом сухой, зеленоватой, покрытой пупырышками конечности заставил всех примолкнуть.

— Подождите, это не все! Мы также захватили в плен этого жуткого мясника Тони Вейланда. Как раз в эту минуту Фулетот и Пингол готовы оторвать его мерзкие конечности. Они зажарят их и заставят коварного убийцу съесть собствен-

ную плоть.

— Аааааах! — мстительно, в едином порыве выдохнула толпа благородных фирвулагов.

Ребенок принял свой прежний облик, поклонился и звонко выкрикнул:

— Благодарю всех за службу! Благодарю за добрые чувства! Вряд ли кому справляли более торжественные именины, чем мне… Благодарю великую Тэ за великолепный подарок!..

— Слитсал, Шарн-Адор! Слитсал! Слитсал!..

— Какой ребенок! — Айфа за колонной опять вытерла слезы, теперь от радости.

Вдруг король неожиданно сжал ее руку.

— Смотри туда!.. — отрывисто, лающим голосом обронил он и указал на сдвоенный трон, стоявший в глубине возвышения.

Аплодисменты, гремевшие в зале, неожиданно стихли, два-три робких последних хлопка раздались в углах, потом в высокой, украшенной изумительными панно из драгоценных камней и благородных металлов пещере наступила мертвая тишина. Юный Шарн-Адор замер, глаза его были широко открыты — он со страхом вглядывался в просвечивающее золотистыми блестками облачко, сгустившееся в середине возвышения. Сверкающее зыбкое существо постепенно обрело

плоть, формы — вот стали проявляться детали костюма: многочисленные карманы, нашитые на кожаной желтой куртке и таких же брюках; алая перевязь, надетая поверх хрустальной кирасы с тончайшей гравировкой — в центре ее была изображена коронованная львиная голова; пустые ножны, подвешенные к перевязи. Наконец прояснилось лицо, легкая улыбка, смешинка в глазах…

Толпа ахнула — король Эйкен-Луганн, Враг, посланец Мрака собственной персоной!..

Исчадие ада пальцем поманило к себе маленького мальчика, и тот, как завороженный, шагнул в его сторону.

— У меня, малыш, тоже есть для тебя замечательный подарок, — сказал король, и в то же мгновение Шарн, Айфа, Медор, выхватив оружие, бросились на него. Зазубренные клинки сверкнули в воздухе. Удары, яростные, быстрые, посыпались на короля, но ничего, кроме звона обсидиановых мечей, ударявшихся о гранитные плиты пола, не случилось. Эйкен удивленно вскинул брови.

— Идиоты! — в сердцах бросил он. — Я же только ментальная проекция.

Оба монарха и их великий капитан смутились,

еще несколько раз потыкали мечами в изображение и отошли в тень. Зрители отшатнулись от помоста, замерли, безмолвные, опешившие. Маленький Шарн-Адор спросил тоненьким голоском:

— Какой подарок?

Эйкен взмахнул длинным мечом, который он держал в руке.

— Ооооох! — выдохнула орда монстров.

Эйкен добавил:

— Вы испытываете нестерпимую тоску по мечу Шарна Свирепого, я же хочу получить Тони Вейланда. Мы можем договориться, если только Тони цел и невредим. — Потом он обратился к королю Шарну: — Вы бы, Ваше Величество, прикрыли рот и отдали вашим приспешникам приказание… Чтоб ни один волосок не упал с его головы.

Король Шарн сердито глянул на непрошеного гостя, закрыл рот и ничего не ответил — лишь телепатический эфир колыхнулся от короткой команды, посланной в леса на левом берегу Роны.

Королева Айфа вышла из-за сталагмита и язвительно заметила:

— Вполне возможно, что этот гнусный убийца Тони Вейланд находится на подвластной нам территории. Если так, то мы можем проявить

добрую волю и обменять его на священный меч.

— И десять кораблей, груженных оружием, которые вы захватили, в придачу, — добавил Эйкен. — Лучше вернуть их по собственной воле, до того, как мои солдаты нагонят караван и перебьют всю эту банду трусливых негодяев. Они ж с таким грузом не могут далеко уйти.

— Мы ничего не знаем ни о каких кораблях с оружием. Ведать не ведаем!

— неожиданно взъярилась Айфа. — Да, мы слышали, что кто-то атаковал Ронию. Слышали, что этими «кем-то» оказались низкорожденные. Мы, народ фирвулагов, честно соблюдаем перемирие. Извечно!

— Ага, так, значит, вот какой линии вы решили придерживаться! — воскликнул король и завертел в воздухе священным мечом. Оружие засверкало в тусклом свете горящих факелов.

— Вот что, Эйк, — сказал Шарн, — тебе нужен Вейланд, — ты его получишь. Ты лично доставишь меч — перенесешь в то место, где Бетуларн Белая Рука будет ждать тебя. В двух лигах от Ронии, на Северном Тракте. Наш капитан возглавляет находящуюся в тех местах исследовательскую партию, и Тони Вейланд случайно попал к нему в плен.

— Тони рассказал Катлинель Темноглазой совершенно другую историю.

— Низкорожденные такие лгуны! — пожал плечами король фирвулагов.

— Мы будем иметь с тобой дело, — вступила в разговор королева Айфа, — если ты перестанешь задавать лишние вопросы. Вейланд в обмен на меч. Соглашайся или оставь нас.

— Согласен, — кивнул маленький человечек. — Завтра. На заходе солнца. И никаких подвохов, или вы пожалеете об этом.

Айфа громко рассмеялась и, недоверчиво вскинув бровь, спросила:

— Ты уверен, что у тебя хватит сил совершить перелет из Гории, да еще с таким тяжелым оружием? Нам бы очень не хотелось, чтобы наш любимый друг надорвался… Пупок не развяжется? — грубо добавила она.

— Айфа, твоя забота о моем здоровье очень трогательна, — ответил король. — Пупок не развяжется… Вот ты, соседушка, воочию любуешься мной. Изображение хорошее? Ну вот, а ты беспокоишься. Лучше бы вы. Ваше Величество, прикинули, как мне удалось преодолеть полуторакилометровую гранитную толщу и явиться к вам в полном облачении. Как-нибудь доберусь

и до Ронии. Ладно, до встречи на турнире. — Фигура в золотом обмундировании заколебалась, рябь пробежала по изображению — оно начало угасать, вдруг резко воссияло вновь, еще более зримое и плотское, чем раньше. Эйкен-Луганн шагнул к молодому Шарну и плашмя коснулся оружием обоих плеч юного принца.

— Совсем забыл! — махнул левой рукой Эйкен, потом посерьезнел и громко, на весь зал объявил: — Сим посвящаю тебя, Шарн-Адор, в сан доблестного рыцаря тану. Будь дерзок и смел, шагай прямо, не сворачивай, лорд Адор Пупырчатый! Как-нибудь загляни ко мне, посидим, попьем чайку, малыш. Теперь все — счастливых именин!

И он исчез.

Все собравшиеся знатные фирвулаги разразились громкими негодующими криками. Как он посмел! Это недостойно Врага! Какая наглость!..

Ребенок повернул к родителям сияющее от радости лицо.

— Папочка! Мамочка! Вы видели? Вы все видели?..

Айфа и Шарн переглянулись, потом король подошел к сыну, наклонился и, крепко сжав его руками, поднял вверх.

— Видели, видели... — с недовольным видом

кивнул король. — Ты не должен придавать значения этому посвящению. Глупый, бессмысленный, вызывающий жест. Он наш враг, ему судьбой уготовано погибнуть от моего священного меча в поединке в момент прихода Мрака. Не позволяй сбить себя с толку, мой мальчик. Твой жребий известен, и такие не имеющие силы обряды не должны отвратить тебя от пути славы. Ты понял? Скажи, вслух скажи, что отрекаешься от этого титула.

— Да, — заплакал ребенок. — Да! — Потом он вырвался из отцовских рук и, опустив забрало, чтобы скрыть обильно хлынувшие слезы, убежал в темноту.

Вейко: Уолтер! Уолтер!

Уолтер: ...Это ты, сынок? Как там у вас? Я все время пытался связаться с тобой, но не получал ответа. Я так волнуюсь, не случилось ли чего?..

Вейко: У нас тут такое творилось — ни на минуту нельзя было оторваться. Фирвулаги из Фаморела атаковали Бетафорку около семи часов вечера. Другая группа устроила засаду на маршруте, по которому двигалась основная группа. Один альпинист погиб, другие спаслись. Они встретились с Бэзилом в промежуточном лагере, теперь планируют с первыми лучами солнца

отправиться к перевалу.

Уолтер: Навсегда запомни. Это — настоящие люди, сынок. Как ты, как Ирена? Твой мысленный голос очень слаб.

Вейко: Здесь уже светает, и солнце гасит волны. У нас все хорошо.

Уолтер: Слава Богу! Расскажи поподробнее.

Вейко (моментальный ответ): Сначала нам пришлось туго, когда фирвулаги организовали тесное, без единой щели, метаобъединение. Им удалось не только надежно прикрыться, но и нанести несколько сильных психокинетических ударов. Погибло четверо гвардейцев с золотыми торквесами и один рыцарь тану. Затем фирвулаги ослабили метасвязь — с дисциплиной у них явные нелады — в защитном экране появились щели, и наши люди начали щелкать их из бластеров, как куропаток. Никто из детей не пострадал — ни единой царапины. Бой закончился два часа тому назад, но мне было очень плохо — вероятно, реакция на пролитую кровь, на смерть. Поэтому не мог выйти на связь. Прости, что заставил тебя поволноваться.

Уолтер: Все хорошо. Теперь вы в безопасности?

Вейко: Мы положили их шесть или семь десятков, остальные, по-видимому, разбежались.

Уолтер: Как насчет дальнейших атак?

Вейко: Начальник отряда Очал Арфист сказал, что, как только наступит утро, фирвулаги откажутся от боя. Перемирие — это для них свято. Думаю, так оно и есть.

Уолтер: Замечательно.

Вейко: Папа, ты уже?..

Уолтер: Да. Вместе с Алексом Манионом. Мы использовали ментальный нож Бум-Бума и сожгли кристаллы, рождающие импульсы. Потом расплавили все запасные камни. Так что можешь сообщить маленькому королю, что этих штук теперь можно не опасаться. Я бы хотел и со всем остальным оружием поступить так же, но оно складировано слишком близко от кубрика, где смонтирован церебральный генератор. Слишком много следящих датчиков… Увидят.

Вейко: Марк… уже знает?

Уолтер: Не беспокойся об этом, сынок. Я еще разбил автопилот «Кулликки», ему теперь не обойтись без меня. Кроме того, погода портится на глазах, и нас опять начинает швырять из стороны в сторону.

Вейко: Марк может устроить что-нибудь похуже, чем смерть. Вспомни, как он превратил Хагена в рыбу, а потом ловил на удочку.

Уолтер: Ну, это была всего лишь иллюзия!..

Вейко: Хороша иллюзия! У Хага до сих пор остался на верхней губе след от крючка. Психосоматические метаморфозы — это куда хуже смерти.

Уолтер: Ты сказал, что основная группа готова выступить на штурм седловины? Сколько времени им понадобится, чтобы добраться до летательных аппаратов?

Вейко: Если все пойдет хорошо — три дня. Я буду связываться с тобой. Теперь… прекрасные новости… риск… о нас… стоит…

Уолтер: Помехи, помехи, сынок. Кончаю связь. До скоро…

Уолтер Саастамойнен на мгновение перевел взгляд на указатель направления ветра, щелкнул по стеклу пальцем, затем вновь посмотрел на обзорный сканер. Утро было чистое, ясное. Солнце вставало над Северной Атлантикой. Лишь на юге по-над самым горизонтом неслись лохматые тучи.

— Очень рад, что Вейко жив. Прими мои поздравления, — сказал Марк Ремилард.

Уолтер с достоинством кивнул, потом заметил:

— Я не знал, что ты посещаешь Европу и помогаешь детям.

— Зачем им помогать. Их лагерь отлично защищен. Они не нуждаются в моей поддержке. Конечно, несколько дней назад мне пришлось подсобить им, — обрушить лавину на головы фирвулагов, которые устроили засаду на леднике…

— Это очень благородно с твоей стороны. Только непонятно, почему ты так хлопочешь?

— Мне нравится их ослиное упрямство — лезут на гору, невзирая ни на что! Ты бы видел Монте-Розу! Голова кругом пойдет, а они как муравьи — карабкаются, зубами цепляются… Нахальные ребята!..

Саастамойнен усмехнулся, оглядел сквозь окна рубки океан.

— По той же причине ты и мне сохранил жизнь?

Марк не ответил.

— Или ты решил использовать меня как пример для других?.. Я даже заинтригован… Или прагматические соображения взяли верх? Но главный вопрос — почему ты избрал именно такую форму наказания?

— Мы же на корабле, — наконец ответил Марк. — А насчет тебя?.. Мне припомнилась сказка о маленькой русалочке. Она упорно пыталась

изменить свою внешность — ну, ты знаешь… Наконец ее желание осуществилось — у нее появились человеческие ноги, но при этом каждый шаг отзывался нестерпимой болью. Казалось, что острые ножи впивались в ее тело…

Дверь распахнулась, и на мостик вошел Стив Ванье.

— Восемь склянок, слыхали? И я уже здесь. Как дела? Капитан, давай-ка я сменю тебя у руля. Марк, привет! Ну что, ты уже готов взять кого-нибудь из нас в напарники для d-перехода?

— Пока нет, Стив. Я хочу до минимума снизить риск.

Ванье изучил показания приборов и нахмурился.

— Джорджия на экране опять уползла вниз?

— Боюсь, что ты прав, Стив, — ответил Сааста-мойнен. — Ничего не попишешь — приходится вести корабль по показаниям компаса. Вручную…

— Так точно, сэр.

Марк посмотрел на капитана.

— Уолтер, я с удовольствием помогу тебе спуститься в каюту.

— Ценю твою доброту, Марк, — ответил Уолтер и, опершись на его плечо, заковылял к двери.

Он был полностью обнажен, только на ногах толстые шерстяные носки. После каждого шага за капитаном оставался кровавый след. Ванье с ужасом наблюдал за ним. Уолтер, заметив его взгляд, усмехнулся. — Ну что, Стив? Похож я на русалочку? Разбуди меня, если ветер усилится. На автопилот не обращай внимания — все, что я ломаю, уже никогда не восстановить.

13

На третий день восхождения основной группы, чьей целью были аэропланы, спрятанные на северном скате Монте-Розы, разразилась еще одна буря. К счастью, путешественники были предупреждены заранее — в эти дни Элизабет не спускала глаз с наивысшей точки планеты, что позволило Бэзилу и его спутникам еще до рассвета надежно укрыться в третьем вспомогательном лагере. Со второй базы они вышли глубокой ночью и без особых хлопот преодолели обширный цирк, из которого брал начало ледник Бетафорка. Шли ходко, можно было бы еще прибавить, однако оба тану двигались на пределе сил.

Картина вокруг была завораживающая. Легкое полукружье луны сказочным корабликом висело в чистом звездном небе, лишь над вершиной Блейтхорна — соседа Монте-Розы с запада — курчавились серебристые кучевые облачка. В воздухе слышалось потрескивание статического электричества, странное жужжание сотрясало черепную коробку и нашейные ожерелья. Это были верные предвестники скорой грозы.

…Они уже сидели в декамолевых палатках на

третьей промежуточной базе, когда невиданных размеров молния — что-то подобное чудовищному огненному столбу — ударила в вершину Монте-Розы. Россыпь более мелких, извилистых разрядов пробежала по ближайшим к наивысшей точке склонам. Удары грома слились в один протяжный рев, но люди уже не слышали его. Не слышали и себя — странная беззвучная пустота возникла вокруг них, общались они теперь только мысленно, да и то короткими фразами — благодарили судьбу за то, что декамоль с его ячеистой молекулярной структурой оказался отличным диэлектриком. Они практически потеряли способность различать звуки. Казалось, горный массив сотрясался до самого основания. Неожиданно грохот бури утих — сразу повалили крупные хлопья снега, потом на мгновение наступило затишье, и сразу же снова завыл набравший ураганную силу ветер.

В палатках третьего лагеря, спрятанного за гранитной стеной, было тепло и уютно. Ошалев от открывшейся им картины буйства разыгравшейся природы, люди не высовывали носа наружу. Бэзил телепатически связался с Очалом Арфистом, который сообщил, что Тэффи Эванс и Магнус наконец-то доставили в базовый лагерь

Стэна и Фронси. Спуск благотворно отразился на здоровье Стэна — он чувствует себя значительно лучше, и Магнус надеется, что в скором времени бывший офицер межзвездного флота превратится в отважного летчика. Он поведет воздушную флотилию в Горию. Обмороженные ноги Фронси окончательно обрели чувствительность. Она теперь без конца расхаживает по палатке и безостановочно матерится. Как сапожник!.. Язычок у бабенки еще тот!.. Вмиг вмешалась в дела обороны Бетафорки, хотя что тут теперь хлопотать — враги разбежались кто куда, даже с помощью дальней связи их невозможно обнаружить. Тело доктора Тонгзы тоже доставлено в лагерь, его захоронили на каменистом холме (изображение могилы). Видишь, насыпали курган из камней.

Блейн, так же, как и Бэзил, принял отчет, одобрил принятые Очалом меры. Всех троих беспокоил большой перерасход съестных припасов — соленых слизней даже при самой умеренной норме выдачи оставалось на пару дней.

Позже, когда шторм начал стихать, Элизабет связалась с Елейном.

Элизабет: Блейн, ты меня слышишь?

Блейн: Да, Элизабет. Мы не спим — ни я, ни Арон. А вот люди во второй палатке храпят так,

что заглушают рев бури.

Элизабет (мысленный смешок): Как они?

Блейн: Бэзил — он словно мифологический герой. Поразительно выносли́в. Как его звали — Герукл?

Элизабет: Геракл.

Блейн: Вот-вот… Оокпик, Бенгт и Назир очень ослабели, но… как это говорится… держат хвосты пистолетами. Бодрости духа не теряют. Так называемый мистер Бетси без конца жалуется, ноет, взывает к чувству милосердия. Не знаю, к кому он обращается — Богу, дьяволу, маме, папе… Вы, люди, насчет поплакаться в жилетку необыкновенно изобретательны. То ли дело мы! Есть у нас Тана — родная, единственная, — к ней и взываем… Так вот, что касается мистера Бетси… Ныть-то он ноет, но по силам едва ли уступает самому Бэзилу. Никогда не отказывается взять лишний груз, всегда готов помочь товарищу. Парень он неплохой, к нему только привыкнуть надо.

Элизабет: Как вы, тану?

Блейн (слабым голосом): Мы с Ароном очень страдаем от головной боли и нехватки кислорода. Сильно ослабли. Бэзил считает, что наши организмы хуже приспосабливаются к высоте, чем у

людей. Мы помогаем себе психокинетическими усилиями, а по ночам лечим друг друга.

Элизабет (озабоченно): Разве сон не более действенное лекарство?

Блейн: Ты же знаешь, что мы спим куда меньше, чем ваша раса. При нехватке кислорода для нас полезнее бодрствование, чем тяжелый кошмарный сон.

Элизабет: Хорошо… Будьте осторожны. Понимаю, какие страдания приносит вам горная болезнь.

Блейн: Завтра мы достигнем высшей точки. Потерпим… Ну и маршрутик ты подобрала для нас! Ладно, я готов принять твою информацию.

Элизабет: (Изображение.) Как мне видится отсюда, по снежнику вы быстрее и безопаснее всего доберетесь до седловины. После бури по свежему снегу идти значительно труднее, но на этом пути вас не будут подстерегать непредвиденные случайности. Передай Бэзилу, что на подступах к седлу образовался опасный карниз, так что пусть он на месте прикинет, как его обойти. Потом вам придется подняться по хребту — еще примерно четыреста метров вверх, иначе вам не спуститься по восточному склону Монте-Розы.

Блейн: Спаси нас, Тана! Это же 8210 метров.

Боюсь, что мои легкие не выдержат.

Элизабет: К сожалению, иного пути нет — там начинается ровная снеговая доска. Продержись, Блейн! Лишь бы стояла хорошая погода. По моим прогнозам, в ближайшие три дня небо будет чистое.

Блейн: Тану беру в свидетели, что у нас есть шанс завтра добраться до ропланов. Как они? Буря их не повредила?

Элизабет: Я их прекрасно вижу. Внешне все вроде бы целы, только снегом занесло и чуть развернуло.

Блейн: Что там скрыто?.. Смелее на поиск… Ага, тайна судьбою утеряна…

Элизабет (озабоченно): ?!

Блейн: Нет-нет, не волнуйся, со мной все в порядке, это стихи. Их читал Бэзил перед штурмом. Неужели тяга к приключениям так сильна у людей? Неужели вас неотвратимо манит любая возможность сунуть нос туда, куда вас не просят? В нашей группе пять человек. Только мистер Бетси постоянно шутит — и я знаю, что он действительно спокоен, фаталист необыкновенный; но все остальные буквально трясутся от страха в ожидании завтрашнего решительного броска. Даже Бэзила мучит какая-то мелкая, неостано-

вимая дрожь. Он, конечно, вида не подает, но от нас-то не скроешь… Скажи, Элизабет, — это правда, что на вашей будущей Земле люди карабкаются на подобные заоблачные вершины исключительно ради удовольствия? Из спортивных побуждений?

Элизабет: Точно.

Блейн: Тогда как понять этот страх?

Элизабет: Если я попытаюсь объяснять, Блейн, ты все равно мне не поверишь. Сходи, тогда сам узнаешь.

Утром Блейн Чемпион и Арон почувствовали себя лучше. Перед самым восхождением Бэзил решил вернуться к прежнему плану и разделил группу на две команды. Он, Бетси и Блейн будут прокладывать путь, следом двинутся Оокпик, Назир, Бенгт и Арон. Разрыв должен составлять не менее пятнадцати минут. Снег очень мягкий, нападало его по колено, небо чистое — значит, следует особенно тщательно поберечь глаза. Команда Бэзила будет лидировать в течение трех часов, потом их сменит Оокпик с товарищами.

Они вышли поздним утром. Снега действительно намело столько, что местами люди шли по пояс в этом блистающем пуховом покрове. Однако не люди, а тану, длинноногие, как журавли,

вызывали наибольшую озабоченность Бэзила. Спустя час после того как они вышли из лагеря, лица их помертвели, приобрели землистый оттенок. Арон не воспринимал команды, отдаваемые Оокпиком, поддерживать даже замедленный темп передвижения он уже не мог.

К полудню альпинисты почти добрались до седловины. Здесь Бэзил объявил небольшой привал. Устроились они в снежной норе.

— Видите снеговую завесу? Вон там — правее и выше. — Бэзил указал товарищам на искрящуюся серебристую круговерть, облачком висевшую над гребнем. — Это ветер наддувает с восточной стороны. Доберемся до того места и вниз. К сожалению, нам придется сделать небольшой крюк. Можно, конечно, пойти напрямую через снежное поле — так маршрут короче, но тогда мы попадаем под крутые удары ветра. Да-а, ребята, в чем мы сейчас больше всего нуждаемся, так это в горячей пище. Чтобы ее было много, кусками, и чтобы горячего чаю было хоть залейся. Супчика бы горячего. М-да, обезвоживание — наш самый опасный враг. Из-за него и все остальные несчастья — и слабость, и переохлаждение организма, и горная болезнь, и всякие стрессы.

— Самый сильный стресс я испытываю, когда

смотрюсь в зеркало, — пожаловался мистер Бетси. — О, мой бедный нос, мои обожженные щеки! Вряд ли когда-нибудь мне удастся восстановить изысканный легкий румянец и интригующий багровый цвет моего благородного нюхательного аппарата.

Оокпик вытащил из рюкзака складной нагреватель, потом достал большой декамолевый мешок и протянул его мистеру Бетси.

— Избавь нас от своих стенаний, пойди набери снега. Тогда, возможно, я отрежу тебе маленький кусочек носорожьего сала. Оно, правда, немного протухло…

— Это ничего! — обрадовался мистер Бетси и резво, на карачках, выполз из норы.

Бэзил кивком подозвал к себе Блейна и шепнул ему на ухо:

— Меня очень беспокоит Арон. Кажется, он теряет сознание.

— Я уже заметил, — ответил Блейн и взглянул на брата-психокинетика, который апатично грелся у переносного обогревателя. В руке он держал кусочек шоколада.

— Послушай, Чемпион, — обратился к Блейну Бэзил, — сомневаюсь, что Арону следует идти в хвосте связки Оокпика. Под снегом могут быть

трещины. Откровенно говоря, о том, чтобы Арон тащился сзади, теперь и речи быть не может! Если он провалится, то его вес утянет всех троих. Склон крутой, скользкий — они так и покатятся, как с горки.

— Вполне возможно, — согласился рыцарь тану.

— И вот еще что. В горах мне уже доводилось встречаться с подобными случаями. Хочу предупредить: есть вероятность того, что у Арона ум зайдет за разум. Он вполне может потерять ориентацию, утратить логику, удариться в панику или наоборот — так развеселиться, что его не удержишь. Случалось, кое-кто пускался в пляс прямо на крутизне. Откуда только силы брались. Ты сможешь контролировать его поведение?

— В принципе, конечно, могу, но Арон — сильный психокинетик. Начав чудить, он обязательно выставит защиту от моего вмешательства. Когда тану впадают в безумство, их лечат, а не принуждают. Здесь есть другая проблема. В обычных условиях я значительно превосхожу Арона в ментальной мощи, но если он потеряет рассудок, то может на каком-то всплеске превзойти меня и подчинить своей воле. Тем более что моя сила в основном расходуется на поддержание организ-

ма в рабочем состоянии.

— Мы не можем оставить Арона здесь одного, не можем и вернуться обратно. Как только перевалим через гребень, мы положим его на декамолевые салазки. Но через снежную доску он должен пройти сам. Я предлагаю связать Бетси с Оокпиком. Ты и я пойдем в одной связке — Арон между нами. Мы начнем пробивать тропу, я обвяжусь так, что меня никакая трещина не возьмет.

— Вес Арона около ста восьмидесяти ваших килограммов. Что же, по-твоему, если он свихнется, то не сможет утащить тебя? В два счета! Я же совсем ослаб и вряд ли способен помочь. Это можно сделать, только обладая физической силой.

— Он же будет между нами!..

— И мы все трое рухнем в пропасть или начнем кувыркаться по склону. Кто тогда поведет группу к аэропланам? Позволь напомнить, что Оокпик не так опытен в горах, как ты. Или как Тонгза. Мне был отдан приказ — доставить летательные аппараты любой ценой. И я выполню его.

— Мы не можем бросить Арона. — Голос Бэзила был тверд.

— Мы его не бросим, — мягко возразил Блейн. — Но ты поведешь другую команду, состоящую из пятерых людей, а я и мой брат по гильдии после-

дуем за вами. У нас будет своя связка. Мы верим, что Тана поможет нам. Если нам не повезет — значит, такова ее воля.

— Если вы погибнете, то мы, люди, доберемся до аппаратов без тану, а ведь вам приказано контролировать наши действия. Откуда ты знаешь, что, завладев «ропланами», мы не сбежим? Ни тебе, ни королю не удастся помешать нам на таком расстоянии.

— Думаю, контролировать вас нет никакой необходимости. Я уже говорил, что понять людей иногда бывает невозможно. Но в данном случае… Как ты можешь, Бэзил! Я достаточно хорошо изучил тебя и верю — нет, знаю! — что ты все сделаешь как должно. С нами или без нас.

Бэзил тяжело вздохнул.

— Тогда в дорогу.

Пронзительно завывал ветер. Конечно, неприятно, решил Бэзил, но все же лучше, чем минус шестьдесят по Цельсию. Утешение было слабое — Уимборн чувствовал, как стынет лицо. Не спасала и меховая накладка капюшона. С каждым шагом пальцы на ногах все больше немели. Он вбил в лед опорный крюк и приказал:

«Отпускай конец».

Оокпик: «Давай».

Затем эскимос быстро перебрался на новую опору, сразу зацепил свой страховочный трос. Теперь Бэзил, страхуемый Оокпиком, с размаху вогнал в слежавшийся снег ботинки, начал вбивать новый крюк. Закрепил его, опробовал, медленно продолжил подъем. Скоро линия была провешена до самого гребня, и вверх двинулся Бенгт, за ним Назир, следующим мистер Бетси. Оба тану между тем все больше отставали.

…Бэзил вновь вогнал ледоруб в слежавшийся до каменной плотности снег и в такт с гулкими ударами сердца принялся раскачивать его. Легкие усиленно вытягивали из разреженного воздуха остатки кислорода, голова раскалывалась от боли. Надо быстрее! Еще быстрее!.. Он старался изо всех сил — снизу его строп страховал Оокпик. Торопись! Достань крюк… Так, вбивай… Скорость — единственное спасение от ревущего ветра, от высоты, от усталости. Если он не поспешит, товарищи замерзнут окончательно. Никто не сможет помочь… Ты же хотел этого… Она совсем близко… Монте-Роза… Только голову не поднимай… Бей крепче…

Бэзил: «Блейн, как Арон?»

Блейн: «Слабеет слабеет наполовину отупел однако слава Тане воспринимает мои команды».

Бэзил: «Скоро перевал. Шагай шагай дружище в двухстах метрах скалистая полка там не будет ветра. Ты все слышал? Уже близко».

Несколько мысленных всплесков, бессмысленных, отчаянных, долетели до Уимборна.

Ветер крепчал.

Бэзил начал считать шаги.

Цепочка из пяти маленьких — и двух побольше — пятнышек медленно перемещалась вверх по склону. Воздух был изумительно чист и свеж, видно было далеко-далеко, но никто не поднял голову, чтобы полюбоваться открытым видом. В небе ни облачка. Обнаженный монолит, составляющий вершину Монте-Розы, грелся на солнышке. Искрился восточный скат… Ровное, покатое снежное покрывало, никем никогда не тронутое… Девственно чистая гора. Непокорная королева гор. Самая величественная и высокая вершина за всю историю Земли. Геологическую историю… Возможно… Бэзил нашел в себе силы проявить здоровый скептицизм. Теперь ты будешь моя. Будешь!..

Он помимо воли считал шаги…

Неожиданный снеговой заряд ударил ему в лицо. Он поднял голову — долгожданная скальная грива седловины с нависшим снежным карни-

зом была совсем близко. Ветер выл, всхлипывал, стонал на все лады… Последние метры Бэзил прошел наискосок, вдоль по опасному вроде бы склону. Фирн хрустел под ногами, карниз выглядел прочным, словно слеплен из пластбетона… Вот и голые скалы, лишь местами присыпанные зернистым снежком, кое-где поблескивали наледи… Так, здесь уступ, там… А вот и лощинка. Еще два шага…

Сначала его голова, потом плечи, потом полкорпуса всплыли над извилистым гребнем, соединяющим Монте-Розу с Блейтхорном. Да что там с Блейтхорном! Вся горная цепь, великая зазубренная стена, по дуге убегающая к северу, открылась перед ним. Еще немного, последний рывок — не теряй бдительность, прочнее ставь ногу, проконтролируй — и он остался один на один с небом.

Плиоценовые Альпы лежали под ногами. Насколько хватало глаз, перед ним как бы опрокинулась, заходила ходуном великая горная страна. Наконец взгляд обрел устойчивость, ясность — слезы моментально высыхали на такой высоте. Бэзил, сосредоточившись, прикинул дальнейший маршрут. Всего-то мгновение и потешился, усмехнулся он. Только без всхлипов,

без перечисления имен погибших, без пошлых эпитетов, без «героев», «доблестей», «крепости духа»!.. Без воплей… Об этом пусть рассказывает ветер. К его удивлению, ветер сразу ослаб, словно присмирел. Чудеса! А у меня за спиной двое едва переставляющих ноги тану.

Итак, спуск!..

Сзади послышался слабый мысленный вскрик — Оокпик взобрался на седловину. Замер, завороженный… Пугалом всплыла над бровкой голова Назира — он все время поминал Аллаха… Что здесь смешного — значит, помог ему Аллах, довел, поддержал под локоток. Вот и Бетси. Ишь, как притопнул ногой на последнем шаге, да еще и ледоруб в снег вонзил.

Бэзил: «Блейн?»

Блейн: «Я здесь».

Бэзил: «Двигай, рыцарь. Осталось меньше десятка метров».

Блейн: «Сожалею, но вынужден проститься с вами. Идите дальше, ребята…»

Бэзил моментально с помощью золотого торквеса увидел, в каком положении очутились два экзотика.

…Огромное тело — гигант стоит на коленях, пытается удержать равновесие. Обеими руками

он схватился за вбитые в снег молоток и ледоруб. Вокруг ослепительная белизна… К его поясу привязана страховочная веревка, на которой подвешено другое большое тело, безвольно повисшее над бездной. Исполин лежит на спине, его закрытые глаза обращены к небу. Сантиметр за сантиметром Арон сползает вниз, увлекая за собой находящегося выше товарища.

Бэзил (вопль): «Все вместе, мыслью! ДЕРЖИСЬ БЛЕЙН ДЕРЖИСЬ!»

Люди, все разом: «Держись Блейн держись!..»

Колени Блейна подогнулись, поехали вниз, ботинок с шипами соскользнул с упора. Сантиметр за сантиметром Арон сползает вниз. Блейн борется, он еще в сознании, усилием мысли прижимает себя к склону.

«ДЕРЖИСЬ БЛЕЙН ДЕРЖИСЬ!»

Со звоном ледоруб вырвало из снега. КЛАНК! Блейн пытается вновь воткнуть его в снег.

Бэзил: «Оокпик, заякори страховочный трос за скалу. ДЕРЖИСЬ БЛЕЙН Я ИДУ».

Все другие, на пределе сил: «ДЕРЖИСЬ БЛЕЙН!..»

Оокпик: «Готово. Дииидииди…»

Блейн: «Сожалею, ребята, но сил больше нет…»

Оокпик: «Хватай его, Бэзил. Схватил? Держи!

Держи! Я иду...»

...Три тела полетели вниз, потом разом дернулись и закачались на страховочном тросе. Уимборн поднял голову и сказал высунувшемуся Ооkпику — сказал спокойно, рассудительно:

— Они, кажется, оба без сознания. Но я их зацепил надежно.

— Ты сам взобраться сможешь? — Испуганное лицо мистера Бетси появилось на фоне яркого голубого неба, потом он широко улыбнулся: — Я уже лебедку приладил. Могу прокатить на лифте, дорогуша.

— О Боже! — простонал Уимборн. — Какой же ты идиот!..

— Какой? — заинтересовался мистер Бетси и, словно кот, наклонил голову набок.

— Неисправимый!!!

Спуск они начали после короткого отдыха. Сначала осторожничали, концы, на которых были привязаны декамолевые салазки с бесчувственными телами обоих экзотиков, травили медленно, по чуть-чуть; потом, когда нашли ровный, покатый участок, по которому прошла лавина, Бэзил взмахом руки остановил группу.

— Будем спускаться здесь. Слушайте, что надо

делать…

Согласно его указаниям они по одному начали съезжать вниз. Летели так, что снежная пыль стояла столбом. Оставшись наверху в одиночестве, Уимборн устроился на пятой точке и с диким мысленным радостным воплем помчался к стоявшим на плоской снежной доске, засыпанным снегом аэропланам. Его крик достиг не только домика в горах, где Элизабет, стоя на балконе, с тревогой поглядывала на восток, но и, одолев еще несколько сотен километров на запад, долетел до Гории, заставил Эйкена Драма вздрогнуть, насторожиться…

Король сосредоточился, послал вызов в эфир:

«С прибытием?»

Ответа пришлось ждать долго, наконец Бэзил откликнулся (на этот раз с помощью Элизабет):

«Так точно, сэр». — И следом пришла картинка.

Эйкен: «Блейна и Арона следует как можно быстрее доставить вниз».

Бэзил: «Мы уже погрузили их в аппарат, находящийся в рабочем состоянии. Здесь, Ваше Величество, есть кислородные баллоны и маски. Опасности для их жизней нет, через день-другой оба будут в полном порядке».

Эйкен: «Рад слышать. Сколько времени вам понадобится, чтобы поднять аппараты в воздух?»

Бэзил: «Некоторые почти сразу — их только надо заправить дистиллированной водой. Кроме того, предстоит очистить от снега фюзеляжи. Это касается тех „ропланов“, которые мы успели детально осмотреть; но проверили мы уже более двух десятков, так что каких-то серьезных проблем я не вижу».

Эйкен: «Потрясающе!.. Однако…»

Бэзил: «Да?»

Эйкен: «Что бы вы лично хотели получить в награду?»

Бэзил: «День отдыха. Затем, пока ребята займутся расконсервацией и подготовкой аппаратов к полету, я бы хотел взойти на вершину Монте-Розы. В одиночку. Если через три дня не вернусь, можете считать меня погибшим. Обязательное условие: никто не должен рисковать жизнью или пытаться спасти меня на летательном аппарате. Вот, собственно, и все».

Эйкен: «Я согласен».

Фронси Джиллис отложила книгу и задумчиво посмотрела в иллюминатор «роплана». За овальным прозрачным пластиком бушевала метель.

— Непроглядная круговерть, — вздохнула

она. — Видимость — ноль. Сыплет и сыплет… Если у нас в Бетафорке такое творится, что же там, на вершине? Бедный Бэзил, он, должно быть, совсем замерз. Он же не китаец, которому все нипочем.

Мисс Вонг подняла глаза от вышивки и холодно заметила:

— У меня к тебе просьба, Фронси. В следующий раз подбирай менее резкие сравнения.

— Радость моя, — вздохнула Фронси. — Я вовсе не хотела оскорбить какую-либо расу, народ, приверженцев той или иной религии и сексуальной ориентации. Никого персонально. Это просто идиома. Выражение такое…

Мисс Вонг фыркнула, потом, помолчав, сказала тонким голоском:

— Бэзил — прирожденный руководитель. Мне без него будет очень тяжело…

— Нам всем будет тяжело, — ответил Стэн Дзиканьский и разложил карты на кожухе, под которым размещался навигационный гироскоп. — Джин! note 21 — объявил он.

Трое других игроков изучили его комбинации и с угрюмыми лицами бросили свои карты на

---

note notes: Note21
одно из положений популярной карточной игры «джин рами"

кожух.

— Неужели ты даже с помощью дальновидения ничего не можешь разглядеть? — спросил раздраженно Ооkпик.

Чемпион отрицательно покачал золотоволосой головой.

— Видишь, какой буран. Если даже Элизабет не удалось отыскать его следы, что с меня требовать… Он и на телепатические вызовы не отвечает.

— Уже прошли все назначенные сроки, — тихо сказал Очал Арфист. — Нам надо улетать.

— Черт побери твои сроки! — всплеснула руками Фронси, потом с ненавистью стала бить кулачком по консоли. — Лорд Очал, вы, и Стэн, и Ооки улетайте на втором аэроплане, а мы еще денек подождем. Блейн не будет возражать, не так ли, Чамп?

— Фронси, — Блейн опустил голову, — вылететь должны оба корабля. Мы последние, кроме того, Бэзил сам назначил время возвращения. Таково было его условие.

Мисс Вонг шмыгнула носом, отерла его рукавом, села на место пилота и начала предполетную подготовку.

— Фронси, пожалуйста, включи ро-двига-

тель, — попросила она.

Все как-то разом тяжко вздохнули.

— Ладно. — Стэн собрал карты. — Я, лорд Очал и Ооки полетим на второй машине.

Блейн кивнул.

— Увидимся в Гории.

Все трое накинули на головы капюшоны — Очал Арфист наконец снял шлем,

— застегнули молнии на куртках, надели шерстяные перчатки. Мисс Вонг нажала на клавишу, и в полу открылся люк. Дикий рев снежной бури ворвался в салон. Грустные погребальные нотки слышались в завывании ветра.

— Генераторы ро-поля в норме, — доложила Фронси, — энергия пошла.

Люк закрылся.

Мисс Вонг всхлипнула, сделала паузу, потом сказала в переговорное устройство:

— Готова к полету.

Фронси глянула в иллюминатор, удивленно вскинула брови.

— Они что, возвращаются?

Лорд Блейн потянулся к окну, пожал плечами.

— Нет, это не Очал, у него застежка другая. А эта, помнится, была на куртке Бэзила… Но это не он… Эх, Бэзил, — вот ты и получил, что хотел…

— Какой дурак прокладывал курс! — раздраженно воскликнула Фронси, осмотрев высветившуюся полетную карту. — И этот!.. Шатаются тут всякие. Ему давным-давно надо быть в аэроплане… Боже мой!.. Да он весь черный… Вонг, взгляни, кто это?

Как только буря начала стихать и ветер завыл скорее жалобно, чем злобно, Бэзил Уимборн с помощью стеклянной саперной лопатки принялся прокапывать ход наружу. На поверхность он выбрался глубокой ночью, когда яркие звезды полновластно засветились на темном небе. Плотная пелена серебристых облаков лежала под ногами — чуть пониже восьми тысяч метров, прикинул Бэзил. Два ярких росчерка сверкнули над самым рогом Прото-Матерхорна. Вечные автографы сгоревших метеоритов… Так было, так будет…

Он присел на плотный ком снега, с трудом вытянул ноги. Сначала хрустнуло в левом бедре, потом в лодыжке. Бэзил застонал. Штаны были порваны, нижнее белье тоже — лохмотья, пропитанные кровью, задубели на морозе… Он сполна расплатился за те две-три сотни метров, которые прокатился после падения со скалы. Упал вроде мягко, однако снег на склоне оказался сродни

битому стеклу — в клочья растерзал одежду, раскровянил сломанные ноги. А ведь до начала бурана еще надо было успеть выкопать пещерку.

Бэзил сидел, осматривая мир, распахнувшиеся перед ним завораживающие дали. Было удивительно светло, тихо… Он навсегда запомнит чистое ночное небо, звезды, облачную подстилку… Падающие метеориты, пики соседних вершин… Дыхание его участилось — легкие облачка пара таяли в морозном воздухе. Холод жег глаза — Бэзил прикрыл веки. Он был счастлив.

— Vulgo enim dicitur: lucundi acti labores, — вымолвил он.

«Цицерон, не так ли?»

— Совершенно верно. «О пределах добра и зла». Философский трактат…

«Наши добрые отцы в Нью-Гемпшире с таким усердием вколачивали в нас латынь, что я и сейчас смогу управиться с переводом: „Общее мнение гласит, что завершение трудов приносит радость“. Вроде бы так, однако настаивать не буду».

Бэзил наконец открыл глаза и заметил в нескольких шагах от себя плотную чернильную массу, контуры которой напоминали человеческое тело, правда, необыкновенно большое и

высокое.

— Приветствую вас, — сказал профессор. — Я так и думал, что это вы. Так сказать, свежее издание моих бредовых галлюцинаций.

Пропитанное тьмой существо приблизилось.

«Вы должны меня извинить, я не могу освободиться от доспехов».

— Я не в претензии. Мне приятно, что вы оказались свидетелем моих усилий.

«Ваш опыт очень ценен для меня. Я многое понял…»

Бэзил кивнул в ответ, потом указал в сторону Монте-Розы.

— Все-таки она меня достала.

«Вы считаете, что смерть близка?»

— Какая же иная перспектива?

«Я бы мог предложить вам помощь».

— Это любопытно, — прошептал Бэзил. — Ну и?..

«Я как раз экспериментирую с оборудованием для d-перехода. Теперь я могу перевозить до семидесяти пяти килограммов груза. Мощи моих генераторов ипсилон-поля на это хватает».

— Что-то вроде кораблей, летающих со сверхсветовыми скоростями?

«Да, теперь я собираюсь проверить возмож-

ность переноса живой материи. Конечно, я мог бы использовать животное…»

Бэзил понимающе кивнул.

— Или меня…

«Риск безусловно существует. Я еще ни разу не проводил подобных опытов. Вы полетите как бы снаружи космического корабля. Согласно теории, никакой опасности нет. Телепортация уже столько раз была проверена на живой ткани, что…»

— Что я должен делать?

«Следует встать как можно ближе ко мне, но ни в коем случае не касаться брони».

— Встать? Вот с этим сложно…

Бэзил вонзил лопатку в снег и, громко вскрикнув от нестерпимой боли, поднялся.

— Боюсь, мне не сохранить равновесие, у меня ноги сломаны. Вы только не спешите, я сейчас… Вот так, вот так… Я готов! — объявил он, и в то же мгновение они провалились в подпространство.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИХОД МРАКА

1

Небеса разверзлись — небывало сильный дождь хлынул на долины Арморики. Непрерывно сверкали молнии, по горизонту пробегали частые зарницы, только в северо-западной стороне в редкие минуты полной темноты призрачным тусклым пятном — словно маяк в ночи — светилась Гория. Туда, сквозь шквальный ветер и дождь, защищенные прозрачной силовой сферой, мчались Элизабет и Минанан.

— Просто не верится, что сейчас октябрь, — сказала женщина. — Погода совершенно январская.

— Четыре сильнейшие бури, одна за другой, — покачал головой Минанан.

— Совсем в духе времени. В Пиренеях, где стоит моя крепость, снег уже завалил все перевалы. За пятьсот шестьдесят лет моей ссылки такого еще не случалось. Столько исполняется примет, что любой, даже самый трезвомыслящий человек поверит в скорый приход Мрака. В наших преданиях говорится, что наступлению Тьмы будет предшествовать необыкновенно жестокая зима.

— Значит, мы должны сделать все возможное и невозможное, чтоб до зимы войны не было.

— Если бы ты знала, как я хочу того же, но ты не совсем понимаешь, что я имею в виду. Дело в том, что на Дуат зима — самое неустойчивое время года. Ось вращения нашей планеты почти не имела наклона, поэтому погодные сезоны и климатические пояса имели строго очерченные границы. Для нас зима

— это любой период, когда портится погода.

Элизабет ничего не ответила, долго молчала, потом наконец спросила:

— Минанан, обилие снега в горах не помешает членам Партии мира принять участие в Великом Турнире?

— Те, кто поддался соблазну провозглашенной Эйкеном идеи, неделю назад спустились на равнину. В первый же день перемирия… Боюсь, что в ближайшие полгода им уже не удастся вернуться домой. Я чувствую себя в какой-то степени виноватым за те трудности, с которыми им придется столкнуться. Если бы я не получил приглашение короля и не сообщил о нем своим подданным, наш мирный народ не кинулся бы поглазеть на этот спектакль.

Элизабет грубовато-дружески спросила:

— Что же на тебя нашло?

Еретик коротко хохотнул.

— Я бы мог объяснить свое решение тем, что решил поддержать стремление Эйкена-Луганна исключить обильное кровопускание во время Великих Битв, но буду честным. В душе я до сих пор не могу совладать с желанием встать в первую шеренгу атакующих, выхватить меч. Причем хочу этого до зуда в ладонях. Разумом я понимаю, что путь насилия, жестокости никуда не ведет — точнее, ведет к самоистреблению, но петушиный дух слишком глубоко упрятан во мне. Хочу я того или нет, но звук боевой трубы

— моя любимая песня. Лязг мечей — это такая музыка!.. — Он вздрогнул. — Иногда я просто впадаю в отчаяние, у меня начинается страшная депрессия. В другие дни, когда меня охватывает философское настроение, я обращаюсь с мольбой к Тане — пусть она позволит мне познать самого себя, пусть научит, как справляться с агрессивными импульсами, ведь Великой Богине все известно обо мне. Я для нее открытая книга. Пока ее любовь и благоволение удерживают меня от дерзких и безрассудных поступков.

— Не стоит упрекать себя за слабость. Я не верю, что ты способен совершить что-либо плохое.

Вспышки молнии освещали лицо рыцаря то с одной стороны, то с другой, и оно таинственно

мерцало во мраке. Впечатление было жуткое — Элизабет даже поежилась — казалось, в смене масок и состояла тайна любого разумного существа, именно в этом мыслящие твари сродни друг другу. Что же испытывает великий воин, глядя на мое лицо, неожиданно подумала женщина. Ужас, любопытство, восторг, отвращение?..

Еретик неожиданно нарушил молчание.

— Не через победу над плотью, не через овладение страстями, раздирающими душу, даже не через силу — так утверждают наши теологи — Тана ведет нас к совершенству. Не ради индивидуума единичного, всеобщего, даже не ради галактического, всеобъемлющего Разума создан мир. Это все средства, необходимые кирпичики духовного мироздания. Смысл его в другом — в сострадании, в единении любви друг к другу, как бы банально ни звучала эта истина. В совершенном мире каждый отдает по возможностям и получает по своим желаниям. Так учит Тана.

— Я давным-давно постигла эту истину, — ответила Элизабет. — Давным-давно... Суть человеческого понимания Божества — в том же! Как ни истолковывай — будь то верховенство материи над духом или наоборот. Трудность, Минапаи, в другом — сколь бы ослепительна

ни была истина, человек, прикасалось к ней, не может до конца избавиться от своих слабостей. Он, даже беспредельно уверовав, в правду, берется за нее нечистыми руками. Его сжигает нетерпение, он рвется поскорее осуществить рай на земле — тогда начинается цепочка компромиссов, вынужденных решений. В результате неофит превращается в дьявола. С истиной, как и с тайной, следует обращаться осторожно…

— Значит, мы бредем в никуда? Наши мечты изначально бесплодны?

— Нет, — возразила Элизабет, — трудно избавиться от ощущения, что прогресс объективен. Он бытийно существует — мы же теперь не едим друг друга. Всегда находятся мудрые люди, которые утверждают, доказывают примером, что истину прежде всего надо приложить к себе, самому жить по ее заветам. И в этом никакого компромисса быть не может…

Шар вдруг резко нырнул вниз, прямо в светящееся крошево городских огней. Элизабет чуть пошатнулась, и Минанан бережно поддержал ее, потом вдруг рассмеялся:

— И все-таки я решил принять участие в Великом Турнире.

Как только защитная сфера приземлилась на

внутреннем дворе Стеклянного Замка, король сам вышел встретить гостей. Скудный свет сочился из редких масляных светильников, пара факелов горела у портика. Было тихо, сверху не капало, дальше, в глубине двора, у самых казарм, где разместилась охрана замка, стояло около двух десятков укрытых брезентом летательных аппаратов.

— Рад, очень рад вновь увидеть тебя живой и невредимой. — Эйкен раскрыл объятия и поцеловал Элизабет в щеку. В сторону Минанана король слегка приподнял шляпу. — Давайте-ка в покои, а то я уже устал отводить дождь.

— Конечно, — кивнул Минанан, — мы не хотим, чтобы ты понапрасну расходовал психоэнергию. Ты должен поберечь силы для Великого Турнира. Хорошо, если буря обошла стороной Нионель, а если зарядят дожди?.. Золотое поле придется осушать. В прежние дни в Мюрии этим занимались Кугал и его брат-близнец Фиан — Разрыватель Небес. Теперь, думаю, одному Кугалу не справиться. Придется вам, Ваше Величество, помочь ему.

— Или тебе, брат Еретик, — ответил Эйкен. — Кугала пока нет в списках участвующих в турнире. Если ты составишь ему компанию, то пара таких бойцов, как вы, вполне способна раскрыть

над полем психокинетический зонтик. Вам никакой циклон не страшен. Что скажешь? Самый удобный для тебя способ продемонстрировать свою силу. Без всякого кровопролития…

— Я подумаю. — Минанан помрачнел.

Они прошли вдоль портика, где с обеих сторон возвышались витые, украшенные бронзой и цветным стеклом колонны — на них были подвешены вытянутые в длину, поблескивающие позолотой светильники.

Элизабет, еще стоя на пороге, кивнула в сторону летательных аппаратов:

— Это все, что удалось спасти? Двадцать один «роплан»?..

— Уже сосчитали? — улыбнулся Эйкен. — Нет, в Горию пригнали двадцать семь штук. Шесть аэропланов я уже отправил в Фенноскандию в распоряжение геологоразведочной партии. — Он лукаво глянул на гостью. — Я думал, ты уже знаешь об этом, Всевидящая!

Она укоризненно посмотрела на короля.

— С того момента, как начался штурм Монте-Розы, у меня не было и минуты для отдыха.

— Прости, прости. — Король начал шутливо извиняться. — Ведь ты у нас Берегиня плиоцена.

— Никакая я не Берегиня, — возмутилась Элиза-

бет. — Никто не назначал меня на эту должность. Ни Бреда и уж конечно не ты!

Эйкен вскинул правую бровь:

— Дорогая, большинство живущих в плиоцене именно так относятся к тебе. Зачем же кокетничать, возмущаться? Заявлять, что никогда не собиралась участвовать в подобной игре?

— Я… Я никогда не заявляла, что отказываю вам в помощи. Но себя я считаю не более чем наблюдателем. Ну, советником… Это не каприз, не кокетство. Это — принципиальный вопрос. Я не умею управлять ни событиями, ни людьми разных рас — нет у меня таких способностей. Тем более сил. И я бы не хотела…

— Ну-ну, девочка, — веско заметил Эйкен. — Ты — птица куда более высокого полета, чем все мы, не так ли? Оттуда, с высоты, ты невозмутимо взираешь на суетящихся внизу людишек и прочих экзотических существ… Теперь ты нашла себе подходящую компанию. Непонятую гордую душу, способную оценить и разделить твою заоблачную меланхолию.

— Ты дурак, Эйкен! — воскликнула Элизабет. Затем короля обдала волна страха, сомнений, слабости, тревоги, невольно вырвавшаяся из ее сознания.

— Где же он витает? — в прежнем тоне продолжал король. — В последние дни мне никак не удается обнаружить его логово. Где же он скрывается? Тут еще эти ураганы, черт их побери! Шхуна теперь тоже не просматривается. Я подумывал, а не послать ли аэроплан на разведку? Невзирая на опасность быть сбитым дружками Марка. Или Мрака? Как ты считаешь?.. Но теперь, когда ты здесь, какой смысл рисковать человеческими жизнями? Ты же не откажешься подняться со мной на центральную башню и осмотреть пространство дальновидящим взглядом.

— В этом нет нужды, — ответила Элизабет. — Я знаю, где Марк. Поэтому и прилетела в Горию, чтобы обсудить очень важный вопрос. С тобой, Хагеном и Клу.

— Ага, — кивнул Эйкен. — Теперь понятно, каким ветром тебя сюда занесло.

Они вошли в огромный парадный холл. В этот ранний вечерний час здесь было на удивление малолюдно, а вот солдат из дворцовой гвардии, понатыканных и тут и там, был явный перебор. Они стояли словно статуи — недвижимые, с серыми ошейниками, тупо взирающие в никуда, одетые в фиолетовые мундиры и отсвечивающие бронзовые кирасы. Каждый нес дежурство с ла-

зерным карабином в руках. Никого, кто — хотя бы из уважения к традициям — был бы облачен в стеклянные доспехи и вооружен по рыцарскому обряду. Времена менялись на глазах.

— Марк в домике у Черной Скалы, — сказала Элизабет. — Я здесь по его просьбе.

— Отлично. — Эйкен негромко хлопнул в ладоши. — Надеюсь, он теперь, после разрушения рентгеновских лазеров, настроен более миролюбиво?

— Эйкен, это Марк спас Бэзила Уимборна. С помощью d-перехода…

— Господи помилуй!

Прежняя шутливая беззаботность, с какой встретил ее король, исчезла.

— Ты прилетела сюда, чтобы сообщить эту новость? — угрюмо поинтересовался он. — Не густо! Марк по-прежнему настаивает, чтобы мы свернули Гудерианов проект?

— Нет.

— Тогда зачем…

— Марк намерен кое-что предложить тебе, Хагену и Клу. Я бы хотела обсудить это предложение со всеми троими.

В разговор вступил Минанан, шедший чуть сзади:

— Элизабет, думаю, рядом с королем ты будешь в полной безопасности. Если позволишь, я удалюсь. Мне бы хотелось нанести визит леди Сибель Длинная Коса. Когда-то мы проводили вместе чудные часы — обсуждали достоинства мирного сосуществования. — Он тут же повернулся и скрылся в одном из боковых коридоров.

Элизабет улыбнулась.

— Лучшего защитника и не придумаешь? — с кислым видом спросил Эйкен.

— Ты же сам выбрал его.

— Да-да… Ура-ура!.. — словно вспомнив что-то, протяжно, с сожалением произнес король. — Жаль только, что он не желает с оружием в руках отстаивать свои высокие принципы. У меня сейчас каждый психокинетик на вес золота. Ты, вероятно, знаешь, что я решил вернуть Шарну и Айфе священный меч. Сама понимаешь, чем это может грозить нам.

Элизабет кивнула.

— Фирвулаги не могут начать войну с Мраком, не владея подобным символом. Теперь он у них в руках. Ты ведешь рискованную игру.

Глаза короля жестко блеснули.

— А может, и нет.

Они добрались до внутренних помещений,

свернули в коридор в западном крыле дворца, перекрытый у входа прочной бронзовой решеткой. Рядом на часах стояли два солдата из элитной части с золотыми ожерельями.

— Я мог бы вызвать Хагена и Клу в комнату для аудиенций, но если ты желаешь спуститься к ним… Я возьму с тебя пятьдесят пенсов за экскурсию по лабораториям, где осуществляется изобретение Гудериана, — тебе будет что потом рассказать Марку. Запомни хорошенько каждую мелочь.

— Я бы с удовольствием. Знаешь, Эйкен, я страшно любопытна.

С надменным видом Эйкен приказал солдатам открыть дверь. Затем, по мере продвижения вперед, он показывал Элизабет всевозможные секретные устройства, предназначенные для защиты исследовательского центра от непрошеных гостей. Сенсорные системы сплошным кольцом окружали крыло здания, где жили североамериканцы и технические специалисты. Внутри помещения повсюду стояли часовые из элитной гвардии. Снаружи стены охранялись солдатами в серебряных и серых торквесах, которые получили строжайший приказ докладывать своим начальникам — рыцарям тану — обо всех

входящих и выходящих людях. Они миновали перегороженный барьерами небольшой внутренний дворик с круглым бассейном посередине, через который по дорожке прошли в подземелье, где раньше хранилось доставленное контрабандой из будущего оборудование и оружие. Теперь, после обеззараживания, здесь были лаборатории и производственные помещения, которые охранялись исключительно рыцарями тану под командой самого Селадейра из Афалии. Спустившись по ступенькам, они попали в проходную, перегороженную металлическими трубчатыми поручнями с запиравшими путь вертушками, которые стопорились метапсихически и механически. Сразу за вертушками был оборудован электромагнитный барьер — сила тока, с какой он мог бы ударить непрошеного посетителя, была вполне достаточна, чтобы сразить насмерть любого злоумышленника. Наконец — если бы кому-то все же удалось одолеть все препятствия, в конце подземного коридора его ждала зеркальная поверхность защитного сигма-поля, вырабатываемого генератором SR-35. За ней находился воздушный шлюз, в котором тщательно проверялась личная ментальная характеристика каждого входящего. Все данные мгновенно по-

ступали в королевский компьютер, который или разрешал войти, или поднимал тревогу.

— Теперь, дорогая, и твоя характеристика занесена в его память, — улыбнулся Эйкен. — Правда, — он поднял палец, — только на сегодня.

Передняя стенка шлюза словно лопнула, и Элизабет в сопровождении короля шагнула во внутренние помещения. Сзади с хлопком снова возродилась преграда, совершенно прозрачная, как и передняя стена шлюза, так что сидевший внутри тану мог загодя видеть человека, прошедшего через проходную.

— Это и есть тот самый неуязвимый силовой экран, который Марк намеревался разрушить рентгеновскими лазерами?

— Да. Детишки из Северной Америки прихватили его со склада на острове Окала. До тех пор, пока проект защищен этим устройством, ему ничто не угрожает. Хаген уверяет, что экран может выдержать психокинетический удар мощностью в пятьсот единиц. Разве только Фелиция могла прошибить этот щит, но Аваддон — никогда. Однако, если ему удастся создать многоголосый метаконцерт, он может попытаться.

— Но ты же не сможешь использовать изобретение Гудериана здесь, в Гории?

— Конечно, нет, — согласился Эйкен. — В этом и состоит главная трудность. Нам следовало бы построить деформатор тау-поля в Надвратном Замке, но это дьявольски неудобно. Что теперь сожалеть о разлитом молоке! SR-35 не приспособлен для перевозки по воздуху. Ничего, придет срок, что-нибудь придумаем. Ты и об этом сообщи Марку, так же, как и обо всем, что увидела здесь.

Они шли через кажущуюся бесконечной анфиладу, где изготавливались отдельные части тау-генератора. Здесь же проходили испытания исходные материалы, полученные искусственно сплавы и металлокерамические соединения. Эйкен знал всех, здоровался за руку с каждым, обращался по именам не только к североамериканцам и специалистам, но и к обслуживающему персоналу. Лаборатории оказались маленькими тесными комнатушками, забитыми людьми. Помещение переоборудовали в спешке, об особом комфорте не заботились… Тут было много наглухо загерметизированных камер, где работы производились с помощью манипуляторов, приводимых в действие сервомоторами, а также метапсихически. В комнатах, которые занимали инженеры-химики, повернуться вообще было невозможно.

В одной из самых больших лабораторий короля и Элизабет встретил Тони Вейланд. К делу он приступил сразу, без всяких предисловий.

— Мне нужны три алмаза, каждый не менее двенадцати каратов. Или больше… Лучше больше… Кроме того, промышленный лазер для просверливания отверстий диаметром от пяти до сорока микрон, металлокерамический кристалл с усиками, канадский бальзам — немного, баночку — или какая-либо аналогичная клеящая смола, еще один баллон с аргоном, а также прошу заменить соседа по комнате — этот Хевит храпит, как лесопилка.

— Что-нибудь еще? — любезно поинтересовался Эйкен.

— Что слышно о моей жене?

— Леди Катлинель наводит справки. Ваша родня со стороны жены впала в легкое раздражение, узнав, что вы дали деру от их доченьки, и теперь не очень-то желают привечать вас в своем кругу. Леди Катлинель советует проявить терпение. Она постарается уладить конфликт.

Тони досадливо ударил кулаком по ладони и вернулся за свой стол. Когда король и Элизабет отошли подальше, гостья тихо сообщила:

— Я незаметно обследовала этого одержимого

— у него явные нелады с психикой, причем на двух уровнях. Он слишком много пережил, и на твоем месте я бы позаботилась, чтобы ему больше не пришлось испытывать стрессов. Его нельзя волновать…

— Он буквально жаждет трудиться, — ответил король, — эта страсть для него сейчас самое лучшее лекарство.

— Я, в общем-то, могу попросить Минанана завернуть в Нионель. Возможно, мне удастся успокоить его родню со стороны жены.

Эйкен нахмурился.

— Спасибо, но насчет родни я соврал. Частично исходя из своих интересов, частично из его. Помнишь лорда Грега-Даннета, который служил главным генетиком у короля Тагдала?

— Это тот, которого все звали Чокнутый Греги?..

— Он самый. Когда Катлинель вышла замуж за Суголла, он отправился вместе с ней в Нионель. Теперь Греги работает над генной технологией, способной исправить деформации, какие встречаются у мутирующих живых существ. Несмотря на легкий заскок, этот Греги — талантливый человек. Он разработал нечто среднее между излечивающей оболочкой тану — так называе-

мой целительной кожей — и оздоровительным автоклавом эпохи Галактического Содружества. Он верит, что его прибор способен преобразовывать искаженные формы ревунов в здоровые тела фирвулагов. Греги кинул клич — угадай, кто оказался первым добровольцем?

— О Боже! — охнула Элизабет.

— Вот именно, — кивнул король. — Его жена Ровена решила, что он бросил ее из-за этого уродства, и не раздумывая, отпихнув всех соперников, полезла в бак. Ей еще по крайней мере четыре недели плавать в автоклаве. Результат неизвестен. Она может сохранить свою внешность, может стать еще уродливее — у нее всего один глаз, ну и прочее, мягко говоря, вызывает удивление. А может, ей крупно повезет. Правда, Греги рьяно возражает против слова «повезет» — он уверен в успехе. Как знать, может, он и прав, но в любом случае мудрее пока помалкивать.

— Это все так романтично…

— Прошу. — Король пригласил гостью идти дальше.

Они вошли в просторный зал, оказавшийся сборочным цехом. Посередине на невысоком помосте возвышался каркас из какого-то стекловидного материала; к прозрачным уголкам

крепились цветные панели, похожие на витражи, сквозь которые легко просматривалось внутреннее устройство этого сооружения, напоминающего перевернутую букву «Т» с едва выступающей поперечной палочкой. Пучки проводов опутывали скелет деформатора, кое-какие силовые кабели уже были уложены в кабельросты. Несколько рабочих трудились внутри остова, другие копошились у размещенных поблизости испытательных стендов и сборочных столов. Все они разом испытали легкое замешательство, когда король вместе с Элизабет вошли в производственное помещение.

— Вот он сам! — объявил Эйкен и указал на Т-образную конструкцию. — Деформатор Гудериана в черновом виде.

— Он такой большой? — удивилась Элизабет.

— Мы немного подкорректировали размеры. Наш доморощенный специалист по динамическим полям Анастос утверждает, что пропорциональное увеличение габаритов не принесет никакого ущерба, наоборот — увеличит пропускную способность, то есть производительность аппарата. Во-он он отчитывает какого-то монтажника. Такой чернявый, костлявый, без ожерелья.

— Я, помнится, видела его в компании Бэзила.

Эйкен, неужели здесь самое удобное место для конфиденциального разговора?

Он, ни слова не говоря, проводил ее к одному из пустующих боксов, расположенных вдоль дальней стены. Одна из перегородок была совершенно прозрачна, внутри — стол, несколько удобных кресел, на тумбочке цветы. Условия самые подходящие — по-видимому, этот бокс служил комнатой отдыха.

Когда Элизабет расположилась в кресле, Эйкен телепатическим сигналом вызвал Хагена и Клу Ремилард. Брат и сестра появились вместе — вошли в комнату отдыха, плотно притворили за собой дверь. Увидев странную посетительницу, не имевшую ожерелья, они тем не менее умело скрыли удивление. Оба были одеты в светлые рабочие комбинезоны, мало чем отличающиеся от тех, что носили монтажники. Брат и сестра были рыжеволосы, но на этом сходство кончалось. У Клу высокий, открытый — кельтский! — лоб, очень тонкие, почти бесцветные ниточки бровей. В глубоко посаженных глазницах посверкивали голубые с зеленоватым отливом глаза. Ресницы длинные — как Клу сама их называла — пушистые!.. Очень нежная, словно светящаяся кожа, небольшой прямой нос… Деликатный…

Не обольстительный, а именно в меру… В ней, безусловно, было много от Марка и еще больше от давным-давно погибшей женщины, которая, по слухам, была настоящей красавицей. Если это так, то дочь мало чем уступит матери… А вот Хаген весь в отца — тот же орлиный профиль, так же широк в кости… Однако есть в нем какая-то червоточина… Недоговоренность какая-то… Недосказанность. Вот и аура его являла решительный напор… Только вперед, лбом об стену. Элизабет тайком усмехнулась. Ему не хватало отцовской гармоничной завершенности. Обертонов!.. Не хватало удивительного, неожиданного обаяния, которым так щедро наделен отец. Обаяния силы? Возможно, мудрости… Коротко, едва ощутимо коснувшись его сознания, Элизабет ощутила только жалость к этому вечно обиженному ребенку, и почему-то от мрачного предчувствия сжалось сердце. В противоположность брату Клу была яркая, открытая натура.

Неизбежные церемониально-лукавые телепатические пасы закончились, брат и сестра неожиданно одновременно улыбнулись.

— Разрешите представить вам, — сказал повеселевший Эйкен, — великую целительницу и дальновидца миссис Элизабет Орм. Она по-

четный член Высокого Стола и de facto является хранительницей нашей земли. Берегиней эпохи плиоцена.

Хаген и Клу поздоровались. Король предложил всем сесть, лично налил чаю, поставил на стол блюдо с пирожными — за это время он успел выяснить, как идут дела с осуществлением проекта. Молодой Ремилард сжато обрисовал ситуацию, посетовав на плохую связь и нехватку редкоземельных элементов, и они оба — король и руководитель проекта — выразили надежду, что геологоразведочная экспедиция в конце концов добьется успеха.

— Завтра к ним отправляется «роплан», — сказал король. — День уйдет на монтаж оборудования, день на пробный полет. Значит, на третий день они начнут вести воздушную гравиметрическую и магнитную съемку. Не надо будет совершать длительных наземных переходов, да и от троллей они уже не будут так зависимы.

— Точно, — подхватил Хаген. — Вся трудность именно в пеших маршрутах. Чем большую площадь можно охватить геофизической съемкой, тем лучше. Мы уже использовали все наши запасы, выбрали ниобий откуда только можно, так что без разработки рудного месторождения про-

ект просто встанет. Половина из этих чертовых кабелей имеют центральные жилы из ниобиево-диспрозиевой проволоки.

— После того, как вы получите эту проволоку в достаточном количестве, сколько времени вам понадобится, чтобы закончить все работы? — спросила Элизабет.

Хаген бросил в ее сторону проницательный взгляд.

— Размышляете о скором отъезде, Великий Магистр?

Элизабет вспыхнула, однако ответила спокойно, без всякого раздражения:

— Да, я думала об этом.

Хаген засмеялся.

— Тогда, учитывая ваши дружеские отношения с моим отцом, боюсь, наши шансы на возвращение в родное время весьма невелики.

Элизабет помолчала, внимательно оглядела Хагена.

— Я совсем забыла, — наконец произнесла она, — что вы родились там. Но для всех остальных детей родиной является плиоцен.

— Все остальные всего лишь на три года моложе Хагена и меня, — заявила Клу и укоризненно посмотрела на брата. — Отвечая на ваш вопрос,

хочу заверить, что при наличии проволоки мы сможем закончить монтаж и отладку за месяц или около того. Здесь собраны самые талантливые ученые Многоцветной Земли. У нас самое разнообразное оборудование. Это просто невероятно — путешественники во времени чего только не понатащили в плиоцен. И конечно, мы потрясли папины закрома… В поисках исходных материалов, которых здесь днем с огнем не отыскать.

Хаген прервал ее:

— Великий Магистр знает об этом, Клу. Она знает о нас все.

Наступило молчание. Затем Хаген поставил вопрос ребром:

— Как вы считаете, Содружество пустит нас в свое время? Зная, кто мы?..

— Да.

— Зная, что мы помогли Фелиции устроить этот потоп?

— Если вы хотите, чтобы Галактическое Содружество приняло вас в свои объятия, вам следует сначала рассчитаться с долгами. Обстоятельства были экстраординарные, тем не менее ваш поступок граничит с преступлением.

— Мы не посягали на жизнь свободных лю-

дей, — возразил Хаген. — Мы выступили против угнетателей-экзотиков и продавшихся им пособников.

— Около пятисот человек погибли во время потопа. Многие из них были ни в чем не виноваты.

— Мы собирались погубить только экзотиков. Ведь они же не люди!..

— Да-а? Оба народа — тану и фирвулаги — со временем внесут свой вклад в появление рода homo sapiens, — сказала Элизабет. — С какой бы антипатией мы ни относились к подобной точке зрения, нам придется в конце концов признать, что реликты обеих рас сохранились на нашей Земле до исторических времен. Все эти тысячелетия они вступали в браки с людьми, так же, как вступают в них сейчас. С пришельцами в плиоцен… Память о них сохранилась в нашем коллективном бессознательном, именно на этой базе возникли многочисленные мифы и предания. Именно их наследие, по существу, очертило круг архетипов, мыслительных алгоритмов и строй чувственных восприятий, а также набор эмоциональных переживаний и их структуру.

— Этого не может быть! — воскликнула Клу. — Нет никаких конкретных свидетельств, кроме окаменелых остатков растительного мира.

Элизабет, казалось, совсем не удивила бурная реакция молодых Ремилардов на такой вроде бы сугубо научный вопрос.

— Обратите внимание, — сказала великая целительница, — что и от прямых предков человеческого рода, известных нам человекообразных обезьян и первобытных людей, тоже осталось очень мало следов. От рамапитеков, например… От хомо эректус… От неандертальцев, наконец. Горсть трогательных фрагментов от первых, разбитые черепа и обломки костей от вторых… Наукой описано всего около восьми десятков частей скелета неандертальцев, а ведь только в Европе времен плейстоцена их жили миллионы.

— Вы хотите сказать, что кое-какие останки тану и фирвулагов тоже найдены? Но этого не может быть!.. — запротестовал Хаген.

— Почему? Знаете ли вы, что уже найдены аномальные образцы человекоподобных существ нашей эпохи? И не только останки скелетов. Я несколько месяцев просидела в компьютерной библиотеке короля Эйкена-Луганна и отыскала там поразительные свидетельства. Таково уж свойство нашей психологии — я имею в виду научное творчество, — что те находки, которые не вписываются в ту или иную научную концепцию,

гипотезу, просто отбрасываются. Объяснения их существованию обычно подбираются таким образом, чтобы, не дай Бог, не обидеть научный истеблишмент. Естественно, все подобные находки объявляются случайными отклонениями от нормы. — Лицо Элизабет приобрело какое-то хищное выражение. — По одной этой причине, я думаю, кто-то страстно желает вернуться в эпоху Галактического Содружества. Как приятно погулять учуявшей добычу кошкой среди самодовольных, ничего не подозревающих голубков.

Клу сидела с мрачным видом — вероятно, мысль о последствиях предстоящего возвращения в будущее давно не давала ей покоя.

— Итак, вы считаете, что мы непременно будем наказаны за помощь Фелиции?

— Мир, в который вы решили вернуться, совсем не похож на тот, каким он был во времена Марка. Да, там до сих пор совершаются преступления и, следовательно, существуют и наказания. Но для тех, кто искренне раскаялся, оно заключается в переобучении и участии в общественных работах.

Брат и сестра подозрительно посмотрели на Элизабет. Эйкен добавил:

— В тех случаях, когда преступники не призна-

ют свою вину, для них не существует ни срока давности, ни смягчающих обстоятельств.

— Путем ментального обследования они определяют степень вины каждого конкретного правонарушителя, и злой умысел, упорство в ненависти, ложь являются куда более серьезным преступлением, чем, например, соучастие.

— Они пойдут на это… и в нашем случае? — спросил Хаген.

— Обязательно, — ответила Элизабет.

— Когда они определят, что мы раскаиваемся… готовы искупить или уже искупили вину, нас освободят?

— Я в этом уверена.

— Вы туда обязательно попадете, ребята, — улыбнулся Эйкен. — Если мы сохраним темп, вы там будете. Не знаю, правда, через сколько лет окажетесь на свободе. Так что есть еще время подумать.

— А вы, Ваше Величество?

— Кто знает, что ждет меня впереди. — Король легкомысленно махнул рукой. — Вдруг вам не удастся построить деформатор или, например, Мрак задержится в пути и не покроет нашу Землю.

— Папа тоже может найти какой-нибудь способ

протащить в Стеклянный Замок церебральный генератор и нанести удар, — добавил Хаген.

Телепатическая волна, посланная Элизабет, окутала всех присутствующих в комнате отдыха. Эйкен и Ремиларды замолчали, взглянули на нее.

— Как раз по этой причине я и прибыла в Горию. Марк теперь приобрел способность переносить во время прыжка через подпространство физические и биологические объекты. Он уже испытал свои возможности на человеке — получилось удачно. Более того, метод, с помощью которого он осуществил это перемещение, открывает широкие перспективы. В скором времени он сможет значительно увеличить массу полезного груза…

— Хаген попытался что-то сказать, но Элизабет движением руки остановила его. — Вам хорошо известно, Марк всегда это подчеркивал, что он любит вас. Он также не испытывает никаких враждебных чувств по отношению к королю Эйкену-Луганну. Марк Ремилард просил меня быть посредницей и его доверенным лицом с тем, чтобы мирно разрешить разгорающийся конфликт. Он хотел бы встретиться с вами в моем домике у Черной Скалы.

— Низа что на свете! — заявил Хаген. — Мы уже

имели с ним разговор на эту тему. Все, что он хочет нам сообщить, можно передать с помощью дальней связи. Я ближе чем на три километра, и только под охраной сигма-поля, к нему не подойду. Уж кого-кого, но своего дорогого папочку я знаю хорошо.

— Марк дал слово, что никому не причинит вреда, — сказала Элизабет. — Он позволил мне проверить все уровни его сознания, и я уверена — он говорит правду. В любом случае, если король согласится на встречу, его психической мощи будет достаточно, чтобы нейтрализовать попытки Марка.

Хаген пожевал губами и кивнул:

— С этим можно согласиться…

— Но встреча ничего не изменит, — горячо начала Клу. — Папа и его друзья никогда не согласятся на открытие «врат времени».

Элизабет повернулась к ней.

— Марк просил меня сообщить, что по этому вопросу у него есть кое-какие новые соображения. Ему есть — он так сказал — что обсудить с вами. Я ему верю, хотя что именно он имел в виду, сказать не могу. Просто не знаю… Он заявил, что это касается давнишнего вопроса насчет ваших наследственных признаков.

— Боже! Он так и сказал? — Хаген как-то мгновенно охрип. Он мысленно метнул к сестре панический импульс, та ответила с той же суетливой поспешностью. Их диалог был горяч, короток и непонятен. Было очевидно, что Клу и Хаген отчаянно боятся, в то же время возможность встретиться с отцом лицом к лицу очень их заинтересовала. На мгновение они как бы вновь превратились в детей, нашаливших, опасающихся наказания, но обожающих своего папочку.

— Элизабет, — озабоченно спросил король, — может ли Марк использовать церебральный генератор — ЦГ — одновременно по нескольким направлениям? Ну, способен ли он одновременно совершать d-переход, поддерживать дальнюю связь и, скажем, нанести метапсихический удар? Или все эти действия можно выполнять только по очереди?

— Я могу ответить, — вмешался Хаген. — Боже мой! — Он удивленно развел руками. — Я еще могу ответить!.. Перед самым нашим побегом отец инструктировал меня, как осуществлять d-переход. Я должен был стать его дублером, поэтому он подгонял под меня бронированный скафандр, проводил со мной предполетную подготовку.

— Значит, ты освоил всю методику? — спросил

король. — Это же крайне важно!

Хаген глотнул — видно было, что он очень волнуется.

— Это устройство — ЦГ — может работать только по заданной программе и способно увеличивать мощность всего лишь одной метаоперации. При выполнении d-перехода церебральный генератор замкнут исключительно на создание и поддержание необходимой напряженности ипсилон-поля. Когда отец занимался исследованиями далеких звезд, генератор работал по программе увеличения дальности визуального проникновения.

— А когда вошел в ваше ментальное объединение с Фелицией, ЦГ увеличил силу сокрушающего удара?

— Точно, — кивнул Хаген. — Скажем, он настраивается на выполнение той или иной задачи. В этот момент вживленные в его тело электроды накаляются добела — то есть мощность увеличивается многократно. Другие же метаспособности в этот момент как бы уходят в тень. Он может их подключить, но только на уровне своих собственных метавозможностей. Дополнительная энергия идет только по одному каналу.

— Очень хорошо, — задумчиво произнес Эй-

кен. — Я больше всего опасался, как бы он не воспользовался генератором и не зажал нас у Черной Скалы в психокинетические тиски.

— Это исключено. — Хаген слегка улыбнулся. — Он не сможет этого сделать, пока не научится транспортировать через подпространство весь церебральный генератор. Целиком, — а он весит около десяти тонн.

— Значит, у нас есть время, — пожевал губами Эйкен. — Что ж, думаю, есть смысл встретиться с Марком и послушать, что он скажет. Если у него не будет подпитки дополнительной энергией, у меня появится шанс.

— И вы сможете его *угробит*ь? — тихо спросил Хаген.

— Нет! — вскрикнула Клу.

Элизабет вступила в разговор:

— Все присутствующие должны дать слово, что не будут предпринимать никаких агрессивных действий. При этом вы должны позволить мне исследовать ваши мозги. На всякий случай. Я должна быть уверена, что никакая шальная мысль не закрепилась в вашем сознании.

Клу согласилась сразу. Хаген поколебался, потом кивнул.

Элизабет вопросительно взглянула на Эйке-

на. Тот сидел нахохлившись, смешно вздернув брови. На взгляд великой целительницы он не ответил — сказал в пространство, как бы размышляя вслух:

— Стоило бы захватить его в ментальные тиски — это вполне возможно. Сколько проблем было бы сразу решено!..

— Я жду твоего ответа, — потребовала Элизабет. — Открой сознание…

Эйкен зло посмотрел на гостью.

— Я могу пообещать, я могу даже повернуть дело таким образом, что ты и с помощью телепатического зонда не обнаружишь ничего подозрительного, а потом переменю решение… Что ты знаешь обо мне?

— Все! — коротко ответила Элизабет.

Коротышка пожал плечами.

— Когда мы отправимся на Черную Скалу? — ворчливо поинтересовался он.

— Завтра? Ты можешь попросить Минанана отнести нас туда? Я не испытываю никакого желания тратить свои силы на это предприятие. У меня их и так не много.

На другой оконечности Франции времен плиоцена — буря прошла здесь много часов назад — на балконе второго этажа уютного охотничье-

го домика, приткнувшегося в огромной темной базальтовой глыбе, называемой Черная Скала, сидели Марк Ремилард и брат Анатолий. Пили «Мартель» и рассуждали о телеологических проблемах вменяемости и бессознательных мотиваций человеческой деятельности. Разговор был настолько захватывающим, что Марк, улучив момент, лишь на секунду отвлекся, чтобы осмотреть «Кулликки», проверил курс, проложенный Уолтером Саастамойненом, и тут же вернулся назад. Проблема взаимоотношений вменяемости и внутренних мотиваций являлась ядром, по их общему мнению, основополагающего для индивидуума противоречия между актуализацией свободы воли и онтологической необходимостью. В данном споре Марка увлекла возможность выступить в качестве адвоката дьявола…

2

Король фирвулагов и его номинальный вассал Суголл без свиты, слуг и сопровождающих выехали на Золотое поле, куда с докладом должен был прибыть Бетуларн Белая Рука.

День выдался солнечный, жаркий. На утреннем небе ни облачка.

Бок о бок два белоснежных халика мелкой рысцой трусили по новому Радужному мосту, переброшенному через реку Нонол. Теперь в этом сооружении

— нарядном, поражающем великолепием отделки — нельзя было даже отдаленно признать прежний обветшавший, небезопасный для прохожих переход. Легкая на вид арка, соединившая два берега, была спроектирована первобытными, прижившимися в Нионели. Мост был украшен бронзовыми перилами, удивительно красивыми светильниками. Проезжая часть была достаточно широка для проезда в ряд двадцати всадников на халиках.

— Замечательный мост! — Шарн был поражен увиденным. Лорд Суголл встретил его восклицание с обычной для него невозмутимостью и

вежливо ответил полупоклоном. На солнце блеснула его лысая макушка. Правитель Нионели был одет в длиннополый, расписной, с серебряным тиснением кафтан, натянутый прямо на призрачное, воссозданное усилием мысли человеческое тело. На Шарне красовались великолепные лайковые жокейские бриджи зеленого цвета, ботфорты выше колен с украшенными драгоценными камнями высокими каблуками и длинными шпорами. Шелковая рубашка с рукавами-фонариками расстегнута на груди. Король фирвулагов был в прекрасном настроении. Легкий ветерок шевелил шерсть на груди, охлаждал кожу.

Августейшие особы достигли середины широкой равнины, раскинувшейся на правом берегу Нонола. Позади высились сказочные, как бы невесомые башни Нионели — города, называемого легендарным Эльдорадо; его покрытые золотом крыши таяли в жарком струящемся воздухе. На этой стороне вдоль берега тянулись редкие дубравы и липовые рощи, среди которых просматривались купы коричных деревьев, у самой воды росли плакучие ивы…

Дальше на север лежала степь. Изобильный, цветистый луговой ковер… До самого горизонта…

По холмам, увалам, между редкими перелесками… В разнотравье особенно выделялись золотые головки лютиков. То там, то здесь были разбросаны отдельные строения, огороженные участки для проведения схваток, засыпанные песком дорожки и площадки — все подновленные, отремонтированные, покрашенные.

— Удивительно — вся округа в цвету! — заметил Шарн. — И это в то время, когда области, расположенные южнее, буквально опустошены ураганами.

— Леса, конечно, пострадали, — ответил Суголл. — С полем у нас тоже было много хлопот. Сколько сил пришлось потратить на заклинания, чтобы вызвать мелкий сеющий дождик. Теперь, как видишь, условия для проведения турнира просто отличные. К самому началу игр земля еще подсохнет, мы повсюду посадим розы, а в рощах будут устроены места для временных стоянок.

— На заклинания? — вскинул брови Шарн. — Ты хочешь сказать, что вы научились управлять погодой?

Мутант Суголл кивнул с невинным видом.

— В этом нет ничего странного, если собрать побольше народа, объединиться в некий общий разум. Силенок хватает, чтобы нагнать облака.

Разве ты не слышал о единой воле? О том, какие чудеса она творит?

— Угу, — неопределенно промычал Шарн.

— Мы были бы плохими хозяевами, если бы не смогли подготовить Золотое поле для достойного проведения первого Великого Турнира.

Шарн попытался сдержать удивление.

— Кузен, как часто ваши люди собираются вместе и объединяют сознания? Эта операция у первобытных называется метасогласие, метапредставление, метаконцерт и, черт побери, как там еще?..

Суголл задумался.

— Не буду утверждать, что мы постоянно применяем этот прием. По крайней мере, не чаще, чем другие народы. Кроме того, это не такое простое дело. Мы управляем погодой лишь тогда, когда необходимо. При постройке моста, при уборке города, покрытии позолотой городских куполов и крыш… Опять же, когда мы собирались подравнять Цветущую гору, тоже пришлось нанести совместный психокинетический удар. Мы не привлекаем к метаобъединению более пятидесяти человек сразу, и я руковожу этой компанией.

— Когда ты направляешь их отдельные усилия в единый метаканал, они безоговорочно призна-

ют твое лидерство?

Суголл удивился.

— Без пререканий. Разве у тебя по-другому?

Шарн помолчал, потом уклончиво ответил:

— Мы поговорим об этом попозже. Твоя долгая отстраненность от главных событий, которые свершались на Многоцветной Земле, привела к некоторой аберрации зрения, этакому местничеству. Но, думаю, милосердная Тэ наставит тебя на путь истинный.

— Обязательно, — согласился Суголл, — лишь благодаря ее милости мы стали богаты.

У Шарна на скулах заиграли желваки, тем не менее он спокойно подтвердил:

— И это тоже. Но я имею в виду ваше умение — или врожденные способности? — организовываться в метасогласие. Должен признаться, что ваши немутировавшие сородичи только-только начинают осваивать такое искусство.

— Вы же воины. — Суголл тупо посмотрел на короля. — Мы — нет. Нам без этого не выжить.

Шарн горячо воскликнул:

— Теперь я приглашаю вас войти в полное согласие со всеми нами!.. Мы должны осуществить самое грандиозное мероприятие за всю историю Многоцветной Земли. Суголл, я пригласил тебя в

якобы инспекционную поездку только для того, чтобы открыть правду. Тебе и твоему народу предстоят великие дела. — Театральным жестом король указал на оставшуюся позади реку. — Взгляни туда! Скоро в той стороне появится Бетуларн Белая Рука, и ты за миллион лет не догадаешься, с чем он появится перед нами. Знал бы ты, что он везет мне в дар!..

Правитель ревунов усмехнулся.

— Может, пока герой еще не появился, мы осмотрим кое-какие сооружения? Там много нового… Я бы сказал, любопытного.

Они бок о бок поскакали по посыпанной песком дорожке к двум высоким обширным трибунам, выстроенным из украшенного резьбой известняка. За сорок лет, припомнил Шарн, прежние постройки превратились в руины, теперь здесь было полно рабочих, все заняты делом — кто-то укладывал плитки из белого камня, кто-то подкрашивал деревянные детали, кто-то устанавливал бронзовые светильники. Работы на обеих трибунах были почти закончены, уже можно было составить впечатление о грандиозной, величественной красоте этих сооружений. Вокруг преобладал зеленый цвет всевозможных оттенков, отлично гармонировавший с медового

тона колоннами и балюстрадами. Как объяснил Суголл, на трибунах еще будут уложены набитые соломой подушки, а поверх стоячих мест натянуты полосатые тенты. Между трибунами находились королевские ложи, отделенные от других секторов рядами витых колонн. Две нарядные лестницы вели к арене — по ним будут подниматься победители состязаний. Шарн и Суголл выехали на арену, развернулись, и перед ними открылись две остроконечные крыши, покрытые золотистой черепицей. На обоих шпилях, соединявшихся вогнутым гребнем, были повешены гербы. На правом изображены символ Шарна — хрустальный скорпион и символ Айфы — двурогая луна; на левом — кулак с указующим перстом короля Эйкена-Луганна.

Воспоминания нахлынули на Шарна — он вздохнул.

— Я уже забыл, каким прекрасным было Золотое поле в те далекие времена. Здесь все вроде было построено на века — солидно, в едином ключе, не то что павильоны-однодневки на Серебристо-Белой равнине. Вот уж где был холодильник!.. Я там никогда не мог согреться. Да, кузен, ты проделал колоссальную работу. А что там за баррикады?

Суголл объяснил, что некоторые новые игры, включенные в программу Великого Турнира, требуют особых мер безопасности, что соответствует требованиям времени, духу дружбы и сотрудничества.

Шарн усмехнулся, обнажив крупные блестящие клыки.

— На этот раз мы их побьем, кузен, как пить дать побьем!.. Не так уж безопасны эти новые причуды-скачки с препятствиями, рыцарские поединки. И, конечно, так называемый «футбол». Что бы могло значить это слово? Представляю, какая свалка начнется на поле… Мой отец рассказывал мне, что на Дуат они вместо мячей использовали головы врагов.

— Тану называют эту игру «шинти», — объяснил Суголл. — Череп мы предполагаем заменить большим кожаным мячом — белым, с черными отметинами. Он будет хорошо различим в траве. — Потом правитель Нионели глянул в сторону реки. — Кажется, великий герой Бетуларн подплывает к пристани. Не пора ли нам встретить его?

Они поскакали к реке, к длинным, в несколько рядов трибунам, построенным для зрителей, которые соберутся посмотреть гонки на лодках.

Здесь же была устроена временная пристань, где стояло два десятка больших торговых судов, по самый планшир забитых солдатами и грузами. Бетуларн Белая Рука, с ног до головы закованный в обсидиановую броню, возвышался на мостике переднего корабля и держал в поднятых руках длинный — в его рост — обитый пурпурной кожей ящик. Завидев короля, он, чеканя шаг, в сопровождении почетного эскорта отправился к королю. Сошел по сходням, поднялся на невысокий берег и, остановившись в нескольких метрах от монарха, опустился на колено. Слезы текли по его морщинистому лицу.

— Полноправный Властитель Высот и Глубин! — проревел благородный фирвулаг. — Монарх Адской Бесконечности, Отец всех фирвулагов, Незыблемый Страж всем Известного Мира, в твои руки передаю я наш священный меч!

Шарн соскочил с седла, взял ящик, откинул крышку. Гигантский голубовато-стальной стеклянный стержень блеснул на солнце. На рукоятке — массивной, под могучую хваткую руку — посверкивали сделанные из драгоценных камней разноцветные головки кнопок и переключателей. Кабель, выполненный в виде перевязи, был аккуратно свернут бухтой в предназначенном

для него углублении. Изогнутый магазин был заряжен энергией по самую золотистую черточку.

— Великая Тэ! — воскликнул Шарн. — Наконец-то… — Он с благоговением взял в руки меч — древнее фотонное оружие.

Бетуларн и все воины-фирвулаги на кораблях вытянулись, замерли по стойке «смирно», приложив сжатые кулаки к сердцу. Суголл не спеша слез с халика, в мгновение ока принял свой подлинный облик и припал к земле — вид этого невообразимого, похожего на спрута с гигантской уродливой человеческой головой существа вызывал неодолимое отвращение, однако никто из фирвулагов даже глазом не моргнул. Они дружно, хором запели священный гимн.

Когда последние звуки торжественной песни, эхом отозвавшиеся в заречных лесах, окончательно стихли, король Шарн повелел:

— Ты, — указал он на Бетуларна, — опоясешь меня!

Благородный фирвулаг щелкнул застежкой, поднял овеянное легендами оружие и, зацепив перевязь за запястье повелителя, застегнул ее. Лицо Шарна, взявшего в руки меч, приобрело восторженно-загадочное выражение.

— Слитсал! Слитсал! Слитсал!.. — грянули сол-

даты на кораблях.

— Пусть люди отдохнут, а ты, Белая Рука, прогуляйся с нами, — приказал король.

Шарн продел стеклянный стержень в специально сделанную петлю на поясе и зашагал по посыпанной свежим золотистым песком дорожке к трибунам.

Легкий ветерок пахнул зноем, смешанным с густым ароматом разнотравья.

Бетуларн сумрачно глянул на повелителя ревунов.

— Кузен Суголл, твое долгое отсутствие при высоком дворе короля фирвулагов плохо сказалось на уважении к традициям. Я не вижу в тебе прежнего благочестия. Кое-кого могут посетить сомнения — верен ли ты, как прежде, заветам предков?

— Я всегда был преданным слугой нашей Богини, честным вассалом короля.

— Подожди, Белая Рука, — миролюбиво сказал Шарн. — Сейчас не время вспоминать былые обиды.

— Я всего лишь забочусь о вашей чести, Ваше Величество, — прорычал великан. — Будьте уверены, что я останусь навеки верным вам и трону фирвулагов. До той самой поры, пока земля и

небо не провалятся в преисподнюю и вслед за всепоглощающим пламенем на землю не спустится Мрак.

Король, казалось, не слышал верноподданного рыка благородного фирвулага. Шарн шагал опустив голову, и трудно было понять, — то ли он вслушивался в звонкие трели жаворонка, голосисто заливавшегося над степью, то ли, придавливая огромными сапожищами головки лютиков, следил, как луговые травы поднимали соцветия.

Теперь они — все трое — шли по луговине. Суголл не спеша переставлял щупальца — ставил их осторожно, бережно, стараясь не помять траву. Бетуларн громко топал сзади, его шумное, хриплое дыхание удивительным образом вплеталось в пение птиц, шорох ветра — словно корова всхрапывала и отдувалась, набив до отказа брюхо пахучим обильным кормом…

Первым нарушил молчание Суголл.

— Я утверждаю, что всегда был верным вассалом королевского дома фирвулагов.

— Знаю, — ответил Шарн. — Кузен, стоит ли обращать внимание на те окололитературные реминисценции наших старых традиционалистов, которые имеет в виду Бетуларн.

— Что-то я не совсем понял, — откликнулся Суголл.

— Я тоже, — взревел (промычал?) Бетуларн. — Что за около… Что за реминисценции?.. О чем, собственно, идет речь? Разве мироздание не рухнет в бездну в результате последней войны? Рухнет или не рухнет?.. — требовательно спросил он.

Шарн успокаивающе помахал рукой, затем вытащил священный меч и, улыбнувшись, любовно провел рукавом по ложу, по кнопкам и переключателям, вмонтированным в рукоять. Вставил в гнездо магазин…

— Давайте я объясню вам то, что в конце концов буду вынужден поведать всем фирвулагам. Еще до того, как меня и Айфу короновали, мы долго изучали исторические источники, свидетельства, апокалипсисы, оставленные нам предками. Наши изыскания привели нас к однозначному выводу, что война с Мраком совсем не обязательно явится всеобщим истреблением и концом мироздания. Все источники содержат указания на более оптимистическое истолкование: после великого сражения Добра со Злом мир возродится!.. В новом сиянии, великой славе!.. И возродится он для тех, кто победит Мрак, то есть

для нас — фирвулагов!

— Что вы, молодые, знаете о таинственном Славном Пути! — Теперь Бетуларн взревел, как разъяренный бык. Даже жаворонок примолк… Гигант с головой размером с пивной котел никак не мог успокоиться. — Это просто карикатура на заветы великой Тэ! Шарн, позволь быть откровенным — твоего предтечу, твоего легендарного предка, великого-великого воина, обессмертившего себя во время битвы на Могите Корабля, наверное, вырвало бы от подобных кощунственных речей. Разве можно в такую трудную пору так богохульствовать?! Приход Мрака — это завершение всего и во всем.

— Не совсем так, — возразил Шарн. — Ведь в результате сражения, которое произойдет на Многоцветной Земле, галактика Дуат останется невредима. И другие миры. Все зависит от того, произойдет ли битва на краю Бездны или нет…

— Что за ересь! — проворчал Бетуларн. — Нет, еще хуже. Это казуистика, подмена понятий.

Суголл, не обращая внимания на возмущенный рев великана, поинтересовался:

— Значит, сиятельный кузен, ты утверждаешь, что ожидаемый приход Мрака на Многоцветную Землю явится тем зерном, из которого возродится

новый мир, новое небо, новые пространство и время? Что мироздание, описав спираль, поднимется на новую ступень развития?

— Именно, — подтвердил Шарн. — И мы, фирвулаги, должны стать его новыми жителями. Враг в нынешний момент фатально слаб, и численно и морально. Дух его поколеблен. Их правитель — чужак-узурпатор, откровенный словоблуд, погрязший во внутренних распрях с окружающими его низкорожденными, которые ждут не дождутся, как бы поскорее сбежать через «врата времени» в их поганый, обесцвеченный мир будущего! Мы были сильнее их даже в те дни, когда в наши руки еще не попали огромные запасы их страшного оружия. Теперь же, если мы умело организуем наше ментальное объединение, да с бластерами в руках, — кто сможет противостоять нам? И священный меч, он тоже теперь у нас… — Король сделал паузу и снял его с предохранителя. — Ночь поглотит Врага, мы же с благодарностью в сердце встретим новый рассвет.

Шарн вскинул стержень, повел им в сторону шатровых крыш, возведенных над королевскими ложами, и нажал на кнопку. Широкий огненный рукав ударил в нагло выставленный палец

— символ Эйкена-Луганна. Грохот прокатился по Золотому полю, посыпалась черепица, эмблема короля мгновенно исчезла в адском пламени.

— Великая Тэ! — Бетуларн был обескуражен. На его лице отразилось смятение, бушевавшее в душе. — Я всегда был готов достойно встретить свой конец, всегда испытывал благоговение перед пророчеством. А теперь?.. Друзья, не надо смеяться над старым солдатом. Как мне теперь поступать, в какую сторону идти, с чем?

— Доверься мне, — произнес Шарн, потом король повернулся к Суголлу. — Ну а ты как, кузен-ревун? Ты тоже весь в смущении?

— Думаю, что нет.

Шарн подмигнул.

— Ох, хитрюга! Будешь тянуть с принятием решения, сколько возможно, не так ли?

Ужасная гребенчатая голова слегка качнулась в знак подтверждения.

— Хотите, я продемонстрирую вам обоим, какая замечательная вещь — наш священный меч? Мошенник в золотом кафтане, овладев летательными аппаратами, решил, что они дадут ему важное преимущество. Он не знает нашего меча — это оружие предназначено не только для ритуальных церемоний. С его помощью мы

успешно отбивали атаки врагов в нашей прежней галактике.

Клин пестрых лебедей тянулся к реке, к западу. Шарн, сжав губы в презрительной усмешке, выбрал цель.

— Сейчас вы увидите, как эффективно оно действует по воздушным целям.

Он нажал на квадратную кнопку — и ничего не случилось!

Гримаса удивления исказила лицо короля. Он грубо, богохульно выругался, помянул недобрым словом мать Великой Богини. Торопливо пробежал по остальным кнопкам, пару раз щелкнул переключателем регистров, попробовал поставить ружье в каждое из возможных положений… Все было напрасно — оружие не действовало!

— Ну, мерзкий ублюдок! — зарычал он и, обернувшись гигантским скорпионом, принялся бить хвостом о землю. — Ну, безбожный аферист! — Шарн вновь нажал на нижнюю кнопку — зеленая вспышка полыхнула над степью, задела одного лебедя, другие испуганно бросились в разные стороны.

— Священный меч вполне пригоден для поединка, — сурово заметил Бетуларн. — Я лично опробовал его перед обменом. Никем не может

быть поставлена под сомнение его ценность как символа нашей мощи и славы. Враг и должен быть отчаянно сообразителен.

Шарн принял свой обычный образ.

— Думаю, ты прав. — Он уже взял себя в руки и внешне был совершенно спокоен. — И все-таки жаль — смошенничать таким вопиющим образом. Это… это…

— Символ нашего времени. — Мерзкий, умный лорд Суголл рассудительно закончил за него фразу. Он принял человеческий облик. — Становится жарковато, Ваше Величество. Не вернуться ли нам в нашу мирную, уютную Ниональ? — Потом правитель города обратился к Бетуларну: — Я приглашаю вас, генерал, и ваших воинов воспользоваться нашим гостеприимством.

Белая Рука слегка поклонился.

— Благодарю, но нам будет удобнее разбить лагерь здесь, на Золотом поле. Здесь мы подождем открытия игр. Когда мои парни и девицы разместятся, я посещу вас.

Суголл кивнул.

— В городе пока пусто, всего-то несколько гостей, однако, если вы так желаете… Мы можем прислать все необходимое для устройства лагеря.

— Не стоит беспокоиться. У нас есть все, что нужно по уставу, — ответил Бетуларн. — И даже немного больше.

Уолтер: Ты меня слышишь, сынок?

Вейко: Папа! Наконец-то!.. Черт побери, слышно отлично. Вы, должно быть, уже совсем близко.

Уолтер: Менее чем в трехстах километрах от Тории. Чуть повыше залива Арморики.

Вейко: Как так?

Уолтер: Все из-за этих чертовых штормов. Мы попытались обойти их стороной.

Вейко: Вы? На «Кулликки»? Вы что, с ума сошли?! Нашей шхуне никакие бури не страшны.

Уолтер: Ты так думаешь?

Вейко: А если Марк раскусит твою уловку?

Уолтер: Как? Он давно не появляется на борту. Кроме того, Марк никогда раньше не плавал на «Кулликки». Помнишь нашу гавань, яхт-клуб?.. Самая большая посудина, на которой он выходил в открытое море, была двадцатиметровая яхта. Отличный кораблик, но не идет ни в какое сравнение с «Кулликки». Так что я менял курс с его молчаливого согласия. Что поделать, сынок, если вступаешь в игру, надо идти до конца.

Вейко: Никто в Гории не имеет никакого понятия, где вы находитесь. Хаген выходит из себя,

на глазах мрачнеет. Он даже разрешил мне связаться с тобой (хихиканье), как будто мне нужно его разрешение. Он тут никому покоя не дает — собрался послать на поиски один из этих «ропланов» и разбомбить вас к чертовой бабушке, но король оказался начеку. Сразу дал ему по рукам… Одним словом, творится что-то невообразимое, Уолтер. Этим утром Клу, Хаген, король вместе с Элизабет вылетели в неизвестном направлении. Понес их в защитной сфере какой-то отчаянный рыцарь тану, подручный Элизабет. И это в то время, когда у нас есть отличные летательные аппараты. Никто не знает, куда они отправились.

Уолтер: Это дело рук Марка.

Вейко: ?

Уолтер: Его последний разговор с детьми.

Вейко: Ты имеешь в виду, что, если Хаген не согласится остановить работы, Марк нанесет решительный удар?

Уолтер: Что-то в этом роде. Марк до сих пор поддерживает умеренную точку зрения. Мы пока едины в том, что надо использовать любую возможность для улаживания конфликта мирным путем. Правда, большинство самых сильных оперантов — Кастелайн, Варшава — настаивают на том, чтобы ударить при первом же удобном

случае.

Вейко: Ты один стоишь всех этих ублюдков. Ты и Манион. Я рассказал Дайане, что натворил ее отец. Она не удивилась, а вот Хаген даже рот разинул…

Уолтер: Манион не мог поступить иначе.

Вейко: …что мне делать? Я не могу видеть в тебе мишень, даже ради короля, папа. Я не могу.

Уолтер: Теперь, с приближением к материку, мне будет очень трудно связаться с тобой. Ранчар Гатен и Арнерольф Лильстрем за время плавания смонтировали психоэлектронный глушитель. Сработано грубо, но способно защитить шхуну от проникновения любого дальнодействующего взгляда. У короля есть какой-нибудь электронный сканер?

Вейко: Есть. Дальность около семидесяти километров, с помощью аэроплана ее можно значительно увеличить. Значит, ты больше не сможешь со мной разговаривать?

Уолтер: Не беспокойся об этом.

Вейко: Но как же… Ты знаешь, что я буду беспокоиться…

Уолтер: Если Марк собирается сообщить им кое-что из области генетики

— а я догадываюсь, что именно, — то все наши

проблемы можно будет легко разрешить.

Вейко: ?!! Чем бы Марк ни заманивал нас, мы все равно построим деформатор времени.

Уолтер: Возможно.

Вейко: Мы все пришли к единому мнению… большинство из нас. Король тоже на нашей стороне.

Уолтер: Подождите немного, скоро вы услышите о новых предложениях.

Вейко: Уолтер! Ты же никогда не становился на его сторону!..

Уолтер: Я и сейчас на вашей стороне, Вейк, как всегда. Теперь послушай — не пытайся вызвать меня, пока ты не согласишься на предложение Марка. Это будет слишком опасно для нас обоих. Ты уже почти в пределах досягаемости Патриции Кастелайн, и если она скажет Марку, чем мы тут занимаемся… Не унывай, я еще смогу быть полезным… если возьму «Кулликки» с собой.

Вейко: Но мне-то что…

Уолтер: Все, больше нельзя. До свидания, мой мальчик.

Вейко: До свидания.

3

Бэзил Уимборн открыл глаза — мерцающая тьма заиграла перед ним. В центре алели какие-то непонятные округлые пятна — их было два. Одно на фоне другого… Вокруг сложная сеть каких-то ветвистых отростков. По ним струилась жидкость… Прорезался слух — в то же мгновение уши заполнили приглушенные удары, что-то напоминающее рокот прибоя: дум-дум (оба пятна замерли), дум-дум (опять затишье)… Его память тут же подыскала подходящую знакомую мелодию — «Два сердца»… Бэзил подумал: «Нет, здесь всего одно сердце, но вижу я его с двух точек. Мое собственное… Упакованное в некое лоно. Так?»

— Совершенно верно, дружище.

Теперь перед глазами всплыл слабо расцвеченный пузырь. Туманная даль вдруг резко прояснилась, что-то хрустнуло — от его лица осторожно отлепили какую-то — похоже, из пластика? — мембрану. Бэзил обнаружил перед глазами эль-грековского ангела в свободной хламиде и с золотым ожерельем на шее.

— Привет, Крейн, — сказал Уимборн. — Как долго я пробыл в оболочке?

— Два дня.

— Чувствую себя замечательно.

Теперь он заметил других тану, стоявших поодаль, в затененном углу комнаты. Или палаты? Куда его поместили? Стены оштукатурены, кругом резьба по дереву. Стиль барочный… Ставни на окнах — он определенно в домике у Черной Скалы.

— Значит, он принес меня сюда? Восхитительно!.. Однако неужели мои кости успели срастись?

— Сейчас посмотрим. — Крейн продолжал поворачивать его из стороны в сторону — снимал использованную целительную оболочку. Остатки складывал в мешок. Добравшись до бедер, он через плечо сказал кому-то в углу: — Лорд-целитель, сделайте-ка микросканирование.

Высоченный тану, одетый, как и Крейн, в бело-розовый халат, приблизился к Бэзилу. Его глаза с необыкновенно маленькими зрачками были подернуты голубоватой пеленой, которая при повороте головы радужно посверкивала. На вид он очень молод, разве что глубокие складки возле рта старили его. Волосы были тускло-платинового цвета.

— Поразительно, — растягивая слова, произнес

гигант. — Восстановительная программа Врага, сработала на удивление эффективно. Лодыжка теперь как новенькая… В бедре… Да, там еще не все ткани вокруг мозговых полостей срослись, однако ходить можно. Даже нужно.

Пятеро тану торжественно провозгласили:

— Хвала тебе, Тана!

Бэзил пылко подхватил:

— In saecula saeculorum [note 22].

Он почувствовал, что его тело наполняется прежней силой. Руки и ноги свободно повиновались ему. Это было так необычно, если учесть, что последними его воспоминаниями были невыносимая боль, невозможность двинуть ногами; каждое перемещение в ту пору давалось огромным волевым усилием, однако и душа тогда уже была заражена апатией и отчаянием. Потом провал в памяти — и вдруг неожиданная легкость во всем теле, полное отсутствие боли. Он стоял на ногах, ему не требовалась опора. Он вполне мог шагнуть вперед, но не стал этого делать. Бэзилу было не по себе — перед врачами-тану он стоял голый, как младенец.

Перед врачами же! — укорил он себя и ре-

---

note notes: Note22
во веки веков (лат.)

шительно спустился с невысокого подобия пьедестала.

Крейн улыбнулся.

— Слабость чувствуешь?

— Так, немного… Ты здорово потрудился, приятель, вы тоже, сеньоры.

— Он раскланялся с другими целителями. Те совершенно серьезно, с достоинством кивнули в ответ. Бэзил засмеялся и добавил: — Есть хочу, терпения нет.

Крейн помог ему накинуть белое одеяние, напоминавшее просторную рясу с вырезом наверху и широкими рукавами, положил на пол домашние тапочки.

— Так всегда бывает после лечения, — ответил он и, легонько хлопнув Уимборна по плечу, развернул его в сторону остальных тану. — Позволь представить тебе наших целителей. Это они помогли тебе… Дионкет, нынешний президент нашей Гильдии Целителей, лорд Перадейр — Приходящий Первым, Мейн Недремлющее Око и леди Бринтил.

— Я горячо благодарю вас за… э-э… участие, за умение и душевность. Я поражен, как быстро вы поставили меня на ноги. Я всегда считал, что лечение в исцеляющей оболочке занимает куда

больше времени.

— Обычно так и есть, — ответил Дионкет, — когда используются традиционные подходы. Но в вашем случае мы применили экспериментальную методику — объединенную интенсивную программу. Мы работали в связке, а это, естественно, более эффективно, чем лечить в одиночку.

— Хм, — покачал головой Бэзил, — рад, что оказался первым вашим подопытным кроликом.

Дионкет и трое других тану, воспользовавшись серым торквесом Уимборна, на мгновение коснулись его сознания и тут же деликатно отхлынули.

Дон note 23 обратился к Крейну.

— Мне бы хотелось засвидетельствовать мое почтение спасшему меня человеку, который принес меня сюда с вершины Монте-Розы. К сожалению, Ремиларда, наверное, уже нет?

Крейн помолчал — лицо его оставалось бесстрастным.

— Он все еще здесь. Это он предложил методику, с помощью которой мы лечили тебя.

— Бог мой! — не удержался Бэзил. — Тогда я должен выразить ему двойную благодарность…

---

note notes: Note23

обычное наименование преподавателя университета или главы колледжа; в данном случае — Бэзил Уимборн, бывший профессор Оксфорда

С этими словами Крейн и Бэзил вышли из изолятора и по широкой лестнице спустились на первый этаж.

— Не помню, — сказал Уимборн, — рассказывал я тебе, каким потрясением стала для меня встреча с Ремилардом на вершине Монте-Розы. Он явился, весь закованный в броню, словно этакий deus ex machina note 24. Лица его я не видел. Меня, признаюсь, немного нервировала перспектива встретиться с ним лицом к лицу; я опасался, что за стальным щитком — пустота, непроглядный мрак, или, что еще тревожней, я увижу ужасающий лик человека, бросившего вызов Вселенной, потрясателя метапсихических основ мироздания, того, чье имя стало символом самого жестокого злодея в истории Земли. При подобных сопутствующих обстоятельствах и эпитетах, сам знаешь, Крейн, всегда ждешь черт знает чего!..

— Я знаю только, что в настоящую минуту он уплетает омлет с грибами, приготовленный братом Анатолием, берет пальцами жареные хлопья кукурузы — кстати, они у него какие-то изжелта-травленые, видно, оттого, что он сует их куда не следует: в шестеренки мироздания, человеческие

---

note notes: Note24
бог из машины

души, — сказал Крейн. — Я знаю, он — любитель класть ноги на каминную решетку, не заботясь о том, нравится это присутствующим или нет. Но самое главное — забывает после себя закрывать крышку на унитазе.

Уимборн рассмеялся.

— Смысл понял. Один из нас, не так ли?..

— Нет, — отрицательно покачал головой Крейн. — Ему только хочется казаться таким…

Бэзил задумчиво посмотрел прямо в глаза своего старинного друга, с которым он вместе выбирался во время потопа из Мюрии. Им пришлось много пережить, и теперь он почувствовал, что тану-целитель что-то скрывает. Он был явно встревожен.

— До меня дошли кое-какие слухи, — сказал Бэзил, — мол, в лагере Бетафорка Ремилард вместе с Элизабет работают над каким-то вопросом. Единым сознанием. Это правда?

— Да, они вдвоем довели до конца лечение сына нашей экономки. Малыш страдал от «черного торквеса». Более того — они подняли ребенка до уровня полноценного операнта. Ему не нужно никаких торквесов.

— Бог мой! И когда врач принес меня сюда…

— Ага, Аваддон был заинтригован нашей цели-

тельной оболочкой. До этого он никогда не видел психоактивную субстанцию в действии. Когда же лорд-целитель Дионкет продемонстрировал ему наши обычные лечебные методики, он на удивление быстро разобрался в них и предложил использовать его программу, которую он применил к ребенку. Естественно, с некоторой модификацией. Самое интересное дальше. Элизабет попросила нас не возражать и следовать его советам на том основании, что там, в будущем, он был великолепным составителем объединенных метапрограмм. Результаты его вмешательства ты испытываешь на себе.

Они вошли в маленькую гостиную, где горел камин.

— Послушай, — Бэзил обратился к Крейну, — это что за новая мода называть Ремиларда Врагом, Аваддоном… надо же — Аваддон! Ты-то что знаешь об Ангеле Бездны? Не объяснишь, откуда взялось столь странное обозначение? До меня доходят какие-то непонятные ментальные намеки, что-то недосказанное, тревожное… Насколько тесно Элизабет входила в единение с этим ублюдком?

— Я расскажу тебе все, что знаю, о чем догадываюсь, что не следует предавать гласности…

Никому, Бэзил!.. Мы оба почувствовали драматическую нерешительность, бездну сомнений и отчаяния, в которых она бьется. Элизабет никак не может определить, не может понять, куда гонит ее судьба. Сейчас она опасается, как бы Враг не втянул ее в свои грязные делишки, а это уже случилось! Бэзил, мы с тобой оба безнадежно влюблены в нее, нам бы следовало помочь ей…

— Ради Бога, как?

Крейн помог Уимборну устроиться в кресле, подставил скамеечку под ноги.

— Отдохни здесь пока. Я организую что-нибудь поесть и насчет золотого торквеса позабочусь.

Сильный дождь заливал окна в большой гостиной. В камине горел огонь, его тепла хватало, чтобы разогнать сырость, согреть воздух.

Марк вскинул голову, поднял палец.

— Они прилетели.

Долговязый старик монах поднялся с места, стряхнул крошки кукурузных хлопьев с наплечника, вздохнул.

— Ну, мне пора бай-бай. Вы же не хотите, чтобы я мельтешил перед глазами во время трогательной семейной сцены. Удачи и счастья я вам не желаю…

— Как раз напротив, — возразил Марк. — Я бы

хотел, чтобы вы остались, тогда, быть может, вам станет более понятной моя точка зрения. — Он с оханьем опустился на колени, перебрал сосновые поленья. — Впрочем, детям тоже. Никто из вас не владеет всей информацией. Когда же я все выложу, возможно, вам ничего другого не останется, как согласиться со мной. Клу и Хаген не могут постичь, насколько важна идея «ментального человека» для них, а также и для большинства моих соратников, которые бежали со мной в эпоху плиоцена. Если бы детей не было, если бы они никогда не появлялись на свет, я бы не стал сопротивляться и принял смерть, когда восстание потерпело неудачу, — и это было бы концом всего. Но беда в том, что и Клу и Хаген уже существовали — были, так сказать, в наличии, что решительно меняет дело. Можете назвать это провидением, совпадением во времени, чем угодно… У них нет выбора, как только исполнить свое предназначение.

— Выбора, видите ли, нет?! — громко возмутился Анатолий Северинович.

— Не надо крутить мне яйца, хрен моржовый, — сказал он по-русски. — Вот он, выбор! И они его сделали!..

— Как же ты выражаешься, святой отец. Разве

так можно?..

— Сам знаю. Что поделаешь, если эта зараза пристала ко мне еще в Якутске. Недостаток благоговения и милосердия — мои главные пороки… Они могут стать и твоими, если ты, блистательный Великий Магистр, поющий так сладко… если ты будешь настаивать в разговоре с детьми на каких-то мифических наследственных обязательствах.

— Монах, ты даже понять не можешь всей важности идеи о «ментальном человеке».

— Может быть. Но я хорошо разбираюсь в вопросах чести и всегда на стороне тех, кто отстаивает свое человеческое достоинство. Твои дети имеют право сделать собственный выбор.

— Создание трансцендентного человека — бестелесного, пойми это! — куда важнее, чем права двух индивидуумов. При этом не имеет значения, кто они! Пойми и сравни грандиозность, космический масштаб задачи и желания, хотения двух людишек, которым выпала такая удача. Клу и Хаген не могут позволить себе отступить. Тем более теперь, когда у меня наконец появилось средство добиться окончательной победы.

— Тогда ты должен добиться, чтобы они поверили тебе, — заявил Анатолий. — Убедить их.

Убедить себя! Доказать, что приговор Содружества был трагической ошибкой.

Марк подложил в камин сухие поленья, и огонь, помедлив мгновение, лизнув желтоватую древесину, полыхнул с прежней силой. В нише загудело, густо-золотистые блики заиграли по покрытым сажей кирпичам.

— Человеческая раса должна в полной мере овладеть бездонным потенциалом, заложенным в подобной форме жизни. Это ни в коем случае не является происками дьявола.

— Так, — тихо и торжественно провозгласил Анатолий Северинович, — вместо того, чтобы согласиться с моими доводами и избежать греха, ты сам пытаешься перетянуть меня в свою веру. Любая, самая грязная залупа конская скажет тебе: разве это не великий грех — лишать человека его прав. И не передо мной тебе следует оправдываться, Марк, а перед Хагеном и Клу.

Отблески пламени играли у Аваддона в глазах.

— Тебе бы лучше помолиться, брат Анатолий, чтобы удача не отвернулась от меня. Ведь мое единственное требование — получить от детей их зародышевую плазму.

В этот момент в дверь постучали.

Марк вскочил на ноги, повернулся спиной

к огню — высокий, сухощавый, длинноногий, неширокий в плечах, но, чувствовалось, жилистый, по-мужски крепкий… Одет он был в черный свитер с воротником, закрывающим шею, и немного выцветшие, тоже черные, брюки. Дверь распахнулась — четыре фигуры появились в коридоре, все в мокрых плащах, с откинутыми капюшонами. Элизабет обтерла руками мокрое лицо, пригладила волосы и отошла в сторону; за ней, плечом к плечу, не скрывая тревоги, настороженно стояли Клу и Хаген — оба в светлых рабочих комбинезонах; за ними в высоких сапогах, полусогнувшись, ковылял невысокий, ростом с двенадцатилетнего мальчугана, король Эйкен.

Клу вскрикнула: «Папа!» — и через порог бросилась к распахнувшему объятия отцу. Их сознания ласково коснулись друг друга, дочь поцеловала Марка в щеку. Тот прижал ее ярко-рыжую голову к своей груди. Клу всхлипнула… Затем она еще раз взглянула на отца — с нескрываемым обожанием и радостью, потом отошла в сторону и принялась ждать Хагена.

Молодой человек стоял метрах в четырех от отца, бок о бок с Эйкеном Драмом. Он словно не заметил бурных чувств, проявленных отцом и сестрой, — сознание свое заблокировал напрочь,

даже щелки не оставил. Так и стоял — руки в перчатках уперты в бока…

— Я слышал, — громко и чуть возбужденно объявил Хаген, — что ты, папа, хотел поговорить с нами. Мы пришли.

При этих словах тяжелые капли дождя горестно застучали в окна.

— Может, мы присядем? — мягко предложил Марк. — Это не займет много времени.

Старший Ремилард отвернулся от гостей и кочергой поворошил поленья в камине.

…Еще раз дождь дробью ударил в окно.

Три больших удобных кресла стояли возле низкого стола. Брат Анатолий подозвал к себе Хагена.

— Иди сюда, сынок. Здесь ты будешь в безопасности. Если кто-нибудь желает кукурузных хлопьев и разбавленного вина, я сейчас принесу. Одну минутку… — Он поднялся из кресла и направился к выходу.

— Сядь на место, — сурово потребовал Марк, не поворачиваясь к гостям.

Монах словно споткнулся на ходу, замер, потом пристроился в дальнем затененном углу.

На столике, стоявшем возле камина, вдруг появились глиняный кувшин и блюдо с горя-

чими, только что зажаренными кукурузными хлопьями, в воздухе необыкновенно ароматно и дразняще запахло чудесным вином. Эйкен, в своем обычном золотистом наряде, заметил:

— Ремилард, я не собираюсь делить с вами хлеб-соль. У меня у самого есть все, в чем я нуждаюсь. Даже больше того. — Потом он огляделся и по-хозяйски устроился на широкой, покрытой кожей кушетке, стоявшей вдали от огня, развалился, закинул ногу на ногу. Поколебавшись, Хаген пристроился рядом с ним. Элизабет села на лавочку.

— Я бы хотел — как и предупреждал — рассказать своим детям о некоторых особых свойствах наших наследственных аппаратов. — Марк сразу перешел к делу. — Все вы знаете, что мое тело имеет способность самовосстанавливаться. Исключая разве что волосы… За тридцать лет я практически не изменился. Да, я — мутант, как и все дети Поля Ремилларда и Терезы Кендалл. Способность восстанавливать клетки — наша главная генетическая особенность, как, впрочем, и у большинства мутантов. Вы оба, Клу и Хаген, по существу бессмертны.

— Я давным-давно знал об этом! — Хаген вскочил. — Но не от тебя! Ты, папа, никогда не говорил нам всю правду. Никогда! Потому что считал,

что это ослабит тиски, в которые ты нас зажал; потому что считал, что это ослабит твой авторитет единственного, неповторимого!.. Только ты имеешь право быть уникумом!.. Ты просто пытался надуть нас, когда предостерегал от попыток иметь собственных детей. Мы, мол, носим в себе страшные гены… Есть вероятность, что у нас может появиться нечто похожее на дядю Джека.

— Вопрос о том, — прервал его Марк, — что можно и чего нельзя вам говорить, я решал исключительно исходя из заботы о вашей безопасности. Я молчал ради мира в ваших душах… Вы получили от природы необыкновенный дар — способность к выживанию в любых условиях. К тому же вы уродились сильными оперантами… Но на вашу долю выпало кое-что еще. Это — постыдная, таинственная наследственность Ремилардов!

— Все равно, ты должен был сообщить нам о бессмертии! — выкрикнул Хаген.

— Как же насчет этого самого *кое*— *чего* *еще*? — спросила совершенно сбитая с толку Клу. — Неужели ты всерьез опасался, что мы — взрослые люди! — не справились бы со *всей правдой*?

— Ты бы смогла! — ответил Марк. Он по-прежнему сидел лицом к огню.

Наступило молчание. Хаген, растерянно поглядев по сторонам, сел на прежнее место. Наконец Элизабет подала голос:

— Марк, ты должен внятно объяснить, почему твоим детям следует остаться в плиоцене.

— Потому что они являются базой для создания «ментального человека»!

Хаген и Клу остолбенели. Затем брат, прокашлявшись и, видимо, взяв себя в руки, начал:

— Ты, папа, хорошо поработал в библиотеке на Окале, тщательно стер все лишние, по твоему мнению, сведения, относящиеся к восстанию. Скрыл основные причины, приведшие к подобному развитию событий. Все мы довольствовались неясными намеками, поверхностными объяснениями, процеженными и отредактированными, ссылками на исчезнувшие документы. Даже тот факт, что мама пыталась убить тебя, чтобы, не дай Бог, вы не победили, ты утаил от нас. Папа, скажи наконец всю правду о проекте создания «ментального человека»!

С этими словами он широко распахнул свое сознание. Все присутствующие тоже невольно сняли психокинетические барьеры.

Элизабет: «Эйкен, будь наготове. Не теряй бдительность».

Эйкен: «Великая целительница, он не сможет применить мысленную силу, пока не повернется к нам лицом».

Марк, все так же сидевший спиной к собравшимся, едва заметно кивнул. Редкие языки пламени изредка взлетали над его седой головой. Потом послышался глухой голос:

— Я задумал этот проект задолго до того дня, как познакомился с вашей матерью. Сначала я относился к своей способности к омолаживанию, к практическому бессмертию, не иначе как к злой шутке, капризу ее величества эволюции. Кто может ответить на вопрос: что есть бессмертие? Как совместить могучее, способное к оперантскому искусству сознание с хилым, тщедушным телом, да еще подвластным любой, даже самой незначительной эмоции. Любая страстишка оставляет в наших клетках свой след. С другой стороны, бессмертие скорее проклятье, чем награда в мире неразумных, озабоченных сегодняшним днем людишек и самоутвердивших свои права на Землю экзотиков. Пришельцы к тому моменту уже начали понимать, с какой расой они столкнулись, каков наш психокинетический потенциал… — Марк сделал паузу.

— Вся семейка Ремилард, — продолжал он, —

была с отклонениями, каждый ее член был наособицу — кто больше, кто меньше. Для нас эта непохожесть на других была источником гордости. И вот появился Джек. Все мы были поражены той необычной комбинацией генов, которая позволила ему вести бестелесную жизнь. Это было потрясающе — страх и надежда поразили всех нас. Уже тогда я задумался — неужели то, что случилось с Джеком, и есть истинный ответ на те проклятые вопросы, которые не давали мне покоя? Неужели бессмертие желательно и возможно только в такой форме? Джек мог принимать любой облик, его сознание обладало способностью внедряться в любую оболочку — более того, воссоздавать ее. Или быть *ничем*! Все мы решили, что в нем-то и воплотился телеологический вектор эволюции. Но, к сожалению, природа оказалась куда как горазда на выдумки! Куда нам до нее!.. Рожденный Богом не мог жить вечно. Его удивительный мозг был обречен на медленное умирание. Хотя что значит медленное?.. По моим подсчетам, ему оставалось жить не более восьми лет. Хорошенький получился фарс!.. Всемогущий на какие-то несколько десятков лет!

Тогда меня осенило. К идее «ментального человека» я пришел, отыскивая способ спасти брата.

Его не оказалось — в своих расчетах я постоянно наталкивался на принципиальные трудности. Что было делать? Как решить эту проблему? — Он замолчал.

Примолкли и все находившиеся в гостиной. Не дождавшись вопросов, реплик, возражений — не желая слышать их? — Марк продолжал:

— Ответ напрашивался сам собой — создать существо, обладающее обоими подобными качествами, следовало искусственно… Теоретических запретов на осуществление столь дерзкой идеи не было, и я решился… Кое-кто из членов нашего семейства, из высших оперантов Галактического Содружества, способных оценить величие и грандиозность проекта, начал оказывать мне помощь. В первых экспериментах я использовал собственную сперму — с той поры меня и посчитали олицетворением вершины эволюции хомо сапиенс. Мы оплодотворяли моим семенем яйцеклетки специально отобранных женщин, чьи гены удовлетворяли определенным условиям. Добровольно. — Марк поднял руку. Он по-прежнему сидел лицом к огню. — Вполне добровольно… Все мы тогда были горячими энтузиастами. Трудились день и ночь — понедельник для нас начинался в субботу. Работали в секрет-

ной лаборатории, чтобы избежать ненужных и вредных дискуссий. Казалось, успех был близок, однако затем начались трудности. Неприятности стали расти как снежный ком. Среди моих сотрудников началось брожение, участились случаи саботажа, даже открытого неповиновения. Естественно, вскоре все выплеснулось наружу. Научная дискуссия после публикации первых же статей съехала на моральные рельсы — явится ли «ментальный человек» идеалом нравственного самосознания или он тоже будет греховен? В конце концов межа пролегла между трусливыми, пугающимися любого шороха профессорами и теми, кто без страха заглядывал вперед. Все было бы ничего — в сущности, эта дискуссия была даже полезна — если бы в спор не вступили представители чуждых нам цивилизаций, прежде всего вся пятерка основателей Галактического Содружества. В итоге был сформулирован политический вопрос: если эволюция человеческого рода будет ускорена подобным радикальным образом, то какие последствия ждут Галактическое Содружество? Все экзотики как один ответили, что не ожидают ничего хорошего от нашего проекта. Еще бы! Мнения же мыслителей-людей разделились…

— И мама выступила против? — спросила Клу.

— И Синдия, — кивнул Марк. — В мои планы никогда не входила женитьба, я не собирался заводить детей. С меня было вполне достаточно оказаться отцом «ментального человека», выращенного in vitro note 25. Но вот появилась Синдия. В первое время казалось, что она увлеклась моим проектом. Занимаясь ментальными гомункулусами, она хотела каким-то образом решить задачу сохранения их базовых тел и, следовательно, найти ключ к личному бессмертию. Она настояла на том, чтобы мы родили собственных детей, хотя я все время предупреждал ее о наших семейных проблемах. Кто мог предугадать, какими свойствами вы окажетесь наделены? Одним словом, я не мог ей отказать.

И вот появились вы, такие хорошенькие, крепенькие, просто ангелочки. На первый взгляд само совершенство… Но я-то знал, в какую переделку вы попали с самого дня рождения. Вместе с набором генов Ремилардов вы получили необыкновенные способности, однако реализовать их сможете, только участвуя в создании «ментального человека». На вас изначально стоит клеймо.

---

note notes: Note25
в пробирке (лат.)

Перед вами альтернатива — либо до конца самовыразиться, стать тем, кем вы можете стать, либо влачить жалкое существование под бдительным оком доброжелателей.

— Значит, ты… с самого начала — так скажем — включил нас в работы, связанные с этим проектом? — воскликнула Клу.

— Именно за это она и пыталась убить тебя? — закричал Хаген и вновь вскочил с кушетки. Эйкен едва успел схватить его за руку и силой усадить на место. Тем не менее Хаген выкрикнул: — Когда мама стала мешать тебе, ты *убил* ее!

Марк резко, вместе с креслом, повернулся к нему. Лицо его было на удивление спокойно.

— Синдия сначала вовсе не хотела лишать меня жизни. Она все-таки любила меня… После того трагического дня, когда в самом начале восстания толпы фанатиков разрушили мою лабораторию, Синдия решила, что лучший способ покончить с проектом — это стерилизовать меня. Тогда бы и «ментальный человек» стал бы не более чем сказкой для взрослых, и восстание затихло бы само по себе. В общем, все проблемы были бы сразу решены… Был у нее такой маленький, очень эффективный ультразвуковой разрушитель… С ним она и подступила ко мне, когда я

спал. Но с прибором-то надо уметь обращаться!.. Синдия едва не убила меня. Я инстинктивно, совершенно неосознанно — даже не знаю, как получилось, — нанес ответный удар. Его мощь была неподвластна мне. Я только оборонялся…

— Значит, — тихо спросил Эйкен, — все, что у вас осталось, — это дети?

— Папочка, — воскликнула Клу, — поэтому ты вывез нас в плиоцен, когда восстание было разгромлено? Поэтому ты настаиваешь, чтобы и теперь мы были рядом?

— Содружество, — ответил Марк, — все равно не допустит восстановления нашего рода. Вы родились с такими достоинствами и недостатками, которые и не снились простым людям. В мое время на Земле тем, кто занимался евгеникой, жилось куда свободнее. Существующие запреты можно было обойти, ведь даже Джек, как вы знаете, по закону не имел права появиться на свет. С тем набором хромосом, с такой комбинацией генов, какие были у него, наша мать была обязана избавиться от плода.

— Если бы такое произошло, — заметила Элизабет, — ты бы одержал победу.

Марк только улыбнулся в ответ.

Хаген по-прежнему испытывал сильное душев-

ное волнение — он то ставил защитный экран, то снимал его. Он и на этот раз спросил громче, чем следовало:

— Ты же мог использовать оздоровительный автоклав. Чтобы восстановить способность к деторождению… Сколько раз ты пользовался этим способом. Вспомни, когда Фелиция нанесла психокинетический удар… Только не рассказывай, что ты не использовал такую возможность.

— Я не собираюсь убеждать тебя в том, что известно каждому школьнику,

— ответил отец. — В автоклаве восстанавливается только тело, а образ мышления, эмоциональный аппарат и кое-что еще — нет.

Хаген удивленно повторил:

— И образ мышления?..

Марк взглянул на Элизабет.

— Если не веришь, то спроси у великой целительницы, Хаген. С ней произошла подобная история — она потеряла свои ментальные способности после автокатастрофы, в которой погиб ее муж. В таких случаях не поможет никакой автоклав.

Элизабет кивнула, подтверждая его слова.

— Оперантские способности — это такая хрупкая штука… Наше тело на клеточном уровне

восстанавливается полностью, вне зависимости от способа воздействия — будь то обычная или необычная методика. Например, кожа — оздоровительная оболочка тану… При восстановлении клетки обязательно организуются в единый организм. Не то происходит с функциями мозга и половыми клетками. Однако даже с сознанием не все так безнадежно — после обучения оно со временем приходит в норму. Это касается обычных мыслительных процессов. Что же касается оперантского искусства — вершины разумной деятельности, — то здесь мы можем только полагаться на случай.

— Значит, — Клу вопросительно взглянула на отца, — ты не в состоянии?..

— Нет, — ответил Марк.

— Но *почему бы*…

— Возможно, брат Анатолий более компетентен в данной области, — указал Марк на сидящего в углу священника. — Мы долго размышляли с ним над этим парадоксом и пришли к выводу, что таким образом интеллект платит дань душе… Ладно, оставим богоискательство и софистику. Одним словом, то, что я должен был сотворить, я уже сделать не в состоянии. Что ты, Хаген, смотришь на меня такими безумными глазами? Да, я

оказался скопцом… Так я угодил в бездну…

Теперь вы, дети, должны довести до конечной точки проект создания «ментального человека». Вы не можете отказаться, иначе жизнь вам будет не в радость. Вы исчахнете от тоски или сгниете заживо под надзором доблестных членов Содружества, которые начнут указывать вам, что можно делать, а чего нельзя. Ради вас я облазил всю Галактику в поисках места, где нам не смогут помешать ни завистливые экзотики, ни скудные умом всезнайки из племени homo sapiens. Теперь уж нет необходимости в дальнейшем изучении звезд. Спасение близко. Еще немного, и я смогу всех вас с помощью d-перехода перенести в любое место Млечного Пути. Мне известны по крайней мере три подходящих мира с достаточно развитой цивилизацией, где мы смогли бы выпестовать своего ментального первенца. Там — в этих звездных системах — оперантское искусство пока в зачаточном состоянии, сверхсветовые полеты не освоены, так что для нас не составит труда установить контроль над планетами. — Марк по очереди воссоздал в сознании изображения этих небесных тел.

— Для нас? — спросил Хаген. — Ты имеешь в виду, что и наши товарищи каким-то образом могут

быть вовлечены в осуществление этого проекта?

— Всем, кто разделяет идеологию «ментального человека», дверь открыта. Нам будет крайне необходим запас человеческих генов хороших оперантов, чтобы воспитать достойных соратников и помощников для Ремилардов. Мои старые коллеги в курсе дела. Но вот о чем они не догадываются — только вы двое являетесь носителями бессмертия как наследственной черты. Они уверены, что в конце концов мои скрытые возможности восстановятся в полном объеме. Ко мне вернется способность к деторождению, и в этом смысле я стану полноценным, прежним Марком. Это иллюзия, я не хочу их разочаровывать, лишать последней надежды. Бессмысленность попыток добиться того, ради чего они пошли на смерть, на изгнание, на море крови, добьет их.

— Удивительно, — едко заметил Хаген, — как же ты, такой предусмотрительный и мудрый, заранее не запасся нашей детородной субстанцией?

— Я запасся. Кеог, наш главный экспериментатор, был полностью в курсе дела. Он взял у вас одну яйцеклетку и некоторое количество спермы, когда вы были детьми. А другой мой ближайший друг — человек, которому я доверял беспредель-

но, — уничтожил их как раз в то время, когда начал вливать вам в души отраву.

— Манион? — вскрикнул Хаген и залился громким смехом.

— Но, папа, зачем Алексу потребовалось, чтобы мы вернулись в эпоху Галактического Содружества? Каково твое мнение?.. — спросила Клу. Хаген тут же перестал смеяться.

— Значит, вы ничего не поняли из моего рассказа. Клу, Хаген, вы же сообразительные ребята! Неужели так трудно догадаться? — Марк опять улыбнулся своей знаменитой всепрощающей и одновременно укоризненной улыбкой, которая одно время не сходила с экранов тридивизоров, потом вздохнул. — Он считает, что «ментального человека» следует поставить под контроль Галактического Разума, всех оперантов Галактики. Он откровенный осел или провокатор!.. Тоже непонятно почему?

Клу, сидевшая с чуть приоткрытым ртом, отрицательно покачала головой.

— Да потому что раз вы существуете на свете, значит, все, о чем я говорил, потенциально возможно. Значит, Галактическое Содружество в любом случае попытается само создать подобное существо, и когда вы попадете к ним в руки,

вы станете подопытными кроликами, точнее, коровами, из которых начнут качать сперму и яйцеклетки! Как я, отец, должен отнестись к подобной перспективе?

— Ага, — заметил Хаген, — значит, ты, ну ладно — мы! — сами организуем подобную ферму и начнем заниматься тем же самым. Велика разница!

— Очень велика! Жизнь сама по себе есть удивительное переплетение свободы воли и причинно-следственной необходимости. Вдумайся: если вы останетесь в плиоцене, вы станете главными распорядителями проекта. Это все будет вашим. Я подчиню вам целую планету — разумеется, без всякого насилия, крови, на договорных началах. Вас примут как почетных гостей, будут оказывать посильную помощь. Но вся ответственность ляжет на ваши плечи. Ну а то, что вас ждет в Содружестве, я хочу обрисовать более подробно. — И он в картинках изобразил то, с чем детям придется столкнуться в недалеком будущем. Клу и Хаген открыли рты от удивления, потом недоверчиво, словно вопрошая, взглянули на Элизабет.

Она покачала головой.

— Не могу сказать ни да, ни нет, — призналась она. — Я не знаю. Конечно, это крайний вариант.

Содружество всегда поступало справедливо, в интересах большинства… В любом случае ваша судьба будет зависеть только от вас. Ваше оперантское мастерство, уважительное отношение к Галактическому Содружеству…

— По-твоему, нам придется поклясться, что мы станем пай-детками, этакими маленькими добропорядочными нейрончиками в галактическом единении?

— Это слишком! — запротестовала Элизабет. — Единение есть любовь, завершение гуманизма, конец отчаянию и одиночеству. Манион был прав, говоря, что в будущем вы найдете мир, который придется вам по сердцу.

— Только учтите, — добавил Марк, — это далеко не райское место для тех, кто мечтает о странном. Кого нельзя подогнать под общий аршин. Вы на своей шкуре почувствуете, что значит относиться к незначительному меньшинству, чьи способности превосходят те узкие рамки, которые установили для землян экзотические расы. Вы — Ремиларды, этим все сказано. Вы несете в себе потенциальную угрозу, и до той поры, пока не подчинитесь доминирующей в галактическом объединении идеологии, с вами будут поступать… ну, как со мной.

— А про меня забыли? — подал голос Эйкен.

— Я бы никогда не простил себе этого, — отозвался Марк. — Элизабет поведала мне вашу историю. Несмотря на ваши громадные метавозможности, Магистрат без колебаний распорядился вашей судьбой. Разве надо объяснять вам, побывавшему в заключении, что ждет моих детей в будущем? Я специально пригласил вас участвовать в этой встрече, потому что вижу в вас союзника — человека, который подтвердит мои доводы, ибо вы знаете правду. Вы — беспристрастный свидетель. Я совершенно не опасаюсь, что ищейки Содружества ворвутся в плиоцен сквозь «врата времени». О чем им беспокоиться? Прошлое есть прошлое, да еще такое отдаленное. Они уверены, что я никогда не вернусь. Меня изгнали — и дело с концом. А вот на что рассчитываете вы, Ваше Величество?.. Какой прием ждет вас, если вы решитесь вернуться в будущее? Не тюремная ли решетка?.. Вы готовы подчинить свое сознание воле всех этих слабаков, составляющих так называемое Галактическое Содружество? Вам с ними по пути?.. А если нет, то с чем вы останетесь здесь? Будете сидеть и ждать, пока по дороге времени с двухсторонним движением к вам не примчатся толпы суетливых, сующих носы во все

дырки реформаторов из эпохи Содружества, за которыми потянутся свиные рыла начальников от Магистрата?.. Ваше правление едва ли напоминает просвещенную демократию, которую они тщатся установить в пространстве и времени! И вот еще непредвиденное обстоятельство — сможете ли вы управлять потоком людей, который хлынет от вас в будущее и наоборот? Это будет не плиоцен, а вокзал какой-то или, точнее, — ночлежка. О каком государственном строительстве может идти речь в подобных условиях? Чуть что не так — сразу деру! Это, на мой взгляд, самая большая опасность.

Эйкен усмехнулся.

— А если добавить расшалившихся фирвулагов, уверовавших в скорый приход Мрака… — Король неожиданно вскочил, схватил Хагена за левое, а Клу за правое запястье. Тут же все трое оказались в защитной, сотворенной мыслью, сфере.

Марк напрягся. Встал, шагнул вперед, в глазах его полыхнуло бешенство.

— Я надеюсь, это не окончательное решение?

Эйкен чуть улыбнулся.

— Вы желаете обсудить все еще раз? Есть ли в этом смысл?..

Аваддон остыл так же быстро, как и вспыхнул.

Он вернулся на место, равнодушно посмотрел на короля.

Эйкен оторвал Клу и Хагена от пола, и все вместе они не спеша подлетели к окну. Косые струи дождя били в окно. Внезапно створки распахнулись — ветер со свистом ворвался в комнату. На полу сразу стала набухать лужа.

— Мы тщательно обдумаем все, что вы здесь рассказали. — Эйкен обратился к Ремиларду из поблескивающего, всплывшего до высоты подоконника шара. — Потом сообщим вам свое решение. Нам нужно время.

— Два дня, не больше, — холодно объявил Марк.

— Вы будете ждать здесь, на Черной Скале? — спросил король.

— Если меня здесь не будет, Элизабет сообщит, как меня найти. — Марку наконец удалось добраться до сознания сына и дочери.

«Я знаю — то, что я вам рассказал, явилось для вас сильным ударом. Вы сейчас напуганы… Но это правда. Вы все поймете в свое время. Не позволяйте Эйкену давить на вас. Вы не имеете права растратить попусту этот бесценный дар. На вас лежит тяжелая ответственность. Давайте попробуем вместе осуществить задуманное. Не

отворачивайтесь от меня. Простите мои ошибки. Забудьте обиды. Я желаю вам счастья, потому что люблю вас. Верьте мне…»

Маленький человек в золотой одежде, держащий за руки своих спутников в белом, растворился во тьме.

Закрылись створки окна, захлопнулись ставни…

Марк и Элизабет долго сидели молча. Они совершенно забыли о брате Анатолии. Тот наконец вышел из своего угла — было слышно, как тяжело дышал страдающий астмой монах. Вот он перешагнул через лужу, приблизился к столу, стоявшему у камина. Вино все еще пахло так завораживающе ароматно… Анатолий Северинович разлил рубиновую влагу по бокалам. До краев. Поставил кувшин на стол.

— Вы оба сейчас нуждаетесь в отдыхе. Ваш дух ослаб, вы близки к отчаянию. Я могу помочь вам. Выпейте — станет легче. За здоровье всех присутствующих и отсутствующих.

Глаза у Элизабет стали круглыми.

— Вы соображаете, что говорите? Как можно?.. В такой момент!..

— Сможете, — ласково сказал монах. — Взгляните на него. Видите, ему сразу полегчало.

Выпейте, иначе вы совсем раскиснете.

— Амери, видно, совсем свихнулась, когда решила направить вас сюда. Это что, новейший способ отпущения грехов? — возмутилась Элизабет, потом резко поднялась и широкими шагами вышла из комнаты.

Марк ошеломленно поднял брови. Брат Анатолий выпил свой бокал, потом взял тот, что был предназначен великой целительнице.

— Вот скандальная баба! — доверительно поделился он с Марком. — Та еще штучка! С перчиком… Совсем заплутала… Трудно с такими, погрязшими в отчаянии, иметь дело. Вот уж кого гордыня поедом ест, куда вам до нее. К несчастью, никогда нельзя угадать, кого Бог наградит проклятьем.

— Я ни в коем случае не считаю себя в чем-то виноватым.

— Вы, Марк, всего лишь невежда. Возомнивший о себе типчик… Слава Богу, что ваше бессознательное куда умнее вашего разума. Оно признает вину, поэтому te absolvo [note 26]. — Он допил второй бокал и поставил его на стол. — Вот еще что. Не надо наворачивать на всю эту историю высоко-

---

note notes: Note26
отпускаю тебе грехи (лат.)

научное, заумное дерьмо. Все просто и ясно — вы давили на детей, давите и теперь, и тем самым успешно строите для себя свой собственный уютный садик. Вам в нем будет тошно, Ремилард.

— Знаю, — ответил Марк. — Я как раз сейчас и размышляю — стоит ли цель подобных средств?

4

Дождь хлестал вовсю, потоки воды заливали поверхность сферы, делая ее видимой. Прежде чем Хаген и Клу, так до конца и не освоившиеся с подобным способом передвижения, попытались обменяться впечатлениями, король заговорил с неотразимой мысленной силой:

«Спите. Отбросьте в сторону страхи, сомнения, необходимость что-то решать… Спите. Вокруг только тьма, дождь и ветер. Мир исчез, растворился там, внизу, а вы в поднебесье, под надежной защитой…»

Они проснулись во дворцовом саду в Гории — сидели на скамейке, привалившись плечом друг к другу. Хаген первым открыл глаза, откинул капюшон, огляделся, посмотрел на наручные часы. Шел второй час ночи, светлой, шумной, беспокойной, как всегда бывало в столице… Какая-то бодрость, живая энергия разливалась по телу. Нежный звон колокольчиков разносился по саду, сквозь частую листву, в мелькании золотых и фиолетовых огоньков угадывался контур центральной башни Стеклянного Замка.

Потянувшись, очнулась Клу. Хаген удивленно

сказал:

— Подумать только, у этого тану Минанана весь полет занял около четырех часов, а король доставил нас в Горию менее чем за девяносто минут.

— С залетом в Ронию, — из тени до брата и сестры долетел мягкий баритон.

Клу вскочила на ноги, бросила в ту сторону испытующий мысленный взгляд.

— Это ты, Кугал?

Второй лорд-психокинетик вышел на серебристую лужайку. Следом за ним из тьмы появилась женщина.

Хаген удивленно вгляделся в силуэт и почти вскрикнул:

— Дайана?

— Король прислал нас сюда, — быстро заговорила дочь Маниона. — Он сказал — цитирую: «Вы совсем замотались, пора и отдохнуть. Отправляйтесь в город, развлекитесь. Завтра вернетесь в замок, и мы все подробно обсудим».

— Он рассказал, где мы были? — спросил Хаген.

— Король от нас ничего не утаил, — ответил Кугал. — Добавил, что для решения предоставить вам выходной у него есть особые причины.

Клу кивнула и, словно обращаясь к самой себе,

заметила:

— Нам не следовало держать переговоры в секрете.

Легкий ветерок принес с городского рынка веселые возгласы и — отчетливо — разухабистое завывание электронной волынки. Кугал и Клу двинулись по обсаженной цветущим кустарником аллее. Рыцарь тану начал рассказывать…

— Король, устраивая это свидание, не мог знать, что между нами стена. Он, вероятно, засек наши разговоры по дальней связи и решил помочь нам. Посчитал, раз мы так близки…

— То, следовательно, наша дружба больше смахивает на любовь, — усмехнулась Клу.

— Со своей стороны должен заметить, что так оно и есть, — грустно добавил Кугал.

Клу тотчас же отодвинулась от него.

— С этой целью он перенес тебя в Горию, чтобы совместными усилиями, так сказать, повлиять на мое решение? А к Хагену подослали Дайану?

— Мне кажется, ты несправедлива к Эйкену. В данном случае он как раз проявил добрые чувства, а никак не расчет. Малейшую корысть я бы почувствовал.

Вторая пара теперь изредка мелькала между деревьев где-то далеко сбоку. Хаген и Дайана

остались у пруда, где цвели лилии. Светильники, похожие на свежие аппетитные боровички, мягко опутывали золотистым сиянием аллеи сада. В конце дорожки, в неясном мерцающем полумраке, слабо очерчивались распахнутые ворота города. Клу вуалью защитного экрана прикрыла свои мысли. Она по-прежнему была в дождевике — капюшон надвинут на голову — и рядом со светловолосым, роскошно одетым членом Высокого Стола казалась бесформенной тенью.

— Значит, ты отсюда, из дворцового сада, связывалась со мной весь этот месяц? — спросил Кугал. — Суматошные вам, должно быть, выпали денечки…

— Папа признался, что в тот день — помнишь, когда мы с тобой встретились здесь в первый раз, — он тоже был в саду. Правда, стоял поодаль и не слышал, о чем мы говорили.

— А если бы и слышал… Его вина в том, что случилось во время потопа, не менее велика, чем ваша. Он тоже внес свой посильный вклад.

Клу печально рассмеялась.

— У папы и без Гибралтара достаточно грехов. Не думаю, что он оценивал эту катастрофу с моральной точки зрения. Мы, дети, попросили его помочь — он согласился. Так что во всем вино-

ваты одни мы.

— Такое впечатление, будто ты начинаешь сожалеть о случившемся?

— Как и большинство из нас. Теперь мы воспринимаем вас как живых людей, а не просто как некую абстрактную злую силу, осмелившуюся помешать нам в нашем предприятии. Да, мы все переживаем… Но ведь одних угрызений совести недостаточно, не так ли? С другой стороны, стерилизовать весь наш табор — меня и Хагена — за совершенное преступление — это тоже слишком. Этим дела не поправишь!

Кугал мысленно попытался успокоить ее, однако натолкнулся на защитный экран.

— Когда мы летели к Черной Скале, — заговорила Клу, — я успела телепатически переговорить с Минананом Еретиком. Меня интересовало, каким предстал перед ним мир, когда ему открылась вся нищета и беспомощность веры в религию сражений. Он ответил, что прозрения и раскаяния недостаточно. Осознание вины должно быть подтверждено поступками, но даже и в этом случае невозможно полностью избавиться от ощущения своей греховности. Главное, что в подобном случае обретает человек, — это спокойствие и готовность с легким сердцем предстать

перед судом Божьим. И вера в справедливость его приговора. Это уже немало!.. Тот же, кто отринул небесный суд, сам загоняет себя в безысходность, потому что вопреки желанию — и намерению — душа такого грешника сама начинает искать кару. Бессознательно, ощупью… Например, мой отец… Тогда не жди мира в душе, готовься к пыткам. Хаген, я и все мы готовы возместить ущерб, но как это сделать, чем мы можем помочь тану?..

Кугал перевел разговор на другую тему.

— На мой взгляд, отец предложил вам достойный выход, — сказал он. — «Ментальный человек» может явиться воплощением истины и добра. Его создание — достойный акт искупления.

Клу чуть расслабилась, утончила психокинетический занавес, повеселела

— позволила себе поиронизировать:

— Ага, если бы в его создании не принимали участия папочка и Хаген. Кого-кого, а своего родителя я изучила прекрасно. Чтобы он выпустил из-под своего контроля подобный проект, его родное детище — да ни за что на свете!.. По крайней мере до тех пор, пока жив… Если он будет по-прежнему давить на нас, то Хаген в конце концов убьет его. Подобный ход событий вполне

вероятен. Хороша будет родословная у этого рукотворного божества, не так ли, Кугал? С момента рождения он будет помечен каиновой печатью, впрочем, как и все остальные представители рода, именуемого человеческим. Может, поэтому мы и бесимся, не знаем покоя — хлопочем, мчимся куда-то, льем реки крови. Ради чего, Кугал? Ради всеобщего счастья. Неужели только ради него? Это же страшно — постоянно навязывать другим свое понимание рая.

— Мы, — тихо ответил рыцарь тану, — из того же теста. Иной раз создается впечатление, что два полюса — грех и искупление — неизбежные составляющие любого разумного создания. Что без подобного расщепления восприятия мира в принципе невозможна ни рассудочная деятельность, ни чувственная жизнь…

— Ты все понял. — В ее сознании родилась улыбка, но на лице оставалась все та же маска суровой неприступности.

— Мы понимаем и всегда будем понимать друг друга, Клу. Тебе было просто необходимо поговорить со мной, почувствовать родство с другой душой. Ведь ты отлично знаешь, как поступить — ты уже знала об этом в домике у Черной Скалы. Тебе еще предстоит трудная работа — убедить

брата, но это потом, а сейчас надо расслабиться, отдохнуть, повеселиться, наконец.

Некоторое время они шли молча, потом Клу неожиданно заговорила:

— Знаешь, Кугал, Хаген такой трус. Еще на Окале, когда Алекс Манион только-только завел разговор о галактическом метаобъединении как альтернативе плану Марка, Хаген первый обо всем догадался, и его чуть не парализовало от одной только мысли, что придется сделать выбор. Он как бы клубок из двух сцепившихся собак — с одной стороны, он ужасно боится папу, с другой — смысл жизни видит в том, чтобы быть от него как можно дальше. Желательно на расстоянии в шесть миллионов земных лет. Папа читает его мысли, как открытую книгу, поэтому он и подбросил эту дурно пахнущую идейку насчет судьбы, которая ожидает нас в Содружестве. Ударил он метко — любое посягательство на индивидуальность, на ту странность, какой отличаемся мы, Ремиларды, даже намек на это доведет Хагена до белого каления. Наша личная свобода, право выбора — это нечто святое…

— Если бы я только знал об этом! — Кугал невольно мысленно вскрикнул.

— Вот в чем разгадка!.. Значит, ты считаешь

любовь попыткой покуситься на часть твоего «я»? Что угодно, только не подчинение. Никогда и ни в чем не склонять головы?.. Клу, разве можно так жить? Ты только вдумайся — у тебя перед глазами наглядный пример. Твой папочка! Что он несет в мир? Мудрость, прощение?.. Нет, исключительно меч. Обрати внимание, как при одном его имени вздрагивают люди и тану, как мрачнеет Эйкен. Ладно, он Потрясатель Вселенной, но сколько можно трясти ее, Вселенную-то?.. Нет, это не мой путь. И не твой, Клу, — я уверен в этом. Знаешь, мне тоже не по душе галактическое единство, о котором так долго и скучно рассказывала Элизабет. Не по сердцу мне эта милая компашка распахнутых навстречу друг другу разумов. А насчет твоего отца… Мне ясен диагноз — когда-то он отказался от любви и выбрал силу. С того момента все и пошло-поехало…

— Ты не прав. Папа способен любить… нас, по крайней мере. Он и маму любил. Он и людей любит…

— Ох, Клу, абстрактно — может быть. Это не требует больших усилий. Вот каждого в отдельности, грязного, в поту и крови; пусть даже не всех, пусть одного-единственного… Ох-хо-хо…

Клу промолчала.

— Теперь я очень хорошо понимаю, — Кугал снова нарушил тишину, — почему его называют Ангелом Бездны. Наша Богиня направляет и учит своих питомцев, помогает им повзрослеть, глубоко страдает, наблюдая их жестокость, тупость, греховность. Она ведет нас Славным Путем, а твой отец решил разом, скопом, всех без разбора — и прямо в рай. Вот таких — сопливых, блудливых, гневливых, горделивых — каких еще? Всех в «ментальные человеки». Вот когда на всю Вселенную воссияют их совершенства!..

— Ты даже не представляешь, Кугал, как вы, тану, счастливы, если способны ощущать и тем более общаться со своей Богиней. Кстати, именно самые любящие матери чаще всего склонны доверять своим детям. Они позволяют им самим выбрать жизненную тропу.

Клу и Кугал подошли к распахнутым воротам. Городские огни россыпью сверкали, снизу, через широкий зеленый пояс на вершине крепостного пологого холма доносились громкие выкрики и — в такой поздний час! — хор торговцев, предлагавших свои товары, звуки музыки. Волынки изо всех сил наяривали на базарной площади. Там было весело, там никто не задумывался об ангелах бездны, о свободе выбора, о причинах и

следствиях… Хотелось туда…

— Считаешь, тебе будет трудно убедить Хагена? — оторвавшись от разухабистых мелодий, спросил Кугал.

— Большинство на моей стороне, исключая разве что маленького пронырливого негодяя Ниала Кеога и тех, кто — например, Дайана Манион — просто робеет. Переход в будущее пугает их сам по себе; некоторые склоняются к мысли, что лучше иметь дело с чертом, который нам знаком, чем попасть в лапы к чему-то незнакомому, но большинство настроено решительно. Надеюсь, что я смогу убедить Хагена, и ты мне поможешь, не так ли? Спасибо за совет, который дал после того идиотского покушения на жизнь короля на металлургическом заводе — мне, хотя и с трудом, но удалось унять страсти. Не сомневаюсь, что и на этот раз ты заготовил несколько удачных идей, раз сам догадался, что к чему. Ведь ты же у меня умница…

— Матерый политикан, — с некоторой игривостью поправил он Клу. — Как же мне не знать правил игры, если я занимаюсь ею уже почти четыреста лет! Да-да, четыре столетия при дворе… Брат наследника… Тут надо держать ухо востро.

Она удивленно посмотрела на него, потом рас-

хохоталась.

— Вот так да! Ты, оказывается, большая шишка, Кугал. И такой старый… Сколько же тебе лет?

— Говорят, что мы редко дотягиваем до трех тысячелетий. Тут и опасности, связанные с культовыми битвами, и нехватка оздоровительных оболочек. Я был очень рад, когда ты стала моим целителем в Афалии.

— И для начала влюбился в своего лечащего врача. Конечно, сближение делает лечение более эффективным, это заметил еще кто-то из древних мудрецов.

— Ну, это общее правило.

— Вовсе нет! Просто наши ментальные структуры сходны. Нам хорошо друг с другом, но это далеко не любовь.

— Конечно, это ее преддверие…

— Кугал, ты всегда будешь моим самым близким другом, но…

— Ты не желаешь, чтобы я последовал за тобой через «врата времени»? Мое присутствие будет раздражать тебя?.. Хорошо, я останусь здесь.

— Нет! — вскрикнула она. Впервые ее защитный экран исчез. — Я ведь действительно не люблю тебя… но как мне жить, если тебя не будет рядом?..

Он ответил ей страстным душевным вскриком, потом взял ее за руки, и Клу почувствовала, как через их соприкоснувшиеся пальцы в нее вливается его тепло, проникает в каждый нерв, в каждую клеточку. Ее тело наполнилось огненной силой. Они соединились в единой мысленной ауре. Темная фигурка в плаще и светловолосый гигант в тунике вдруг засветились розово-золотистым светом. Всего на мгновение… Казалось, в дворцовых воротах вспыхнул чудесный факел и тут же угас. Кугал взял женщину за руку, и они направились в город.

— Это позволит решить все вопросы, разве ты сам не понимаешь? — Дайана Манион яростно пыталась убедить Хагена. — В таком случае, мы можем не беспокоиться, что Содружество начнет судебное преследование. Нам не надо бояться каких-либо унижающих нашу честь действий или общественного остракизма, потому что кто мы есть?.. Ты утверждаешь, что Марк солгал. Но только по второстепенным, не относящимся к делу пустякам. В главном — в том, что нам, детям, необходимо принять участие в создании новой великой гуманоидной расы — он прав! Он об этом всегда говорил. Вспомни, что мы заучивали в школе? Теперь мечта твоего отца уже не

безнадежная фантастика, а реальное будущее, постучавшее в нашу дверь. Разве разумно отдавать его в руки экзотиков, пусть даже самых гуманных, следующих самым высоким идеалам. Ведь это наше детище. Уже сейчас мы можем покинуть замок и начать работу там, на Окале. Мы можем нарожать армию супердетей! Мне нет дела до других, я ни о чем ином теперь и думать не в состоянии. Да, они будут выращены в пробирках в искусственной среде, подобно тем зародышам, которые в эпоху Содружества вывозятся на другие планеты для колонизации. Все равно я буду гордиться ими! Дорогой, ты — ключ к осуществлению величайшей в истории дерзновенной мечты! И ты сомневаешься!.. Клу здесь совершенно ни при чем. Если то, что ты рассказал мне, правда, значит, твоя сестра всего-навсего является носительницей яйцеклеток. Ну, сколько их можно будет взять у нее? Какую-то жалкую сотню тысяч, да и то не все они будут годны. Но ты…

— Вот уж великая награда, — тихо рассмеялся Хаген, — быть самцом-производителем и поставлять миллионы и миллионы сперматозоидов для выведения расы суперменов. При умелом хранении «ментальные люди» смогут плодиться,

даже когда меня уже и на свете не будет. Если случайно, так сказать, погибну…

Он стоял на берегу пруда, смотрел на темную маслянистую поверхность воды, где плавали закрывшиеся бутоны огромных первобытных лилий. Запах ананасов над прудом был густ и томителен. От возбужденной Дайаны, потрясенной перспективой создания новой расы, Хаген отгородился непробиваемым защитным экраном. А она все говорила, говорила… Сомнений больше не было — Эйкен рассказал ей о встрече с Марком, спросил, что она думает по этому поводу. Одним словом, провел с ней определенную работу. Она, как дурочка, загорелась этой идеей…

— Это вовсе не значит, что мы не сможем иметь собственных детей, — испуганно сказала она.

— Интересно, какие чувства проснутся в твоей душе, когда придет срок лишать ребятишек их телесной оболочки?

— Их телесной… оболочки?

Хаген повернулся к ней, схватил за руки, с силой сжал. Дайана вскрикнула.

— Как ты не понимаешь, что наши собственные дети тоже станут частью программы. Ты, глупая женщина!.. Не только искусственно выведенные в пробирке особи — все! И твоя кровинушка

тоже!.. Они все должны стать бестелесными, подобно моему возведенному в чин святого дяде Джеку. Их принудят — силой заставят полностью раскрыть свой ментальный потенциал. Духи, привидения, которым сначала придется маскировать свою античеловеческую сущность. А может, и не придется!.. Они будут куда более совершенны, чем Джек, — и я должен *вэтом* помогать Марку! Это будут бессмертные создания. Всякий раз, когда им потребуется пополнить запас сил, они будут подсоединяться к церебральному генератору. Им не потребуются такие примитивные приспособления, как руки, ноги, сердце, внутренние органы. Им не нужны лица! Они будут обходиться без губ — зачем целоваться, без рук — зачем касаться друг друга. Чистые рациональные сознания, сеть электродов, раскалившихся добела, когда их обладатель *размышляет*. О чем они будут размышлять, Дайана? О чем мечтать? Над чем смеяться? Смогут ли они любить? Как они будут относиться к нам, чем возблагодарят за то, что мы их породили? Ты задумывалась над этим, Дайана?

Его сознание распахнулось… Черное пятнышко, смахивающее на маленькую человеческую фигурку, явилось перед мысленным взором Дай-

аны. Фигурка обрела знакомые черты существа, броней отгородившегося от мира, замкнутого, лишенного тела, сверхусилием воли посылающего свою мысль в Галактику на поиски подобного себе — и никого не нашедшего, тогда в безумном отчаянии решившего изготовить похожих на себя монстров. «Не кричи, Хаген. Не бойся. Это я, твой папа».

— Ты знаешь, что он везет на «Кулликки»? Второй бронированный скафандр. Для меня…

Дайана ойкнула. Хаген обнял ее, прижал к груди, прикрыл полами плаща. Выделанная кожа белой антилопы, из которой тану шили плащи-дождевики, была удивительно мягкой, а внутри еще и теплой. То было тепло любимого человека. Дайана подняла голову — лицо, нависшее над ней, было небрито, глаза полны слез, подбородок подрагивал. Лицо, удивительно похожее на отцовское…

— Он не позволит нам уйти, — со страхом прошептала она.

— Если Эйкен Драм будет на нашей стороне, мы устроим Марку за его же деньги хорошенькую трепку, — сказал Хаген и погладил ее по волосам. — Если же старый волк подберется к нам слишком близко, у меня в запасе есть еще один

крючок, на который он непременно клюнет. Я преподнесу ему в подарок кое-что заветное — пусть тогда он возится со своим «ментальным человеком», сколько его душе угодно.

Дайана всхлипнула, потом рассмеялась. Захохотал и Хаген, и тут же они слились в поцелуе.

— Ну-ка, девочка, — шепнул он и потянул ее в заросли, где на кустах висели маленькие круглые плоды. В народе их называют «волчьими ягодами».

…Потом они долго лежали, тесно обнявшись. Сухой торф был мягок и податлив, легкий ветерок рябил воду, от лилий струился густой ананасовый аромат. Чудно!

— Вот мы и сотворили «ментального человека», — улыбнулся Хаген и провел рукой по волосам дочери Маниона. — И без всяких наставников, помощников, Содружества.

— Завтра же попрошу Бекки Крамер выскрести из меня всю эту гадость!

— Зачем, Дайана? Ребенок родится уже в будущем. Или мы сбежим куда-нибудь еще. Правильно, девочка? Втроем…

— Конечно, милый.

Они лежали, тесно прижавшись друг к другу и не сопротивлялись мысленным образам, дрей-

фующим из одного сознания в другое. Каждый раз мысли обрастали подробностями, приобретали глубину, историю. Например, страхи… Уверения Элизабет… Опасность, обернувшаяся раскаленным, давящим шаром… Возможная неудача с созданием деформатора Гудериана… Рассуждения Алекса Маниона, которые им довелось выслушать прошлой зимой на Окале… Он уверял, что полное счастье можно обрести только в единении с Галактическим Разумом.

— Он тоже будет бессмертный, как и ты? — спросила Дайана.

— Не бессмертный, а самоомолаживающийся, — поправил ее Хаген. — Если ты начнешь стареть, если решишь, что обаяние молодости оставляет тебя, вспомни, что некоторые из папиных соратников, сбежавших в прошлое уже в солидном возрасте, по четыре раза сидели в оздоровительных автоклавах там, в Содружестве, а еще и теперь, видишь, выглядят как огурчики. И работоспособность не снизилась, энергии тоже хватает. Рискнули бы они отправиться в плиоцен, если бы у них были проблемы со здоровьем.

Дайана хихикнула.

— Воображаю, как вытянутся физиономии у этих чувствительных неженок — жителей буду-

щего, когда мы через «врата времени» свалимся им на голову и объявим, что я ношу в себе внука «ментального человека».

— Для них это будет ударом! — воскликнул Хаген. — Если деформатор сработает, нам придется что-нибудь предпринять, чтобы вместе с нами не отправилась толпа одичавших в первобытных лесах ребят. Волшебный принц Клу, конечно, к ним не относится.

Дайана сразу напряглась, примолкла.

— Хаген, — шепнула она, — она же не собирается оставаться здесь, правда? Она говорит, что ничего не испытывает к Кугалу. А вдруг она согласится принести себя в жертву, чтобы спасти всех нас? Такого быть не может?

— Ты имеешь в виду, что она останется с папой? Ты же не ребенок, Дайана. Ты была совершенно права, когда утверждала, что при создании «ментального человека» мужская особь имеет куда более важное значение, чем женская. Папе нужен я! Почему, как ты считаешь, он позволил Клу первой отправиться в экспедицию в Европу, а мне даже думать запретил об отъезде с Окалы? Я должен был занять его место поставщика половых клеток.

— У Клу тот же набор хромосом, он мог бы ее

использовать.

— Она отчаяннее других рвется в объятия Галактического Содружества. Клу и Элаби оказались единственными, кто до конца уверовал в истины, проповедуемые твоим отцом. Помнишь, с каким восторгом Алекс вспоминал о днях восстания? Ясно, на что он намекал? Какой идеей хотел зажечь сердца этих двух фанатиков?

— Но Элаби мертв, и Клу теперь заявляет, что никогда больше не влюбится, не рискнет вновь испытать боль разлуки.

— Моя разумная сестра вообще неспособна испытывать нежные чувства, если это не касается ее самой. Себя она обожает страстно. Ты ее не слушай

— она отправится в будущее, и обязательно вместе с Кугалом, лелея надежду на то, что потомки Ремилардов когда-нибудь до основания потрясут Галактическое Содружество. Ясно, что это будут за отпрыски? Конечно — гибриды тану и Ремилардов. И наши с тобой дети…

— Хаген, у нас, Манионов, тоже есть одно редчайшее качество. Хочешь, докажу?

Они вновь обнялись, и Дайана крепко поцеловала Хагена. Но на этот раз миг счастья был недолог. Небо затянуло облаками, померкли

звезды, и первые капли дождя зашелестели в купах высоких деревьев. Они вскочили с земли и, смеясь, принялись одеваться. Хаген раскрыл маленький психокинетический зонтик, и влюбленные бросились в Стеклянный Замок. Хаген хотел тотчас поговорить с королем, однако Эйкена не оказалось во дворце. Не было его ни в подземных лабораториях, ни в общежитии для персонала. Укрытые брезентом «ропланы» тоже все стояли на своих местах…

Сначала он почувствовал резкую боль и в следующее «мгновение» погрузился в серую безмолвную муть — не на какую-то долю субъективно отсчитываемого времени, как было в его последних d-переходах, а на целых пятнадцать мучительных «минут». За это время ему надо было доставить три тонны экспериментального балласта в отдаленную точку Галактики. Это в добавление к его обычному многотонному скафандру. Он терпел, стиснув зубы, пока росное, измеримое материальное пространство не изогнулось, и Марк, прорвав супергранicу, не провалился в не имеющее ни измерений, ни времени серое крошево.

Заключенный в тесной, охлаждаемой бронированной коробке, которая сама по себе являлась

церебральным генератором, он не был подвержен физическому или психологическому воздействию. Его разум находился в состоянии величайшего напряжения.

Гиперпространство не является пространством в обычном смысле слова, то есть протяженностью, дающей пищу ощущениям. Скорее эта область есть нечто бесформенное, не обладающее свойством воздействовать на рецепторы человека, и тот цвет его, который наблюдал Марк, — клочковатая серость без всякого стереоскопического эффекта, — являлся лишь его собственным ощущением или, точнее, реакцией на окружающее, на только что оставленное привычное трехмерное пространство. Например, закройте глаза — то, что вы увидите за опущенными веками, есть плод работы зрительных нервов, моторные реакции, но никак не образ внешнего мира. Теперь представьте, что вы не прикрыли веки, а мир померк, — эффект будет тот же, поэтому ощущения Марка описать можно, но это будут только его личные ощущения. Ремилард находился в полном сознании, мог совершать какие-то движения в пределах, допускаемых его скафандром, словно он находился на борту космического корабля, летящего со сверхсветовой

скоростью. Но на этом сходство кончалось. Пассажиры суперлайнера во время d-перехода могли спать, читать, принимать пищу, развлекаться, полностью доверившись экипажу и машинам, влекущим его через небытие на расстояние в четырнадцать тысяч парсеков.

Что же касается Ремиларда, то он сам являлся таким лайнером. У него, правда, не было ни сложных навигационных систем, ни искусственно-разумного прокладывателя вектора через подпространство, или, как его еще называли, лимбо; ни могучих двигательных установок, извлекающих энергию из расщепления элементарных частиц. Оборудование, которое он нес на своих плечах, служило только одной цели — прорвать суперповерхностную пленку. В подпространстве поводырем и опорой ему служила исключительно специальная ментальная программа и запасы собственной психоэнергии. Алгоритм перемещения в лимбо — величайшее достижение человеческой мысли, но овладение и использование его было суровым и тяжким испытанием. Не каждому оно было по плечу, не каждый человек мог применить его на практике. Во время перелета ни на мгновение нельзя отвлекаться от точного следования параграфам

программы, основным требованием которой оказывалось постоянное мысленное наблюдение цели. Ни одна посторонняя мысль или какая-нибудь другая помеха не должны помешать метапсихическому управлению и отслеживанию конечной точки, иначе путешественник мог оказаться совсем в другом месте.

На этот раз целью d-перехода служила периферийная звезда, классифицированная в личном каталоге Марка Ремиларда как G3-1668. Неприметное солнышко, никогда не носившее в мире Содружества собственного имени. Он высмотрел эту звездную систему еще семь лет назад и после недолгого изучения пришел к выводу, что особого интереса она не представляет. Обитатели ее четвертой планеты еще не освоили оперантское искусство. Стало очевидно, что для его замысла эта цивилизация не подходит. Однако спустя несколько лет он пересмотрел первоначальное решение и из трех потенциально пригодных миров окончательно остановился именно на этом. Здесь он собирался устроить колыбель для «ментального человека». Марк и звезду назвал Goal note 27. Туда он сейчас стремился.

---

note notes: Note27
Цель (англ.)

В расчетный срок Марк достиг конечного пункта, где ему предстояло вновь прорвать разделительную энергетическую оболочку и выйти в трехмерное пространство. Подготовка заняла несколько мгновений — сначала он проткнул через поверхностную плевру экспериментальный балласт, потом нырнул сам. Нестерпимая боль заставила его вскрикнуть. От этого крика содрогнулся космос.

…Бело-голубой, с мраморным отливом полудиск, освещаемый резким шафрановым светом местной звезды, висел в свободном пространстве. Вот она, четвертая планета, родина гуманоидной цивилизации… Несколько часов Ремилард кружил на орбите вокруг небесного тела и, невзирая на тяжесть балласта, особенно неподъемного в мире, где существует тяжесть, преодолевая боль, проверил показания всех приборов, обежал внутренним взглядом каждую молекулу захваченного в полет экспериментального груза. Все в норме, можно опускаться на поверхность terra incognita note 28. Здесь, на берегу какой-то звонкой речушки, Ремилард ослабил тиски. Булыжники, собранные в устье Сены, раскатились по берегу, смешались

---

note notes: Note28
неведомая страна (лат.)

со своими собратьями из далекого мира… Так и остались лежать — неотличимые, невзрачные камни, рожденные на планете, отстоящей от Goal на четырнадцать тысяч световых лет.

Марк сразу же забыл о них. Он вылез из скафандра, обратился в невидимку, позаботился об оборудовании и по воздуху отправился в расположенное поблизости поселение.

Два дня он провел среди аборигенов. Двуногие, двурукие, формой тела напоминающие землян, они происходили от ящеров. Были трудолюбивы, умны, но малочисленны, размножались медленно, так что набрать необходимое число особей, чтобы достичь так называемого «магического числа» в десять миллиардов, которое позволило бы им войти в круг Галактического Содружества, им явно не под силу. Планетная цивилизация обладала целым набором высоких технологий, которые позволяли коренным жителям существовать безбедно и в полном здравии. Их достижения в области биологии и особенно медицины достаточно весомы, чтобы освоить производство зародышей «ментального человека». Это была замечательная культура, гармонично вписывающаяся в местные природные условия. Индекс их психического развития позволял надеяться, что

они без особых эксцессов примут диктатуру, если только все будет организовано на договорных, уважающих права личности началах.

Эта планета, решил Марк, как будто специально предназначена для меня. Здесь под его покровительством будет создан «ментальный человек», здесь он наберется сил, отсюда распространит свое влияние на окружающее пространство. Начнет шагать от звезды к звезде!.. Его путь будет бесконечен…

Блажен, кто верует, усмехнулся Ремилард. Но вопрос — почему через шесть миллионов лет никто слыхом не слыхивал о «ментальном человеке»? Где он, желанный итог? Неужели все его усилия тщетны? Если в будущем не отыскалось никаких следов его детища, значит, он никогда не существовал? Значит, он в принципе не может быть создан? Тогда почему расчеты не подтверждают этого?.. Впору обратиться с мольбой к Богу — дозволь, Всевышний! Пикантная ситуация, усмехнулся Марк, но на сердце легче не стало.

Через два дня Ремилард вернулся на «Кулликки». Отсюда он связался с Элизабет.

Марк: Рассказывай.

Элизабет: Дети дали ответ, просили сообщить тебе.

Марк: Хорошо.

(Изображение: дочь и сын стоят на вершине холма, на котором возвышается древний замок, идет дождь, обильно заросшая травой тропинка огибает огромную плиту из белого камня, на плите вырублен квадрат.) Хаген: Папа, мы находимся в окрестностях Надвратного Замка. Видишь эту плиту? Посмотри на нее внимательней — перед тобой фундамент, на котором располагался выходной шлюз «врат времени», ведущих из эпохи Галактического Содружества в плиоцен. Мы все когда-то прошли через них. Мы хорошенько обдумали твое предложение. Мы оба… Конечно, обсудили все с нашими товарищами, посоветовались с королем, но решение принимали самостоятельно.

Мы возвращаемся в будущее. Возвращаемся в мир, который когда-то — не по своей воле — покинули. Возвращаемся в единую семью оперантов, которые помогут нам обрести душевный покой. «Ментальный человек», как ты его себе представляешь, каким намереваешься создать, — личность трагическая. Я не шучу! Более того, это существо по определению и происхождению вряд ли будет тем нравственным образцом, каким был дядя Джек. Святость — это не совсем

обычное состояние, папа. Никому из нас не дано единолично решать подобные вопросы, никто не вправе назвать свое детище существом идеальным. Ни ты, ни я, ни Клу — никто! Потому что святость — или созидание добра — и есть жизнь. И устройство ее на добрых началах, на основаниях счастья, красоты и разума — причем не только для нас, современников, но и для наших детей, внуков — возможно только общими усилиями всех людей. Можно отколоться от общества и объявить войну всем и вся, но нельзя спасать человечество в одиночку. Знаешь, кто воистину станет «ментальным человеком»? Наши дети. Теперь мы разобрались, что такое внематериальное мыслящее сознание. Это духовное сознание. «Ментальный человек» — духовный человек, источник добра, а не средство отмщения, каким ты его замыслил. Наши дети будут обладать совершенным разумом, способным обрести любую форму, но никогда не расстанутся со своими телами. Они не будут ангелами. Им тоже придется вступить в вечное ритуальное сражение — да-да, как тану и фирвулагам — со своими страстями. Как всем нам… Как и тебе… Но они смогут найти поддержку среди миллиардов других сознаний, которые всегда будут готовы выслушать, почув-

ствовать их боль, дать полезный совет; которые будут добры к ним. А это, папа, уже немало.

Клу: Мы не можем стать твоими помощниками, папочка. В твоей душе нет мира, и нам кажется, что ты сам догадываешься об этом. Сколько раз ты уже мог остановить нас, принудить вернуться, даже погубить и овладеть нашими хромосомами. Но ты этого не сделал. Поищи объяснение подобной деликатности в самом себе, загляни в душу, и, может быть, ты позволишь нам поступить так, как мы желаем. Спроси себя, зачем ты приготовил для «ментального человека» такую необычную, бесчеловечную форму, зачем пытаешься убедить себя и нас, что другого пути нет. Кажется, мы наконец нашли ответ. Со временем мы отыщем в себе силы забыть тебя, и ты тоже постарайся больше не тревожить нас. Мы решили пойти за мечтой и посмотреть, что это такое — великое единение разумных существ. Это самое верное решение…

(Изображение: сын и дочь медленно поднимаются по тропинке к замку, каменные бастионы в сеточке дождя, ворота замка распахнуты, во внутреннем дворе скопление машин, повсюду люди, много людей, здесь и тану, везде оружие, вспыхнула гигантская прозрачная защитная

сфера, за ней человек в золотистом кожаном костюме со множеством накладных карманов.) Эйкен: Я перевел работы над проектом сюда, в Надвратный Замок. Один из моих специалистов сумел подсоединить к генератору сигма-поля SR-35 парочку SR-15-fx, которые мне удалось припрятать от твоего бдительного ока, так что теперь, надеюсь, Клу и Хаген, а также все специалисты, защищены надежно. Психокинетический эквивалент напряженности поля составляет теперь около девятисот единиц. Тебе не удастся пробить его ни с помощью церебрального генератора, ни объединенной мощью метаконцерта. Вообще в плиоцене нет оружия, способного преодолеть подобный оборонительный пояс, Марк. Даже мое фотонное копье… Даже Фелиция с ее ударной мощью… Ты проиграл, Марк. Твои дети заявили, что скорее погибнут, чем вернутся к тебе. Но погибать они не собираются… Теперь они официально под моей защитой, и если ты начнешь враждебные действия, то тебе придется воевать со всей Многоцветной Землей. Закончив постройку деформатора, дети уйдут в будущее. Машина времени обязательно заработает… Если не веришь, спроси Алекса Маниона. Я не хочу сражаться с тобой, Марк. У меня и так хлопот

хватает. Я бы предпочел уладить дело полюбовно. Но если ты рискнешь применить силу, я и все те, кто рядом со мной, будем сражаться. Поднимется вся Многоцветная Земля, все королевство… наше метаобъединение будет состоять из тысяч человек, из самых могучих оперантов тану и представителей человеческого рода. Напомню, что у меня есть твоя программа организации совместного психокинетического удара, которую ты передал мне на Рио-Дженил. Мне известно, что на борту «Кулликки» установлен мощный церебральный генератор. Шхуна сейчас находится в заливе Арморики или вблизи устья Сены. Твои ребята поставили защитный экран, не пропускающий дальний телепатический луч, но я потоплю шхуну в любом случае… У меня для этого есть средства. Разумен ли подобный путь? Разве мир не выгоден нам обоим? Предлагаю — пусть «Кулликки» под белым флагом, с опущенным экраном, следует вверх по течению Сены к Золотому полю. Я приглашаю тебя и твоих людей на Великий Турнир. Вы

— мои почетные гости. Посмотрите состязания, поцелуйте на прощание детей и вернитесь во Флориду. Подумай над этим, Марк…

(Изображение погасло.) Элизабет: Это все. Эй-

кен сказал правду насчет Надвратного Замка. Он уже перевел туда все оборудование и весь персонал — за один вечер. Он восстановил свою прежнюю силу и органично впитал мощь Нодан-на и Мерси. Тебе не одолеть его, Марк. Ты только бессмысленно погубишь Многоцветную Землю. Пожалуйста!

Марк: Они сделали свой выбор. Теперь моя очередь. Но мой ответ займет некоторое время.

Он замолчал, его голос угас, теперь в эфире было слышно, как потрескивали разряды далеких молний и легкий фоновый шум.

Элизабет бросила дальний взор туда, где широкая река многочисленными протоками вливалась в море, но там было пусто. Хлестал дождь, и тяжелые валы накатывались на каменистый берег.

Расположившись на корме, Джордан Крамер и Ван-Вик подняли тяжелый шлем — открылась всклокоченная голова Марка; потом помощники помогли ему освободиться от брони. Все оставшиеся оперантs были здесь, толпились у поручней — Корделия Варшава, Ранчар Гатен, Джеф Стейнбреннер. Патриция Кастелайн. В уголке, странно поблескивая глазами — очевидно, и усмиритель уже не был для него помехой, — пристроился

Алекс Манион.

Все ждали…

— Дети, — сказал Марк, — отказались менять решение. Как вы знаете, «ментального человека» без их участия создать невозможно. Клу, Хаген, остальные дети сейчас находятся где-то в среднем течении Роны — в том месте, где располагались «врата времени». Эйкен Драм перенес туда все оборудование и персонал, защитил их экраном мощностью в девятьсот единиц. Мои сын и дочь заявили, что лучше умрут, чем примут участие в наших разработках. Они считают, что существо, подобное «ментальному человеку», должно обязательно находиться под контролем Галактического Содружества.

Алекс Манион улыбнулся.

Патриция исступленно закричала:

— Ты должен был взять у них наследственную плазму!!

— Я пока сам не знаю, что я должен, а что нет, — ответил Марк. Он стоял одетый в черный облегающий комбинезон-трико, кровь от ранок, сделанных электродами, тонкими струйками стекала по лбу и щекам. — В настоящий момент я не вижу способа пробить их защитный экран. Не буду уверять, что я вообще когда-нибудь смогу

его преодолеть. — Он усмехнулся.

— Более того, я уже не верю, что в нашем деле силой можно добиться успеха.

— Если они уйдут — это же конец всему! — воскликнула Патриция.

Алекс Манион раздельно произнес:

Mon fron est rouge encore du baiser de la reine J'ai reve dans la grotte ou nage la sirene…

[Запекся королевы поцелуй на лбу моем; В том гроте, где обитель сирены сладкогласной…

Жерар де Нервам. El Desdichado]

Марк согласно кивнул и добавил:

— Сирена распевает и манит обещаниями, и я не могу устоять против поцелуев королевы вампиров.

— Ты очень устал, тебе надо поспать, — сказала Патриция. — Позже мы обсудим, что можно предпринять.

Другие операнты, до той поры без конца перешептывавшиеся друг с другом, сразу притихли, укрылись за метаэкранами.

Марк обратился к Ранчару Гатену:

— Поставьте паруса, мы двинемся вверх по реке. Сена судоходна на несколько сот километров вверх по течению. Как работают двигатели? Энергии хватает?

— Как часы, — ответил бывший командующий космическим флотом.

— Пусть Уолтер держит среднюю скорость, мы не будем спешить. Экран поставьте так, чтобы он защищал судно не только от чужих взглядов, но и от бомбардировки сверху.

— Заслон-то мы выставим, — сказал Гатен, — только кто-то из соглядатаев короля уже приметил нас с берега.

— Нам следует принять надлежащие меры, — потребовала Патриция, глядя на Маниона, — и против предателей в наших собственных рядах.

— В этом вопросе я всецело полагаюсь на тебя, — ответил Марк.

— Будут еще какие-нибудь приказания? — с воодушевлением спросила Корделия Варшава.

— Всем отдыхать! — в том же повышенном тоне ответил Ремилард. — А я отправляюсь на рыбалку.

5

В первую неделю перемирия вся Многоцветная Земля, казалось, пришла в движение.

В былые годы только тану с семьями, всегда в полном составе, являлись к началу ритуальных битв. На этот раз по всем городам и весям были развешаны официальные манифесты, в которых объявлялось, что по распоряжению короля Эйкена-Луганна все жители Многоцветной Земли — даже те, кто обычно оставался дома для охраны жилищ и сельскохозяйственных угодий, — обязаны были явиться в Нионель на Великий Турнир. Дома и собственность, государственные учреждения, постройки, дороги надлежало оставлять под опекой честных и исполнительных рамапитеков.

Нежданные каникулы пришлись по душе и обладателям ментальных ожерелий, и людям, лишенным этих отличий. Более того, приглашение распространялось даже на тех, кто был не в ладах с законом. И вот из диких пустошей Испании, со склонов древних Альп, с Юрского нагорья на великую северную равнину потекли ручейки человеческих потоков. Поднимались жители из

болот Бордо и Парижской впадины, с полуострова Авен и из сумрачных лесов туманного Альбиона, куда тоже долетел призыв короля. Все спешили в Нионель, привлеченные ожиданием невиданных доселе зрелищ, бесплатных угощений и питья… На Золотом поле только людей зарегистрировалось более сорока пяти тысяч — фактически все, кто когда-то перебрался в Европу времен плиоцена. Полторы тысячи из них были полноправными оперантами и отмечены золотыми ожерельями. Примерно раза в два больше прибыло тех, кто получил эту высокую награду не за метаспособности, а за исполнение королевских поручений или за высокое профессиональное мастерство. Носителей серебряных ожерелий было четыре тысячи двести человек, около восьми с половиной тысяч серых ошейников и почти двадцать тысяч лишенных ожерелий. Эти люди добровольно пошли в услужение тану. Свободных людей, или, как они еще себя называли, первобытных, явилось около восьми тысяч, причем половина из них уже месяц назад перебралась поближе к Нионели.

Старый Танданори Каваи тоже услышал о приглашении короля и, немного поразмыслив, остался в родной деревне Скрытые Ручьи. Силы

убывали с каждым днем, расходовать их следовало экономно. Сколько ему еще надо сделать, чтобы подготовиться к сезону дождей! Какие тут праздники!..

Стейн Ольсон, прослышав о предстоящем турнире, тоже отказался покинуть родной дом. Скверные предчувствия одолевали его, он интуитивно чувствовал опасность и в конце концов решил, что Золотое поле во время великого сражения — не самое лучшее место для него и его семьи.

Голда на далеком острове Керсик так ничего и не узнала о королевском приказе. Никто не сообщил ей о Великом Турнире. Она уже была на восьмом месяце, и ее ребенок, плод слияния трех рас, уже бурно шевелился в животе.

Кроме объявленного повсеместного призыва собраться на Золотом поле, король как верховный оперант Многоцветной Земли отправил но эфиру шифрованный приказ: всем обладающим метаспособностями собраться в Нионели и быть готовыми вступить в небывало мощное объединение, иначе Враг, говорилось дальше в приказе, сможет завоевать всю нашу землю.

Это было повеление короля, и все рыцари тану и метисы, кроме тех, кто принадлежал к

сторонникам Минанана или находился в оздоровительной оболочке, отправились в Нионель. Чистокровных тану было две тысячи четыреста рыцарей и почти пять тысяч полукровок… Вместе с оперантами-людьми будущее метаобъединение насчитывало более тринадцати тысяч бойцов.

Хозяев-ревунов никто сосчитать не удосужился, а вот фирвулагов явилось на турнир свыше восьми десятков тысяч.

Где-то в середине октября, когда ярмарка в Ронии была в самом разгаре, когда неожиданно вновь наступила жара и воздух прогрелся до тридцати пяти градусов по Цельсию, когда грозовые тучи отогнало далеко на юг и они скрылись за сахарной головой курящегося вулкана Монт-Доре, в небесах над Многоцветной Землей появилось нечто невиданное, наводящее ужас.

Толпы путников, следовавших по Большой Южной дороге, соединявшей Ронию с Афалией и Горией, сначала оторопело замирали, потом, вывернув шеи, продолжали идти, вглядываясь в ясную полуденную голубую высь. При первом взгляде на чудо, появившееся в небесах, никто не мог удержаться от возгласа — изумленного, радостного, словно довелось узреть что-то долгожданное, — либо вскрика ужаса, панического

вопля. Халикотерии, пестрые первобытные гиппарионы, наполовину прирученные антилопы, завидев в поднебесье этот предмет, срывались с места и с диким ревом разбегались по степи. Повсюду — на базарной площади Ронии, в лагерях, разбитых странниками, на главном тракте — слышались крики перепуганных животных, приветственные возгласы людей и ошарашенных тану, ужасный визг и вопли пораженных фирвулагов.

На первый взгляд Божье — или дьявольское? — наваждение было похоже на темную гигантскую рыбу: коротко обрубленные плавники, игольчатый нос… Существо, продвигаясь вперед, словно принюхивалось, и чем ближе оно прижималось к земле, тем все больше и больше становились его размеры. Пурпурное пламя внезапно объяло невиданную рыбу, в которой бывшие граждане эпохи Галактического Содружества быстро опознали аэроплан, только какой-то необычной, экзотической конструкции. Когда машина зависла над дорогой, ведущей из Ронии в Нионель, карлики-жители подземных пещер — принялись обстреливать невиданное чудище психокинетическими зарядами, а их наземные собратья в степях, опасаясь ответных ударов, истошно

завыли…

Обо всем, что случилось, люди потом рассказывали легенды. Весть о происшедшем передавалась от отца к сыну, от сына к внуку. Невысоко над землей в брюхе чудесной птицы вдруг открылся люк, и оттуда порция за порцией посыпались тысячи золотых яиц — впечатление было такое, что чудище вдруг принялось метать икру. Аэроплан неожиданно заскользил боком в одну, потом в другую сторону, при этом щедро осыпая собравшихся внизу людей удивительными подарками. Яйца, не долетая до земли, вдруг начинали лопаться — вниз посыпались сладости, сочные фрукты, бутылочки холодного пива, даже печеные раковины с ликерной начинкой. Некоторые тану благоговейно шептали: «Мерси-Розмар!» — невольно вспоминая представление, которое королева устроила на Серебристо-Белой равнине во время последней Великой Битвы. Другие — если не все — как мальчишки гонялись за падающими с небес подарками. Даже фирвулаги выказали неожиданную прыть, словно забыв, что еще минуту назад обмирали от страха.

Аэроплан вдруг начал набирать высоту, все взоры устремились ему вслед. Наконец, взмыв над землей на полтораста метров, машина за-

мерла, зависла в зените. Теперь ее можно было хорошо рассмотреть. Сам аппарат был черного цвета, низ — фиолетовый… Из грузового люка начали выплывать гроздья огромных блестящих шаров, одни из них, сталкиваясь между собой, опускались вниз, другие, наоборот, всплывали в поднебесье…

Аэроплан нырнул к земле и принялся расстреливать шары снизу. Тонкий белый луч ударил из носа аппарата, потом зеленые, красные и желтые световые потоки под различными углами заструились из тупых оконечностей горизонтальных плавников, которые, в свою очередь, тоже начали менять форму. Люди завопили от восторга… Лопающиеся под ударами разноцветных лучей гроздья обрушили на прохожих дождь конфетти. Плавники тем временем удлинились — теперь аппарат стал почти во всем похож на современные самолеты. На плоскостях неожиданно засветилась королевская эмблема — ладонь Эйкена-Луганна, сжатая в кулак, указательный палец вытянут. Затем и эмблема начала видоизменяться. Пальцы разогнулись, прижались друг к другу, и зрителям — большинству! — эта картинка напомнила приветственный жест, который был принят среди оперантов, входивших

в Галактическое Содружество.

Аэроплан начал плавно набирать высоту. Толпа внизу дружно зааплодировала, послышались возгласы: «Слитсал!» — потом все впали в столбнячное состояние, когда воздушный корабль с вновь появившимися королевскими знаками отличия занял место ведущего в V-образном строю целой эскадрильи «ропланов», появившихся с южной стороны на высоте в несколько сотен метров. Это был настоящий воздушный флот — аппаратов было около трех десятков. Набирая скорость, широкий клин развернулся и устремился к югу. Затем до слуха жителей Ронии донесся громовой удар — это «ропланы» преодолели звуковой барьер.

Дугал, сидевший в кресле второго пилота, наконец дал волю чувствам.

— Если бы я не видел представление собственными глазами или доверился слухам, я бы решил, что это — беспардонное вранье. Как вы, сир, ухитрились, черт побери, устроить все эти фокусы?

Эйкен засмеялся.

— Сила психотворения, парень. Ловкость рук и немного метапсихического нахальства. Здесь иллюзия, там умелое манипулирование телекинетическими возможностями разума… Главная

заслуга принадлежит металлокерамической птичке — она сама по себе чудо. Прибавь сюда бессознательный страх перед любой властью. Если она устраивает праздник, волей-неволей надо бурно радоваться, тем более — волей; ну и в финале обязательно что-нибудь наукообразное, дидактическое — мол, это вам не фуфры-муфры! Этакий прозрачный намек!..

— Все под стать ярмарочному балагану! — вмешался в разговор мистер Бетси. На лице у него застыло брезгливое выражение. Он сидел на месте штурмана, как всегда разряженный словно пугало. Его летная форма — кожаная куртка — была исполосована рубцами застежек-молний. Голову украшал пышный, свекольного цвета завитой парик, на нем красовалась диадема с огромным аметистом.

— Громадный мыльный пузырь, более ничего! — закончил он.

— Попробуй взглянуть на этот спектакль как на демонстрацию силы, — возразил король. Он улыбнулся и через плечо взглянул на своего личного пилота-инструктора.

Бетси горячо заспорил:

— Восемнадцать человек, набранных в качестве пилотов, если что и умеют, так только

держаться за ручку управления. Ну разве что выдерживать высоту и курс… Вы что, не знаете об этом?.. Нам бы успеть до Великого Турнира поднатаскать их в пилотировании. О приемах воздушного боя я и не говорю. Что толку от этих демонстрационных полетов?..

— Да, — кивнул Эйкен, — времени маловато, но у нас есть очень хорошие специалисты. Как, например, вы, мистер Бетси. Смотрите, как быстро вы натаскали меня, я теперь чувствую себя за ручкой управления этой рыбиной вполне уверенно. — Он включил радиосвязь и обратился ко всем пилотам: — Спасибо, дамы и господа. Наше воздушное представление имело грандиозный успех. Надеюсь, воздушная мощь короля тану вдохновила друзей и привела в замешательство врагов. Возвращайтесь в Горию. Каждый получит увольнительную на сутки. Отдохните, ребята!

Вопреки мнению мистера Бетси, все сопровождающие королевскую машину аэропланы — в строю! — сбросили скорость и умело совершили сложный разворот.

— Что поделать, — вздохнул король, с удовлетворением наблюдавший за маневрами своей эскадрильи, — если у человека такой характер. Сейчас опять к чему-нибудь прицепится… Слиш-

ком мало времени прошло после восхождения, у детишек Бэзила почти не было отдыха.

Мистер Бетси, следивший за аэропланами в окуляры инопланетного сканирующего устройства, неожиданно проворчал:

— Какой неровный строй! Словно коровы на лугу… — Потом он начал критиковать особенности конструкции экзотических летательных аппаратов. — Зачем, скажите на милость, эти обрубки, называемые крыльями? Что за извращенная техническая мысль! Какому чудаку пришла в голову идея вооружить крыльями аппарат, снабженный безынерционным двигателем?..

— Нам ли судить о технических принципах, на которых были созданы эти удивительные аппараты! — возмутился Дугал. — Кстати, на концах плоскостей вполне можно разместить лучевые разрушители.

Мистер Бетси ехидно фыркнул.

— Да будет тебе известно, уважаемый придурок, что оружие бывает полезным тогда, когда им умеют пользоваться. Хочу напомнить, что у нас только Стэна и Тэффи Эванса можно, и то с некоторой натяжкой, назвать настоящими боевыми летчиками, в то время как остальные шестеро Бастардов — в том числе и я — всего

лишь желторотые птенцы. Сомневаюсь, сможет ли кто-нибудь из нас забраться на Монт-Доре, а мисс Вонг забьется в истерике, стоит лишь намекнуть ей насчет воздушного боя.

— Если фирвулаги встанут на пути к «вратам времени», — вмешался в разговор король, — она быстро забудет о деликатности и дамских капризах. — Он дожал рычаг газа, и небо за иллюминаторами сменило яркий кобальтовый цвет на глубокую черноту. В ней засветились звезды. — Мы успеем подучить летчиков, тем более что Йош Ватанабе собрал несколько отличных электронных прицелов. Они сами находят цель, сами наводят разрушители… Пока духи не обзавелись Летучей Охотой, аэропланы вполне могут атаковать наземные цели. Проблема в другом…

— Ясно, ясно. Надо вот как поступить, — разгорячился мистер Бетси. — Следует оборудовать «ропланы» генераторами сигма-поля, тогда нам никакие фирвулаги страшны не будут.

— Это не выход, — отозвался король. — Все, чем мы теперь располагаем,

— это малюсенькие приборчики, они никак не подходят для нашей цели. Перед залпом генератор сигма-поля должен убрать защитный экран и моментально включить его снова, но, к

сожалению, их конструкция этого не позволяет. Я уже подумывал о включении в состав экипажа сильного психокинетика. Боюсь, если война разразится, каждый оператор будет на вес золота. Иначе о каком метаобъединении может идти речь. Так что во время решительной атаки, вероятно, Летучая Охота окажется более полезной.

— Вейте, ветры! Рушьте смело! — продекламировал Дугал. — Мы в броне идем на дело!..

— Заткнулся бы, дурачок, — посоветовал историку мистер Бетси. Потом он начал удивленно озираться вокруг, словно только теперь до него дошло, что они летят в ионосфере. Внизу мелкомасштабной картой мелькали отроги гор, расположенные на западе Великой Северной равнины, окрашенные в коричневато-оранжевые тона сухие степи, зеленые плоскости лугов, темнеющие русла рек.

— У меня нет ни малейшего желания совершать экскурсии, — заявил он.

— Это не экскурсия, — пробормотал король. — Теперь, когда я наловчился управлять машиной, нам следует внимательно изучить долину реки Сены. Прошло уже четыре дня, как Марк получил наш ответ, переданный через Элизабет, а от него ни слуху ни духу… Так что самое время взглянуть,

что там на «Кулликки».

— Господи помилуй, — перекрестился мистер Бетси. — А что, если они влепят нам заряд из разрушителей?

— Мы находимся на таком расстоянии, что из бластера нас не достать. Хаген к тому же сообщил, что теперь, когда рентгеновские лазеры выведены из строя, на борту шхуны нет тяжелого оружия.

— А если Ремилард через подпространство явится к нам в аэроплан?

— Если бы кабы… Он и не подозревает, что мы поблизости. С земли нас не видно, а попусту пользоваться дальновидением, чтобы шарить по окрестностям, он не станет. Все, отставить разговорчики, ребята! Приступаем к работе. Начнем, пожалуй, с устья…

Выругавшись, мистер Бетси припал к окулярам электронного визира.

Король расслабился, откинулся в кресле, печально оглядел дневные звезды, выступившие на угольно-черном небосводе. После короткого молчания он рассудительно, обращаясь к Дугалу, сказал:

— Разведка, конечно, дело важное, но еще важнее предугадать, каким будет ответный ход

Ремиларда. Думаю, наше приглашение посетить турнир он проигнорирует. Едва ли после стольких трудов, после многолетней подготовки Марк расстанется со своей мечтой только потому, что его дети отказались сотрудничать с ним. Психологически это невыносимо! Элизабет предупредила, что даже если он и смирится, то не сразу. Ему нужно время… Что значит *несразу*? Что значит *нужновремя*? Я вынужден признать, что этот парень на самом деле любит своих детей. Просто так, по-человечески…

— Любовь и нелюбовь! — страстно прошептал Дугал. — Так сплетаются обожание и отвращение… Как ты догадался об этом?

— Мне не по нраву противники, которых можно подвести под какую-либо категорию. Суть и внутренние побуждения которых ясны как дважды два. Например, Шарн, Айфа, Ноданн… Гомнол, наконец, — вот уж у кого были мертвящие глазищи!.. Марк из другой породы. Он, понимаешь ли, чертовски обаятелен… Он необычен, неординарен, непредсказуем, и множество всяких других «не»…

— Любой способен сладко улыбаться и черный умысел хранить в душе.

Король, казалось, не услышал возражения Ду-

гала. Теперь он как бы разговаривал сам с собой, пытаясь что-то доказать. Или уяснить?..

— Ни в коем случае нельзя поддаваться страху. Нельзя допустить, чтобы он сумел застать меня врасплох. Выбора нет — я вынужден тянуть груз королевских обязанностей, даже если это будет грозить мне гибелью. Идиотское положение!.. Всю жизнь гонялись за мной, теперь охотником являюсь я. И как ни странно, эта работа оказалась не такой простой, как можно было предположить. Только бы нам найти его логово! — Он крикнул Бетси: — Ну, что там?

— Ничего, — громко ответил штурман, чья голова была украшена свекольного цвета париком елизаветинской эпохи.

— Воля короля, — заметил присмиревший Дугал, — никогда не может быть только его собственной волей… Он не вправе, как обыкновенный человек, отделить себя от государства, потому что от его решений зависит судьба всей страны. Так что, сир, вам надлежит быть грозным, сильным и непоколебимым!.. Вы должны быть подобием льва в человеческом обличье, вам не следует обращать внимание на тех, кто потерял рассудок от страха. Если конец света действительно близок, надо достойно принять

смерть. Без паники и проклятий…

Проговорив это, он положил обе руки на изображение коронованной львиной головы, вышитой на груди его рыцарской одежды. Эйкен внимательно вгляделся в вышитый рисунок.

— Может, мне изменить герб и поместить на золотое поле голову льва, а не указующую длань? — Неожиданно брови Эйкена поползли вверх. — Дуги, — прошептал он, — я видел *это* раньше. Там, на Далриаде, когда был зачислен в малолетние преступники, которые нарушали покой честных граждан. Что значит эта эмблема?

— Прежде всего — это Аслан, — ответил безумец, специалист по истории средних земных веков. — Древний знак, отмечающий принадлежность к родне короля. Вот и девиз говорит о том же. Он написан по-кельтски: «S Rioghal Mo Dhream'», что значит: «Я — из рода короля». Таков девиз клана Грегора.

Эйкен резко спросил:

— Это твое родовое имя?

— Нет, я родился под фамилией Флетчер — это известный ирландский клан, но моя настоящая фамилия действительно Мак-Грегор. Мой отец должен был носить его, но он вырос без отца. Его усыновили.

Эйкен поерзал на сиденье и неожиданно расхохотался.

— Сначала рождается, потом пускает корни. Замечательно! — Он открыл один из левых карманов на своей куртке, вытащил платок и вытер лицо. — Спасибо, Дугал, все это очень важно для меня.

Историк почтительно склонил голову.

— Сир, примите поздравления от вашего преданного вассала. Ночь так длинна, что веры нет в рассвет.

— Если вы наконец возьмете себя в руки, — с кислой миной прервал их беседу мистер Бетси, — и перестанете таращить друг на друга изумленные глаза, то я позволю себе обратить внимание Вашего Величества вот на что… Я просмотрел все русло от залива Арморики до слияния ее с Нонолом чуть ниже Нионели. Единственный аномальный объект расположен примерно в ста километрах от устья. Вот и все, что я смог разглядеть в этот варварский аппарат.

Король сразу посерьезнел.

— Ну-ка, добавь увеличение… М-м, все равно ничего не видно. Хотя нет… Ты обратил внимание, что он странно движется?.. Туда-сюда… Словно блуждающий огонек… или покачиваю-

щаяся отражательная сфера.

— Я же говорю, что мы наблюдаем аномальное явление, — ответил Бетси.

— Возможно, следствие какого-нибудь гравиметрического эффекта или блестка на экране, ведь этой несчастной штуковине, — он щелкнул пальцем по кожуху,

— по меньшей мере тысяча лет. С другой стороны след не теряется.

— Ты бы попробовал послать гремлина обследовать другие части русла, — предложил Дугал.

— Мы, конечно, можем спуститься пониже, но пока рисковать не будем, — решил Эйкен. — Если это «Кулликки», то они вполне могут засечь нас.

— Благоразумие — вот доблести основа, — продекламировал Дугал.

Король кивнул и добавил:

— К тому же через час в Надвратном Замке назначено заседание Высокого Стола. Если Марк решил исполнить роль невидимки, пускай. Пока!..

Кроме тех, кто спешил поглазеть на Великий Турнир, на Многоцветной Земле были и другие путешественники. Об одной из таких групп странников Мэри-Дедра, ведущая хозяйство в домике у Черной Скалы, пришла доложить Элизабет.

— После ленча еще шестеро явились. Пришли без груза — сказали, что следом за ними идут носильщики. Всего собралось двадцать два человека. Девятеро люди, остальные тану.

— Ты объяснила, что мы ничем не можем им помочь? — спросила Элизабет.

— Они заявили, что не уйдут, не поговорив с вами.

— Что поделать, дорогая. Видно, придется выйти. — Она, пытаясь успокоиться, помассировала кончиками пальцев виски. Силы, однако, были на исходе — слишком долго она пыталась с помощью дальновидения обнаружить убежище, в котором спрятался Марк. Все усилия оказались напрасными, и эта неизвестность мучила ее больше всего. Потом обратилась к Мэри-Дедре: — Лучше было бы пригласить их всех сюда — только без детей. Я поговорю с ними.

Дедра кивнула и вышла. Элизабет села в кресло, стоявшее у распахнутого окна. Легкий ветерок коснулся лица. Снова наступили жаркие дни, и сразу зазеленели ели, поблекшие было ближние склоны подернулись прозрачной розовой дымкой. Вот и бабье лето пришло, вздохнула Элизабет. Внизу, на огороде, копошился брат Анатолий, голуби ворковали под стрехой… Было

тихо…

Крейн вошел бесшумно и так же осторожно прикрыл за собой дверь. Подчиняясь мысленному призыву, он приблизился к креслу, вытянул обе руки — как бы обнял ими голову женщины. Стихли удары молоточков в висках.

— Спасибо. — Элизабет закрыла глаза. Ладони Крейна коснулись ее волос. Он стоял за спинкой кресла.

— Отыскался? — спросил Крейн.

— Никаких следов. Марк, очевидно, использовал какой-то неизвестный мне вид психокинетического экрана. Ничего похожего на сигма-поле — подобная защитная сфера светила бы в телепатическом эфире как маяк в ночи. Здесь что-то вязкое, поглощающее мой сигнал. Никакого отражения… Я никогда не встречалась с таким экраном в Галактическом Содружестве, так что моя программа дала сбой. Подавляющее большинство прежних собеседников было очень общительно, никто ничего не пытался скрыть от друзей — обмен информацией у нас был правилом. Ведь кто-то сведущ в одной, кто-то в другой области… — Оборвав разговор, она неожиданно замолчала. — По всей видимости, после случившегося Марк собирается выкинуть какой-нибудь

фортель. Например, захватить своих соратников и бежать на другую планету.

— Сомневаюсь, чтобы он так легко отказался от идеи, которой посвятил жизнь! Чтобы позволить детям уйти свободно? Он не удовлетворится, пока какой-нибудь новый грандиозный замысел не поманит его. Причем именно грандиозный. Космического масштаба, на меньшее он не согласится… Я ведь хотел ему кое-что рассказать — собирался даже подарить ему митигатор с набором алгоритмов, с помощью которого он мог бы… Однако я оказался полным ослом, Элизабет. Я затеял с ним торговлю!..

Женщина, пораженная до глубины души, сначала никак не могла понять, о чем говорит Крейн. Тогда целитель, как обычно, широко распахнул свое сознание, и она все узрела… Последний их разговор… Условие Крейна… Отказ Марка…

Женщина задумалась.

— Вот, значит, какую точку приложения сил ты приготовил для Марка?

Крейн кивнул.

— Великая Богиня натолкнула меня на эту мысль. Ее милость безгранична… Но я оказался никудышным торговцем. Меня может извинить только отчаяние, в которое меня вверг твой

отказ.

— Ты просил Марка, чтобы он использовал программу, излечившую Брендана, и сделал тебя полноценным оперантом?! — недоверчиво переспросила Элизабет. — Но это невозможно! Ты же взрослый человек, Крейн, годами — веками! — отрабатывавший присущий только тебе способ оперантского искусства. Бедный, бедный Крейн, мне очень жаль… Ты надеялся… Послушай, дорогой мой друг, даже если это было бы возможно и ты бы обрел полноценную метапсихическую силу — без всяких ожерелий — это ничего не изменило бы!

— Теперь я это понял. — Он слабо — жалко? — улыбнулся. — Хвала Тане!.. Хотя мне и тяжело смириться с подобным открытием, однако великая и милосердная Богиня подсказала мне, что на весь этот запутанный калейдоскоп можно посмотреть и под другим углом зрения. Правда, тогда я не представлял себе твоей роли во вновь открывшихся обстоятельствах, не мог в полной мере ощутить неизбежную двусмысленность ситуации. Я посчитал, что опять попал под власть эмоций.

Элизабет нахмурилась.

— Ты говоришь загадками, Крейн. Что за вновь

открывшиеся обстоятельства?

Он нарисовал ей картину.

— Боже мой! — вскрикнула она. Ужас и отвращение отразились на ее лице еще до того, как она успела овладеть собой и поставить защитный экран. — Ты с ума сошел?! Вижу, что печаль и разочарование задели твой рассудок куда глубже, чем я могла предположить. Надеюсь, ты понимаешь, что твое предложение… за гранью допустимого? Я требую, чтобы ты дал мне слово, что никому и никогда ни намеком, ни обрывком мысли не обмолвишься о своем бредовом замысле. Особенно Марку! Ни под каким видом!.. Будь так любезен, Крейн. Если я тебе дорога, ты должен поклясться.

Он склонил голову.

— Даю слово. Мне достаточно того, что ты знаешь.

— По моему мнению, это совершенно бесполезная трата времени. Учти, Марк не юнец, у него, как говорится, есть путеводная звезда. Что же касается остального… — Она отрицательно покачала головой. — Ты поддался бредовым предсказаниям Супруги Корабля, это не имеет никакого отношения к тану.

— Возможно. Если я причинил тебе боль, забудь

обо мне. Но согласись — как решение подобный исход обладает завершенностью. Он красив, значит, неизбежен.

— Ты опять за свое… Бог знает, сколько у меня хлопот и без твоего сумасшедшего предложения.

В дверь постучали, и Дедра ввела в комнату большую делегацию. Элизабет собралась с силами, решительно поднялась и направилась к матерям, которые пришли к Черной Скале со своими детьми, страдающими от болезни, называемой в народе «черным торквесом».

6

Эйкен стремительно вошел в темный прохладный зал, служивший рабочим кабинетом лорда-правителя Ронии. Члены Высокого Стола уже собрались. Из тех, кто еще при Тагдале заседал в Совете, остались только Кугал — Сотрясатель Земли, Блейн Чемпион, Альборан — Пожиратель Умов. Селадейр, который был возведен в сан советника еще на поле ритуальной битвы и затем лишен этого звания во время мятежа Ноданна, теперь должен был быть окончательно утвержден в качестве полноправного члена Высокого Стола. Он стоял рядом с семью другими кандидатами, которым тоже предстояло произнести клятву верности.

Эйкен: Считаю необходимым, чтобы во время празднования открытия Великого Турнира наш королевский двор предстал перед врагом в полной силе. Желаю, чтобы весь цвет рыцарства был представлен в высшем королевском совете.

Все присутствующие (удивленное перешептывание): Но два почетных места пустуют!..

Эйкен: Я сказал, что хочу видеть Высокий Стол

в полном составе. Но прежде чем приступить к церемонии приведения к присяге, я призываю почтить память ушедших от нас доблестных соратников — тех, кто уже находится в объятиях Таны: Алутейн — Властелин Ремесел, лорд-творец; Артигон из Амализана, второй лорд-сокрушитель; Армида — Внушающая Ужас из Барделаска.

Все: Тана, прими их с любовью.

Эйкен: Из чувства сострадания и примирения позвольте помянуть имена тех, кто отверг мое благорасположение и впал в грех государственной измены: Туфан из Тарасии, Диармет из Геронии, Морейн из Вар-Меска.

Все: Тана, прими их с любовью.

Эйкен (боль, мучительная, непроходящая): Помянем и нашу последнюю королеву Мерси-Розмар.

Все: Пусть да успокоится ее дух в царстве Таны.

Эйкен: Вспомним и нашего великого благородного соперника Ноданна Стратега.

Все: Прими его, Тана.

(Пауза.) Эйкен: В заключение позвольте напомнить о том, кто лишился милостей великой Таны, чья душа живет надеждой на милость Божию, на мир и покой в ее высоком царстве: Куллукет

Дознаватель, лорд-целитель.

Все (ужас): Великая Тана, прости ему его грехи.

(Поминальная песня.) (Пауза.) Эйкен: Теперь пришло время кандидатам на звание действительных советников, полноправных членов Высокого Стола, подтвердить верность королевскому дому тану.

МОРНА-ЙА — СОЗДАТЕЛЬНИЦА КОРОЛЕЙ, СИБЕЛЬ
ДЛИННАЯ КОСА, КАНДАТЕЙР СВЕРКАЮЩИЙ, БЛЕЙН ЧЕМПИОН, КУГАЛ — СОТРЯСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ, АЛЬБОРАН — ПОЖИРАТЕЛЬ УМОВ, ЛЕДИ ЭДНАР ИЗ РОСИЛАНА, НЕЙЯЛ ИЗ САЗОРАНА, ЛАМНОВЕЛ — СЖИГАТЕЛЬ МОЗГОВ, ЭСТЕЛА СИРОН ИЗ ДАРАСКА: СЛАНШЛ ЭЙКЕНУ ЛУГАННУ, ВЕЛИКОМУ КОРОЛЮ НАШЕЙ МНОГОЦВЕТНОЙ ЗЕМЛИ.

Эйкен: Сланшл и вам, доблестные лорды… Теперь позвольте объявить имена тех, кому оказана высокая честь произнести клятву верности: Селадейр из Афалии, второй лорд-творец.

Селадейр: Клянусь священным торквесом.

Эйкен: Бодуругал из Афалии, лорд-целитель, и леди Крадейла, вторая целительница.

Бодуругал+Крадейла: Клянемся священными торквесами.

Эйкен: Правители городов: Очал Арфист из Барделаска, Партол Скороход из Каламоска, Фурдейт Добрый из Тарасии, Хаймдал Могучие Щеки из Геронии, Донал из Амализана.

Очал+Партол+Фурдейт+Хаймдал+Донал: Клянемся священными торквесами.

Эйкен: Теперь позвольте мне представить вам кандидатов, отобранных мною на оставшиеся два места.

(Общее замешательство, удивление.) Эйкен: Мы живем в смутное, зловещее время. Наши древние враги значительно превосходят нас числом. Нам угрожают пришельцы из-за моря. Мы не можем обойтись без верных и надежных друзей, даже таких, которые пока не могут открыто высказать свои симпатии. Эти властители не раз давали мне полезные советы и вполне достойны находиться в этом зале не как гости, а как полноправные члены нашего совета. Они вполне заслужили эту честь — их любовь к нашей земле не вызывает сомнений. Добрые чувства, которые они испытывают к королю, проверены временем, и эти лорды являются полновластными властителями в собственных краях. В наши суматошные дни желательно, чтобы они тайно заняли свои места в нашем Высоком Столе. Позвольте им предстать

перед вами в виде изображений и дать торжественную клятву.

(Картинки появились. Остолбенение.) Катлинель Темноглазая и Суголл: Мы клянемся нашей любовью друг к другу, клянемся благоговением, которое испытываем перед землей, ставшей нам родиной, и людьми, ее заселившими. Клянемся, что будем вечно верны королю Эйкену-Луганну во всех его благородных устремлениях. Даем священную клятву, что теперь мы являемся союзниками в битве, которой не избежать, если Мрак все-таки спустится на нашу землю. Мы отрекаемся от чести быть вассалами трона фирвулагов. Тебя, великая Тэ, призываем в свидетели, что помыслы наши чисты.

Эйкен: Сланшл и слитсал вновь принятым господам и всем присутствующим.

(Буйные радостные выкрики.) Эйкен: Будет ли кто-нибудь из членов Высокого Стола оспаривать мое право одарить этих избранников высокой честью?

(Молчание.) Эйкен: Братья и сестры! Безумное время требует дерзких решений. Суголл и Кати рассказали мне, что король Шарн открыто бахвалится тем, что он уже разработал план превращения нашего турнира в большую резню тану

и людей, которую он называет войной с Мраком.

Селадейр: Я знал об этом! Я предупреждал!.. А кое-кто называл меня старомодным поклонником смерти. И еще употребил такие хамские слова!..

Эйкен (не обращая внимания на старика): Шарн уже несколько месяцев тренирует своих солдат, пытаясь организовать из них мощное метаобъединение. И Айфа постоянно сотрясает эфир призывами к тем, кто цепляется за прежние верования, кто упрямо твердит, что нет другого пути, кроме как славная гибель. Теперь «маленький народ» освоил новую, современную тактику боя, оснастил армию оружием из будущего. Мало того, по моим сведениям, они неплохо его освоили и даже обзавелись холодным оружием из железа, невзирая на то, что оно для них, как и для тану, смертельный яд.

Донал из Амализана: Но это же безумие! Шарн и Айфа, должно быть, свихнулись на мысли о предстоящем сражении с Мраком. Ведь они еще довольно молоды, у них есть дети, и все равно они с упорством, достойным лучшего применения, стремятся к гибели…

Селадейр: Это мы так считаем, сынок. На самом деле фирвулаги впали в неслыханную ересь

— они вдруг уверили себя, что в предстоящей роковой битве могут выйти победителями. Да разве в этом Армагеддоне возможен победитель! Это даже не ересь… Это дичь какая-то!.. Хотя, с другой стороны, в наших древнейших летописях есть темные места, которые можно трактовать подобным образом, но для этого… Надо совсем из ума выжить.

Кугал: Интерпретациями пусть занимаются фирвулаги. У нас много других забот.

Очал Арфист: Я уверен, что Сиятельный предусмотрел всевозможные варианты прихода Мрака.

Эйкен: Я, черт побери, только об этом и размышляю!.. Нас мало, но мы в состоянии устроить такой концерт, с которым не сможет сравниться ничто на свете. У меня есть программа, которая повысит нашу мощь во много раз. У нас также есть копье великого Луганна и королевский воздушный флот.

(Восхищение.) Суголл: Но все ли машины вооружены так же, как флагманский «роплан»?

Эйкен: Мы работаем над этим. Переоборудовать машины очень непросто — они покрыты каким-то составом, просверлить который нам удается с большим трудом. Однако мы считаем,

что к началу турнира большинство аппаратов будут вооружены лучевыми разрушителями.

Морна-Йа: Горе мне! Милосердная Тана!.. Неужели я, первой ступившая на эту землю, должна вновь увидеть возрождение этих кровавых битв, этой звериной жестокости, отринуть которые нас призывала Супруга Корабля.

Селадейр: Жаль, что у нас осталась только Элизабет…

Эйкен: У вас остался *я*!

Все: Храни тебя Великая Богиня!

Суголл: А также «врата времени»…

(Ужас. Оцепенение.) Селадейр: Не бывать тому, чтобы храбрые рыцари тану показывали спины врагу.

Эйкен: Существует куда более серьезная опасность, чем козни «маленького народа». (Образ.) Катлинель Темноглазая: В моих жилах течет кровь тану и человека, мое сердце отдано также и расе фирвулагов, к которой принадлежит мой муж. Я вспоминаю запавшие мне в душу слова представителя Партии мира Дионкета Целителя, когда он предложил Суголлу и мне служить мостом для сближения всех народов. Мы добровольно готовы взять на себя посредническую миссию уже во время Великого Турнира. Если

Тана благословит, нам, быть может, удастся склонить сердца фирвулагов к миру. Мрак может и не прийти.

Суголл: Если же неизбежное произойдет, то наш народ готов дать клятву на верность королю Эйкену-Луганну. Если Мрак опустится на нашу благословенную землю, то ревуны вместе с людьми будут искать спасения в эпохе Галактического Содружества.

Селадейр: Неудержимая Тана — а что случится, если эти чертовы ворота начнут работать еще *до начала турнира*?

Эйкен: Это исключено. Слишком много надо сделать. Сегодня я лично проверю, что там у них происходит.

Кугал — Сотрясатель Земли: Братья и сестры! Позвольте от вашего имени сердечно поблагодарить леди и лорда Нионели за их готовность послужить делу мира. В то же время нам надо быть готовыми к любому варианту развития событий и, как ни горько об этом говорить, — к самому худшему из них. В связи с этим мы должны ускорить организацию метаобъединения под руководством Его Величества короля Эйкена-Луганна. Мы должны без колебаний последовать за ним. В прошлом у нас был свой путь, теперь

времена изменились. Уже в новых условиях нам надо доказать, что мы храбрый и гордый народ, приверженный справедливости. Мы ни перед кем не склоним головы. Теперь перед нами стоит роковой выбор — объединиться или погибнуть. Я по праву рождения обязан напомнить всем благородным тану, что если Мрак наступит, это будет вернейший признак появления Врага, вознамерившегося погубить и тану и фирвулагов. Он и есть настоящий Враг!

(Молчание.) Эйкен: Слово сказано! Благодарю всех! Увидимся в Нионели на играх!

Разбухнув от сильных дождей, поливавших джунгли в верховьях, Нонол стремительно нес свои воды, чуть притопив наземные баки, на которые опирался Радужный мост. Выше по течению поверхность реки была запружена огромным количеством лодок, мелких суденышек, купеческих барж и плоскодонок, на которых представители всех трех народов прибывали на открывающийся Великий Турнир. Только в небольшой гавани, приткнувшейся к правому берегу и отделенной от реки дамбой, было свободно. Два декамолевых, осевших под грузом, связанных фалинем каноэ стояли у причала. Рядом, в тени моста, беседовали два человека.

Ближе к рее располагалась ослепительно красивая женщина, по виду чистокровная тану, только прекрасные карие глаза выдавали ее принадлежность и к человеческому роду. Рядом с ней возвышался типичный североамериканский индеец с хорошо развитой мускулатурой и седой всклокоченной головой. Одет он был в короткие холщовые штаны, мягкие мокасины, на запястье — хитроумный прибор, позволявший везде и всегда определять положение частей света. Что-то вроде миниатюрного кибернетического компаса…

Мужчина и женщина о чем-то весело переговаривались, однако за внешней беззаботностью скрывалось тревожное напряжение.

Катлинель Темноглазая сказала:

— Я бы хотела снабдить твое каноэ маленьким генератором сигма-поля, Пеопео. Вдобавок к оружию, которое у тебя есть.

Индеец улыбнулся — ни следа волнения в его ауре, только спокойствие и легкая самоирония.

— Если на этой шхуне, которую я заметил на Сене, действительно находится Ремилард, то от защитного экрана будет столько же толку, как и от фигового листа. Не беспокойтесь, леди Катлинель. Мы, краснокожие, с молоком матери

впитываем умение выслеживать и подкрадываться, а уж моя практика судебного крючкотвора в полной мере отшлифовала эти качества. Я постараюсь, чтобы бандиты с «Кулликки» не заметили меня. Ишь, придумали маскировку — этакая воскресная прогулка под парусами.

— Король считает, что именно так они и поступили. Он засек шхуну с «роплана». Правда, полной уверенности нет.

— Значит, такова моя планида, — пошутил Пеопео Бурке. — Видишь, как получается, леди Катлинель: даже обладая огромной ментальной силой, накопив гору оружия и оборудования, привезенного из будущего, король все-таки не может обойтись без пары обычных человеческих глаз.

— Тем не менее дело опасное. Мне ужасно не по душе, что приходится посылать тебя в такую рискованную разведку. Да еще на пороге долгожданного события, когда вот-вот распахнутся «врата времени».

Бурке пожал плечами.

— Если Ремилард добьется своего, то не будет никаких «врат времени». Нет, король был прав, когда настаивал, что лучшего исполнителя на эту роль, чем я, не найти. Мне придется прочесать реку на расстоянии почти полтыщи километров,

что займет неделю или десять дней. С королем буду связываться по дальней связи. Если шхуна не имеет отношения к Ремиларду, я напоследок совершу замечательную экскурсию по дикому плиоцену.

— А если тебя обнаружат?

— Я же не слепая лошадка. Все, что от меня требуется, — это определить ее месторасположение, потом полным ходом в Горию. Там тоже около недели пути. Я бы ни в коем случае не хотел пропустить Великий Турнир.

Он отвязал линь, устроился на каноэ и поднял руку, как бы отдавая честь леди Нионели.

— Да сохранит тебя Тана!

— Как наши дела? — обратился король к Тони Вейланду.

Инженер-металлург вытащил из-за спины бутыль, содержащую внутри стержень из какого-то серебристого металла, и ткнул ею прямо Эйкену в нос.

— Это что, диспрозий? Я вас спрашиваю? Это все, что поисковая партия могла выдать за это время? Это называется диспрозий? Чем они там занимаются, эти мошенники ревуны и посланные вами тунеядцы?!

— Что случилось? — спросил король у Хагена.

— Никак не удается добиться необходимой чистоты продукта, — ответил тот.

— Надо же, как вы сглаживаете углы — «не удается»! Если начать вытягивать проволоку из этого дерьма, результаты будут совершенно непредсказуемы. Конечные, господа, конечные результаты!..

— В чем причина? В оборудовании, методике, халатности? — спросил король.

— Оборудование, которым располагает геологическая партия, вполне подходит, — заявил Тони. — У них есть и высокоэффективный экстрактор, есть и замечательный портативный электролизер для производства полноценного полуфабриката. Просто все приборы в руках недобросовестных людей. Скорее всего, вся проблема в начальной стадии очистки.

— Я послал туда Кандимана, нашего главного химика, — начал оправдываться Хаген, — но он оказался не в состоянии наладить дело. Он специалист по органической химии, но все другие вроде бы опытные горные инженеры, металлурги, им и карты в руки…

Тони не выдержал.

— Я и ранее неоднократно высказывал свое мнение по поводу Иобо и Тревартена. Мне уже

приходилось иметь с ними дело. Им еще тогда, на шахтах Амализана, было наплевать на чистоту золота. Теперь и здесь работают спустя рукава.

— Проволока из сплава диспрозия и ниобия жизненно необходима для нашего проекта, — вздохнул Хаген. — В лучшем случае ее отсутствие задержит создание деформатора, в худшем, если использовать металл плохой очистки, — может произойти катастрофа.

Король долго изучал подсунутую ему бутылку, в которой находился серебристый стержень размером с карандаш.

— Здесь, в лаборатории, нельзя получить металл необходимой чистоты?

— Тогда мы должны забрать у них ионный экстрактор — он у нас в единственном экземпляре. Трудность в другом… Содержание редкоземельных элементов в руде настолько мало, что не хватит железнодорожного состава перевезти необходимое количество руды в Надвратный Замок. Там она прямо из шахты транспортером подается на обогащение…

— М-да, дерьмовое положение. — Король уже начал терять терпение. — Неужели вы сами, — обратился он к Хагену, — не видите, что есть только один выход: развязать этот узел на месте.

Любым способом!.. Не рано ли начинаете подстраховываться?

— Дело в том, — стал оправдываться Хаген, — что я не мог принять необходимое решение без вас. Слишком велик риск. Там, на севере, живут гигантские ревуны, которые не признают власти Суголла. Мы уже при перевозке руды потеряли Стоша Новака и Джона-Генри Кинга, так что без вашего разрешения отправлять туда Тони…

— Боже мой! — воскликнул Вейланд. — Ты все-таки дождался подходящего момента!..

Король холодно взглянул на него.

— Сможете наладить предварительную очистку, если мы пошлем вас в Фенноскандию?

— Не поеду! — решительно отказался Вейланд. Испарина выступила у него на лбу. — Без меня здесь не обойтись! Мы заканчиваем монтаж и отладку оборудования. Глаз да глаз нужен…

— Ответьте на мой вопрос… — потребовал Эйкен. — Вы в состоянии наладить очистку на месте?

— Возможно, — пробурчал Тони, — однако…

— Отлично! — прервал его король. — Собирайтесь!.. — Он повернулся и в упор спросил у Хагена: — Есть кем его заменить?

— Один из моих людей, Чиву Чан.

— Хорошо, — кивнул король, — раз уж я заглянул сюда, проведем короткую инспекцию. Хочу посмотреть, как вы разместились…

Как только дверь за ними закрылась, Тони всплеснул руками.

— Черт бы вас всех побрал! — простонал он. — Опять я попал в переделку.

Тихий прохладный вечер… К корме «Кулликки» привязана резиновая лодка, в ней — рыбак, удящий первобытных лососей на блесну… Осенний нерест — великий поход обремененных икрой могучих рыб к месту своего рождения: в мелкие теплые протоки, на песчаные плесы и заливные низины — был в самом разгаре. Громадные лососи чем-то напоминали крупных радужных тарпанов, которых Марку Ремиларду приходилось ловить у берегов Флориды, однако в отличие от океанских собратьев, бешено сражавшихся за жизнь, здешние рыбины вели себя смирно. Тех, кто выметал икру, течением сносило к морю, мясо на них висело лохмотьями. Идущие вверх, ослепленные страстью четырехметровые и весом до двухсот килограммов гиганты не глядя хватали наживку и сразу покорялись направляющей их леске.

Рыбалка была любимым развлечением Реми-

ларда. Он не знал другого досуга, способного снять усталость, дававшего время пофилософствовать, оценить сделанное, попытаться заглянуть в будущее. Забросив удочку, он, находясь под защитой экрана, прикрывавшего шхуну, успел обежать мысленным взором всю заселенную часть Евразийского континента. Многоцветная Земля гудела как улей… В воздухе чувствовалось тревожное ожидание.

В его душе тоже нет покоя. Положение незавидное, дела шли хуже некуда. Решимость старых друзей осуществить мечту о «ментальном человеке» совсем угасла. Чем можно подогреть ее, если и его пыл угасал на глазах. Неуместные сомнения все чаще посещали Марка. Неуместные ли? Ремилард вздохнул. Его соратники в большинстве своем не верят, что вовлечение в дело Хагена и Клу изменит ситуацию. Действительно, как их вовлечь, если они и слышать о сотрудничестве не хотят! Как все хорошо начиналось — он вспомнил первые годы работы над проектом. Тогда рядом с ним были десятки умнейших людей своего времени, их вела твердая убежденность в возможность силового прорыва к итогу эволюции, к ее вершине. Сколько может человечество оставаться под гнетом мертвящей,

неповоротливой природы! Подчинить себе ход мировой истории — вот наша задача!..

Что в результате? Вера, убежденность незаметно для неофитов превратилась в религию самого худшего языческого пошиба. Скоро не замедлило явиться наказание — скепсис, отчуждение детей, необходимость прибегать к недозволенным приемам. Неужели одни лишь Патриция Кастелайн и Корделия Варшава — тот круг, в котором ему суждено пребывать всю оставшуюся жизнь?..

От отчаяния и ненависти к себе у него затряслись руки — он едва не выронил удочку. О какой оставшейся жизни может идти речь, когда он бессмертен! Неужели старый монах прав? Он, не обладающий ни ментальными способностями, ни профессиональными навыками; он — говорун, матерщинник и алкоголик — прав?! Неужели разлад в моей душе так очевиден? Неужели трудно понять, что отказ от создания «ментального человека» означает для него окончательную потерю смысла жизни. Точнее, бессмертия!.. В таком случае на кой ляд оно ему?

Ему запрещено судьбой жить возле своего огородика, сеять, жать, растить детей… Вот, вырастил ублюдков на свою голову!.. Он невольно метнул взгляд в сторону Надвратного Замка,

уткнулся в защитное поле, попробовал так и эдак… Оборонительный пояс преодолеть было невозможно.

Зачем ему бессмертие? Кто наградил его источающим смертельный яд отчуждения даром?.. Он, несмотря ни на что, не смог убедить детей. Ничего, плевок в лицо родителю им тоже будет засчитан. И они когда-нибудь взвоют, ощутив, что неспособны умереть! И они, человекобоги, взмолятся, начнут лить слезы, каяться…

Мягко натянулась леска. Марк проник взором в толщу мутной воды и обнаружил, что крючок зацепился за топляк. Чуть напрягшись, поводив удилищем, он освободил его, смотал катушку, насадил свежую наживку. Потом чуть изменил спуск и метнул лесу вниз по течению.

Уже совсем стемнело. Лес на дальнем берегу Сены слился в серовато-сизую стену, отделявшую сумеречное, с пробудившимися от дневной спячки звездами небо, от маслянистой шоколадной поверхности реки. В воздухе звучала нескончаемая нудная комариная хоровая песнь, обезьяны благостно, томно вскрикивали в джунглях. Позевывали, что ли, перед сном? Вдалеке затрубили слоны — видно, где-то на болотах есть твердая земля. Трубили долго, победно…

Хорошо!.. — подумал Марк, потом положил удочку, потянулся. Если уговоры не помогают, пора применять силу. Альтернативы нет… Он потянулся еще раз.

Голос, прилетевший издалека, тихо позвал:

«Марк».

«Элизабет?» (Мгновенный выброс защитного экрана — так, чтобы она не смогла проникнуть в его мысли.) «Ради Бога, ты дашь наконец ответ? Я… Мы нуждаемся в твоей помощи. В наш домик пришли матери с детьми, все они страдают от „черного торквеса“. Я по своей наивности предполагала, что никто ничего не знает, однако у меня в гостиной уже более двух десятков женщин. Я пыталась объяснить, что исцеление Брендана — это, так сказать, эксперимент, особый случай. Что ты… работал, исходя из собственных побуждений. Марк, они не уходят. Они сказали, что будут ждать столько, сколько надо. До тех пор, пока дети не умрут…»

«Элизабет, у меня своих забот достаточно. Я очень занят. Сожалею, что поставил тебя в затруднительное положение, но у меня нет времени, чтобы заниматься… подобными делами».

«Я знаю. Я же сама не могла предположить… Теперь насчет Бэзила. Ты каким-то образом

изменил нашу программу, что позволило значительно ускорить выздоровление с помощью целительной оболочки. Нельзя ли то же самое сделать и с программой излечения „черного торквеса“? Скажем, метаобъединение целителей и принудителей сможет заменить нас двоих?»

«…Это интересная проблема».

«В эпохе Содружества никто не мог сравниться с тобой в организации подобных метаконцертов».

«Ты ошибаешься».

«…Может быть. Но ты не считаешь, что с этим надо как-то разобраться?»

«Конечно, но я сейчас ничего обещать не могу… Думаю, что Дионкет обладает самым мощным целительным воздействием из всех тану».

«Так и есть. А Минанан — самый могучий из принудителей. Конечно, исключая Эйкена».

«Согласен».

«Благодарю тебя за то, что сразу не отказался. Может, выберешь время?.. Дети плачут, матери сидят как каменные… Ну, до свидания».

«Адью, Элизабет».

Теперь он неподвижно сидел в лодке, тупо смотрел на совершенно черную воду, мысленно опять бродил возле холма, на котором возвышался Надвратный Замок. Потыкал в экран,

попробовал его на прочность. Если бы он только мог преодолеть его!..

В пору восстания под его началом находились миллионы сознаний. Теперь же он может распоряжаться всего двадцатью четырьмя головами. Какой он теперь Аваддон? Так, мелкий бес, ловящий рыбу в Сене и с мукой наблюдающий, как его последние надежды тают за кормой «Кулликки». Дальновидящим взором он засек в вышине аэроплан. По-видимому, король возвращается домой после полного хлопот дня. Личность членов экипажа ему определить не удалось. Они прикрылись полем, создаваемым малым сигма-генератором. Марк заинтересовался курсом, которым следовал аппарат. Высота двенадцать тысяч метров, направление на север… Странно. На этот раз Эйкен, кажется, не собирается шпионить за ним, тогда куда же он направился? Что там у них на севере? Ах, вот что. Да, какой-то лагерь разбит в сумрачной горной долине на юге Швеции. Он там ни разу не был. Любопытно, чем они там занимаются?

Вот аэроплан приземлился. Через пять минут опять взлетел, взял курс на Горию, при этом пилот решил по широкой дуге обогнуть «Кулликки», но Марк уже не обращал на него внимания. Он сосре-

доточился на мыслях человека, которого король доставил по воздуху в поселок, где добывали… Что же здесь добывали? Ах, руду! А что в руде? Так-так, повышенный процент редкоземельных элементов… Интересно. Что же так возмутило вновь прибывшего специалиста? Гнев, страх, мольбы, обращенные к какой-то Ровене, вперемежку с проклятиями, изрыгаемыми по поводу диспрозия. Вдруг мысли резко оборвались…

Огромный лосось схватил наживку и ушел в глубину. Неспешно начала раскручиваться катушка…

7

Брат Анатолий, охая и покряхтывая, собирал последние стручки гороха на маленьком огороде возле домика у Черной Скалы. Около стены на скамейке из розового известняка сидела Элизабет и штопала дыру в монашеской нагрудной накидке. Они поджидали Марка, который по неизвестной причине попросил, чтобы его встречали на дворе, и спорили насчет возмутительного всепрощения, с которым монах говорил о Ремиларде.

— Только сентиментальный осел может поверить, что Марк Ремилард раскаивается в содеянном, — заявила целительница. — Он не раздумывая начнет все сначала, даже если надежды на успех будет еще меньше.

— Слушая вас, как-то забываешь, что вы представляете самую гуманную в мире профессию.

— Вы считаете возможным отпустить ему грехи, хотя в его душе нет и тени раскаяния?

— Тогда почему же он настоял на моем присутствии при разговоре с детьми? Вы кого ожидали встретить? Издерганного неврастеника, проливающего слезы слабака, который подползет ко мне на коленях и с дрожью в голосе вымолвит:

«Прощения, святой отец!» Так, что ли? Он, в конце концов, сумел переступить через гордыню, хрен моржовый; и если бы вы были хотя бы чуточку проницательнее, вы тотчас почувствовали, что он раскаивается за все эти двадцать семь лет, пусть даже сам не догадывается об этом.

— Полная чушь! — воскликнула Элизабет и от раздражения едва не уколола себе палец. — С помощью такой логики можно оправдать и Адольфа Гитлера, и любого другого подобного монстра.

— Вы только взгляните, кто встал на защиту милосердия! — всплеснул руками брат Анатолий. — Сама мисс Честность, которая всегда была глуха к советам сестры Амери. Которая не доверяет никому на свете, кроме себя самой. — Монах шумно выдохнул, потом расщепил желтоватым ногтем подсохший стручок, ссыпал горошины на ладонь и отправил их в рот. Жевал он долго, тщательно, с его лица не сходило выражение крайнего возмущения. Брови были высоко вздернуты.

— Не надо уходить от темы, — огрызнулась Элизабет. — Я-то вся на виду, уж какая есть. Мы спорили по поводу этого субчика, затеявшего межзвездную бойню, виновного в гибели миллиардов ни в чем не повинных людей. Вот кого

следует помянуть недобрым словом. Разве не гордыня, не страсть к самовластию подстегивали его? Он что, изменился, смягчился душой?.. Как вы всерьез можете говорить об этом! Простить все его преступления?..

— Ну-у, вы же сами впадаете в необъяснимое волнение, когда он появляется в доме.

— Это не смешно!

— А разве не смешно, когда какая-то высокопоставленная и могущественная… берет на себя смелость ограничить милосердие Божие!..

— Если вы считаете, — холодно начала Элизабет, — что имеете право обзывать меня разными грязными русскими словами, то хочу напомнить, что любой уважающий себя оперант вполне способен воткнуть то, что вы имеете в виду, вам в глот…

Окончание слова застряло у нее в горле. Брат Анатолий с удивлением оглянулся — на дальнем конце огорода — там, где двор был посыпан мелким гравием, — в воздухе образовалось нечто громоздкое, угловатое, с черным отливом. Тяжесть была так велика, что камешки захрустели под опорными лыжами. Ящиков оказалось два, за ними обрел форму компьютерный блок управления с дисплеем, клавиатурой, широкой, как у

рояля, рядом появились аппаратные металлические шкафы. Впечатление было такое, что все это механическое изобилие собиралось атаковать охотничий домик.

— Боже мой! — прошептал пораженный монах.

Неожиданно в правом углу двора, рядом с тяжелыми шкафами, воздух засветился, сияние плавно сгустилось в человеческую фигуру, одетую в темный облегающий комбинезон.

— Доброе утро, Элизабет. Привет, брат Анатолий.

Монах едва смог раздвинуть губы для улыбки. Элизабет хладнокровно кивнула.

— Как вам мой прогресс в телепортации? — спросил Марк. — Есть, правда, кое-какие трудности с силовыми модулями.

— Это демонстрация?.. Она и послужила причиной, по которой мы должны были встретить тебя около дома?

— Конечно, нет, — улыбнулся Марк. — Я привез вам упрощенную программу для лечения «черного торквеса».

Элизабет радостно вскрикнула, уронила шитье и бросилась к облаченному в черное Марку. Потом вдруг, словно споткнувшись, застыла, убрала

руки за спину. Марк сразу помрачнел.

Брат Анатолий взял корзину с горохом, поднял с земли свой недоштопанный нагрудник, обернувшись в сторону Элизабет, вздохнул, процедил: «Ну и зануда!» — и отправился на кухню.

Элизабет вспыхнула.

— Прошу простить; я не успела поблагодарить тебя.

— Не беспокойся, я все понимаю. Все из-за этого Анатолия Севериновича, грубого мужлана, не так ли? Если он позволил себе пройтись по твоему адресу, то утешьтесь тем, что мне на голову он, по его же выражению, вылил «ушат дерьма». Создается впечатление, что это его обычная пасторская практика. Поверх толстая корка — кажется, не разжевать, а под ней нечто весьма вкусное и питательное… наводящее на размышления. Он обидел тебя, Элизабет?

Она промолчала, вернулась и села на скамью, расположенную под высокой, начинающей желтеть рябиной. Марк, ни слова не говоря, пристроился рядом. Снял перчатки. Костюм на нем был на удивление сух, возле бровей и на лбу никаких следов крови, даже ссадин от вживляемых электродов не осталось. Он был явно взволнован.

— Когда в течение недели от тебя не было вестей, я решила, что ты на самом деле не придал значения моей просьбе. Я подумала, что тебе действительно некогда заниматься такими пустяками, как исцеление больных детей.

Марк тихо ответил:

— Элизабет, говори спокойнее, я сам почему-то очень волнуюсь. — Он перевел дух и начал объяснять: — Кто знал, что монтаж оборудования и перелицовка программы займет столько времени? Кроме того, у меня были и другие заботы. Знаешь, с программой получилось очень удачно, мне самому понравилось. Участники метаобъединения, квалифицированные целители, быстро разберутся, что к чему. — Он продемонстрировал результаты своей работы.

— Действительно, проще некуда! — заметно успокоившись, воскликнула Элизабет. — Я бы никогда не догадалась, что к цели можно добраться куда короче. Конечно, каждое открытие, если смотреть постфактум, кажется очень простым. Марк, спасибо! Это замечательно!..

Казалось, Элизабет и Марку, как старым друзьям, не нужны слова или мысли, чтобы понять друг друга. Им хорошо и просто вдвоем. Марк посмотрел вдаль — по склонам отцветали луга,

буйно, обильно; ниже золотились дубравы, сразу за оградой из последних сил топорщили нарядные головки лютики и васильки.

— Надеюсь, ты обратила внимание, — сказал Ремилард, — что в этом метасогласии тебя нет?

Она тоже взглянула вдаль.

— Наверное, так лучше.

— Ты всерьез настроена вернуться в Галактическое Содружество?

Она почувствовала в вопросе настороженность, страх, и у нее сердце сжалось.

— А ты, значит, решил сражаться до конца? Нашел способ разрушить входной шлюз?

Он усилием мысли повернул женщину лицом к себе.

— Я обязан!

Элизабет невольно мысленно вскрикнула:

«Анатолий, я же говорила тебе!..»

Он взял ее за руку, и Элизабет, не сразу сообразив, что случилось, обнаружила себя идущей в дальний уголок сада, разбитого за огородом.

Марк: «Поверь, ты тоже нуждаешься в перспективе. Сколько можно киснуть на этой дикой Земле. Я мог бы показать тебе иной мир, необъятный, удивительный. Он ждет нас...»

Элизабет: «Нет, Марк!» (Она вырвала руку.)

Марк (уже вслух): Я выиграю — не так, так эдак. Ты можешь сказать Анатолию, что я не в силах бороться с искушением.

Элизабет: Я так и знала.

Еще шаг, и Ремилард неожиданно исчез — шагнул вперед и тут же растворился в воздухе.

В прекрасном настроении Джордан Крамер поднялся на мостик, осторожно прикрыл за собой дверь, однако, увидев у стола с разложенными картами Алекса Маниона, чертыхнулся и помрачнел.

— Уолтер, что он здесь делает?

— Мы оба хотели поговорить с тобой, Джорди, — ответил Саастамойнен.

— У меня в аппаратной полно дел. Гэри один не справится. Марк должен скоро вернуться с Черной Скалы.

— Как раз об этом мы и хотели с тобой побеседовать. Время уходит. — Уолтер нажал какие-то кнопки на пульте управления компьютером. — Ветер поднимается, надо бросить якорь. Переждем немного…

Усмиритель по-прежнему находился на голове Маниона, однако взгляд его, к удивлению Крамера, был осмыслен — более того, проницателен. Алекс смотрел на него в упор, потом с трудом

выговорил:

— Марк… приказал… максимально… зарядить… солнечные… батареи… он… что-то… задумал…

— Святая Мария, ему и усмиритель нипочем! — воскликнул Крамер.

— Однако он давит на него, — пояснил Уолтер. — Пусть он договорит, Джорди. Сейчас ты поймешь, что к чему.

— Ты что, с ума сошел? — Физик был явно обескуражен.

— Ты… тоже… если… считаешь… что… Марк… решил… оставить… детей… в… покое… — Манион тяжело дышал, обильный пот выступил у него на лице, потом капли начали падать на светлую рубашку с короткими рукавами. — Любишь… ли… ты… Маржи… Бекки… больше… чем… Марка… или… нет…

— При чем здесь мои дети? — Крамер побелел. — Уолтер, что вы задумали?

— Подожди немного, Джорди, — сказал капитан. — Здесь собралась хорошая компания. Мы нуждаемся в тебе и Гэри. У Ван-Вика нет детей, но ты можешь надавить на него, воззвать к чувству профессиональной солидарности. Если не получится — пригрозить! Освободи Алекса — он не будет применять психокинетическую силу.

— Это что, бунт? — тихо спросил Крамер.

— Ты сегодня на удивление проницателен. Только непонятно почему бросился сломя голову выполнять распоряжение Марка — да-да, насчет зарядки батарей под полную завязку. Тебе что, разум отказал? Или крыша поехала окончательно? Ремилард готовится к решительным действиям. Он уже готов пойти на убийство Клу и Хагена, если это будет необходимо, и силой вернуть тех из детей, кто останется жив. Ему надо только семь или восемь человеческих особей, чтобы устроить генетический банк для наследственных клеток, которые он добудет из мертвых тел своих детей. Ты что, хочешь, чтобы Бекки и Марж оказались в числе мертвых? Или живых?..

— Вам-то откуда знать, что он планирует!

— Марк приготовился снять с «Кулликки» весь комплекс, обслуживающий большой церебральный генератор. В целях безопасности он спрячет его где-нибудь в укромном месте. Как ты считаешь, зачем ему генератор? Ну-ка, прояви свою знаменитую проницательность! Ответ, Джорди, может быть только один — он не доверяет нам. Ты думаешь, он слепой и не видит, что творится на шхуне. Только Кастелайн, Варшава и Стейнбреннер поддерживают его… Ну и ваша компашка из

аппаратной. Кстати, оставшихся в живых детей он собирается перенести в мир, который он назвал Goal. Там он продолжит опыты…

— Вам не удастся склонить меня к предательству! — взорвался Крамер, потом неожиданно успокоился, посерьезнел и спросил: — Вы намекаете, что и Ранчар Гатен участвует в заговоре?

— Он… был… первый… кто… пришел… к… нам…

— Да, Джорди, Ранчар с нами, ради памяти своего погибшего сына, ради Клу, — сказал Уолтер. — Ты тоже присоединишься к нам ради Бекки и Марж. Марк придумал какой-то новый план, вот что мы хотели сказать тебе. Бум-Бум Ларош застал его в библиотеке — Марк изучал принципиальную схему деформатора Гудериана. Два дня назад он многозначительно обмолвился Ранчару, что побывал в лагере фирвулагов на Золотом поле. По-видимому, он пытается организовать карликов в некоторое подобие метаобъединения. Надеюсь, тебе не надо объяснять, что бы это могло значить?

— Восемь… десятков… тысяч… фирвулагов…

Крамер посмотрел на Алекса, потом на Уолтера.

— Все это не более чем откровенная чепуха.

Уолтер наклонился к нему, лицо его исказилось от гнева.

— Послушай, Джорди. Как только Марк телепортирует большой церебральный генератор, мы уже будем не в силах остановить его. Нам надо действовать немедленно! Тотчас!.. Нашей психокинетической мощи хватит, чтобы усмирить Кастелайн и тех двоих. Тогда мы сможем повредить генератор.

— Ловушка… Марк… пусть… останется… в… сером… лимбо…

Уолтер и Алекс выжидающе смотрели на инженера. Крамер не торопясь положил руку на ручку двери… Потом, видимо, раздумал бежать, прикусил нижнюю губу, уже более осмысленно взглянул на Уолтера. Вид у него был растерянный, в глазах — немой вопрос.

— Я не могу… так сразу! Я должен подумать. Вы не смеете требовать от меня моментального ответа, так можно и голову потерять.

Он нажал на ручку, но та не поддалась.

Алекс Манион, как всегда не к месту, неожиданно запел:

О чем мы грезим в тишине ночной?

Что день наступит, к нам придет покой.

— Мы в тебе очень нуждаемся, Джорди, — ска-

зал Уолтер. — Ты — сильный оперант. Ты тот необходимый винтик, без которого наше метасогласие не заработает. Мы не можем без тебя спасти детей, а мы добьемся этого, чего бы нам это ни стоило.

Издалека до всех троих долетел вызов, посланный Гэри Ван-Виком с кормы. Тот, как всегда, даже на телепатической волне не мог изъясняться просто — говорил веско, с выражением, не разговаривал, а декламировал.

«Джорди, приятель, тебя ждут внизу. Марк преодолевает суперповерхностный барьер».

— Ну? — спросил Уолтер, глядя Крамеру в глаза. — В следующий раз, когда он подготовится к d-переходу, мы начинаем действовать. Если ты будешь с нами…

Крамер глубоко вздохнул, потом бросил ручку, чертыхнулся и приблизился к Маниону. Послал импульс в усмиритель и отключил его.

— Спасибо, Джорди, — сказал Уолтер.

— Давайте начинать, — буркнул Крамер и торопливо вышел из рубки.

Манион потер виски, вдруг мигнул, потом снова зажмурился, когда же поднял веки, взгляд его, как и прежде, был стеклянистым, пустым, как у идиота.

— Так спокойней, — разумно заметил он. — Когда Марк спланирует следующий d-прыжок, разыщи Джорди. Я пока подготовлю остальных.

Контраст между его речью и выражением лица был столь разителен, что Уолтера, немало, в общем-то, повидавшего на свете, передернуло от отвращения. Вот довели человека!..

В связи с тем, что выход из помещения, где был установлен ионный экстрактор, располагался за пределами сферы действия переносного генератора сигма-поля. Тони Вейланд с двумя коллегами — ревуном Калипином и Алисой Креторекс, инженером-химиком средних лет, — вынуждены были сидеть под силовым колпаком. Выйти наружу они не могли, да и не очень-то хотелось

— за невидимой преградой бродила толпа диких мутантов-великанов, в бессильной ярости скрежетавших клыками, царапавших когтями силовой экран. Орали они что-то явно обидное для пленников. Оно и понятно — великаны принадлежали к племени людоедов. Кровь капала с их шерстистых рыл.

— В конце концов им надоест, и они уберутся отсюда, — успокоил товарищей Калипин. Он повторял эту фразу уже третий час подряд.

— Неужели нам придется сидеть здесь все сто

восемьдесят часов? Король же обещал прислать помощь, — вздохнула Алиса.

— Если раньше не откажут батареи генератора сигма-поля, — махнул рукой Тони. — А они непременно откажут, такой уж я невезучий человек.

Загудел таймер, и Тони длинными щипцами вытащил из раскрывшегося маленького люка блестящий металлический цилиндр размером с карандаш. Алиса подставила откупоренную колбу, Вейланд сунул туда слиток очищенного металла, потом закрыл сосуд пробкой и захлопнул люк.

Алиса упаковала колбочку в прозрачный пакет и поместила на полку, где уже лежали четыре таких же пакета.

— Ребята, вы понимаете, что это наш двести пятьдесят восьмой слиток диспрозия! Еще шесть десятков карандашей — и мы сможем покинуть эту замечательную страну Фенноскандию и ее милых и гостеприимных обитателей.

В окно был виден разоренный громадными чудищами шахтерский поселок. Новые толпы звероподобных гигантов неуклюже топали в направлении рудника, присоединялись к орде своих соплеменников, которые кусками гранита испытывали на прочность защитный экран.

— Упорные ребята, — заметил Тони. — Как вы считаете, они в конце концов доберутся до Аматона и других тану? Кто бы мог подумать, что этот подземный туннель окажется настоящей ловушкой!

Калипин скривился.

— Мы — народец упорный и никогда не останавливаемся на полпути, — сказал он и, выкинув отработанный шлак из электролизера, всыпал туда новую порцию сырья. Резкий запах хлора распространился по находящемуся под защитным колпаком помещению. Постепенно зловонный едкий душок исчез, просочившись через поверхность сигма-экрана.

Неожиданно Калипин указал отростком-пальцем на одного из великанов, на голове которого красовались роскошные перья.

— Это же гребень со шлема лорда Аматона. Ну, ребята, если с ним что-нибудь случилось, дела рыцарей, что остались в шахте, плохи. Точно, глядите, у вновь прибывших на молотах свежие пятна крови.

— Да, — покачал головой Тони, — не хотел бы я оказаться в шахте.

Через несколько минут погас пульт управления экстрактором.

— Черт побери! — воскликнул Тони. — Неужели они добрались до подстанции?

— Надеюсь, теперь ты рад, что генераторы сигма-поля работают на батареях, — заметила Алиса.

— Значит, мы будем в безопасности? — сразу уловил суть дела Калипин.

— Как у твоей мамочки на ручках, маленький друг, — ответила Алиса. — Особенно когда загорится пол в лаборатории. Видишь, как в углу уже полыхает. Тогда нам будет совсем хорошо. Тепло, уютно…

Словно подслушав ее слова, несколько великанов выхватили из огня, охватившего угол лаборатории, пылающие бревна и, как тараном, принялись крушить сигма-поле. Ничего не вышло.

— Погань неумытая! — Нервы у Тони Вейланда не выдержали. — Ведь они же нас не видят под колпаком! Какого черта они лезут сюда?

— Они нащупали нас с помощью дальновидения. Защитное поле хилое, годится только против горящих бревен и каменных топоров.

Алиса, не потерявшая чувства юмора, коснулась пальцами своего золотого ожерелья и сказала:

— И то хорошо. Ребятки, не интересуетесь, сколько времени еще будут работать батареи?

— Нет! — огрызнулся Тони.

— Огонь способствует утечке энергии. Так что мы можем рассчитывать только на несколько дней… Мне так хотелось вернуться в Галактическое Содружество. А тебе, Вейланд?

Тони мрачно ответил:

— Я решил остаться здесь. У меня жена в Нионели.

— Держись!.. — закричала Алиса. — Пол поехал! Хватайся за оборудование.

Пламя уже охватило всю лабораторию — стены ее неожиданно затрещали и рухнули, открывая засевшим возле экстрактора людям всю картину погрома, устроенного великанами в лагере шахтеров. Пламя, пожрав большую часть деревянных стен, добралось до половых досок, однако защитный купол сдерживал огонь, и тот постепенно начал стихать. Невдалеке у опушки лежали обгорелые обломки «роплана». Там же лежало несколько трупов, но, к удивлению Тони и его товарищей, среди них не было ни одного человеческого или тану.

Алиса подобралась к самому кожуху аппарата и, как ребенка, держала на руках генератор

сигма-поля. В это время начали трескаться слеги, на которых были уложены доски. Тони стал быстро привязывать себя к экстрактору, установленному на отдельном фундаменте, потом подтащил поближе электрический обогреватель. Калипин, приняв свой настоящий вид, стаскивал щупальцами в одну кучу ящики с упакованными колбами с диспрозием. Вдруг опрокинулись стулья, кресла и стол поехали по вздыбившемуся полуперлись в защитную стену. Людоеды снаружи, почувствовав, что люди попали в безвыходное положение, дико закричали и завыли и еще отчаяннее заколотили в невидимую преграду каменными топорами. Неожиданно пол резко просел и застыл на месте — видно, лег на сырую землю, к тому же мощности генератора пока хватало, чтобы удержать доски в прежнем положении. Огонь совсем угас, только густой дым валил из-под пола, да и тот начал ослабевать.

— Они что, совсем не боятся огня? — спросила Алиса у Калипина.

Ревун пожал плечами.

— Ноги у них почти каменные, так уж они устроены. Рассказывают, что великаны нередко поджигают леса ради забавы. Они наиболее свирепые из всех наших собратьев. Даже ревуны в

Богемии и Карпатах по сравнению с ними — дети! Этих вообще ни вразумить, ни приручить нельзя. Одно слово — головоеды!.. Они высмеяли посланцев лорда Суголла, предложившего им перебраться в Нионель. Они даже пригрозили съесть послов, если те немедленно не уберутся с их территории. Примеров тому сколько угодно — поисковики, пытающиеся пересечь их земли, исчезают бесследно.

— Неужели и такие храбрецы находятся? — изумилась Алиса.

— Находятся, — горестно вздохнул Калипин. — Поисковики — это те, кто ищет драгоценные камни и золотоносные руды. Места здесь ой какие богатые! Великаны совсем порченные… Можете в этом не сомневаться. И настолько же хитры, насколько ужасны. Придумали атаковать лагерь, обратившись в невидимок. Могу заверить, что нам, ревунам, стать невидимыми очень трудно, не каждому такое умение по плечу. А тут, поди ж ты, толпами проникли в лагерь.

— Почему они напали на нас?! — возмутился Тони. — Ведь мы же не причинили им никакого вреда!

Калипин остановился — в щупальцах он держал целую гроздь пузырьков с диспрозием.

— Мы считаем, что нас породила земля — вот таких, какие мы есть. А у великанов эта привязанность к земле доведена до крайности. Может, потому, что больше у них ничего и не осталось святого. Родная земля… Они относятся к ней как к живому существу. Илмари, Коберлейн пытались — и я пытался! — объяснить Тревартену, их предводителю, что мы заплатим за добытую землю, заплатим драгоценными камнями — они в большой цене у местных людоедов. Он даже слушать нас не стал — вы, мол, захватчики, непрошеные гости, вон с нашей земли. Таков же был его ответ и на обращение короля Эйкена. Тот, конечно, не отнесся всерьез к словам Тревартена — и вот вам результат.

— Да, он позаботился, — согласился Тони, — чтобы его слова не расходились с делами. Смотри, как усердствуют, — кивнул он в сторону долбящих защитный экран гориллоподобных великанов.

Алиса посмотрела на генератор сигма-поля и добавила:

— Им недолго осталось мучиться, минут десять, не более того, батареи совсем сели…

Между тем великаны пришли в совершенное исступление. Они скакали вокруг кострища, словно исполняли ритуальный танец, в кото-

ром одним из основных па был удар каменным рубилом или толстенным копьем с бронзовым наконечником в невидимую преграду. Зрелище было жуткое… Наконечники копий были размером с небольшую подушку. Неистовое ликование вызвало появление отряда чудовищ, нагруженных набитыми кожаными мешками. Ранее в эти мешки насыпали руду, теперь, по-видимому, их использовали для доставки припасов. Что это были за припасы, люди поняли, когда людоеды принялись швырять обглоданные кости в защитный экран. Тони и Алиса позеленели от отвращения, Калипин начал молиться великой Тэ.

Вдруг женщина встрепенулась, указала пальцем в сторону поселка.

— Эй, поглядите туда!

Между опушкой и бывшим поселком что-то ярко вспыхнуло. Два гигантских тролля, взревев, бросились в ту сторону и в ту же секунду были отброшены назад ударом лазера — вернее, отброшены были их обгорелые тела.

— Приятно поглядеть на это дерьмецо, — согласно кивнул Тони. — Кто-то, видно, шибанул их из «Боша-414» или какого-нибудь другого тяжелого бластера. Только не говорите мне, что это морская пехота явилась нас спасать…

Остальные монстры все разом бросились на так неожиданно появившуюся сияющую добычу, некоторые из них прямо на бегу становились невидимыми. Однако этот наскок лишь вызвал новый залп. Вспышка оказалась куда более мощной, чем первый выстрел. Нестерпимое сияние ослепило на миг пленников, заключенных под силовым куполом.

— Посмотрите! — радостно завопил Калипин. — Выстрелы даже невидимок поражают. — Он вдруг рухнул на колени. — Благодарю тебя. Великая Богиня!..

Действительно, на поляне творилось что-то невообразимое. Некоторые из гигантских тварей были сразу поражены насмерть, другие — ставшие незримыми

— вспыхнули яркими факелами. Великанов вообще тихими существами не назовешь, но сейчас они вопили так, что едва выдерживали барабанные перепонки. Еще не до конца осознав, что случилось, они по-прежнему лезли вперед, пытаясь ударами камней, тычками пик поразить бледно-сияющее туманное облако, поливавшее их огнем. Живые факелы вертелись на поляне, наконечники пик плавились на глазах, трескались гранитные глыбы, обвязанные кожаными

ремнями. Через несколько минут пальба прекратилась. Вот последнее завывание последнего умирающего монстра прозвучало в воздухе, и все стихло.

Напоследок раздался булькающий звук — словно пробку выдернули из бутылки, — и защитное поле, прикрывавшее Тони Вейланда и его товарищей, исчезло. Батареи сели окончательно.

Высокий мужчина вынырнул из сияющего облака и, неторопливо обходя сгоревшие останки погибших фирвулагов, направился к пепелищу, которое совсем недавно было лабораторией по окончательной очистке диспрозия. Вскинув на плечо бластер — видно, поставил его на предохранитель, — он издали доброжелательно помахал людям рукой. Тони, Алиса и Калипин выбрались наконец из-за наваленной кучи сгоревших бревен и, источая мысленные крики радости и благодарности, бросились к своему спасителю.

— Не стоит, не стоит… — вслух сказал мужчина. Он поднял забрало на шлеме — оттуда глянули умные, глубоко посаженные глаза, потом совсем снял шлем и свободной рукой пригладил короткие, слипшиеся от пота седые волосы.

— Мерзавцы совершенно вывели меня из себя. Мне следовало повнимательнее следить за тем,

что творится в этих местах. Все-таки крайне отвратительные создания!.. — Он как бы приглашал спасенных им людей принять участие в дискуссии по поводу людоедских замашек тварей.

— Матерь Божия! — Алиса словно на стену наткнулась, замерла и прикрыла рот ладошкой. — Это же Ремилард!..

Тони мысленно пронзительно взвизгнул, и они оба, на пару с Алисой, бросились наутек. Только маленький Калипин бесстрашно подполз и вызывающе, тоненьким голоском спросил космического бродягу:

— Итак, вы спасли нас от врагов только для того, чтобы разрушить наш разум?

Марк засмеялся, потом сразу посуровел.

— У меня мало времени. Скоро ваш король выйдет на связь. Где диспрозий?

Тони, остановленный легким метапсихическим усилием, теперь стоял в нескольких шагах от Ремиларда, лицом к нему — поникший, с опущенной головой, неспособный сопротивляться.

— Пять слитков — все, что нам удалось получить сегодня. У Калипина в рюкзаке…

Карлик тут же передал Марку заплечный мешок.

— Концентрат? Ионный экстрактор?

— Осталась последняя канистра с хлоридом диспрозия, мы спрятали ее под лавкой — там, где установлен сигма-генератор. Весь запас исходного сырья вон в том сохранившемся сарае.

Марк обратился к Алисе и Калипину:

— Ступайте, принесите прибор и весь остаток концентрата.

Их словно подтолкнули, они быстро побежали исполнять приказание.

— У короля есть еще какие-нибудь высокопроизводительные экстракторы? Способные работать на Гудерианов проект? — спросил Марк у Тони.

— Насколько мне известно, нет, — вяло ответил инженер, — если вы разрушите прибор, проект встанет на мертвый якорь. Мне, собственно, все равно.

Марк удивленно вскинул брови.

Вейланд облизнул губы, бросил косой взгляд на своих товарищей, чтобы убедиться, что они не слышат, и прибавил:

— Послушайте, я не имею никакого отношения ни к королю, ни к этой банде фанатиков из Северной Америки. Меня принудили принять участие в создании деформатора. Если не верите, можете просветить мое сознание. Все, о чем я

мечтаю, — это вернуться к своей жене в Нионель. Я надеюсь… вы сохраните мне жизнь?

— С точки зрения логики, мне следовало прихлопнуть вас как муху. Это был бы оптимальный вариант. Без ваших уникальных мозгов все, как вы выразились, встанет на мертвый якорь. Однако существуют и другие способы добывания лантаноидов.

Вейланд усмехнулся.

— С помощью классических методов для получения чистого диспрозия потребуются месяцы, а если учесть, какое количество необходимо для проекта, — то год-два. Зачем же покушаться на мою жизнь, когда проще и надежней уничтожить экстрактор и запас концентрата?

— Я подумаю. — Марк улыбнулся, заметив, что Алиса и Калипин, добравшись до сарая, вприпрыжку бросились к лесу. Ревун катил перед собой тачку, на которой подпрыгивал экстрактор, а женщина тащила канистры.

— Вы напрасно беспокоитесь, — сказал Марк, — я не собираюсь марать о вас руки. Я просто прихвачу вас, оборудование и готовые слитки с собой на шхуну… Вы же слышали о моей шхуне.

У Тони мир поплыл перед глазами.

Между тем за спиной Ремиларда начало вы-

рисовываться какое-то массивное, громоздкое сооружение. Формы еще были неясны, вокруг — мерцающее сияние цвета морских глубин. Как во сне Тони услышал, что Марк приказал Алисе и Калипину подтащить поближе экстрактор и канистры. Затем четкий размеренный голос зазвучал в голове Вейланда:

«Стой спокойно. Будет лучше, если ты ненадолго задержишь дыхание и закроешь глаза. Все наше путешествие через лимбо займет какие-то доли секунды».

Тони вскрикнул:

— Нет! Нет!.. Я не желаю погибать в подпространстве. Святая Дева, помоги мнеоБожеРовена…

Цанг…

Тони почувствовал острейшую боль, знакомую всем, кому доводилось совершать межзвездные перелеты. Значит, они начали прокалывать суперпространственную границу. Его бросило в холод, он начал задыхаться — казалось, что каждая клеточка тела вот-вот взорвется. Внутреннее напряжение было нестерпимо.

Цанг…

Неожиданно он потерял равновесие и рухнул на четвереньки, невольно открыл глаза и в

нескольких метрах от себя увидел чуть-чуть расфокусированные фигуры разинувших от удивления рты Алисы и Калипина. Все те же подернутые туманной дымкой холмы Фенноскандии… Невдалеке — пепелище, обглоданные кости, покрытые сажей валуны… Огромная груда одетого в броню оборудования очертилась сзади, и рядом человек в шлеме и бластером в руках.

Все вернулось в исходную точку.

Цанг!..

«БожеБожеБоженетне-е-е-етААА-А-А-АХ!.. ООО-О-О-О-ОХ!..»

Цанг!..

Земля дрожала, плыло изображение. Части человеческого тела (не его), невдалеке мухи, ползающие по окровавленной плоти. Он услышал недоступные слуху вопли Алисы и Калипина — они, словно к божеству, взывали к королю. И совсем рядом, почти возле уха — звероподобный рев. Кто-то орал по-французски:

— Quel putain de gachis [note 29], совсем с ума сошли?! Эффект «резинки»… На этот раз без внешнего груза…

Фигура в бронированном скафандре исчезла.

---

note notes: Note29
что за шлюха там орудует (фр.)

Тони, озираясь, выпрямился. Зубы у него стучали. Он все еще стоял на карачках, вжав голову в плечи, каждую секунду ожидая, когда же могучая рука снова схватит его и швырнет туда, где боль нестерпима. Бежали мгновения, но все оставалось по-прежнему. Робея, он поднялся на ноги — рядом в прежней позе, немые от изумления, стояли Алиса и Калипин. Сознания их уже не взывали, а вопили от ужаса и радости. Тони был с ними. Все произошло так быстро…

Женщина первая пришла в себя.

— Я уже решила, что тебе каюк, — с трудом выговорила она, обращаясь к Тони. Тот с удивлением обнаружил, что Алиса держит в руках бластер. — Если он посмеет вернуться, я изжарю это чудовище в его же собственном скафандре. Я связалась с королем, он уже выслал аэроплан на подмогу.

Тони опустил голову, чтобы скрыть краску стыда, залившую его лицо.

Снова оказавшись в лимбо, Марк собрал волю в кулак и еще раз мысленно запроектировал траекторию к точке выхода из подпространства — при этом он с тревогой ощущал, как его сносит из начальной точки d-перехода. Формула цепной линии всплыла в сознании, вот уже подставлены

исходные данные, результат готов. «Никаких посторонних мыслей, даже примеси сомнения!.. Ошибки в вычислениях не должно быть. Итак… Есть конечная точка. Теперь концентрируем энергию для прорыва суперповерхностной границы… Почему нет притока энергии? Что с церебральным генератором? Ну-ка, сконцентрируем всю мощь!.. Моих сил не хватает!..»

«…О-о, опять в исходную точку… Эффект „резинки“… в который раз! І-поле, і-поле, і-поле?»

«Ответа нет. Притока энергии нет. Ресурс собственной энергии иссяк. Что случилось? Авария с церебральным… генера… Он разбит? Он не мог разрядиться за эти несколько дней».

«Еще одна попытка. Вот точка выхода. Суперповерхностная пленка даже не шелохнулась. Чем ее пробить? Нечем!»

«Я в ловушке? Навеки заключен в серой темнице?..»

Пеопео Бурке, используя весло как руль, изо всех сил пытался удержать каноэ у правого, высокого, скудно поросшего берега Сены. Левый берег был низок — за ним расстилались неоглядные сухие степи.

Вокруг светло как днем — полная, непривычно большая луна заливала окрестности пронзи-

тельным багровым светом. Поверхность реки подрагивала в этом сиянии — крутая излучина казалась залитой кровью. Бурке едва справлялся с течением, его неумолимо тянуло на стремнину — там время от времени рождались гигантские водовороты. Попадешь в такой — и неизвестно, куда внесет, а то еще в пучину затянет… Пора было подумать о ночевке, однако вид пустынного степного левого берега не внушал доверия. Ни зверька, ни стайки антилоп, только огромные крокодилы на илистых отмелях, зевая, раздвигали челюсти и со стуком чемоданных крышек смыкали их. Летучие мыши посвистывали в вышине. Надо выгребать к правому берегу.

Бурке изо всех сил уперся веслом в воду, с трудом развернул каноэ и принялся со всей возможной скоростью грести. Что подтолкнуло его бросить взгляд вперед, он не мог сказать. Просто поднял голову и метрах в двухстах, на самом стрежне, увидел ее…

Несомненно, это была «Кулликки» — огромная, с поднятыми парусами, с натянутыми цепями обоих брошенных в воду якорей.

Проклиная все на свете, он еще энергичнее принялся работать веслом. Скорее в сторону спасительного полумрака!.. Скорее укрыться

под купами склонившихся к воде ив… Уже из укрытия он внимательно осмотрел знаменитый корабль.

Никаких следов метапсихического барьера, и на палубе пусто — ни часовых, ни вахты…

Бурке коснулся рукой золотого торквеса на шее и мысленно произнес:

«Эйкен, я нашел ее».

«…Спасибо, вождь. Я уже в пути».

Голос Патриции Кастелайн набрал невероятную силу.

— Они отрезали его от генератора! Он в ловушке!.. Помогите мне, Джеф, Корделия, — отдайте мне всю энергию. Им пока еще не удалось повредить генератор, они только перекрыли канал подвода энергии. Я смогу одолеть их, только наполните меня под завязку, черт вас возьми, — все, что у вас есть! «Марк, попытайся еще раз. Марк!»

Перегороженный баррикадой коридор, ведущий на корму — здесь была полная темнота, — внезапно осветился вспышкой метакинетической молнии, ударившей в завал. Тройной мысленный вопль прорезал эфир. Неожиданно во мраке аппаратной засветился экран дисплея, по нему побежали колонки цифр, помещение наполнилось гудением, и в деревянной клетке

наметился едва заметный угольно-черный абрис человеческой фигуры. Он тускло светился. В тот же момент раздался голос, долетевший из коридора, — механический, невыразительный…

— ВЫ, В АППАРАТНОЙ. СДАВАЙТЕСЬ ИЛИ УМРЕТЕ. ТЕПЕРЬ Я УПРАВЛЯЮ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ГЕНЕРАТОРОМ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВКЛЮЧИТЬ ЕГО.

Еще один метакинетический удар… Обессиленные Стейнбреннер и Варшава рухнули на пол. Патриция с трудом устояла на ногах — ухватилась за приборную консоль.

— Все будет хорошо, — прошептала она. — Еще немного, и ты будешь спасен, Марк.

Абрис наполнился плотью, проступили черты лица — Марк улыбался.

— Спасибо, Пэт. Дорогая Пэт…

Женщина вытянула к нему руку.

— Не теряй времени. Беги, захвати с собой оборудование. Теперь все против нас. Беги, Марк.

Еще один удар ментальной молнии, грохочущий, яркий. Пэт рухнула на пол рядом со своими товарищами.

Могучий голос Марка разнесся по всему кораблю:

— ПЕРЕСТАНЬТЕ ШТУРМОВАТЬ АППАРАТНУЮ!

«Кулликки» вздрогнула, тяжкий гул прокатил-

ся над рекой.

Марк жадно впитывал энергию — он уже не думал об опасности. Открыл все входы и взахлеб поглощал животворящую силу. Больше, больше, еще больше. Никогда за все время пребывания в плиоцене он не был так могуч. Достаточно! Теперь легким мысленным усилием он возбудил ипсилон-поле и резко, скачком, повысил его напряженность, тут же включил алгоритм — команды помчались одна за другой, и вот суперповерхностная плевра дрогнула, в ней образовалась щель, которая моментально расширилась до широкого отверстия. В тот же миг он другой частью сознания разобрал оборудование на транспортабельные части: церебральный генератор со вспомогательными устройствами и источником питания, несколько образцов оружия, ящики с запчастями, кое-что из необходимейших исходных материалов, как-то: платиновые контакты, бухты кабелей разного сечения, штампованные металлокерамические платы, радиотехнические детали россыпью, изоляционные ленты, набор КИП, инструментов, кое-что из литературы, — одним словом, набралось более одиннадцати тонн груза. На упаковку Марк потратил не более пяти секунд — он спрессовал время. Теперь, за-

правившись энергией, он легко манипулировал весом. Быстро просунул весь комплект в брешь, открывшую вход в матрицу, последним нырнул туда сам. Суперповерхностная граница раздела тут же с чмоканьем сомкнулась за его спиной.

Цанг!..

…Местечко, где можно спрятать всю эту гору оборудования, было найдено им несколько недель назад. Он мгновенно решил уравнение цепной линии и прибыл в конечную точку.

Цанг!..

Ремилард материализовался в узкой глубокой расщелине — точнее, высохшем каньоне, когда-то служившем руслом реки. Быстро принялся укладывать в определенном порядке выскакивающие из лимбо ящики. Работал быстро, взглядом на ходу собирая из отдельных частей церебральный генератор. Вот подключено питание… Закончив монтаж и укладку, Марк извлек из груды материалов специальный прибор, способный оборудовать любую площадку и замаскировать любой предмет. Ввел программу — машина принялась за работу, и уже через несколько часов маленькая пещерка, где когда-то перед нападением на Надвратный Замок прятались мадам Гудериан и Клод Маевский, была расширена. Те-

перь новый хозяин мог свободно разместиться в ней со всеми своими причиндалами. Камуфлятор быстро соорудил фальшивую гранитную глыбу и прикрыл ею вход, затем накинул силовую маскировочную сеть, и теперь никто не смог бы отыскать пещеру, упрятанную в стене каньона. Когда все было готово, Ремилард перевел аппарат на автоматический режим, выбрался наверх и сел на нависший над обрывом ствол старой акации. Глянул на луну, посветлевшую к полуночи, — ее диск ярко золотился в чистом темном небе. Вдали, на вершине холма, полыхало синевато-серебристое сияние

— это был Надвратный Замок, укрытый защитным куполом.

Он сидел долго, наблюдал за цитаделью… Несколько раз зайцы, шныряющие в сухой траве, удивленно застывали на бегу, вставали на задние лапки и таращили глаза на человека, пристроившегося на трухлявом стволе. Марк отгонял их мысленными щелчками — зайцы кубарем катились по траве и тут же улепетывали со всех ног.

8

Минанан Еретик открыл дверь в бывшую гостиную, превращенную в лазарет, где разместили детей, страдающих «черным торквесом». В комнате царил розовый полумрак — единственный светильник на стене был забран красным стеклом. Двойной ряд маленьких кроватей, возле каждой на стуле сидел целитель тану… Матери стояли у изголовий — наблюдали за детьми. В стороне, весь облитый красноватым светом, возвышался Дионкет, руководивший работой оперантов. Бэзил Уимборн в уголке тихо наигрывал на флейте.

Алгоритм несомненно работает, подумал Минанан. Усилиями Элизабет, не дожидаясь организации полноценного метаобъединения, программа была сразу пущена в ход. Великая целительница разложила ее на составные части — результат был налицо. Несколько детишек не только избавились от боли, но и стали полноценными оперантами, которым не нужны никакие вспомогательные устройства. Минанан невольно вспомнил пророчество Бреды, Супруги Корабля, предрекавшей появление нового поколения,

новой расы.

Нельзя допустить, чтобы эти первые ласточки погибли во время прихода Мрака. Король предложил верное решение.

Минанан остался у порога. Он заметил, что Элизабет, сидевшая в темном углу, бросила на него мимолетный взгляд, следом — на мысленный вопрос — долетел короткий ответ: не нужен. Предваряющий лечение сеанс заканчивался. Минанан пробежал мыслью по детским головкам — практически у всех боль исчезла. Временно, конечно, но это только начало. Бэзил по-прежнему, погрузившись в забытье, наигрывал человеческую колыбельную.

Украсится надеждой утро, Уйдут с рассветом страхи прочь.

Пусть тьма сгущается — мы смело Бредем сквозь ночь!..

Затихли последние звуки песни. Целители взглянули на Дионкета, тот ответил им улыбкой. Операнты поднялись и гуськом потянулись из комнаты. Минанан получил сигнал от Элизабет и лорда-целителя, которые, не сговариваясь, направились к боковой двери. Еретик пошел в ту же сторону и, переступив порог, оказался в залитом лунным светом садике. Полная луна висела над

дальним хребтом.

— Я гляжу, дело у вас пошло на лад, — сказал Минанан. — Не хотел вам мешать… Но полчаса назад я получил от короля послание, с которым обязан вас ознакомить. Случилось невероятное… — И он развернул перед ними последовательный ряд изображений, повествующих о событиях, только что случившихся на «Кулликки».

Элизабет отпрянула.

— Значит, Марк теперь на свободе и у него в руках все необходимое оборудование?

— Однако он лишился базы для атаки на Надвратный Замок и всех своих соратников, — заметил Дионкет. — Это радостное известие. Даже вкупе со своей адской машиной Враг не сможет разрушить крепость. К тому же король принял дополнительные меры, чтобы больше не повторилась трагедия, случившаяся в лагере шахтеров.

Элизабет нахмурилась.

— Надеюсь, что наш проект надежно огражден от всяких косвенных поползновений?

— Король заявил, что он держит этот вопрос под контролем, — ответил Минанан. — Загвоздка только с диспрозием, все остальное в полном комплекте уже находится на монтажной площадке.

Через несколько дней будут закончены работы в Фенноскандии. По мнению короля, деформатор будет запущен в течение недели, как раз во время Великого Турнира.

— Это было бы замечательно. — Элизабет вновь прикрылась защитным экраном. — Золотое поле, как мне кажется, расположено слишком далеко от Надвратного Замка, хотя, конечно, есть аэроплан…

Втроем они зашли в грот — неглубокую пещеру, где в углу журчал маленький родничок. Перед самым входом густо росли папоротники, воздух был наполнен благоуханием резеды. Масляный светильник, подвешенный на дереве, тускло освещал заросли, выступающие из мрака скалы, и две украшенные резьбой каменные скамьи.

— Брат Еретик, — подал голос Дионкет, — ты что-то скрываешь от нас. Что там еще в королевском послании?

Минанан не смог утаить от друзей всколыхнувшей его тревоги. Могучие плечи опустились, он тяжко и громко вздохнул.

— Король захватил «Кулликки». В живых остались двадцать два человека. Все они подняли бунт против Ремиларда, однако Ангелу Бездны, как вы знаете, удалось ускользнуть. Бывший ре-

волюционер по имени Манион утверждает, что следующим ходом, который сделает Враг, будет соглашение с фирвулагами. Они попытаются организовать грандиозное метаобъединение, во главе его встанет сам Ремилард.

Дионкет взорвался от смеха.

— Это же нелепица! Фирвулаги никогда не позволят низкорожденному командовать собой. Тем более такому!..

— Я вижу, ты не избавился от некоторых древних иллюзий, — ответил Минанан. — Ангел Бездны не может оказаться простым наблюдателем во время прихода Мрака.

Лорд-целитель воскликнул:

— Но ведь «маленький народ» не идиоты! Стоить разрешить Ремиларду овладеть сознанием целого народа, и они рискуют навеки попасть к нему в рабство. Айфа и Шарн обладают метапсихическими способностями — их достаточно, чтобы успешно противостоять мощи Эйкена. Им не нужна подмога от галактического разбойника.

— Да, в том случае, если фирвулаги обладают программой организации грандиозного, космических масштабов метаобъединения, — тихо сказала Элизабет. — Если они в состоянии струк-

турировать его в систему, умеют складывать не только единичные сознания, но и группы, и, самое главное, умеют эффективно управлять подобным организмом… У нас есть убедительные свидетельства, что фирвулаги уже делали попытки создать подобное согласие, но воспроизвести нечто исполинское, мне кажется, им не под силу. Самим!.. Они от природы крайние индивидуалисты, и стоит их загнать в угол, каждый начинает спасаться в одиночку. Вот почему Суголл и Катлинель так рьяно выступают за мир — они не верят, что в обозримом будущем Шарн и Айфа смогут на равных бороться с королем, с его вышколенными, дисциплинированными солдатами. Бороться пока не готовы, но если случится большая война, от Нионели камня на камне не останется. Ладно, Бог с ними, ревунами… Теперь ситуация меняется — если Марк предложит свои услуги в налаживании метасогласия в обмен на помощь в сокрушении Надвратного Замка, то…

— Именно этого и боится король, — кивнул Минанан. — Врагам нужно только время, и оно у них есть. Королевская парочка хорошо обдумает предложение Ремиларда — свобода выбора у них есть. И все-таки Эйкен уверен

— они примут его предложение.

— Непременно, — задумчиво заметила Элизабет. Она разглядывала свои руки — вот обручальное колечко, священный символ, запрещающий ей возвращаться в эпоху Галактического Содружества. Точно такое же носил Лоуренс. Теперь оно тускло поблескивало в дрожащем свете лампадки…

— Что же делать? — Дионкет развел руками.

— Бежать, — коротко отозвался Минанан.

— В Галактическое Содружество? — засмеялась Элизабет. — Если Марк сговорится с фирвулагами, то объединенной мощи восьмидесяти тысяч духов и церебрального генератора будет вполне достаточно, чтобы по камешку разнести Надвратный Замок. Ему даже не надо окружать его — вспомните, как он разрушил Гибралтарский перешеек и расправился с Фелицией: создаст психокинетический канал и прямо из Нионели нанесет удар…

— Элизабет, я не имел в виду «врата времени», — возразил Еретик. — Я от имени Партии мира попросил короля передать «Кулликки» нам. Он согласился, более того, обещал дать столько оружия, сколько пожелаем. Отборная команда из рыцарей тану и людей обеспечит нашу безопасность — они уже отправлены на Сену. Сначала мы

доберемся до Гории, оттуда на запад, в обратный путь. Через океан к островам Блаженства. Все оставшиеся в живых североамериканцы заявили, что поддерживают эту идею и полностью отдают себя в распоряжение нашей партии.

Элизабет ничего не ответила. Дионкет, словно взывая к небу, поднял руки.

— Счастливые острова!.. Манящий заповедный край, о котором рассказывают наши древние легенды. Земля вечной молодости... Мы за оставшуюся до турнира неделю вполне можем вылечить больных детей — и в дорогу!

Минанан добавил:

— Наш миролюбивый народ успеет за это время добраться из Нионели до Гории. Сначала Западным трактом, затем на баржах вниз по Лаару. Я испрошу разрешения у короля использовать «ропланы» для эвакуации тех, кто остался в Пиренеях. И отсюда, от Черной Скалы...

Элизабет иронически добавила:

— Скоренько дадим деру, пока Эйкен будет сражаться с фирвулагами, а Ремилард начнет расстреливать детей поодиночке.

— Король согласился, что наш план — отличный выход из сложившегося положения, — запротестовал Минанан. — Он заявил, что будет

чувствовать себя куда более уверенно, когда будет знать, что ты, дети и весь наш народ сохранят свои жизни во время войны с Мраком. Еще добавил, что если кто-то в состоянии защитить Многоцветную Землю, то это только он. И сказал, что в любом случае отыщет возможность вознаградить нас троих за все, что мы сделали для блага королевства. Он всегда будет помнить, что мы спасли его после сражения на Рио-Дженил и вылечили.

— Я не поплыву с вами на «Кулликки», — сказала Элизабет.

— Это твой долг! — воскликнул Дионкет. — Без тебя мы не сможем поднять этих детишек к вершинам оперантского искусства.

— Лорд-целитель. — Элизабет поставила мысленную защиту и сразу как бы отгородилась от товарищей. — У меня недостанет мужества начать все сначала на ваших благословенных островах. Я уже достаточно набегалась за свою жизнь. Я выучила тебя и Крейна всему, что знала сама. Разумеется, это сокращенный курс — дети, конечно, не станут полноценными оперантами с точки зрения требований эпохи Галактического Содружества, но они будут вполне работоспособны. Используя модифицированную программу,

подаренную Марком, вы можете перестроить разум любого ребенка так, что он никогда не будет нуждаться ни в каком торквесе.

— Но мы нуждаемся в тебе! — Дионкет был явно обескуражен.

— Нет, — возразила она. — Почему вы не стараетесь понять? Наверно, потому, что просто не хотите этого сделать. Я открою сознание — все, без утайки — тогда вы, может быть, поймете и не станете противиться.

— Элизабет, мы все любим тебя и желаем, чтобы ты была с нами, — сказал Минанан.

— Так же, как и Эйкен. Я решила остаться с ним. Я попытаюсь помочь ему всем, чем могу, в предстоящей войне.

— Он даже не заикался об этом, — заявил Минанан. — Тебя отчаяние толкает к подобному решению. Вовсе не любовь!..

— Ну и что из того. — Она вновь закрылась. — Такова моя судьба. Видит Бог, я не жалела сил, чтобы всем вам было хорошо. Мне надоело быть добренькой, заботливой, сюсюкающей нянечкой. Хочу помочь Эйкену хотя бы потому, что он никогда не попросит меня об этом. Ему-то прекрасно известно, что я никакая не святоша, не духовная абстракция, нечто вроде земного воплощения

вашей премудрой Богини, посланной на землю, чтобы дарить светом, оберегать своих чад, наставлять их и вести по Славному Пути. Я, — она потыкала себя пальцем в грудь, — обыкновенная женщина. Я просто посижу рядом с Эйкеном, займусь сама собой…

— Элизабет, опомнись! — воззвал Минанан. — Ты должна быть с нами. Нам предстоит великое деяние!..

— Неужели? — спросила она. Прежде чем они поняли, что случилось, она нараспашку открыла свое сознание, и они узрели негасимое пламя. — Я устала от этого, друзья. Я больше не могу быть святой, всезнающей… Я выполнила обещание, данное вам в доме целителей в Мюрии во время Великого Потопа. На какой-то срок я сумела притушить огонь, полыхающий во мне… Вы считали меня духовной наследницей и последовательницей Бреды, но я плохо подхожу к этой роли. Меня совсем не устраивает роль Марка Ремиларда, какую он исполнял в эпохе Галактического Содружества.

«Подобно мне он мог бы сделать много доброго его мечты о силе о бессмертии оказались ненужными все отвернулись от него почему он не был Джеком таким же блаженным почему судьба раз-

лучила нас с Лоуренсом почему я слишком слаба почему он слишком силен если Бог существует почему он допустил чтобы страдающее сознание мучилось от непонимания самого себя почему он отказал мне в любви почему я так боюсь его почему вы не позволяете бросить все…»

— Не надо! — в один голос вскрикнули Минанан и Дионкет.

Женщина бросилась прочь из грота, побежала по тропинке к дому.

— Значит, Крейн был прав, — совладав с болью, успокоившись, сказал Минанан. — Это так удивительно…

Дионкет взглянул на него.

— У меня сегодня выдался тяжелый день. Завтра будет еще труднее. Сплошная напряженка!.. Когда мне можно связаться с тобой насчет эвакуации детей и целителей с Черной Скалы? Не беспокойся за Элизабет. Она не совершит опрометчивых поступков. Пойду посплю. Когда наступит срок, свяжешься со мной…

Они не спеша направились к домику. Издалека долетали пронзительно-волнующие звуки флейты.

9

Светало…

Впереди был день Великого Турнира.

— Я не могу! — испугалась она. — Я недостойна подобной чести.

— Не глупи, малышка, — ответил мастер генетики Грег-Даннет. — Ты — моя гостья, мое самое замечательное достижение. Ты займешь место рядом со мной. Тебе понравится…

Что поделаешь — маленькая обаятельная женщина вздохнула, потом с помощью слуг села на покорного гнедого халика и в составе торжественной процессии двинулась к западным, украшенным цветастым балдахином с вышитыми гербами воротам города.

В предрассветных сумерках ослепительное многолюдное шествие выступило из Нионели. Во главе его на белоснежном халике, в таких же светлых, молочного цвета, украшенных серебристой чеканкой доспехах ехал лорд Суголл. Он — хозяин великого праздника. Следом за ним слуги вели под уздцы черного как смоль жеребца-халика, на котором восседала леди Катлинель в роскошном, отливающем перламутром платье. По правую

руку от нее располагались Шарн и Айфа, облаченные в богато украшенные драгоценными камнями обсидиановые кольчуги; слева от благородной дамы ехали король Эйкен-Луганн и миссис Элизабет Орм, которая по такому случаю была одета в подаренный Бредой розоватый с черным наряд, на лице — темная вуаль. Следом за королевскими особами двигались высшие должностные лица славного города Нионели, где Грег-Даннет и его спутница занимали почетное срединное место. За ними, выстроенные в отдельные каре, бок о бок, но с заметным промежутком, ехали члены Высокого Стола — слева и члены Карликового Совета

— справа. Потом смешанной толпой тянулась знать обеих ветвей диморфной расы, рыцари тану и следом — прочее, не принимающее участия в турнире население. Жители Нионели замыкали шествие — у каждого из них в руках была зеленая ветвь, на шляпах — букетики полевых цветов. Все мутанты позаботились принять самый привлекательный вид.

В прохладном утреннем, как бы посвечивающем золотистом воздухе стоял ровный гул. Это простолюдины-фирвулаги, заполнившие трибуны за рекой, мысленно возносили хвалы Тэ

по случаю Рождения дня. В прежние годы, когда ритуальные сражения разворачивались вблизи столицы тану Мюрии, где соль выступала из земли, сотрясавший слышимый и неслышимый эфир гул был куда мрачнее, заунывнее, пронзительнее — в нем чувствовалась неразделенная мука, тоска по оставленной родине. Здесь же, на Золотом поле, среди цветущих лугов и частых липовых рощиц, под сопровождение множества певчих птиц, тем же благоговейным пением встречавших рассвет, что и экзотики, рассветный хор фирвулагов звучал веселее, энергичнее и более походил на бодрое жужжание добродушной исполинской пчелы.

Услышав знакомый гул своих сородичей, заулыбалась даже суровая знать фирвулагов — так, под дружное мычание «маленького народа», процессия наконец вступила на славное Золотое поле. Трибуны, отданные фирвулагам, были набиты битком, в то время как секторы, отведенные для людей и тану, были наполнены едва ли на треть.

— Какая прелесть! Все вокруг блестит!.. — восхищенно воскликнула соседка мастера-генетика. — Погода как по заказу — утро свежее, ветра нет. И облака!.. Как по заказу… Великая Тэ, что

же это такое — я каждый барашек на тучах различаю! Великий мастер, что со мной? Я все вижу: каждый цветок в букетах на шляпах наших горожан, каждый камешек на доспехах благородных сеньоров. Добрый Греги, что со мной?.. Я вижу знамена над трибунами. Каждую кисточку…

— Стереоскопическое зрение, моя милая, — замечательная штука, — ответил крайне довольный Грег-Даннет. — Это тебе не скудное одноглазие. Ты теперь можешь видеть глубину пространства. Оценить расстояние… Одним словом, двигаться ловчее, смелее. Ты счастлива?

Девушка чуть зарумянилась и кивнула.

Монархи, разместившиеся каждый в своем отделении, встали, повернулись к востоку, к холмам за Нионелью.

— Передать не могу, как я счастлива, как благодарна тебе, Греги, — сказала спутница мастера-генетика. Она скосила взгляд, чтобы еще раз убедиться, что все вокруг обращают на нее внимание. На голове у нее был приколот флердоранж с частой серебристой вуалью. — А я действительно красивая?

Грег-Даннет, в былые годы известный дамский угодник, со смаком поцеловал кончики пальцев.

— Более чем. Ты — *ослепительна.*

Девушка все еще робела, старалась скрыть клокочущую в душе радость.

— О Греги, если бы только мой Тони мог видеть меня! Дождусь ли я его когда-нибудь!

— Через несколько дней, — успокоил ее мастер. — Король шепнул мне, что порученная ему работа близится к завершению. Думаю, вы встретитесь еще до окончания турнира… Теперь будь внимательна — Короли очистят небо от туч… Говорят, задумано оригинально, некий символ Великого Перемирия. — Он хихикнул. — В любом случае прошибает до слез.

Невысокая фигурка в золоченых доспехах и массивный коренастый великан в черной броне на миг замерли, потом каждый поднял и потряс своим оружием

— король Эйкен-Луганн копьем, Шарн — священным мечом. Фотонные ружья яркими лучами ударили в низкую полупрозрачную облачность. Разрывы, образовавшиеся в тучах, начали стремительно разрастаться. Небо очистилось, и первые лучи солнца осветили Золотое поле… Так было миллионы лет на древней земле Дуат, тысячу лет этот торжественный обряд повторялся на первобытной Земле. В полном согласии с традицией туман, затянувший даль, начал быст-

ро таять. Общий хор фирвулагов, тану и людей затянул праздничный гимн:

Сквозь мрак, через столетья сверкает та земля, Возникшая в тот день, когда родился мир.

Здесь разноцветье трав, обилие цветов, Здесь птиц веселый хор поет среди дубрав.

Душа полна восторга. Вон радуги изгиб.

Здесь песня прозвучит среди могучих лип.

На поле Золотом, в стране, где всякий цвет, Вплетаясь в общий строй, творит весны букет.

Здоровы все в том мире, где сини небеса, Здесь с горем незнакомы, со смертью встречи нет.

Чего душе желать? Всего здесь через край.

Взгляни окрест, приятель, и тоже подпевай.

Несутся колесницы… Кто будет впереди?

Еще одно мгновенье, и сомкнуты ряды.

На поле Золотом, в стране цветов и трав.

Сражаются герои, извечен наш устав.

Свет от звезды приходит на Землю по утрам.

Она плывет над миром, и многоцветен день.

А к вечеру кровавой умоется зарей И канет в водах алых, послав героев в бой.

Поющий Камень вскрикнет, раздастся гимна звон, И все подхватят песню — и ты, и я, и он.

На поле Золотом, в стране лесов и рек…

Земля родная наша, бессмертной будь вовек.

— Слова были другие, — заметила Элизабет, обращаясь к Эйкену.

— Морна-Йа настояла, чтобы именно эту песню мы исполнили в нынешнем году. — Он загадочно улыбнулся. — Взгляни-ка, сюда идут фирвулагские мастера с Поющим Камнем, только что изготовленным новым призом. Вырезан из цельного куска аквамарина. Молва утверждает, что это чудо уже заранее создано так, чтобы подчиняться мысленно выраженной воле Шарна и Айфы. Как тебе нравится подобная наглость? Они до такой степени уверены в исходе турнира?

Элизабет и Эйкен сидели в секторе, отведенном королю тану. Выше, у самого входа, был устроен буфет с богатым выбором закусок и напитков, и члены Высокого Стола и их гости с удовольствием пользовались его услугами. Его Величество тоже изволил отведать слоеное пирожное. Элизабет, чье лицо было спрятано под густой, украшенной поверху драгоценными камнями вуалью Бреды, отказалась от угощения.

— Знаешь, строки насчет «света от звезды, приходящего по утрам» пробирают меня до костей, — заметила она. — Если для нас наше светило — Солнце, то для бежавших из Дуат народов — пригревшая их в бездне космоса звезда…

Эйкен пожал плечами.

— Меня сейчас куда более занимает Марк. Наверное, где-то прячется в толпе, изучает Поющий Камень. Подобной диковинки у них во Флориде не было.

— Тебе не кажется, что он попытается встретиться с тобой?

— Зачем? — пожал плечами Эйкен. — Я многое могу ему позволить, но только не тайное наблюдение за мной. И не приемлю никаких ультиматумов насчет проекта Гудериана.

— Он знает, что раз ты взял детей под свою опеку, то не нарушишь данного слова. У него тоже есть своеобразное чувство гордости. Он никогда не унизится до просьбы.

— М-да, нам будет очень непросто разобраться с этой кучей дерьма! — жестко сказал Эйкен. Некоторое время он молчал, пережевывал пирожное, потом произнес: — Единственное, на что я могу рассчитывать, это на успешное — и быстрое — окончание работ в замке. Причем все должно быть завершено до того, как Ремилард договорится с фирвулагами. Когда дети проследуют в эпоху Галактического Содружества, наш доморощенный Люцифер окажется не у дел. Я, в общем-то, способен разгромить фирвулагов, но только если

Марк не возглавит их метаобъединение. Иначе нам крышка! С такой метапсихической дубиной мне не совладать.

— Что бы ни случилось, я буду рядом с тобой. Ты знаешь, я неспособна участвовать в боевых действиях — у меня блокировка против насилия, но я могу далеко заглянуть, могу исцелять…

Она едва не заплакала, судорожно, двумя пальцами потерла переносицу. Маленький человек в золотых доспехах взял ее руки в свои.

— Почему ты не захотела отправиться на «Кулликки»?

Она взглянула на поле, попыталась освободить руки — король еще сильнее сжал их.

— Я не хочу, чтобы ты участвовала в здешней заварушке. Я хочу, чтобы ты была в безопасности. «Кулликки» отплывает из Гории завтра вечером. Я мог бы перенести тебя, чтобы ты присоединилась к остальным миролюбцам.

— Нет, я останусь здесь, с тобой!.. Если появится шанс распахнуть «врата времени»…

— Ты вернешься в будущее?

— А ты? — требовательно спросила она и в упор взглянула на короля.

Он выпустил ее руки, Элизабет устроилась поудобнее в кресле.

В этот момент толпа на трибунах заревела, над Золотым полем пронесся шквал аплодисментов. Хохот пробежал по рядам. Мимо выставленного на невысоком постаменте Поющего Камня, с ужимками и прыжками, кувыркаясь и раскатывая колесом, прошла труппа скоморохов-фирвулагов. Все как завороженные следили за пестрой, разряженной толпой размалеванных уродцев, гоблинов, карликов, великанов — никто вокруг не обращал внимания на короля и хранительницу Многоцветной Земли.

Эйкен ответил, всматриваясь в происходящее на поле:

— Я — король! Божией ли милостью, собственными ли усилиями — не так важно. Это моя земля, и я останусь на ней до самой смерти.

— Позволь мне быть с тобой, Эйкен. Я не очень многого прошу?..

— Ладно. — Он согласился сразу и тут же потребовал: — Если снимешь вуаль.

— Ни в коем случае! — возразила она. — Эти люди видят во мне продолжательницу дела Бреды, они хотят верить в сочиняемые ими самими сказки. Это их право, и я должна соответствовать их мечтам.

— Сними немедленно. — В черных глазах

Эйкена внезапно обнаружилась неодолимая сила. — Ты думаешь, я не знаю твоих тайных мыслей? Ты никогда не хотела быть Бредой, никогда не хотела занять ее место. Ты надеешься стать святой великомученицей! До меня долго не доходило почему, но теперь я, кажется, догадался. Тебе никогда не удастся такая роль, девочка! Метапсихическая игра в жмурки не для тебя. Не надо нагонять на себя вселенскую тоску, и, если мы с тобой в одном строю, ты должна поступать так, как требует командир. Ты меня поняла?

— Да, — ответила она и неторопливо отстегнула вуаль от небольшой «джульетки», приколотой к волосам. — Что-то жарко стало, — сказала она. — Я вся потом изошла под этой маской. Так куда лучше, ты не находишь, Эйкен?

— Конечно, лучше, — согласился король. Он налил в хрустальный кубок холодного легкого вина и подал Элизабет. — Выпей и улыбнись. Я вынужден удалиться — необходимо проверить готовность тану и людей — сейчас начнется шествие. Увидимся позже.

Девятьсот рыцарей тану, построенные по гильдиям, к которым они принадлежали, торжественно выехали на Золотое поле. Впереди на вороном скакуне — король Эйкен-Луганн.

Халики, на которых восседали рыцари, были украшены богатой сбруей, покрыты тонкими просвечивающими золотыми и серебряными попонами, сочетающимися с флажками на копьях всадников. На лбу первобытных животных красовались длинные витые бивни, что подчеркивало их сходство с легендарными единорогами.

Первыми за королем сомкнутым каре последовали рыцари в фиолетовых с золотом доспехах — все они принадлежали к Гильдии Экстрасенсов. Их было не много. Затем куда более внушительным строем двигались рыцари-целители в защитном стекле рубинового с серебром тона. Далее самое внушительное воинство психокинетиков в розово-золотых доспехах; за ними Гильдия Принудителей в полном составе — в их рядах торжествовал сапфировый цвет. Замыкали шествие рыцари-творцы, одетые в поблескивающую и переливающуюся бирюзовую броню. Король выехал на середину расположенного перед трибунами поля, и весь строй под звон доспехов развернулся шеренгами лицом к трибунам. Сначала было показано искусство выездки — огромные звери с ужасающими челюстями строем прошли перед трибунами; у крайних секторов они разом развернулись и двинулись в

обратную сторону. Король неподвижно сидел на своем халике и наблюдал, как рыцари то пускали своих рысаков вскачь, то переходили на шаг, то понуждали танцевать, то галопировать, то гарцевать, высоко поднимая передние ноги.

По всему полю в мгновение ока вырастали и распускались цветы, в небе вспыхивали разноцветные искры, вертелись сияющие спирали…

На трибунах раздался гром аплодисментов.

— Очень впечатляюще, — кивнул король Шарн, — однако в боевых условиях такие фокусы бесполезны. — Он сделал огромный глоток из своего изготовленного из черепа кубка и жестом приказал слуге-карлику долить пива. — Освежись, кузен, — предложил он лорду Суголлу.

— Спасибо, не хочу…

— Приглядись к халикам, кузен, — указал Шарн, — красить морды животным приучили тану низкорожденные. Еще в Мюрии, тридцать лет назад, когда они начали постепенно прибирать к рукам королевство тану. Твой народ, как я погляжу, никогда не интересовался ритуальными сражениями.

— По этой причине мы когда-то и отделились от наших сородичей-фирвулагов и ушли в дальние края. До ритуальных ли сражений нам было!.. С

такими телами…

— Ты только смотри не заикнись об этом перед членами Карликового Совета, — сказал Шарн. — Мы с Айфой понимаем тебя, но эти, заседающие в государственном совете, — милитаристы до мозга костей. Война хороша только тогда, когда одерживаешь победу.

— В прошлом году, — вздохнул Суголл, — мне пришлось побывать в Мюрии во время Великой Битвы. Инкогнито… Тогда я от кого-то впервые услыхал, что находящиеся в рабстве у тану люди-ученые обладают технологиями, способными исправить наши генные недостатки. Спасибо милостивой Тэ, эти слухи оказались верными.

Шарн подмигнул правителю Нионели.

— Если ты имеешь в виду малышку Ровену, то хочу тебя предупредить — на следующих любовных играх у вас в Нионели отбоя не будет от женихов. Теперь в оздоровительный автоклав полезешь ты?

— Если дойдет до этого, я буду последним из ревунов.

Шарн задумчиво рассматривал пену в кубке.

— Тоже верно. Знаешь, после победы в войне с Мраком мы завладеем множеством целительных оболочек. Все они будут твои. К тому же мы

оставим в живых всех целителей, которые не примут участия в битве. Если они дадут слово служить вам.

Суголл, принявший иллюзорный облик, с одобрением посмотрел на короля.

— На то воля Божья!

— Мы нуждаемся в твоей поддержке, кузен. Ты с нами?

— Для меня превыше всего — повеление великой Тэ.

Шарн наклонился вперед. В его глазах, выглядывавших из-под нижнего края украшенного плюмажем из перьев шлема из черного стекла, появилось зловещее выражение.

— Ее воля достаточно ясна. Она требует нашей победы. Кузен, ты же умный человек. О, мне прекрасно известно, откуда родом твоя жена. Видишь, как усердно она обрабатывает Айфу. Я даже догадываюсь, о чем она говорит — мол, перспективы на победу у фирвулагов самые ничтожные, что мы утонем в куче дерьма, когда этот мошенник в кожаном пиджаке выставит против нас свое метаобъединение. Мне наплевать на ее нашептывания, я — добрый человек и готов сделать для Катлинель исключение. Я знаю, что она гибрид тану и человека и, возможно, тайный

приверженец Партии мира. Но ты же чистокровный фирвулаг, кузен, в тебе душа фирвулага, в какую оболочку она ни была бы заключена. Ты — один из нас.

— Все мы принадлежим Великой Богине, все мы из одного теста, что народ Дуат, что низкорожденные. У нас одна судьба!

— Вздор! — взревел Шарн. — Дешевый мистицизм!.. Пока ты со своим народом скрывался в пустыне, тану с помощью своих подпевал из низкорожденных били нас, как хотели. Теперь пришел наш черед! У нас появилось решающее преимущество, и на этот раз мы победу не упустим.

— Взгляни-ка. — Суголл повел рукой в сторону Золотого поля. — Эйкен-Луганн заканчивает парад.

— Что?! — рыкнул пораженный Шарн. — Летучая Охота?..

Король фирвулагов и повелитель ревунов, сидевшие рядышком, замерли, наблюдая за происходящим на поле.

Маленький человек в золотых доспехах, восседающий на вороном халике, оказался в центре образованного рядами всадников круга. Рыцари, разгоняясь, скакали вокруг короля и на одном

из витков оказывались в воздухе и почти мгновенно набирали высоту. В синеющем поднебесье раздались звуки боевых труб, некоторые рыцари били в барабаны…

— Девять сотен рыцарей, — с горечью промолвил Шарн. — Он поднял их всех, даже не воспользовался метаобъединением.

— Приближаются аэропланы, — подсказал Суголл.

Двадцать шесть черных летающих рыб, украшенных королевскими эмблемами

— указующей вперед рукой с сомкнутыми пальцами, только указательный перст был вытянут вперед, — широким клином проплыли над Золотым полем, над выстроенными в небе и устремившимися на восток левитирующими рыцарями. Вот «ропланы» сделали круг, потом, вернувшись, резко вертикально снизились до высоты в пару сотен метров — теперь вокруг каждой машины было видно сияние ро-поля, поддерживающего их в воздухе.

Неожиданно стихла музыка.

Маленький человечек спрыгнул со своего халика и, словно манекен, застыл с поднятыми вверх руками. Плывущие по спирали ввысь рыцари тоже замерли, их доспехи ярко сверкали в сол-

нечных лучах. Гул восхищения прокатился по трибунам, потом опять установилась тишина.

Ро-поле, с помощью которого создавалась подъемная сила и чье сияние окружало каждый аппарат, помигало ипогасло.

— Великая Богиня, — едва слышно выдохнул Шарн.

Высоко в поднебесье рога протрубили песнь Поющего Камня. Затем аэропланы вновь окрасились фиолетовым сиянием и устремились вдаль. Круговращение летучих рыцарей теперь было направлено вниз, и по той же широкой спирали воины начали опускаться на Золотое поле. Здесь, на земле, они выправили ряды, сомкнули шеренги и под грохот барабанов не спеша удалились в сторону Ниониели.

— Ты еще веришь в победу, Полноправный Властелин? — мягко спросил Суголл.

Великан схватил кубок, глотнул пива. Карлик-слуга бросился к столу, чтобы долить кубок.

— Ваше Величество, я бы не осмелился побеспокоить вас… — начал он,

— но он не желает уходить.

— Кто не желает? — прорычал Шарн. — Что за чушь ты несешь, Хофгарн?!

— Низкорожденный требует встречи с вами, —

ответил слуга. — По виду настоящий разбойник, наглый беспредельно, с развязными манерами. Он назвался Утренней Звездой и утверждает, что вы ждете его.

— Да, — очень медленно, сразу посерьезнев, выговорил Шарн. — Я сейчас. — Потом король обратился к Суголлу: — Очень рад, кузен, что ты не отказался от моего предложения. Именно так я интерпретирую итоги нашего разговора. Надеюсь, увидимся после ленча, во время скачек, а может, вечером на Празднике Гоблинов — приходи вместе со своей прелестной супругой. У тебя будет время подумать.

Мутант встал, низко поклонился и вышел из королевской ложи. Шарн жестом приказал долить пива, потом снял тяжелый стеклянный шлем, расчесал крючковатой пятерней гриву на голове и тихо шепнул карлику: «Проведи низкорожденного ко мне, Хофгарн. Позаботься, чтобы нас никто не побеспокоил».

Этим же вечером Минанан связался с начальником гарнизона Гории Конгривом и сообщил, что лечение детей, страдающих «черным торквесом», успешно завершено и можно высылать аэроплан для эвакуации всех обитателей домика у Черной Скалы.

Аппарат приземлился возле ограды садика, летчик выдвинул трап — первыми на борт поднялись матери с детьми, за ними целители и принудители, принадлежащие к Партии мира, — смертельно уставшие, но гордые достигнутым успехом; потом персонал, живший в домике, и несколько других постояльцев, которые поселились здесь после того, как Элизабет отправилась в Нионель.

Напоследок Минанан обошел покинутый дом — проверил, не забыли ли чего. Когда он вернулся в сад, то застал там Крейна, брата Анатолия и Бэзила, ожидавших его у аппарата. Мистер Бетси, стоявший у трапа, потряс украшенной огромным париком головой и сказал:

— Нельзя ли побыстрее? Что мне, всю ночь здесь торчать? Я и так пропустил половину представления, пока вы здесь глупостями занимались. Не можете распрощаться с домовыми? — спросил он у Минанана.

Тот ничего не ответил.

После короткого молчания Крейн поинтересовался у главы Партии мира:

— Ты не изменил своего решения? Сначала отправишься на Великий Турнир и только потом на «Кулликки»? Когда она будет в открытом море?..

Брат Анатолий, Бэзил и я хотели бы сопровождать тебя в полете на Золотое поле.

— Я просил эту упрямую дурочку взять меня с собой, — обиженно заметил Анатолий Северинович. — Объяснил, что не буду ей мешать, на глаза не покажусь. И вот она улетела, даже не предупредив меня. — Монах слабо улыбнулся. — Словно можно обмануть судьбу…

Бетси еще раз подал голос:

— Так мы летим или нет?

Минанан наконец поднял правую руку.

— Вы, — обратился он к летчику, — отправляйтесь, а нам четверым придется задержаться.

— Ну, будьте здоровы. — Бетси сразу полез в аэроплан. Тут же был втянут трап. Два человека и оба рыцаря тану отошли в сторону. Легкое мерцающее свечение возникло вокруг аппарата. Едкие клубы дыма повалили из-под опорных подушек на концах длинных ног, на которые опирался аэроплан. Еще мгновение — и нос его задрался в черное ночное небо, и черная птица скользнула во тьму. Из глаз она исчезла сразу, как оторвалась от земли.

В садике безмятежно трещали цикады, ветер разогнал отвратительный запах и принес густой сосновый аромат.

Минанан заметил:

— Я лечу на игры, потому что с детства отличался необыкновенным любопытством. Все-то мне было интересно. Ваши побудительные мотивы, конечно, являются вашим делом, но все же?..

Крейн ответил сразу и просто.

— Мы, — кивнул он в сторону Бэзила, — любим Элизабет и хотим спасти ее от нее же самой. Возможно, нам удастся предотвратить войну.

Хорошее настроение, которое было у Минанана, тут же испортилось.

— Брат-целитель, я бы не хотел, чтобы Элизабет загоняли в угол, — даже если вы будете руководствоваться самыми благородными намерениями.

— Мы ей слова не скажем! — заявил монах. — Все дело в Ремиларде. Мы рассчитываем отыскать его след. А где он может объявиться, если не на турнире. Мы хотим в последний раз обратиться к нему с призывом, воззвать к его разуму. — Глаза Анатолия Севериновича остановились на Крейне. — У нас есть что сказать ему… Что предложить…

— Вы что, рехнулись? Чуть-чуть?.. — спросил Минанан.

Крейн спокойно отнесся к этому вопросу.

— Мы трое лучше, чем кто-либо, знаем Марка Ремиларда. Исключая Элизабет. Мы его не боимся.

— То, что мы собираемся сказать ему, — продолжил Бэзил, — может вызвать у него возмущение и ярость. Или наоборот — смягчит его душу. Он откажется от своих планов.

— Из любви к великой Тэ, так, что ли? — сыронизировал Минанан.

Анатолий Северинович, как истинный славянин, развел руками. Затем он еще раз взглянул на Крейна. Тот помалкивал, и монах сказал:

— Пока мы не можем поделиться с тобой нашей идеей. До той поры, пока Элизабет не избавится от дурмана *лжи*, пока мы не получим ответ на предложение, которое сделаем Марку.

— Очевидно, — отозвался Минанан, обращаясь к Бэзилу и монаху, — вам известен секрет, как открыть ей глаза?

Анатолий Северинович наложил на себя крестное знамение.

— Видит Бог, Крейн обсудил все с Бэзилом еще до того, как отважился на разговор с Элизабет. Что касается меня…

— Я сам, — перебил его лорд Крейн, — пришел к нему, чтобы облегчить совесть. Мне тогда было

очень плохо, совсем одолели тяжкие думы. Он рассудил — и мы оба, — он указал на Бэзила, — согласились с ним. Теперь я имею право передать эту информацию Врагу.

— В любви и на войне все должно быть по-честному, — пробормотал старый францисканец, — тогда, даст Бог, и плодов обильных можно ждать.

Минанан смотрел то на монаха, то на лорда-целителя, то на бывшего преподавателя Оксфорда с возраставшим раздражением.

— Если б я не принадлежал к воинству миролюбцев, я бы в момент выпотрошил вас и докопался до истины. Тоже мне, конспираторы!..

— Вот и доставь нас на Золотое поле, — сказал Бэзил. — Там мы сами отыщем Ремиларда.

— И Крейн и Бэзил знакомы с его ментальным почерком, а я воспользуюсь проверенным сибирским способом. Мы загоним зверя, будь уверен.

— Он же расправится с вами одним щелчком.

— Он же не демон из ваших легенд, — ответил Анатолий Северинович. — Марк всего лишь человек. Он разгуливал в моем халате, мы с ним бок о бок работали в саду. Беседовали… О чем мы только с ним не беседовали!.. Я повторяю, наше дело не безнадежно. Мы должны попытаться изменить строй его мыслей, мы можем обратить

его к добру. Почему же нам не попробовать?..

Еретик с сожалением оглядел троицу.

— Вы, ребята, лунатики? Спятили окончательно? Ладно, это ваше дело. Я обещал и доставлю вас на Золотое поле. Приготовьтесь. И-э-э-эх!.. Запевай!.. Долог путь до Нионели…

10

На второй день накал борьбы между тану и фирвулагами достиг такого напряжения, что люди-болельщики готовы были заплатить любые деньги, только бы добыть заветный билет на Великий Турнир. Каких только нарядов не встречалось в многолюдной толпе, но даже в этом изобилии красок, немыслимых фасонов, сверкающих доспехов этот человек в парусиновых обтрепанных брюках и черной ношеной-переношеной рубахе казался нелепым, случайно забредшим на игры бродягой. Он с невозмутимым и в то же время несколько растерянным видом чужака бродил от одной спортивной площадки к другой: сначала понаблюдал за соревнованиями по гребле (победу одержали фирвулаги), потом откочевал к тому месту, где вели сражение воздушные змеи (ничья), поприсутствовал на заездах тяжелых боевых колесниц (здесь первым был Кугал — Сотрясатель Земли). Что-то живое мелькнуло в его глазах, когда после заезда он увидел в королевской ложе Клу Ремилард. Доспехи на ней были цвета Гильдии Принудителей. Женщина бурно, не скрывая радости, приветствовала

успех своего героя.

В полдень начались соревнования по метанию молота — здесь верх взяли более мускулистые фирвулаги, — и захватывающая дух схватка между великаншами и женщинами тану, приписанными к рыцарскому сословию. Теперь борьба велась по более жестким правилам, чем на первом турнире, когда отдельные поединки заканчивались смертельным исходом.

Затем долговязый незнакомец вновь отправился На реку, чтобы понаблюдать за состязаниями по серфингу. Их трудно было отнести к числу наиболее популярных, однако на этот раз, к удивлению незнакомца, они привлекли очень много благородных дам тану, которые осыпали розами и воздушными — а кое-кто и страстными — поцелуями победителя. Тот выступал под именем Николо Мак-Грегор. Маленький, с хорошо развитой мускулатурой, он стоял на пьедестале в позе задиристого петуха.

— Сам король… — обмолвился кто-то позади странника в ношеных штанах. Он обернулся и увидел на сиденье в следующем ряду пожилого монаха в новенькой, шоколадного цвета рясе. Монах с аппетитом ел розовое мороженое.

— Наверное, вкуснотища?.. — спросил Марк,

глотая слюнки.

— Не то слово, — отозвался францисканец и пересел поближе к Ремиларду. — Продавец стоит возле трибуны. Он будет счастлив, если вы купите у него порцию. — Брат Анатолий потряс потертым кошельком, подвешенным к поясу. Послышался звон монет. — Видите, я теперь богач. Удачно поставил на вашего будущего зятя.

— Спасибо, не надо.

Монах, закатив глаза, облизнул губы.

— Послушайте, мой друг. Пойдите-ка купите себе что-нибудь вкусненькое, и мы расположимся где-нибудь на травке. Устроим небольшой приятный пикничок. Уверен, вы не сможете отказаться.

— Не откажусь. — Марк согласился сразу. Усмехнувшись, он еще понаблюдал, как лже-Николо продолжает раскланиваться во все стороны, принимая бурные поздравления благородных поклонниц его спортивного таланта. Женщины были разодеты в шифоновые платья пастельных тонов.

— Король лично участвует в соревнованиях? — спросил он.

— Неофициально, и не применяя свои метапсихические способности. До четвертого дня всем

участникам запрещено использовать оперантское искусство. Вот начнутся соревнования по особого рода хоккею или футболу, не знаю точно, где по правилам можно мобилизовать все свои ресурсы, тогда

— пожалуйста. Это будет вершина турнира.

— И даже в рыцарских поединках?

— Особенно в поединках, если это не вызвано условиями их проведения.

— Завтра король примет участие в каком-нибудь соревновании?

— Ходят слухи, что он собирается прыгать с шестом. Чтобы доказать, что железо можно использовать в мирных целях.

— Он занесен в списки спортсменов анонимно?

Глаза брата Анатолия блеснули.

— Завтра придем и посмотрим. Завтра же будет торжественное шествие с японским волшебным фонарем, а вечером обещают зажечь звезду на земле.

— К сожалению, завтра я буду очень занят.

Анатолий Северинович доел мороженое и напоследок облизал пальцы. Тем временем обслуживающий персонал развернул на реке огромное белое кольцо, плавающее на поверх-

ности, и главный распорядитель объявил новый тур состязаний, названных как-то необычно для человеческого слуха — «подгулявший водяной». Монах внимательно выслушал объявление и вроде бы не к месту заметил:

— Итак, король фирвулагов отверг твое предложение?

Тонкий лучик психокинетического зонда проник в сознание старика.

— Это Элизабет послала тебя шпионить за мной? — тихо спросил Аваддон.

— Она даже не знает, что я нахожусь на турнире, дубина ты стоеросовая! Смотришь дьявольским оком и не видишь!.. Перестань сверлить мне мозги! Я только посланец. Говорить с тобой будет другой человек, ты с ним знаком. Это Крейн. Он и Бэзил ждут нас во-он на той трибуне. Помнишь, Крейн просил тебя сделать его полноценным оперантом? У него есть что сообщить тебе. Нечто важное.

Исследующий зонд почти совсем ослаб. В это время толпа болельщиков взревела — карикатурно выглядящие ревуны выстроились против команды, собранной из элитной гвардии короля.

«Подгулявший водяной» оказался разновидностью водного поло. Марк поднялся, подтолкнул

Анатолия Севериновича к лестнице, ведущей к выходу.

— Брат, кажется, ты говоришь правду. Я выслушаю Крейна. А на обратном пути ты угостишь меня мороженым. Две порции, Анатолий Северинович… Лады?

Королевский аэроплан совершил посадку возле поблескивающей полусферы, воздвигнутой над стенами Надвратного Замка.

Было время заката, яркие солнечные лучи косо освещали землю, хищно выгнувшийся клюв летучей машины, Блейна, Альборана, с бластерами в руках вставших у трапа — оружие было снято с предохранителей.

Бывшие революционеры по очереди спускались по лестнице, на земле вся толпа замерла в ожидании короля, который быстро сбежал вниз, бросил какую-то не поддающуюся расшифровке команду, и в куполе сигма-поля открылось овальное отверстие.

Все прибывшие быстро, по одному проскочили сквозь купол — Эйкен последним. Поле за ними сомкнулось.

Дети революционеров собрались на откидном мостике у ворот замка и со слезами на глазах бросились к родителям. Оставалось сказать по-

следнее «прощай»!..

Уолтер: Вейко, сынок!.. Ты замечательно выглядишь. Ирена тоже. Святая Дева, я не мог дождаться… Неужели это случилось?..

Вейко: Ты сильно хромаешь.

Уолтер: Ничего. Целители тану сказали, что в два счета поставят меня на ноги. Как ты? Неужели, детишки, вы совершили это чудо?

Ирена: Он еще не совсем закончен, Уолтер. Может, завтра.

Вейко: Вся проблема с оплеткой. Надо так заэкранировать центральную жилу из ниобиево-диспрозиевого сплава — удивительная, должен сказать, штука, — чтобы полностью избавиться от помех. Как только техники придумают, как накручивать оплетку, мы сразу подсоединим питание, несколько контрольных измерений — и можно отправляться…

Ирена: Хаген и Клу будут первыми. Им надо побыстрее ускользнуть от Марка. Как только они пройдут через «врата времени», все мы будем в безопасности.

Вейко: Клу сегодня устроила спектакль с переодеванием. Вкупе со своим любовником тану. Он заявил королю, что не примет участия в соревнованиях на больших колесницах, если Клу не

сможет присутствовать на них. Видели бы вы, в какую ярость пришел король! Однако в конце концов он вынужден был согласиться. Он взял ее в королевскую ложу. Клу напялила рыцарские доспехи! Эйкен охранял ее как коршун.

Ирена: И Кугал выиграл скачки!

Уолтер: Я смотрю, вы хорошо осведомлены о всех местных делах. С какой целью члены Партии мира переселяются на Окалу? Почему покидают Европу?

Вейко: На всякий случай. Вся загвоздка в фирвулагах. Приход Мрака может и не произойти. Клу получила последние известия от Кугала. Король и королева фирвулагов не рискнули доверить Марку руководство их всеобщим объединением. Они считают, что и сами способны победить Эйкена. Может, они и правы.

Ирена: Мы все так рады, что вы наконец в безопасности. Что бы с нами ни случилось, хотя бы за родителей сердце болеть не будет.

Уолтер: Вы уйдете, Ирена! Я знаю, все будет хорошо.

Вейко: Мы тоже не теряем уверенности. Хорошие ребята одерживают верх. Мне кажется, что мы — хорошие парни… (Тень сомнения.) Ирена: Нам бы только добраться до будущего, там мы уж

как-нибудь устроимся. Некоторые из наших уже что-то обдумывают. Планируют!..

Уолтер: Вот и хорошо. И вы что-нибудь напланируйте. Например, ребеночка…

Вейко: Мы суеверны, отец.

Уолтер: Я тоже, сынок.

Вейко: Когда мы явимся к ним, мы постараемся, чтобы они узнали правду о плиоцене. Особенно о тебе и Манионе.

Эйкен: Пора!

Уолтер: Нас зовут… «Кулликки» сегодня поднимет паруса. В ночь… И в обратный путь… Удачи вам. Удачи вам обоим…

Вейко: Счастливого пути, папочка. Куда бы он ни привел.

Элизабет танцевала с королем. Музыки она не слышала — позволяла вести себя. Мысли ее были далеко.

Мягко посвечивали ограждавшие танцплощадку развернутые листы с изображениями рыцарей, составлявшими огромный волшебный фонарь — непуту, чей торжественный вынос должен состояться завтра. Рыцари своими чертами, вооружением, доспехами напоминали воинов Многоцветной Земли, но, исполненные в традициях средневековой японской живопи-

си, казались фантастическими и в то же время необыкновенно милыми, домашними существами. Ярость на их лицах была подобна гневу ребенка, радость неподдельна и непосредственна, печаль светла… Сразу за удивительными светящимися картинами начинался припойменный лес — площадка, где проводился бал Земной Звезды, была окружена старыми деревьями, на ветках которых сверкали мириады золотых, зеленоватых, розовых светлячков. Искусники-ревуны заранее наловили их и приклеили к ветвям, листьям, сучьям древних лип. Зрелище необыкновенное… В купах деревьев точно в зените оставлен просвет, и было видно, как на темном участке ночного неба, словно на дне колодца, светили далекие вечные звезды, светили слабо, грустно, маняще, ведь в самом центре небесного лужка ясно читалось созвездие Трубы, за которым на расстоянии многих тысяч световых лет таилась недоступная и зовущая вернуться галактика Дуат.

Эйкен шепнул Элизабет:

— Наконец-то ты повеселела. Я рад.

— Мне приятно быть с тобой, дорогой.

— Взаимно, — кивнул король. — Я испытываю те же чувства. Нет-нет, ничего похотливого…

Правда, братской привязанности я к тебе тоже не испытываю. Не знаю, как назвать состояние, которое овладевает мною в твоем присутствии. Ты хочешь, чтобы мы слились сознаниями? Я буду счастлив… Элизабет, я, кажется, нашел слова: я испытываю к тебе то, что ощущает отец, наблюдая за любимой маленькой дочкой.

— Гермес щедрый, — тихо прошептала она. — Тебя ведет зов души. Очень редкий архетип. Человек, слышащий и спешащий на призыв… Невольно, инстинктивно. Я всегда была уверена, что смогла проникнуть в суть твоего бессознательного и, главное, познать особенности твоего характера!.. Это две разные вещи…

— Нет, я не совсем то, о чем ты думаешь. Знаешь, чего бы мне хотелось больше всего на свете? Чтобы ты стала моей королевой. Я буду любить тебя всегда.

— Ты еще найдешь себе пару. Ты так молод.

— Но очень быстро расту, — засмеялся он.

Их сознания отделились, и они прислушались к музыке. Удивительная мысль пришла к Элизабет — их недавнее метаединство предвещало прочный метасоюз…

Затем раздался голос:

«Я надеюсь, ты доверишься мне. Я так страстно

хочу этого! Позволь мне заглянуть туда, где скрыто твое сокровенное, сними маску, которую ты носишь уже который год. Позволь…»

Элизабет замерла, дрожь пробежала по ее телу.

«Зачем?»

Чья-то мысль, проникшая в ее сознание, стиснувшая душу — неодолимая, знакомая, — отлилась в слова:

«Доверься мне. Я только взгляну… Ради нас двоих. Пожалуйста…»

«Я не могу…»

«Пожалуйста. Я должен знать правду».

«Там бушует огонь».

«Знаю. Бедная Элизабет. Ты так горда и так напугана. Если бы ты только доверилась мне».

«Брат Анатолий настаивает, чтобы я доверялась только Богу».

«Доверься мне. Позволь мне войти. Там…»

На некоторое время Элизабет оказалась погруженной в безмолвие. Тьма вокруг нее сгустилась, но это был искусственный, созданный силой мысли Мрак. Он пришел. Каким-то образом она *вдруг* догадалась об этом. И очутилась в космическом пространстве, в самой пустынной части Вселенной, в межгалактическом просторе.

Вокруг расстилался почти полный вакуум. Даже

ее обострившиеся чувства не могли обнаружить следов межзвездного газа, только редчайшие столкновения квантов энергии с ядрами атомов водорода. Здесь была сердцевина Мрака, его сущность, и в ней, совсем близко, она ощутила присутствие некоего материального объекта. У нее вдруг нашелся спутник. Или поводырь?..

Что он представляет собой? Едва заметно светящееся облачко, скопище вращающихся спиралей, звездных блесток, прозрачного невесомого тумана, сквозь который просвечивали раздувшиеся в экваториальной плоскости шары, двух– и трехрогие спирали, диски, уплотнившиеся до сияющего ядра в центре, провалы в небытие, заполненные космической пылью… Элизабет сама кружилась в каком-то странном ритме. Это вальс? Женщина открыла глаза и увидела, что танцует с Марком Ремилардом.

— Крейн нарушил обещание. — Она грустно покачала головой. — И ничего мне не сказал. Это ты выбрал. Не я… Это невозможно…

— Я согласен. Меня зовут, Элизабет. Или зовет… Я не хотел употреблять это слово, дорогая. Что есть судьба? Что есть истина, я знаю!.. Но что есть судьба?.. Дорога, которую мы выбираем?.. Но на жизненном пути ты волен сделать только

первый шаг, ступить на нее ты волен… Второй шаг ты уже делаешь по необходимости. Что говорить о последующих. Так вот, я даже в первом шаге был несвободен. Я таким уродился!.. При чем здесь судьба? Скорее жребий. И против него я буду бунтовать! Если мне когда-нибудь выпадет единственная возможность избавления и я смогу покончить с собой — я никогда не воспользуюсь ею. Но трудиться понапрасну я устал. Крутить вхолостую… Любая цель ограничена во времени, а я буду жить вечно. Что мне делать? Чем занять себя?..

Она больше не отваживалась смотреть на него. На Марке не было тех роскошных одеяний, в которых танцевал король, обычный поношенный вечерний туалет для тропиков: черный пиджак, накрахмаленная белая рубашка с рифленым нагрудником. Женщина чувствовала его дыхание, но сдаваться на его милость она не собиралась.

— У тебя есть трое настойчивых и очень храбрых друзей, Элизабет, — сказал Марк.

— Я их предупредила, чтобы они не смели появляться здесь. Они не имеют права вмешиваться. Крейн дал слово…

— Крейн сказал мне куда больше того, о чем ты можешь догадаться. У него еще та, дуатовская

проницательность. Крейн сказал, что ты любишь меня. И Эйкена тоже. Это правда?

— Этого не может быть!

— Я тоже так считаю, но твои друзья — такие упрямцы. И ведь каждый из них чего-то добился в этой стране. Бэзил покорил самую высокую вершину в истории Земли, Крейн научился лечить детей, страдающих от «черного торквеса», и делать их полноценными оперантами. Даже брат Анатолий!.. Он считает, что ему на время удалось отвратить меня от греха. Вот я и говорю, они такие упрямые… Почему-то уверены, что на свете нет ничего невозможного.

— Мы-то лучше знаем, Марк.

— Еще бы, — ответил он.

Черная пустота вокруг растаяла. Вокруг — на картинах — размахивали мечами, кололи копьями рыцари тану и герои-фирвулаги с раскосыми глазами и плоскими, с желтоватым отливом лицами. С ней в танце кружился Эйкен. Ветви, странно поблескивающие разноцветными огоньками, нависали над головой. Музыка, как будто бы вздохнув, на мгновение замерла, потом скрипки стремительно пробежались в пассаже — звуки слились в аккорд, и все стихло.

11

Сразу после рассвета, в присутствии Его Величества короля Эйкена-Луганна, членов Высокого Стола в полном составе, миссис Элизабет Орм, начались испытания собранного и подготовленного к пробному включению деформатора Гудериана. Аппарат был установлен на внутреннем дворе Надвратного Замка. Изможденные, с усталыми лицами монтажники заканчивали последние приготовления. Здесь же находились пятеро малолетних детей североамериканцев, сонные и куда больше интересующиеся костюмами экзотических рыцарей тану. Устройство, с помощью которого их собирались перебросить в чудесную страну будущего, совсем не занимало их.

Сам аппарат был значительно больше того, что построил Тео Гудериан. Чтобы компенсировать подъем почвы, который неизбежно должен произойти за шесть миллионов лет, деформатор воздвигли на постаменте высотой в два метра. Был он похож на крытую садовую беседку, украшенную колоннами с резьбой и как бы драпированную виноградными лозами. Каждая плоскость этого многоугольного, вытянутого

вверх сооружения была забрана прозрачной переборкой из стекловидного вещества — внутри в тусклом освещении просматривались какие-то соединения, панели, патрубки… «Лоза», обвившая деформатор, была не чем иным, как разноцветными кабелями, толстыми, тонкими, собранными в жгуты и висящими отдельно. Самое интересное, что на расстоянии пятнадцати сантиметров над крышей «беседки» все провода — а их было множество — внезапно исчезали и появлялись только с другой стороны аппарата, и эта щетина ведущих в никуда кабелей вызывала странное и неприятное ощущение тайны, словно некая мистическая сила наложила лапу на все сооружение.

— Что вы собираетесь отослать в будущее в первую очередь? — обратился король к Хагену.

Молодой человек протянул ему маленькую шкатулку из цельного кристалла, поднял крышку, и Эйкен увидел металлическую голубовато-синюю пластинку, лежащую на дне.

— Пластинка из калия. После того, как она совершит путешествие туда и обратно, мы подвергнем ее испытанию, чтобы определить — действительно ли она проделала путь в двенадцать миллионов лет. Согласно теории, конечная

точка, на которую направлена машина времени, фокусируется заранее. Если все сработает штатно, то наша посылка попадет во Францию двадцать второго века. День этот, согласно календарю, принятому в Галактическом Содружестве, будет соответствовать 2 ноября 2111 года. Затем пластинка вновь переместится сюда.

— Хорошо, — кивнул король. — Заканчивайте подготовку.

Он взял стоявшую рядом Элизабет под руку. Она выглядела усталой, сознание прочно прикрыто защитным барьером — казалось, происходящее ей глубоко безразлично.

Хаген по приставной лестнице взобрался на постамент, кто-то из помощников передал ему стул, который он установил в центре «беседки». На него он положил шкатулку, потом спустился вниз и занял место в первом ряду зрителей рядом с Дайаной Манион, Клу и Кугалом. Потом махнул рукой женщине, сидевшей в стеклянной будке, где располагалась панель управления машиной, и крикнул: — Давай, Мативильда!

Деформатор Гудериана включился беззвучно. Расход энергии был минимальный, даже лампы, висевшие на стенах замка, не ослабили блеска. «Беседка», казалось, попала в полосу вибрации,

стенки ее задрожали, и вслед за тем внутренности напрочь исчезли из поля зрения.

— Я слышал, временной переход совершается мгновенно, — сказал король,

— но мы можем подождать минуту-другую…

Две сотни человек и тану затаили дыхание.

— Ну-ка, выключи машину, — приказал король.

Мативильда нажала на кнопку, внутри деформатора что-то мигнуло. Эйкен с быстротой молнии взлетел на постамент и перед самым входом в «беседку» присел на корточки. Внутри лежали две ровно обрезанные половинки стула и — на полу — посыпанная пеплом шкатулка из камня.

— Взгляни-ка, Хаген, — позвал король. — Тауполе, как ни странно, преобразовалось в широкий луч. Или сектор, вырезавший дыру в пространстве.

Выругавшись, Хаген влез на основание. Уже наверху он начал изрыгать проклятия на весь телепатический эфир. Потом спрыгнул и, обратившись к молодому смуглому человеку, шагнувшему к нему из толпы, указал пальцем на машину времени.

— Анастос, поднимись и посмотри сам!

Тот тяжело вздохнул и полез по лестнице, присел возле короля, потрогал остатки стула, потом слез и подошел к Мативильде. В толпе раздался удивленный детский голосок:

— Папочка, значит, мы не поедем в будущее?

Эйкен, слетев вниз, передал шкатулку Берту Кандиману, который держал в руках специальный анализатор, определяющий время радиоактивного распада ядер. Дрожащими руками он принял шкатулку, ушел в соседнюю будку, там провел необходимые измерения и вдруг радостно закричал:

— Она *там* побывала, Ваше Величество!

Тут же на платформу полезли инженеры, техники, рабочие — подтащили различную контрольно-измерительную аппаратуру, начали вскрывать блоки и шкафы с оборудованием. Затем между королем, Димитрием Анастосом и Хагеном разгорелся горячий спор. Клу и Кугал приблизились к Кандиману. Король по мысленному коду распорядился, чтобы Тони Вейланда немедленно доставили на монтажную площадку. Инженер-металлург появился во дворе через несколько секунд и присоединился к спорящим.

Ругались они около четверти часа, пока наконец не было принято окончательное решение.

Все технические специалисты покинули платформу, рядом с машиной остался только король. В одной — поднятой — руке он держал обломки стула, в другой заветную шкатулку. Он стоял, словно на трибуне, обратившись лицом к присутствующим.

«Тихо!»

Кто-то из детей захныкал. В толпе кашлянули, послышался всхлип.

— Это обычная накладка, которая всегда случается при испытаниях, — объявил король. — У меня хорошие новости — Берт утверждает, что калиевая пластинка, находившаяся в этой шкатулке, постарела на одиннадцать, точка, семьдесят восемь, плюс-минус ноль, точка, два миллиона лет. Это как раз соответствует предварительным расчетам, так что теперь у нас есть ворота в эпоху Галактического Содружества.

Все открыли рты от изумления, потом толпа взорвалась бурными криками восторга.

Король продемонстрировал собравшимся разрезанный стул.

— Однако это очень *узкие* ворота. Вместо полнообъемного шлюза тау-поле генерирует в тонком слое шириной в пядь. — Он показал ладонь с раздвинутыми пальцами. — Обстоятельство,

конечно, неприятное, но мы вроде бы нащупали возможную причину подобного сужения. Все дело, по-видимому, в одном из кабелей, у которого оказалась бракованной центральная жила. Его уже ищут и, без сомнения, быстро найдут. — Он обратился к застывшим техникам, побуждая их действовать: — Что вы рты пооткрывали? Начинайте прозванивать кабели, отыскивайте негодный…

В этот момент прежний громкий детский голосочек спросил:

— Король, мы теперь сможем попасть в завтра?

Громкий хохот прокатился по рядам людей и тану. Напряжение тут же спало. Техники забегали, начали раскручивать головки разъемов, кто-то принялся тыкать и в «папу» и в «маму» пробником.

— Надеюсь, что это так, Рики, — ответил малышу Эйкен. Он глянул через плечо на стоявшую за спиной машину, потом отбросил в сторону остатки исторического стула — деревяшки тут же подобрали, — сунул в карман куртки шкатулку с калиевой пластинкой и слетел на плиты, которыми был вымощен внутренний двор крепости. Здесь он ткнул пальцем в Тони Вейланда,

который оказался в нескольких шагах от короля. Тот побледнел от страха, непроизвольно зевнул, когда король мысленно спросил его:

«Восемьдесят тысяч фирвулагов, Тони, плюс Ангел Бездны?.. Ты решил подстраховаться с этим сердечником, не так ли?»

Схватившись за свое ожерелье, Тони чуть заметно кивнул.

Он совершил d-переход прямо во внутренние покои, расположенные под трибунами на Золотом поле. Угодил прямо в детскую спальню. Первым его обнаружил наследник престола, как всегда, в полуденную жару и после обеда уложенный спать.

— Мама! Папа! Смотрите, Враг!.. — закричал мальчик.

Он выскочил из кроватки и принялся напяливать на себя игрушечные парадные доспехи, схватил маленький священный меч.

Шарн и Айфа бросились на голос ребенка, их сознания метнули воображаемые языки пламени, в комнатах запахло серой. Однако, разглядев, с кем собирается сражаться юный Шарн-Адор, они громко расхохотались.

Королева прижала сына к груди.

— Не бойся, малыш. Это наш знакомый низко-

рожденный, он наш друг, Смаджер. Он-то как раз не враг. Ложись-ка спать…

Мальчик смотрел на нежданного гостя широко открытыми глазами. Он выбросил ментальный зонд и с подозрением ощупал незнакомца.

— Но он явился из ничего! Прямо из воздуха!.. То ничего не было, а то появился *этот*…

Марк Ремилард засмеялся.

— Он просто умеет так делать, — объяснил сыну Шарн. — А теперь слушайся маму, а не то я запрещу тебе присутствовать на рыцарских поединках.

Королевская пара предложила Марку пройти в ложу, из которой было видно все происходящее на Золотом поле. Там же в креслах сидели Суголл и почтенные мастера-карлики, замечательные искусники по части обработки камней. К тому же они происходили из очень родовитых фамилий. Оба — и Финодари, и леди Мабино — Прядильщица Снов — являлись членами Карликового Совета, правда, принадлежали к той части верховного органа, представители которой не участвовали в ритуальных битвах. Все же остальные знатные фирвулаги были внесены в списки участвующих в соревнованиях.

— Жаль, что вы не появились раньше, Реми-

лард. — Казалось, Шарн искренне огорчен этим обстоятельством. Он указал Марку на свободное кресло и жестом приказал Хофгарну подать ему прибор и угостить закусками, предложить холодного пива. — Вы пропустили несколько очень интересных поединков.

— Семнадцать врагов сильно покалечены, двенадцать разбиты по всем статьям. — Старая леди Мабино довольно захихикала. — Счет теперь явно в нашу пользу.

Марк отказался от пива, и Айфа сама наполнила его кубок шипучим вином. Со стороны Золотого поля донеслись звуки боевых труб. Звонкий мысленный голос распорядителя игр Хаймдала Могучие Щеки объявил о начинающихся соревнованиях и о том, как будут подсчитываться очки.

— Это должно быть занятно, — сказала королева. — Участникам предстоит срубить гребень из перьев со шлемов противников, за что им и будут начисляться очки. Я не удивлюсь, если кто-то промахнется и попадет ниже.

Леди Мабино опять захихикала.

Суголл, принявший иллюзорный облик бравого молодца с гладко выбритой головой, заметил:

— Возможно, наш гость, как и многие люди,

находит нанесение увечий отвратительным зрелищем?

— Нас этим не испугать, — ответил Ремилард. — Даже в эпоху Галактического Содружества зверств достаточно. Инопланетные расы, случается, с ужасом смотрят на нас. — Он поднял кубок в честь присутствующих и пригубил. — Кстати, я должен сказать, что как раз вернулся из подобного райского, не знающего, что такое боль, мирка. Испытывал некий прибор, подаренный мне вчера.

Шарн и Айфа сумели скрыть удивление, но два знатных фирвулага откровенно раскрыли рты.

— Всемогущая Тэ! Ты имеешь в виду, что способен перелетать на другие планеты, низкорожденный?

Марк выстроил подробный и доступный образ — или смену изображений? — объясняющих принцип d-перехода.

— Теперь у меня есть митигатор и программа обезболивания, принадлежавшая когда-то Кораблю. Вот я и испытал ее на дальнее расстояние. Я побывал в мире, который назвал Goal, расположенном в четырнадцати тысячах парсеков от Земли.

— Великая Богиня! — Королева прижала руки к

огромной груди.

— Митигатор работает как часы. Я получил его от тану. В качестве взятки. Рыцарь, передавший мне прибор, сообщил, что он является также частью наследства фирвулагов. Оно должно было перейти к ним от Супруга Бреды — Корабля, доставившего вас на Землю тысячу лет назад.

— Это было давным-давно, — задумчиво сказал Шарн.

Мудрый Финодари вскинул голову, лицо его было печально.

— Но мы *все* помним, не правда ли, мать? — обратился он к Мабино.

Губы старой леди задрожали.

Ремилард принялся объяснять:

— Система эта — как раз то место, куда я хочу перебросить своих детей… после того, как мы совместно разгромим общего врага. Я больше не могу видеть, как Хаген и Клу томятся в рабстве у короля.

Шарн сдвинул брови, поджал губы, сложил огромные кривые пальцы с когтями крышей. Направленного на него в упор взгляда Марка он избегал.

— Я пока изучаю этот вопрос, Ремилард. Должен признаться, ты произвел на нас впечатление.

Может, слишком сильное для первого знакомства — ха-ха-ха! Мы, фирвулаги — «маленький народ», — для вас не более чем варвары, хотя с нашей точки зрения все ваши высокие технологии всего лишь болеутоляющие пилюли.

— Мы живем традицией! — заявила Айфа. — Самая дерзкая идея, рожденная нами, — это использование домашних животных для перевозки грузов.

— А захваченное оружие из будущего… для самообороны, — вежливо подхватил Суголл.

Марк остался невозмутим.

— Наш союз может оказаться очень выгодным для вас. В обмен на поддержку — один-единственный раз! — я передам вам — подарю! — высокоэффективную программу организации мощного метаобъединения, которая в пять раз увеличит мощность метапсихического удара. А при сужении сектора обстрела пробивная сила увеличивается на тысячу порядков.

Старый Финодари издал звуки, похожие на собачий лай, — оказывается, он расхохотался.

— Восемьдесят тысяч фирвулагов, соединенные в прочную цепь, в любом случае сделают из Эйкена Драма котлету. И он знает об этом.

— Мы всесторонне рассматриваем ваше пред-

ложение, — признался Шарн. — Мы не имеем права спешить, но общее мнение уже складывается… Пойти на ваше предложение — значит превысить допустимую меру риска.

Марк вымученно улыбнулся.

— У нас совсем нет времени. Если ученым Эйкена удастся вновь распахнуть «врата времени», люди потоком хлынут сюда из будущего. Они доставят Эйкену такое вооружение, которое вам и не снилось. Но главная беда в том, что в плиоцене могут появиться настоящие операнты, которые будут успешно противостоять вам.

— Да, проблема серьезная, — согласился Шарн. — У меня нет оснований вам не верить. Но ходят слухи, что «золотой пиджак» так упорно занялся проектом только потому, что решил сам ускользнуть через «врата времени». Пусть даст деру — это будет лучшим выходом из положения.

— Открытые «врата времени», — твердо заявил Аваддон, — для вас будут означать неминуемый крах.

— И для вас, — напомнил Суголл.

Он перегнулся через перила и засмотрелся на

melee note 30, которая разворачивалась на поле.

— Кажется, тану берут верх, последний удар, который нанесли люди под предводительством рыцаря Бутылки, буквально потряс карликов Пингола.

— Что еще за рыцарь Бутылки? — недоверчиво оттопырил нижнюю губу Марк Ремилард.

Суголл указал на причудливо наряженного воина, восседавшего на сером, в полоску, как зебра, гиппарионе. Вместо обычных стеклянных доспехов он был наряжен в чешуйчатую кольчугу, составленную из донышек разбитых пивных бутылок, нашитых острыми краями вперед. Конечности его были прикрыты обрезками стеклянных труб, соединенных проволочными петлями. Шлем представлял не что иное, как отпиленный верх бутыли в оплетке с пучками соломы вокруг шеи, так что создавалось впечатление, будто горлышко торчит из корзины. Гребень на шлеме сделан в виде пробки от четверти и украшен таким же пучком соломы. Лицо скрыто за забралом. В руках рыцарь Бутылки держал необыкновенно длинное копье с наконечником странной формы и блестящий, с нанесенной гравировкой щит. В

---

note notes: Note30
стычка, драка (фр.)

щите было просверлено отверстие для наблюдения, а в центре — специальное отверстие, через которое просунуто древко и удерживающая копье рука. Рыцарь Бутылки, объяснил Суголл, занесен в списки как обладатель серебряного ожерелья. Его имя ничего не говорило присутствующим, однако в четырех предыдущих поединках он легко победил своих соперников. Согласно правилам, он мог сражаться только с карликами и человекообразными фирвулагами, и с ними он разделывался в два счета.

— Это сам король, — пояснила Айфа, потом добавила: — Мы так думаем… Взгляните, какого он роста. И кто еще наберется нахальства выйти на бой в таком скоморошьем наряде?!

— Ах! — простонал Финодари. — Он сбил Шопитли Кровопийцу!..

— Он сражается нечестно! — жалобно взвыла леди Мабино. — Против тех, кто пеший, он должен биться мечом.

— В правилах насчет этого ничего не сказано, — сквозь зубы процедил Шарн.

— Посмотрите на табло! — воскликнула Айфа. — Мы были впереди, а теперь этот коротышка расправляется с нами как с трусливыми зайцами. До сих пор мы уже дважды побеждали в

поединках…

— Йа-а-а-а! — Финодари плеснул отчаянием. — ОН ПОБЕДИЛ МИМА ИЗ ФАМОРЕЛА!

— Да поможет нам всемогущая Тэ! — Шарна даже передернуло. Стеклянный панцирь издал музыкальный звук. На огромном электронном табло, которым заведовал Йош Ватанабе, вспыхнули цифры — в полуфинале тану значительно опередили своих противников.

— На сегодня все, — прошептала Айфа. — Черт бы побрал коротышку! Схватил куш и бежать!.. Посмотрим, как они начнут драпать, когда дело дойдет до финала.

— Что тогда случится? — поинтересовался Марк. — Что это вообще за штука такая — финал?

— Прежде всего великолепное зрелище. Будут выстроены победители всех Предыдущих поединков, и каждый получит право выбрать противника… примерно своей комплекции и мастерства…

— Они уносят Мими, — зарычала королева. — Этот гнусный низкорожденный фигляр сломал фаморельцу ключицу. Никто из наших карликов теперь не отважится выйти на схватку с рыцарем Бутылки.

— Только чистокровный фирвулаг может быть внесен в списки соревнующихся под вашим флагом? — спросил Марк.

Король и королева переглянулись. Вместо них ответил Суголл:

— Формально любой житель Нионели — в том числе и люди — являются подданными Их Величеств короля Шарна и королевы Айфы. Однако мы — мирный народ, как фирвулаги, так и ревуны. Мы лишь хозяева турнира. У нас и так хлопот полон рот.

Марк долго смотрел на трибуну, потом похлопал себя по коленям и сказал:

— Я не ошибаюсь насчет слухов?.. Говорят, вы решили наградить меня званием почетного гражданина Нионели, лорд Суголл?

— Черт побери, а он прав! — воскликнул Шарн, и тут же его энтузиазм сменился откровенным недоверием. — Вы считаете, что сможете его победить? Не используя метапсихическую силу?.. Вообще-то, на вид сложены вы очень хорошо…

— Я обожаю ловить крупную рыбу. А насчет этого поединка?.. Я не вижу особых сложностей… Подсчитать вектор удара и его примерную силу — что тут хитрого? Я полагаю, противники имеют право контролировать своих скакунов посред-

ством мысли?

— О да! — кивнул Суголл. — Это разрешается. — Потом он указал на свои светящиеся доспехи — свет их напоминал сияние золотистой луны, на этом фоне особенно впечатляюще выглядела гравировка. — Если желаете, я могу уступить вам мои доспехи и скакуна.

Улыбнувшись, Марк поклонился Суголлу.

— A la bonne heure! note 31

— А я буду вашим оруженосцем! — Глаза Шарна разгорелись. — Давайте побыстрее выполним все формальности, занесем вас списки. Вам еще надо подобрать звучное имя.

— Джек Алмазный, думаю, вполне сгодится, — ответил Марк.

Марк спрыгнул со взмыленного скакуна, отшвырнул копье и щит и сорвал сделанный якобы из соломы хохолок со шлема рухнувшего на землю рыцаря Бутылки. На трибунах, где сидели фирвулаги, раздался дикий восторженный рев.

Эйкен лежа скинул шлем, совершенно по-клоунски отдал честь и заявил:

— Хорошо сработано, рыцарь в белом. Боже, какой удар! У меня было такое впечатление, что

---

note notes: Note31
В добрый час (фр.)

я столкнулся с астероидом.

Марк поднял забрало.

— Ничего удивительного, — сказал он. — Обыкновенная арифметика. Расчет векторов сил. — Он поднял руку и помог подняться своему побежденному противнику. — Искушение одолеть вас в поединке было неодолимо. Просто руки чесались дать вам хорошую взбучку.

— Я бы тоже не устоял, — согласился король. — Все равно рано или поздно мне следовало обязательно проиграть.

Марк едва заметно поднял брови.

— Я вынужден сражаться на поединках, — объяснил король. — Давать пример подданным… Однако во всяком деле самое главное — точно рассчитать, кому и когда надо проигрывать. Важно не то, чтобы противник был силен и искусен. Надо позаботиться о чем-то более важном. — Глаза короля хитро блеснули.

В душе, решил Марк, он навсегда останется мошенником, правда, очень высокого — королевского — пошиба.

Видно, коронованный плут уловил его мысли и, довольно заулыбавшись, указал на трибуны, где бесновались фирвулаги.

— Смотрите, как они счастливы, как в один

миг набрались наглого бахвальства. Недоростки заранее ощущают себя победителями. Нам, мол, равных нет!.. Мы можем наголову разбить тану без каких-либо дополнительных усилий. Или предложений, которые им делают пусть даже талантливые, но, скорее всего, вероломные низкорожденные.

Аваддон скривил губы в усмешке:

— Очень умно, приятель!

Ремилард поднял оружие. Они сели на скакунов и вместе направились к королевским ложам.

— «Врата времени» еще на замке, не так ли? — спросил Ремилард.

— Вам не терпится узнать новости?

Марк перевел разговор на другую тему.

— Что нас ждет завтра на турнире?

— Гвоздь программы — перетягивание змеи. Используя ментальную силу тоже. Тут уж схитрить не удастся, придется выложиться полностью. Мне, по крайней мере.

— С этой целью и изволили смошенничать в схватке со мной? — засмеялся Марк. — Ладно, до завтра.

С этими словами он высоко вскинул копье и потряс им. К наконечнику был прикреплен пучок соломы со шлема короля.

12

С самого начала Великого Турнира две большие новости не сходили с языков собравшегося на состязания простонародья — серых торквесов и людей, лишенных психокинетических отличий. Мельница слухов постоянно намалывала самые невероятные россказни, самые дикие предположения обретали видимую убедительность, страхи вроде бы подтверждались твердыми фактами, заверениями надежных «свидетелей» и, что куда важнее, прозрачными намеками. Нельзя сказать, что все, о чем болтали в толпе, являлось откровенной ложью. К четвертому дню турнира ни у кого из зрителей не вызывало сомнения, что открытие «врат времени» — дело нескольких часов и что предполагаемая война между тану и фирвулагами теперь неизбежна.

ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ. Двадцать четыре «роплана» королевских воздушных сил заняли позицию над Золотым полем на высоте 4000 метров. (ПОСЛЕДНИЙ СЛУШОК гласил, что отчаянные головы из числа королевских специалистов установили на аэропланах орудия, наведенные на трибуны, занятые фирвулагами.) ГЛАВНАЯ

НОВОСТЬ. Большой лагерь, разбитый фирвулагами к северу от Золотого поля в обширных липовых рощах, до последнего момента открытый для посещения любого визитера, прибывшего на Великий Турнир, к исходу третьего дня оказался закрыт для гостей. По всему его периметру выставлены часовые

— доброжелательные, улыбчивые, но решительно настроенные великанши-людоедки. (ЕЩЕ ОДИН ШТРИШОК. В посещении лагеря отказывалось не только людям, но и ревунам. Фирвулаги откровенно говорили, что не верят их приверженности общему делу «маленького народа».) ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ. Король Эйкен-Луганн исчез из своей ложи сразу после первой серии дуэлей «великих и могучих бойцов». Его отсутствие не помешало Блейну, Альборану и Селадейру из Афалии победить Галбора Красного Колпака, Тетрола Костоправа и Бетуларна Белую Руку, так что теперь тану по очкам резко оторвались от фирвулагов. (ПОСЛЕДНЯЯ СПЛЕТНЯ. Какой-то шустрый бывший штурман из тех, кто был лишен ожерелья, утверждает, что ему довелось побывать на флагманском аэроплане и он собственными глазами видел полетную карту. Курс проложен к Надвратному Замку! Шлюз почти

готов к открытию, деформатор уже прошел последние испытания. Король собирается с минуты на минуту сбежать в эпоху Галактического Содружества. Врата за ним захлопнутся, и больше никто не сможет уйти от страшной бойни, затеваемой фирвулагами.) ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ. Ревуны с «величайшей неохотой отказались» участвовать в соревнованиях по перетягиванию змеи, назначенных на полдень четвертого дня. Они объясняют свое решение тем, что, к сожалению, являются хозяевами турнира и их долг наблюдать, чтобы какая-нибудь из сторон не использовала нечестные приемы. (ПОСЛЕДНЯЯ СПЛЕТНЯ. Королевская пара фирвулагов, узнав об этом, пришла в дикую ярость! Люди, проживающие в Нионели, намекают, что между Суголлом и Эйкеном-Луганном существует секретное соглашение, согласно которому единое сознание мутантов, всех граждан Нионели, передается в полное подчинение короля тану. Спортивная игра, назначенная на пятый — последний — день турнира, была не чем иным, как разновидностью ирландского футбола. Любой более-менее образованный житель Многоцветной Земли имел представление, что это была за игра! В ней существовало одно-единственное правило — за-

гнать мяч в ворота противника. Больше никаких запретов не было. Что это, как не начало войны с Мраком?!) ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ. Таинственная миссис Элизабет Орм, живущая отшельницей, некоторое время провела в королевской ложе в обществе мужчины, которого никто не знал. (САМЫЙ СВЕЖИЙ СЛУШОК. Этот парень был не кто иной, как Марк Ремилард, поджигатель Вселенной, вождь мятежников, легендарный Аваддон во плоти.)

Утром поединки «великих и могучих бойцов» достигли кульминации. Как всегда, они начались с демонстрации «великого умения и искусства». Ревуны, обслуживающие Великий Турнир, с рассветом принялись устанавливать на поле огромные кузнечные мехи. Перед началом поединка на турнирной площадке, в самой ее середине, разложили гигантский костер. Наконец в ясное небо полыхнуло исполинское пламя, и низкорослые служители тут же начали раздувать огонь. По углам широкого ринга запылали костры помельче, и скоро над Золотым полем поднялись клубы черного и розового дыма. Запели трубы, и главный распорядитель восторженным голосом объявил:

— Герой тану, Кугал — Сотрясатель Земли, вы-

звавший на бой знаменитого Медора, воителя и благородного фирвулага, отказывается от поединка. По собственной воле.

Вздох разочарования пронесся по трибунам, где сидели тану и люди. В свою очередь фирвулаги издали победный рев. После небольшой паузы распорядитель торжественно продолжил:

— По решению главного судейского комитета в поединке вместо лорда Кугала примет участие Минанан Гордый, известный также как Еретик, прежний Великий Стратег тану.

Надо было слышать, какими радостными криками встретили тану и люди это сообщение, как разочарованно загудели фирвулаги. Огромная часть зрителей-недорослков от злости и бессильного гнева принялась менять обличья. Их надежды опередить тану в счете оказались разбитыми, потому что в схватке с едва подлечившимся Кугалом Медор безусловно имел фору, но в сражении с самим Минананом, на протяжении сотен лет ведущим метасокрушителем тану, он не имел шансов.

…Затихли фанфары, изменился цвет дыма, столбом встающего из обширного срединного костра — теперь в небо с гудением уносились клубы голубые и зеленые, вперемежку с ало-черными и

розовыми. Оба соперника вышли на поле. Медор был закован в латы из черного янтаря, броневые пластины усыпаны радужными блестками бриллиантов и вырезанными из крупных топазов шипами. Цвета доспехов Минанана — удивительного, что было видно даже издали, произведения искусных мастеров тану — символизировали его принадлежность сразу к трем Гильдиям: Творцов, Принудителей и Психокинетиков. На его массивной кирасе золотом был выгравирован трилистник, шлем украшала фигурка крылатого дракона.

Герои встали друг напротив друга — их разделял расположенный в центре, все ярче и ярче разгоравшийся костер. Ревуны из обслуживающей команды подали каждому участнику конец длинной цепи из огнеупорного стекли, протянутой через бушевавшее в центре пламя. В середине ее, в самом жару, в бушующем пламени висел ощетинившийся острыми иглами железный шар.

Распорядитель махнул рукой, толпа взвыла, и соревнования начались.

В королевской ложе тану, не слыша и не видя ничего вокруг, сидели двое — мужчина и женщина, оба — люди.

Она: «Что-то подобное происходило между мною и Лоуренсом».

Он: «Точно так же, как между мною и Синдией».

Они согласились друг с другом. Это может случиться только раз в жизни. Стоит ли пытаться вернуть утраченное чувство, искать его вновь? Бессмысленная затея!.. Напрасная... Если это правило обязательно в среде людей обычных, то сколько страданий, бесплодных надежд ожидание счастья может принести полновластным оперантам. Еще смехотворней пытаться людям гордым, недоверчивым, склонным к одиночеству.

Минанан и Медор старались сдвинуть друг друга с места. В ход пошло все — сила рук и ног, крепость тела, метапсихическая мощь. Сначала раскаленный железный шар все так же висел в середке беснующихся языков пламени, потом мало-помалу утыканный иглами кусок железа начал смещаться к Минанану. Медор шаг за шагом начал приближаться к адскому огню. Тану и люди привстали со своих мест в ожидании близкой победы, однако Медор, в тот самый момент, когда его противник должен был сменить положение ног, вдруг впрыгнул в костер!.. И тут

же выскочил из огня, как только потерявший равновесие Минанан рухнул на землю. Песок под рыцарем тану, мгновенно сплавленный ментальной силой Медора, стал глаже ледяного катка. Изо всех сил Минанан пытался остановить скольжение. Медор не давал ему передышки — рывками тащил цепь на себя, стараясь вырвать последнее звено из рук Еретика, что, по правилам, означало полное поражение. Неодолимая сила влекла Минанана в костер — еще чуть-чуть, и он бы напоролся на смертельно ядовитые шипы. Силы его убывали, часть метапсихической энергии ему приходилось тратить на борьбу с огнем.

…Двое на трибуне ничего этого не видели.

Она: «Мы все жили и творили в едином космическом пространстве. В едином строю работали над созданием фундамента, на котором могли бы взрастать зрелые, нравственно совершенные умы. Это была прекрасная цель, я была полна ею».

Он: «Я презирал окружавшую меня орду двуногих — великий проект овладел всеми моими мыслями и желаниями. И, казалось, не только моими; мы все считали — вот тот единственный философский камень, способный одарить людей. Наградить их счастьем. Не ложью поманить за

собой, не пустыми обещаниями, а делом! Практикой!.. Общественной практикой!.. Этот замысел, верили мы, создаст детей, которые покончат с гнильем человеческих эмоций, тел, с тлением рукотворных предметов. Чистый разум! Да-а, это была великая идея!..»

Они согласились друг с другом: наше прошлое, воспоминания — все настолько несхоже… Разве нам когда-нибудь удастся перешагнуть через былое?

Медор перешагнул через пограничную черту — Минанан уже весь был объят пламенем. В руках он держал последнее звено стеклянной цепи — тогда он и нашел в себе силы дернуть за него во всю мощь. Медора бросило на землю. Еретик, получив мгновенную передышку, сразу начал перехватывать звенья и, несмотря на все усилия извивающегося Медора, сумел втянуть соперника в обезумевшее от ярости пламя. Костер, раздуваемый кузнечными мехами, разгорался вовсю, языки пламени взлетали в поднебесье. Трибуны замерли, затаились… В этот момент Медор издал душераздирающий, неслышимый крик — жалостным погребальным воем беззвучно откликнулись на него соплеменники-фирвулаги.

Минанан уже сумел подняться на ноги — мед-

ленно, без видимых усилий перебирал он цепь звено за звеном, и Медор, отчаянно вскинувший вверх уродливую голову, с тоскливым ментальным придыхом мелкими шажками приближался к искромечущему железному шару.

Мужчина и женщина словно впали в беспробудное беспамятство.

Она: «Мы испытывали страх даже на гребне счастья, нас страшила разлука, мы боялись навсегда потерять любимого, тем самым утратить смысл жизни. Как ни благородны эти чувства, но страх всегда и везде остается страхом. Он порождает чудовищ. Одним из них было убеждение, что всеблагой Господь, лишая жизни одного из любящих, обязан прибрать к себе и другого. Мы верили в это. Если бы я только посмела обмолвиться при Анатолии Севериновиче о подобном извращенном понимании милости Божией, он бы „обматерил“ меня за кощунственную гордыню. И был бы прав. Я только теперь поняла это, но тогда, после гибели Лоуренса, я ведь на самом деле потеряла способности к оперантскому искусству. Я была выброшена из союза оперантов, вернее, ушла по своей воле. Это было хуже смерти».

Он: «Даже в любви, где я верил ей безраздельно, она предала меня. Совершив покушение на „мен-

тального человека“, Синдия дерзнула заявить, что сделала это из любви ко мне, ко всем людям. Он уже тогда был погублен во мне, только дети могли помочь возродить его к жизни».

Они не поняли друг друга.

Медор все понимал — Минанан, перебравший почти всю цепь, был готов к решительному рывку. В эту секунду его зычный бас прогремел открыто и в телепатическом эфире:

— Сдавайся, Медор Воитель! Сдавайся или ты напорешься на раскаленный кровавый металл. Не ввергай в горе «маленький народ», лишая их великого воина. Обретем мир в лице Великой Богини!..

Медор выпустил из рук последнее звено цепи.

Пламя тут же угасло. Минанан стоял посреди пепелища, держа над головой почерневшую, словно бы обуглившуюся цепь. Зрители тану принялись скандировать его имя, возгласы «Сланшл! Сланшл!» — покатились по Золотому полю.

Двое в королевской ложе были так же далеки от происходящего.

Она: «Твое видение мира сродни тому, каким сатана зрит окружающее. Это не просто мое мнение или мнение брата Анатолия. Это мнение

всех тех миллионов сознаний, которые слились в Галактическом Разуме. Этот приговор прошел проверку временем. Если ты до сих пор считаешь, что ты прав, а Синдия ошиблась, значит, оценка монаха верна — ты самонадеян и непробиваемо невежествен, духовно слеп и даже хуже, хуже, хуже…»

Он: «Как насчет тебя? Что у тебя за душой, кроме патетики? Ты любым способом уклоняешься от ответственности, отказываешься от обязательств. По малодушию? Или из великой гордыни? Она, видите ли, погрузилась в совершенное отчаяние, которое есть не более чем нытье и обывательское хныканье. Ты осуждаешь меня за слепоту и самонадеянность, в то время как сама… Когда ты говоришь, что неспособна полюбить, ты лжешь, лжешь, лжешь…»

Она: «Что подобное тебе бессердечное чудовище может знать о любви?»

Он: «Позволь мне взглянуть в твое сознание. Тогда я буду уверен, что ты меня не любишь».

Она: «Никогда! Ни под каким видом!..»

Он: «В таком случае нам ничего не остается, как восстановить духовное здоровье пришельцев с Дуат».

Они оба согласились с этим.

— Ну что, Медор? — прорычал Шарн.

Помощники полководца фирвулагов, тренеры, прихлебатели гурьбой посыпались из раздевалки, как только услышали голос короля. Никому не хотелось испытать на своей шкуре гнев Повелителя Глубин и Небес! Однако когда Шарн и Медор остались в комнате одни, король скинул свое облачение и деловито принялся распылять из баллончика, доставленного из будущего, целебное средство. Он не спеша обработал аэрозолем волдыри и ссадины, выступившие на теле богатыря.

— Я сделал все, что мог, — развел руками Медор. — Что тут говорить… Когда я услышал, как Геймдол объявил, что вместо Кугала моим соперником будет Еретик, мне сразу стало ясно, что песенка спета. Кто способен с ним справиться? Даже Пейлол Одноглазый по сравнению с ним слабак. — Он помолчал, потом дипломатично добавил: — Конечно, кроме вас, мой король.

Шарн выругался, не разжимая зубов.

— Мы пока не открыли свои карты. Я подал протест на решение жюри, однако, согласно правилам, никто не может запретить членам Партии мира участие в играх. Считается, что это не более чем спортивные состязания, а не ритуальная

война. Появление Мини — это политический ход. Если Эйкен включил его в состав команды тану, значит, он хочет показать, что приверженцы мира на его стороне.

— Выходит, Минанан примет участие и в перетягивании змеи? Сегодня в полдень?

— Боюсь, что это неизбежно.

Король помог Медору надеть чистое белье, снова облачиться в доспехи.

— Выше нос, приятель, — сказал Шарн, щелкая задними застежками. — В перетягивании главное мозги, а не мускулы. Это большая разница. Не забывай, что на тридцать тысяч врагов приходится восемьдесят тысяч наших полных решимости воинов.

Элизабет и Марк одновременно увидали резко спланировавший к посадочной площадке, отгороженной натянутыми бечевками и расположенной за трибуной тану, флагманский «роплан» короля. Через несколько минут Эйкен вбежал в королевскую ложу, глазами отыскал Элизабет. Его сопровождали Крейн, Бэзил Уимборн, Пеопео Моксмокс Бурке и брат Анатолий.

— Боюсь, что тебе придется покинуть Золотое поле, — с ходу обратился он к Элизабет, — приглашаю в недалекое путешествие.

Женщина вскочила со своего места.

— Это… это правда? Она работает?..

Король коротко ответил:

— Пошли.

Марк сидел, развалившись в кресле, вошедших в ложу он встретил неопределенной улыбкой. Наконец-то он был одет в тон с праздничными нарядами окружающей толпы. На нем был лилово-охряный парадный мундир стрелка отборной королевской гвардии, на шее — золотое ожерелье. Знаки отличия говорили о его высоком ранге.

— «Врата времени» еще не открыты. Король просто предвкушает этот момент. Или надеется, что они вот-вот распахнутся. Если бы деформатор Гудериана заработал, вся Многоцветная Земля уже знала бы об этом.

Король не обратил никакого внимания на его замечание.

Он, нахмурившись, повторил:

— Пошли.

— Надеюсь, вы скоренько? Одна нога там, другая здесь? Иначе ваши подданные не увидят вас во время представления участников.

— Все равно победа будет за нами, — огрызнулся Эйкен. — Мы ведем в счете.

— До тех пор, пока не началось перетягивание

змеи. Я понимаю… стратегические соображения. Ваши подчиненные никогда не осилят фирвулагов без вас. Мне очень хочется посмотреть, как вы организуете ваше метаобъединение и сможете ли вы устоять против Шарна и Айфы?

— Рассчитываете в подходящий момент ввязаться в драку на стороне фирвулагов? — приятно улыбнулся Эйкен.

— Я даже не мечтаю об этом. Вы прекрасно усвоили мой урок.

Король повлек Элизабет и остальных своих спутников к выходу и через плечо бросил:

— Я не испытываю к вам личной неприязни, Марк, но, вернувшись, мне бы не хотелось застать вас в своей ложе. В этой запутанной, дружеско-вражеской заварушке мы приблизились к финалу. Говорю откровенно…

Ремилард кивнул.

— Всегда на страже, маленький король! — Потом он обратился к Элизабет: — Au revoir note 32.

Очевидное неравенство в численности между тану и фирвулагами стало особенно заметно во время подготовки к перетягиванию змеи. Трибуна тану, освобожденная от всех людей, не

---

note notes: Note32
до свидания (фр.)

имеющих скрытых метаспособностей, заметно обезлюдела, в свою очередь на местах фирвулагов творилась невообразимая давка.

Греги и Ровена были изгнаны из королевской ложи фирвулагов вместе со всеми остальными ревунами, не желающими принимать чью-либо сторону. Но мастеру-генетику и молодой женщине было достаточно и того, что удалось тайком присоединиться к лорду Суголлу и леди Катлинель, которые разместились в особом помещении между трибунами, где располагался обслуживающий Золотое поле персонал.

— Служебное положение тоже имеет свои преимущества, — шепнул Грег-Даннет своей перепуганной протеже. — Сидя здесь, мы не только драконов сможем увидеть, но также узнаем, чье метаобъединение начнет рассыпаться первым. Надо только следить за приборами.

Ровена, робея, вскинула брови.

Тем временем удивительное сооружение появилось на том месте, где утром полыхали костры. Это был искусственно сотворенный холм, протянувшийся на всю длину трибун. Высота его достигала метров пятнадцати, формой он напоминал усеченный конус. Слева и справа были видны две глубокие выемки, на самой вершине

холма вырезан кратер.

Фальшивая гора служила логовом двух гигантских змей. Та, что располагалась справа, со стороны фирвулагов, отливала угольным блеском, клыки и зрачки ее были густо-кровавого цвета. Ее противница была покрыта золотой чешуей, глаза и зубы — аметистовые. Головы змей высовывались из своих логовищ — они разевали пасти, с клыков капал яд. Создавалось впечатление, что в глубине холма их тела сплетались, и из кратера в небо уходил исполинский жгут, свитый из черного и золотого чешуйчатых туловищ. Вот он гигантским клубком обвил вершину холма, и из этого извивающегося трепещущего скопища высовывались змеиные хвосты, сбегали к подножию, причем сверкающий золотом хвост был накрепко схвачен черным аспидом, а отливающий ночным мраком — его собратом. Издали эта картина производила потрясающее впечатление — чудовищное колесо, наполовину ослепляюще-шафранное, наполовину гибельно-черное, казалось, было готово вот-вот прийти в движение.

— Я назвал змей двойным Оуробурсом, — объяснил Грегу и Ровене старший из двух людей, обслуживающих электронное табло. — А вот

старик Ларс, наблюдающий за расположенными на трибунах мониторами, утверждает, что это мировая змея Митгард note 33, воплощенная в двух похожих, как сиамские близнецы, чудовищах.

— Вы бы не могли объяснить, мистер Багхданиан, для чего они предназначены? — робко поинтересовалась Ровена. — Уж простите мою необразованность, но я никак не возьму в толк, как с помощью таких зверюг можно потягаться метапсихической силой?

— Я тоже, должен признаться, ни бум-бум, — хихикнул Греги, — хотя и награжден золотым ожерельем. Весь этот антураж *безумно захватывающ*.

— Подождите, вот когда дело довести до электростатического разряда, — с загадочной ухмылкой сказал Ларс. — Только напряженность поля такая величина, чтобы зажарить мозги эти метасуки, чтобы им больно стало.

Багхданиан укоризненно посмотрел на товарища, потом обратился к гостям:

— Вы, ребята, не обращайте внимания на ксенофобию, в которую ударился Ларс. Лучше не на эти экраны смотрите, а вон на тот монитор, что

---

note notes: Note33
мировая змея из скандинавского эпоса

перед Ларсом. Красные лампочки относятся к «маленькому народу», янтарного цвета

— к тану и окольцованным людям. Интенсивность свечения показывает напряженность метапсихического поля.

— Вот этот маленький лампочка, желтенький такой — на тану стороне… Вот! — Ларс ткнул в густой желток тускло отливающей стеклянной головки. — Это сам Его Величество Эйкен-Луганн.

Старший оператор принял несколько донесений, пришедших через головные телефоны, затем нажал на кнопки на пульте и произнес в микрофон:

— Ребята, все делайте побыстрее. Как насчет готовности? Ага… Все участники соревнований, оставшиеся на трибунах, подключились к единой электрической цепи? Да-да, прямо на своих местах!.. Сейчас начинаем. Ваше дело следить: как только какая-нибудь из команд встанет, это будет означать, что она отказывается от продолжения игры. Понятно?

— М-м. — Греги придавил вырвавшийся смешок. — Вселенское противостояние!..

— Ой-ой-ой! — сыронизировал Ларс. — Да вы хотя бы что-нибудь понимаете в организации

метаобъединения, метафункциях, связанных сними электромагнитных эффектах?

— Я, к вашему сведению, — обиделся Грег-Даннет, — в те моменты, когда становлюсь обыкновенным человеком, сразу вспоминаю, что являюсь доктором медицины, генетики, философии и литературы. Почетным…

— Что — почетным? — переспросил ошарашенный Ларс.

— Почетным доктором литературы.

— А-а, — кивнул тот, а Багхданиан сказал:

— Ну и отлично! Надо же — литературы! Это звучит… Хорошо, теперь следите за положением змей. Что мы действительно имеем, так это гигантское кольцо — что-то похожее на виток из железной проволоки. Хвосты, оказавшись в пастях, образуют единый контур, частью упрятанный в горе, частью пробегающий по переплетенным туловищам. Они-то и служат несущей конструкцией, на которой крепится электрическая цепь.

— Значит, не весь контур сделан из проводника? — спросил мастер-генетик.

— Как я уже намекал, цепь включает участки из непроводящих материалов

— точнее, из стекла. В двух местах… Как раз

пониже клубка — это место видно — и внутри пасти каждой гадюки. Итак, центральная секция, скрытая в горе, в данный момент проводником не является. *Но*! Как только контур начнет вращаться… Глядите, глядите — направо! — похоже, что змей фирвулагов выпустил из пасти змея тану. Это означает, что золотая гадина все больше и больше заглатывает свою противницу.

— И все происходит в горе, — глубокомысленно заметил Греги.

Глаза Багхданиана блеснули странным светом.

— В толще холма мы в определенном порядке установили портативные генераторы электростатического поля Ван де Граафа, похожие на те, которые использовались раньше в фильмах ужасов. Помните Франкенштейна?.. Если хвост какой-нибудь змеи будет заглочен немного дальше, чем рассчитано, вы, руководящий ее борьбой, получите легкий метапсихический удар. Чем дальше, тем сильнее вас будет бить.

— Спасти меня, Пресвятая Дева Мария! — перекрестился Греги.

— Обратите внимание на манжеты, украшенные драгоценными камнями, охватывающие хвост каждой гадюки. Да-да, на расстоянии примерно трех метров от зубов соперницы… Мы

называем их браслетами. Как раз до этого места чудища могут заглотить друг друга, тогда тело врага будет зажато электростатическими тисками, и победительница может вытащить ее наружу.

Греги поежился.

— Какая зверская изобретательность!

Багхданиан пожал плечами.

— Что вы хотите, за моими плечами двадцать два года работы в Департаменте производства развлечений и магии.

— Как же вы определите победителя? — робко спросила Ровена.

— Те ребята, чей змей заглотит браслет, — ответил Ларс. — Но этого мало, надо еще погибающий змеюга перестал сопротивляться.

Багхданиан рассеяно слушал товарища, а сам внимательно следил за происходящим на поле. Бросил быстрый взгляд на светящиеся цифровые часы.

— Две минуты, — объявил он и поднял руку.

— Просят начинать, с трибуны ребята сообщают, все готово, — объяснил Ларс. — Если фирвулаги проиграть, то будем верить, что они откажутся начать война. Тогда все люди спокойно возвращаться домой в будущее и забыть эти

сумасшедший мир.

— Не все же люди мечтают вернуться! — воскликнула Ровена. — Есть другие, кто ненавидит будущий мир и искренне привязан к Многоцветной Земле.

— Глупость! — издевательски расхохотался Ларс. — Скажите самый больной человек, который совсем смерть видит, что «ворота времени» иди, пожалуйста, он припрыжка побежит в замок. Сам король в «золотом пиджаке»!

— Он ткнул пальцем в мастера-генетика. — Ты разве останешься?

— Ну… — замялся Греги.

— Мой Тони не желает возвращаться! — закричала Ровена. — Слышите, вы! Мой Тони останется здесь!..

Главный специалист глубоко вздохнул и с шумом выдохнул.

— Готовность номер один, — сказал он в микрофон. — Тану — на старт. Фирвулаги — на старт. Включаю музыку… С Богом!.. Начали!..

Холм на поле вдруг покрылся частой сеткой ежевичного цвета молний. В этом сверкающем, искрящемся месиве оба чудовища пыхнули клубами густого ядовито-зеленого дыма, потом еще раз и еще… Плотное облако быстро всплыло

вверх и окутало весь холм. Змея тану, сделав усилие, глотнула, и еще небольшой отрезок хвоста, покрытого блестящей чешуей, исчез в ее пасти.

— Давай, тану, давай! Держись!.. — кричали в толпе, стоявшей за ограждением в стороне от трибун. Там скопились люди без ожерелий и ревуны, которые уже не скрывали своей поддержки объединению тану.

Над королевской трибуной, где располагался король Эйкен-Луганн, полыхало сверкающее марево, блеском своим затмевающее солнце. Вскоре все подчиненные ему сознания рыцарей тану и людей с золотыми, серебряными и серыми торквесами тоже засветились. Рой золотистых пчел загудел над их трибуной, вдруг все сияющие облачка, включая могучее пламя, полыхающее над королевской ложей, слились в одну мощную астральную лапу, крепко схватившую змею фирвулагов и принявшуюся тащить ее назад, прямо в пасть золотого чудовища. Черный дракон на мгновение разжал челюсти и тут же вновь накрепко ухватил хвост соперника.

В толпе раздались ликующие крики.

Места, где сидели Шарн и Айфа, тоже погрузились в густое алое сияние

— неровное, комковатое, пухнущее и пухну-

щее под напором психокинетической силы, вбираемой от всей огромной массы фирвулагов. Свечение на глазах трансформировалось в гигантскую гроздь ментальных, светящихся яйцеобразных образований. Гроздь, набирая скорость, начала пульсировать, причем не только сжималась и разжималась, но и непредсказуемо меняла цвет от гнойного светлого тона с яркими кровавыми вкраплениями до плотно-карминового, непрозрачного, бросающего тусклый отсвет на траву, песок, на королевскую ложу тану. Внезапно из светящейся гущи выползла темно-вишневая суховатая когтистая пасть и, судорожно метнувшись к холму, ухватила гадину фирвулагов за браслет, надетый на беснующийся, покрытый черной чешуей хвост.

— «Маленький народ» дрогнул? — в раздумье спросила леди Катлинель. В отличие от скачущих от радости окружавших чету правителей Нионели слуг, она с хмурым видом наблюдала за разгоравшейся схваткой.

— Все как мы и ожидали, — заговорил Суголл. — Уступив вначале Эйкену

— тот очень быстро и ловко воспользовался своими скрытыми возможностями, — они теперь ударились в панику. Он же колотит их болевыми

ударами, чтобы не допустить структурного преобразования их метасогласия в единое мощное объединение. У фирвулагов это первый опыт, вот они и не могут воспользоваться своим численным превосходством… Слышишь, как они вопят в телепатическом эфире. Ага, королева Айфа предложила другой план — разделить фирвулагов на две части, организовать второй захват и вцепиться в браслет, надетый на змею тану…

— Женщина-генерал — это нечто за гранью здравого смысла! — воскликнула Катлинель. — Сомневаюсь, чтобы Шарн послушался ее. Смотри, смотри!..

Ментальная рука фирвулагов неожиданно разделилась надвое — две гигантские лапищи темно-вишневого цвета протянулись к сражающимся змеям. Тану тут же в ответ сотворили нечто напоминающее фиолетовый искрящийся ремень. Свернув его, они набросили петлю на хвост покрытого золотой чешуей гада. Кто-то невидимый, могучий дернул за ремень, и аспид фирвулагов втиснулся еще на полметра в пасть змей тану. Вторая лапа «маленького народа» вдруг соскользнула с браслета, надетого на хвост золотого змея.

— Роковая ошибка! — в азарте закричал Су-

голл. — Нельзя было разделять силы. Теперь Эйкен получил возможность усилить болевое воздействие! Слышишь, как они заорали!.. Видно, те, кто попал под начало Айфы, получили по заслугам! Теперь Шарну нечего на них рассчитывать. План королевы полностью провалился. Она отступает!

Вторая ручища метаобъединения фирвулагов, разбрасывая искры, усыхала прямо на глазах. Королева изо всех сил пыталась включить своих воинов в общую цепь, но это оказалось трудно сделать. Все фирвулаги на трибуне были вовлечены в сражение и постоянно подвергались неистовым болевым ударам метаобъединения тану. Вспухший над королевской ложей пузырь с невообразимой скоростью запульсировал алым светом.

Внезапно над ложей Эйкена рвануло ослепительное пламя. Рука, сотворенная мысленными усилиями тану, в последнем рывке одолела сопротивление черного чудовища. Блистающий браслет мелькнул между клыками и исчез в разинутой пасти золотого змея. Молнии сплошным ковром покрыли поверхность холма, клубок содрогающихся чешуйчатых тел. Черный собрат сопротивлялся все более и более апатично.

Адское пламя охватило его. Вот голова исчезла в глубине пещеры, и вдруг туловище, сплетенное с золотистым, извивающимся, ужасающей толщины жгутом, рассыпалось в прах. Столбом поднялся над холмом зеленый дым. Из кратера на вершине горы выдвинулась торжествующая голова золотого дракона.

— Ваши бойцы нуждаются в отдыхе. Хотя бы на несколько часов, — сказал Марк, обращаясь к Айфе и Шарну. — Мы должны как можно более продуктивно использовать это время. Моя программа по организации метаобъединения не так уж сложна. Конечно, в том случае, если вы оба подчинитесь мне и сообщите всю необходимую информацию.

— Подчиниться вам? — недоверчиво переспросил Шарн. — Так, так… потом мы уже никогда не скинем ярмо с наших шей…

— Какой смысл в победе в войне с Мраком, — плача, сказала Айфа, — если в результате мы попадем под власть Врага.

— Оставьте эти глупости, — спокойно возразил Аваддон. — Кажется, я уже говорил, что этот презренный мир меня не интересует. Без вашего метаобъединения мне не взломать защитное поле Надвратного Замка. Когда я добьюсь того,

что задумал, мы сделаем друг другу ручкой — и адью!.. Вот в чем смысл нашей сделки. Вы получите программу, я… ради собственной безопасности удалюсь в мир, расположенный на расстоянии четырнадцати тысяч парсеков от Земли. Ну, решайте!

Король и королева долго смотрели на Врага, облаченного в бронированный скафандр, поблескивающий в сумраке безлюдной королевской ложи. Бездонная пропасть неожиданно разверзлась перед их мысленным взором, она неодолимо тянула их, и после короткого сопротивления они рухнули в бездну.

13

Пробило четыре часа утра. Теперь только Клу с помощью своей целебной силы была способна поддерживать Тони Вейланда в рабочем состоянии. Тот уже вторые сутки не отходил от волочильного станка. Нить вытягивалась из расплава и через ряд отверстий доводилась до нужной толщины, потом ее укутывали в пластмассовую рубашку, оплетали экранирующей плетью… Хлопот было много, тем более что разброд, связанный с устранением дефекта, особенно ощущался на монтажной площадке. Нервы у всех были напряжены до предела.

Тони валился с ног от усталости — сначала он работал спокойно, но не за совесть, а за страх, который нагнал на него король, сумевший заглянуть в отчаявшуюся, готовую на все — даже на подобное безумие, как изготовление бракованного кабеля, — душу человека, каждую секунду с ужасом ожидавшего сокрушительного удара по замку. Тони хребтом чувствовал опасность, без конца ждал, когда же ему на голову посыплются обломки стен и завалят его в арочном переходе, окружающем двор, где в одном из

углов была устроена его лаборатория. Однако крепость стояла цела и невредима, а угроза короля, высказанная в таком доброжелательном тоне, по-прежнему висела над ним как топор. По этой причине он работал усердно и быстро, пока глаза не начали слипаться от усталости. Тогда к изготовлению проволоки подключилась Клу.

— Все хорошо, Тони. — Она сама уже с большим трудом поддерживала в нем рабочий настрой. — Осталось не более пятисот метров. Ты сможешь их осилить.

В ответ Вейланд прохрипел:

— Только не сейчас…

И тут же он начал двигаться быстрее.

…В гнездо вставлена новая катушка. Какова температура расплавленного металла? Химический состав?.. Порядок. Он в который раз прочистил отверстия в волочильной доске, установив допуск полмикрона. Смазал сальники… Нажал на кнопку… Сам при этом не переставал ворчать:

— Работай, черт вас побери, работай!.. Только и знают, что давай-давай…

Бормотал он тихо, себе под нос, так, чтобы наблюдавшие за ним Кугал и вождь Бурке не разобрали его слов. Надсмотрщики!.. Стоят с ка-

менными лицами… Экзотик-то дубиноголовый только делает вид, что разглядывает, — чуть что, сразу бросится защищать свою ненаглядную Клу. Прост, как все эти чудики… Вот Пеопео… Вождя Бурке Тони боялся больше всего — чтобы ни случилось, он всегда успеет раскроить ему череп, потом уже начнет думать об обороне. У судейского рука не дрогнет, он знает его как облупленного. Инженерша-китаянка Чи Вучан откровенно зевает. В ее обязанности входит вмонтировать намотанную катушку в испорченный по милости Тони Вейланда блок, прозвонить, замерить индуктивность, сопротивление, пропаять концы. С каким бы удовольствием он, несчастнейший на свете человек, зевнул, потянулся, прикорнул где-нибудь — прямо здесь, в лаборатории, на полу. Только заикнись об этом, и Клу тут же всадит очередную порцию живительного ментального бальзама — и вновь давай-давай… Боже, пятый час утра… Еще и развидняться не собирается. Работай, работай!.. А зачем? Этот Аваддон уже вышел с большой дубиной на дорогу.

Неожиданно в окно лаборатории просунулась голова Хагена Ремиларда, он отрывисто сказал сестре:

— Эйкен обнаружил некоторую аномальную

область рядом с замком, если смотреть в сторону места предыдущего размещения шлюза… Непроницаемый экран, повышенный радиационный фон — двести, точка, тридцать миллирентген в час. Очень похоже на большой церебральный генератор с сопутствующим оборудованием.

— Пошли кого-нибудь проверить это место, — тусклым голосом сказала Клу. — Видишь, мы заняты.

— Есть предложение собрать единую цепь из всех портативных генераторов сигма-поля, которые Эйкен привез с собой, и дополнительно накрыть «беседку». Весь персонал решено собрать во дворе, разместить внутри купола. Вы тоже переберетесь туда, как только закончите с последней катушкой. Удачи, у нас еще есть время…

Тони захихикал, как сумасшедший.

— Вы еще на что-то надеетесь? У вас, ребята, есть я, а это значит — никаких надежд! Несчастья гонятся за Тони Вейландом, как стая гиен за раненым буйволом. Там, где Тони, там даже теоретически не жди удачи. Куда вы спрячетесь от своего безумного папаши? Он ка-ак явится сюда с толпой демонов, ка-ак шарахнет по крепости парой мегатонн…

— Уймите этого ублюдка! — попросил Хаген.

Бурке молча шагнул вперед. Вейланд прикусил язык, чуть присел — в этот момент из станка в приемный короб вылетела последняя катушка ниобиево-диспрозиевой проволоки.

— Хватайте Тони, — тут же приказал Хаген. — Тащите его во двор под защиту сигма-поля.

— Итак, — обратился Эйкен к толпе, собравшейся возле «беседки», — вы тут распределитесь, и свободные от дел операнты пусть объединятся и поставят еще один дополнительный экран. Это поможет нам выиграть решающие секунды после того, как он сомнет большой купол и прорвется в замок. К сожалению, я не могу участвовать в обороне — война неумолимо надвигается, и это теперь моя главная забота. Понятно?

Хаген и Клу ответили моментальным мысленным согласием. Они вместе с Кугалом и Дайаной Манион стояли внутри «беседки» — входного шлюза «врат времени». Каждый из присутствующих во дворе отдавал себе отчет, что как только дети Ремиларда окажутся вне пределов досягаемости Марка, всякое противостояние сразу прекратится. Но если Хаген и Клу не смогут бежать…

Элизабет: «Вы хорошо подготовились к обо-

роне?»

Клу: «Да. Мы готовы на все. Живыми нас папа не получит».

Хаген: «Мы владеем способом, с помощью которого сможем распылить наши тела до атомов. Ему ничего не достанется!»

Эйкен: «Не будь таким самоуверенным. Он вполне способен остановить процесс распада. Если дело дойдет до этого… Простите… Ваш последний бастион, ребята, — Элизабет».

Кугал и Дайана: «И мы!»

Элизабет: «Вы — счастливые люди. Но в эпоху Галактического Содружества подобная жертва не может быть принята, так как этим ослабляется могущество Галактического Разума».

Брат Анатолий: «Не мели чепухи! Не слушайте ее! Не в ее рукотворном Разуме утешение, но в Боге. Он всегда поймет тех, кто любит друг друга. И простит. Только смерть — это не выход. У нас в Сибири говорят — на Бога надейся, а сам не плошай. Но это касается только тех, кто верит, что любовь — святое чувство. Те же, кто предал ее…»

Элизабет (крик): «Как он оказался здесь? Как ты посмел пробраться сюда?»

— Он все слышит через меня, — объяснил король и затем продолжил в телепатическом эфире:

— «Последней линией обороны детей являешься ты, Элизабет. Только ты!..»

Невдалеке от Надвратного Замка в ночной мгле — на небе ни единой звездочки! — в полной боевой готовности высилась громада черного металла. Рядом — тело, покрытое темным комбинезоном-трико, который уже был охлажден до необходимой температуры; мозг, пронзенный точечными электродами, мегаваттами впитывал энергию. Хозяин мозга шел на предельный риск — живая плоть едва ли могла выдержать подобную нагрузку, но существо по-прежнему насыщалось энергией. Теперь оно владело несокрушимой мощью, к тому же под его начало перешли сознания восьмидесяти тысяч фирвулагов, только ожидавших команды начать охоту.

...Одним ударом оно сокрушило силовой купол, охранявший крепость. Могучее поле стекло в подстилающую скалу через сотни метапсихических каналов, проделанных в камне. Следом послышался нарастающий гул, и земля вздыбилась. Стены замка качнулись, центральная башня, слабо посверкивающая в ночи, покосилась и рухнула. Тяжелые толчки сотрясали плато — стены почти беззвучно осели, рассыпались в прах. В сердце развалин блеснул еще один защитный

купол, куда меньшего размера.

Гора брони совершила d-переход в том направлении, следом за ней к подножию защитной полусферы переместилось живое существо. Оказавшись у цели, существо содрогнулось от победного хохота. Аваддон с необыкновенной легкостью одолел руины. Здесь, отдав приказ самодвижущейся броне, он нанес еще один удар, дробя экран и метапсихическое защитное поле, создаваемое королем. Купол дрогнул и, словно оконное стекло, рассыпался на множество осколков.

Существо услышало крик двух ужаснувшихся сознаний и успело мысленно перехватить их, решившихся на гибель. Они ему были нужны живыми.

«Нет! — Жалобный вскрик. — Нет!»

Бронированный скафандр пробил путь разумному существу. Отключившись от церебрального генератора и от подпитывающей энергии, поступавшей от фирвулагов, оно легко вспрыгнуло на платформу, вгляделось в лица парализованных сына и дочери. Уголок рта пополз вверх, довольная ухмылка появилась на передней части головы существа, облаченного в трико. Затем оно повернулось к Элизабет. Она стояла на коленях

на разбитых плитах, когда-то ровно устилавших двор, — рядом с будкой, где располагался пульт управления машиной времени. Вокруг были разбросаны неподвижные тела поверженных людей. Возле Элизабет без сознания лежал Эйкен.

— Как видишь, — сказало существо, в миру называемое Марком, — я победил. Я всегда побеждаю.

Элизабет ничего не ответила, положила голову короля к себе на колени, погладила волосы. Потом тихо сказала:

— Еще бы десять — пятнадцать секунд, и они бы ушли. Машина работает. Если бы только Эйкен позволил мне взять контроль на себя… — Она говорила очень спокойно. — Я умоляю тебя, Марк.

— Открой мне сознание.

Ее глаза расширились. Он утвердительно кивнул. Голова Эйкена, как шар, глухо стукнулась о каменные плиты, женщина вдруг погрузилась в глубокий сон — тут же очнулась, расцеловала короля. В брови, щеки, нос, лоб… Встала лицом к существу.

— Я согласна.

Ее мысленная защита рухнула. Она не испытывала страха, не было и следа раболепия перед грубой силой…

— Ага. — Существо кивнуло еще раз и, спустившись с постамента, перешагнув через тело Эйкена, нырнуло в будку и включило деформатор. Оно послало четверых пассажиров, стоявших в «беседке», через лимбо прямо в заброшенный, наглухо забитый сорняками розовый садик мадам Гудериан, расположенный вблизи Лиона. В эпоху Галактического Содружества…

С рассветом большая группа судей из племени ревунов с трудом выкатила на Золотое поле огромный кожаный мяч, набитый песком. Мяч был разукрашен белыми и черными пятиугольниками и в тусклом свете наступающего дня — еще не вставшее солнце багровым сиянием пропитало на востоке край сплошной облачности — казался брошенным на лугу гигантским черепом, залитым кровью.

Когда все приготовления были закончены, главный распорядитель объявил:

— Всем участникам Великого Турнира! Предстоящее состязание, называемое по-разному, являет собой вершину состязания этого года. Как было объявлено заранее, выигравшая сегодня сторона будет считаться победителем игр. Ей будет вручен победный приз — Поющий Камень. Началом игры будет считаться восход солнца. Бо-

евым полем — вся территория общей площадью шестнадцать квадратных километров. Фирвулаги занимают северную сторону, тану — южную. Разрешается использовать как физическую, так и метапсихическую силу. Запрещено применять любое оружие. Команда, забившая большее количество голов, считается выигравшей. Никаких других правил или ограничений не существует… Капитанам команд предоставляется право поприветствовать своих уважаемых соперников.

Гром аплодисментов, радостных возгласов встретил Шарна и Айфу, марширующих во главе воинов-фирвулагов.

Потом плотные ряды тану и людей двинулись вперед, однако впереди не было предводителя.

Распорядитель Геймдол объявил:

— Ввиду того, что в настоящий момент король Эйкен-Луганн не может выйти на поле, команду тану возглавит лорд Блейн Чемпион.

Глухой стон послышался в рядах зрителей — людей и ревунов. Дикие торжествующие завывания донеслись из стана «маленького народа». Фирвулаги уже были готовы неисчислимым роем блестящих черных жуков броситься на возвышавшийся на поле мяч — в эту секунду ослепительная вспышка молнии и грохочущий

раскат грома потряс окрестности. Земля ходуном заходила под ногами. Аэроплан с нарисованной указующей рукой пролетел над Радужным мостом. Из бомбового люка с шипением выскочила маленькая золотая комета.

Блейн голосом, усиленным тысячами сознаний, объявил:

— Имею честь представить капитана объединенной команды и главнокомандующего армией тану и людей: Его Величество король и повелитель Эйкен-Луганн Сиятельный.

Теперь в лагере болельщиков тану загрохотало так, что хоть уши затыкай, в ответ фирвулаги заулюлюкали, завыли…

Приземлившись, король занял свое место в строю, поднял забрало шлема и подмигнул королевской чете фирвулагов:

— Привет, Шарн. С добрым утром, Айфа. Готовы начать нашу небольшую потасовку?

— Сегодня ты умрешь! — в один голос зарычали король и королева.

Эйкен безнадежно махнул рукой в бронированной перчатке.

— Вы зря рассчитываете на помощь Врага. Он теперь занят другими играми. Готовы ли вы сражаться в одиночку?

Великан и великанша оскалили клыки.

— Значит, ты утверждаешь, что Ремилард сбежал, так, что ли? Ничего, он оставил нам замечательный подарочек, его действие ты сейчас испытаешь на своей шкуре.

— Этот сувенир — стратегия победы, — в тон супругу завопила Айфа. — А уж то, что случится после игр, произведет на тебя неизгладимое впечатление.

Эйкен кивнул и заметил:

— Позвольте мне напоследок сделать одно маленькое сообщение. У нас еще есть несколько минут… — И тут же его голос набрал громоподобную силу. Он перекрыл ропот толпы, усмирил завывающих фирвулагов. — Я ОБЪЯВЛЯЮ ВСЕМ ЛЮДЯМ, ВСЕМ СУЩЕСТВАМ ДОБРОЙ ВОЛИ, КОТОРЫЕ НУЖДАЮТСЯ В МИРЕ И СПОКОЙСТВИИ… «ВРАТА ВРЕМЕНИ», ВЕДУЩИЕ В БУДУЩЕЕ, СЕГОДНЯ НА ИСХОДЕ НОЧИ РАСПАХНУЛИСЬ!..

Шарн и Айфа изумленно переглянулись.

И вновь грохочущий раскатистый голос:

— С ЭТОГО МОМЕНТА ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ МОГУТ УЛЕТЕТЬ
НА МОЕМ АЭРОПЛАНЕ В НАДВРАТНЫЙ ЗАМОК. АЭРОПЛАН СЕЙЧАС ЖЕ НАЧНЕТ СОВЕРШАТЬ ЧЕЛНОЧНЫЕ РЕЙСЫ. НИКАКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

НЕ БУДЕТ. ЛЮБОЙ ЖЕЛАЮЩИЙ, НЕЗАВИСИМО ОТ РАСЫ, МОЖЕТ УЙТИ В БУДУЩЕЕ. С СОБОЙ МОЖНО БРАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ВЫ СПОСОБНЫ УНЕСТИ В ОДНОЙ РУКЕ, И НИЧЕГО, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ КОРОЛЯ. Я ЗАЯВЛЯЮ, ЧТО ОСТАЮСЬ ЗДЕСЬ, НА МНОГОЦВЕТНОЙ ЗЕМЛЕ, И ПРОДОЛЖАЮ БЕЗРАЗДЕЛЬНО ВЛАДЕТЬ ВСЕМИ УГОДЬЯМИ, ЛЕСАМИ, СТЕПЯМИ, ГОРАМИ И БОЛОТАМИ. Я НАМЕРЕН ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ИГРЕ КАК САМОДЕРЖАВНЫЙ МОНАРХ И ПОБЕДИТЬ В НЕЙ. ПОЮЩИЙ КАМЕНЬ БУДЕТ НАШ! Я ПРИГЛАШАЮ ВСЕХ, КОМУ ЭТА ЗЕМЛЯ СТАЛА РОДНОЙ, РАЗДЕЛИТЬ СО МНОЙ СУДЬБУ НАШЕЙ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ.

— Ах ты, грязный низкорожденный!.. — яростно заревел Шарн.

— Дерзкий выскочка! — завопила Айфа.

Гигантский, диаметром метра в два, мяч всплыл в воздух, поднятый метапсихической силой Суголла, Катлинель и всех ревунов. На высоте сорока метров он замер, и, как только первый луч солнца коснулся его черно-белой поверхности, главный распорядитель выкрикнул:

— Мяч в игру!

Огромный шар рухнул на поле. Первые шеренги обеих команд бросились вперед, телепатиче-

ский эфир взорвался от оглушительных криков — последнее испытание, выпавшее на долю участников турнира, началось.

Десять человек за один раз, двадцать прогонов в час…

После того, как были отправлены в будущее молодые североамериканцы и специалисты, принимавшие участие в реализации проекта Гудериана и собиравшиеся вернуться, экзотики под командой Пеопео Бурке, Бэзила Уимборна и тех Бастардов, которые не были заняты перевозкой желающих попасть в будущее, быстро установили порядок, сформировали очередь. Солдаты — серые торквесы из гарнизона Ронии, кто сохранил верность Многоцветной Земле, — под началом коменданта по имени Лекок в мгновение ока охладили пыл некоторых буйных путешественников. Решивших остаться солдат было не много, и долг свой они исполняли с каменными лицами. Сначала, наблюдая, как прибывает поток людей, стремящихся в будущее, они отводили глаза в сторону, потом пообвыкли.

Тони Вейланд был схвачен в последний момент — он пытался спрятаться на возвращающемся в Нионель аэроплане. Бурке за шиворот притащил его к самой «беседке» и приставил к нему

часового. Серый ошейник получил приказ глаз с него не спускать — пусть ждет вместе с другими техническими специалистами, добровольно согласившимися до последнего часа следить за работой деформатора.

Тони едва не заплакал.

— Но ведь король обещал, что я смогу повидать свою жену!..

Бурке поднял его за ворот комбинезона, и, когда нос Тони оказался на одном уровне с носом бывшего судьи, Бурке, вдруг озлобясь, прошептал:

— Ты наконец заткнешься или нет? Я хорошо помню случай в Долине Шакалов. Была бы моя воля, я бы с радостью сунул тебя в машину времени, как подопытного кролика, а потом с удовольствием отполировал свой томагавк твоим пеплом. Понял, Белые Глаза?! Теперь сиди здесь вместе с другими и не рыпайся, черт тебя побери!..

Что оставалось делать? Тони сел прямо на землю, на раздробленные плиты, подпер голову кулаком. Часовой пристроился чуть поодаль, положил бластер стволом в его сторону…

На следующий день аэропланы, прибывающие из Нионели, были загружены только наполовину — все меньше и меньше становилось желающих вернуться на Старую Землю. Серые торквесы,

следящие за порядком, заметно повеселели, тем не менее повсюду ощущалось тревожное ожидание. До той поры, пока король Эйкен-Луганн и рыцари тану продолжали смертельно опасную игру, большинство людей колебалось.

К полудню напряжение усилилось. К этому времени Шарн и Айфа наконец освоили программу, переданную им Марком Ремилардом. Их действия сразу обрели последовательность и основательность, стало сказываться преимущество в численности. Они не только повели в счете, но по ходу игры принялись выводить из строя бойцов команды короля Эйкена, при этом нанося им серьезные увечья. Ряды сражающихся покинул Селадейр из Афалии, Ламновел и Партол Скороход — именно с их помощью тану вначале резко вырвались вперед. Всех троих тут же поместили в исцеляющие оболочки.

Зрители, наблюдающие за поединком, почувствовали, что удача начала поворачиваться лицом к фирвулагам. Стихли ликующие возгласы, крики поддержки. Скоро в их тающих рядах наступила зловещая тишина. Дикие слухи о неизбежном приходе Мрака, казалось, на глазах обретали реальность. Стоило только взглянуть на неистовый людской водоворот, образовавшийся

на поле в результате кружения гигантской многотысячной воинской массы, на внушающих ужас ночных призраков, в которых в пылу борьбы обращались фирвулаги, на искаженные злобой морды разъярившихся великанш-людоедок, прислушаться к диким воплям троллей и гоблинов, понаблюдать, держась за сердце, за шараханьем орды визжащих карликов, насмерть затаптывающих своих противников, — как невольная мысль о том, что погромы в Бураске и Барделаске всего лишь ребячьи шалости или репетиции, начинала буравить сознание.

Игра в мяч, набитый песком, выходила из-под контроля, правда, некоторое успокоение в ряды зрителей вносило то, что раненым пока оставляли жизнь, и медперсонал тану и фирвулагов с наивозможной быстротой старался вынести поверженных бойцов с поля.

Не верилось, что подобное милосердие продлится слишком долго. День угасал. Облака спустились к самой земле, вспышки молний, которыми обменивались противники, колыхали и подсвечивали кровавым отблеском стену туч, опрокидывавшуюся на поле. Отрыв фирвулагов увеличивался все быстрее и быстрее. К двум часам пополудни «маленький народ» вел со счетом

50:33. Часом позже счет стал 87:36.

В сумерках явственно стало ощущаться приближение грозы — запахло свежестью, затем густо и терпко потянуло серным смрадом. Тучи опустились еще ниже. В толпе зрителей начали распространяться слухи один мрачнее другого. Кто-то, накладывая на себя святое знамение, уверял, что сам видел, как пробудился гигантский вулкан Монт-Доре! Его тут же поправили — гора, мол, только начала куриться… А подземные толчки? — запротестовал очевидец. Да, сотрясение почвы ощущали все. И еще какая-то странная, гнетущая вибрация в воздухе, словно гудение басовой перетянутой струны… От подобного гула люди невольно втягивали головы в плечи. Другой странник утверждал, что на западе молниями подожгло сухую степь. В той стороне, километрах в тридцати к закату… Третий доказывал, что деформатор времени исчерпал свой ресурс и испортился окончательно, теперь они здесь, возле Нионели, как в ловушке. (Враки! Деформатор времени — конструкция надежнейшая, энергию черпает из магнитного поля Земли.) Кто-то утверждал, что король Эйкен-Луганн готов выбросить белый флаг. (Ну да! До захода солнца осталось три четверти часа, за это время многое может

перемениться.)

Эйкен: Элизабет.

Элизабет: Да, дорогой.

Эйкен: Вот так так! Ты все еще здесь, девочка?.. Решила дождаться конца представления? Ждать осталось недолго…

Элизабет: Мы тут с Марком улаживали кое-какие вопросы…

Эйкен: Девочка, что за программу этот дьявол передал фирвулагам? Они бьют нас и в хвост и в гриву. Это не смешно! Они буквально растаптывают нас. Для того, чтобы победить в этом сумасшедшем футбольном матче, им даже не надо подключать весь свой метапсихический потенциал. Кроме того, я думаю, они держат за пазухой увесистый булыжник. Они явно вошли в раж и только ждут сигнала начать войну с Мраком.

Элизабет: Эйкен, Эйкен. Если у тебя есть свидетельство, что в их намерения входит уничтожение противника, ты вправе использовать все находящиеся под рукой средства, вплоть до аэропланов…

Эйкен: Поздно, мы на грани поражения. Можешь считать, что проигрываю я. Я бы на месте Шарна и Айфы уже ударил изо всех сил. Зачем

ждать, когда Геймдол объявит, кому достался Поющий Камень?!

Элизабет: Марк, сделай же что-нибудь!

Марк: Я дал слово фирвулагам, что не выступлю против них.

Элизабет: Тогда дай Эйкену эффективную оборонительную программу!

Марк: Я не могу пойти на это, не могу потворствовать тану в любой форме. Я должен соблюдать обязательства.

Эйкен: Слава Богу! А то я боялся, как бы ты невзначай не лишился чести. Ладно, ребята… Я все понял. Понял, что к чему… Вспоминайте обо мне, о Многоцветной Земле. Слышишь, Марк, не забывай меня, когда будешь потихоньку исправляться под надзором Элизабет. Времени у вас достаточно — шесть миллионов лет!

Марк: Подожди. Какие-нибудь ограничения на форму у вас в правилах есть?

Эйкен: ? Форма обычная, полевая… Ты мне советуешь надеть чистое белье? Это все, что ты можешь предложить, Марк? Спасибо, но у меня нет на это времени. Они загнали нас на Радужный мост. Ого! Теперь взгромоздили этот набитый песком мяч на вершину моей защитной сферы.

Марк: Жди меня.

В сумерках озверевшая толпа карликов и великанш, растоптав легкие трибуны у реки и летние павильоны, где можно было отдохнуть, устроить пикник, помечтать о будущем, загнали противника на мост через Нонол. В этот момент в разрыв туч со страхом заглянуло уходящее в ночь солнце, в его лучах чудо архитектуры и точного инженерного расчета засверкало сверхъестественным прощальным блеском. Великанши, быстро выстроив атакующее метаобъединение, шибанули по защитникам моста плазменным ударом. Запылали деревянные колонны, украшавшие мост со стороны Золотого поля. Солнце тут же скрылось в клубах черного дыма. В последний раз ослепительно вспыхнули золотые купола и луковицы на ажурных башнях Ниониели.

Тем временем неподъемный кожаный мяч, набитый песком, продолжал утюжить защитную сферу, в которой находился король Эйкен. Он неторопливо вздымался вверх и с грохотом обрушивался на невидимый защитный экран. Однако, к удивлению Шарна и Айфы, прозрачная оболочка не поддавалась и, как ни призывали они своих разъяренных воинов удвоить, утроить усилия, Эйкен, казалось, легко справлялся со смертельно опасным грузом.

— Сколько с ним можно возиться! — не выдержала Айфа и закричала, обращаясь к королю: — Что же ты ждешь? Почему этот негодяй еще не раздавлен?

— Он получает помощь! — сквозь зубы процедил Шарн. — Откуда-то с другой стороны реки, Великая Тэ — будь они прокляты, эти ревуны. Они подсоединились к его метаединству!..

— Вероломные ублюдки!.. — закричала королева. — Черт с ними!.. Шарн, мы должны бросить в дело все, что у нас есть. Прямо сейчас. Не дожидаясь объявления победителя.

— Мы сожжем мяч — это грубейшее нарушение правил…

— Черт с ними, с правилами! Зато выиграем войну с Мраком, ты, болван! Прикажи немедленно организовать единое наступательное метасогласие. Все силы в бой! До предела загрузи программу, переданную нам Врагом. Ну же!..

— Жена, жена, это запрещено всемогущей Тэ… Нельзя сворачивать со священного Пути…

— ТЫ ЧТО, СОГЛАСЕН НА ПОРАЖЕНИЕ?! Если мы не придавим их сейчас, то после объявления победителя они обрушат на нас бомбовый груз с аэропланов, прочешут наши ряды разрушителями из будущего. Мы должны раздавить

Эйкена Драма! Отдай приказ!.. Я требую — отдай приказ!..

Шарн глубоко вздохнул и прорычал пароль: «Наступление!»

Эйкен сразу ощутил, как стремительно перестраивались атакующие ментальные цепи фирвулагов. Смысл их маневра был ясен без слов. Вот и пробил его последний час!

Мысленно он обратился к соратникам:

«Да здравствуем мы, парни! Все-таки это была великолепная игра. Мы им тоже хорошо врезали!..»

В этот момент две черные, обшитые листами брони массы возникли по обе стороны его защитной сферы. По правую руку появился Марк Ремилард — он сразу откинул щиток шлема, король тут же понял, что это всего-навсего голографическое трехмерное изображение. Слева же скафандр из почерневшего, обожженного светом звезд металла громоздился въявь, во всей ужасающей мощи. Щель в боку раскрылась — внутри он оказался пуст.

— Быстрее, — поторопил его Марк. — Полезай внутрь. Сбрось доспехи, одежду — они тебе не понадобятся. Я не могу открыто выступить против «маленького народа», но никто не запрещал мне

обучать других, как пользоваться церебральным генератором. Слушай, Эйкен, будет очень больно, но ты терпи. А теперь быстрее внутрь…

Подчиняясь окрику, король, не задумываясь, влез в скафандр. Щель сомкнулась. Он остался один в жуткой металлической коробке. Скафандр был необыкновенно велик для него — пришлось всплыть до тех пор, пока голова не оказалась в шлеме. В следующее мгновение что-то глубоко и больно вонзилось в паховую область с обеих сторон — тут же онемели ноги, все тело начало наливаться холодом.

«Это мы зашунтировали поток крови, теперь приступим к охлаждению. Терпи, у нас нет времени, фирвулаги уже сдвоили каре. Еще несколько минут, и они выстроятся шестиугольником. Ты уже убрал свою защитную сферу?»

«Да. ОН! Она уколола меня в шею!.. А-а-а…»

«Не ори. Не в шею, а в сонную артерию. Еще один шунт. Без паники. Прикажи своим людям держаться изо всех сил. Пусть выложат все и даже больше. Ты несколько секунд не сможешь участвовать в битве. Запомни, игра окончилась — фирвулаги начали битву!»

В скафандре стало совсем темно. Или это в глазах почернело?

Цанг!..

Какая-то противная жидкость заполнила рот, хлынула через нос.

«Это же блевотина. Я задыхаюсь… Тону! Тону!.. Не желаю!.. Нет дыхания, не чувствую тела. Святая Дева Мария, спаси, она буравит мне череп! Что же это такое?! Тысячи маленьких иголочек… Больно же! Выпустите меня… Я… наполняюсь энергией… Марк, останови свою чертову машину! Остановиостановиостанови… Сто-о-о-о-о-п! ??? Иисусе Христе…»

«Теперь видишь? Как с дальновидением?»

«Да. О да. ДА!..»

«Ищи исполнителя, через которого метнут удар, при этом не забывай готовить ответный заряд. Дыши глубже. Эйкен, они уже построились! Быстрее!.. Их надо опередить. Так, нормально. Ты работаешь в фазе психокинетического сокрушения, твой метавзгляд обеспечивает линию прицеливания. Что ты копаешься, педик несчастный! Дыши глубже. Ну представь, что заводишь часы, так же готовится удар. Взгляд, заводишь будильник — до отказа, черт тебя побери! Нашел Шарна и Айфу? Круши!! Будильник звенит… Бога ради, круши их, Эйкензабудьосвоемметаобъединении крушиихпареньбейбейбейвсеймощью!..»

Он так и поступил.

Ударил!

Здорово! В рядах фирвулагов что-то вспыхнуло — рвануло такое пламя, что подкравшаяся ночь на мгновение опешила, отступила. Он перенес прицел и ударил еще раз. Теперь что, конец игре? Это звучит горн? Солнце село. Больше он ничего не помнил. Он даже не понял, что Радужный мост просел под ним, багровым заревом вспыхнули купола и башни Нионели. Он вдруг каким-то внутренним замедленным взором углядел в бушующем вокруг кошмаре гибнущие сознания, мечущиеся сознания, разумы, вспыхивающие как солома, — ураганом по всему Золотому полю разносило искры мыслей.

Эйкен уставился в центр распадающегося вражеского шестиугольника и — вновь удар молнии. Чему быть, того не миновать. Вот он, мой путь к победе. Я одолел их! — Он ударил еще раз по левому крылу фирвулагов. Его словно слизнуло языком… Я одолел их, я проглотил их!..

Теперь это никогда не кончится.

«И все кончилось. Куда быстрее, чем я мог предположить…»

Эйкен очнулся. Он лежал на дымящейся земле в каком-то грязном намокшем ватнике, в рваных

брюках. Дугал сидел рядом с ним. Заметив, что король открыл глаза, он поднял голову и поднес к его губам чашку с тепловатой мутной водой. Было уже совсем темно, только горизонт к северу освещался заревом пожаров.

— Это степь горит, — объяснил Дугал. — Пал пошел мимо. Как вы, мой повелитель?

Эйкен попытался сесть. Острая боль внезапно пронзила череп, в глазах рассыпались искры. С трудом, с помощью Дугала, но он все-таки поднялся, бросил окрест дальновидящий лучик. Казалось, они с Дугалом — единственные, кто выжил после сражения. Вокруг были только мертвые тела…

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет и нет!..

— Возьмите себя в руки, Аслан. Многие наши люди живы. Они там, за разрушенным мостом. Им оказывают первую помощь, тяжелораненых сразу помещают в оболочки. Кто-то пустил слух, что вы пропали без вести, сгорели, говорят, в адском пламени, но я-то знал, что этого не может быть. Переплыл реку, принялся отыскивать — вот и нашел. Теперь мы тихонько поковыляем к маленькой лодочке — я тут припрятал в кустах, потом на аэропланчик — и домушки…

— Шарн… Айфа…

— Тю-тю… Сгинули! И больше половины этих пугал. Остальные бежали еще до того, как вы подожгли степь. На север, на запад, на юг, в джунгли. Никто не осмелился пересечь Нонол, и никто не осмелился слова поперек сказать, когда сбежавший Враг звал вас — Ваше Величество.

— Сбежавший? Марк исчез? — Эйкен вдруг успокоился, усмехнулся. — Да, мы были на волосок от гибели. Если бы не этот железный ящик, давным-давно запрещенный в эпохе Галактического Содружества!..

Возле Дугала на земле стоял почти угасший масляный светильник. Эйкен, почувствовав, что силы постепенно возвращаются к нему, усилием мысли раздул огонек. Так, с фонарем в руках, они побрели к реке. Шли медленно, спотыкаясь, поддерживая друг друга. В ночи темной бесформенной массой прорезались разрушенные трибуны, совершенно черные — видно обуглившиеся — стволы деревьев. Вдали блеснула поверхность реки. Тонкие струйки дыма тут и там тянулись в заштрихованное углем небо. Казалось, это души павших воинов отлетали в заповедное царство Таны…

Наконец они добрались до того места поля битвы, где стояли фирвулаги. Здесь тела были

навалены кучами — даже горами, что неприятно поразило Эйкена. Сколько же их полегло? Он не испытывал большой радости — как ни крути, а население Многоцветной Земли еще больше уменьшилось… В сторонке что-то блеснуло нежным зеленым светом. Они подошли поближе — перед ними на земле ровно и прямо стоял Поющий Камень. Как он сохранился в бушующем адском огне?

Дугал повыше поднял светильник, заглянул королю в лицо и испуганно спросил:

— Может, отдохнете на нем, мой повелитель?

Эйкен издал слабый смешок.

— В другой раз.

Он отвернулся от камня, выпрямился и зарыдал. В третий раз все приходилось начинать сначала! Сколько загублено жизней, сколько добра сожжено!.. Опять восстанавливать!.. Хватит ли сил? Руки опускаются, когда подумаешь о тщете человеческих усилий. Не лучше ли сразу на аэроплан и прямиком на Старую Землю?

На востоке тоненькой риской обозначился рассвет.

— Кто знает, что ждет нас впереди? — спросил он у Дугала и, не дождавшись ответа, продолжил: — М-да, неширок оказался шаг Мрака. Давай-ка,

парень, поищем твою лодчонку и взглянем, что творится там, на другом берегу реки.

В тот час, когда до разрушенного Надвратного Замка дошли ужасные новости о начавшемся сражении на Золотом поле, Тони Вейланду удалось улизнуть от бдительного ока Пеопео Бурке. Охваченный страхом за жизнь Ровены, он проявил изрядную смелость и изобретательность и сумел пробраться на «роплан», возвращавшийся в Нионель. Оставшееся до рассвета время он провел в тщетных поисках жены. Город опустел еще с вечера — жители мелкими группами, обходя пепелище, двигались на восток, в медовые луга. Утром Тони наткнулся на мастера-генетика Греги. Тот сидел на стволе поваленной ивы, грязный, измотанный до предела; рядом с ним спала молодая женщина, голова ее покоилась на коленях старика.

Грегори Прентис Браун, заметив вышагивающего по берегу Нонола Тони Вейланда, ткнул в него пальцем и захихикал.

— Ну-ну! Вернулся наконец! Веришь ли, мы за час добрались до этого места. Вот как драпали… Бедная Ровена совсем притомилась — всю дорогу плакала, а теперь вот заснула.

Тони поджал губы — он не собирался шутить.

— Где моя жена? Что вы с ней сделали?

— Ты, Тони, как в сказке, бродишь по белу свету, жену ищешь. Сколько железных башмаков стоптал, сколько посохов сбил, а жена твоя здесь. — Он указал на спящую у его ног красавицу.

Ровена открыла глаза, увидела Тони. Он стоял как столб, не мог слова вымолвить. Женщина порозовела, губы ее задрожали, она прижала руки к груди.

— Она это, она! — ухмыльнулся Греги. — Прошла через автоклав, полежала в целительной оболочке. Это мой первый опыт. Как находишь?

Она тихо сказала:

— Я так хотела понравиться тебе, Тони. Может, теперь ты останешься со мной?.. — робко спросила она.

Голос был такой родной, такой знакомый, что Вейланд горячо заговорил:

— Я люблю тебя, какая бы ты ни была. — Он коснулся рукой своего золотого ожерелья. — Если бы ты знала, как я люблю тебя! Я даже представить не мог. Теперь у меня золотое ожерелье. Теперь все будет хорошо.

— Скажи, ты сможешь полюбить меня такую? — настойчиво спросила Ровена.

— Глупенькая, конечно. Ты теперь сказочная

красавица, я подобной женщины никогда и не видывал. Но даже если бы ты осталась прежней, я бы любил тебя так же.

— Верь, не все во мне изменилось, — прошептала она и стыдливо рассмеялась.

Тони невольно привлек ее к себе, обнял. Она положила руку на свой живот.

— Я все думаю, ребенок будет больше похож на тебя или на меня?

Вейланд, ошеломленный, глянул на мастера-генетика. Тот подмигнул ему.

— Не мучай себя понапрасну. Какая разница, на кого будет похож крошка.

Мальчик проснулся от плеска весел и шороха камыша, сквозь заросли которого медленно продиралась лодка. Чистое небо клочками синело над головой, густо пахло болотным газом, сыростью, тлением. Вокруг на многие десятки верст лежали непролазные топи.

Парижская низина!..

Мальчик поднял голову — рядом сидела леди Мабино — Прядильщица Снов. Ее доброе, родное лицо склонилось над ним. Мальчик повернулся на бок — за Мабино на банке расположился старый Финодари, за ним два вооруженных карлика в обсидиановых доспехах и сетках против

комаров.

— Мама? Папа? Где они?.. — спросил мальчик. В этот момент память вернулась к нему, и он сжался от страха, заплакал: — Где папа и мама? Где братья, сестры? Что случилось?

— Веди себя достойно, Шарн-Адор, — сказала старая леди. — Ты же не ребенок, а молодой воин. Сестры твои, по-видимому, тоже спаслись — они теперь у жены Галбора — Хабертот. Она пока не разрешает связаться по дальней связи.

— Где папа и мама? — повысил голос принц.

— Они обрели покой в мире могучей Тэ. Твои родители до конца исполнили свой долг. Мы все гордимся ими. Теперь ты можешь поплакать. Помяни их добрым словом, сынок.

Позже, когда солнце поднялось высоко, мальчик устроился возле пневматического планшира note 34 и принялся внимательно изучать открывающиеся на носу лодки редкие островки, разводья, плотную стену трехметровых камышей… Утренний свет придавал его лицу красноватый оттенок — мальчик по-прежнему едва слышно скулил, потом затих, зачарованный вечной суетой живых существ, которая овладевает ими с началом дня.

---

note notes: Note34

брус, установленный как ограждение на лодках по верхнему краю борта

Справа на широкое блюдце чистой воды из тростниковой чащи выплыли на кормежку выводки диких уток. Невдалеке озорно хлопали крыльями молодые, нынешнего года, гуси. Не обращая внимания на приближающуюся лодку, царственно проплыл крупный лебедь. Слезы мгновенно высохли на темно-рыжих щеках Шарна-Адора — он указал на птицу и громко объявил:

— Это — король здешних мест. Когда я вырасту, тоже стану королем. Вы сберегли мое оружие и доспехи? — спросил он старого Финодари.

Карлики-охранники, сидевшие на корме, оглушительно захохотали. Леди Мабино поджала губы, Финодари широко раскрыл глаза, только лебедь не обратил никакого внимания на этот шум. Чуть склонил голову в сторону проплывающего суденышка и презрительно отвернулся.

— Все лежит на корме, малыш, — наконец ответил Финодари. — Но я надеюсь, ты не станешь перелезать через меня сейчас, я так умаялся за ночь. И вот еще что… Будет лучше, если ты будешь называть меня папой, а Мабино мамой… Ты меня понял, малыш?

— Да, господин, — тихо ответил Шарн-Адор.

Он повернулся в сторону заводи и долго следил за лебедем, пока тот не скрылся из глаз.

Минанан Еретик, казалось, выплыл из самой сердцевины расплавленного солнечного шара, только что выкатившего на небо из морских глубин. Защитная сфера беззвучно коснулась палубы, мгновенно растаяла. Алекс Манион, стоявший у борта, спокойно, даже с некоторым безразличием поприветствовал его.

— Я слежу за вами уже в течение трех часов. Добро пожаловать на «Кулликки».

— Следили за мной против солнца? — Светловолосый гигант недоверчиво поиграл белесыми бровями. — Это более чем чудо. Скорее подвиг… М-да, с вашим оперантским искусством, видимо, придется считаться.

— Какое искусство! Было когда-то!.. Но это долгая история.

— Смешно, но то же самое можно сказать и обо мне.

Человек, который некогда являлся вторым лицом в руководстве восстания, считавшийся другом Марка Ремиларда, долго и пытливо всматривался в бывшего Главного Стратега народа тану. Потом прищурился и спросил:

— Ты кофе любишь, длинноногий?

— А что, если люблю, коротышка? Вы, низкорожденные, всегда оказывали на нас самое

скверное влияние. Ввергаете в искушение, прививаете порочные наклонности…

— Кажется, подобные песни я слыхал задолго до сегодняшнего дня. — Алекс обернулся и кивком подозвал рыцаря тану. — Давай-ка, приятель, спустимся в камбуз, выпьем чашку-другую кофе, поболтаем… Господи, пока можно, насладимся покоем и тишиной. Как только проснутся женщины и дети, тут такое начнется… Эта чертова шхуна станет напоминать плавающий цирк.

Бэзил Уимборн посмотрел на Бурке, тот в свою очередь перевел взгляд на Лекока. Начальник охраны пожал плечами.

— Это что, последняя партия? — недоверчиво спросил вождь. — Больше никого нет?

— Выходит, так, — ответил офицер.

— И какое же общее количество? — поинтересовался Бэзил. — Я уже третий день как потерял счет.

— Всего-навсего одиннадцать тысяч триста тридцать два человека, вернее, существа, — сказал Лекок. — Куда меньше, чем ожидали. А тану и ревунов можно по пальцам пересчитать. — Он позволил себе снисходительно улыбнуться. — Подавляющее число возвратившихся были без ожерелий.

— Ну? — Бурке взглянул на Бэзила. — Кто первый? — Потом он посмотрел на машину времени, прикрытую сверху широким полотняным тентом.

Бэзил глянул в ту же сторону, задумчиво прищурился.

— Я бы мог написать замечательную книгу. Если вернусь…

Бурке почесал затылок.

— И молодой Мермелстейн в Солт-Лейк-Сити не откажется от моих услуг, если я захочу вернуться в свою старую юридическую контору…

Бэзил пожевал губами, кивнул в сторону начальника охраны.

— Вот Лекок рассказывает, что во внутренних Пиренеях есть просто удивительные вершины. Две, говорят, точно переваливают за восемь тысяч…

Бурке согласно кивнул.

— Мне тоже кажется, что вряд ли богатой юридической фирме придется ко двору вождь диких индейцев Пеопео Моксмокс, одетый в потертые кожаные штаны и рассказывающий невероятные истории, в которые невозможно поверить. К тому же этот индеец ни слова не понимает на идиш.

— Слушай, Фронси, — обратился Бэзил к девуш-

ке, сидевшей в аппаратной.

— Закрывай-ка ты эту штуковину. Выходит так, что мы остаемся…

Лекок не мог скрыть своей радости.

— Сейчас сюда прибудет мистер Бетси — интересно, какой парик будет у него на этот раз? Мы все отправимся в Ронию, попьем чайку… Или еще чего-нибудь…

Фронси тут же выскочила из будки, торопливо замкнула дверь стеклянным ключом — теперь добраться до пульта управления, не зная кода, было невозможно — и протянула ключ офицеру.

— Думаю, старик Бетси очень обрадуется, услышав подобное приглашение,

— сказала она и невозмутимо прибавила: — Просто порозовеет от удовольствия.

Он: Еще один прорыв суперповерхностной границы. На этот раз последний!

Она: Слава Богу! Семь гигантских шагов, и каждый все мучительней и мучительней. Уже и митигатор не помогает… Как Супруг Бреды мог преодолеть это расстояние за один присест — это выше моего разумения!..

Он: Все просто. Корабль пошел на риск, потому что спасался бегством. В подобных обстоятельствах, если тебе грозит плен или гибель, любой

решится…

Она: Вот-вот, насчет Корабля. Все ли мы знаем о нем? О выбранном им курсе? Конечно, можно считать, что он случайно натолкнулся на планету, где аборигены обладали схожим метапсихическим рисунком сознания и души, и главное, их наследственная плазма была совместима с генетическим кодом пришельцев. А что, если он знал, куда направлялся?..

Он: Анатолий Северинович утверждает, что его вело провидение. Но подобный философский взгляд просто поражает наивностью. Хотя в чем-то — в своей простоте, наверное, — может привлечь внимание, дать пищу для размышлений. Я говорю это без иронии. Простота — величайшая ценность! И если в рассуждениях удивительного монаха-матерщинника есть здравое зерно — а оно есть! — то нам следует всерьез заняться распутыванием этой тайны.

Она: Заняться? Нам?!

Он: Особенно мне! Как заметил твой дружок Крейн, предложенная им альтернатива «ментальному человеку» — задание куда более трудное. Вспомни, к чему он нас призывал: разобраться в причинах, заведших галактику Дуат в тупик и поставивших ее на грань самоуничтоже-

ния. Загадка в золотых ожерельях — кто, когда и почему прервал естественный ход эволюции? Задача трудная, она займет много времени.

Она: Времени?

Он: Конечно. Нам с тобой придется много потрудиться.

Она: Ты же только что ратовал за простоту решений.

Он: Но не упрощение… Мы еще так молоды, но нам уже хватает опыта, чтобы понять: принуждение не лучший способ достижения цели. Нам предстоит многому научиться, Элизабет. Меня об этом еще Джек предупреждал.

Она: Конечно, Марк.

Он: Тогда вперед! Обними меня покрепче, сейчас начнем прорывать суперповерхностную плевру. Смелее, Элизабет! Остался только шаг… Последни-и-и-и-й!..

Она: Я… Я ду-у-у-маю… первы-ы-ы-ы-й…

Они вынырнули в нашем трехмерном континууме и замерли от восхищения — галактика Дуат лежала совсем рядом. Размерами она значительно меньше Млечного Пути, но так же прекрасна и таинственна. Полнились сияющими крупными звездами спиралевидные отростки. Всего в Дуат насчитывалось около одиннадцати тысяч

населенных миров. По другую сторону от Дуат, справа, за спинами пришельцев лежала обширная туманность. В центре ее разгоралась двойная звезда — голубое и тускло-оранжевое светила уже которое миллионолетие заглатывали космическую пыль, уплотнялись, наливались жаром. Им еще некуда было направить свои животворящие лучи — комковатые зародыши планет были едва заметны в темном облаке пыли, но за ними — в полнеба! — полыхали тысячи других звезд, мириады других, уже наполненных светом и жизнью миров. Их сонм был неисчислим…

— Слушай! — выкрикнула упрятанная в бронированный скафандр Элизабет.

— В эфире нет никаких признаков Галактического Разума. Так, отрывочные мысли, сообщения… Но они очень близки к организации межзвездного единства. Возможно, это им удастся куда легче, чем нам?

— Нет, легче не будет, но мы поможем им справиться с трудностями.

Марк вдруг вскрикнул.

На усыпанном звездами шаросводе, почти у их ног, на фоне гигантской закрученной ветви, плясали громадные кристаллические существа, напоминающие корабли. В телепатическом эфи-

ре вдруг грянула Песня…

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕ И D-ПЕРЕХОДА

В Галактическом Содружестве перелеты со сверхсветовыми скоростями осуществлялись посредством «деформирования» привычного пространственно-временного континуума ипсилон-полем. Этот физический феномен — одно из краеугольных явлений, на котором строится весь окружающий мир. Такое поле может быть создано искусственно с помощью специального устройства, называемого сверхсветовым преобразователем (генератором і-поля), или — в редчайших случаях! — метапсихическим усилием разумного существа, владеющего способностью к телепортации.

В обычном путешествии со сверхсветовой скоростью генератор і-поля, увеличивая его напряженность, прорывает — утончает и сводит на нет — суперповерхностную границу между привычным континуумом и гиперпространственной матрицей. Позже так стали называть

и саму область гиперпространства, или «гипер», «подпространство», «серая темница». Опыты с обладающими ощущениями существами показали, что в процессе прорыва суперповерхностного барьера наблюдаются некоторые болевые ощущения. По их степени можно судить об интенсивности (а значит, дальности) перемещения.

Как только корабль попадает в гиперпространственную матрицу, навигационные ЭВМ начинают вычислять так называемую гиперпространственную цепочку, или вектор в подпространстве (в разговоре его часто называют «серый след», «гиперразрез» и т.д.). Вот об этом промежутке субъективно ощущаемого времени можно сказать, что корабль столько-то секунд, минут и т.п. двигался вдоль вектора в подпространстве. Их положение в любой данный момент определяется как псевдоместоположение. В матрице корабль может остановиться и изменить направление. Когда вектор описан с исчерпывающей полнотой, корабль выходит точно в заданный район, где вновь прорывает суперповерхностную границу и выходит в обычное пространство. Любая авария, связанная с потерей энергии во время гиперпространственного перелета, грозит выбросить корабль из матрицы. Человек, пыта-

ющийся совершить d-переход, должен четко и последовательно представить себе желанную цель. В противном случае любая нерешительность, колебания приведут к тому, что объект окажется в обычной реальности. Проще говоря, вектор должен быть осознан и прочувствован до мельчайших деталей. Эффект «резиновой ленты» («резинки») возникает тогда, когда кораблю или существу не хватает энергии полностью преодолеть межпространственную границу. В этом случае объект размазывается по всей длине вектора и мгновенно возвращается в исходную точку. Для борьбы с «резинкой» применяются особые физические и метапсихические программы.

На космических кораблях используются преобразователи различной мощности. Для полетов со скоростью, чуть большей, чем скорость света (или, как их называют, сверхсветовые перевозки), а также в околопланетном пространстве обитаемых планет, например в атмосфере, на борту устанавливается безынерционный двигатель, работающий на энергии генератора ро-поля.

Ро-поле — еще одна базовая составляющая, определяющая характер нашей Вселенной. Согласно воззрениям теоретиков Галактического Содружества, оно состоит из двадцати одного на-

ложенного друг на друга «поля», или измерения. Построенное в виде всеобщей решетки, ро-поле способно порождать пространство, время, материю, энергию, жизнь, сознание. Считается, что столь «громкие» в некотором смысле понятия являются вариациями структур ро-поля. Однако бытие как таковое определяется не только характеристиками ро-поля.

Генераторы i-поля в атмосфере планеты обычно выключаются. Необходимость создания «большого отверстия» для проникновения в гиперпространство, огромный расход энергии вызывают побочные эффекты. Атмосфера чудовищно ионизируется, что может доставить много неприятностей, а то и явиться серьезной угрозой хрупким инфраструктурам, поддерживающим жизнедеятельность развитых цивилизованных обществ. Значительно меньше энергии требуется для индивидуального d-перехода. При его осуществлении окружающая среда практически не подвергается вредным воздействиям. Правда, эта психофизическая способность пока крайне редка, но когда число подобных оперантов увеличится, тогда и придет время поставить этот вопрос на суд общественности.

Капитан космического корабля, отправляюще-

гося в полет, прежде всего должен четко уяснить для себя: как далеко расположен пункт прибытия; как быстро он собирается добраться туда; какова степень болевых ощущений, которую согласны выдержать пассажиры, команда и он сам.

«Медленное» перемещение, или «долгий» вектор, занимает наибольшее количество субъективного времени, однако при этом люди при пересечении границ матрицы испытывают наименьшие страдания. «Быстрое» перемещение, или «плотный» вектор («быстрый след», «короткий поводок» и т.д.), позволяет значительно ускорить ход, но такое путешествие обходится людям и кораблю дороже: резко возрастает нагрузка на оборудование и человеческую психику. Нетерпеливые космонавты вынуждены принимать специальные препараты, чтобы превозмочь боль. Подобные неуемные бродяги относятся к медленно шествующим пассажирам как к трусливым кроликам — так их и называют.

Если расстояние очень велико, рейсовый пассажирский корабль обычно добирается до цели с несколькими пересадками. Фактор перемещения (df) note 35 не позволяет неподготовленному

---

note notes: Note35

displacement factor — единица измерения субъективного времени в гиперпространстве

человеку за один переход получить более 40 df. Это расстояние равно примерно сорока световым годам, что соответствует одному субъективному дню, проведенному в матрице. Например, космическому лайнеру «Куин Элизабет III», чтобы добраться до звездной системы, расположенной в восьмидесяти световых годах от Земли, надо потратить два субъективных дня в гиперпространстве (что соответствует двум реальным земным дням). Следует учитывать, что каждый прорыв в матрицу, естественно, связан с болевыми ощущениями.

Впрочем, все люди по-разному переносят прорыв в «серую темницу». Некоторые экзотики обладают гораздо большей устойчивостью, чем люди, например обладающие каменными телами кронданки — (370 df), живущие на самом краю Галактического Содружества. Ричард Вурхид както принял 250 df за 136 суток при полете к Кисти Геркулеса (M13, или NGC6205 по современному каталогу). Позже, под тем же девизом направляясь к Ориссе, он выдержал 10 df за 17 суток.

Очевидно, что эти два обстоятельства — биологическое и энергетическое

— ограничивают возможности сверхсветовых перелетов. Тем не менее к моменту, когда раз-

ворачиваются действия «Саги об изгнанниках в плиоцен», пять экзотических рас — основателей Галактического Содружества уже успели картографировать и описать практически всю нашу галактику Млечный Путь (за исключением центральных областей ядра, куда вообще невозможно проникнуть). Всего в объеме радиусом 10.000 световых лет оказалось около тысячи пригодных для освоения планет, так что для путешествий за пределы галактики особых побудительных социально-экономических причин как бы не существовало, и в конце концов межгалактические перелеты были негласно запрещены. Например, чтобы добраться до наших ближайших соседей в Туманности Андромеды (2,2 млн. световых лет), корабль с людьми на борту должен был затратить двадцать четыре года и столько же на обратный путь. Даже если все члены экспедиции отправятся туда в самом юном возрасте, все равно расстояние столь велико, что ни один здравомыслящий человек не согласится принять участие в столь рискованном перелете. Правда, попытки тайно отправиться к Туманности Андромеды были, но все они закончились плачевно.

Известные по рассказам экзотиков такие фор-

мы жизни, как Корабли — один из которых, Супруг Бреды, доставил тану и фирвулагов из отдаленной галактики Дуат на Землю эпохи плиоцена, — обладали уникальной выносливостью к болевым ощущениям, «плотность вектора» для них не имела особого значения. Корабли в своих сезонных переходах по просторам Вселенной использовали так называемые митигаторы — особые ментальные программы, которые понижали невыносимую боль до терпимого уровня при наборе большого числа df. Корабли учили своих пассажиров, размещавшихся в полостях размерами со средний звездолет, как составить и запустить свою личную программу. В пределах галактики Дуат и ее окрестностей это средство действовало безотказно, поэтому Корабли любой точки в Дуат могли достичь за считанные минуты или в крайнем случае часы. D-переход — это один прыжок, при котором не может быть никаких остановок, как при движении «медленного» транспортного судна. По-видимому, Супруг Бреды не совсем точно рассчитал свои силы, совершая d-переход к Земле. Расстояние между Дуат и Млечным Путем составляет 270 млн. световых лет. Его гибель доказывает, что даже самые выносливые и приспособленные к

условиям космоса существа имеют свой предел.

Марк Ремилард осуществлял d-переходы почти по тому же принципу, что и Корабль. Его первоначальные короткие экскурсии в околоземном пространстве совершались мгновенно. Когда же Марк начал осваивать области в пределах Млечного Пути, то отправлялся в полет в особых доспехах и подпитывался энергией от церебрального генератора, с помощью которого поддерживал свое тело, за исключением мозга, в стабильном состоянии. Ремилард усилием воли перемещал только свой разум — этот небольшой материальный объект; тело же двигалось «вслед» за ним по очень сложной уникальной программе. При этом резко снижались порог болевых ощущений и количество потребной метапсихической энергии. После длительных опытов Марк смог установить свой предел — около 18 тысяч парсеков.

Митигатор теоретически можно было использовать и на обычном звездолете, если только пассажиры обладали определенными метапсихическими навыками и могли работать с ментальными программами. Поэтому абсолютных теоретических запретов на создание ультрасверхсветового звездолета фактически не было, и

модели, построенные в Галактическом Содружестве, имели ограничения по дальности не из-за несовершенства конструкций или неясности теоретических расчетов, а вследствие хрупкости разума, управляющего подобным звездолетом.